U of Chicago

AP 50
.M67
V. 12
NO. 11

AP 50
.M67
V.12
NO.11

35
M64 1903e

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ד' סיון

Годъ XII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

№ 627

НОЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP50
.N67
v.12
no.11

Дозволено цензурою 28-го октября 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. П. И. ЧАЙКОВСКІЙ. Къ 10-й годовщинѣ со дня его смерти (24-го октября 1893 года). **Виктора Вальтера** 1
2. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. (Продолженіе). **Семена Юшкевича.** 35
3. НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ФИЛОСОФІИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ. Проф. **Р. Виппера** 60
4. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **Ивана Бунина.** 81
5. ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. (Продолженіе). **А. Рыкачева.** 82
6. ПОЛУЖИВОТНОЕ. Романъ **Елены Белау.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.** 98
7. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **А. Ѳедорова.** 133
8. СУМАСШЕДШІЙ. Разсказъ **М. Арцыбашева** 134
9. ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА. (Окончаніе). **Г. Маркелова.** 145
10. АВГУСТА ДЕ-ВИТТЪ: I) НЕНАВИСТЬ. II) МАТЬ. Разсказы. Переводъ съ голландскаго **А. Полторацкой-Вейнбергъ.** 161
11. ЧТО ЧИТАЕТЪ И ЧѢМЪ ИНТЕРЕСУЕТСЯ УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ. **К. Левина.** 185
12. ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Академика **И. П. Бородина.** 199
13. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Окончаніе). **И. Потапенка.** 211
14. ПРОБЛЕМЫ ХИМІИ ВЪ ОБЛАСТИ ПИТАТЕЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. **Вл. Асмусъ-Челинцева.** 247
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА: ПОТОКЪ. **О. Чюминой.** 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Защита классической школы—«Античный міръ и мы» проф. Зѣлинскаго.—Увлеченія спеціалиста. — Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма. — Будущая школа.— Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова. **А. Б.** 1
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Воспоминанія объ И. С.

стр.

Тургеневѣ.—Нѣсколько словъ по поводу замѣтки «Открытіе памятника И. П. Котляревскому».—Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ.—Женщины - волостные писаря.—Въ собраніи тверскихъ учителей.—Отголоски гомельскихъ безпорядковъ.—Въ родныхъ палестинахъ.—Студенческое общество.—Ходатайство приказчиковъ и кондукторовъ.—За мѣсяцъ 13

18. ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КУПЕЧЕСКИХЪ ПРИКАЗЧИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ. 29

19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Вѣстникъ Европы»—октябрь. «Русское Богатство»—августъ и сентябрь. «Русская Старина»—октябрь). 33

20. **За границей.** Темныя точки на европейскомъ горизонтѣ.—Венгерскій кризисъ.—Культуркампфъ во Франціи.—Феминизмъ въ политико-экономическомъ обществѣ.—Въ Германіи.—Боснійскій Мазаніелло.—Феминизмъ въ Германіи и др. мѣстахъ 44

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Дѣло Дрейфуса и французская литература.—Кризисъ на французскомъ книжномъ рынкѣ.—Взглядъ геолога на войну.—Женское избирательное право въ Новой Зеландіи 58

22. ПИСЬМО ИЗЪ КИТАЯ. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КИТАѢ. **В. В. Корсакова** 62

23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Соціологія и политическая экономія,—Философія.—Антропологія и этнографія.—Естествознаніе.—Географія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 72

24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 112

25. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Новое о радіоактивности. **В. Агафонова** 115

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 49

27. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 95

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Е. В. ТАРЛЕ.

ОЧЕРКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Съ отдѣльными портретами на мѣловой бумагѣ.

Въ предлагаемой книгѣ, предназначенной для такихъ читателей, которые не имѣютъ возможности детальнымъ образомъ изучить всю исторію XIX столѣтія, взятую въ цѣломъ,—авторъ задался цѣлью отмѣтить кое-какія черты изъ западно-европейскаго прошлаго, которыя показались ему не лишенными серьезнаго историческаго интереса. Въ книгу вошли слѣдующіе очерки: характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ въ XIX вѣкѣ.—Дѣло Бабефа.—Политическій дѣятель старой Франціи (Ройе-Колларъ).—Англійская годовщина (къ 75-лѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга).—Гамбетта и его мѣсто въ исторіи третьей республики.—Чарльзъ Парнель.—Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія.

Спб., 1903 г. Стр. 2 нен. + II + 367 + 3 нен. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 35 к.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18 и Москва, Кузнецкій мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1904** г. (IX г. изд.).

на иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

24 нумера и безплатное приложеніе.

„ВСХОДЫ“

Ц. на г. 5 р.
½ г. 2 р. 50 к.

Допущенъ всѣми вѣдомствами для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—въ больш. форм. отъ 5—6 печатн. лист.—въ два столбца, разнообразнаго содержанія, б) 15-го—въ маломъ форм.—отъ 7 до 14 печатн. лист., содержащихъ въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей **А. Н. Анненская.**

Въ журналѣ помѣщается ежемѣсячно: 1) **Небольшой отдѣлъ съ особой нумераціей для дѣтей дошкольнаго возраста и 2) для родителей—Критическій указатель дѣтской литературы.**

Въ 1904 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ видѣ безплатнаго приложенія годовымъ подписчикамъ будетъ дано въ 1904 г. на выборъ одно изъ слѣдующихъ двухъ произведеній: **«Колумбово яйцо».**

Сборникъ научныхъ игръ и развлеченій. Сост. по новѣйшимъ источникамъ **И. Игнатьевымъ.** Большой томъ съ многочисленными рисунками въ текстѣ.

«Міръ животныхъ» въ очеркахъ и картинахъ. **Э. Пименовой.** Новое переработанное изданіе въ 3-хъ част. съ многочисленными рис. въ текстѣ.

Въ №№ журнала въ 1904 году будетъ напечатано между прочимъ. *«Ассанъ-хызъ».* Пов. изъ быта крымскихъ татаръ. А. Алтаева. *«Іоаннъ Гусъ».* Біогр. повѣсть. Его же—*«Подъ солнцемъ Индіи».* Путевыя письма. Э. Геккеля. Обраб. И. Игнатьевъ.—*«Въ лѣсахъ Литвы».* Историч. пов. С. Мицлова. *«Дѣти на прокатъ».* Пов. О. Ольнотъ. Пер. съ англ. З. Раговиной.—*«Черезъ Севастополь».* В. Пинчука. *«На дальнемъ западѣ».* Изъ воспоминаній о Техасѣ. З. Рагозиной.—*«По великому сибирскому пути.»* Письма съ дороги. В. Сѣрошевскаго. Рядъ обычныхъ научно-популярныхъ статей по различнымъ отраслямъ знанія П. Вольногорскаго, И. Игнатьева, А. Нечаева и др.

Цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 5 р., на ½ года 2 р. 50 к. Годовые подписчики, желающіе получать книжки малаго формата въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, доплачиваютъ 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 27; въ кн. маг. «Образованіе»: Одесса, Ришельевская, 12; въ конторѣ Печковской: Москва, Петровскія линіи,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. ***Э. Монтвидъ.***

НОВЫЯ КНИГИ.

(Изданія редакціи журнала „Міръ Божій“).

Челпановъ. «Мозгъ и душа», 2-ое изд. Ц. **1 р. 50 к.**

Его же. «О памяти и мнемоникѣ», 2 изд. Ц. **60 к.**

Рожковъ. «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія» (ч. I. «Кіевская Русь съ VI-го до конца XII-го в.»). Ц. **80 коп.**

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго Фонда“) въ восьми большихъ книгахъ.

Цѣна по подпискѣ безъ пересылки **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится **4 рубля**, и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ **8 книгъ**; затѣмъ уплачивается по **3 рубля** при выдачѣ **I** и **II** книгъ; по **2 рубля** при выдачѣ **III, IV, V, VI** и **VII** книгъ, а **VIII** книга будетъ выдана безплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

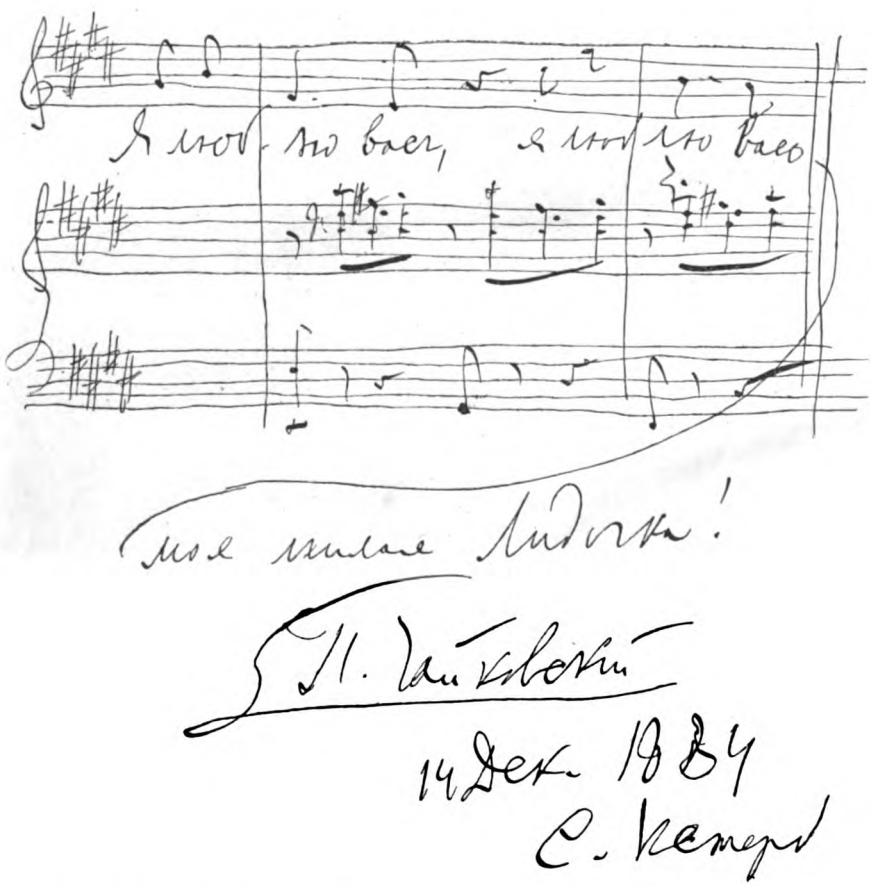
По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ повышена.

Каждая книга выходитъ черезъ два—три мѣсяца.

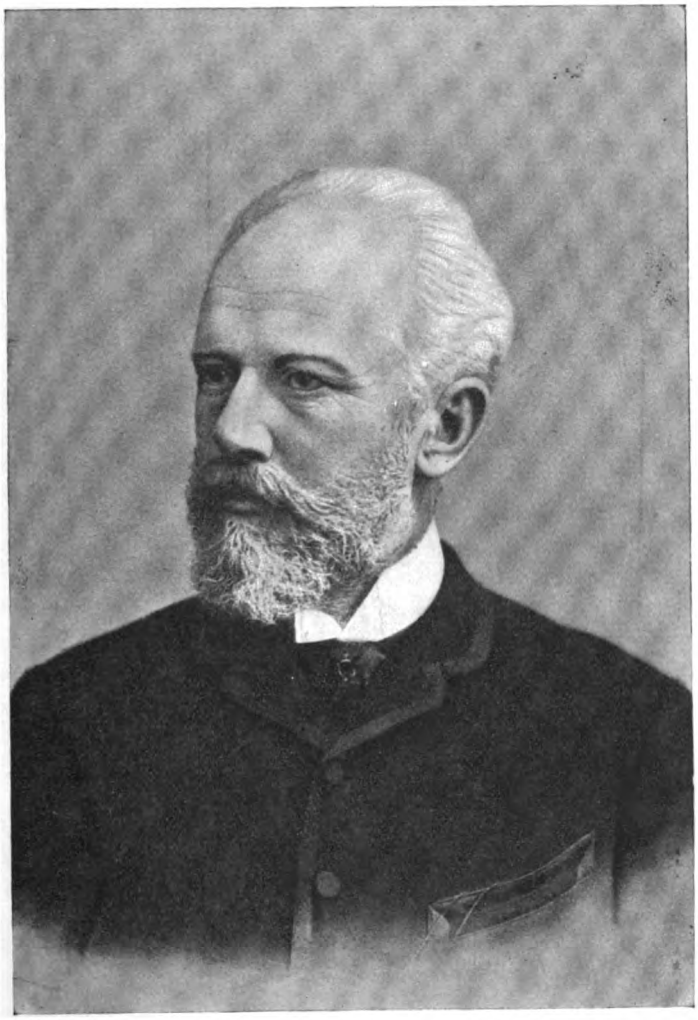
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

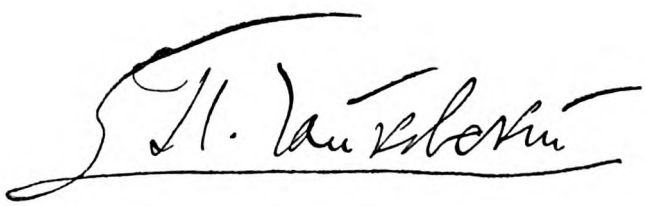
въ книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича**, въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.



Примѣчаніе. Этотъ автографъ (аріозо Ленскаго изъ I-го акта оперы „Евгеній Онѣгинъ“) написанъ П. И. Чайковскимъ въ альбомъ Лидіи Карловны Туганъ-Барановской (Давыдовой), когда ей было четырнадцать лѣтъ. *Ред.*





П. И. ЧАЙКОВСКІЙ.

Къ 10-й годовщинѣ со дня его смерти (24-го октября 1893 года).

24-го октября нынѣшняго года исполнилось десять лѣтъ со дня смерти композитора, достигшаго небывалой до него (для русскаго композитора) извѣстности и популярности не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей, гдѣ имя его въ настоящее время является украшеніемъ большинства концертныхъ программъ.

Композиторъ этотъ—Петръ Ильичъ Чайковскій.

Въ большой трехтомной біографіи его, изданной его братомъ Модестомъ *), мы имѣемъ богатый матеріалъ для возсозданія обаятельной личности Чайковского, личности, такъ живо и трогательно воплотившейся въ его музыкѣ. Бываютъ художники, для которыхъ весь смыслъ жизни сосредоточивается въ процессѣ творчества, и творенія которыхъ являются какъ бы продолженіемъ, можетъ быть, безсмертнымъ, ихъ личной жизни. Чайковскій, окончивъ свою шестую симфонію, могъ съ полнымъ правомъ повторить слова поэта: «Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ», и мы увидимъ далѣе, что съ окончаніемъ этой симфоніи Чайковскій почувствовалъ свой земной долгъ выполненнымъ, смыслъ своей жизни исчерпаннымъ—отсюда его спокойное настроеніе, смѣнившее передъ смертью его вѣчную душевную неудовлетворенность и страданія.

Субъективность творчества Чайковскаго является наиболѣе характерной для него чертой, и съ этой точки зрѣнія, т.-е. въ выясненіи связи его личной жизни съ его произведеніями, біографія его доставляетъ чрезвычайно интересныя данныя.

П. И. Чайковскій родился 25-го апрѣля 1840 года въ камско-воткинскомъ заводѣ, гдѣ отецъ его, получившій образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ директоромъ съ 1837 года. Дѣтство П. И. протекло въ чрезвычайно благопріятной обстановкѣ. Домъ родителей его былъ въ матеріальномъ отношеніи, что называется, «полной чашей», и, благодаря гостепріимству отца и исключительной привлекательности матери, любимымъ мѣстомъ сборища служащихъ на

*) „Жизнь П. И. Чайковскаго". 3 т. Изд. П. Юргенсона. Москва.

заводѣ. Въ моральномъ отношеніи семья Чайковскихъ преисполнена была дружества и нѣжной взаимной любви ея членовъ, главнымъ источникомъ которой была обожаемая всѣми мать П. И., Александра Андреевна, урожденная Ассіеръ*). Въ ранней молодости П. И. семья Чайковскихъ стояла изъ старшаго брата Николая, и младшихъ П. И. брата Ипполита и сестры Александры. Братья-близнецы Анатолій и Модестъ, игравшіе большую роль въ жизни П. И., родились позже— въ 1850 году.

Учиться П. И. началъ очень рано и по собственнымъ настояніямъ, еще 4½ лѣтъ. Учился онъ легко, такъ что шести лѣтъ уже свободно читалъ по-французски и по-нѣмецки. Уже въ раннемъ возрастѣ П. И. отличался тою способностью безсознательно чаровать всѣхъ окружающихъ, которая сохранилась въ немъ до самой смерти и такъ ярко отразилась въ его музыкѣ. Въ чемъ состояла эта способность, опредѣлить невозможно, но она была причиной того, что дѣтство П. И. было окружено атмосферой любви. Другой характерной чертой П. И., въ раннемъ дѣтствѣ была чрезмѣрная его чувствительность и нервность, быть можетъ унаслѣдованная имъ черезъ мать отъ дѣда Ассіера, страдавшаго припадками, близкими къ эпилепсіи. Съ этой же стороны, вѣроятно, унаслѣдовалъ П. И. и музыкальныя способности**), которыя обнаружились въ немъ очень рано: пяти лѣтъ онъ вѣрно подбиралъ на роялѣ слышанную имъ (въ домѣ была оркестрина) музыку. Видя страсть ребенка къ музыкѣ, родители рано начали его учить на роялѣ. Первой учительницей его была М. М. Пальчикова (изъ крѣпостныхъ), которую даровитый ученикъ скоро догналъ въ музыкальномъ отношеніи, такъ какъ уже въ 1848 году читалъ ноты не хуже своей учительницы.

Безмятежное житье Чайковскихъ въ Воткинскѣ было прервано вслѣдствіе потери отцомъ своего мѣста въ февралѣ 1848 года. Уже въ началѣ 49-го года, впрочемъ, отецъ П. И. получилъ другое мѣсто— управляющаго алапаевскими и нижне-невянскими заводами наслѣдниковъ Яковлева, куда семья Чайковскихъ и переселилась въ маѣ того же года. Промежуточное время Чайковскіе прожили частью въ Москвѣ, большею же частью въ Петербургѣ, гдѣ П. И. перенесъ въ это время корь, осложнившуюся нервными припадками (доктора опредѣлили болѣзнь спинного мозга), заставившими его на полгода прекратить всякія занятія. До своей болѣзни П. И. успѣлъ въ Петербургѣ болѣе основательно заняться музыкой съ учителемъ Филипповымъ, что сильно подвинуло впередъ его игру на роялѣ.

Въ Алапаевѣ П. И. прожилъ въ семейной обстановкѣ недолго, такъ-

*) Ея отецъ былъ католикъ-французъ, явившійся въ Россію изъ Пруссіи; мать была русская, урожденная Е. М. Попова.

**) Его мать и сестра матери мило пѣли.

какъ уже осенью 1850 года мать отвезла его въ Петербургъ для поступленія въ приготовительный классъ училища правовѣдѣнія. Здѣсь П. И. пришлось испытать первое душевное потрясеніе, оставшееся для него на всю жизнь однимъ изъ самыхъ ужасныхъ воспоминаній—разлуку съ матерью. «Никогда въ жизни безъ содроганія ужаса П. И. не могъ говорить о моментѣ разставанія съ матерью»... «До самой смерти онъ никогда не могъ помириться, никогда не могъ забыть жгучаго чувства обиды, отчаянія, которое испытывалъ, бѣжа за экипажемъ, отрывающимъ у него мать».

Въ пансіонѣ приготовительнаго класса училища правовѣдѣнія П. И. прожилъ всего два года, такъ какъ весною 1852 года вся семья Чайковскихъ покинула Алапаевъ и поселилась въ Петербургѣ. Отецъ П. И., обезпеченный казенной пенсіей въ 2.000 р. и капиталомъ, составившимся изъ сбереженій, покинулъ службу, и всѣ члены семьи Чайковскихъ могли вновь соединиться въ свой дружескій кружокъ. Въ это время П. И. перешелъ въ VII классъ училища правовѣдѣнія. Въ этомъ учебномъ заведеніи П. И. пробылъ до 1859 года, когда окончивъ ученіе, поступилъ на службу въ министерство юстиціи съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Изъ семейныхъ событій за этотъ періодъ времени нужно отмѣтить страшное душевное огорченіе П. И. и всей семьи вслѣдствіе потери обожаемой матери, умершей отъ холеры въ іюнѣ 1854 года.

Другимъ важнымъ событіемъ была потеря весной 1858 года всего состоянія отцомъ П. И., довѣрившимъ свой капиталъ одной г-жѣ Я., которая оказалась несостоятельной. На 67 году жизни пришлось старику отцу вновь искать мѣста, которое онъ вскорѣ и получилъ, будучи назначенъ осенью того же года директоромъ технологическаго института.

Въ училищѣ правовѣдѣнія П. И. занимался добросовѣстно и безъ трудностей, исключая математики, къ которой онъ былъ совершенно неспособенъ. Біографъ П. И. отмѣчаетъ, что въ итогѣ вліяніе училища на нравственное и умственное развитіе его дало только отрицательные результаты. Изъ близкихъ къ П. И. товарищей его по училищу нужно назвать поэта Апухтина, интимная дружба котораго съ П. И. сохранилась до смерти поэта въ 1893 году.

Музыкальныя занятія П. И. за этотъ періодъ времени значительно подвинулись, благодаря урокамъ извѣстнаго педагога на фортепіано Р. В. Кюндингера и Г. А. Ломакина, который преподавалъ хоровое пѣніе въ училищѣ. П. И. былъ для Ломакина цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ хорѣ, такъ какъ, благодаря его слуху, а въ раннемъ возрастѣ и отличному сопрано, онъ могъ поручать ему отвѣтственныя партіи. Оба эти учителя, однако, вовсе не предвидѣли въ своемъ ученикѣ будущую музыкальную славу Россіи—это былъ способный мальчикъ, и больше ничего. Точно также относились къ П. И. и товарищи, и знакомые, и

семья: всѣ любили слушать его фантазированіе на роялѣ, но никто не смотрѣлъ на его музыку, какъ на серьезное дѣло, имѣющее будущность. Серьезнѣе всѣхъ, пожалуй, относился къ этому вопросу отецъ П. И., который самъ позаботился доставить ему частные уроки у Кюндингера, и первый же заговорилъ позже (въ 61 году) о серьезныхъ занятіяхъ музыкой.

Ко времени окончанія училища П. И., хотя очень недурно для любителя игралъ и особенно фантазировалъ на роялѣ, но по музыкальному развитію стоялъ гораздо ниже, чѣмъ средній диллетантъ теперешняго времени. Причиной былъ общій низкій уровень музыкальнаго развитія въ Россіи въ то время. Симфоническая музыка въ концертахъ тогда совсѣмъ не исполнялась; изученіе ея въ фортепіанныхъ переложеніяхъ было очень мало въ ходу, да и ноты стоили дорого. Въ оперѣ царили тогда итальянцы, горячимъ приверженцемъ коихъ былъ въ то время и П. И. Эта любовь къ итальянской музыкѣ, хотя и въ гораздо меньшей степени, сохранилась у П. И. во всю жизнь. Съ итальянцами могли конкурировать въ душѣ П. И., въ то время, только «Жизнь за Царя», «Донъ-Жуанъ» Моцарта и «Фрейшютцъ». Насколько отчетливо сознавалъ П. И. свое настоящее призваніе въ то время, трудно сказать. Вѣрнѣе всего, что онъ скрывалъ свои мечты въ глубинѣ души, не безъ основанія опасаясь, что окружающіе отнеслись бы къ нимъ недовѣрчиво. Изъ композиторскихъ попытокъ того времени сохранился только одинъ романсъ на слова Фета, музыка котораго не заключала даже намека на большое дарованіе.

Къ своей службѣ въ Министерствѣ П. И. относился также, какъ и къ своимъ занятіямъ въ училищѣ—добросовѣстно, но абсолютно равнодушно: хорошаго чиновника изъ него не вышло, и дальше помощника столоначальника онъ не пошелъ. Впрочемъ, служба его окончилась уже въ 1863 году, когда, отдавшись музыкальнымъ занятіямъ, П. И. увидѣлъ несовмѣстимость ихъ со службой.

Два года послѣ окончанія училища были посвящены П. И. свѣтской жизни, любительскимъ спектаклямъ, посѣщенію итальянской оперы и французскаго театра. Въ 1861 году онъ съѣздилъ на три мѣсяца за границу въ качествѣ спутника, знавшаго иностранные языки, нѣкоего инженера В. В. И за границей жизнь П. И. была посвящена исключительно удовольствіямъ. Вотъ какъ пишетъ онъ по возвращеніи въ Петербургъ своей сестрѣ Александрѣ Ильинишнѣ Давыдовой (она вышла замужъ въ ноябрѣ 1860 года и жила въ деревнѣ въ Кіевской губерніи) 23 октября 1861 года: «Ты знаешь мою слабость. Когда у меня есть деньги въ карманѣ, я ихъ жертвую на удовольствія; это подло, это глупо, я знаю... но (опять-таки по слабости) не смотрю ни на что и веселюсь. Таковъ мой характеръ. Чѣмъ я кончу? Что обѣщаетъ мнѣ будущее? Объ этомъ страшно и подумать. Я знаю, что рано или поздно (но скорѣе рано) я не въ силахъ буду бороться съ

трудной стороной жизни и разобьюсь въ дребезги, а до тѣхъ поръ я наслаждаюсь жизнью, какъ могу, и все жертвую для наслажденія».

Мы сейчасъ же увидимъ, что этотъ образъ жизни и мыслей были только преходящимъ моментомъ въ жизни П. И. Стоило ему прикоснуться къ тайнамъ искусства, для котораго онъ былъ рожденъ, и перерожденіе стало неизбѣжнымъ и чрезвычайно быстрымъ. Жизнерадостный юноша всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что жизнь имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ испытанныя имъ до сихъ поръ наслажденія, и что высшее, неисчерпаемое наслажденіе для человѣка, одареннаго творческимъ талантомъ, есть творческій трудъ.

Уже въ концѣ вышеприведеннаго письма къ сестрѣ мы встрѣчаемъ приписку: «Я началъ заниматься генералъ-басомъ (отдѣлъ теоріи музыки) и дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно. Кто знаетъ, можетъ быть, ты года черезъ три будешь слушать мои оперы и пѣть мои аріи».

Внѣшнимъ поводомъ къ серьезнымъ занятіямъ П. И. музыкой было открытіе во дворцѣ в. к. Елены Павловны въ сентябрѣ 1861 года. музыкальныхъ классовъ, бывшихъ зерномъ консерваторіи, возникшей въ слѣдующемъ году. Творцомъ и главнымъ руководителемъ этого учрежденія былъ Антонъ Рубинштейнъ. Въ эти-то классы и поступилъ П. И.

Другимъ важнымъ толчкомъ, произведшимъ переворотъ въ жизни П. И., было сдѣланное имъ въ одинъ тусклый вечеръ открытіе, что его 10-ти-лѣтніе братья, Анатолій и Модестъ, несмотря на жизнь вполнѣ обезпеченную матеріально, живутъ лишенные духовнаго руководительства, а главное материнской любви. Его чуткое, способное къ безграничной любви сердце содрогнулось при видѣ мальчиковъ, тоскливо бродящихъ по огромной квартирѣ, и онъ рѣшилъ замѣнить имъ мать, и «съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ 16 лѣтъ спустя:—между мной и младшими братьями образовались такого рода отношенія, что какъ я люблю ихъ больше самого себя и готовъ для нихъ на всякую жертву, такъ и они безпредѣльно мнѣ преданы».

Молодой любитель наслажденій узналъ, что смыслъ жизни въ трудѣ,—и перерожденіе произошло въ немъ какъ бы волшебствомъ. Весною 1863 года отъ прежняго франтоватаго жуира не осталось и слѣда. Рѣшившись посвятить себя музыкѣ, П. И. бросилъ службу и, оставшись безъ всякихъ средствъ (отецъ его какъ разъ въ это время оставилъ службу въ технологическомъ институтѣ, и кромѣ долговъ и пенсіи въ 2.000 рублей не имѣлъ ничего), содержалъ себя уроками музыки и аккомпаніаторствомъ. Чтобы сразу стать въ опредѣленныя отношенія къ своимъ бывшимъ друзьямъ изъ богатой молодежи, П. И. даже въ своей внѣшности умышленно подчеркивалъ свою бѣдность, и цѣль его была достигнута: одни перестали ему кланяться, другіе еще болѣе полюбили погруженнаго въ музыкальныя задачи ученика консерваторіи.

Петербургская консерваторія, въ лицѣ своихъ профессоровъ Н. И. Зарембы и Антона Рубинштейна, дала П. И. солидную теоретическую подготовку, но ни въ какой мѣрѣ не отразила своего вліянія на характеръ творчества П. И. Въ этомъ отношеніи, какъ въ консерваторскіе годы, такъ и во всю жизнь, П. И., обладавшій чрезвычайно мягкимъ характеромъ и кажующеся податливостью въ житейскихъ отношеніяхъ, проявлялъ полную и непоколебимую независимость. Какъ школьно-классическія традиціи консерваторіи, поддерживаемыя такимъ авторитетомъ, какъ А. Рубинштейнъ, который внушалъ всю свою жизнь П. И. любовь и преданность геніальной своей личности, такъ и бурно-прогрессистскія стремленія Балакирева и Стасова, немного позже пытавшихся обратить П. И. въ свою вѣру, весьма мало отразились на музыкальномъ творчествѣ П. И.

Это была сильная, яркая музыкальная индивидуальность, творчество которой обусловливалось не музыкальными убѣжденіями, а органически-прирожденными склонностями. Подробнѣе этого вопроса мы коснемся позже, теперь же достаточно указать еще на то, что хотя въ частностяхъ П. И. неоднократно мѣнялъ свои музыкальные вкусы, но основныя его симпатіи сохранились неприкосновенными во всю жизнь: по натурѣ своей эклектикъ *), совершенно неспособный стать подъ какое-нибудь исключительное знамя, питавшій отвращеніе къ музыкѣ, сочиняемой по убѣжденію или по рецепту школы, а не по непосредственному вдохновенію, П. И. всю жизнь сохранялъ свободу въ сужденіяхъ о музыкальныхъ произведеніяхъ и наслаждался твореніями авторовъ самыхъ различныхъ школъ. Но наиболѣе лежала душа его къ тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ отражалась интимная жизнь человѣческаго сердца, та сторона творчества, которая въ поэзіи называется лирикой, и которая была главной сущностью музыкальнаго творчества самого П. И. Вотъ отчего изъ классиковъ онъ болѣе всего любилъ Моцарта, изъ романтиковъ—Шумана, изъ современныхъ же композиторовъ такъ милы были ему Гуно, Бизе и Делибъ. Но объ этомъ также поговоримъ позднѣе.

Изъ консерваторскихъ товарищей П. И. дружилъ только съ двумя: Г. А. Ларошемъ, впослѣдствіи музыкальнымъ критикомъ, и Н. А. Губертомъ, впослѣдствіи профессоромъ московской консерваторіи. Дружба съ этими лицами сохранилась у П. И. до самой его смерти.

---

*) Въ письмѣ къ С. И. Танѣеву въ 1891 году Чайковскій пишетъ: „Я нисколько не препятствовалъ вѣяніямъ духа времени вліять на меня. Я сознаю, что, не будь Вагнера, я бы писалъ иначе; допускаю, что даже и „кучкизмъ“ (кружокъ Даргомыжскаго и Балакирева) сказывается въ моихъ оперныхъ писаніяхъ; вѣроятно, и итальянская музыка, которую я страстно любилъ въ дѣтствѣ, и Глинка, котораго я обожалъ въ юности,—сильно дѣйствовали на меня, не говоря уже про Моцарта“. Къ этому перечню необходимо прибавить вліяніе французской оперы (Мейерберъ, Гуно, Бизе).

Окончивъ консерваторію въ концѣ 1865 года, П. И. немедленно получилъ приглашеніе отъ директора только что основанной московской консерваторіи Н. Г. Рубинштейна занять мѣсто профессора гармоніи. Это приглашеніе П. И. принялъ и съ января 1866 года сдѣлался москвичемъ.

Кантата на текстъ гимна Шиллера «Къ радости», которою П. И. кончалъ консерваторію и за которую получилъ серебряную медаль, была исполнена публично на актѣ 31-го декабря 1865 года. Это произведеніе П. И. не встрѣтило сочувствія ни въ его учителѣ А. Рубинштейнѣ, ни въ Сѣровѣ, ни въ кружкѣ Даргомыжскаго, выразителемъ взглядовъ котораго былъ въ то время Ц. Кюи. Ц. Кюи, писавшій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдмостяхъ» подъ тремя звѣздочками, далъ о кантатѣ П. И. такой отзывъ: «Консерваторскій композиторъ г. Чайковскій совсѣмъ слабъ. Правда, что его сочиненіе написано въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: по заказу, къ данному сроку, на данную тему и при соблюденіи извѣстныхъ формъ. Но все-таки если бы у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь прорвало бы консерваторскія оковы». Совсѣмъ иначе отнесся къ кантатѣ другъ П. И., тогда еще ученикъ консерваторіи, Ларошъ: «Ваша кантата самое большое музыкальное событіе въ Россіи послѣ «Юдиѳи»,—писалъ онъ П. И.—Вы отлично знаете, что я не льщу*)... Впрочемъ, все, что вы сдѣлали, я считаю только работой школьника, подготовительной и экспериментальной... Ваши творенія начнутся, можетъ быть, только черезъ пять лѣтъ: но эти, зрѣлыя, классическія, превзойдутъ все, что мы имѣли послѣ Глинки». Кто изъ этихъ двухъ критиковъ, и впослѣдствіи неоднократно ломавшихъ копья, оказался въ данномъ случаѣ правъ, мы теперь хорошо знаемъ. Впрочемъ, Ц. Кюи сохранилъ, за немногими исключеніями, свое рѣзко отрицательное отношеніе къ музыкѣ П. И. до послѣднихъ сочиненій его. Вообще, П. И., какъ и Глинкѣ, не везло съ музыкальной критикой.

За исключеніемъ Лароша, статьи котораго по глубинѣ и значительности содержанія послужатъ важнымъ пособіемъ для изучающихъ музыку Чайковскаго (къ сожалѣнію, эти статьи разсѣяны по періодическимъ изданіямъ), Кюи и московскаго критика Кашкина, всѣ остальные критики шли, такъ сказать, въ хвостѣ публики въ своихъ сужденіяхъ. Въ общемъ относясь скорѣе отрицательно, иногда чрезвычайно рѣзко, къ музыкѣ Чайковскаго, критики по мѣрѣ его успѣховъ въ публикѣ становились гораздо милостивѣе. Но нужно признаться, что они причинили П. И. много горькихъ минутъ своимъ отношеніемъ къ нему, и изъ этихъ отношеній наиболѣе обидно-несправедливымъ нужно

*) Ларошъ, несмотря на тѣсную дружбу съ П. И., всегда открыто высказывалъ ему свое мнѣніе, даже рѣзко порицательное. Въ 1869 году печатный отзывъ Лароша объ оперѣ П. И. „Воевода“ даже поссорилъ его съ композиторомъ на два года.

считать полное молчаніе русской прессы о громадныхъ успѣхахъ П. И. за границей во время его поѣздокъ туда въ 1887 году и позже.

Въ Москвѣ П. И., благодаря своей очаровательной личности, очень быстро пріобрѣлъ друзей, какъ среди музыкантовъ, такъ и въ обществѣ. Въ обществѣ, по свидѣтельству Лароша (Предисловіе къ отд. изд. «Фельетоновъ П. И.»—Москва 1898 г.), П. И. носили на рукахъ: «его любили какъ человѣка возвышенной души и очаровательнаго характера».

Среди музыкантовъ наибольшее значеніе для П. И. имѣлъ директоръ московской консерваторіи, геніальный піанистъ, выдающійся дирижеръ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Онъ былъ первымъ исполнителемъ почти всѣхъ сочиненій П. И. для оркестра и для фортепіано, и это имѣло очень большое значеніе для распространенія этихъ сочиненій. Съ нимъ прожилъ П. И. на одной квартирѣ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ.

До 1877 года Москва оставалась главнымъ мѣстомъ пребыванія П. И. Онъ уѣзжалъ отсюда только на лѣто въ деревню Каменку къ своей сестрѣ Давыдовой, или въ Гапсаль, или въ деревню къ друзьямъ, или за границу. Поѣздки за границу были для П. И. всегда сильнымъ наслажденіемъ, въ особенности плѣняло его всегда и впослѣдствіи пребываніе въ Италіи.

Время свое за эти годы П. И. дѣлилъ между композиціей, преподаваніемъ въ консерваторіи и дѣятельностью музыкальнаго критика. Послѣднее занятіе было только эпизодомъ въ жизни П. И., длившимся всего четыре года. Въ 1872 году редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» Н. Е. Скворцовъ пригласилъ П. И. взять на себя музыкальный фельетонъ въ его газетѣ, предлагая ему «какое угодно» вознагражденіе. П. И., всегда нуждавшійся въ деньгахъ, даже во времена наибольшей своей матеріальной обезпеченности, а въ то время весь его годовой доходъ равнялся всего 2.300 рублямъ, согласился на предложеніе Скворцова и до 1876 г. исполнялъ взятыя на себя обязанности добросовѣстно, съ отличнымъ литературнымъ талантомъ, не говоря уже о знаніи дѣла, но безъ любви къ нему. Отчасти по этой причинѣ, отчасти по указанной уже выше нелюбви къ какимъ бы то ни было знаменамъ, фельетоны П. И. *) отличаются нѣкоторою академическою холодностью. Въ его многочисленныхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ его біографіи, разсѣяны замѣтки о важнѣйшихъ музыкальныхъ явленіяхъ, написанныя съ гораздо бо́льшимъ огнемъ и производящія несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе: эти замѣтки выражали собою сокровенныя мысли П. И., которыя онъ не считалъ нужнымъ, вѣрнѣе, считалъ даже вреднымъ выносить передъ публикой. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ обращеній къ чита-

*) Изданы отдѣльной книгой П. И. Юргенсономъ въ 1898 г.

телю: «Я питаю глубокое убѣжденіе въ томъ, что публика ни мало не интересуется моими личными мнѣніями... Публикѣ должно быть интересно совсѣмъ не то, что я говорю, а что говоритъ та авторитетная среда, съ которой я нахожусь въ ближайшихъ отношеніяхъ». Точка зрѣнія эта, очевидно, немножко слишкомъ академическая. Разстаться съ перомъ музыкальнаго критика при такомъ отношеніи къ дѣлу было для П. И. очевидно не трудно: «надоѣло писать—и не стало критика», какъ говоритъ Ларошъ въ предисловіи къ собранію фельетоновъ П. И.

Педагогическія занятія П. И. въ консерваторіи, составлявшія почти единственный источникъ его доходовъ (первые годы онъ получалъ 1.200 р. въ годъ), исполнялись П. И. также, какъ и музыкальная критика, только по обязанности. Разъ взявшись за эту работу, П. И. исполнялъ ее честно и даже талантливо **); но если вначалѣ эти занятія его только чрезвычайно утомляли и дѣйствовали на нервы (онъ ужасно волновался передъ лекціями вслѣдствіе прирожденной застѣнчивости), то съ теченіемъ времени преподаваніе музыки въ консерваторіи вызывало въ немъ просто отвращеніе. Даже годъ спустя послѣ прекращенія имъ профессуры, онъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ писалъ: «Я вамъ не могу дать и приблизительнаго понятія о томъ, до чего эта дѣятельность пошла для человѣка, не имѣющаго къ ней призванія. Еще когда я сижу въ классахъ мужскихъ... Я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что внушаю имъ свѣдѣнія, для нихъ необходимыя. Но женскіе классы! Боже мой, что это такое!.. ...Какъ только имъ приходится правила примѣнять не механически, а по собственной иниціативѣ, всѣ эти барышни, быть можетъ, одушевленныя очень хорошими намѣреніями, но по большей части совершенно бездарныя, становятся невыносимыми. Иногда я теряю съ ними всякое терпѣніе, теряю способность понимать, что кругомъ меня дѣлается, и впадаю въ припадокъ невыразимой злобы и на нихъ, и въ особенности на себя».

Тѣмъ не менѣе П. И. искренно и горячо былъ любимъ своими учениками, ужъ не говоря объ ученицахъ, о которыхъ П. И. въ самомъ началѣ занятій писалъ братьямъ: «Я пользуюсь необыкновеннымъ сочувствіемъ обучаемыхъ мною москвитянокъ, которыя вообще отличаются страстностью и воспламеняемостью». Эта воспламеняемость имѣла, какъ мы вскорѣ увидимъ, для П. И. роковыя послѣдствія.

Творчество П. И. за 11 лѣтъ пребыванія въ Москвѣ вполнѣ опредѣлилось и приняло тотъ ярко индивидуальный характеръ, который сохранился у П. И. до послѣдняго его сочиненія. Характеристика творче-

---

*) Его педагогическій талантъ очень ярко сказывается впослѣдствіи въ совѣтахъ, которые онъ давалъ многимъ молодымъ композиторамъ, обращавшимся къ нему (см. его письма въ біографіи).

ства П. И. будетъ дана нами позже, теперь же укажу на тѣ произведенія П. И., которыя, съ одной стороны, создали его популярность, а съ другой стороны, заслужили ему прочное и почетное уваженіе со стороны музыкантовъ. Къ первымъ принадлежатъ: опера «Евгеній Онѣгинъ» (двѣ трети ея были написаны до осени 77 года), романсы («Отчего», «Ни слова, о другъ», «Колыбельная», «Страшная минута» и др.), мелкія фортепіанныя сочиненія, «Andante contabile» изъ перваго смычковаго квартета. Ко вторымъ принадлежатъ: три оркестровыя пьесы—«Буря», «Ромео и Джульетта» и «Франческа да-Римини», 4 симфоніи (4-я—столь важная въ характеристикѣ музыкальной личности П. И., какъ бы предчувствіе его лебединой пѣсни—6-ой симфоніи—была вчернѣ уже готова до осени 77 года), 3 смычковыхъ квартета, 1-й концертъ для фортепіано; оперы: «Опричникъ», «Кузнецъ Вакула», «Евгеній Онѣгинъ» (первыя двѣ оперы П. И. «Воевода» и «Ундина» были имъ самимъ уничтожены); музыка къ «Снѣгурочкѣ» Островскаго; балетъ «Лебединое озеро».

Одиннадцатилѣтнее пребываніе П. И. въ Москвѣ было прервано катастрофой, которая чуть было не привела его къ безумію. Катастрофа эта была внезапная, даже для самыхъ близкихъ къ нему людей, женитьба его на Антонинѣ Ивановнѣ Милюковой.

Біографъ П. И. объясняетъ эту женитьбу чуть ли не временнымъ помѣшательствомъ его. Между тѣмъ, при всей странности обстановки, въ которой произошла эта женитьба, она являлась совершенно логическимъ выходомъ изъ того неудовлетворенаго стремленія къ личному семейному счастью, которое все сильнѣе и сильнѣе охватывало П. И. начиная уже съ 1872 года. Запасъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ, которыя онъ изливалъ на своихъ младшихъ братьевъ, позже на глухонѣмого мальчика Н. Конради, воспитанію котораго посвятилъ себя братъ П. И. Модестъ въ 1875 году, былъ такъ великъ, что неумолчно требовалъ себѣ пищи въ личной семьѣ. И вотъ подъ вліяніемъ этого требованія П. И. все болѣе начинаетъ подумывать о женитьбѣ. Между тѣмъ, не смотря на то, что самъ онъ неоднократно дѣлался предметомъ нѣжной страсти со стороны женщинъ, сердце его оставалось холодно и онъ начиналъ терять надежду на то, что способенъ когда-нибудь полюбить съ тѣмъ пыломъ страсти, который побудилъ бы его жениться. Тогда онъ рѣшилъ жениться не по увлеченію, а по спокойному стремленію къ семейной жизни, и ошибочность такого разсчета, очень часто вѣрнаго, но совершенно непримѣнимаго лично къ П. И., и привела его къ трагической развязкѣ. Уже осенью 1876 года онъ нѣсколько разъ писалъ брату, что хочетъ жениться, потому что по многимъ причинамъ считаетъ женитьбу очень хорошимъ для себя дѣломъ, хотя еще не имѣетъ никого въ виду въ качествѣ своей будущей жены. Еще 8-го мая 1877 года онъ писалъ своему пріятелю И. Клименко: «Жизнь страшно пуста, скучна и пошла. Сильно

подумываю о женитьбѣ или другой прочной связи, а уже 6-го іюля того же года состоялось его вѣнчаніе. Вотъ что писалъ П. И. Н Ф. Меккъ (о ней рѣчь будетъ ниже) 3-го іюля 1877 года: «Я самымъ неожиданнымъ для себя образомъ сдѣлался женихомъ въ послѣднихъ числахъ мая. Вотъ какъ это произошло. За нѣсколько времени передъ этимъ я получилъ однажды письмо отъ одной дѣвушки, которую зналъ и встрѣчалъ прежде. Изъ этого письма я узналъ, что она давно удостоила меня своей любовью. Письмо было написано такъ искренно, такъ тепло, что я рѣшился на него отвѣтить, чего прежде тщательно въ подобныхъ случаяхъ избѣгалъ». Затѣмъ П. И. былъ у А. И. Милюковой и лично ей объяснилъ, что, «кромѣ симпатіи и благодарности за ея любовь», ничего къ ней не чувствуетъ. Послѣ этого П. И. получилъ отъ нея еще письмо, изъ котораго пришелъ къ выводу, что ему предстоитъ трудная альтернатива: «или сохранить свою свободу цѣною гибели этой дѣвушки, или жениться. Я не могъ не избрать послѣдняго. Итакъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, я отправился къ моей будущей супругѣ, сказалъ ей откровенно, что не люблю ее, но буду ей, во всякомъ случаѣ, преданнымъ и благодарнымъ другомъ; я подробно описалъ ей свой характеръ, свою раздражительность, неровность темперамента, свое нелюдимство—наконецъ свои обстоятельства. За симъ я спросилъ ее—желаетъ ли она быть моей женой. Отвѣтъ былъ, разумѣется, утвердительный. Не могу передать вамъ словами тѣ ужасныя чувства, черезъ которыя я прошелъ въ первые дни послѣ этого вечера. Оно и понятно. Доживя до 37 лѣтъ съ врожденной антипатіей къ браку,—быть вовлеченнымъ въ положеніе «жениха», притомъ нимало не увлеченнаго своей невѣстой, очень тяжело... Теперь скажу нѣсколько словъ о моей будущей супругѣ. Ей 28 лѣтъ. Она довольно красива. Репутація ея безупречна. Жила она, изъ любви къ самостоятельности и независимости, своимъ трудомъ, хотя имѣетъ очень любящую мать. Она совершенно бѣдна, воспитывалась въ елизаветинскомъ институтѣ, повидимому очень добра и способна безвозвратно привязываться». Свадьба, о которой, кромѣ г-жи фонъ-Меккъ, П. И. увѣдомилъ только отца и братьевъ, состоялась 6-го іюля, а 26-го іюля онъ пишетъ г-жѣ фонъ-Меккъ: «Я ѣду (къ сестрѣ въ Каменку) черезъ часъ. Еще нѣсколько дней, и, клянусь вамъ, я бы съ ума сошелъ». 11-го августа онъ пишетъ ей же изъ деревни: «Нужно будетъ побороть въ себѣ чувство отчужденности относительно жены». Пріѣхавъ 11-го сентября въ Москву въ квартиру, приготовленную ему женой, П. И. уже 24-го сентября уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его встрѣтилъ братъ Анатолій. По пріѣздѣ въ гостинницу П. И. впалъ въ безпамятство, продолжавшееся 2 дня, и по настоянію докторовъ, требовавшихъ полной перемѣны жизненной обстановки, уѣхалъ 2-го октября за границу.

Біографъ П. И. не даетъ данныхъ для сужденія о ближайшихъ

причинахъ его несчастія. Мы можемъ только предполагать, что тутъ играла большую роль его прирожденная нервность и мнительность, располагавшія его къ страшному преувеличенію положенія вещей (П. И. уже и раньше страдалъ истерическими припадками и припадками тоски, доводившими его до истерическихъ слезъ). Во всякомъ случаѣ послѣдствіемъ этой попытки обрѣсти семейное счастье, кромѣ страшнаго нервнаго разстройства, оставившаго слѣды до конца жизни, была для П. И. полная потеря надежды на то, что такое счастье для него возможно.

До конца своей жизни П. И. не зналъ женской любви, несмотря на жгучую потребность въ этомъ счастьи. Въ 1882 году по поводу помолвки брата Анатолія П. И. пишетъ ему: «Я ужасно радъ, что ты чувствуешь себя счастливымъ, и хотя никогда ничего подобнаго не испыталъ, но мнѣ кажется, что отлично понимаю все, что ты проходишь... На меня находитъ иногда сумасшедшее желаніе быть обласканнымъ женской рукой».

Перенесенное П. И. душевное потрясеніе легко могло бы привести его къ гибели, если бы не пришли къ нему на помощь любовь его родныхъ и въ особенности дружба женщины, бывшей въ теченіе слѣдующихъ 13-ти лѣтъ настоящимъ ангеломъ-хранителемъ П. И. и давшей ему не только матеріальное обезпеченіе, столь необходимое не имѣвшему ничего, кромѣ профессорскаго жалованія, композитору, но и ту нравственную поддержку, которая была такъ необходима совершенно разбитому нервно и морально человѣку.

Сношенія Надежды Филаретовны фонъ-Меккъ (урожденной Фроловской) съ П. И. начались въ концѣ 1876 года. Въ это время она была вдовою 45 лѣтъ, матерью одиннадцати человѣкъ дѣтей, владѣтельницей многомилліоннаго состоянія, которымъ она завѣдывала сама. Со времени кончины мужа Н. Ф. всецѣло посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей и совершенно отказалась отъ какихъ бы то ни было личныхъ общественныхъ отношеній. Никто изъ постороннихъ людей (кромѣ Н. Г. Рубинштейна), кромѣ лицъ, жившихъ въ ея домѣ, не говорилъ съ нею. Ея личная жизнь замкнулась въ путешествіяхъ, чтеніи и любви къ музыкѣ. Черезъ ученика П. И. скрипача І. Котекъ, съ которымъ Н. Ф. музицировала, и съ которымъ П. И. былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, Н. Ф., бывшая поклонницей сочиненій П. И., узнала насколько возможно подробнѣе интимную жизнь и личность композитора, и полюбила его самой преданной и искренней любовью. Вотъ что писала она П. И. по этому поводу 7-го марта 1877 года, прося у него его фотографію: «Дайте мнѣ вашу фотографію—у меня ихъ двѣ, но мнѣ хочется имѣть отъ васъ: мнѣ хочется на вашемъ лицѣ искать тѣхъ вдохновеній, тѣхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ вы писали музыку, что уноситъ человѣка въ міръ ощущеній, стремленій и желаній, которыхъ жизнь не можетъ удовлетворить... Вы стали мнѣ какъ будто близкимъ и, во всякомъ случаѣ, дорогимъ человѣкомъ... Я сча-

слива, что въ васъ музыкантъ и человѣкъ соединились такъ прекрасно, такъ гармонично. Было время, что я очень хотѣла познакомиться съ вами: теперь же, чѣмъ больше я очаровываюсь вами, тѣмъ больше я боюсь знакомства; мнѣ кажется, что я была бы не въ состояніи заговорить съ вами...»

Результатомъ такого отношенія Н. Ф. къ П. И. было то, что она взяла на себя заботу о матеріальномъ обезпеченіи композитора: сперва въ видѣ щедрой платы за заказанныя ему переложенія его сочиненій, а позже, когда его постигло вышеописанное несчастье, въ видѣ ежегодной ренты въ 6.000 рублей до того времени, когда онъ будетъ въ состояніи вновь приняться за профессуру въ Москвѣ. При этомъ Н. Ф. писала ему: «Развѣ я вамъ не близкій человѣкъ, вѣдь вы же знаете, какъ я люблю васъ, какъ желаю вамъ всего хорошаго, а по моему не кровныя и не физическія узы даютъ права, а чувства и нравственныя отношенія между людьми, и вы знаете, сколько счастливыхъ минутъ вы мнѣ доставляете, какъ глубоко благодарна я вамъ за нихъ, какъ необходимы вы мнѣ и какъ мнѣ надо, чтобы вы были именно тѣмъ, чѣмъ вы созданы, слѣдовательно, я ничего не дѣлаю для васъ, а все для себя; мучась этимъ, вы портите мнѣ счастье заботиться о васъ... Я не знаю, какъ вы, П. И., а я не желала бы, чтобы кто-нибудь зналъ о нашей дружбѣ и сношеніяхъ».

Такимъ образомъ, въ лицѣ Н. Ф. П. И. нашелъ не только освобожденіе отъ матеріальныхъ заботъ, которыя въ теперешнемъ его положеніи были для него невыполнимы, но и ту нравственную поддержку, которая была такъ необходима для него въ тяжелый моментъ моральнаго упадка духа. Одна черта въ ихъ отношеніяхъ была особенно важна для П. И. — это нежеланіе Н. Ф. лично съ нимъ знакомиться. Еще въ отвѣтъ на письмо ея отъ 7-го марта П. И. писалъ: «Меня нисколько не удивляетъ, что полюбивъ мою музыку, вы не стремитесь къ знакомству съ авторомъ ея... И вы совершенно правы. Я чувствую, что при болѣе близкомъ ознакомленіи со мной, вы бы не нашли того соотвѣтствія, той полной гармоніи музыканта съ человѣкомъ, о которой мечтаете». При томъ же отвращеніи къ личнымъ сношеніямъ съ людьми, которое столь характерно для состоянія духа П. И. въ первые годы послѣ катастрофы, незнакомство съ Н. Ф. было необходимымъ условіемъ сохраненія дружбы между нею и П. И. И условіе это было выполнено въ точности; оба они до своей смерти, проникнутые глубочайшими и нѣжнѣйшими чувствами другъ къ другу, не слышали голоса другъ друга, хотя нѣсколько разъ встрѣчались чуть ли не лицомъ къ лицу.

Дружба Н. Ф. явилась для П. И. счастливой замѣной той женской любви, которой онъ такъ жаждалъ и которой былъ лишенъ *). Доста-

*) 9-го февраля 1878 года П. И. пишетъ Н. Ф.: „Вы спрашиваете, другъ

точно привести нѣсколько выписокъ изъ многочисленныхъ писемъ П. И. къ Н. Ф. за тринадцать лѣтъ ихъ дружбы, чтобы ясно видѣть, чѣмъ была эта дружба для него.

«Въ письмѣ вашемъ столько теплоты, столько дружбы, что оно одно достаточно, чтобы заставить меня снова полюбить жизнь... Мнѣ остается только услуживать и угождать вамъ посредствомъ музыки. Н. Ф., каждая нота, которая отнынѣ выльется изъ подъ моего пера, будетъ посвящена вамъ. Вамъ я буду обязанъ тѣмъ, что любовь къ труду возвратится ко мнѣ съ удвоенной силой... Безъ всякой ложной скромности скажу вамъ, что все, что мною написано, кажется мнѣ такъ несовершенно, такъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что я могу и долженъ сдѣлать. И я это сдѣлаю... Симфонія наша (IV-я—посвященная лучшему другу (Н. Ф.)—будетъ окончена не далѣе декабря... Пусть эта музыка, тѣсно связанная съ мыслью о васъ, скажетъ вамъ за меня, что я люблю васъ всѣми силами души моей, мой лучшій, несравненный другъ!» (Письмо отъ 25-го октября 77-го года изъ-за границы)

«Я, когда сочиняю и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя выливаются прямо изъ живого источника, согрѣтаго чувствомъ вдохновенія, непремѣнно всегда обращаюсь мысленно къ вамъ» (10-го октября 80-го года. Каменка).

«Если бы вы только вполовину могли знать всю неизмѣримость блага, которымъ я вамъ обязанъ» (4-го Февраля 86-го года. Москва, «Милый, дорогой, безцѣнный другъ мой, гдѣ вы теперь? Не знаю; а между тѣмъ, ощущаю такую неопреодолимую потребность хоть немножко побесѣдовать съ вами, что начинаю писать, имѣя въ виду отослать письмо, когда въ Москвѣ узнаю вашъ адресъ» (17-го декабря 1889 года. С.-Петербургъ).

Если къ этимъ немногимъ строкамъ прибавить, что за эти 13 лѣтъ П. И. подробнѣйшимъ образомъ сообщалъ Н. Ф. о самыхъ интимныхъ сторонахъ своей жизни, такъ что одна его переписка съ ней является почти полной его автобіографіей за эти годы, то становится яснымъ, какое значеніе имѣла для него дружба Н. Ф.

Но— въ людскихъ отношеніяхъ это роковое «но», къ несчастью, неизбѣжно—эта же дружба нанесла П. И. тотъ нравственный ударъ, который былъ для него тяжелѣе всѣхъ несчастій его жизни, ударъ, нанесшій ему душевную рану, мучительно болѣвшую до послѣднихъ минутъ его жизни.

Въ письмѣ отъ 13-го сентября 1890 года Н. Ф., извѣщая П. И. о грозящемъ ей разореніи, сообщила ему, что не можетъ далѣе продолжать выдавать ему субсидію. Это было послѣднее письмо ея къ

мой, знакома ли мнѣ любовь не платоническая? И да, и нѣтъ. Если вопросъ этотъ поставить нѣсколько иначе, т.-е. спросить, испыталъ ли я полноту счастья въ любви, то отвѣчу: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ".

П. И., послѣ котораго она внезапно и совершенно прервала съ нимъ всякія сношенія. Уже въ этомъ письмѣ заключались слова («Не забывайте и вспоминайте иногда»), чрезвычайно больно уколовшія П. И. Но когда вскорѣ онъ убѣдился, что опасность разоренія для Н. Ф. оказалась мнимою, и что она богата попрежнему, онъ увидѣлъ въ ея послѣднемъ письмѣ «желаніе отдѣлаться отъ него, пользуясь первымъ попавшимся предлогомъ». «Отношенія мои къ Н. Ф. были такія, что я никогда не тяготился ея щедрой подачкой,—писалъ онъ П. И. Юргенсону (издатель П. И. и близкій ему другъ),—теперь же я ретроспективно тягощусь. Оскорблено мое самолюбіе, обманута моя увѣренность въ безграничную готовность матеріально поддерживать меня и приносить ради меня всяческія жертвы». Необходимо предупредить здѣсь могущее возникнуть подозрѣніе, что П. И. огорчало въ данномъ случаѣ уменьшеніе его доходовъ. Мы увидимъ далѣе, что П. И. вообще былъ совершенно равнодушенъ къ деньгамъ, а въ это время онъ, кромѣ того, получалъ болѣе десяти тысячъ въ годъ отъ своихъ сочиненій. Его мучила моральная сторона дѣла, и мученія эти увеличились чрезмѣрно, когда онъ, желая сохранить свои дружескія сношенія съ Н. Ф., продолжалъ ей писать, и ни на одно письмо не получилъ отвѣта. Вотъ что писалъ онъ В. А. Пахульскому *) 6-го іюня 1891 года, почти черезъ годъ послѣ послѣдняго письма Н. Ф.: «Совершенно вѣрно, что Надежда Филаретовна больна, слаба, нервно разстроена и писать мнѣ попрежнему не можетъ. Да я ни за что на свѣтѣ и не хотѣлъ бы, чтобы она изъ-за меня страдала. Меня огорчаетъ, смущаетъ и, скажу откровенно, оскорбляетъ не то, что она мнѣ не пишетъ, а то, что она совершенно перестала интересоваться мною... Мнѣ *хотѣлось*, мнѣ *нужно* было, чтобы мои отношенія съ Н. Ф. нисколько не измѣнились вслѣдствіе того, что я пересталъ получать отъ нея деньги. Къ сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ вслѣдствіе совершенно очевиднаго охлажденія Н. Ф. ко мнѣ. Въ результатѣ вышло то, что я пересталъ писать Н. Ф., прекратилъ почти всякія съ нею сношенія *послѣ того, какъ лишился ея денегъ*. Такое положеніе унижаетъ меня въ собственныхъ глазахъ, дѣлаетъ для меня невыносимымъ воспоминаніе о томъ, что я принималъ ея денежныя выдачи, постоянно терзаетъ и тяготитъ меня свыше мѣры...» «Это (перемѣна отношенія Н. Ф. къ П. И.) перевертываетъ вверхъ дномъ мои воззрѣнія на людей, мою вѣру въ лучшихъ изъ нихъ; это смущаетъ мое спокойствіе, отравляетъ ту долю счастья, которая удѣляется мнѣ судьбою». Это писалъ человѣкъ, достигшій всемірной славы, предметъ уваженія лучшихъ людей своего времени, предметъ поклоненія

*) Бывшій ученикъ московской консерваторіи, скрипачъ, диллетантъ-композиторъ, замѣнившій у Н. Ф. въ 1878 году Котека, позже женившійся на дочери Н. Ф. Юліи Карловнѣ.

массы, но лишенный личнаго счастья въ видѣ женской любви, и обманувшійся въ женской дружбѣ, въ которую онъ такъ вѣрилъ и которая оказалось иллюзіей. Въ день смерти, въ тяжеломъ бреду П. И. постоянно повторялъ имя Н. Ф. гнѣвно, упрекая ее. Ея измѣна была каплей, переполнившей чашу страданій, предназначенныхъ П. И. судьбою, и скорбь, полившаяся черезъ край, стала источникомъ вдохновенія и причиной того впечатлѣнія, которое выносимъ мы, слушая лебединую пѣснь композитора, его VI-ю симфонію.

Біографъ П. И. объясняетъ разрывъ Н. Ф. съ нимъ тѣмъ, что *съ конца 1890 года* вся жизнь ея была долгое угасаніе отъ тяжелаго нервнаго недуга, измѣнившаго ея отношенія не только къ одному П. И. Но мы не можемъ считать это объясненіе достаточнымъ. Даже изъ тѣхъ неполныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ біографіи П. И. (письма самой Н. Ф. не подлежатъ опубликованію!), мы можемъ попытаться вывести другое объясненіе перемѣны отношеній Н. Ф. къ П. И. Причина этой перемѣны крылась въ самой сущности этихъ отношеній, основанныхъ на ненормально-болѣзненной чувствительности обоихъ лицъ. Если бы П. И. не былъ такъ безгранично довѣрчивъ къ людямъ, если-бы онъ могъ скептически взглянуть на отношеніе къ нему Н. Ф., то уже въ самомъ началѣ онъ замѣтилъ бы ту трещину въ ихъ отношеніяхъ, которая грозила и послѣ дѣйствительно превратилась въ раздѣлившую ихъ пропасть. Увлеченіе Н. Ф. музыкой П. И. было основано не на глубокомъ ея пониманіи и сочувствіи, а на болѣзненно-страстной воспріимчивости Н. Ф. къ музыкѣ. Вотъ доказательство. «Первое изъ вашихъ сочиненій, которое я услыхала, —пишетъ Н. Ф. композитору 7-го марта 1877 года,—была «Буря»; невозможно выразить то впечатлѣніе, какое она произвела на меня, я нѣсколько дней была, какъ въ бреду». 18-го марта того же года Н. Ф. пишетъ: «Вашъ маршъ (на темы изъ «Опричника»!) до того хорошъ, что, я надѣюсь, онъ приведетъ меня въ счастливое состояніе сумасшедшихъ—состояніе потери сознанія всего, что дѣлается горькаго и обиднаго на свѣтѣ». Если принять во вниманіе, что на насъ именно эта музыка Чайковскаго не производитъ и сотой доли такого впечатлѣнія (эти вещи далеко не лучшія и не наиболѣе страстныя сочиненія П. И.), если прибавить, что мѣсяцемъ позже Н. Ф. заказываетъ П. И. сочиненіе для скрипки и фортепіано въ стилѣ какого-то Коне, то станетъ понятнымъ, что источникъ дѣйствія музыки П. И. на Н. Ф. лежалъ гораздо больше въ болѣзненной страстности Н. Ф., чѣмъ въ самой музыкѣ П. И. А если это заключеніе вѣрно, то уже тогда можно было бы предвидѣть, что съ годами (Н. Ф. было уже 45 лѣтъ) отношеніе Н. Ф. къ музыкѣ П. И. можетъ легко измѣниться.

Затѣмъ, когда Н. Ф., перенеся свое страстное отношеніе съ музыки П. И. на его личность, писала ему, что боится знакомства съ нимъ, чтобы не разрушить своего идеальнаго представленія о немъ,

то было очень неосторожно со стороны Б. И. понять эти слова слишкомъ буквально. Конечно, первые годы его болѣзни (послѣ женитьбы), когда онъ тщательно скрывался отъ людей и каждое личное прикосновеніе человѣческое было ему больно, было вполнѣ естественнымъ, что П. И. и Н. Ф., при всей искренности ихъ дружбы, избѣгали встрѣчи. Но позже, когда П. И. сталъ жить на людяхъ, когда ему пришлось нѣсколько разъ встрѣтиться съ Н. Ф. лицомъ къ лицу, нежеланіе П. И. лично познакомиться съ нею (это нежеланіе было съ его стороны гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ съ ея) могло придать комическій оттѣнокъ ихъ отношеніямъ, оттѣнокъ совершенно незамѣтный для П. И., но могшій стать весьма чувствительнымъ для Н. Ф., въ особенности, когда отношенія ея съ П. И. перестали быть тайной для извѣстнаго числа лицъ. А комическій оттѣнокъ въ платонической дружбѣ мужчины съ женщиной есть вещь крайне опасная.

Наконецъ, самымъ опаснымъ моментомъ этой дружбы являются денежныя отношенія. Денежныя отношенія—это такой ядовитый реактивъ на прочность дружбы, который въ состояніи выдержать, не разрушаясь, только очень прочныя отношенія. Если бы П. И. не былъ по отношенію къ деньгамъ человѣкомъ совершенно не отъ міра сего, то онъ бы постарался освободиться отъ денежныхъ отношеній съ Н. Ф. какъ можно раньше. И это было вовсе не такъ трудно сдѣлать. Послѣ 19-го октября 1884 года, когда «Евгеній Онѣгинъ» впервые былъ поставленъ въ Императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ, П. И. былъ въ сущности матеріально обезпеченъ: кромѣ поспектакльной платы за свои оперы, онъ получалъ довольно большой гонораръ отъ П. И. Юргенсона (насколько можно заключить изъ біографіи, т. III, стр. 264, П. И. получалъ въ 88 году 3000 рублей въ годъ), и ежегодную пенсію отъ государя въ размѣрѣ 3000 рублей *) (съ 1888 года).

Но П. И., не имѣя самъ ни малѣйшаго чувства собственности къ деньгамъ **), предполагалъ, что и для его «лучшаго друга» деньги имѣютъ

---

*) По словамъ его біографа П. И. получалъ къ концу жизни до 20-ти тысячъ въ годъ.

**) Какъ въ консерваторскіе годы, когда П. И. жилъ уроками музыки, такъ и въ концѣ своей жизни, когда онъ имѣлъ до 20-ти тысячъ ежегоднаго дохода, П. И. всегда нуждался въ деньгахъ и нерѣдко былъ безъ копейки. Причиной была его расточительность, проистекавшая не изъ его личныхъ потребностей въ комфортѣ или удовольствіяхъ, дорого стоющихъ (П. И. былъ человѣкъ самыхъ скромныхъ требованій), а изъ прирожденнаго отсутствія чувства собственности. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, у него масса денегъ уходила зря, вслѣдствіе непрактичности, а съ другой стороны (и это былъ главный его расходъ), кромѣ постоянныхъ его пансіонеровъ (братъ Модестъ получалъ 2000 р., жена П. И. 1200 р. въ годъ и др.), никто, обращавшійся за матеріальной помощью къ П. И. не получалъ отъ него отказа, такъ что гораздо большая часть его доходовъ уходила на другихъ, а не на него. Высшимъ идеаломъ П. И., въ смыслѣ обладанія собственностью, было пріобрѣтеніе клочка земли или дома,

такое же значеніе,—и это была роковая ошибка. Если бы П. И. своевременно устранилъ денежный элементъ изъ своихъ отношеній къ Н. Ф., то разрывъ съ нею, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни произошелъ, никогда не получилъ бы того пошлаго оттѣнка, вслѣдствіе котораго П. И. съ горечью могъ назвать свои отношенія къ Н. Ф. «банальной, глупой шуткой, отъ которой мнѣ стыдно и тошно» (письмо къ П. И. Юргинсону въ октябрѣ 1891 года) *).

Возвращаюсь къ хронологическому порядку.

Послѣ перенесеннаго имъ въ октябрѣ 1877 года нравственнаго потрясенія, П. И. оправлялся очень медленно, и даже, когда острый періодъ нервнаго и моральнаго разстройства прошелъ, слѣды болѣзни все же остались на всю жизнь. Въ 1883 году онъ называетъ себя въ письмѣ къ Н. Ф. «надломленнымъ, нравственно и умственно не совсѣмъ здоровымъ человѣкомъ». Главные признаки его болѣзни заключались въ тѣхъ мучительныхъ страданіяхъ, которыя причиняли ему личныя сношенія съ людьми. Даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, даже въ концѣ жизни проводить время съ людьми (за немногими исключеніями) требовало отъ П. И. такихъ усилій воли надъ собою, которыя были для него мучительны и страшно его утомляли. Самъ П. И. совершенно неправильно называетъ этотъ свой психозъ мизантропіей. Трудно найти человѣка, болѣе благорасположеннаго ко всѣмъ людямъ и бо́льшаго оптимиста въ отношеніи людей, чѣмъ П. И., но для него было мучительно, когда люди слишкомъ близко къ нему подходили, заставляли его говорить съ ними и быть «не самимъ собою». П. И. отлично понималъ, что жизнь въ обществѣ основана на лжи, что ложь, условное право каждаго человѣка не открывать своихъ мыслей и чувствъ первому встрѣчному, есть то масло, которое уменьшаетъ треніе частей въ общественной машинѣ, и тѣмъ не менѣе эта необходимость быть въ обществѣ инымъ, чѣмъ въ кругу самыхъ близкихъ людей, необходимость, выполняемая всѣми людьми безо всякаго усилія, обходилась П. И. чрезвычайно дорого, требуя затраты огромныхъ усилій воли *). Такимъ образомъ, одиночество, столь тягостное для обыкновенныхъ людей, было для П. И. необходимымъ

подъ Москвою, чтобы имѣть свой собственный уголъ; но П. И. такъ и умеръ не осуществивъ своихъ скромныхъ мечтаній за неимѣніемъ средствъ (отъ помощи въ видѣ займа въ 25 тысячъ, предложеннаго ему братомъ Анатоліемъ, П. И. рѣшительно отказался.).

*) Нельзя не пожалѣть, что самые близкіе къ П. И. люди, какъ его младшіе братья или П. И. Юргенсонъ, люди, болѣе практичные, чѣмъ самъ П. И., не пришли ему на помощь своевременнымъ совѣтомъ отказаться отъ денежной помощи Н. Ф.—отъ какой горечи избавили бы они П. И.!

**) Въ 1882 году П. И. пишетъ брату Модесту: „Живя среди людей, невозможно не лгать отъ первой минуты пробужденія до момента засыпанія. Всѣ лгутъ, но не всѣхъ это тяготитъ... Что касается меня, то все больше и больше ненавижу я жизнь въ обществѣ“.

условіемъ относительнаго спокойствія духа, особенно въ первые годы послѣ женитьбы. Это одиночество могли нарушать только младшіе братья П. И., Анатолій и Модестъ, и Алексѣй Софроновъ, преданный П. И. слуга, поступившій къ нему въ 1871 году и остававшійся при немъ до смерти П. И. Вскорѣ къ лицамъ, присутствіе которыхъ не тяготило П. И., присоединилась сестра его А. И. Давыдова, ея мужъ и родные мужа *).

До 1885 года, когда П. И. вновь вернулся къ жизни въ обществѣ, онъ проживалъ большею частью за границей или въ имѣніи Давыдовыхъ, Каменкѣ, или въ имѣніи Н. Ф. фонъ-Меккъ, когда ея тамъ не было.

Въ Москвѣ и Петербургѣ П. И. появлялся только наѣздомъ, когда его присутствіе требовалось исполненіемъ, его сочиненій въ особенности постановкой его оперъ.

Эти посѣщенія столицъ всегда въ этомъ періодѣ вызывали въ немъ чувство чрезмѣрной усталости и отвращенія, доводившихъ его до истерическихъ припадковъ.

Главнымъ, вѣрнѣе единственнымъ, занятіемъ П. И. въ эти годы было музыкальное творчество. Только непрерывный трудъ сочиненія музыки спасалъ П. И. отъ страшныхъ припадковъ тоски и отчаянія, которые время отъ времени овладѣвали его душой.

Если по внѣшнимъ обстоятельствамъ П. И. лишенъ бывалъ возможности работать, то для заглушенія тоски онъ прибѣгалъ къ большимъ дозамъ коньяка, безъ чего иногда онъ не былъ въ состояніи заснуть.

Если у него изсякала собственная инициатива къ сочинительству, то П. И. прибѣгалъ къ внѣшнимъ побужденіямъ, въ родѣ просьбъ къ своему другу-издателю П. И. Юргенсону заказать ему какую-нибудь работу.

Вообще, П. И. держался того мнѣнія, что вдохновенія не слѣдуетъ ждать, что его нужно призывать работой. «Вдохновеніе—это такая гостья, которая не любитъ посѣщать лѣнивыхъ. Она является къ тѣмъ, которые призываютъ ее».

Назову главныя сочиненія П. И. за эти годы. Оперы: «Онѣгинъ» (вчернѣ написана до сентября 77 года), «Орлеанская Дѣва», «Мазепа». Оркестровыя сочиненія: 4-я симфонія (вчернѣ написана до сентября 77 года), три сюиты, струнная серенада, увертюра «12-й годъ»; духовныя сочиненія (литургія, всенощная); романсы (между ними

*) Глава семейства Давыдовыхъ, Александра Ивановна, была жена декабриста, послѣдовавшая за мужемъ въ Сибирь и прожившая тамъ много лѣтъ. У нея было одиннадцать человѣкъ дѣтей, которыя всѣ, по словамъ П. И., „принадлежатъ къ отборнымъ представителямъ человѣческой расы“. Вообще въ лицѣ всего семейства Давыдовыхъ П. И. видѣлъ „душевное совершенство человѣка“.

дѣтскій альбомъ); сочиненія для фортепіано (между ними дѣтскій альбомъ) и др.

Съ начала 1885 года Петръ Ильичъ возвращается къ общественной жизни. Біографъ П. И. объясняетъ это возвращеніе убѣжденіемъ его въ томъ, что его обязанность принести своею общественною дѣятельностью людямъ ту пользу, какую онъ принести въ состояніи. Но психологическое объясненіе этой перемѣны въ образѣ жизни П. И. оказывается болѣе сложнымъ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что къ этому времени болѣзненная нелюдимость П. И. значительно уменьшилась, и хотя личныя отношенія къ людямъ попрежнему утомляли его и стоили ему усилій, но уже не въ такой мѣрѣ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одиночество, которое до того было для него необходимостью, начинаетъ тяготить его: является прямая потребность въ человѣческомъ обществѣ. Въ дневникѣ П. И. *) отъ 16-го марта 1887 года читаемъ: «Нечего скрывать отъ себя, что въ сущности вся поэзія жизни въ деревнѣ и въ одиночествѣ почему-то пропала. Я нигдѣ себя такъ скверно не чувствую, какъ дома. Какъ только не работаю—тоска, страхъ за будущее и и т. д. Ужъ полно, такъ ли, что мнѣ слѣдуетъ жить въ одиночествѣ? Когда я въ городѣ, мнѣ кажется блаженствомъ быть здѣсь, а здѣсь я не испытываю никакихъ радостей». Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что въ этомъ періодѣ жизни П. И. его уже не удовлетворяла жизнь въ одиночествѣ, но и жизнь въ городѣ была ему въ тягость. Внѣшнимъ выходомъ изъ этой дилемы было избраніе такого мѣста жительства, которое давало бы П. И. возможность поддерживать личныя отношенія со своими друзьями и избѣгать ненужныхъ отношеній, неизбѣжныхъ въ городѣ. Поэтому П. И. съ 1885 года имѣлъ постоянную осѣдлость въ деревнѣ подъ Москвой, куда къ нему постоянно могли пріѣзжать московскіе друзья: Ларошъ, Кашкинъ, Танѣевъ и др. Такимъ убѣжищемъ П. И. были: сперва Майданово, имѣніе въ двухъ верстахъ отъ г. Клина, гдѣ П. И. нанималъ себѣ домъ; затѣмъ въ 1888 году П. И. поселился въ шести верстахъ отъ Клина въ селѣ Фроловскомъ, въ имѣніи Паниныхъ, куда онъ бѣжалъ отъ майдановскихъ дачниковъ; и, наконецъ, послѣднимъ его жилищемъ былъ домъ на окраинѣ г. Клина. Этотъ домъ теперь принадлежитъ брату П. И. Модесту и племяннику П. И. В. Давыдову, и въ немъ сохраняются вся обстановка покойнаго и архивъ его имени.

Если вникнуть глубже въ причины, заставлявшія П. И. искать спасенія отъ душевной тоски въ перемѣнѣ внѣшнихъ условій жизни, то мы увидимъ, что причины эти коренились въ той нравственной и нервной надломленности, которая сопутствовала П. И. до могилы. До

*) П. И. очень любилъ вести дневникъ въ разные годы своей жизни. Года за два до смерти онъ сжегъ большую часть дневниковъ; часть сохранилась.

1885 года его спасала творческая работа; позже П. И. понялъ и еще сильнѣе почувствовалъ, что творческая способность есть источникъ, болѣе или менѣе быстро исчерпываемый, и боязнь истощенія этой способности, все чаще и чаще закрадываясь въ его душу, наполняли ее отчаяніемъ. Вотъ именно, чтобы дать себѣ отдыхъ отъ музыкальнаго сочиненія, П. И. искалъ внѣшнихъ средствъ занять свой досугъ: онъ изучалъ англійскій языкъ, массу читалъ, мечталъ о литературной дѣятельности, пробовалъ лично участвовать въ консерваторскихъ дѣлахъ въ Москвѣ и, наконецъ, совершалъ массу артистическихъ поѣздокъ въ Россіи и за границей.

Внѣшнимъ поводомъ къ общественной дѣятельности былъ упадокъ московскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества (и консерваторіи) со смертью Н. Г. Рубинштейна (въ 1881 году). Выбранный въ 1885 году единогласно въ директоры этого отдѣленія, П. И. принимаетъ дѣятельное участіе какъ въ устройствѣ симфоническихъ концертовъ, долженствовавшихъ поднять престижъ и увеличить средства общества, такъ и въ дѣлахъ консерваторіи. Но такого рода дѣятельность была для П. И. въ сущности только исполненіемъ тяжелаго и крайне утомительнаго долга: онъ не былъ созданъ для примиренія тѣхъ дрязгъ, столкновеній самолюбій и т. п., которыми преисполнены всякія артистическія и не артистическія общества. Поэтому П. И. былъ въ глубинѣ души доволенъ, когда новый директоръ консерваторіи В. И. Сафоновъ, приглашенный въ 1889 году, своими деспотическими дѣйствіями, шедшими въ разрѣзъ съ желаніями П. И., заставилъ его въ февралѣ 1890 года уйти изъ дирекціи и прекратить свое участіе въ ея дѣлахъ.

Гораздо болѣе по душѣ была П. И. та общественная дѣятельность, которая выражалась въ сношеніяхъ его съ молодыми композиторами. Трудно передать то вниманіе, ласковость, осторожность въ порицаніяхъ, которыя проявлялъ П. И. въ своихъ отношеніяхъ къ С. И. Танѣеву, Ипполитову-Иванову, Аренскому, Глазунову и многимъ другимъ лицамъ. Пользуясь чрезвычайнымъ авторитетомъ, какъ одинъ изъ первыхъ композиторовъ своего времени, П. И. въ то же время своею личностью внушалъ такую любовь и уваженіе, что подъ конецъ жизни сталъ настоящимъ притягательнымъ центромъ для многихъ музыкантовъ съ которыми даже и не былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Благодаря, всѣмъ этимъ все вновь возникавшимъ связямъ, переписка П. И., въ которой онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ и которую велъ самъ лично, возрастаетъ въ эти годы до громадныхъ размѣровъ: ему приходилось иногда писать до 30 писемъ въ день. Еще болѣе увеличились сношенія П. И. съ различными лицами вслѣдствіе его артистическихъ поѣздокъ.

Мы уже видѣли, что поѣздки эти предпринимались отчасти съ цѣлью наполнить время, свободное отъ музыкальнаго творчества.

Быть можетъ еще болѣе побудительной къ нимъ причиной было желаніе П. И. своимъ присутствіемъ въ концертахъ и оперѣ содѣйствовать успѣху своихъ сочиненій. Какъ человѣкъ въ высшей степени искренній, П. И. никогда не рисовался кажущимся равнодушіемъ къ своему успѣху въ публикѣ: каждый неуспѣхъ, который при мнительности П. И. часто сильно имъ преувеличивался, былъ для него ударомъ ножа въ сердце. Послѣ неуспѣха оперы «Мазепа» въ Петербургѣ, о которомъ онъ получилъ извѣстія въ Парижѣ, П. И. пишетъ брату Модесту 18 февраля 1884 г.: «А все-таки ты хорошо сдѣлалъ, что лгалъ!.. (братъ телеграфировалъ объ успѣхѣ оперы), ибо меня, право, можно было убить правдой... Не знаю, какъ я могъ пережить вчерашній день (Юргенсонъ подробно писалъ о неуспѣхѣ «Мазепы»). Весь день я страдалъ такъ ужасно, какъ будто случилось непоправимое, ужасное бѣдствіе». При такомъ отношеніи, къ своимъ произведеніямъ *), П. И. однако никогда въ жизни не дѣлалъ шагу въ смыслѣ искательства какими-нибудь побочными путями добиваться исполненія или успѣха своихъ сочиненій. Единственное, что онъ считалъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ дѣлать—это способствовать своимъ присутствіемъ и личнымъ участіемъ при постановкѣ оперъ или въ качествѣ дирижера успѣху своихъ дѣтищъ. И въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, присутствіе П. И. имѣло большое значеніе: его личность такъ обаятельно дѣйствовала на исполнителей, имя его послѣ «Онѣгина» стало такъ популярно въ публикѣ, что появленіе его на эстрадѣ вызывало обыкновенно бурю восторговъ и овацій. Такъ было не только въ обѣихъ столицахъ, но, пожалуй, еще болѣе въ провинціи, гдѣ появленіе П. И. было рядомъ тріумфовъ въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и особенно въ Тифлисѣ.

Что касается дирижерства П. И., то въ этомъ отношеніи до сихъ поръ господствуетъ заблужденіе, будто П. И. былъ или могъ бы сдѣлаться хорошимъ капельмейстеромъ. Это заблужденіе, простительное для публики, странно слышать въ устахъ музыкальныхъ критиковъ, какъ Кюи или Ларошъ.

Мнѣ приходилось играть подъ управленіемъ П. И. и я могу совершенно увѣренно сказать, что капельмейстеромъ онъ никогда не могъ-

*) Здѣсь необходимо категорически отмѣтить, что при всей чувствительности Чайковскаго къ неуспѣху своихъ музыкальныхъ дѣтищъ, которыхъ онъ страстно любилъ, особенно новорожденныхъ, чувство зависти къ соперникамъ было ему совершенно чуждо. Никто никогда не могъ бы упрекнуть П. И., что онъ пытался вытѣснить со сцены или съ эстрады конкурирующія ему сочиненія; напротивъ, онъ всегда безкорыстно хлопоталъ и примѣнялъ свое вліяніе, чтобы дать ходъ сочиненіямъ композиторовъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Даже сужденія П. И. о композиціяхъ были совершенно свободны отъ давленія зависти, такъ часто ослѣпляющей авторовъ: онъ имѣлъ музыкальныя симпатіи и антипатіи, но онѣ отнюдь не зависѣли отъ степени успѣха того или другого сочиненія.

бы сдѣлаться: по своей психической организаціи П. И. никогда не могъ бы пріобрѣсти капельмейстерской техники, оставляя въ сторонѣ высшія качества исполненія. Капельмейстерская техника состоитъ, помимо музыкальныхъ качествъ, прежде всего въ умѣніи владѣть психически оркестромъ и публикой. На репетиціяхъ капельмейстеръ долженъ умѣть заставить (нравственно) каждаго артиста оркестра играть именно такъ, какъ онъ (капельмейстеръ) этого хочетъ; въ концертѣ капельмейстеръ долженъ умѣть побѣдить инерцію публики и приковать ея вниманіе. П. И., отъ природы крайне застѣнчивый и нервный, на репетиціяхъ стѣснялся сдѣлать музыканту даже самыя необходимыя замѣчанія, а во время исполненія волненіе П. И. доходило до крайнихъ предѣловъ, до истерическихъ припадковъ въ антрактѣ концерта *). При такомъ состояніи нечего и думать о владѣніи оркестромъ и публикой. Это состояніе П. И. оркестръ хорошо чувствовалъ, и если тѣмъ не менѣе оркестръ игралъ съ П. И. не плохо, то это зависѣло отъ той любви, которую внушали артистамъ и сочиненія и личность композитора. Тѣмъ не менѣе, несмотря на сильнѣйшія нравственныя страданія и страшное утомленіе отъ дирижированія, П. И. многократно выступалъ въ качествѣ дирижера своихъ сочиненій какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Побуждали его къ этому съ одной стороны поощренія друзей и прессы, съ другой то огромное наслажденіе, которое онъ испытывалъ лично участвуя въ увлеченіи, съ которымъ оркестръ исполнялъ его сочиненія. Послѣ концерта филармоническаго общества 5-го марта 1887 г. въ Петербургѣ, въ которомъ П. И. стоялъ во главѣ Императорской оперы, онъ писалъ: «Наслажденіе этого рода («стоять во главѣ превосходнаго оркестра, съ любовью и увлеченіемъ исполняющаго прозведеніе дирижера») до послѣдняго времени было мнѣ неизвѣстно; оно такъ сильно и такъ необычайно, что выразить его словами невозможно, и если мое дирижированіе отняло отъ меня нѣсколько лѣтъ жизни, то я о томъ не жалѣю. Я испыталъ минуты безусловнаго счастья и блаженства».

За границей извѣстность П. И. началась довольно рано. Раньше всѣхъ содѣйствовалъ распространенію сочиненій П. И. за границей піанистъ Клиндвортъ, профессоръ московской консерваторіи, имѣвшій артистическія связи за границей, ярый вагнеріанецъ, очарованный, вѣроятно, болѣе личностью П. И., чѣмъ его сочиненіями (въ операхъ

*) О репетиціяхъ и исполненіи „Черевичекъ“ (передѣлка оперы „Вакула“), которыми П. И. самъ дирижировалъ въ январѣ 89-го года, онъ пишетъ: „чѣмъ ближе наступалъ ужасный день (первой репетиціи), тѣмъ невыносимѣе я страдалъ“. Послѣ второго спектакля П. И. пишетъ: „Мнѣ дирижировать было гораздо труднѣе, чѣмъ въ первый разъ: по временамъ даже находилъ страхъ, ужасъ и чувство, что вотъ, вотъ сейчасъ, не въ силахъ буду махать больше Однако же, никто этого не замѣтилъ“.

Вагнеръ и П. И. противоположности). Затѣмъ, большое значеніе для П. И. имѣло увлеченіе его сочиненіями геніальнаго дирижера Г. Бюлова, который напечаталъ уже въ 1874 году хвалебную статью въ честь П. И. Въ Вѣнѣ, несмотря на ярыя нападенія Ганслика, назвавшаго концертъ для скрипки Чайковскаго «вонючей музыкой», пропагаторомъ этой музыки явились знаменитый дирижеръ Гансъ Рихтеръ и русскій скрипачъ А. Бродскій, имѣющій большое имя за границей. Забѣгая впередъ, назову еще тѣхъ капельмейстеровъ, которые наиболѣе способствовали славѣ П. И. позже: это Малеръ въ Гамбургѣ, позже въ Вѣнѣ ставившій оперы П. И., и Никишъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ. Въ Парижѣ распространителемъ сочиненій П. И. явился издатель Маккаръ, купившій у Юргенсона право изданія сочиненій Чайковскаго во Франціи, и капельмейстеръ Колоннъ. Относительно послѣдняго не лишнее будетъ здѣсь отмѣтить, что за исполненіе сочиненій П. И. въ своихъ концертахъ онъ бралъ денежную мзду, которую безъ вѣдома П. И. платила ему Н. Ф. ф. Меккъ.

Если прибавить къ сказанному, что П. И. во время своихъ поѣздокъ за границу познакомился лично съ весьма многими музыкальными знаменитостями, изъ которыхъ большинство были плѣнены личностью П. И., то будетъ понятно, что первая артистическая поѣздка его заграницу сопровождалась колоссальнымъ успѣхомъ. Поѣздка эта была предпринята П. И. въ концѣ 1887 года по приглашенію многихъ музыкальныхъ обществъ, просившихъ его пріѣхать лично дирижировать своими сочиненіями. Если принять во вниманіе, что П. И. былъ первый русскій композиторъ, приглашенный лично дирижировать въ рядѣ наиболѣе прославленныхъ концертныхъ учрежденій (Глинка далъ свой концертъ въ Парижѣ въ 1845 г. при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, причемъ онъ самъ не дирижировалъ, такъ что концертъ этотъ прошелъ мало замѣченнымъ *), то не трудно видѣть, что такое приглашеніе было чрезвычайно лестно для артистическаго самолюбія П. И. О своей поѣздкѣ П. И. написалъ статью (описаніе начала поѣздки), напечатанную послѣ его смерти въ отдѣльномъ изданіи его фельетоновъ. Въ эту поѣздку П. И. дирижировалъ своими сочиненіями въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ П. И. въ Прагѣ, гдѣ въ его лицѣ чествовали не только славнаго композитора, но и представителя родственной націи. Наименьшій успѣхъ имѣлъ П. И. въ Парижѣ, гдѣ франко-русскія симпатіи проявляются и понынѣ столько же въ восхищеніи дрессированными свиньями Дурова или русской кулебякой, сколько и въ

*) Антонъ Рубинштейнъ, благодаря своему геніальному исполнительскому на роялѣ таланту, былъ свой человѣкъ за границей и въ качествѣ композитора, причемъ нѣмцы не безъ основанія считали его болѣе нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ композиторомъ.

преклоненіи передъ русскимъ искуствомъ. Центръ музыкальной жизни уже давно перемѣстился отъ французовъ къ нѣмцамъ, или вѣрнѣе сказать, кромѣ оперы, Парижъ собственно и не былъ никогда музыкальнымъ центромъ.

Если въ артистическомъ отношеніи поѣздка П. И. за границу была рядомъ тріумфовъ, то въ денежномъ отношеніи это удовольствіе, при его неумѣніи жить, обошлось очень дорого. Очень забавно замѣчаніе П. И. въ письмѣ его къ Юргенсону отъ 28-го марта 1888 года: «Конечно, съ денежной стороны поѣздка позорная,—да, вѣдь, я не ради денегъ ѣхалъ. Но въ результатахъ моей поѣздки ты ошибся: въ Лондонѣ я получилъ не 20, а 25 фунтовъ (благодаря большому успѣху, директора изволили прибавить 5 ф. на чай), да еще 500 марокъ въ Гамбургѣ ты не счелъ».

Гораздо выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи оказалась поѣздка П. И. въ Америку въ 1891 г., за которую антрепренеръ уплатилъ ему 2.500 долларовъ за 4 концерта. Въ послѣдніе годы своей жизни П. И. еще нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ ѣздилъ дирижировать своими сочиненіями за границу, и изъ этихъ поѣздокъ отмѣтимъ здѣсь только поѣздку въ Лондонъ для личнаго полученія диплома доктора музыки—honoris causa—отъ кембриджскаго университета (1-го іюня 1893 года).

Въ нравственномъ отношеніи всѣ поѣздки за границу съ артистическими цѣлями были для П. И. въ такой степени мучительными, что слова только приблизительно рисуютъ его состояніе духа. Вотъ что писалъ П. И. 17-го мая 1893 года изъ Лондона своему племяннику Давыдову: «Вчера мои мученія дошли до того, что пропалъ сонъ и аппетитъ, а это у меня великая рѣдкость. Я страдаю не только отъ тоски, не поддающейся выраженію словомъ, но и отъ ненависти къ чужимъ людямъ, отъ какого-то неопредѣленнаго страха и еще чортъ его знаетъ чего. Физически это состояніе выражается въ боли въ нижней части живота и въ ноющей боли и слабости въ ногахъ».

Вообще общимъ фономъ, на которомъ развертываются послѣдніе годы жизни П. И., была безнадежная, ничѣмъ внѣшнимъ не объяснимая, тоска, о которой онъ такъ пишетъ Глазунову (одному изъ близкихъ къ нему въ послѣдніе годы композитору) въ письмѣ отъ 30-го января 1890 года (за 7 мѣсяцевъ до разрыва съ Н. Ф. Меккъ!): «Переживаю очень загадочную стадію на пути къ могилѣ. Что-то такое совершается внутри меня, для меня самого непонятное. Какая-то усталость отъ жизни, какое-то разочарованіе: по временамъ безумная тоска, но не та, въ глубинѣ которой предвидѣніе новаго прилива любви къ жизни, а нѣчто безнадежное, финальное, и даже, какъ это свойственно финаламъ, банальное».

Такъ какъ эти слова написаны Чайковскимъ въ апогеѣ его славы, когда казалось всѣ блага, доступныя человѣку, были въ его распоря-

женіи, то искать объясненія этого тяжелаго самочувствія приходится въ самыхъ тайникахъ души П. И., недоступныхъ никому изъ самыхъ близкихъ къ нему людей и, можетъ быть неясныхъ ему самому. Самый близкій къ П. И. человѣкъ, его братъ Модестъ, отказывается отъ «непосильной задачи разгадать эту послѣднюю психологическую эволюцію глубинъ духа П. И.». «Я не объясняю это состояніе,—пишетъ онъ,—предчувствіемъ близкой смерти: для этого нѣтъ никакихъ данныхъ»; но было въ немъ въ эти послѣдніе годы «что-то» безнадежно тревожное, заставлявшее П. И. искать разсѣянія во что бы то ни стало.

Мы уже видѣли, что около этого времени (въ сентябрѣ 1890 г.) произошелъ разрывъ П. И. съ Н. Ф. фонъ-Меккъ, разрывъ, страшно потрясшій его морально. Къ этому внѣшнему потрясенію стали присоединяться несчастія, неизбѣжныя для человѣка, вступившаго въ шестой десятокъ лѣтъ жизни: потеря близкихъ людей. Одинъ за другимъ умирали его друзья, умерли двѣ его любимыя племянницы, дочери сестры Александры Ильинишны Давыдовой, умерла она сама, и странное дѣло, та самая смерть, которую Петръ Ильичъ такъ ненавидѣлъ (онъ называлъ ее «противная курноска»), и похищенія которой до 1893 года всегда страшно дѣйствовали на него, — она стала какъ будто менѣе страшна. Біографъ П. И. разсказываетъ, что послѣ возвращенія изъ Англіи въ 1893 году до послѣдней смертельной болѣзни онъ былъ «спокоенъ, ясенъ, почти жизнерадостенъ, какъ въ лучшія эпохи жизни». Объясненіе этого спокойствія передъ нами: П. И. сочинялъ свою послѣднюю симфонію, въ которую онъ «вложилъ, безъ преувеличенія, всю свою душу».—«Симфонія эта» ,пишетъ въ одномъ письмѣ П. И.,—«проникнута настроеніемъ, очень близкимъ къ тому, которымъ переполненъ «Реквіемъ». Окончивъ симфонію, П. И. пишетъ Юргенсону 12-го августа 1893 года: «Честное слово, я никогда въ жизни не былъ такъ доволенъ собою, такъ гордъ, такъ счастливъ сознаніемъ, что сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ хорошую вещь». Если вообще наслажденіе творчествомъ было единственнымъ спасеніемъ П. И. отъ органически точившей его тоски, то созданіе симфоніи, въ которой онъ излилъ всѣ страданія своей больной души, должно было дать ему то спокойствіе и ясность духа, о которыхъ говоритъ его біографъ. Симфонія эта была исполнена въ первый разъ подъ управленіемъ автора въ концертѣ 16 го октября въ Петербургѣ. Симфонія имѣла средній успѣхъ, и это, видимо, огорчало П. И. На репетиціяхъ онъ безпокоился, не слишкомъ ли трудно написаны партіи и жадно читалъ въ глазахъ артистовъ, понимаютъ-ли они, что онъ хотѣлъ сказать въ этой музыкѣ. Но П. И. не былъ дирижеръ, и намъ *) оставалась темна сущность

*) Симфонію исполнялъ оркестръ Императорской оперы въ концертѣ музыкальнаго общества.

этой музыки: мы находили ее красивой, удивлялись нарушенію общепринятой формы симфоніи (финалъ Adagio), но совершенно не прочувствовали той смертельной скорби, которой проникнута симфонія. Истина открылась намъ вскорѣ: П. И. скончался отъ холеры черезъ 8 дней, 24-го октября, и тогда мы поняли, что говорилъ въ ней композиторъ. И то, что мы поняли, мы съумѣли передать публикѣ, когда играли эту симфонію 6-го ноября того же года съ Э. Ф. Направникомъ, и еще сильнѣе, когда мы не разъ играли эту симфонію съ Никишемъ. Въ настоящее время это любимѣйшая симфонія современныхъ капельмейстеровъ, имѣющая неизмѣнный успѣхъ, и П. И. могъ съ своей доброй, изящной улыбкой сказать вмѣстѣ съ Гейне, величайшимъ пѣвцомъ своихъ скорбей:

Und als ich euch meine Schmerzen geklagt,
Da habt ihr gegähnt und nichts gesagt;
Doch als ich zie zierlich in Musik (Versen) gebracht
Da habt ihr mir grosse Elogen gemacht.

Главныя сочиненія П. И. съ 1885 года. Оперы: «Чародѣйка», «Пиковая дама», «Іоланта»; балеты: «Спящая красавица» и «Щелкунчикъ»; симфоніи: «Манфредъ», № 5, № 6; смычковый секстетъ; романсы, сочин. для фортепіано и др.

Творчество каждаго художника имѣетъ двѣ стороны: объективную и субъективную. Первая есть результатъ дѣятельности творческаго воображенія и созерцанія, т.-е. особаго рода дѣятельности ума; вторая есть результатъ воздѣйствія на творческую способность художника его личныхъ чувствъ и настроеній. *Умъ художника* создаетъ форму произведенія, т.-е. то сочетаніе красокъ, линій, тоновъ, словъ, которое вызываетъ въ воспринимающемъ умѣ чувство эстетическаго, художественнаго наслажденія: послѣднее есть тоже результатъ дѣятельности воспринимающаго ума, который наслаждается планомѣрностью, цѣлесообразностью, художественной логичностью произведенія. *Личное чувство художника* сообщаетъ произведенію ту лирическую чувственную окраску, ту неуловимую иногда умомъ прелесть, нѣжность, глубину личнаго чувства художника, которая передается намъ непосредственно, безъ участія нашего сознанія приводя насъ въ то или другое настроеніе, вызывая въ насъ то или другое чувство.

Значеніе *объективнаго творчества* художника опредѣляется силой и глубиной его мыслительной способности: воспроизводитъ ли онъ черты человѣческаго характера, создаетъ ли онъ воплощеніе человѣческихъ страстей, олицетворяетъ ли онъ какую-либо отвлеченную идею, геній, творящій объективно, долженъ быть сильный, глубокій, значительный умъ, хотя бы этотъ умъ былъ мало способенъ къ отвлеченному мышленію и воспроизводилъ даже наиболѣе отвлеченныя идеи—

въ конкретныхъ образахъ (Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, Толстой). *Значеніе лирики* художника опредѣляется глубиной и значительностью его личныхъ чувствъ, т.-е. качествами, которыя незначительные художники охотно хотѣли бы замѣнить искренностью. Лирическое значеніе Пушкина, Гейне, Чехова, опредѣляется не только тѣмъ, что они искренно переживали тѣ чувства, которыми окрашены ихъ произведенія, но еще болѣе тѣмъ, что эти чувства значительны, важны въ обиходѣ человѣческой жизни. Игра случая могла бы сдѣлать, и дѣлаетъ поэта или композитора изъ Манилова или Кулыгина («Три сестры» Чехова), но произведенія такихъ авторовъ едва ли кому-нибудь нужны, кромѣ такихъ же Маниловыхъ и Кулыгиныхъ. *Объективное творчество* художника обогащаетъ нашъ умъ, заставляетъ насъ мыслить; *лирика художника* обогащаетъ нашу душу чувствами, которыя, можетъ быть, безъ содѣйствія поэзіи и музыки никогда бы въ насъ не проснулись.

Указанная лирическая окраска произведеній свойственна различнымъ художникамъ въ различной степени. Величайшіе геніи способны совершенно отъ нея освободиться, и произведенія ихъ кажутся созданными не личностью, а сверхъестественной силой или геніемъ цѣлаго народа (Гомеръ, Шекспиръ); у другихъ художниковъ субъективная окраска произведеній чувствуется въ большей или меньшей степени (Гейне, Чеховъ), наконецъ бываютъ художники, талантъ которыхъ почти исключительно лирическій (Фетъ).

Раньше, чѣмъ перейти къ музыкѣ, я хотѣлъ бы указать здѣсь еще на одну замѣчательную черту высшихъ геніевъ, наиболѣе способныхъ къ объективному творчеству: въ ихъ произведеніяхъ съ необычайной силой чувствуются національныя черты, какъ будто въ нихъ взамѣнъ личныхъ чувствъ автора выступаютъ чувства всего народа, къ которому принадлежитъ художникъ (Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ), и эти чувства окрашиваютъ произведеніе съ такою силою, какъ мы это видимъ еще только въ произведеніяхъ народной литературы *).

Примѣняя сказанное къ музыкѣ, мы прежде всего столкнемся съ очень распространеннымъ предразсудкомъ, будто музыка есть искусство исключительно лирическое: «музыка не познается умомъ, а чувствуется сердцемъ»—вотъ, что мы чаще всего слышимъ. Этотъ предразсудокъ зависитъ отъ очень малаго знакомства публики съ высшими формами музыки. Эти формы построяются по особымъ музыкальнымъ законамъ, и имѣютъ свою планомѣрность и логику: наслажденіе этими формами основывается на способности слушателя слѣдить за развитіемъ музыкальной мысли (напр., въ варіаціяхъ или въ сонатѣ), понимать ясность, плавность, художественную необходимость такого именно раз-

*) Эта національная окраска въ произведеніяхъ лирическихъ художниковъ слабѣе: достаточно сопоставить Чехова съ Пушкинымъ, или Чайковскаго съ Глинкой, чтобы это различіе бросилось въ глаза.

витія, а не иного, а эта способность есть свойство ума, а не чувства: эстетическое наслажденіе основывается здѣсь, какъ и въ остальныхъ искусствахъ, на испытываемомъ нами удовольствіи отъ той легкости, съ которой мы слѣдимъ за мыслью автора — на сбереженіи силы,—и очень похоже на чувство, испытываемое нами, когда намъ показываютъ легкое рѣшеніе трудной задачи. Но даже переходя отъ сложныхъ музыкальныхъ формъ къ простѣйшимъ, къ одноголосной пѣснѣ, мы не можемъ не видѣть, что помимо той или другой эмоціи (грустной, веселой, задумчивой), вызываемой въ насъ исполненіемъ пѣсни, мы еще наслаждаемся красотой ея рисунка, т.-е. совершаемъ умственный актъ. Мы только не замѣчаемъ его при анализѣ своихъ ощущеній потому, что музыку мы всегда слушаемъ въ чьемъ-нибудь исполненіи, и передаваемое намъ непосредственно исполнителемъ чувство затемняетъ наслажденіе красотой формы. Поэтому, когда мы слушаемъ прекрасную музыку въ сухомъ, холодномъ исполненіи, то наслажденіе ея объективной красотой выступаетъ ярче въ нашемъ сознаніи.

Музыка болѣе всѣхъ другихъ искусствъ способна непосредственно вызывать въ насъ душевныя эмоціи: эмоція есть движеніе, и передается намъ помощью тончайшихъ измѣненій въ сокращеніяхъ мышцъ: голосовыхъ (интонація голоса), лица (мимика) и тѣла (жесты). Къ передачѣ этихъ измѣненій въ силѣ, ритмѣ, быстротѣ движеній музыка способна, какъ никакое другое искусство, ибо она есть само движеніе (поэзія только приближается въ этомъ отношеніи къ музыкѣ), и потому-то музыка такъ непосредственно вызываетъ въ насъ душевныя движенія. Поэтому дѣйствительно лирика занимаетъ выдающееся мѣсто въ музыкальномъ творчествѣ.

Однимъ изъ главныхъ представителей лирическаго творчества—является Чайковскій.

Большинство его произведеній проникнуты его личными чувствами, суть какъ бы отголоски настроеній его души, и этимъ объясняются многія важныя ихъ особенности. Поэтому сопоставленіе сочиненій П. И. съ событіями его личной жизни представляетъ огромный психологическій интересъ. Какое чувство играло наибольшую роль въ жизни Чайковскаго? Какъ и у большинства лириковъ—любовь. Но въ данномъ случаѣ это чувство получило особыя черты, которыя мы можемъ прослѣдить въ произведеніяхъ П. И. До 1877 года это чувство проявлялось въ видѣ жаднаго, страстнаго стремленія, ищущаго удовлетворенія и надѣющагося найти его. Это съ замѣчательной силой выражено въ «Ромео», «Франческѣ», «Adagio» изъ 2-го квартета, романсахъ и другихъ сочиненіяхъ. Около 1877 года, критическаго въ жизни П. И., является сомнѣніе въ возможности достигнуть любовнаго счастья: создаются первая часть IV-й симфоніи, образы Ленскаго и Татьяны. Эти два образа есть лучшее, что создалъ Чайковскій въ

оперѣ, потому что они являются отголоскомъ его личнаго настроенія: какъ сильно выражено это настроеніе въ предсмертной аріи Ленскаго, какъ хорошо передана дѣвственная страстность Татьяны въ сценѣ письма! Послѣ 1877 года наиболѣе удачно воспроизводитъ Чайковскій уже страданія неудовлетворенной любви (арія Германа во 2-й картинѣ 1-го дѣйствія «Пиковой Дамы») или отчаяніе сердца, умирающаго съ сознаніемъ, что всѣ стремленія къ счастью любви были безнадежны (VI-я симфонія). Никогда Чайковскому не удавалось передать восторги сердца, упоеннаго любовью, какъ это мы видимъ у Глинки (романсы, Ратмиръ), или у Вагнера (кстати сказать, одного изъ сильнѣйшихъ лириковъ въ музыкѣ, только въ громадномъ, изступленномъ маштабѣ).

Другія чувства, наполнявшія душу Чайковскаго, были любовь къ дѣтямъ и любовь къ природѣ, и эти чувства П. И. умѣлъ передать въ своей музыкѣ тончайшими, нѣжнѣйшими чертами, такъ гармонирующими съ изяществомъ и нѣжностью его собственной личности *). Такимъ же отголоскомъ личныхъ ощущеній я считаю поразительное изображеніе страха въ двухъ картинахъ «Пиковой дамы»,—страха, который былъ въ высшей степени знакомъ П. И. Наконецъ, въ музыкѣ Чайковскаго почти во всѣхъ его произведеніяхъ мы видимъ отраженіе той органической тоски, которой онъ страдалъ всю жизнь: она какъ бы тончайшимъ, прозрачнымъ покрываломъ окутываетъ даже наиболѣе радостныя движенія его души: Никишъ называетъ 2-ю часть VI-ой симфоніи «улыбкой сквозь слезы».

Обращаясь къ объективной сторонѣ творчества Чайковскаго, считаю необходимымъ прежде всего привести одно мѣсто изъ письма П. И. къ композитору Танѣеву, его ученику, занятому въ 1891 году сочиненіемъ «Орестейи», оперы на сюжетъ изъ древне-греческой жизни, и спрашивавшему П. И., какъ слѣдуетъ писать оперы. «Ихъ слѣдуетъ писать, — отвѣчаетъ П. И., (впрочемъ, точно такъ же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился, какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что имѣлось въ текстѣ. Правдивость же и искренность не суть результатъ умствованій, а непосредственный продуктъ внутренняго чувства. Дабы чувство это было живое, теплое, я всегда старался выбирать сюжеты, въ коихъ дѣйствуютъ настоящіе, живые люди, чувствующіе такъ же, какъ и я. Поэтому мнѣ невыносимы вагнеровскіе сюжеты **)... да и

---

*) Напомню его дѣтскіе сборники романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ, его оба дѣтскихъ балета, музыка которыхъ такъ превосходно прекрасна по формѣ и въ то же время окрашена такимъ наивнымъ, дѣтскимъ лиризмомъ.

**) Относительно Вагнера Чайковскій держался очень опредѣленнаго мнѣнія, и опредѣленность эта съ годами все увеличивалась. Послѣ представленія „Нибелунговъ“ въ Петербургѣ въ 1889 году П. И. пишетъ племяннику Давыдову: „Я предвижу, что у насъ теперь заведутся свои вагнеристы. Не люблю я это отродье! Проскучавъ жестоко весь вечеръ, но прельстившись какой-нибудь

твой я бы не выбралъ». Эти слова необыкновенно ясно и точно воспроизводятъ сущность драматическаго творчества Чайковскаго *) (вообще письма его даютъ много примѣровъ замѣчательной способности къ самоанализу), и изъ нихъ вытекаетъ не менѣе ясно, что при такомъ чисто лирическомъ характерѣ творческой способности П. И. могъ написать въ сущности только одну оперу: «Петръ Ильичъ Чайковскій». Именно въ драматическомъ творчествѣ лиризмъ является наибольшей помѣхой къ созданію художественныхъ произведеній, въ которыхъ главнымъ условіемъ является объективность творчества: драма создаетъ человѣческіе характеры и разрѣшаетъ трагическія столкновенія, и изъ только что сказаннаго очевидно, что П. И. мало былъ пригоденъ для первой задачи. Можно было бы ожидать, что больше способности у него окажется къ воспроизведенію драматическаго дѣйствія; но и тутъ мы не встрѣчаемъ ничего выдающагося. Возьмемъ двѣ наиболѣе популярныхъ оперы П. И. Въ «Онѣгинѣ» главные драматическіе (въ смыслѣ дѣйствія) моменты: нравоученіе Онѣгина Татьянѣ, столкновеніе его съ Ленскимъ на балу и послѣдняя сцена оперы. Въ первомъ и послѣднемъ случаѣ Чайковскій вовсе не даетъ музыки, иллюстрирующей дѣйствіе, а во второмъ онъ даетъ въ высокой степени обыкновенную музыку, какую мы встрѣтимъ у многихъ оперныхъ композиторовъ (я говорю не объ аріи Ленскаго («Въ вашемъ домѣ»), а о сценѣ вызова, и участіи хора). Въ «Пиковой дамѣ» драматическій узелъ разрѣшается въ двухъ моментахъ: когда Лиза застаетъ Германа въ спальнѣ графини, и въ сценѣ у зимней канавки. Здѣсь Чайковскій обнаруживаетъ большое техническое мастерство, но драматической музыки (какъ у Глинки, Мейербера, Вагнера) не даетъ.

Необходимо еще отмѣтить, что Чайковскій чрезвычайно мало былъ

одной эффектной минутой. они вообразятъ, что оцѣнили Вагнера, и будутъ кичиться тонкостью своего пониманія, обманывая и другихъ, и себя. Въ сущности Вагнеръ (я говорю объ авторѣ тетралогіи, а не сочинителѣ „Лоэнгрина“) не можетъ нравиться русскому человѣку. Эти нѣмецкіе боги съ ихъ вальгальскими дрязгами и до нельзя растянутой драматической галиматьей должны французу, итальянцу, русскому казаться просто смѣшными. А музыка, въ которой чудесные симфоническіе эпизоды не выкупаютъ уродливости и искусственности вокальной стороны этихъ музыкальныхъ чудищъ, должна наводить лишь уныніе. Если все это нападеніе на Вагнера тебя удивитъ, то скажу, что очень высоко ставлю творческій геній Вагнера, но ненавижу вагнеризмъ, какъ принципъ, и не могу побѣдить отвращенія къ послѣдней манерѣ Вагнера“.

*) Съ этимъ совершенно совпадаютъ и оперныя симпатіи П. И. Какъ великій музыкантъ, онъ не могъ не понимать, что „Фрейшютцъ“, „Русланъ“ стоятъ неизмѣримо выше его любимцевъ „Карменъ“, „Фауста“, и очень опредѣленно высказывалъ такую ихъ оцѣнку, и тѣмъ не менѣе онъ въ глубинѣ души былъ холоденъ къ этимъ величайшимъ образцамъ оперной литературы. Этимъ же объясняется и почти презрительное отношеніе его къ Бородину, который въ „Игорѣ“ далъ образецъ національной оперы, близкой по талантливости къ „Руслану“.

способенъ къ воспроизведенію народности не только чужой (поводъ къ этому онъ имѣлъ въ «Орлеанской Дѣвѣ» и «Іолантѣ»), но и своей: та поразительно яркая національная окраска, народный духъ, восхищающіе насъ въ произведеніяхъ Глинки, который, какъ и Пушкинъ, геніально воспроизводилъ не только духъ русскаго народа, но и чужихъ народностей: поляковъ, духъ востока,—эта національная окраска едва замѣтна у Чайковскаго, хотя онъ несравненно чаще пользуется русскими народными мелодіями, чѣмъ Глинка.

Если, тѣмъ не менѣе, несмотря на указанные существенные недостатки, оперы Чайковскаго имѣютъ огромный успѣхъ, то это объясняется относительно «Онѣгина» тѣмъ, что здѣсь композиторъ имѣлъ случай къ лирическимъ изліяніямъ («Онѣгинъ» и названъ «лирическими сценами»); относительно же другихъ оперъ дѣло объясняется тѣмъ, что въ нихъ масса прелестной, превосходной музыки, хотя не драматической *), и до тѣхъ поръ, пока публика ищетъ въ оперѣ не музыкальной драмы (т.-е. музыкальнаго изображенія характеровъ и дѣйствія), а просто большого количества прекрасной музыки, до тѣхъ поръ успѣхъ оперъ Чайковскаго обезпеченъ. Но если мы вспомнимъ, что сдѣлали въ оперѣ Глинка и Даргомыжскій (въ «Русалкѣ» мы имѣемъ и замѣчательный лиризмъ), то должны будемъ признать, что творчество Чайковскаго въ области оперы не есть шагъ впередъ.

---

*) Различіе между драматической и романсовой (въ самомъ общемъ смыслѣ) музыкой почти постоянно упускается изъ виду при обсужденіи достоинствъ оперы, а между тѣмъ это различіе существенно важно. Исторія дала намъ геніальныхъ композиторовъ романсовъ, не оставившихъ въ оперѣ ничего значительнаго (Шуманъ, Шубертъ). Здѣсь не мѣсто пускаться въ анализъ причинъ этого различія; для насъ достаточно указать, что различіе это совершенно отчетливо чувствуется слушателемъ и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда сопоставляется романсъ (т.-е. описаніе чьего-нибудь чувства) съ аріей (само чувство въ своемъ живомъ проявленіи): въ этомъ случаѣ различіе обусловливается внѣшними условіями; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ хотѣлъ-бы дать драматическую музыку, а даетъ романсъ вопреки собственнымъ художественнымъ намѣреніямъ. Сопоставимъ съ этой точки зрѣнія арію Елецкаго изъ „Пиковой дамы“ (I-я картина II-го акта: „Да, вижу я“) съ балладой Финна изъ „Руслана“. Въ первомъ случаѣ авторъ желаетъ дать изображеніе душевнаго состоянія Елецкаго въ тотъ моментъ, когда онъ убѣждается, что невѣста его не любитъ,—и что же? Чайковскій даетъ настоящую романсовую музыку! Въ балладѣ Финнъ только разсказываетъ о своихъ прежнихъ страданіяхъ,—и Глинка даетъ намъ замѣчательную драматическую музыку: передъ нами возникаетъ живое лицо, созданное музыкальными средствами. Съ указанной точки зрѣнія речитативъ является однимъ изъ могущественныхъ средствъ драматическаго выраженія: композиторъ прибѣгаетъ къ нему тогда, когда чувствуетъ, что, въ силу хода дѣйствія, необходимо разорвать оковы правильной музыкальной формы и дать волю восклицательному элементу, приближающему музыку къ рѣчи. Въ сравненіи съ Глинкой и Даргомыжскимъ речитативъ въ операхъ Чайковскаго представляется мнѣ общимъ мѣстомъ, собственностью многихъ оперныхъ композиторовъ.

Переходя къ другимъ областямъ музыкальнаго творчества и прежде всего въ симфонической и камерной музыкѣ, какъ высшему роду, укажу прежде всего на то, что Чайковскій имѣлъ самыя превосходныя данныя для сочиненія инструментальной музыки. Легкость мелодическаго изобрѣтенія, дающаго матеріалъ для построенія сложныхъ произведеній указаннаго рода, богатство гармоніи, свободное владѣніе контрапунктомъ, однимъ словомъ, блестящая инструментовка—вотъ данныя, которыя обезпечили Чайковскому одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ композиторовъ. Но если приступить къ оцѣнкѣ этихъ произведеній съ точки зрѣнія высшихъ требованій отъ музыкальной формы, то мы увидимъ у Чайковскаго одинъ существенный недостатокъ—это малая способность къ органическому развитію большихъ формъ. Симфонія, квартетъ, соната отличаются отъ другихъ формъ тѣмъ, что, состоя изъ нѣсколькихъ частей (большею частью четырехъ), они должны, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ имѣть въ формѣ сонатнаго Allegro (иначе сочиненіе будетъ «сюита»). Сущность этой формы состоитъ въ томъ, что, основываясь на двухъ (рѣдко болѣе) темахъ, она развивается изъ этихъ темъ путемъ особаго, чисто музыкальнаго процесса, объясненіе котораго здѣсь неумѣстно. Я лучше прибѣгну къ сравненію: романъ отличается отъ повѣсти тѣмъ, что послѣдняя даетъ только эпизодъ, обрисовывающій характеръ дѣйствующихъ лицъ, а романъ даетъ самое развитіе этого характера.

Такъ и въ музыкѣ: сонатная форма должна дать развитіе музыкальныхъ темъ, мелкія формы даютъ изложеніе этихъ темъ въ видѣ отдѣльнаго эпизода. Бетховенъ далъ величайшіе образцы сонатной формы, послѣ которыхъ сочиненія послѣдующихъ композиторовъ являются несравненно слабѣйшими (именно съ точки зрѣнія развитія темъ), и среди этихъ композиторовъ Чайковскій съ указанной точки зрѣнія не занимаетъ перваго мѣста *). Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что

*) Какъ и въ другихъ случаяхъ, П. И. хорошо сознавалъ указанный недостатокъ. „Я всю жизнь страдалъ“,—пишетъ онъ въ 1888 году въ письмѣ,—„отъ сознанія своей неспособности къ формѣ вообще. Я много боролся съ этимъ органическимъ недостаткомъ и могу съ нѣкоторой гордостью сказать, что достигъ значительныхъ результатовъ, но такъ и умру, не написавъ ничего совершеннаго по части формы“ (нужно понимать сонатной (высшей) формы, потому что въ мелкихъ формахъ П. И. именно достигалъ совершенства—романсы, мелкія инструментальныя сочиненія). Въ связи съ этой малой способностью къ большимъ инструментальнымъ формамъ, а также въ зависимости отъ сильнаго развитія лиризма, находятся и симпатіи его по отношенію къ инструментальной музыкѣ. Ставя Бетховена выше всѣхъ въ симфонической и камерной музыкѣ, Чайковскій въ большинствѣ случаевъ (исключая сильно окрашенныхъ лирикой сочиненій Бетховена) былъ къ нему холоденъ; къ Брамсу, суховатому, но по совершенству формы замѣчательнѣйшему послѣ Бетховена композитору, П. И. чувствовалъ почти что отвращеніе. Зато, не говоря уже о Моцартѣ, который былъ его кумиромъ, П. И. приходилъ въ сильнѣйшее волненіе отъ музыки Шумана и Грига, замѣчательно родственныхъ ему по лиризму компо-

симфоническая и камерная музыка П. И. не заслуживаетъ того успѣха, которымъ она пользуется. Я только считаю необходимымъ стать на историческую точку зрѣнія. Читатель, которому, вѣроятно, мало дѣла до исторіи музыки, быть можетъ, возразитъ: «Богъ съ ней, съ сонатной формой, если и безъ нея музыка такъ хороша!» Ну, что же! Хороша,—тѣмъ лучше.

Камерная музыка Чайковскаго, также какъ и его сюиты *) (особенно 3-я), имѣетъ за границей большій успѣхъ, чѣмъ симфоническая, исключая VI-ой симфоніи, захватывающей слушателей своимъ лирическихъ паѳосомъ. По той же причинѣ имѣютъ такой постоянный успѣхъ и обѣ симфоническія поэмы: «Ромео» и «Франческа». Въ «Бурѣ» нѣсколько вредитъ впечатлѣнію растянутость формы.

Если прибавить, что въ мелкихъ формахъ (романсы, мелкія инструментальныя сочиненія, преимущественно для фортепіано) Чайковскій нашелъ благодарное поле для лучшихъ сторонъ своего таланта, что въ нихъ въ совершенной иногда формѣ вылились и его лирическая грусть, и патетическая тоска, и дѣтская нѣжность, то этимъ мы можемъ закончить характеристику музыкальнаго творчества Чайковскаго, цѣною свого личнаго счастья создавшаго для насъ источникъ интимныхъ и нѣжныхъ душевныхъ движеній, такъ часто заглушаемыхъ плоской и грубой прозой жизни.

Викторъ Вальтеръ.

зиторовъ. Нелюбовь Чайковскаго къ Шопену является страннымъ фактомъ, не объяснимымъ иначе, какъ анормальнымъ отвращеніемъ (идіосинкразія), въ особенности, если вспомнить, какъ иногда Чайковскій близокъ къ Шопену (фортепіанное тріо).

*) Очень интересно отмѣтить тотъ фактъ, что наиболѣе объективныя сочиненія Чайковскаго, въ которыхъ наименѣе замѣтенъ его основной лирическій мотивъ—неудовлетворенная любовь,—написаны имъ въ ближайшіе годы послѣ катастрофы 1877 года; какъ будто въ области объективной красоты П. И. искалъ убѣжища отъ терзавшихъ его страданій. Сюда относятся: три „сюиты“ для оркестра, фортепіанное тріо, духовная музыка, „дѣтскія“ сочиненія.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Домъ, въ которомъ жилъ Василій Дьякъ, былъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ въ порту. По величинѣ его скорѣй можно было назвать городкомъ, такъ какъ онъ занималъ площадь въ четыре квартала, застроенную со всѣхъ строонъ, а по нравамъ, царившимъ въ немъ, представлялъ нѣчто совершенно самостоятельное, какъ бы отрѣзанное отъ прочей жизни. Домъ-городокъ былъ заселенъ людьми разныхъ національностей, и пріѣхавшій персіянинъ находилъ въ немъ своихъ земляковъ, какъ и имеретинъ. Турки жили въ квартирахъ рядомъ съ армянами, греки братались съ православными и евреями, послѣдніе съ поляками. нѣмцами, хохлами,—и весь этотъ людъ съ женами, дѣтьми, законными и незаконными, всѣ эти женщины безъ мужей, и мужчины со многими женами, дѣвушки, парни, ребятишки жили въ тѣснотѣ, грязи. Двухъ-этажныя зданія, черныя, смрадныя, надъ подвальными помѣщеніями, какъ щиты, окружали большой дворъ, гдѣ въ продолженіе всѣхъ часовъ сутокъ движеніе и шумъ не прекращались ни на минуту. Всѣ здѣсь страшно пьянствовали и даже воздержные турки увлекались разгуломъ. Пьянствовали мужчины, женщины, дѣти, дѣвушки, и въ этомъ да въ развратѣ было единственное забвеніе отъ тяготы. Какъ и повсюду въ порту, люди и здѣсь находились въ тѣхъ же рукахъ четырехлицаго врага ихъ—водки, дурной болѣзни, разврата, нищеты, и онъ не щадилъ никого. Домъ кишѣлъ интригами, невинными и гнусными, и почти не было дѣвушки, которая не свихнулась бы, женщины, не измѣнившей мужу. Соблазнъ и преслѣдованія шли со всѣхъ четырехъ сторонъ. Заманивалъ красавецъ-грекъ, развратный турокъ, свой братъ мастеровой, поденщикъ, а необезпеченная жизнь гнала въ про-

*) См. „Міръ Божій“ № 10, 1903 г.

пасть еще повелительнѣе, чѣмъ люди. Дѣти росли заброшенныя, безъ пріюта, въ условіяхъ, не имѣющихъ еще словъ на человѣческомъ языкѣ. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ они питались грязью и отбросами и отъ болѣзней и истязаній погибали рано. Выживавшія, едва ставъ на ноги, дѣлались ворами, пьяницами и лишь небольшая часть изъ нихъ впослѣдствіи размѣщалась по фабрикамъ, шла въ ремесленники или въ поденщики. Дѣвочки въ подавляющемъ большинствѣ становились проститутками, профессіональными или тайными, и жизнь эту начинали съ 10-ти или 12-ти-лѣтняго возраста, пройдя школу разврата у турокъ, грековъ.

Въ одной изъ коморокъ этого дома, старательно отдѣливъ себя отъ мерзкой жизни, жилъ Василій Дьякъ съ своей племянницей Аннушкой. Аннушкѣ было 17 лѣтъ, и только то, что дѣтство дѣвушки протекло въ другомъ мѣстѣ, спасло ее отъ паденія. Она была сиротой. Отецъ ея—рыбакъ, утонулъ, когда она была еще ребенкомъ, а мать—она приходилась сестрой Дьяку — вскорѣ сошлась со шкиперомъ, жившимъ въ другомъ городѣ, и оставила 11-ти-лѣтнюю Аннушку на воспитаніе у Василія. Первое время Дьяку пришлось трудно съ тосковавшей дѣвочкой, но постепенно они привязались другъ къ другу и зажили, какъ родные. Въ четырнадцать лѣтъ Аннушка—въ это время умерла ея мать—стала ходить на работу, и съ этого дня какъ-то уютнѣе сдѣлалось въ домѣ Дьяка. И въ работѣ, въ хлопотахъ, съ незамѣтными крошечными радостями, текла ихъ жизнь.

Когда Никита въ назначенный вечеръ явился къ Дьяку, то его еще не было дома, и Аннушка сидѣла одна. Никита, не ожидавшій встрѣтить дѣвушку, съ недоумѣніемъ остановился и, не глядя на Аннушку, скороговоркой спросилъ:

— Василія нѣтъ дома?

— Вамъ зачѣмъ?—раздался ея голосъ.

Никита живо поднялъ голову и посмотрѣлъ на Аннушку. Передъ нимъ стояла красивая дѣвушка, съ чистыми сѣрыми глазами, а на головѣ, точно вѣнокъ, лежали толстыя, свѣтлыя косы. Онъ сейчасъ же узналъ ее и что-то радостное забилось у него въ груди, но сейчасъ же замерло, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Дѣло есть къ нему.

— Дядюшка сейчасъ придутъ, посидите.

Она стала подметать земляной полъ, а Никита, поискавъ мѣсто, усѣлся на стулѣ въ углу. Откуда-то, какъ если бы крѣпко кричали за стѣной, донесся жалобный, долгій крикъ. Аннушка такъ и застыла съ вѣникомъ въ рукѣ. Потомъ выбѣжала изъ комнаты, тотчасъ же вернулась и объяснила:

— Это Дарьюшка кричитъ. Сейчасъ рожать начала.

Никита не отозвался и продолжалъ сидѣть неподвижно, какъ

камень, и думалъ о своемъ. Первое смущеніе отъ того, что онъ узналъ въ Аннушкѣ дѣвушку, которую преслѣдовала старуха Александра, уже прошло, и капелька безсознательной радости отъ встрѣчи лишь прибавила жару къ тѣмъ мыслямъ, съ какими онъ шелъ сюда. Опять послышался стонъ, длинный и гибкій, но сейчасъ же былъ покрытъ воплемъ, и онъ раздался, какъ выстрѣлъ въ ухо. Аннушка выбѣжала, и ее долго не было. Никита пересталъ думать о своемъ и мучился отъ криковъ, которые становились все чаще, пронзительнѣе, ужаснѣе.

— Ну, что?—спросилъ онъ въ волненіи, привставъ, когда Аннушка вошла.

— Трудно Дарьюшка рожаетъ. Бабка говоритъ, что ребенокъ плечикомъ идетъ, и, значитъ, Дарьюшка не выдержитъ, какъ Богъ не захочетъ. Теперь и Александра тамъ, нарочно позвали ее, чтобы помогла. Она и заговаривать умѣетъ.

Никита почесалъ затылокъ, сѣлъ, а Аннушка, разсказавъ, убѣжала снова. Время медленно потекло, крики учащались, замирали, были жалобные, молящіе, злые, и Никитѣ казалось, что ему разбиваютъ черепъ.

«Не во-время попалъ,—думалось ему,—а Дьяка все нѣтъ».

Какъ разъ отворилась дверь, и вошелъ Василій.

— А я только что о тебѣ вспоминалъ,—произнесъ Никита.

— Ага, уже здѣсь, — добродушно засмѣялся Дьякъ, ставя ящикъ съ инструментами въ углу, подъ образами:—ладно, братъ, молодцомъ будешь.

Онъ скинулъ шапку, а Никита, поискавъ въ карманѣ и очень довольный приходомъ Василія, вынулъ шкаликъ и сказалъ:

— А это вотъ по уговору, принесъ. Шкаликъ тутъ.

— Люблю за аккуратность. Ставь на столъ. А Аннушка гдѣ? Аннушка,—крикнулъ онъ, открывъ дверь и высунувъ голову.

— Я здѣсь, дядя,—раздался ея голосъ.

— Ступай въ комнату, я кушать хочу.

У дверей послышались ея твердые шаги, и когда она вошла, Дьякъ съ ироніей сказалъ:

— Дядька голоденъ—Аннушки нѣтъ, дядька сытъ, Аннушка есть. Гдѣ стрекоза летала?

— У сосѣдки, дядюшка, была. Дарьюшка рожаетъ—родить не можетъ и очень мучится. Бабка вышла и тихо говоритъ: «помретъ Дарьюшка». Заплакали мы тамъ.

— Какая Дарья?—спросилъ Дьякъ, опорожняя рюмку съ водкой,—ихъ тутъ три.

— Вы, дядя, знаете, какая.

— Три Дарьи тутъ есть,—повторилъ Дьякъ упрямо:—не знаю, которая...

— Ну, Дарьюшка хромая, что съ грекомъ живетъ.

— Эта-то. Ну, туда ей и дорога,—хладнокровно выговорилъ Дьякъ, закусивъ чернымъ хлѣбомъ.—Не пошла по закону и расплачивайся, матушка. Разскажешь тамъ Богу про грека своего. Былъ, скажешь, Господи, красивый грекъ на землѣ, и мнѣ, хромой Дарьюшкѣ, захотѣлось отвѣдать красиваго грека. Отвѣтятъ ужъ ей тамъ, наверху. Налей-ка мнѣ, стрекоза, борща...

— Никому нельзя смерти желать,—выговорилъ Никита своимъ упрямымъ голосомъ, и у него забилось сердце.

— Вотъ такъ и нельзя,—наставительно поддержала Аннушка,—всегда дядюшка что-нибудь такое скажутъ.

— А почему, молодецъ, нельзя смерти желать?—издѣваясь, говорилъ Дьякъ и игралъ шкаликомъ, перебрасывая его въ рукахъ.

— Не по совѣсти выходитъ, вотъ почему,—отвѣтилъ Никита.

— А по твоему, съ грекомъ жить не въ законѣ по совѣсти?

— Это, дядюшка, ея дѣло. Ея воля, какъ жить.

— Ты, цыплята, цыцъ,—засмѣялся Дьякъ и чуть не подавился хлѣбомъ.—Цыплята, такъ и молчи. Съ тобой не разговариваютъ.

— Сами, дядюшка, завелись...

— Цыплята, говорю, слѣдовательно, не разсуждай,—съ напускной важностью произнесъ Василій и вынулъ пробку изъ шкалика. Но сейчасъ же раздумалъ и тихо сказалъ, какъ бы успокаивая кого-то въ себѣ: «послѣ выпью».

— Каждый человѣкъ можетъ себѣ, какъ хочетъ жить,—послѣ молчанія выговорилъ Никита

— Я, молодецъ,—отвѣтилъ Дьякъ, поглаживая колѣни,—это зналъ, когда ты еще съ прорѣзомъ сзади ходилъ, а теперь думаю такъ, что, если человѣка безъ вожжей пустить, то онъ больше бѣды надѣлаетъ, чѣмъ бѣшенная собана. Человѣкъ безъ вожжей, что вѣтеръ въ подворотнѣ.

Аннушка поставила на столъ чашку съ борщомъ, нарѣзала хлѣба и принесла деревянную ложку. Снова раздались крики, и теперь они были нечеловѣческіе, безумные. Казалось, били маленькую собачку, и это она рыдала такими безумными звуками. Аннушка задрожала и, не выдержавъ ужаса, убѣжала изъ комнаты.

— Вотъ тебѣ и грекъ!—выговорилъ Дьякъ:—кобель...

Онъ сталъ ужинать и каждый глотокъ такъ усердно запивалъ водкой, что шкаликъ скоро былъ опорожненъ.

— А теперь за букварь,—произнесъ онъ, вставая,—ступай сюда, Никита, я тебѣ полочку свою покажу.

Вошла Аннушка и разсказала, что ребенка вытащили мертвымъ, а Дарья осталась въ обморокѣ, блѣдная... Она сѣла у окна и, вздрагивая плечами, стала прислушиваться, не раздастся ли

крикъ. Дьякъ стоялъ съ Никитой подлѣ задней стѣны, гдѣ, задернутая занавѣской, висѣла небольшая полка съ книжками.

— Все это,—говорилъ Дьякъ,—мнѣ хозяйскій сынъ подарилъ, гимназистъ. Скоро уже студентомъ будетъ. Славный паренекъ, съ душой. А языкъ чистая бритва. Славный паренекъ, далеко хватитъ. Книжки эти онъ мнѣ подарилъ, когда въ третій классъ перешелъ. Совсѣмъ перепелка былъ, а вотъ ужъ что имѣлъ.

Онъ сталъ разбирать книжки, а Никита заложивъ руки за спину и вытянувъ шею, почтительно смотрѣлъ на эти драгоцѣнности, гдѣ ему, казалось, было разрѣшеніе всему.

— Вотъ эта, напримѣръ,—сказалъ Дьякъ, задумчиво перелистывая толстенькую книжку,—нѣмецкая грамматика. На кой чортъ мнѣ нѣмецкая грамматика, спрошу я тебя, молодецъ, когда я языка не знаю? Но книжка хороша. Хороша я книжка, — ничего нельзя сказать худого. Все тутъ о нѣмцѣ, какъ живетъ, и какіе порядки. Богатая книжка.

Онъ бережно сдунулъ съ нея пыль, попенялъ Аннушкѣ, что она за книжками не смотритъ, и вытащилъ другую.

— Ты кто такая, голубушка? — спросилъ онъ и раскрылъ на первой страницѣ.—«Бѣдные люди». Вотъ ужъ книга, такъ книга. Отъ роду такой не читалъ. Богатая книга. Я Аннушкѣ одно письмо прочелъ, такъ заплакала, ей-Богу,—вотъ она какая книга. А ты кто, милая? спросилъ у книжки въ черномъ переплетѣ.—«Тюфякъ». Не читалъ, братъ, тебя, нѣтъ, не читалъ. Что-то скучно показалось, — но книжка великолѣпная, лучшей ненадобно. Посмотри-ка, молодецъ, на нее.

Никита взялъ книжку, благоговѣйно подержалъ ее въ рукѣ и осторожно, чтобы не выронить какъ-нибудь, вернулъ Дьяку.

— Хорошая книжка, дѣйствительно,—выговорилъ онъ и отступилъ почему-то на шагъ назадъ.

— А что же букварь?—вдругъ вспомнилъ Дьякъ,—совсѣмъ изъ головы вышло. Аннушка, гдѣ букварь? Опять, стрекоза, выбѣжала. Аннушка, Аннушка.

Дѣвушка вошла въ комнату и остановилась на порогѣ.

— Куда букварь дѣвался? Не могу я его найти.

— Сейчасъ, дядюшка,—отвѣтила Аннушка и танцующими шагами подошла къ полкѣ и немедленно отыскала книжку.

— Вотъ, дядюшка, букварь, зачѣмъ вамъ?

— Да,—недовольно произнесъ Дьякъ,—дѣйствительно букварь. Подъ носомъ лежалъ, а я не видѣлъ. Что же это ты, братецъ, прячешься?—обратился онъ съ укоромъ къ книгѣ.—Разъ ты шельмецъ на своемъ мѣстѣ лежишь, такъ и отзывайся, когда тебя ищутъ.

И лишь теперь разслышавъ вопросъ Аннушки, отвѣтилъ:

— Никиту по немъ грамотѣ буду учить.

Аннушка внимательно посмотрѣла на Никиту, не выдержала и разсмѣялась.

— Грамотѣ его учить, дядюшка? Да его въ баню нужно раньше свести. Такой грязный и грамотѣ учиться!

Никита потупилъ глаза отъ смущенія, а Дьякъ недовольно оборвалъ ее.

— Цыплята, что за смѣхъ такой? Дура ты, ей-Богу, дура. Онъ и въ баню сходитъ, что тутъ смѣшного. Человѣку въ баню сходить не трудно, а дуракъ и въ гробъ дуракомъ ляжетъ. Правда, молодецъ? Больше водки не захватилъ? Жалко. Не я люблю, букварь водку любитъ. Ну, пойдемъ.

И Дьякъ, опустивъ занавѣску, торжественно, въ сопровожденіи Никиты, прошелъ къ столу, надѣвъ на ходу очки. Чудно стало на душѣ у Никиты, когда старинный букварь очутился противъ него, открытый на первой страницѣ. Большія черныя буквы, подобныя кучѣ дремавшихъ жуковъ, правильно расположились рядами, а Дьякъ съ очками на носу былъ какъ бы пастухомъ и сторожилъ ихъ. Сама комната расширилась, разрослась, мысль объ Аннушкѣ стала мыслью о звѣздѣ, и все вмѣстѣ дышало милой прелестью. А Дьякъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ душѣ ученика, какъ только Аннушка вышла, произнесъ, понизивъ голосъ.

— Что баба, Никита, дура,—это я знаю, какъ «Отче нашъ». Но и у бабы смекалка заиграть можетъ, и тогда безъ разговора покорись. Скажемъ баня. Отчего не сходить? Сходи, Никита, рубашку купи; потому, если правду сказать, то къ наукѣ даже совѣстно неумытымъ прикоснуться. Опрятности наука требуетъ, ей-Богу. Ну, Господи, благослови...

Никита опустилъ голову, будто сейчасъ его должно было что-то ударить, а Дьякъ, вооружившись спичкой, сталъ колоть ею какого-то жука на страницѣ, будто хотѣлъ прогнать его, а тотъ не слушался.

— Азъ,—назвалъ онъ и сказалъ:—повтори, молодецъ.

Никита мысленно перекрестился, заложилъ языкомъ глотку и чужимъ голосомъ произнесъ: «Азъ»!

— Ты, молодецъ,—настаивалъ Дьякъ,—во всѣ глаза смотри. Видишь, двѣ палки, будто человѣкъ ноги разставилъ, а въ серединѣ перекладинка. Это и есть—азъ.

— Азъ,—повторилъ Никита, впившись въ букву, отчего она начала удлиняться и сокращаться, какъ живая.

— Скорый ты какой,—съ ироніей выговорилъ Дьякъ,—этакъ азъ и лошаль скажетъ. Тутъ, молодецъ, такъ нельзя. Раньше букву первымъ дѣломъ со всѣхъ сторонъ осмотри, охвати кор-

пусъ, головку, масть ее, подумай, запечатлѣй, а тогда и скажи: азъ. Вотъ я тебѣ штуку покажу.

Онъ взялъ книгу, закрылъ ее и сказалъ:

— Теперь, молодецъ, открой и отыщи мнѣ барина азъ.

Никита послушно взялъ книгу, и когда раскрылъ ее, то все, какъ по волшебству, пропало. Всѣ буквы были похожи другъ на друга, имѣли ноги, корпусъ, перекладинки, а пока онъ искалъ, то и названіе забылъ.

Дьякъ посмотрѣлъ на его лицо и весело разсмѣялся.

— Что, братъ, потерялъ? Ищи, да гляди, лба не расшиби. Ну, не плачь, можетъ, разыщемъ еще. Куда же это онъ дѣвался?—и онъ проворно и сдѣлавъ озабоченное лицо, сталъ искать ее.—Говорилъ я тебѣ, корпусъ запомни. А, можетъ, скажешь, какъ барина по фамиліи зовутъ? Кликни-ка, авось отзовется.

Пикита упрямо не поднималъ глазъ, и его терзалъ стыдъ.

— Ты не смѣйся, Василій,—взмолился онъ.

— На меня не смотри,—серьезно вдругъ сказалъ Дьякъ.—Учителю все можно съ ученикомъ, а тебѣ польза. Со мной, молодецъ, не шутили, когда науку вгоняли, а здорово кулаками дубасили. Непривычному человѣку нѣтъ ничего хуже, какъ эти проклятые корешки вдолбить. Прочее все—козѣ подъ хвостъ. Корешки главное. Ну, еще разъ. Гляди: азъ.

— Азъ,—повторилъ Никита и такъ впился въ букву, что она заплясала передъ нимъ.

Вбѣжала Аннушка и, задыхаясь, стала разсказывать, что Дарьюшка все въ обморокѣ лежитъ и ее не могутъ привести въ чувство.

— И пускай лежитъ,—отозвался Дьякъ.—Не мѣшай намъ, стрекоза.

Аннушка вышла, и оба еще съ полчаса бились, пока съ глаголемъ не покончили. Дьякъ закрылъ букварь, а Никита сказалъ:

— Ровно я, Василій, цѣлый день камни таскалъ. Все тѣло заболѣло.

— Ничего, молодецъ, это съ непривычки. А теперь, хоть и уговора не было, но по совѣсти надо тебѣ послушать, что въ книжкахъ пишется. Штучку я одну такую знаю; «Носъ» называется, сочинителя Гоголя. Вотъ ужъ штучка, такъ штучка.

— Давай читать,— развеселился Никита, хлопнувъ себя по колѣнямъ,—коли учиться, такъ ужъ учиться.

Въ эту минуту вошла Аннушка, и теперь у нея былъ такой видъ, что оба поняли и перекрестились.

— Только что кончилась,—косясь отъ страху, прошептала дѣвушка.—Вся кровью изошла. Какое, дядюшка, у нея лицо теперь,—

и голосъ ея зазвенѣлъ, и она заплакала,—какое лицо! Никогда, дядюшка, я замужъ не выйду.

Всѣ стали удрученными, точно смерть, пролетая, задѣла и ихъ. Аннушка отвернулась и молча плакала. Никита долго не спускалъ съ нея глазъ и, наконецъ, съ сожалѣніемъ поднялся Все сидѣлъ бы онъ и смотрѣлъ на эту милую дѣвушку, какъ, отвернувшись, точно испуганный ребенокъ, она плакала и торопливо утирала глаза. Горе не задѣвало его. Вспоминалась только первая встрѣча съ Аннушкой и была радость оттого, что онъ ее нашелъ здѣсь, на пути къ важному дѣлу своей жизни. Аннушка плакала, закрывъ лицо руками, и въ эту минуту была на другомъ краю отъ того, что рождалось въ этотъ мигъ. Она плакала, прощаясь съ несчастной хромой дѣвушкой, поплатившейся за увлеченіе смертью, и душа у нея болѣла отъ жалости. Дьякъ сидѣлъ на кровати, и спина его была ровная, какъ палка. Опустивъ очки на кончикъ носа, онъ съ укоромъ смотрѣлъ передъ собой, точно предъ нимъ стояла смерть, убившая хромую дѣвушку, и не одобрялъ ее.

— Можетъ, дашь букварь,—спросилъ Никита, чувствуя, что въ эту тяжелую минуту нельзя больше оставаться безъ человѣческаго голоса.—Я куплю свѣчку и поучусь еще сегодня.

— Букварь,—повторилъ Дьякъ, очнувшись,—нѣтъ, букваря я дать не могу. Приходи завтра пораньше и поучишься. У тебя квартиры нѣтъ, и книга можетъ пропасть.

— Ладно,—отозвался Никита.—Пойду уже. Прощай, Василій.

— Прощай,—не трогаясь, произнесъ Дьякъ,—приходи завтра.

— Приду.

Онъ вышелъ, и когда попалъ во тьму, то сразу почувствовалъ свое одиночество, и все доброе и радостное отлетѣло отъ него. Возлѣ второй квартиры стояла толпа и тихо разговаривала. Кто-то плакалъ и причитывалъ. Никита заглянулъ въ окно и удивился, какъ много было народу въ комнатѣ. Посреди стоялъ молодой человѣкъ, одѣтый не такъ, какъ остальные: въ сюртукѣ и глаженной рубахѣ. Въ рукѣ онъ держалъ котелокъ, и лицо у него было разстроенное.

— Вотъ Сократій, Дарьюшкинъ любовникъ,—раздался подлѣ Никиты женскій шопотъ.—Кажется, плачетъ.

Никита нахмурился, постоялъ у окна, потомъ съ силой надвинулъ шапку на голову и звонкими шагами, будто было подкованъ, пошелъ со двора. На улицѣ его охватилъ вихрь мыслей, и онъ сталъ думать о банѣ, о рубахѣ, о собственной квартирѣ, думалъ о Дьякѣ, Дарьюшкѣ и Елизаветѣ, но оставался холоденъ ко всему. Потомъ явился образъ Аннушки, и онъ потонулъ въ немъ.

— Вотъ, если бы,—мечталъ онъ, не смѣя закончить...

Но ясно чувствовалъ, что если бы что-то случилось, то могло явиться такое, чего ни у одного человѣка еще не было на землѣ. Онъ шелъ все быстрѣе, и Аннушка со всѣхъ сторонъ окружала его своимъ тепломъ, бѣжала впереди и какъ бы указывала путь къ тому самому, чего онъ такъ страстно хотѣлъ и жаждалъ. И онъ шелъ и отдавался ей. Но когда онъ углубился въ портъ и передъ нимъ мелькнули кабаки съ пьяными, кричавшими людьми въ нихъ, его охватило отчаяніе ужаса.

И Аннушка отошла отъ него.

IX.

Теперь дни побѣжали съ неудержимой быстротой, точно кто-то до сихъ поръ держалъ ихъ на вожжахъ, а имъ удалось вырваться, и они понесли. Никита совершенно отдался занятіямъ и даже присмирѣлъ на работѣ. Съ утра онъ носилъ одно желаніе: поскорѣй развязаться съ работой и побѣжать къ Дьяку. Тамъ онъ оттаивалъ, какъ ледъ на огнѣ; его дѣйствительная жизнь какъ бы сгинала, и начиналось желаемое очарованіе. Съ Аннушкой онъ уже успѣлъ тѣсно подружиться, и ему казалось, что въ мірѣ не было мѣста болѣе уютнаго, чѣмъ небольшая, съ земляным поломъ, комната, покрытая рогожей, съ деревянною кроватью, на которой спалъ Дьякъ, полочкой книгъ и образкомъ въ углу, гдѣ горѣла лампада, зажженная рукой дѣвушки. Когда онъ приходилъ и не заставалъ Дьяка, то помогалъ Аннушкѣ въ работѣ и дѣлалъ все, что, казалось ему, было ей не подъ силу или утомляло. Онъ бѣгалъ за хлѣбомъ, разводилъ огонь, приносилъ воду, а она сидѣла на табуретѣ у стѣны, со своими косами - змѣями на головѣ, въ широкой кофточкѣ, и смѣялась чуднымъ, здоровымъ смѣхомъ, похожимъ на радостныя слова. Чѣмъ дальше шли дни, тѣмъ крѣпче все это новое связывалось во что-то цѣльное, хорошее, счастливое, и Никита зналъ, что, если бы изъ этого цѣльнаго выпало хоть одно малое, то все пошло бы прахомъ, и онъ бы не поднялся больше... Какъ и полка съ книжками, такъ и Дьякъ, и грамота, и Аннушка, и онъ самъ,—каждое было одинаково сильно и важно, сплотилось и стояло и какъ будто держало на плечахъ огромное зданіе, которое онъ называлъ своимъ будущимъ, нужнымъ для разрѣшенія его жизни. И если бы кто-нибудь изъ нихъ не выдержалъ и упалъ,—упало бы все зданіе и раздавило его. Аннушку онъ полюбилъ съ первой минуты, но объ этомъ стыдился думать и не выдѣлялъ ее больше, чѣмъ грамоту, Дьяка, книжку. И оттого, чѣмъ ярче разгоралось чувство, которому онъ не давалъ свободы, тѣмъ необычнѣй и изумительнѣй

казалась ему новая жизнь. Дней какъ бы не было. Въ памяти стояло только что-то свѣтлое, что онъ называлъ днемъ, но что было не день, а цѣльное изъ грамоты, книжекъ, разговоровъ съ Дьякомъ, съ Аннушкой, что-то большое и лучезарное, море изъ теплыхъ солнечныхъ лучей, въ которомъ онъ плавалъ безъ думъ въ головѣ. И только лишь наединѣ онъ приходилъ въ себя, и наступало то темное, что онъ называлъ ночью, но что была не ночь, а живая дѣйствительность, которая схватывала и уносила его на своихъ крыльяхъ опять въ бездну. Когда становилось свѣтло, всѣ лучи сливались такъ, что выходило Аннушка, грамота, Дьякъ, книжки, и сколько было надеждъ въ его душѣ, всѣ соединялись, взявшись за руки, и летѣли впереди него. Тогда исчезалъ портъ, и на его мѣстѣ выросталъ большой садъ. Когда же онъ покидалъ домъ Дьяка и наступала темнота, всѣ надежды превращались въ змѣевъ, обвивались вокругъ его груди и сосали кровь изъ сердца. И было другое. Портъ разростался шире, чтобы захватить больше людей и замучить ихъ на смерть.

Ученіе между тѣмъ подвигалось успѣшно, и Дьякъ не могъ надивиться и нахвалиться Никитой.

— Чортъ его знаетъ, молодецъ Никита,—говаривалъ Дьякъ, сдвинувъ по обыкновенію очки на кончикъ носа и разводя руками,—откуда у тебя башка такая. У меня и по сію пору рубцы на тѣлѣ съ того времени, когда я корешки изучалъ, а ты ихъ, какъ орѣхи, щелкаешь.

Никита раздвигалъ большую пасть, съ чудесными, какъ бы изъ бѣлаго металла отлитыми, зубами, и радостно улыбался. Онъ былъ уже теперь гораздо опрятнѣе, носилъ новую косоворотку, новые сапоги и держался свободно. Даже Аннушка, начинала находить его красивымъ и, сидя съ Марусей въ трюмѣ, гдѣ щипала пеньку, разсказывала и удивлялась, какимъ безобразнымъ онъ ей показался въ первый разъ...

— Онъ всякаго красивѣе,—пѣвучимъ голосомъ говорила Аннушка. И знала, что Маруся была недовольна, такъ какъ та непремѣнно хотѣла ее свести съ товарищемъ своего возлюбленнаго.

Когда Никита приходилъ къ Дьяку и Аннушка была дома, то послѣ работы у нихъ немедленно начинались разговоры, и онъ разрѣшалъ вопросы, которые интересовали и безпокоили дѣвушку.

Недѣли три спустя послѣ смерти Дарьюшки грекъ Сократъ сталъ ухаживать за хорошенькой подругой покойной. Объ этомъ узнала Аннушка, и когда Никита явился, она немедленно заговорила о грекѣ. Никита сѣлъ у стола, а Аннушка торжественно начала ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и грозно смотрѣла на стѣны.

— Я думаю,—произнесла она съ силою, остановившись подлѣ Никиты и заигравъ пальцами, а онъ благоговѣйно слушалъ,— разъ человѣкъ полюбилъ дѣвушку, то долженъ ей до гроба остаться вѣрнымъ. И выходитъ, что Сократій подлецъ, а я никогда замужъ не выйду.

Она значительно посмотрѣла на него, прошлась по комнатѣ, какъ бы давая Никитѣ свободу подумать, и опять остановилась, ожидая отвѣта.

— А если дѣвушка умерла?—осторожно спросилъ Никита.

— Такъ онъ хоть пять лѣтъ долженъ держать ее въ памяти,— съ убѣжденіемъ произнесла она.

— Почему же пять лѣтъ? — спросилъ Никита озадаченный, и это было видно на его лицѣ.

— Непремѣнно пять—не меньше. Я бы, если полюбила, непремѣнно пять лѣтъ помнила покойника. Вотъ послушайте,— и она очень забавно начала размахивать руками.—Первый годъ— покойникъ еще, какъ живой. Куда ни повернешься, онъ передъ глазами. Правда, вѣдь? Второй годъ—она спрятала одну руку за спиной,—покойникъ какъ будто у сосѣда поселился и уже не такъ часто видишь его. А все же чаще видишь, чѣмъ не видишь. Третій годъ—рука со спины очутилась на груди—въ другой домъ выбрался. Четвертый—въ другую улицу переѣхалъ и встрѣчаешь его рѣдко, разъ въ три мѣсяца. Пятый—выѣхалъ въ другой городъ, и тутъ конецъ. Я такъ и отъ отца своего отвыкла.

Отъ послѣднихъ словъ обоимъ стало грустно, и Никита серьезно сказалъ ей.

— Это, Аннушка, вы правильно сказали, но грекъ—человѣкъ. А человѣкъ ищетъ всегда, гдѣ ему лучше и легче, и оттого оно. Нехорошо это, но не можетъ человѣкъ не искать, гдѣ легче. И отыщетъ. Его куда ни бросай, все, какъ кошка, на ноги упадетъ и побѣжитъ. А я такъ думаю, что вотъ этимъ самымъ и хорошъ человѣкъ. У всякой твари всѣ мѣста на землѣ, а у него одно и ему худо. Долженъ онъ стараться.

Она сразу не поняла его мысль, но улыбнулась, и Никитѣ показалось, что въ комнатѣ свѣтлѣе сдѣлалось.

— Что кошка, то кошка,—задумчиво произнесла она,—а грекъ все-таки подлецъ. И я бы за него замужъ не пошла.

— Не ходите, Аннушка, вамъ еще рано,—запинаясь, выговорилъ онъ.

Оба помолчали, глядя въ разныя стороны.

— Я къ вамъ на баржу приду,—сказалъ вдругъ Никита.— Можно?

— Приходите помогать. Я вамъ вотъ этакій канатъ дамъ расщипать. Не успѣете къ сроку, накажу.

Она погрозила ему, улыбнулась, отвернулась и вдругъ запѣла такимъ свѣжимъ, радостнымъ голосомъ, что Никита замеръ отъ счастья. Послышалась возня у дверей, и Аннушка оборвалась. Вошелъ Дьякъ и, поздоровавшись, съ оживленіемъ сказалъ.

— Ну, Никита, что я сегодня въ газетѣ прочелъ, такъ и не повѣришь. Преинтереснѣйшія штучки произошли въ городѣ.

— Что такое,—спросилъ Никита и едва удержался, чтобы не сказать: «Какъ вы хорошо поете, Аннушка».

— Самоубійство—разъ, убійство—два, оба перваго сорта.

Онъ подошелъ къ столу, налилъ въ стаканъ водки и, какъ бы возбуждая себя словами, чтобы водка вкуснѣе показалась, началъ разсказывать.

— Самоубійство номеръ первый. Вчера утромъ на одной изъ колоннъ зданія думы повѣсился человѣкъ. Замѣчай, Никита, на колоннѣ перваго городского зданія.

Онъ выпилъ и, все стоя, продолжалъ:

— Въ карманѣ у покойника нашли записку и въ ней было всего нѣсколько словъ: «Умираю отъ своей руки. И проклинаю. Сидоръ Панкратьевъ».

Никита слушалъ равнодушно. Имя Панкратьева ему ничего не говорило.

— Разсказывай про убійство,—выговорилъ онъ,—ничего тутъ интереснаго нѣтъ.

— Ладно, коли не интересно. Будемъ про убійство говорить. Мнѣ же сдается, что тутъ не просто. Скажемъ, человѣкъ жизни рѣшилъ лишиться. Ну, и рѣшайся гдѣ-нибудь дома, на чердакѣ, что ли. А онъ думскую колонну выбралъ. Будто всему городу на зло. На, вотъ, тебѣ. И проклинаю. Кого? За что? Загадка, молодецъ.

У Никиты что-то шевельнулось въ памяти, и онъ чуть было не крикнулъ, но это было мгновеніе. Вспомнился запахъ табака такимъ, какимъ онъ казался въ дѣтствѣ, и онъ съ непонятнымъ упорствомъ, раздосадованный, сказалъ:

— Нисколько не любопытно, Василій, разсказывай про убійство.

— Ну, и будь по твоему. Аннушка, налей-ка мнѣ чаю, что ли.

Онъ сѣлъ за столъ и сталъ хлебать, разсказывая, а Никита съ Аннушкой сейчасъ же заинтересовались.

— Легъ это мужъ спать,—началъ Дьякъ,—да, спать. Семья полегла, жена, четверо дѣтей. Малютки дѣти. Спятъ. Среди ночи приснилось мужу что-то худое—однимъ словомъ, нехорошее. Вскочилъ это мужъ, сѣлъ на кровати и отъ страха разума лишился. А тутъ, какъ на грѣхъ, топоръ на полу. Да, топоръ, значитъ. Вотъ мужъ-то сумасшедшій, увидя это топоръ и прыгъ съ кровати. Взялъ топоръ и давай косить направо, налѣво.

— Ахъ ты, Боже мой!—крикнула Аннушка.

— Давай косить,—продолжалъ Дьякъ и хлебнулъ изъ стакана. Косилъ это онъ косилъ и всѣхъ до чиста убилъ. Грудного на двое перерубилъ. Потомъ самого на чердакѣ нашли.

Аннушка всплеснула отъ ужаса руками. Огонь отъ лампочки падалъ на нее сбоку, и она казалась Никитѣ перерѣзанной надвое. Съ одной стороны была свѣтлая, ясная дѣвушка, съ другой—помертвѣвшая и такая темная, будто въ ней кровь перегорѣла.

— На смерть всѣхъ убилъ,—прошептала Аннушка.

— А то какъ же?—съ досадой отвѣтилъ Дьякъ.—Топоромъ вѣдь рубилъ.

— Вы, дядюшка, совсѣмъ смерти не боитесь...

— Чего мнѣ бояться? Зря она не придетъ, а когда время мое наступитъ,—уже придетъ, ничѣмъ не отмолишься. Я сколько разъ на волоскѣ отъ нея бывалъ. Такъ вѣдь это глупыя думки, что на волоскѣ. Смерть,—она толковая и съ человѣкомъ не играетъ. Не боюсь я смерти. Ставь-ка, Аннушка, ужинъ на столъ.

Онъ заговорилъ съ Никитою, а Аннушка завозилась у печки. Дьякъ объяснялъ, какъ они приступятъ сегодня къ складамъ, и Никита съ волненіемъ слушалъ. Самъ онъ уже отлично освоился съ азбукой и къ букварю чувствовалъ такую же нѣжность, какъ и Дьякъ. Смущала его только удивительная механика, лежавшая въ азбукѣ, благодаря которой буквы превращались въ слова, слова въ мысли, и онъ считалъ это чудомъ. И объ этой непонятной механикѣ онъ велъ безконечные споры съ Дьякомъ, а иногда даже вовлекалъ въ разговоръ и Аннушку.

— Загадка,—говорилъ онъ.—Буква—она что? Краска на бумагѣ, только и всего. Скажемъ—азъ, буки. Понимаю я, а дальше ничего не понимаю. Подбѣжитъ одна къ другой, рядомъ станетъ, и вотъ слово: человѣкъ, хлѣбъ, вода. Нѣту въ буквахъ человѣка, хлѣба, а все выходитъ—и человѣкъ, и вода.

— Будемъ ужинать,—оборвалъ Дьякъ.

Послѣ ужина Аннушка достала букварь, убрала со стола, и Дьякъ приступилъ къ объясненію складовъ.

— Буки азъ,—произнесъ онъ,—ба. Повтори, Никита.

— Не понимаю,—загорѣлся тотъ, но повторилъ.

— Нечего, молодецъ, понимать. Сколько Россія матушка существуетъ, всегда было: буки азъ—ба. Стало быть, покорись.

Аннушка такъ привыкла къ пререканіямъ во время ученія, что уже не вмѣшивалась въ споръ и, сидя у окна противъ обоихъ, лишь шопотомъ повторяла возраженія Никиты, и ей хотѣлось, чтобы онъ вышелъ правымъ. Шепчетъ и смотритъ на Дьяка, на Никиту, и у нея милыя, славныя мысли въ головѣ.

«Сейчасъ,—думаетъ она, изучивъ жесты Никиты,—Никита подниметъ глаза и обернется ко мнѣ».

И когда онъ это дѣлаетъ, ей становится такъ хорошо отъ того, что онъ повинуется, что сама хочетъ знать его желанія и покориться ему. Она смотритъ на него долго, до слезъ, и онъ все больше нравится ей, своимъ мужественнымъ лицомъ, свѣтлыми волосами и загорѣлою шеею, которая какъ бы вырывается изъ косоворотки, гдѣ ей тѣсно. Бросается ей кровь въ лицо отъ этихъ мыслей, и она встаетъ, чтобы не думать о немъ, не смотрѣть на него. Она ходитъ мягкими, танцующими шагами, точно ей подъ кожу вдули воздухъ, старается не видѣть его даже сзади и хочетъ думать о Марусѣ. Въ комнатѣ жарко, душно. Аннушка подходитъ къ окну, прижимается лбомъ къ стеклу и смотритъ во дворъ. Все жарко, душно, какъ будто кто-то близко придвинулся къ ней и дышитъ на нее теплымъ воздухомъ. Тяжелые волосы, какъ искры, горячи и жгутъ голову. Она дѣлаетъ движеніе, и косы, помедливъ на затылкѣ, безшумно сползаютъ внизъ.

— О чемъ это они?—спрашиваетъ она себя, прислушиваясь къ голосамъ, и отъ вопроса у нея сжимается сердце.

Она сердито смотритъ въ окно. Въ комнатѣ Марьи Андреевны, гдѣ живетъ Александра, горитъ лампа. Какъ на ладони, видно, что тамъ. Обѣ дочери Марьи Андреевны сидятъ за столомъ, а подлѣ нихъ матросы. Пьютъ, ѣдятъ, смѣются. Сбоку, въ сторонѣ, сама Марья Андреевна разговариваетъ съ человѣкомъ въ черной бородѣ, и лица у обоихъ серьезныя. Вошла Александра. Что же это Никита все объ обжоркѣ? Нѣтъ, теперь о поденщикахъ. Сейчасъ о хозяевахъ заговоритъ, и голосъ у него станетъ громкій, звонкій. Славный онъ какой.

Опять огнемъ пылаютъ ея щеки. Она трогаетъ ихъ руками и думаетъ про себя:

«Простудилась, должно, на баржѣ. Заболѣю и умру».

Свѣтъ исчезаетъ въ комнатѣ Марьи Андреевны — это Александра только что спустила черную занавѣску на окно—и большая полоса двора освѣщается луной. Аннушка долго смотритъ на свѣтлую полосу и ей кажется, что она вошла въ ея душу.

— Если бы Маруся знала,—шепчетъ она радостно, и сама удивляется своей радости.

По полосѣ ходятъ люди, все знакомые, бьютъ ногами по свѣту, и она думаетъ не о нихъ, а о томъ, что они топчутъ и ея душу. Нѣтъ, не топчутъ, это она о прошломъ вспомнила. Заманила ее однажды подруга—теперь покойная—въ трактиръ, и когда пришли туда матросы, то сѣли рядомъ съ ними. Машина играла, было весело. Но еще веселѣе сдѣлалось, когда она выпила чай съ водкою. Такъ разыгралась, что чуть не пустилась плясать. Но удер-

жалась, а подруга плясала. Потомъ еще пили, долго сидѣли и поздно ушли. Подруга съ однимъ, она съ другимъ,—некрасивымъ. Онъ обнялъ ее и такъ шелъ съ ней, а ей было тяжело отъ его руки. Но неслась отовсюду музыка изъ трактировъ, и жалко было отнять его руку. Пѣсни же такъ сладко звали кругомъ, что хотѣлось достать пару крыльевъ и полетѣть надъ портомъ. Она молчала и шла, а матросъ смѣялся, щекоталъ ее крѣпко, цѣловалъ въ шею и каждый разъ поцѣлуи спускались все ниже, и она ихъ уже чувствовала на спинѣ. Она молчала и шла, и пѣсни тоже спускались опечаленныя, обнимали страстнѣе, вонзались въ сердце и разсказывали объ отцѣ. Помнитъ она, какъ прощалась съ нимъ, а когда увидѣла опять, то не узнала. Онъ былъ раздутый, зеленый, а глаза смотрѣли такъ, будто говорили:

«Видишь, Маша, какой я! Захотѣлъ поѣхать, и Аннушка не остановила меня, и ты не остановила, и буря не остановила. А теперь я зеленый и мнѣ хорошо».

Она въ отчаяніи всхлипнула, потому что давно уже тихо плакала, и съ силой оторвала руку матроса отъ своего тѣла. И шла, и плакала, но были пріятны и слезы, и воспоминанія, и пѣсни и объятія матроса, который желѣзной рукой опять держалъ ее, чтобы она не упала на землю. И шла и плакала и слушала матроса, говорившаго такое, что она никогда вслухъ не произносила. Но и это было пріятно, находило свое мѣсто въ пьяномъ сознаніи, и легко и плавно колыхалось вмѣстѣ со слезами, стыдомъ, воспоминаніемъ, пѣснью. Такъ они добрались до морского берега. Было тамъ тепло и темно, и пахло запахомъ смолы, а лодки, привязанныя къ судамъ, какъ собаки на цѣпи, ходили дозоромъ, разрѣзая воду. Матросъ жарче сжалъ ее и хотѣлъ повалить. Но уже замолкли пѣсни въ душѣ, и она стала бороться.

Потомъ подняла крикъ, и ее спасли...

— О чемъ они теперь? О зимѣ? Все о зимѣ—когда же перестанутъ?—Ушелъ бы дядюшка, и она сѣла бы противъ Никиты, смотрѣла бы въ его глаза и любовалась имъ.

«Если бы Маруся знала», подумала она, краснѣя.

Что-то кольнуло ее. Женатъ ли Никита? Кто знаетъ? Зачѣмъ онъ пришелъ? Женатымъ ходить нечего.

Во дворѣ сдѣлалось темно, какъ бываетъ днемъ, когда солнце ярко свѣтитъ и на мигъ его туча закроетъ.

«Должно, къ дождю», подумалось ей и захотѣлось страстно чтобы полилъ жестокій, долгій дождь и смылъ все гадкое, что портитъ жизнь.

Луна несмѣло заглянула въ окно, и опять полоса во дворѣ засмѣялась отъ свѣта.

«Нѣтъ у него жены», облегченно подумала Аннушка. И такъ

хорошо ей сдѣлалось отъ этой мысли, что она запѣла, какъ поетъ птица. Залилась и замолкла удивленная,—а большіе полные звуки ударились о стекло, зазвенѣли и побѣжали къ Никитѣ разсказывать, что ее волновало и радовало.

Никита вдругъ оборвалъ разговоръ и посмотрѣлъ на нее. И обоимъ на душѣ стало такъ радостно, что жизнь на мигъ показалась изумительно прекрасной.

«Я уже знаю все», какъ бы говорили его глаза, и они блистали такъ, будто впервые увидѣли свѣтъ.

«Я твоя, милый мой», пропѣли глаза Аннушки, и вся она точно распустилась отъ нестерпимаго счастья.

Она громко вздохнула, встала и, еще не испивъ наслажденіе дивнаго сна, была теперь невыразимо милая, нѣжная, и отъ нея вѣяло добромъ.

— Ровно дикая птица поешь, чикъ-чирикъ,— разсмѣялся Дьякъ, и самъ почему-то обрадовался, взглянувъ на Никиту и Аннушку.— То-то и оно,—лукаво прибавилъ онъ,—чисто дикая птица. А все же намъ безъ хорошей книжки вечера не закончить. Возьмемъ-ка мы Тургенева—онъ выговаривалъ Тургенёва.—Хорошо писалъ, покойникъ, и только развѣ Гоголь могъ противъ него пойти. Это вѣрно. Паренекъ говорилъ, что противъ Гоголя никто писать не умѣлъ, а я думаю, что такого и во вѣки вѣковъ не будетъ. Царство ему небесное. Убери, Аннушка, букварь.

Никита, выслушавъ, неизвѣстно для чего прибавилъ:

— Люди, Василій, бываютъ всякіе и разные. Всѣхъ бы по одному учили, по одному бы жили. Съ нуждой бороться—всѣ бы боролись. А то врозь пошли, и каждому худо. Но когда, Василій, солнце выглянетъ, то даже въ лужахъ заиграетъ. И какое ни есть темное мѣстечко, и оно засмѣется и веселѣе станетъ.

Аннушка поняла, но уже не поднимала глазъ, точно она ихъ уронила и они закатились, а она не могла ихъ найти.

Дьякъ же скрутилъ папиросу и повторилъ:

— Давайте почитаемъ.

Онъ подошелъ къ полочкѣ и завозился тамъ. Вынималъ книги, раскрывалъ ихъ, качалъ головой и не находилъ нужную. Никита сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и слѣдилъ за Аннушкой.

— Ну, вотъ и тутъ Тургенёвъ,—сказалъ Дьякъ обернувшись и блеснулъ очками.—Насилу нашелъ.

Онъ вернулся къ столу, придвинулъ лампу, выпустилъ огонь въ ней и внятно прочелъ: «Вешнія воды».

Онъ покачалъ головой, посмотрѣлъ на Никиту, потомъ на Аннушку, которая стояла у стѣны, заложивъ руки назадъ, и продекламировалъ:

Счастливые годы, веселые дни,
Какъ вешнія воды, промчались они.

Онъ откашлялся и началъ читать. Никита и Аннушка посмотрѣли другъ на друга, отвернулись и замерли. Медленно развивалась исторія и славно Дьякъ прочелъ завязку. Никита и Аннушка слушали молча, но что-то смѣлое билось и бунтовалось въ ихъ груди, и легко вырывались вздохи отъ какого-то изумительнаго чувства радости и тоски. И Джемма и Санинъ какъ бы въ розовомъ сіяніи стояли въ комнатѣ и были дороги, близки. Но когда дошло до объясненія въ любви, то Никитѣ и Аннушкѣ показалось, что разверзлось небо надъ ними, и они полетѣли вверхъ, гдѣ было свѣтло, и только объ одномъ была мечта—не потерять и всегда видѣть другъ друга. А Дьякъ все страстнѣе читалъ, связывая своимъ поющимъ голосомъ страницу со страницей, и, какъ добрая хозяйка, подбиралъ каждое слово, любовался имъ, гордился и ставилъ на свое мѣсто, гдѣ оно выходило еще лучше. Черные жгучіе глаза Джеммы будто были у него въ рукахъ, и онъ хвастливо выставлялъ ихъ красоту Никитѣ и Аннушкѣ, пригоршнями выбрасывалъ въ комнату, чтобы во всѣхъ углахъ свѣтилась любовь этой милой дѣвушки. Что-то недовѣрчивое къ Санину уже было въ его голосѣ, и мрачными осуждающими словами онъ разсказалъ, какъ начался и продолжался романъ. Его большой вывихнутый палецъ отъ внутренняго волненія не сгибался теперь, а крутился на подобіе ручки отъ шарманки и какъ будто намекалъ и объяснялъ, что старику не нравилось въ прочитанномъ и что онъ уже ненавидѣлъ. Къ Панталеоне онъ сразу почувствовалъ дружбу и изображалъ его неестественнымъ голосомъ, увѣренный, что этимъ онъ оказываетъ ему уваженіе. И кругло лилась исторія любви. Но когда подошло къ дуэли, Аннушка не выдержала восторга и печали, крикнула, а Никитѣ показалось, что въ его голову залѣзаютъ огромные камни и сверху внизъ раздавятъ его. Вся душа Аннушки, подавленная чудными словами повѣсти, трепетала отъ грустнаго счастья, и было такъ, будто она превратилась въ то, что испытывала Джемма, будто она сама превратилась въ Джемму. А Дьякъ становился все суровѣе и палецъ его потерявъ опору, судорожно метался во всѣ стороны. И только лишь, когда читалъ о Джеммѣ, голосъ его опять дѣлался нѣжнымъ, пѣвучимъ, и забывался такъ, что чувствовалъ себя не Дьякомъ, не бѣднымъ поденщикомъ, который работалъ въ порту, а самой Джеммой, и думалъ, что у него жгучіе глаза и нѣжное сердце. И жилъ онъ тогда въ чудномъ краю, съ дивнымъ солнцемъ, людьми и переживалъ страданія обманутой любви... Когда, наконецъ, выяснился финалъ этого романа и раз-

*

лилась его обаятельная тоска, Аннушка закрыла лицо руками и страстно заплакала. Какъ бы вскрылось то, что волновало и ея душу, и теперь оно легко и безъ боли вылилось въ слезахъ.

— Добрая исторія,—промолвилъ Дьякъ, нѣжно посмотрѣвъ на дѣвушку, и сталъ вытирать очки отъ своихъ слезъ.—Это хоть и не живи на свѣтѣ. Добрый я отъ Джеммы сдѣлался.

Никита ничего не сказалъ, поднялся, нахлобучилъ картузъ и вышелъ, не простившись. Дьякъ покачалъ головой, засвисталъ, оборвалъ себя, посмотрѣлъ на Аннушку, и сталъ задумчиво крутить папиросу. Аннушка сжала руками голову, повернулась къ окну и застыла. Словно слилась съ нимъ.

Никита, выйдя отъ Дьяка, пошелъ къ морю, и весь онъ былъ полонъ неизвѣданныхъ чувствъ. За нимъ слѣдомъ шла луна и какъ будто старалась нагнать, чтобы упасть на голову. Свѣжій вѣтеръ, плотный и пахучій, дулъ съ моря и приносилъ шелестъ игравшихъ въ песку волнъ.

«Сидоръ Панкратьевъ», машинально пронеслось у Никиты, и вдругъ онъ вспомнилъ, что это было имя больничнаго товарища.

И только хотѣлъ отдаться горю объ этой смерти, какъ образъ Аннушки сталъ передъ нимъ и поглотилъ его.

«Отчего же она заплакала?» подумалъ онъ и, смѣшавъ ее на мигъ съ Мотей и Джеммой, задрожалъ отъ того, что промелькнуло у него въ головѣ.

— Отчего же она заплакала?—спросилъ онъ вслухъ, глядя на луну и чувствуя радость отъ того, что она такая круглая, добродушная и будто мигаетъ ему, чтобы онъ не робѣлъ.

Онъ вдругъ схватилъ себя за голову и, закрывъ глаза и уши, чтобы не видѣть, не слышать, не испугаться счастья, побѣжалъ по песку, увязая въ немъ.

А луна, наконецъ, догнала его, стала надъ головой и залила свѣтомъ.

X.

Въ порту дѣла шли все хуже и хуже. Старый кабакъ былъ уничтоженъ, и его замѣнила чистая и скромная винная лавка. О весеннемъ подъемѣ уже не было и помина, и городъ, удовлетворивъ свой голодъ, повернулся къ порту спиной. Работа стала уменьшаться, цѣны на руки падали ежедневно. Снова появились безработные поденщики и въ лохмотьяхъ своихъ, голодные и безсильные, бродили подлѣ обжорки. Проносились вѣсти о кражахъ, и въ ночлежкахъ шли облавы. Но все это было еще въ ничтожныхъ размѣрахъ и лишь потому бросалось въ глаза, что весь

ужасъ портовой жизни, прятавшійся раньше въ кабакахъ, теперь перешелъ на улицу, и его нельзя было скрыть. Винная лавка равнодушно держалась въ сторонѣ, а поденщики точно были нечистыми тварями и могли осквернить скромный и безпорочный водочный домъ, ютились подлѣ стѣнъ домовъ съ своими сотками въ рукахъ и, лишенные возможности присѣсть, спрятаться отъ непогоды, пили и пьянствовали прямо подъ небомъ. Все неестественное безобразіе кабака перешло на улицу, и онѣ въ первый разъ увидѣли позорное зрѣлище того, какой жизнью живутъ люди, переносившіе и создававшіе богатство города. Цѣлые дни ругань, драки, дурачливые и безшабашные разговоры оглашали воздухъ, и, казалось, то сумасшедшіе вырвались изъ больницы и завладѣли портомъ. Пьяные валялись повсюду, на тротуарахъ, въ подворотняхъ, подлѣ винныхъ лавокъ и съ ними поступали, какъ съ перепившимися свиньями, которыхъ сонъ настигъ недалеко отъ хлѣва. Вмѣстѣ съ пьянствомъ на улицу вышелъ и развратъ, и портовыя женщины, несчастныя существа съ отекшими лицами, теперь открыто сидѣли со своими минутными возлюбленными, и уродство пьяной любви кричало на всѣхъ закоулкахъ. Обжорка ликовала, тайно торгуя водкой, и новый порядокъ какъ будто далъ и ей новую, могучую власть надъ рабочимъ народомъ.

Никита, наблюдая за всѣмъ, что происходило въ порту, испытывалъ стыдъ за свое счастье, и больше, чѣмъ когда-либо, мечталъ о томъ времени, прекрасномъ и свѣтломъ, когда портъ, наконецъ, напитается зломъ своимъ, устанетъ и исчезнетъ. Книги не разрѣшали его тоски. Онѣ были занимательны, исподво́ль развивали своими яркими и ясными картинами, новыми, незнакомыми мыслями, но разрѣшеніе главнаго вопроса оставалось такой же загадкой, какъ и раньше. Иногда его охватывало сомнѣніе, тогда онъ забрасывалъ ученіе и истязалъ свой мозгъ до страданія. Иногда книжки его злили, и, прослушавъ описаніе красоты, качествъ и довольства жизни героя и героини, онъ съ досадой прорывался, перебивая Дьяка.

— Вишь, какъ расписываетъ сочинитель своихъ-то. Смакуетъ. А по совѣсти, такъ я бы вотъ что съ ними сдѣлалъ. Взялъ бы этого богача да его невѣсту прекрасную и бросилъ бы въ лапы звѣря —въ портъ.

— Права не имѣешь богатаго въ портъ бросать,—сердился Дьякъ,—руки коротки. Портъ для нашего брата созданъ. Совсѣмъ ты, Никита, умъ потерялъ. А вотъ пароходы придутъ. Что съ ними будемъ дѣлать? Баржи пріѣхали съ солью, съ камнемъ, пескомъ. Безъ людей на берегъ не снесешь. Потому и нужны мы. Не всѣмъ, Никита, панами быть. Кто панъ, кто панскій холопъ. А то бы всѣ подохли.

— Бѣдному худо,—не унимался Никита.

— Не серди меня. На то онъ и бѣдный, чтобы ему худо было, и мнѣ его не жалко. Положено такъ, терпи судьбу свою. Держи уши строго,—погрозился Дьякъ,—не слыхалъ бы я твоихъ рѣчей.

И послѣ такихъ разговоровъ нѣсколько дней они сердились другъ на друга...

Любовь къ Аннушкѣ была другой внутренней работой, углублявшей и просвѣтлявшей его пониманіе окружающаго зла. Но это было лишь вначалѣ. Любовь все разросталась, втягивала, и чувство, которое раньше казалось силой противъ зла, сдѣлалось силой противъ него самого. Она поглощала, всасывала и отодвигала то, что было насущнымъ—дальше, и придвигала ближе то, что было роскошью. И это исподволь смягчало его суровость и отрывало отъ жизни. Чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ больше онъ отдавался своей новой жизни и все рѣже раздавался его страстный голосъ въ порту. Не могъ онъ бороться съ собой и думалъ, что все пойдетъ иначе, когда важный вопросъ его будетъ рѣшенъ. Со всѣмъ пыломъ своего характера онъ погрузился въ любовь. Какъ бы въ угарѣ, онъ узналъ отъ Федора, что Данило умеръ въ больницѣ отъ бѣлой горячки, но теперь даже и это не встряхнуло его. Любовь покрыла всю его жизнь, и окружавшее потонуло и уплыло далеко отъ его взволнованной души...

Но не онъ одинъ такъ оторвался отъ окружающаго. Аннушка невѣдомо для Никиты, переживала то же самое, томилась отъ тайны души своей и всѣми мечтами отдавалась любви. Признаніе, какъ налившаяся и готовая сорваться отъ сосуда капля, горѣло у нея на губахъ, и она по ночамъ плакала, не зная, какъ помочь себѣ. Никита былъ повсюду съ ней, тревожилъ ея сонъ, и образъ его постоянно стоялъ передъ ея глазами. Она мечтала и скучала по немъ и тогда, когда онъ сидѣлъ съ ней, и когда онъ уходилъ. Она гадала о немъ по своимъ снамъ, одухотворяла ради него дождь, солнце, крикъ птицы, и міръ, внѣ людей, бывшій раньше чужимъ и непонятнымъ ей, теперь сроднился съ ней, и его таинственный языкъ сталъ ей знакомъ. По утрамъ она открывала солнцу окно и, зажмуривъ глаза, думала, что смотритъ на Никиту, и отъ него идетъ на нее тепло и свѣтъ. Дождь стучалъ каплями по крышамъ,—то былъ голосъ Никиты, говорившаго что-то нужное и важное, безъ чего померкла бы ея жизнь. И всѣ голоса, и всѣ молчанія стѣнъ, земли, деревьевъ говорили про одно—то было о Никитѣ. Въ таинственное и полное особеннаго смысла превратилось самое обычное. Все ее волновало, пугало, но надъ всѣмъ витала невыразимая прелесть, милая радость. Когда оба они оставались одни, пальцы ихъ, какъ живые, одарен-

ные влюбленной волей, летѣли другъ къ другу, обвивались и переплетались и были первыми, что наслаждались невиннымъ лобзаніемъ и лаской. Оба не разговаривали, боясь словъ своихъ, какъ враговъ, и предавались сладостному молчанію, служившему мостомъ, гдѣ души ихъ сходились и мигъ блаженствовали. Но слово съ радужными крыльями и чуднымъ смысломъ все не выговаривалось, и это неумѣніе разорвать очарованіе, вскрыть тайну, совершенно ослѣпило ихъ.

Четыре недѣли прошло съ того времени, какъ «Вешнія воды» были прочитаны. Какъ-то вечеромъ, оставшись на минуту вдвоемъ,—Дьякъ пошелъ за хлѣбомъ,—Никита въ смятеніи повернулся къ Аннушкѣ и, хотя думалъ, что будетъ запинаться, твердо сказалъ:

— А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать...

Аннушка внимательно посмотрѣла ему въ глаза и, что-то увидѣвъ въ нихъ, торопливо и со страхомъ оборвала:

— Не надо, Никита. Ничего не говорите. Лучше не говорите.

Онъ молча повернулся лицомъ къ окну.

— Совсѣмъ не нужно, Никита,—еще разъ раздался ея голосъ, и онъ дрожалъ теперь,—лучше не говорите!..

Вошелъ Дьякъ и вечеръ прошелъ, какъ всегда. Аннушка послѣ ужина сидѣла у окна и смотрѣла въ комнату Марьи Андреевны, гдѣ попрежнему сидѣли ея дочери съ матросами и Александра прислуживала. Никита степенно, но съ запинкой читалъ сказку о лисицѣ, а Дьякъ смотрѣлъ на него такъ, будто хотѣлъ наброситься и растерзать, но изъ доброты сдерживался. Потомъ Дьякъ прочелъ одну главу изъ «Тюфяка» и объявилъ, что ему скучно читать эту отличную книжку. Никита не вступалъ въ разговоръ и скоро ушелъ, обѣщавъ придти съ утра, такъ какъ завтра было воскресенье. По уходѣ Никиты Дьякъ легъ спать, а Аннушка долго ворочалась, и когда заснула, ей приснился Никита.

«А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать», говорилъ онъ. И она его спрашивала: «Что такое вы хотѣли мнѣ сказать, Никита?» Тогда онъ открывалъ ротъ и что-то долго разсказывалъ, но выходила не рѣчь, а крикъ пьяныхъ людей, пѣніе пѣтуха, женскій плачъ, а она все удивлялась, хотя находила, что оно такъ и должно быть, чтобы Никита пѣлъ пѣтухомъ, кричалъ голосомъ пьяныхъ людей, плакалъ, какъ женщина, и мучилась. Потомъ Никита сталъ кричать такимъ дикимъ голосомъ, что она въ слезахъ проснулась и уже до утра не могла уснуть отъ того, что узнала. Въ боковомъ флигелѣ жилъ рыбакъ Колька, свирѣпый человѣкъ, извѣстный тѣмъ, что ежедневно въ пьяномъ и трезвомъ видѣ, за дѣло и безъ дѣла, избивалъ свою жену, и жестокіе крики ея, хотя неслись по всему двору, не занимали вниманія,—

такъ привыкли къ нимъ. У Кольки было четверо дѣтей, и каждый отъ побоевъ отца уже росъ калѣкой. Въ злосчастный вечеръ онъ безъ причины завелъ драку съ женой, долго истязалъ ее и подъ утро, самъ уже не зная какъ это случилось,—можетъ быть отъ пресыщенія,—топоромъ убилъ ее. Кровь такъ ошеломила Кольку, что въ томъ же состояніи умопомраченія онъ набросился на старшаго сынишку, изступленно кричавшаго, задушилъ его, и когда явились люди, то съ трудомъ оторвали его руки отъ горла мальчика. Лишь поздно утромъ забрали Кольку, наступила тишина, и Аннушка заснула.

Когда пришелъ Никита, Аннушка все еще спала, а Дьякъ прилаживалъ замокъ къ сундуку.

— Что такъ?—спросилъ онъ у Дьяка, указавъ на Аннушку, и тотъ разсказалъ ему съ подробностями исторію этой ночи.

— Книги нѣтъ у народа, какъ жить нужно,—хмуро выговорилъ Никита, выслушавъ.—Народъ, какъ сирота: безъ отца и безъ матери.

— Вотъ ты ему отцомъ и будь,—съ ироніей возразилъ Дьякъ и повторилъ желчно нараспѣвъ:—сирота. Драть эту сироту нужно, какъ сидорову козу, и всей лозы, что растетъ въ Россіи матушкѣ, можетъ еще не хватитъ, чтобы научить его, какъ жить нужно. Страху у сироты этой подлой нѣтъ,—вотъ отгадка.

Аннушка проснулась, и у Никиты прошла охота отвѣчать, будто перерѣзали его мысли.

— Сядемъ за букварь, что ли,—произнесъ онъ, перехвативъ ея взглядъ.

— И то сядемъ,—отвѣтилъ Дьякъ.—Самое лучшее.

Часа въ три Дьякъ прилегъ отдохнуть. Было очень жарко и мухи, не вылетавшія уже во дворъ, тучами носились по комнатѣ и безпокоили.

— Каторжныя,—выругался Дьякъ, свирѣпо отмахиваясь отъ нихъ.—Аннушка, выгони-ка ихъ во дворъ погулять.

Онъ повернулся на другой бокъ и сейчасъ же заснулъ. Аннушка бросила на Никиту растерянный взглядъ,—такимъ страннымъ показалось то, что сейчасъ пришло ей въ голову,—и стала заплетать косы.

— Куда вы, Аннушка?—тихо и заволновавшись спросилъ Никита, стараясь заглянуть ей въ глаза.

Аннушка не отвѣтила. Невыразимо милой показалась она ему въ эту минуту съ своими толстыми косами въ рукахъ и опущенными глазами, и предчувствіе большой, дорогой радости охватило его.

«Это хорошо, Аннушка», хотѣлось ему сказать, но не посмѣлъ и удержался. Потомъ надѣлъ шапку и молча вышелъ.

Аннушка между тѣмъ уже успѣла одѣться, выгнала мухъ и вскорѣ очутилась на улицѣ. Сзади нея раздались шаги, и она сердцемъ догадалась, что это Никита.

— Можно мнѣ идти съ вами, Аннушка? — раздался его голосъ.

— Можно, Никита,—отвѣтила она.

И оба пошли молча, не зная, что сказать другъ другу и боясь первыхъ словъ своихъ. Солнце стояло подъ угломъ на небѣ, но все еще ослѣпительно свѣтило и жгло. На улицѣ благодаря празднику, было тихо, и лишь рѣдко у воротъ слышались звонкіе голоса дѣвушекъ и фабричныхъ парней. Низенькіе дома, запущенные и бѣдные, чередовались съ роскошными, заброшенными садами богачей, и отъ сѣрыхъ, заросшихъ мхомъ стѣнъ ихъ пахло сыростью подземелья.

— Куда мы пойдемъ?—спросила Аннушка, поднявъ глаза на Никиту.

— Я думаю, хорошо теперь берегомъ пойти. А тамъ въ поле выйдемъ. Славно теперь, въ полѣ-то.

Она опустила глаза, вдругъ покраснѣвъ, и опять они пошли молча, занятые оба одной и той же мыслью, которая была на губахъ, не выговаривалась и какъ бы отдыхала на нихъ. Потянуло душнымъ вѣтромъ и по немощеной землѣ, кружась, побѣжала пыль. Никита повернулъ въ другую сторону и сейчасъ же открылось серебряное море, опоясанное цвѣтнымъ полукольцомъ горизонта. Аннушка ускорила шаги, вдохнувъ съ наслажденіемъ влажный воздухъ и увязая въ пескѣ берега, подошла къ водѣ.

Здѣсь вблизи море было сѣрое, чуть морщилось, и когда морщины разглаживались, Аннушка видѣла желтое дно, гладкіе камни и свои глаза, которые съ любопытствомъ всматривались въ нее.

— Вотъ и умоюсь,—произнесла она, зная, что каждое ея движеніе, слово — радость для Никиты, — жарко очень.

Онъ легъ животомъ на горячій песокъ и сталъ покорно ждать. Аннушка смочила лицо, косы и, освѣжившись, съ жадностью въ голосѣ произнесла:

— До смерти море люблю. Родилась бы мужчиной, непремѣнно въ рыбаки пошла.

— А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать,—перебилъ ее Никита, поднимаясь.

Она посмотрѣла на него и пошла смѣясь, а онъ тронулся за ней и душа его тоже смѣялась. Незамѣтно они отклонились отъ берега и вышли въ полс. Словно бѣлый пожаръ стоялъ вдали надъ нимъ отъ лучей. Высокая высохшая трава, рядъ деревьевъ съ обожженными верхушками, городъ слѣва — все было залито блестящимъ свѣтомъ, отъ котораго глазамъ было больно. Птицы

пѣли. Какъ пушинки снѣга, съ неровнымъ полетомъ, мелькали бабочки, и казалось, онѣ сбились съ дороги и искали ее. Никита вздохнулъ, охваченный воспоминаніями, и ему захотѣлось упасть на землю и крѣпко прижаться къ ней.

— А что вы, Никита, хотѣли сказать мнѣ?—раздался голосъ Аннушки.

Они шли все медленнѣе. Море теперь лежало позади,—слѣва, но уже далеко выдвигался городъ съ своими, точно взбиравшимися на гору домами, а справа и прямо—до самаго неба, тянулось поле.

— Первый разъ я съ вами, Аннушка... началъ Никита и оборвался.

— Можетъ быть, и не послѣдній,—загадочно отвѣтила она, сорвавъ траву.

— Теперь, Аннушка, хорошо о себѣ разсказывать. Земля не выдастъ. Вы, Аннушка, о себѣ, я—о себѣ.—Онъ запнулся.—Вотъ Василія нѣтъ теперь, и онъ не придетъ сюда,—да не придетъ.

— Не придетъ дядюшка,—повторила она.—Вотъ тамъ дерево, Никита. Подъ нимъ и сядемъ. Была дѣвочкой,—вспомнила она—а теперь—большая. Большая,—какъ бы съ удивленіемъ повторила она и посмотрѣвъ на него, вдругъ разсмѣялась и побѣжала. Никита растерялся, но сейчасъ же понялъ, побѣжалъ за ней и сдѣлалъ такъ, что лишь у дерева поймалъ ее. Аннушка, почувствовавъ его руки, испуганно рванулась, хотѣла засмѣяться и вдругъ оборвалась.

— Никита,—тихо попросила она.

Сердце у нея сжалось такъ, будто кто-то повернулъ его на мѣстѣ и вырвалъ. Никита крѣпко обнялъ ее, такъ что она почувствовала его твердое тѣло, прижался губами къ ея губамъ и жарко цѣловалъ. Опять она хотѣла крикнуть, рвануться, но онъ нашелъ въ себѣ силы еще крѣпче обнять ее, и тогда она вдругъ покорилась.

Горѣло солнце, все ниже спускаясь по небу, и пряталось за деревомъ—чтобы не испугать влюбленныхъ. Высокія травы, точно на стражѣ, ровно стояли, не трепетали,—чтобы не испугать влюбленныхъ. Замолкли птицы и, вытянувъ шейки, повернулись къ морю,—чтобы не испугать влюбленныхъ . . . . . .

. . . . . .

Уже стемнѣло, когда они собрались домой. Они повернули налѣво и стали прямо противъ города, который освѣтился огнями. Трава шуршала подъ ногами, и, словно испуганные этими звуками, они шли держась за руки, прижавшись другъ къ другу. На горизонтѣ вставала луна, пышная и сочная, какъ спѣлый плодъ, и долго оставалась красной и не свѣтила. Сверчки кричали вблизи

и далеко и какъ бы вторили разсказу Никиты о томъ, какъ печальна была его жизнь до сихъ поръ.

— Я, Аннушка,—говорилъ онъ задумчиво и продолжалъ, а она слушала и не было въ ея глазахъ ни одного облачка печали и сожалѣнія. Иногда она какъ бы вспоминала что-то важное, нужное и, чтобы не забыть, прерывала Никиту и спрашивала:

— Любишь, Никита?

— Люблю, Аннушка.

— И я люблю. Милый мой!

Они останавливались, жарко цѣловались и опять шли, и онъ продолжалъ:

— Я, Аннушка...

Дьяка не было дома, когда они пришли. Она зажгла лампу, и оба, увидѣвъ другъ друга при свѣтѣ, вдругъ застыдились. Какъ-то странно показалось, что они такъ близки. Аннушка еще разъ посмотрѣла на него, долго, пытливо. И только теперь лишь одною большою мыслью охватила и поняла, что случилось, не выдержала этой мысли и крѣпко обняла его.

— Милый мой, родной,—шепнула она.

Никита улыбнулся, и опять въ душѣ стало такъ, какъ было однажды. Сколько было надеждъ въ его сердцѣ, всѣ соединились, взявшись за руки, и полетѣли впередъ.

— Любишь, Никита?—спрашивала Аннушка.

И онъ качалъ головой, улыбался, цѣловалъ и опять смотрѣлъ впередъ...

Семенъ Юшкевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ФИЛОСОФІИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

Нашу науку часто упрекаютъ въ субъективизмѣ ея изображеній и заключеній. Одно время въ большомъ ходу была укорительная ссылка на тотъ идеалъ безстрастія и отсутствія тенденціи, который представляютъ собою естественныя науки. Признавая справедливость этихъ упрековъ, многіе историки и соціологи усердно старались очистить образы прошлаго отъ всякой окраски въ современномъ вкусѣ, отъ всякой примѣси новыхъ симпатій и антипатій и, можетъ быть, достигали честной увѣренности, что цѣль ихъ осуществилась и злой элементъ истребленъ. Къ усиліямъ такого рода относится знаменитое обѣщаніе Тэна представить возникновеніе новѣйшей Франціи изъ стараго порядка и революціи тѣмъ же методомъ и съ тѣмъ же спокойствіемъ, какъ натуралистъ изучаетъ превращенія насѣкомаго.

Хотя подобной иллюзіи отдавались очень крупные умы, нельзя все же не признать ея ошибочности. Какъ ни справедлива сама по себѣ задача стать въ научномъ анализѣ внѣ и выше тѣхъ настроеній, которыя смѣняются въ жизни, но въ общественной наукѣ есть черта, за которую невозможно и не нужно переходить. Для каждой группы наукъ есть свой особый идеалъ, и образецъ естествознанія не можетъ служить цѣликомъ для соціологіи. Вѣдь о жукахъ и грибахъ составляютъ науку посторонніе имъ люди, а не сами объекты науки, тогда какъ въ общественной наукѣ изучаемый объектъ и изучающій субъектъ до извѣстной степени совпадаютъ, и она представляетъ собой именно то самое, что́ въ опредѣленное время и въ опредѣленной средѣ люди думаютъ о людяхъ и о своемъ собственномъ общечеловѣческомъ прошломъ.

Общественная наука, въ концѣ концовъ, есть автобіографія общества. Съ теченіемъ времени автобіографія не только добавляется новыми главами; она постоянно и на всемъ своемъ протяженіи перерабатывается съ новыхъ точекъ зрѣнія. Эти постоянно обновляемыя точки зрѣнія—вовсе не досадный придатокъ, вовсе не «зло» субъекти-

визма. Онѣ составляютъ живую, двигающую и организующую силу общественной науки. Въ свою очередь, онѣ образуются изъ новыхъ впечатлѣній, настроеній и запросовъ, вызываемыхъ жизнью того самаго современнаго общества, которое желаетъ имѣть науку о себѣ и для себя. Это общество неизбѣжно старается найти въ обществѣ прошлаго если не портретъ свой въ болѣе молодые годы, то фамильное сходство; оно хочетъ знать, были ли раньше жизненные запросы, аналогичные современнымъ, и какъ они рѣшались; оно способно даже въ несчетное число разъ переживать старыя драмы прошлаго, хотя въ ихъ слишкомъ знакомомъ исходѣ нѣтъ никакихъ сомнѣній.

Больше того. Въ лицѣ своихъ научныхъ представителей общество можетъ, сообразно возникающимъ въ его средѣ новымъ запросамъ и постановкамъ, открывать невѣдомыя до тѣхъ поръ историческія перспективы, совершать настоящія превращенія картинъ прошлаго. Новыя идеи въ истолкованіи исторіи—въ сущности новые разрѣзы явленій, новые углы зрѣнія, образуемые силой вновь возникающихъ общественныхъ впечатлѣній.

Не только случайно открывшіеся памятники, массовыя матеріальныя и документальныя данныя, въ родѣ археологическихъ находокъ или недавно тронутыхъ безчислинныхъ папирусовъ, могутъ вызывать эти перемѣны въ научной группировкѣ явленій и въ ихъ объясненіи. Оговоримся, впрочемъ, что и здѣсь далеко не все принадлежитъ случаю: всегда можно и должно искать общей причины, которая направила ученый интересъ на матеріалъ, незнакомый раньше или казавшійся чуждымъ. Но гораздо болѣе поразительно то, что старый, безконечно, повидимому, использованный матеріалъ можетъ вдругъ засвѣтить новымъ свѣтомъ: дѣло въ томъ, что его можно читать новыми глазами.

Казалось, какіе-нибудь адвокатскіе обороты рѣчей Цицерона или театральныя сцены Саллюстія изучены уже до мельчайшихъ изгибовъ стиля филологами-гуманистами, интерпретированы до пресыщенія новоклассиками и, въ добавленіе ко всему, истерзаны школьной практикой: что можно было взять изъ нихъ новаго? И однако, въ концѣ XIX-го вѣка въ нихъ словно сдѣлали новое открытіе: на старыхъ страницахъ начали читать яркія формулы борьбы классовъ, нашли матеріалъ для рѣзкихъ соціальныхъ характеристикъ, по нимъ стали вырисовывать очертанія соціальнаго вопроса въ концѣ эпохи римской республики. Совершенно неожиданно, при свѣтѣ этого открытія, получилъ значеніе и другой документъ, почти отложенный въ сторону за ненадобностью: сочиненныя рѣчи миѳическихъ трибуновъ и консуловъ изъ романической разрисовки легендарной исторіи патриціевъ и плебеевъ у Ливія. Новѣйшей наукѣ пришлось только перенести эти рѣчи изъ V вѣка до Р. Х., куда они поставлены Ливіемъ, въ I вѣкъ, когда дѣйствовали поколѣнія, непосредственно предшествовавшія исто-

рику и давшія ему свои соціальныя идеи и настроенія. Вслѣдствіе такой перестановки, рѣчи въ сочиненіи Ливія представляются намъ ничѣмъ инымъ, какъ вольной переработкой тѣхъ монологовъ и дебатовъ въ народныхъ митингахъ и парламентскихъ засѣданіяхъ сената, которые гремѣли изъ устъ агитаторовъ, сановниковъ и вождей оппозиціи именно этой послѣдней бурной эпохи соціальныхъ столкновеній въ римской республикѣ.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, при помощи какого именно новаго аппарата зрѣнія открыты таившіеся въ старыхъ источникахъ и не вызывавшіе прежде вниманія факты и оттѣнки: этотъ аппаратъ, это новое приспособленіе зрѣнія дали явленія современной соціальной борьбы въ Европѣ, привычные современности раздѣлы матеріала и мысленные разрѣзы, наконецъ, современныя соціальныя симпатіи.

Если, однако, судьба общественной науки зависитъ отъ такихъ воздѣйствій, то намъ могутъ поставить вопросъ, не лишенный примѣси безпокойства, именно: приближаемся ли мы путемъ такихъ поворотовъ, наклоненій и отклоненій къ истинѣ? Да, конечно, если подъ истиной не разумѣть нѣчто неподвижное. Если истина составляетъ возможно точное приспособленіе доступныхъ данныхъ къ возможно развитому умственному зрѣнію при возможно разнообразной постановкѣ вопросовъ, тогда мы идемъ постоянно къ истинѣ и постоянно ея достигаемъ... въ мѣру чуткости и вдумчивости того общества, которое творитъ и вырабатываетъ для себя науку. Пріобрѣтенія общественной науки будутъ прочны въ той степени, въ какой они исходили отъ глубокихъ, продолжительныхъ, многократно провѣренныхъ общественныхъ впечатлѣній: тѣ научные разрѣзы и выводы, которые внушены болѣе мимолетными настроеніями, безъ сомнѣнія, осуждены и на болѣе скорое исчезновеніе. При этомъ неизбѣжна и постоянно должна происходить извѣстная перестановка въ научной перспективѣ: одни элементы, не утрачивая цѣны совсѣмъ, будутъ блѣднѣть въ своемъ значеніи, меньше привлекать вниманія, другіе, мало замѣтные раньше, напротивъ, выступятъ на первый планъ.

Намъ, напр., почти трудно теперь представить себѣ, что еще не такъ давно, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, какая-нибудь исторія борьбы патриціевъ и плебеевъ эпохи первыхъ темныхъ столѣтій стариннаго Рима могла въ столь сильной степени занимать европейскую мысль. Причину увлеченія мы ясно понимаемъ. Поднималась заря новоевропейской демократіи; наука не могла не интересоваться живѣйше всѣми историческими традиціями демократіи, ея драмами, условіями ея успѣха, ея методами и аргументами; а въ римскомъ плебсѣ, казалось, можно было прочитать черты идеальной демократіи всѣхъ временъ.

Наоборотъ, насъ удивляетъ, какимъ образомъ въ наукѣ той же [illegible] первой половины XIX вѣка могли разсуждать о ранней культурѣ,

довольствуясь чуть ли не одной картиной гомерическаго быта и почти игнорируя богатѣйшій этнологическій матеріалъ, который ждалъ изслѣдователя, но выдвинулся лишь въ послѣдніе 20-30 лѣтъ, отчасти благодаря развитію колоніальныхъ владѣній европейцевъ, отчасти вслѣдствіе любопытнаго общаго соціально-идейнаго поворота въ концѣ XIX-го вѣка, о которомъ еще придется говорить въ этой статьѣ.

Не всегда легко замѣтить связь между теченіями общественной жизни и поворотами въ научныхъ интересахъ и толкованіяхъ. Событія въ научномъ движеніи, періоды научныхъ направленій не такъ рѣзко выдѣляются, какъ грани, поворотные моменты и эпохи политической и общественной жизни. Основной толчокъ болѣе раздробленъ въ массѣ частныхъ работъ и усилій, множество участниковъ идутъ по извѣстному пути, такъ сказать, безсознательно, часто чуждые крупной общей идеѣ, которой они обязаны своимъ направленіемъ. Но это не мѣняетъ общаго закона отношеній.

Необходимо, однако, постоянно отмѣчать выдающіеся моменты связи и взаимодѣйствія между общественной наукой и общественною жизнью. Въ простомъ констатированіи этой связи уже заключается извѣстная взаимная провѣрка принциповъ и методовъ, дѣйствующихъ въ той и другой области.

Мнѣ бы хотѣлось теперь попытаться указать лишь на нѣкоторые новѣйшіе признаки наклона или поворота въ общихъ идеяхъ, въ философіи общественной науки, сводимые въ большей или меньшей степени на смѣну культурно-общественныхъ настроеній, можетъ быть, еще не вполнѣ ясно опредѣлившихся въ сознаніи. У меня нѣтъ и мысли дать хотя бы самый бѣглый очеркъ общаго измѣненія соціальной философіи. Моя цѣль лишь отмѣтить нѣсколько характерныхъ явленій въ кругу ея идей.

I.

«Безъ сомнѣнія, одно изъ преимуществъ человѣка XIX-го вѣка это—его способность отыскивать эволюціонные ряды. Но при установленіи эволюціонныхъ рядовъ можно брать и черезъ край».

Этимъ, нѣсколько ироническимъ замѣчаніемъ обмолвился недавно одинъ историкъ *), очень хорошій спеціалистъ въ своей области—

*) *Von Below* въ статьѣ „Die Entstehung des Handwerks in Deutschland", помѣщенной въ „Zeitschrift für Social und Wirthschaftsgeschichte" за 1897 годъ. Беловъ выступаетъ здѣсь противъ талантливаго экономиста Бюхера и его теоріи хозяйственно-историческихъ ступеней. Критикъ показываетъ, что авторъ теоріи, подъ вліяніемъ мысли о непрерывномъ и послѣдовательномъ развитіи техники производства и круга обмѣна, пригнетаетъ каждое явленіе хозяйственнаго строя прошлаго, во что бы то ни стало, къ той или другой эволюціонной фазѣ и такимъ образомъ или принимаетъ за характерную и исключительную принадлежность опредѣленной эпохи то, что относится одинаково ко всѣмъ

исторіи средневѣковаго города,—но совсѣмъ не широкій соціологъ; въ большомъ методологическомъ спорѣ онъ даже обнаружилъ узковатый консерватизмъ, и отъ него трудно было ждать общихъ философско-историческихъ сужденій. Но приведеннымъ словамъ его нельзя отказать въ извѣстной ядовитости: они задѣваютъ одну изъ характерныхъ особенностей господствовавшаго до сихъ поръ метода общественной науки.

Эта особенность ярко выразилась въ гегеліанскомъ правилѣ: во всякомъ явленіи, учрежденіи, идеѣ видѣть прежде всего моментъ развитія и сумму предшествующаго развитія, разлагать каждый изучаемый фактъ на его историческія составныя и выстраивать къ нему цѣлую генеалогію, оцѣнивать вещь ея исторіей и успокоиваться, найдя всякому предмету его историческое мѣсто. Какой затвердѣлый аксіоматическій видъ приняло это воззрѣніе, можно убѣждаться на каждомъ шагу. Для характеристики его широко распространеннаго вліянія, приведу еще короткую формулу, тоже довольно случайно вырвавшуюся изъ-подъ пера историка, котораго вовсе нельзя назвать философомъ, но мнѣ кажется, что именно такія «наивныя» признанія особенно цѣнны, какъ выраженіе господствующаго уровня понятій. Изслѣдователь стариннаго греческаго театра *) говоритъ: «Лишь перемѣна представляетъ собой постоянный элементъ (въ исторіи); и упадокъ также есть развитіе».

Не выражены ли въ этихъ словахъ двѣ характерныя интимныя идеи весьма многихъ представителей общественной науки XIX-го вѣка? Въ исторической перспективѣ имъ видѣлось лишь движеніе; всюду непрерывная перестройка и перерожденіе, только наши научные снимки даютъ иллюзію остановокъ: въ дѣйствительности таковыхъ нѣтъ, «все находится въ теченіи». Сюда присоединилась еще другая мысль. Люди образуютъ и преобразовываютъ отношенія: и разъ эта продвигающаяся впередъ работа составляетъ существо исторической жизни, то спрашивается, какова же цѣна моментовъ ухудшенія, ослабленія прогрессивной дѣятельности? Отвѣтъ на это приблизительно сводился къ отрицанію такихъ моментовъ по существу: можетъ быть, все дѣло лишь въ томъ, что работа ушла отъ нашихъ глазъ, пробила себѣ глухое пока русло; потери въ одной области должны вознаградиться выгодами въ другой и т. д.

Путемъ такого разсужденія создавались большія историческія утѣшенія. Это—самый распространенный, ходкій и наиболѣе требуемый продуктъ; примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ первые вѣка нашей эры произошло значительное одичаніе общества, замерла

временамъ, или представляетъ совершенно одинаковыя явленія, повторявшіяся въ разныя эпохи, въ видѣ различныхъ исторически-преемственныхъ типовъ.

*) *Bethe.* „Prolegomena zur Geschichte des Theaters im Altertum“, p. 5.

содержательная и острая наука, погибло несравненное искусство, исчезли тонкія формы общенія. Современный намъ философъ (Ренувье) съ грустью иронизируетъ по этому поводу: «Въ эпоху первой александрійской школы науки—геометрія, астрономія, естествознаніе, литературная критика, этика—сіяютъ самымъ яркимъ свѣтомъ. Люди того времени имѣли, казалось бы, полное основаніе вѣрить, что «отнынѣ прогрессъ въ своемъ движеніи ничѣмъ не можетъ быть остановленъ». Во второмъ столѣтіи нашей эры Александрія—ничто иное, какъ сборище всякаго рода суевѣрій». Однако, историкъ-экономистъ (Веберъ) нашелъ возмѣщеніе этой потерѣ: по его мнѣнію, цѣною гибели немногочисленныхъ высшихъ классовъ, опиравшихся на коммунистическое рабство, возродилась для массы (онъ разумѣетъ крѣпостныхъ, въ которыхъ превратились рабы) моногамическая семья, создался свой домъ и очагъ для простолюдина, а слѣдовательно легли новыя основы культуры, совершенно уравновѣсившія катастрофу старой культуры.

Другой примѣръ. Въ послѣдніе два вѣка въ нѣкоторыхъ странахъ Европы исчезъ или исчезаетъ и разоряется мелкій самостоятельный земледѣлецъ. И къ этому факту нашлось утѣшеніе: полуисторическая теорія увѣряла, что гибнущій соціальный элементъ, сметенный съ земли, тѣмъ скорѣе создастъ наилучшій порядокъ: переродившись въ чисто рабочую массу, сложившись въ немыслимую раньше организацію, помощью новыхъ хозяйственныхъ и политическихъ средствъ, онъ возьметъ себѣ власть надъ тѣмъ самымъ капиталомъ, который согналъ его съ мѣста.

Такими загадками и чудесами, можетъ быть, слишкомъ пестрѣлъ эволюціонизмъ. Конечно, далеко не всѣ сторонники эволюціоннаго взгляда раздѣляли эти крайности. Далеко и не всѣ историки и соціологи XIX-го вѣка придерживались вѣры въ непрерывную и фатально движущуюся эволюцію. Поэтому сами по себѣ отдѣльныя возраженія противъ эволюціонизма не представляли бы ничего новаго. Но разъ мы видимъ, что ихъ накопляется все больше и больше, что одинъ за другимъ люди научной мысли выходятъ изъ круга терминовъ эволюціонной теоріи, можно думать, что намѣтился нѣкоторый поворотъ въ соціально-философскихъ понятіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ мнѣ кажется прежде всего очень характернымъ тотъ фактъ, что на первое мѣсто въ общественной наукѣ выдвинулась этнологія, изученіе раннихъ формъ культуры, особенно въ ея живыхъ представителяхъ. Простой взглядъ на составъ лучшихъ соціологическихъ журналовъ уже много скажетъ наблюдателю: работы по первобытнымъ или стариннымъ религіи, искусству, уголовному праву, семейному быту, общественному строю, хозяйству и т. д. количественно преобладаютъ надъ изслѣдованіями, которыя посвящены тѣмъ же явленіямъ за болѣе поздніе эпохи развитія. Помимо чисто этнологическихъ изслѣдованій о современныхъ «дикаряхъ» и неевропейскихъ полу-

культурныхъ народахъ надо сюда же причислить тѣсно примыкающія къ нимъ по методу и по содержанію историческія работы о раннихъ формахъ культуры, напр., средневѣковой Европы, доступныхъ намъ сколько-нибудь по одновременнымъ описаніямъ или остаткамъ права, или слѣдамъ хозяйства и т. п.

Эта, въ настоящемъ смыслѣ слова, древняя исторія человѣчества не только привлекаетъ крупныя и талантливыя работы въ большей степени, чѣмъ новые и болѣе и близкіе намъ отдѣлы исторіи; работы эти вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ для соціальной философіи гораздо болѣе важные результаты, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, чѣмъ историческія и соціологическія изслѣдованія по эпохамъ болѣе новымъ.

Противъ такого наблюденія было бы трудно спорить. Но можетъ быть, намъ укажутъ на случайность условій, вслѣдствіе которыхъ получается неравенство научно-философской цѣнности работъ по двумъ большимъ хронологическимъ отдѣламъ исторіи человѣческаго общества. Скажутъ, что въ необозримомъ матеріалѣ документовъ по новѣйшимъ вѣкамъ трудна даже простая суммировка, трудно даже самое констатированіе фактовъ въ сколько-нибудь обозрительномъ видѣ; до широкихъ новыхъ обобщеній почти немыслимо добираться. Едва ли можно будетъ согласиться съ такимъ объясненіемъ. Во-первыхъ, этнологическій матеріалъ въ настоящее время доросъ также до предѣловъ необъятныхъ. Во-вторыхъ, надо сказать, обобщенія были бы вообще немыслимы, если бы они являлись лишь въ концѣ исчерпывающей обработки всего матеріала и находились, по степени ясности и глубины идеи, въ обратномъ отношеніи къ его количеству. Общія идеи идутъ съ начала работы нашей и параллельно ей, онѣ направляютъ анализъ и группировку матеріала, можетъ быть, терпятъ въ теченіе работы нѣкоторое крушеніе, замѣняются новыми или провѣряются, выходятъ изъ нея заостренными и очищенными, но онѣ во всякомъ случаѣ не посторонни обработкѣ матеріала, не ждутъ ея завершенія, а организуютъ ее.

Повидимому, отмѣченный только что фактъ наклона научныхъ влеченій имѣетъ болѣе глубокое и общее, если угодно, философское основаніе. Наличность его замѣтна уже въ томъ, что лучшіе этнологи не довольствуются описаніемъ той или другой спеціальной фазы эволюціи, на которой срисованъ изучаемый ими объектъ, какая-нибудь группа малокультурныхъ народностей. Не выходя изъ реальныхъ рамокъ своего сюжета, они постоянно говорятъ о человѣкѣ вообще, о его общихъ свойствахъ, его общихъ пріемахъ и изобрѣтеніяхъ для удовлетворенія его общихъ потребностей.

Замѣчательный изслѣдователь старинной семьи (датчанинъ Старке), пробираясь по запутанной классификаціи родства у австралійскихъ и американскихъ дикарей, успѣваетъ отмѣтить въ то же время общіе

элементы семьи всѣхъ временъ; онъ видитъ ихъ въ началѣ рабочей ассоціаціи, чуть ли не впервые осуществляемой въ союзѣ мужчины и женщины, въ принципѣ власти и владѣнія, который выступаетъ въ отношеніяхъ мужа къ женѣ и отца къ дѣтямъ. Указывая на исконность этихъ хозяйственныхъ, владѣльческихъ и властныхъ началъ въ семьѣ сравнительно со слабымъ, преходящимъ и лишь перебивающимъ въ этой области воздѣйствіемъ любви, влеченія половъ, этнологъ, можетъ быть, даже незамѣтно для самого себя, поднимается къ рѣшенію вопросовъ о дальнѣйшей судьбѣ семьи, о предстоящемъ ей концѣ или продолженіи жизни или перерожденіи.

Другой этнологъ (Шурцъ) въ работѣ, пока мало замѣченной, но которую, безъ сомнѣнія, потомъ причтутъ къ крупнѣйшимъ произведеніямъ соціологической мысли, въ «Altersklassen und Männerbünde» («Возрастные классы и мужскіе союзы») вращается, повидимому, все время въ кругу давно исчезнувшихъ общественныхъ явленій, такихъ, которыя даже у современныхъ малокультурныхъ народовъ оставили по большей части лишь слабые слѣды. Но читая его работу, дѣлая съ нимъ довольно утомительный обзоръ странъ, народностей, временъ и разбросанныхъ по ихъ протяженію аналогичныхъ обычаевъ, вы ни на одну минуту не можете забыть, что находитесь среди вопросовъ общечеловѣческихъ. Вы участвуете въ анализѣ огромнаго явленія, которое состоитъ въ томъ, что всякое человѣческое общество съ неизбѣжностью расчленяется и разстанавливается по іерархическимъ ступенямъ. Вы замѣчаете исконный антагонизмъ двухъ большихъ его составныхъ, семьи, родственнаго союза, съ одной стороны, и товарищества, ассоціаціи, общества въ настоящемъ смыслѣ—съ другой; вы наблюдаете борьбу и взаимодѣйствіе индивидуалистическихъ, обособляющихъ и соціализирующихъ, соединяющихъ элементовъ въ общежитіяхъ. Вы видите, какъ выдѣляются наиболѣе сплоченные союзы, общества въ обществѣ, способныя, въ силу своей организованности, захватить въ подчиненіе себѣ болѣе разрозненныя другія группы, и вы ясно чувствуете, что это—прототипъ будущаго государства, хотя устройство власти еще двоится и троится, и можно говоритъ о двухъ, трехъ государствахъ подъ однимъ обществомъ, совпадающихъ по кругу воздѣйствія, но чередующихся, перебивающихъ другъ друга. Затѣмъ вы видите любопытныя и въ своемъ родѣ удовлетворительныя попытки стариннаго общества рѣшить разные «проклятые вопросы» общежитія, нормировать половую жизнь, дать каждому возрасту свое, отвести молодому поколѣнію извѣстный просторъ, предоставить въ его кругу исходъ потребности тѣсной ассоціаціи и выдѣлить интересы болѣе индивидуальныхъ группъ, важныхъ въ свою очередь для продолженія рода и т. п. Наконецъ, читатель будетъ пораженъ удивительнымъ повтореніемъ по всему земному шару однихъ и тѣхъ же мотивовъ, однихъ и тѣхъ же символовъ общежитія, въ родѣ какого-нибуь «мужского дома»,

центра тѣсной общественной ассоціаціи, заключающаго въ себѣ клубъ, крѣпость, гостинницу, святилище, мастерскую и театръ стариннаго общества—повтореніемъ, удивительнымъ потому, что о заимствованіи, подражаніи не можетъ быть и рѣчи у совершенно разрозненныхъ народностей разныхъ широтъ, чуждыхъ другъ другу по хозяйственнымъ и культурнымъ условіямъ. Мы встрѣтились здѣсь съ глубокимъ общечеловѣческимъ мотивомъ, вытекающимъ изъ природы generis homo; и хотя все время мы имѣли дѣло съ грубыми, неподходящими для нашего быта учрежденіями, но нельзя было не сравнивать ихъ, какъ извѣстные способы рѣшенія общественныхъ проблемъ съ нашими организаціями, нельзя было не поставить вопроса о психическихъ общечеловѣческихъ основахъ этихъ организацій, а слѣдовательно также о ихъ состоятельности и устойчивости.

Мнѣ кажется поэтому, что сильный научный интересъ, направляющій въ данное время соціологовъ на этнологію, можетъ быть коротко такъ выраженъ. Соціально-философскую мысль занимаетъ, помимо уясненія фазъ историческаго развитія и хода его движенія, помимо индивидуальности мѣста и времени въ учрежденіяхъ и понятіяхъ, еще человѣческое вообще подъ какими бы то ни было формами. Genus homo очень выразительно и настойчиво повторяется въ предѣлахъ своей, правда, длинной и разнообразной исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя или обнаруживаетъ для наблюдателя слѣды существованія, онъ работаетъ, развлекается, воюетъ, судитъ, торгуетъ, соединяется въ болѣе или менѣе тѣсныя группы, боится невѣдомаго и чтитъ его или врубается смѣлой критикой въ его заповѣдныя мѣста и т. д. Очень важны и очень интересны тѣ видоизмѣненія, въ которыхъ проявляются эти человѣческія функціи, но еще любопытнѣе фактъ ихъ неизбѣжности, ихъ «прирожденности» личности человѣка и человѣческому обществу. Интересъ къ «доисторическому» быту, къ этнологическимъ типамъ основывается не на одной только задачѣ выяснить извѣстный отдаленный періодъ въ эволюціи человѣчества, но еще болѣе на стремленіи поймать человѣка и человѣческое общество «вообще» въ ихъ наиболѣе рудиментарныхъ, простѣйшихъ чертахъ, наименѣе разстроенныхъ перекрестными воздѣйствіями, позднѣйшей рефлексіей и т. д.

Безъ сомнѣнія, и въ матеріалѣ этнологіи мы имѣемъ черты разныхъ эпохъ, разныхъ ступеней развитія и вовсе не всегда чистыя, безпримѣсныя формы: негры западной Африки, краснокожіе сѣверозападной Америки, племена центральной Австраліи, арабы до Мохамеда, кельты эпохи Цезаря и греки микенскаго періода стоятъ въ разныхъ фазахъ развитія и представляютъ различные оттѣнки и разновидности культуры. Но тамъ, гдѣ мы не можемъ обозначать перемѣны годами и десятилѣтіями, гдѣ продолжительность формъ измѣряется вѣками и десятками вѣковъ, тамъ вопросы хронологіи вообще

утрачиваютъ острое значеніе; мы склонны разсматривать относящіяся сюда соціальныя состоянія не столько подъ угломъ зрѣнія эволюціи, движенія формъ, сколько по ихъ общему внутреннему сцѣпленію, по ихъ типическимъ особенностямъ, по ихъ зависимости отъ длительныхъ условій, географическихъ или расово-психическихъ и др.

II.

Если само направленіе соціально-философскаго интереса въ сторону этнологіи и соціологіи старинныхъ культуръ характерно и указываетъ на извѣстное измѣненіе общихъ понятій о главныхъ движущихъ и организующихъ силахъ общества, то въ свою очередь многіе детальные выводы, извлеченные изъ этой сферы научныхъ наблюденій, внесли новыя поправки и подкрѣпили общую перемѣну взглядовъ.

Въ картинѣ общей эволюціи человѣчества большею частью участвовало особое представленіе о старинномъ «первобытномъ» человѣкѣ, въ силу котораго онъ изображался большимъ матеріалистомъ съ преобладаніемъ мотивовъ практическаго «экономическаго» свойства. При такомъ опредѣленіи исходнаго момента развитія, возникновеніе и ростъ культуры характеризовались главнымъ образомъ въ видѣ появленія и усиленія украшающаго жизнь, «идеальнаго», безкорыстно-фантастическаго момента, въ видѣ развитія мысли объ удобствахъ жизни и удовлетвореніи пробуждающейся эстетической потребности, въ видѣ развитія разныхъ болѣе тонкихъ формъ общенія, поэтической любви между полами, товарищеской группировки и другихъ мотивовъ, требующихъ отъ человѣка свободнаго времени, досужей изобрѣтательности, вдохновенія и т. д.

Въ такой общей формулировкѣ взглядъ на «дикаря» и на дальнѣйшее движеніе культуры можно считать непоколебленнымъ. Вотъ прежде всего общее замѣчаніе глубокаго наблюдателя-этнолога (Штейнмеца). «Для того, чтобы объяснить поведеніе (старинаго или малокультурнаго) человѣка, обыкновенно исходили отъ представленія о немъ, которое прямо противоположно дѣйствительности. Его вооображали непремѣнно эгоистомъ, полнымъ знанія и крайне проницательнымъ во всемъ, что касается его собственныхъ интересовъ, очень осмотрительнымъ и вѣчно бодрымъ, между тѣмъ, какъ онъ всего чаще безпеченъ, неразуменъ, лѣнивъ и по временамъ, по крайней мѣрѣ, довольно добродушенъ».

«Первобытный» человѣкъ вовсе не былъ и не есть утилитаристъ прежде всего. Одинъ важный фактъ въ человѣческой культурѣ, фактъ старинный, истолковывали раньше въ наукѣ именно въ смыслѣ проявленія утилитарныхъ свойствъ древняго человѣка. Такъ думали о прирученіи животныхъ, т. е. обращеніи извѣстной группы дикихъ видовъ въ домашніе, въ спутниковъ человѣка, въ его хозяйственныя орудія или источникъ правильнаго его пропитанія. Нѣтъ сомнѣнія, казалось,

въ томъ, что первоначальный мотивъ приученія лошади, коровы, овцы, собаки и др.—хозяйственно-раціональный, что человѣкъ приспособилъ постепенно, захватилъ и смягчилъ тѣ дикіе виды, въ которыхъ онъ замѣтилъ выгодныя для себя свойства.

Въ настоящее время приходится признать, что активная роль человѣка въ дѣлѣ приученія животныхъ была гораздо слабѣе. Напр., для приученія собаки онъ почти ничего не сдѣлалъ; животное до извѣстной степени само пристало къ человѣку, навязалось въ сотрудники на охотѣ къ взрослому и въ товарищи по игрѣ къ малолѣтнему. Но главнымъ образомъ интересно, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ загонялъ къ себѣ и разводилъ въ неволѣ животное, онъ чаще всего руководился не раціональными соображеніями, не хозяйственной логикой, а какими-то болѣе смутными чувствами, фантастической эстетикой при видѣ красивыхъ и необычныхъ формъ, или желаніемъ позабавиться живой игрушкой, или суевѣрнымъ страхомъ передъ скрытой силой, проявляющейся въ непонятныхъ, но правильныхъ и своеобразныхъ движеніяхъ животнаго. Зачѣмъ было покровительствовать такимъ хозяйственнымъ ненужностямъ, каковы кошки, голуби, попугаи, въ старину въ Европѣ бѣлки и медвѣди или у современныхъ дикарей Африки куры, которыхъ они не ѣдятъ, но держатъ вмѣстѣ съ цѣлымъ звѣринцемъ красивыхъ или курьезныхъ плѣнниковъ? Мотивы были либо младенческіе — развлечься, побѣгать, позабавить глазъ и ухо, либо таинственно-неясные—оберечься отъ напасти.

Эти ирраціональные, фантастическіе, религіозные, недѣловые, «идеальные» мотивы можно предполагать даже тамъ, гдѣ впослѣдствіи вступила исключительно разумная хозяйственность: въ приученіи домашняго скота. Человѣкъ не могъ, напр., приручить рогатый скотъ изъ за того, чтобы присосѣдиться къ нему лишнимъ потребителемъ молока. Простой зоологическій фактъ мѣшаетъ такому заключенію: самка въ дикомъ видѣ едва можетъ прокормить дѣтеныша; человѣкъ не видѣлъ у ней излишка, который бы побудилъ его вступиться въ качествѣ дополнительнаго эксплуататора; напротивъ, способность производить лишнее молоко, видимо, пріобрѣтена животнымъ въ теченіе самой неволи, и то очень не скоро, въ рядѣ многихъ поколѣній. Чѣмъ же руководился человѣкъ, загоняя ненужнаго ему звѣря, такъ какъ будущихъ качествъ его не могъ же онъ предугадывать? Мы не можемъ сказать этого точно; но во всякомъ случаѣ онъ былъ направляемъ какой-то фантазіей, какимъ-нибудь сходствомъ символовъ, какими-нибудь мистическими сближеніями: или рога коровы напоминали ему небесный серпъ, который игралъ такую важную роль въ вѣрованіяхъ (почему, напр., египетская богиня имѣетъ голову коровы или украшена вѣнцомъ изъ коровьихъ роговъ?); или эстетика глаза повышала религіозное благоговѣніе при видѣ ослѣпительно-бѣлыхъ «непорочныхъ» экземпляровъ; или взволнованное воображеніе, которому вездѣ чудились таинственные знаки, лица и многозначительныя

фигуры, читало на пятнистой шкурѣ животнаго, въ очертаніяхъ его членовъ предзнаменованія, охрану отъ бѣды и т. п. (слѣды такого взгляда остались въ извѣстныхъ примѣтахъ египетскаго Аписа, напр., въ обязательной фигурѣ таинственнаго жука на его языкѣ).

Мотивы приручения животныхъ—лишь одинъ изъ признаковъ, по которому можно судить объ огромной роли «идеальнаго» элемента у первобытнаго человѣка. Въ томъ же направленіи можно указать и множество другихъ фактовъ, выдвинутыхъ новѣйшей наукой. Напрасно предполагали, напр., у малокультурнаго человѣка отсутствіе любовной романтики; она, напротивъ, сильно и многосторонне развита у него въ видѣ особыхъ формъ волшебства, гаданія, способовъ привлеченія объекта любви; она можетъ въ этой средѣ въ гораздо большей степени владѣть человѣкомъ, чѣмъ въ культурномъ обществѣ.

Напрасно предполагали, что дикарю чуждо самоубійство, что оно возникаетъ на болѣе высокой ступени развитія, подъ вліяніемъ логики отчаянія, вслѣдствіе возрастающей нервности и чувствительности, большаго развитія рефлексіи и т. д. Самоубійство, напротивъ, очень распространено между малокультурными народами: оно совершается въ этой средѣ съ чрезвычайною легкостью, и если приглядѣться къ мотивамъ, которые приводятъ къ нему, то можно найти отчасти сходство, отчасти различіе по сравненію съ побудителями самоубійствъ въ культурномъ обществѣ. Благопріятной почвой для самоубійства у «дикарей» служитъ именно сильно повышенная чувствительность, нервность, которую мы готовы были считать грустной монополіей новаго общества. Очень часто встрѣчается эротическій мотивъ лишенія себя жизни, и это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ, какое видное мѣсто въ помышленіяхъ малокультурнаго человѣка занимаетъ романтика страстей. Любопытна еще и та скорость и безтрепетность, съ которой человѣкъ выкидываетъ себя изъ числа живыхъ. Это, въ свою очередь, объясняется своеобразнымъ представленіемъ, которое онъ имѣетъ насчетъ «того свѣта», куда ему предстоитъ перейти. «Сверхчувственный міръ,—говоритъ одинъ изслѣдователь-этнологъ,—для человѣка на низшихъ ступеняхъ культуры представляетъ прочнѣйшую реальность, въ такой мѣрѣ, что мы даже не можемъ себѣ составить объ этомъ понятія. Этотъ свѣтъ и тотъ свѣтъ, земной и загробный міры въ глазахъ дикарей отдѣлены другъ отъ друга какъ будто не столько въ качественномъ отношеніи, сколько особенностями мѣста времени. Понятна какъ распространенность у нихъ самоубійства, совершающагося по всевозможнымъ поводамъ, такъ и то равнодушіе, съ которымъ они рѣшаются на смерть: переходъ на тотъ свѣтъ едва ли представляется имъ дѣломъ болѣе важнымъ, чѣмъ путешествіе изъ одной страны въ другую». Развѣ не скажешь, что въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ малокультурный истинно падаетъ жертвой своего чрезмѣрнаго идеализма?

Мы видѣли только отдѣльные примѣры, служащіе къ поправкѣ

того портрета первобытнаго человѣка, который ранѣе нарисовало себѣ культурное общество. Взятыя въ цѣломъ, такія поправки должны значительно измѣнить общую картину соціальной эволюціи человѣчества. Склонности, понятія человѣка, способы его дѣятельности, формы его общенія развиваются далеко не съ одинаковой силой и быстротой. Иногда насъ поражаетъ какое-нибудь изумительное техническое совершенство индустріальнаго производства у варварскаго народа, не отвѣчающее общей отсталости и низкому уровню остальной культуры. Съ другой стороны, въ крупныхъ и важныхъ областяхъ человѣческой мысли и дѣятельности его развитіе остается слабымъ и незамѣтнымъ. Въ ходѣ культуры получаются не только большія расходящіяся ступени; рядомъ съ ними, перебивая ихъ, идутъ повторенія, наряду съ мѣняющимися качествами и дѣйствіями обнаруживаются постоянныя и длительныя.

Къ подобнымъ же выводамъ насъ приводятъ и другія наблюденія уже надъ историческимъ матеріаломъ, отчасти, можетъ быть, вызванныя методомъ этнологіи, обязанныя ей первоначальнымъ толчкомъ. Вотъ, напр., рядъ любопытнѣйшихъ аналогій между древнимъ Египтомъ за его тысячелѣтніе періоды и позднѣйшими европейскими и азіатскими культурными эпохами.

Въ глубинѣ египетской исторіи можно замѣтить характерный симбіозъ, принудительное соединеніе двухъ взаимно дополняющихъ другъ друга культурно-хозяйственныхъ группъ, земледѣльческаго племени сѣверныхъ нильскихъ равнинъ и скотоводческаго народа южныхъ гористыхъ склоновъ; первое было выше техникой, мягче нравами, второе, болѣе сплоченное и болѣе суровое, подчинило себѣ слабо организованныхъ земледѣльцевъ и пріобрѣло господство въ силу своего административно-военнаго перевѣса; оно и образовало по настоящему египетское государство, тогда какъ первое составило въ немъ обширный рабочій классъ. Съ сохраненіемъ извѣстныхъ чертъ первоначальнаго быта эти двѣ группы удержали также впослѣдствіи характерное раздѣленіе труда: земледѣльцы низинъ обрабатывали волокнистыя вещества, горцы оставались мастерами металлическихъ издѣлій. Такое «сожительство» двухъ культурныхъ группъ, коренящихся въ различіи основного хозяйственнаго типа и долго сохраняющихъ свои особенности, мы наблюдаемъ потомъ долгіе вѣка на большой степной полосѣ, проходящей по всему Старому Свѣту отъ Атлантическаго океана до Великаго: всего ярче оно обнаруживается въ большихъ мусульманскихъ государствахъ арабовъ, мавровъ и турокъ, основанныхъ на комбинаціи, съ одной стороны, земледѣльческаго труда, а съ другой—торговли, военной силы и государственнаго давленія номадовъ.

Въ дальнѣйшей своей исторіи древній Египетъ представляетъ интересныя черты сходства съ явленіями римской имперіи, средневѣковой Европы, государства инковъ въ Южной Америкѣ и мусульманскаго Во-

стока. Вся хозяйственная жизнь страны строго регулирована и стянута въ организацію, которую можно было бы назвать соціалистическо-іерархической. Сборъ податей идетъ по большей части натурой; правительство наполняетъ ими громадные запасные магазины и сосредоточиваетъ такимъ образомъ хозяйственный капиталъ страны; свободной частной торговли въ крупномъ размѣрѣ не существуетъ, потребители снабжаются изъ оффиціальныхъ запасовъ. Многочисленная бюрократія направляетъ и наблюдаетъ этотъ большой рабочій и административный механизмъ; сверху донизу онъ проникнутъ іерархическими «феодальными» началами. Отъ міра боговъ до нижайшей рабочей единицы простирается система всеобщаго вассалитета. Царь—вассалъ боговъ; въ свою очередь подъ его особымъ патронатомъ стоятъ главные чиновники, затѣмъ идутъ дальше и дальше—низшія функціи подъ защитой высшихъ, группы рабочихъ подъ сеньоріальной опекой владѣльцевъ и т. д. Совсѣмъ такъ же, какъ въ эпоху Карла Великаго всякій долженъ былъ имѣть надъ собой сеньора, и въ древнемъ Египтѣ господствуетъ правило: «никто не долженъ быть безъ хозяина». Человѣкъ, не имѣющій патрона, лишенъ защиты и безправенъ.

Церковь была одарена огромными имуществами, которыми заправляли аристократическія коллегіи жрецовъ. Надъ ними стоялъ глава, «папа», жившій въ Ѳивахъ и состоявшій въ антагонизмѣ со свѣтскимъ государемъ. Мелкій людъ, далеко отодвинутый отъ этихъ организацій, искалъ религіознаго удовлетворенія въ кругу своихъ особыхъ ассоціацій или братствъ, составлявшихся изъ свѣтскихъ членовъ, на подобіе современныхъ религіозныхъ обществъ исламитскаго Востока или средневѣкового европейскаго сектантства.

Выработалась своеобразная символика, въ которой отразилось происхожденіе государства изъ сѣверной и южной половины. Въ придворныхъ церемоніяхъ государь садился лицомъ къ восходу солнца, сановники сѣвера и юга по правую и лѣвую сторону отъ него. Это космологическое расположеніе придворныхъ штатовъ повторилось потомъ въ мусульманскомъ государствѣ. Въ бюрократическомъ управленіи развилось сложное письмоводство и въ связи съ нимъ какъ бы культъ всесильной «бумаги», всепроникающей грамоты; этотъ культъ вылился въ формулу: «писецъ направляетъ работу людей». Опять черты, повторяющіяся въ исламитской культурѣ!

Соціологъ пораженъ этимъ обиліемъ аналогій съ другими временами и другими обществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не остановиться и на другомъ фактѣ, который ярко выступаетъ въ тѣхъ же чертахъ сходства: какое упорное повтореніе соціальныхъ комбинацій, какъ онѣ немногочисленны, какъ невелика, въ концѣ концовъ, соціальная изобрѣтательность человѣка или же въ какой мѣрѣ она ограничена въ выборѣ средствъ и способовъ!

Къ такому заключенію приходитъ уже упомянутый мною замѣча-

тельный этнологъ Шурцъ, останавливаясь на такихъ явленіяхъ, какъ тайные союзы въ западной Африкѣ, пытающіеся за отсутствіемъ или бездѣйствіемъ публичной власти играть роль чрезвычайной карающей юстиціи. Невольно онъ сопоставляетъ ихъ съ судомъ Линча, столь распространеннымъ въ нынѣшней культурной Америкѣ: «Тамъ, гдѣ не хватаетъ оффиціальнаго суда, люди съ успѣхомъ возвращаются къ старинной формѣ правовой охраны. Подобное явленіе также служитъ доказательствомъ того, что въ развитіи человѣчества нѣтъ мѣста безконечному множеству формъ существованія и неисчерпаемому количеству рѣшеній жгучихъ вопросовъ; напротивъ, число этихъ рѣшеній относительно очень невелико и среди этого небольшого числа при разныхъ обстоятельствахъ приходится всякій разъ дѣлать выборъ, при чемъ подобный исходъ вовсе не составляетъ ступени развитія въ собственномъ смыслѣ слова».

III.

Эта мысль должна повторяться при внимательномъ наблюденіи и сравненіи мелькающихъ въ соціальной исторіи комбинацій и мотивовъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ наше время особую увѣренность въ непреодолимой силѣ растущей техники, сопровождаемую убѣжденіемъ, что нынѣшняя культура характеризуется господствомъ техники въ такой мѣрѣ, какъ никакая другая до нея. Но подобныя настроенія и мысли вовсе не исключительное достояніе эпохи около 1900 г. Триста лѣтъ тому назадъ Кампанелла восторженно увлекался техникой своего времени, ея огромной цивилизаторской силой. Вотъ его слова: «Нашъ вѣкъ произвелъ въ теченіе 100 лѣтъ больше выдающагося, чѣмъ весь міръ въ четыре тысячи лѣтъ, въ этомъ вѣкѣ больше напечатано книгъ, чѣмъ ихъ появилось въ 5 тысячъ лѣтъ. Изобрѣтеніе книгопечатанія, компаса и пороха—очевидные знаки и орудія объединенія всего міра въ лонѣ одной великой общины».

Невольно, въ связи съ этимъ повторяющимся и забывающимъ предшественниковъ культомъ техники вспоминается еще другая комбинація мысли, также претендующая на исключительность и также принадлежащая къ ряду типичныхъ, повторяющихся настроеній. Въ XIX-мъ вѣкѣ швейной машинѣ приписывали вредное воздѣйствіе на нервы. Оказывается, что подобный же протестъ и жалобу на возбужденіе нервозности вызывала изобрѣтенная въ средніе вѣка и кажущаяся намъ столь идиллической самопрялка. Очень не новы также разсужденія, что сильныя, разрушительныя орудія и препараты, въ родѣ лиддита, дѣлаютъ невозможной войну именно вслѣдствіе своего быстро опустошающаго дѣйствія; приблизительно тотъ же аргументъ въ пользу прекращенія войны въ XVI-мъ вѣкѣ видѣли въ изобрѣтеніи револьвера.

Особенно поразительны повторяющіеся идейные мотивы, моральные, художественные, литературные. Эти повторенія въ различныхъ

общественныхъ группахъ, не стоявшихъ между собою ни въ какомъ общеніи, часто не подозрѣвавшихъ о существованіи одна другой, странныя по своему упорству, иногда по своей «нелѣпости», т.-е. по своей противорѣчивости раціональному опыту,—заставляютъ предполагать какія-то неизслѣдованныя еще, глубоко залегающія складки человѣческой природы, слабо поддающіяся эволюціи и способныя ставить втупикъ просвѣтительную работу своими внезапными вспышками.

Многія явленія или свойства этого рода могутъ мирно спать цѣлые вѣка и оставаться внѣ сознанія тѣхъ самыхъ людей, которые способны при исключительныхъ обстоятельствахъ дать имъ яркій и фатальный исходъ. Не наводитъ ли, напримѣръ, на такое соображеніе мотивъ, который можно было бы назвать религіозно-экстатической гибелью? Въ 70-мъ году по Р. Х., при взятіи мятежнаго еврейскаго Іерусалима римлянами и въ 1453 г., при штурмѣ византійскаго Константинополя османскими турками со страшнымъ сходствомъ повторилась одна и та же сцена: послѣдніе защитники вѣры и національности и сбившаяся около нихъ толпа запираются въ главномъ храмѣ и, уповая на какое-то неясное предсказаніе, смотрятъ упорно въ одну сторону и ожидаютъ чудесной помощи въ самую послѣднюю минуту. Оба случая такъ раздѣлены хронологически и культурно, притомъ ужасъ минуты въ такой мѣрѣ исключилъ возможность подражанія, что намъ остается только принять полную самостоятельность рѣшенія толпы въ томъ и другомъ случаѣ.

Съ почти трогательнымъ постоянствомъ повторяется много разъ одинъ мотивъ, который можно бы назвать утѣшеніемъ отъ мысли о существованіи земного рая. Яркимъ примѣромъ такого мотива настроенія можетъ служить вѣра въ Бѣловодье, въ существованіе гдѣ-то на далекомъ Востокѣ Бѣловодской земли или царства. Въ послѣднее время Вл. Г. Короленко въ замѣчательномъ этнографическомъ очеркѣ быта уральскихъ казаковъ далъ поразительную картину цѣлой экспедиціи въ таинственный край, снаряженной простолюдинами-сектантами на основаніи какихъ-то свершенно миѳическихъ данныхъ, безъ малѣйшаго знанія географіи, языковъ и т. п. Это—что-то въ родѣ путешествія на луну, отчаянный скачокъ въ самую темную неизвѣстность, и ради чего? Чтобы узнать, что дѣйствительно есть страна, гдѣ сохранилась истинная вѣра во всей чистотѣ, и что народъ, обладающій этимъ сокровищемъ, благоденствуетъ вдалекѣ отъ всего остального свѣта подъ управленіемъ того самаго духовнаго вождя, который увелъ его когда-то отъ грѣха и несчастья.

Эти поиски Бѣловодіи поразительно напоминаютъ настроеніе паломниковъ въ западной Европѣ XV-го в., участвовавшихъ въ великихъ открытіяхъ. Совершенно независимо отъ купеческихъ интересовъ или научныхъ изысканій надъ формой земли, множество людей увлекалось мечтой найти пресвитера Іоанна и его правовѣрную общину неумирающихъ счастливыхъ людей. Тамъ и здѣсь тоскующей душѣ нужна

была увѣренность, что не все на свѣтѣ погрузилось въ бѣду, порокъ и зло, что есть на землѣ общество блаженныхъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и общество людей непорочной вѣры. Надо отыскать ихъ, вступить съ ними въ общеніе, причаститься лицезрѣнія ихъ жизни. Вотъ и все, что́ нужно человѣку; онъ потомъ готовъ умереть спокойно, потому что видѣлъ «счастье и правду». Но даже не видавъ ихъ, въ одной только вѣрѣ, что они непремѣнно гдѣ-то существуютъ, онъ уже находитъ великое утѣшеніе.

Въ сущности такого рода мысли широко распространены въ разнообразныхъ формахъ: на чемъ держались, напримѣръ, безконечныя богомолья въ Римъ, направлявшіяся изъ сѣверныхъ странъ по страшнымъ альпійскимъ дорогамъ, среди грабежа и насилія, странствованія, совершаемыя съ затаенной надеждой умереть на самой святой землѣ? Своеобразный кругъ представленій, на которыхъ они основывались, вовсе и не такъ ужъ далекъ отъ культурнаго общества: не напоминаетъ ли его влеченіе европейцевъ XIX в., не владѣвшихъ конституціями, къ революціонной Франціи,—эта жажда увидать мѣста, освященныя великими политическими моментами, видѣть, только видѣть освобожденный народъ, желаніе настолько сильное и настоятельное, что Гейне могъ говорить о двухъ отечествахъ, которыя должны быть у всякаго образованнаго человѣка, одномъ, гдѣ онъ родился, и другомъ, которое составляетъ идеальную Францію.

Не такъ наивно, не прибѣгая къ пріемамъ такого внѣшняго противопоставленія, культурное общество ищетъ своего рода райскихъ состояній или качествъ вблизи себя, въ извѣстныхъ человѣческихъ группахъ, въ чертахъ моральныхъ и бытовыхъ, ищетъ «духовнаго рая». Мнѣ кажется, къ такому опредѣленію подходитъ повторяющаяся во всѣхъ литературахъ идеализація дикаря, варвара, простеца Иванушки, мужика, босяка и т. д. Типы, избираемые романтикой, разумѣется, различны: у Тацита — германцы, у Руссо — швейцарскіе горцы или американскіе краснокожіе, у писателей эпохи паденія крѣпостничества—крестьяне, у художника фабрично-городской среды—бездомные пролетаріи; но идеальный обликъ, рисуемый при помощи этихъ конкретныхъ чертъ, одинъ и тотъ же: онъ обусловленъ самокритикой интеллигентнаго общества, которое думаетъ, что потеряло райскую непосредственность, истинное чутье, оригинальность, свѣжесть чувствъ, однимъ словомъ, «святость», и почти мучительно хочетъ найти эти счастливыя свойства въ таинственныхъ незнакомцахъ, не обработанныхъ еще культурой.

Близко къ упомянутымъ комбинаціямъ мысли стоятъ еще нѣкоторые незамолкшіе мотивы, любопытные опять-таки тѣмъ, что они сближаютъ общества на разныхъ ступеняхъ развитія. Въ культурной средѣ, пріученной, повидимому, къ детерминизму, къ правильной работѣ мысли посредствомъ установленія причинныхъ рядовъ, можетъ жить, какъ ни странно сказать, потребность чуда, правда, чуда въ очень

тонкой, абстрактной одухотворенной формѣ, но тѣмъ не менѣе представляющаго скачокъ черезъ всѣ раціональныя основанія. Развѣ не въ эту категорію придется отнести, напримѣръ, вѣру въ волшебную силу декларацiи правъ, провозглашаемой во всеуслышаніе и этимъ самымъ способную совершить переворотъ въ умахъ и разрушить обветшалые порядки? Или еще, не сюда ли принадлежитъ знаменитая гегеліанская загадка, доставшаяся потомъ соціализму, загадка о томъ, какъ извѣстный порядокъ жизни на высотѣ своего отрицательнаго развитія, идя все къ худшему, перекидывается въ свою полную противоположность, въ наилучшій строй? Къ той же области относится изумительное по своей нераціональности убѣжденіе въ благотворности человѣческаго страданія, въ его очищающей и облагораживающей силѣ, въ моральной необходимости искупительныхъ жертвъ для достиженія истиннаго счастья, убѣжденіе, которое получило и религіозно-политическую формулировку въ мысли о руководящей роли народа-жертвы или народа-страдальца и которое находило въ себѣ такія яркія формы въ іудейскомъ мессіанизмѣ, въ разныхъ видахъ средневѣкового сектантства, въ бичеваніяхъ и отреченіяхъ, и наконецъ въ XIX в. въ идеѣ міровыхъ миссій, исполняемыхъ «несчастными» націями,—вплоть до мечтаній нашего поздняго экстатическаго славянофильства.

Мы не вѣримъ глазамъ своимъ, встрѣчаясь съ этими мотивами насъ вводятъ отчасти въ заблужденіе подновленные термины подобныхъ теорій, но въ дѣйствительности онѣ еще гораздо ближе къ какому-нибудь миѳологическому творчеству, чѣмъ это кажется. По привычкѣ, воспитанной эволюціонизмомъ, мы все стараемся каждый хронологически слѣдующій шагъ возвести на степень новаго шага впередъ. Хотя эволюціонная теорія и приняла въ свою терминологію слово «реакція», но и въ реакціи-то эволюціонизмъ обыкновенно склоненъ видѣть не простой возвратъ, не форму вновь выступающаго варварства, а лишь нѣкоторое искривленіе выводящаго потомъ напрямикъ пути, перерожденіе или замаскированное движеніе впередъ или новый толчокъ къ нему и т. д. Въ обычномъ эволюціонномъ объясненіи получается ломаная линія, въ которой все таки всѣ отрѣзки смотрятъ по одному главному направленію. При томъ такое объясненіе какъ будто бы открываетъ для разныхъ реакцій, политической, религіозной философской, эстетической извѣстное оправданіе: остается впечатлѣніе, что реакція возникла отчасти по винѣ слишкомъ быстраго и рѣзкаго движенія впередъ, что она составляла естественный протестъ противъ крайности предшественника.

Фактъ возвращенія повторяющихся мотивовъ не то что отстраняетъ такое объясненіе реакцій, онъ указываетъ на недостаточность объясненія; онъ заставляетъ, наряду съ очень важной оцѣнкой условій ближайшихъ, условій даннаго момента, предшествующей фазы движенія, подумать объ извѣстныхъ, можетъ быть, скрытыхъ и спящихъ

свойствахъ и представленіяхъ, издавна присущихъ человѣку, забытыхъ или забываемыхъ, но способныхъ выступать въ трудно предусмотримые сроки и бросать вызовъ тяжелой просвѣтительной работѣ, медленно подвигающейся въ дѣлѣ истребленія страховъ человѣческихъ.

Нѣкоторыя явленія современной художественной и философской мысли, подходящія подъ обычную рубрику реакціи, позволяютъ задуматься надъ такой поправкой.

Нѣтъ болѣе рѣзкаго контраста, какъ содержаніе и пріемы искусства лѣтъ 20—25 тому назадъ и художественное творчество послѣднихъ десятилѣтій. Какимъ-то изнуреніемъ отзывается уже примелькавшаяся худосочная символика, этотъ упрощенный языкъ знаковъ и неясныхъ намековъ, это условное изображеніе существъ неизвѣстнаго пространства и времени, этотъ наборъ фантастическихъ несообразностей, которыя означаютъ «вовсе не то», чѣмъ кажутся непредубѣжденному глазу. Рѣшительно не видно, чтобы новый символизмъ былъ вызванъ какими-нибудь явленіями предшествующей эпохи, служилъ дальнѣйшимъ развитіемъ ея пріемовъ или возникъ потому, что исчерпаны были свойственные прежнему искусству пріемы и мотивы, или потому, что доказана была ихъ неудовлетворительность. Въ конкретно-идейномъ направленіи, которое дало, напримѣръ, на русской почвѣ «Бурлаковъ», «Христа въ пустынѣ», «Всюду жизнь» и т. п., не было никакихъ указаній на возможность или необходимость поворота къ новому искусству, о которомъ пока можно сказать, что оно перестало быть изображеніемъ и не смогло сдѣлаться философской абстракціей.

Нѣкоторая наклонность символическаго искусства къ архаическому костюму помогаетъ историку найти родство его въ раннихъ формахъ художественнаго творчества. Когда вы смотрите на странно симметричныя, какъ бы намѣренно ненатуральныя очертанія лицъ, складокъ платья, расположенія фигуръ, орнаментовки, пейзажнаго фона и т. п., египетскаго, напримѣръ, искусства или ранняго средневѣковаго, вы не должны относить эти особенности исключительно къ несовершенству техники и рабскому воспроизведенію художниками разъ установившейся традиціи. Во всемъ этотъ гораздо больше разсчета, планомѣрности, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Вотъ, напримѣръ, рядъ точекъ, которыя, казалось, лучше было бы замѣнить линіей. Но онѣ не даромъ поставлены: онѣ сосчитаны и ихъ число, навѣрно, какое-нибудь священное, многозначительное, таинственно-предопредѣляющее число. Ненатуральная симметрія происходила не отъ дѣтской безпомощности рисовальщика: онъ боялся разрушить сквозившій черезъ дѣйствительность идеалъ и дѣлалъ снимокъ съ правильнаго чертежа своей образцовой головной схемы. Художникъ вовсе не старался воспроизводить натуру, онъ имѣлъ въ виду свою особую мистическую систему, тайное сочетаніе символовъ, въ которое слагались его зрительныя впечатлѣнія отъ окружающаго. Его глазъ

видѣлъ дѣйствительность сквозь условныя символическія очертанія и формы. Такимъ образомъ въ его и безъ того тѣсномъ кругозорѣ было больше принудительныхъ ассоціацій. Его зрѣніе какъ бы состояло въ томъ, что онъ накладывалъ на окружающее нѣкую геометрическую сѣть, притягивалъ къ ней подходящее и отбрасывалъ, не замѣчалъ отступающихъ явленій. Такъ, въ человѣческой фигурѣ съ распростертыми на молитвѣ руками ему видѣлся крестъ, въ солнцѣ или звѣздѣ съ расходящимися лучами—паукъ и обратно: жолобъ на церкви превращали въ оскаленную голову дьявола, кувшину давали форму птицы и т. д.

Такова была и старая наука. Для историка событія обрубались и ложились въ рамки четырехъ всемірныхъ монархій, предсказанныхъ у пророка Даніила. Еще въ XVIII-мъ в. географія билась въ подобныхъ тискахъ: на земной поверхности предполагали нѣкоторую систему «нормальныхъ» горныхъ хребтовъ, въ извѣстной конфигураціи, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; землю тоже, повидимому, надѣляли заранѣе начерченнымъ символическимъ ликомъ. Господство системы было гораздо сильнѣе реальныхъ впечатлѣній: хребты отыскивали тамъ, гдѣ «они быть должны», и упорно рисовали несуществующія возвышенности на картахъ; вѣрующихъ не смущали крупныя несогласія съ идеальнымъ образомъ, въ родѣ большихъ горъ на неположенныхъ мѣстахъ: онѣ зачислялись въ разрядъ «случайныхъ» и фактически выбрасывались изъ круга вниманія.

Не произошло ли въ искусствѣ непредусмотрѣнное повтореніе старинныхъ методовъ? Можетъ быть, символисты надѣлены фантазіей и симметрическими идеями подобными тѣмъ, какія были у отдаленныхъ поколѣній, и дѣйствительно видятъ сквозь извѣстныя принудительныя сѣтки схематическихъ ассоціацій? Другое дѣло, на долго ли проснулась старая эстетическая мистика, но она не вытекаетъ изъ предшествующей фазы, характеризуемой любовью къ конкретному и детальнымъ анализомъ, не служитъ ей ни поправкой, ни отвѣтомъ, ея мотивы заключены въ особомъ складѣ впечатлительности и воображенія людей, воспроизводящихъ живыя еще качества, которыя казались исчезнувшими.

То же самое можно было бы сказать о философской мистикѣ. Вотъ уже во второй разъ на нашихъ глазахъ, такъ сказать, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, въ концѣ XVIII-го и въ концѣ XIX вв. она подымается неожиданно и безосновательно послѣ горячей просвѣтительной работы, послѣ цѣлаго потопа критицизма. Немного подновлена терминологія, но сущность все та же, что въ XVI, что въ XIV вв., что еще раньше. Просыпаются страхи передъ невѣдомымъ и попытки окружить его культомъ; опять все то же раздробленіе человѣческаго существа на двѣ натуры, два сознанія, одно слабое, ползающее по землѣ, другое—могучее, летающее въ облакахъ. Какія бы названія ни

придумывались для этой условной противоположности: разумъ и воля, анализъ и творчество, внѣшнее воспріятіе и внутреннее сознаніе, наука и метафизика, но въ основѣ этого раздвоенія все тотъ же старинный «опытъ» первобытной психологіи: бодрствованіе и сонъ, ясность чувствъ и забытье, анализъ и восторгъ, наблюденіе и фантазированіе кажутся малокультурному человѣку доказательствомъ того, что въ немъ живутъ два существа, одно вставленное въ другое, что онъ «двойникъ» самого себя, что въ немъ двѣ параллельно идущія жизни, что онъ входитъ въ два сосуществующихъ, совпадающихъ, но не сообщающихся между собою міра.

Первобытный человѣкъ, по причинамъ понятнымъ, отдаетъ предпочтеніе группѣ послѣднихъ состояній, сновидѣнію, иллюзіи, экстазу, тѣмъ состояніямъ, въ которыхъ силы его кажутся удесятеренными, когда онъ творитъ чудеса и буквально летаетъ по воздуху; такія состоянія онъ считаетъ пророческими, божественными и откровенными и съ пренебреженіемъ смотритъ на другія, бодрственныя состоянія, когда чувствуетъ себя связаннымъ сотней условій и ограниченій. Мистика и воспроизводитъ всякій разъ тотъ же нехитрый психологическій мотивъ. Другой вопросъ, и очень большой—о причинахъ возвращенія «наивнаго» опыта въ среду, повидимому, критически воспитанную. Но всякій разъ, когда происходитъ отклоненіе мысли въ этомъ направленіи, оно кажется неожиданнымъ, и въ то же время можно и должно вспомнить, что родство этого мотива тянется длинной генеалогической линіей, то слабѣющей и пропадающей для историческаго глаза, то опять поднимающейся на поверхность.

Общественная наука XIX в., можетъ быть, слишкомъ упорно искала въ эволюціи послѣдовательности и логичности. Дѣйствительный ходъ вещей приноситъ много неожиданностей, хотя и покрываемыхъ терминами эволюціонистики, въ родѣ «естественная реакція», «перерожденіе» и т. д., но, въ концѣ концовъ, жестоко нарушающихъ предполагаемыя нормы. Среди этихъ неожиданностей даютъ себя знать «повторяющіеся мотивы», которые служатъ знаками нѣкоторыхъ устойчивыхъ, длительныхъ качествъ и состояній человѣческаго интеллекта и людского общества. Общественная наука необходимо должна была обратить особенное вниманіе на этотъ элементъ, часто обидный и досадный для раціоналиста, но неустранимый въ кругозорѣ историка и психолога. Отсюда объясняется то своеобразное направленіе интереса и методологическихъ пріемовъ въ кругу ея содержанія, о которомъ было сказано вначалѣ.

Р. Виппперъ.

* * *

Высоко въ небѣ мѣсяцъ ясный
Затихъ волны дремотный плескъ
Какъ снѣжно-золотое поле,
Сіяетъ въ морѣ лунный блескъ.

Плыла межъ небомъ и землею
Надъ моремъ тучка,—наплыла
На край луны—и вдругъ широко
Насъ мягкой тѣнью обняла.

Далеко золотое поле
Покрылось матовымъ стекломъ,
И вѣтеръ, шелестя травою,
Пахнулъ полуночнымъ теплomъ.

Счастливымъ и глубокимъ вздохомъ
Волна вздохнула въ полуснѣ,—
И какъ довѣрчиво, какъ нѣжно
Ты вся прижалася ко мнѣ.

Но вспыхнулъ блескъ на горизонтѣ,
Тѣнь по горамъ въ лѣса ушла,
И снова мы сидимъ недвижно,
И снова ночь, какъ день, свѣтла.

Спитъ море въ яркомъ лунномъ блескѣ,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ...
О, ночь любви! Ужель и въ счастьи
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

Иванъ Бунинъ.

ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

*(Продолженіе *).*

Глава вторая.

Вѣра.

„Въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь... Но каковы бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если они только совершаютъ какіе-нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрой. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо всегда дѣлать только то, что велятъ"...

Л. Толстой. Въ чемъ моя вѣра.

Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ упрековъ Рёскина по адресу политическій экономіи относится къ ея безбожію или невѣрію. И хотя онъ самъ часто говоритъ, что только хочетъ замѣнить ложную науку истинной наукой, но точнѣе было бы сказать, что онъ хочетъ вмѣсто науки, отрицающей вѣру, поставить науку, основанную на вѣрѣ. Слово «вѣра» часто вызываетъ у защитниковъ науки такое же раздраженіе, какъ слово «власть» у защитниковъ свободы. Поэтому не лишнее напомнить, что даже и самые рьяные защитники науки позволяютъ себѣ такія выраженія, какъ «вѣра въ науку». У Чехова, въ «Скучной исторіи», ученый профессоръ говоритъ: «Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя. Вѣра эта, быть можетъ, наивна и несправедлива въ своемъ основаніи, но я не виноватъ, что вѣрю такъ, а не иначе; побѣдить же въ себѣ этой вѣры я не могу».

Ясно, что здѣсь «вѣра въ науку»—не пустая фраза. Тутъ на лицо всѣ элементы настоящей религіозной вѣры, вплоть до тертулліановскаго:

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь, 1903 г.

credo quia absurdum,—пусть я наивенъ и несправедливъ въ своей вѣрѣ, а все-таки я буду вѣрить!

Но, конечно, часто—слишкомъ часто—защита вѣры сводится къ защитѣ мракобѣсія. Какую же вѣру защищалъ Рёскинъ?

Нѣкоторые факты говорятъ не въ пользу широты и глубины религіозныхъ воззрѣній Рёскина. Его цитаты изъ Библіи, которыми онъ пытается опровергать научные доводы, кажутся продиктованными слѣпою вѣрой въ букву писаннаго закона. Воспитывали его въ духѣ строгаго пуританства. Какъ только онъ научился читать, мать засадила его за ежедневное чтеніе Библіи съ заучиваніемъ наизусть большихъ отрывковъ. Это считалось главнымъ занятіемъ. Библія раскрывалась на первомъ стихѣ первой главы и каждый день въ опредѣленные утренніе часы молодой Рёскинъ читалъ вслухъ по порядку главу за главой, а когда приходилъ конецъ и прочитывался послѣдній стихъ, снова раскрывалась Книга бытія, и чтеніе повторялось сначала. Такъ продолжалось до поступленія Рёскина въ университетъ. Онъ самъ говоритъ, что мать его не смущалась тѣмъ, что многіе стихи оставались непонятны ея юному ученику: она вѣрила, что даже и непонятыя мѣста, выученныя наизусть, принесутъ больше пользы, чѣмъ сказки или какое бы то ни было свѣтское чтеніе. Этотъ чисто англійскій или, точнѣе, шотландскій формализмъ благочестія долго жилъ въ душѣ Рёскина вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ и смиреннымъ уваженіемъ къ волѣ родителей. Уже въ зрѣлые годы, несмотря на свою страстную любовь къ живописи, онъ не позволялъ себѣ браться за кисть или карандашъ въ воскресенье, считая это нарушеніемъ Господней заповѣди о субботѣ.

И все-таки религіозныя убѣжденія Рёскина не были ни узки, ни слѣпы. Отъ формализма и сектантскаго духа онъ, въ концѣ концовъ, освободился. Его свободомысліе было даже причиной большого несчастья въ его личной жизни: дѣвушка, которую онъ полюбилъ (ему уже было тогда 55 лѣтъ), отказалась быть его женой исключительно по той причинѣ, что родители ея не пожелали имѣть зятемъ «невѣрующаго». Потомъ «невѣріе» смѣнилось снова міровоззрѣніемъ, болѣе близкимъ къ вѣрѣ дѣтскихъ лѣтъ *). Но и на склонѣ лѣтъ онъ остался чуждъ церковности въ обычномъ смыслѣ этого слова. Въ 1887 г. (т.-е. 68 лѣтъ) онъ писалъ: «Я былъ, есть и не могу не быть правовѣрнымъ (католическимъ) христіаниномъ, въ широкомъ и вѣчномъ значеніи этого слова... Но я столь же неспособенъ сдѣлаться римскомъ католикомъ, какъ и квакеромъ, евангелистомъ или мусульманиномъ» **). Христіаниномъ въ «*вѣчномъ*» значеніи этого слова Рёскинъ оставался и въ періодъ наибольшаго «невѣрія». Именно сое-

*) *J. Bardou.* John Ruskin. 2-e éd., p. 138.

**) Ibid., p. 146.

диненіе пламенной вѣры съ отрицаніемъ окружающихъ формъ церковности позволило Рёскину свободно отличать дѣйствительное «невѣріе», равнозначущее съ малодушіемъ и трусостью мысли, отъ того кажущагося наружнаго «невѣрія» и «безбожія», въ которомъ подозрѣваютъ другъ друга нетерпимыя послѣдователи разныхъ «вѣръ». Отрицаніе церковныхъ формъ обыкновенно носитъ столь субъективный характеръ, что тѣ, кто отрицаютъ данныя формы, какъ бы невольно отрицаютъ и все содержаніе, скрывающееся за этой формой,—напр., тѣ, кто отрицаютъ римско-католическую церковь, не признаютъ совсѣмъ въ римско-католикахъ «христіанъ» въ «вѣчномъ» значеніи этого слова. Рёскинъ же умѣлъ находить и цѣнить истинную вѣру даже у тѣхъ, кто ошибочно отожествлялъ истинную вѣру съ случайными, мѣстными и временными ея проявленіями. Отношеніе Рёскина къ различнымъ «вѣрамъ» или церквамъ носитъ тотъ же характеръ всеобъемлющей любви ко всему живому, какимъ проникнуты его слова о значеніи «церквей»—зданій или храмовъ въ «Лекціяхъ объ искусствѣ»: онъ признаетъ, что церкви внушаютъ молитвенное благоговѣйное настроеніе, — но онъ хотѣлъ бы, чтобъ люди способны были къ молитвѣ и благоговѣнію и внѣ церковныхъ стѣнъ, чтобы вся природа была для человѣка храмомъ. «На это могутъ возразить,—говоритъ Рёскинъ— что такъ какъ нельзя освятить всю землю, то лучше спасти хоть часть ея, чѣмъ ничего. Но если и такъ, то несомнѣнно, что мы должны стараться расширять это привилегированное пространство» *). И подобно тому, какъ при входѣ въ прекрасный католическій храмъ Рёскинъ чувствовалъ присутствіе того же живого вѣчнаго Бога, котораго онъ искалъ и находилъ въ нерукотворной красотѣ альпійскихъ горъ, такъ и подходя къ чужой религіи, онъ проявлялъ не только чувства снисходительности и терпимости, но и живого благоговѣнія и искалъ въ ней поученія и подкрѣпленія собственнымъ религіознымъ убѣжденіямъ. Онъ помнилъ всегда, что въ его собственной вѣрѣ должны быть ошибки и недостатки и что истинная вѣра страдаетъ отъ вѣры въ непогрѣшимость собственныхъ мыслей. Въ древне-греческихъ миѳахъ онъ искалъ христіанства въ «вѣчномъ» смыслѣ этого слова. Но для того, чтобы найти вѣчное и истинное христіанство въ вѣрованіяхъ древняго міра, нужно признать возможность ошибокъ и ограниченности «нашего» христіанства. «Чѣмъ охотнѣе мы признаемъ возможность того, что къ нашимъ собственнымъ любимымъ убѣжденіямъ примѣшаны заблужденія, тѣмъ болѣе жизненно и плодотворно будетъ въ этихъ убѣжденіяхъ все то, что въ нихъ есть истиннаго: и нѣтъ болѣе фатальнаго заблужденія, чѣмъ мысль, что Богъ не допуститъ насъ ошибаться, хотя онъ допустилъ ошибаться другихъ... Не думайте, что вы сколько-нибудь пострадаете отъ того, что постараетесь проникнуть въ вѣрованія

*) Лекціи объ искусствѣ, § 61.

другихъ и полюбить, въ вашемъ воображеніи, руководящіе принципы ихъ жизни. Только такимъ путемъ вы можете по достоинству оцѣнить ихъ и пожалѣть или воздать хвалу... И вѣрьте мнѣ: разумнѣе и святѣе огнемъ вашей собственной вѣры воспламенять пепелъ угасшихъ религій, чѣмъ мерзнуть и спотыкаться объ ихъ могилы, наполняя собственныя души ихъ холодомъ и мракомъ» *). Приступая къ истолкованію греческихъ миѳовъ, Рёскинъ говоритъ: «Мы не можемъ правильно понимать религію какого бы то ни было народа, если не согласимся допустить, что мы сами, также какъ эти другіе люди, способны ошибаться въ дѣлахъ вѣры» **).

Поэтому Рёскинъ былъ способенъ находить вѣру и у тѣхъ, кто сами называютъ себя невѣрующими. Невѣріе же, въ которомъ онъ обвиняетъ политическую экономію, есть невѣріе малодушныхъ людей, боящихся честной мысли. Въ предисловіи къ «Оливковому вѣнку» Рёскинъ говоритъ, что это сочиненіе предназначается не только для вѣрующихъ, но и для такъ называемыхъ «невѣрующихъ». «Если съ такъ называемыми христіанами я желалъ отстаивать честное провозглашеніе и послѣдовательное выполненіе ихъ вѣры въ жизнь (загробную), то съ такъ называемыми невѣрующими я желалъ настаивать на честномъ провозглашеніи и выполненіи ими ихъ вѣры въ смерть. Неизбѣжно одно изъ двухъ. Человѣкъ долженъ вѣрить, что послѣ смерти его или ожидаетъ иная жизнь, или нѣтъ; можно смѣло смотрѣть въ лицо судьбѣ и правильно устраивать свою жизнь при той или другой вѣрѣ, но это немыслимо, если мы колеблемся между вѣрой и боязнью. Мы обыкновенно вѣримъ въ безсмертіе, чтобы избѣжать приготовленія къ смерти, и въ отсутствіе безсмертія, чтобы избѣжать приготовленія къ жизни послѣ смерти. Тогда какъ мудрый человѣкъ будетъ, по крайней мѣрѣ, готовъ встрѣтить то или другое... Но мы не имѣемъ никакого права называть неблагороднымъ убѣжденіе, въ силу котораго мы приводимъ все въ порядокъ какъ бы для вѣчной смерти... Смѣлая вѣра въ то, что со смертью все кончается, раздѣлялась безспорно многими благородными личностями, и признакомъ крайней испорченности церкви служило бы ея утвержденіе, что такая вѣра несовмѣстима ни съ чистотой характера, ни съ энергіей къ добру. Краткость жизни не служитъ въ глазахъ разумной личности достаточно уважительнымъ поводомъ къ тому, чтобы безсмысленно тратить ту небольшую часть ея, которая ей удѣлена, и предвкушеніе вѣчной смерти завтра никому, кромѣ пьяницъ, не можетъ внушить мысли объ умѣстности напиться сегодня. Вѣра въ то, что за гробомъ ничто насъ не ожидаетъ, можетъ, правда, больше примирить человѣка, ведущаго безсмысленную жизнь, съ этой

*) „Ethics of the Dust", lect. X.

**) „The Queen of the Air", § 1.

безцѣльностью его существованія, но человѣка разумнаго она заставитъ еще серьезнѣе отнестись къ жизни» *).

Если Рёскинъ обвиняетъ современный экономическій строй и экономическую науку въ невѣріи, то подъ невѣріемъ онъ разумѣетъ не какую-нибудь отдѣльную, одну изъ многихъ, вѣру, но враждебность къ вѣрѣ вообще. Всякая вѣра заключается въ признаніи абсолютнаго добра, которое сильнѣе насъ и которому мы, какъ высшей силѣ, подчиняемся. И вотъ этого то абсолютнаго добра не признаетъ современный міръ, признавшій денежную оцѣнку всѣхъ благъ. «Безуміе современнаго либерализма, — говоритъ Рёскинъ, — какъ бы оно ни было многообразно и различно, сводится практически къ пренебреженію или отрицанію качества вещей, ихъ внутренней цѣнности» или «къ неспособности и нежеланію отличать достойное отъ недостойнаго въ чемъ бы то ни было и прежде всего въ человѣкѣ» **). Ослѣпленные деньгами люди говорятъ, что денежная оцѣнка не исключаетъ оцѣнки нравственной: первая относится только къ благамъ матеріальнымъ, а вторая—къ духовнымъ. Но такое раздѣленіе матеріальной и духовной стороны уже есть отрицаніе идеи добра и зла. Добро есть нѣчто абсолютное и остается самимъ собой одинаково и въ матеріальномъ, и въ духовномъ мірѣ. «Человѣческая природа,— говоритъ Рёскинъ,—какъ ее создалъ Творецъ и какъ онъ ее сохраняетъ всюду, гдѣ его законы соблюдаются, вполнѣ гармонична. Нѣтъ болѣе глубокой фактической ошибки, нѣтъ болѣе опаснаго нравственнаго заблужденія, чѣмъ то, на которомъ основано монашеское ученіе о противоположности тѣла и души. Не можетъ быть совершенной души въ несовершенномъ тѣлѣ, не можетъ быть совершеннаго тѣла безъ совершенной души. Каждое правое дѣло и хорошая мысль накладываетъ печать своей красы на человѣка и на его лицо, каждое неправое дѣло и дурная мысль накладываетъ свою печать безобразія...» ***).

Поэтому матеріальное богатство есть только отраженіе духовной жизни и имѣетъ всѣ тѣ же свойства, что и духовныя блага. Оно не подлежитъ количественному измѣренію, но только качественной оцѣнкѣ. Оно управляется независимыми отъ нашей воли законами, которыхъ сила является для насъ таинственной, непонятной.

«Всякое богатство основано на внутренней силѣ и не можетъ быть создано сужденіями людей. Это легко видѣть, когда дѣло идетъ о вещахъ, дѣйствующихъ на тѣло; мы знаемъ, что никакая сила фантазіи не можетъ сдѣлать камни питательными или ядъ—безвреднымъ но та же истина менѣе очевидна относительно вещей, дѣйствующихъ

*) „Оливковый вѣнокъ“, §§ 13—14.
**) „Fors Clavigera“, Letter. XIV.
***) „Munera Pulveris“, § 6.

на духъ. Мы легко—и, можетъ быть, не безсознательно—даемъ себя обманывать внѣшними благотворными результатами промышленныхъ предпріятій, направленныхъ цѣликомъ на удовлетвореніе искусственныхъ потребностей, и склонны думать, что все, чего люди сильно желаютъ, что они дорого оплачиваютъ и чѣмъ съ удовольствіемъ владѣютъ, должно быть включено въ наше опредѣленіе богатства... Но это не такъ... Наши мнѣнія о вещахъ не могутъ ни создать, ни ослабить ихъ вѣчной силы; и не могутъ они также (за извѣстными предѣлами)... предотвратить ихъ воздѣйствія на насъ. Поэтому спеціальный анализъ богатства долженъ заняться не столько исчисленіемъ того, что можетъ быть полезно, сколько различеніемъ того, что разрушительно; и показать, что эта разрушительная сила неизбѣжна, что получить удовольствіе отъ дурной вещи не значитъ еще избѣжать или измѣнить ея злую силу, но, наоборотъ, быть измѣненнымъ ею; что это значитъ пострадать отъ нея въ крайней степени, сдѣлавъ собственную природу, въ соотвѣтственной степени, тоже злой... Такъ что терминъ богатство никогда не долженъ быть примѣняемъ *къ случайному предмету болѣзненнаго желанія*, но только *къ постоянному предмету законнаго желанія*» *).

«Цѣнность вещи не зависитъ отъ мнѣнія и отъ количества. Думайте объ вещи что вамъ угодно, пріобрѣтайте ее въ какомъ угодно количествѣ, цѣнность ея самой по себѣ не станетъ отъ этого ни больше, ни меньше» **).

Критиковъ Рёскина сильно смущаетъ это ученіе о внутренней цѣнности вещей, которымъ Рёскинъ хочетъ замѣнить теоріи цѣнности, предлагаемыя разными школами политической экономіи. Гобсонъ, такъ высоко оцѣнивающій значеніе Рёскина для политической экономіи, считаетъ ученіе о внутренней цѣнности грубымъ заблужденіемъ: «Рёскинъ очень близко подходитъ въ этомъ случаѣ къ одному изъ средневѣковыхъ суевѣрій относительно «сущности» вещей» ***). По мнѣнію Гобсона, «дѣйствительная цѣнность вещи можетъ безконечно измѣняться въ зависимости отъ ступени развитія, достигнутой индивидомъ или обществомъ. Картина Тинторета или опера Вагнера не имѣла бы никакой цѣнности среди дикаго народа, такъ какъ хотя внутреннія свойства картины и оперы остались бы при этомъ неизмѣнными, но отсутствовала бы ихъ способность оказывать возвышающее вліяніе на жизнь» ****). Но Гобсонъ забываетъ, что для Рёскина и «ступень развитія, достигнутая индивидомъ или обществомъ», тоже подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія абсолютнаго нравственнаго закона. Абсолютная цѣнность оперы Вагнера заключается не въ томъ, что слушающій ее считаетъ обязательнымъ ея

*) „Munera Pulveris“, §§ 32—34.

**) „Послѣднему, что и первому“, § 61.

***) *Дж. Гобсонъ.* Общественные идеалы Рёскина, стр. 75.

****) Тамъ же, 76.

слушаніе для всѣхъ людей и для всѣхъ временъ, а въ томъ, что самъ онъ ее слушаетъ только за нее самое, только ради того, чтобы слушать, а не ради того, что другіе люди ее слушаютъ или не желаютъ слушать, хвалятъ или бранятъ. Разногласіе въ мнѣніяхъ съ другими людьми, чѣмъ бы оно ни вызывалось, не отнимаетъ отъ нашихъ внутреннихъ убѣжденій характера безусловности. Современная же рыночная оцѣнка вещей основана на пренебреженіи къ собственнымъ внутреннимъ убѣжденіямъ и на признаніи одинаковой качественной цѣнности за всѣми чужими мнѣніями. Купецъ на рынкѣ одинаково охотно продастъ свой товаръ и дикарю, и мудрецу потому, что у него нѣтъ собственнаго убѣжденія о назначеніи товара и нѣтъ вѣры въ безусловную пользу своего купеческаго дѣла. Конечно, мы всѣ сознаемъ, что дикари ниже насъ, но благодаря рыночной оцѣнкѣ всѣхъ благъ мы сами подчиняемъ свои мысли и чувства низкому уровню развитія дикарей вмѣсто того, чтобы возвышать ихъ до себя. Дикари, напр., придаютъ большую цѣнность безполезнымъ ракушкамъ. Если бы у насъ не было ложныхъ экономическихъ понятій, мы, слѣдуя своему естественному чувству, отучали бы ихъ отъ пристрастія къ игрушкамъ и бездѣлушкамъ и прививали бы имъ интересъ къ болѣе полезнымъ вещамъ. Руководясь же ложнымъ понятіемъ о рыночной цѣнности, мы сами начинаемъ цѣнить ракушки тѣмъ выше, чѣмъ выше цѣнятъ ихъ дикари, и, получая отъ нихъ за ракушки разные полезные предметы, сами задерживаемъ дикарей на низкой ступени развитія *).

Различіе между ученіемъ о цѣнности Рескина и теоріями цѣнности большинства экономистовъ состоитъ въ томъ, что экономисты стараются отыскать закономѣрность въ массѣ постоянно происходящихъ денежныхъ оцѣнокъ, а Рескинъ эти денежныя оцѣнки признаетъ незакономѣрными, ненормальными, обманчивыми. Онъ считаетъ заблужденіемъ не только теоріи экономистовъ, но и тѣ самыя рыночныя цѣны, относительно которыхъ экономисты сочиняютъ свои теоріи. Экономисты задаются вопросомъ: какіе нужно предположить нормальные мотивы въ нормальномъ человѣкѣ, чтобы объяснить всѣ явленія рынка, всѣ колебанія цѣнъ? А Рескинъ считаетъ ненормальнымъ самое желаніе современнаго человѣка на все устанавливать рыночныя цѣны. Онъ думаетъ, что рыночныя цѣны суть обманъ, иллюзія, фальшивое средство, которымъ малодушное общество хочетъ замѣнить настоящую, нормальную оцѣнку по внутреннимъ качествамъ, что вѣра въ деньги для современнаго человѣка служитъ замѣною знанія добра и зла **).

---

*) Ср. „Послѣднему, что и первому“, § 61.

**) При этомъ нельзя сказать, что Рёскинъ только осуждаетъ денежную оцѣнку вещей, а не изучаетъ, экономисты же только изучаютъ, но не осуждаютъ и не хвалятъ, а потому Рёскинъ будто бы и не можетъ помочь экономистамъ. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ осужденіе, т.-е. признаніе ошибки и

Но рыночная, денежная оцѣнка хозяйственныхъ благъ не можетъ отмѣнить дѣйствія законовъ добра и зла, потому что законы эти имѣютъ характеръ безусловный. Мы не можемъ ихъ отмѣнить, такъ же какъ не можемъ измѣнить своей природы. Мы можемъ только возставать противъ своей природы. И мы возстаемъ противъ нея, когда принимаемъ денежную оцѣнку всѣхъ вещей. Стремясь къ матеріальному богатству, мы хотимъ его достичь безъ вѣры, путемъ точнаго ариѳметическаго разсчета. И эта робкая приверженность къ цифрѣ и деньгамъ сокращаетъ наше матеріальное богатство. Ибо наибольшее матеріальное богатство всегда будетъ у тѣхъ, у кого наибольшая духовная сила, въ комъ наибольшая вѣра. Чтобы наслаждаться богатствомъ, нужно не тревожиться о богатствѣ. Кто отрицаетъ эту тайну богатства, кто хочетъ обезпечить себѣ богатство навѣрняка, тотъ идетъ противъ жизни. Тайна богатства есть тайна жизни, ибо истинное богатство заключается въ томъ же, въ чемъ заключается истинная жизнь. «Нѣтъ, —.говоритъ Рёскинъ — другого богатства, кромѣ жизни, жизни со всѣми ея силами любви и радости, и благоговѣнія. Та страна всего богаче, которая питаетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ *).

Если богатство есть жизнь, то и истинное богатство, какъ истинная жизнь, немыслимо безъ вѣры. Про жизнь сказано: «кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее», и «не оживетъ, аще не умретъ». Въ этомъ тайна, но тайна неизбѣжная, отъ которой нельзя избавиться. Ее знаетъ неграмотный земледѣлецъ, бросающій въ землю зерно, которое «не оживетъ, если не умретъ». Ее знаетъ дикій охотникъ, который смѣло идетъ навстрѣчу смерти, чтобы обезпечить себѣ жизнь. Но современный человѣкъ испугался этой тайны, испугался жизни и вѣры. Чтобы жить, нужно бороться. И точно также нужно бороться, чтобы вѣрить,—бороться съ сомнѣніями и соблазнами, съ трусостью. И вотъ, чтобы не бороться, люди замѣнили вѣру—разсчетомъ, жизнь — рыночнымъ торгомъ, счастье—деньгами. Вѣра есть непрерывная борьба мысли. Разсчетъ—спокойная работа, не допускающая сомнѣній и споровъ. Цѣль жизни нельзя опредѣлить въ точной неизмѣнной формѣ. А торговый барышъ можно высчитать въ

обмана въ изучаемомъ явленіи, есть условіе познанія. Не можетъ изучать фетишизма тотъ, кто вѣритъ на слово фетишистамъ и считаетъ ихъ научно-мыслящими людьми. Или: подобно тому, какъ человѣкъ, не знающій, что такое война, пушки и мины, не можетъ понять устройства броненоснаго крейсера, хотя бы онъ цѣлыми годами изучалъ его во всѣхъ подробностяхъ и самъ обладалъ прекрасными знаніями по кораблестроенію, такъ и человѣкъ, не знающій, что такое поклоненіе мамонѣ и ложная вѣра въ деньги, не можетъ понять дѣйствительныхъ законовъ денежнаго и товарнаго обращенія, хотя бы онъ всю жизнь провелъ за наблюденіемъ движенія рыночныхъ цѣнъ и самымъ искреннимъ образомъ стремился къ познанію истины.

*) „Послѣднему, что и первому“, § 77.

точныхъ цифрахъ. Счастье неуловимо, его нельзя обезпечить, нельзя взять въ собственность, какъ вещь. А деньги можно взять прямо въ руки, ощупать, взвѣсить, запереть въ несгораемый шкафъ. Въ землѣ зерно умираетъ и оживаетъ. На рынкѣ зерно продается и покупается. И если оно продано за рубль, нельзя сказать, чтобы оно было куплено за полтинникъ. Это уже не вѣра, а точный фактъ, точная цифра! И такихъ фактовъ и цифръ цѣлыя груды, цѣлыя горы. Всюду и вездѣ всѣ вещи—и хлѣбъ, и одежда, и жилище, и трудъ, и удовольствія и страданія—даются и берутся за деньги, а деньги можно считать, и, значитъ, все, что дается и берется жизнью, ради чего приходилось до сихъ поръ бороться съ жизнью и подчиняться ея таинственнымъ законамъ, можно отнынѣ измѣрить въ числахъ, въ безспорныхъ, безстрастныхъ, спокойныхъ цифрахъ, не требующихъ вѣры и борьбы за вѣру.

Но жизнь мститъ за себя. Люди хотятъ замѣнить ея тайны коммерческой ариѳметикой. А она спутываетъ ихъ выкладки и разсчеты. Люди отказываются отъ вѣры. А жизнь отказываетъ имъ въ точномъ знаніи. Люди хотятъ измѣрить жизнь аршиномъ, но такъ какъ это невозможно, ихъ измѣренія превращаются въ безтолковый, неблагодарный, мучительный трудъ. Вѣчные законы жизни не могутъ помѣшать людямъ, ихъ отрицающимъ, бѣгать съ аршиномъ и щелкать на счетахъ. Но они съ неизмѣннымъ постоянствомъ превращаютъ въ туманъ и призракъ все то, къ чему люди, гоняясь за богатствомъ, прикладываютъ аршинъ и прикидываютъ счеты. «Экономисты, — говоритъ Рёскинъ,—похожи на дѣтей, которыя пытаются прыгнуть на головы своихъ собственныхъ тѣней; потому что денежное пріобрѣтеніе только тѣнь истиннаго пріобрѣтенія—человѣчности» *).

Месть жизни заключается въ томъ, что денежные разсчеты, которыми люди надѣются облегчить жизнь, въ дѣйствительности не облегчаютъ, а затрудняютъ людей. Вѣра въ добро и зло замѣняется на рынкѣ высчитываніемъ выгодъ и невыгодъ. Но это высчитываніе оказывается еще болѣе противорѣчивымъ, чѣмъ вѣра съ ея «credo quia absurdum». Экономисты долго учили, что каждый самъ лучше всѣхъ знаетъ свои собственныя выгоды, и подъ вліяніемъ такихъ ученій, человѣкъ толпы склоненъ думать, что высчитать наибольшую возможную сумму личныхъ выгодъ легче, чѣмъ отличить добро отъ зла. Дѣйствительность же, какъ утверждаетъ Рёскинъ—показываетъ обратное: мы знаемъ хорошо, въ чемъ добро и зло, что дурно и что хорошо, но мы не знаемъ и не можемъ знать, что выгодно и что невыгодно, гдѣ ожидаетъ насъ наибольшій матеріальный эгоистическій выигрышъ. Гораздо труднѣе въ торговлѣ и промышленности сдѣлать разсчетъ выгодный, чѣмъ справедливый. «Ни одинъ человѣкъ,—говоритъ Рёскинъ,—никогда не зналъ и не можетъ знать, каковы будутъ

*) „Послѣднему, что и первому“, § 75.

окончательные результаты, для него самого и для другихъ, того или другого поведенія. Но каждый можетъ знать и большинство изъ насъ дѣйствительно знаетъ, какой поступокъ справедливъ и какой нѣтъ. И точно также всякій изъ насъ можетъ знать, что справедливость въ концѣ концовъ приведетъ къ наилучшимъ результатамъ, хотя мы и не можемъ заранѣе сказать, въ чемъ заключается это наилучшее и какимъ образомъ мы къ нему придемъ» *). Это свое положеніе Рёскинъ доказываетъ на примѣрѣ наемныхъ рабочихъ и предпринимателя, а также прислуги и хозяина **). Печальная неспособность современной экономической науки сказать рѣшительное слово относительно споровъ рабочихъ съ предпринимателями обнаруживается прежде всего въ безплодныхъ разсужденіяхъ о томъ, насколько интересы рабочихъ и предпринимателей противоположны другъ другу или совпадаютъ. Но очевидно, разсуждаетъ Рёскинъ, что нельзя доказать ни противоположности, ни совпаденія тѣхъ и другихъ интересовъ. Выигрышъ рабочихъ можетъ быть для предпринимателя и потерей и выигрышемъ. Ему выгодно имѣть дешевыхъ рабочихъ, но выгодно имѣть также рабочихъ здоровыхъ и довольныхъ. Точно также прислуга успѣшнѣе и лучше всего работаетъ на хозяина, когда чувствуетъ къ нему симпатію. А симпатію къ нему она чувствуетъ всего сильнѣе тогда, когда онъ не стремится во что бы то ни стало извлечь изъ слугъ наибольшую пользу. Такимъ образомъ, чтобы получить отъ прислуги больше выгоды, нужно поменьше думать о наибольшей выгодѣ. Простой и всѣмъ извѣстный фактъ, что безкорыстіе бываетъ выгодно, однимъ своимъ существованіемъ уже уничтожаетъ возможность точнаго счисленія выгодъ, возможность особой науки о выгодахъ и невыгодахъ. Сила чувства, говоритъ Рёскинъ, «лишаетъ смысла всѣ разсчеты вульгарнаго экономиста; и даже если онъ захотѣлъ бы ввести этотъ новый элементъ въ свои вычисленія, онъ не имѣетъ никакой возможности воспользоваться имъ, потому что чувства становятся дѣйствительной двигательной силой только тогда, когда они пренебрегаютъ всѣми остальными побудительными силами и условіями политической экономіи. Будьте добры съ вашимъ слугой, имѣя въ виду учесть въ свою пользу его благодарность,—и вы не получите, какъ это вамъ и подобаетъ, ни благодарности, ни какой-нибудь прибыли за вашу доброту. Но будьте добры къ нему безъ всякаго хозяйственнаго разсчета, и всѣ ваши хозяйственные разсчеты оправдаются. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, «кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ, тотъ обрѣтетъ ее» ***).

*) „Послѣднему, что и первому“, § 7. Ср. у Толстого, про Нехлюдова: „И удивительное дѣло,—что нужно для себя, онъ никакъ не могъ рѣшить, а что нужно дѣлать для другихъ, онъ зналъ несомнѣнно“. „Воскресеніе“, ч. II, VIII.

**) „Послѣд., что и первому“, § 4.

***) Тамъ-же, § 10.

Этотъ примѣръ и этотъ евангельскій текстъ имѣетъ особенную цѣнность для правильнаго пониманія ученія Рёскина. Есть огромная разница между той точкой зрѣнія на которой стоитъ здѣсь Рёскинъ и обычными попытками ввести въ науку о народномъ хозяйствѣ изученіе духовныхъ, нематеріальныхъ силъ. Теперь уже никто не утверждаетъ, что можно основать народное благополучіе на однихъ только эгоистическихъ мотивахъ. Всѣ постоянно говорятъ, что сдѣлать народъ богатымъ мы можемъ только при томъ условіи, если сдѣлаемъ его честнымъ, здоровымъ, образованнымъ. Но при этомъ обыкновенно думаютъ, что можно и должно радѣть о народной честности, о народномъ здравіи и образованіи въ видахъ матеріальной выгоды **). Подобнаго рода поправки къ старой буржуазной экономикѣ могутъ, пожалуй, оказаться опаснѣе, чѣмъ старыя заблужденія. Пренебрегать народнымъ образованіемъ—скверно, но не хуже ли подчинять дѣло народнаго образованія коммерческимъ интересамъ? Рёскинъ съ горячностью доказывалъ, что государство нравственно обязано дать всѣмъ дѣтямъ—отъ самыхъ высшихъ классовъ до послѣднихъ бѣдняковъ—всесторонее образованіе и воспитаніе по тщательно обдуманной и наилучшей системѣ, на какую мы только способны, чего бы это ни стоило. Но онъ имѣлъ много возраженій противъ того народнаго образованія, которое насаждалось въ современной ему Англіи и, главнымъ образомъ, противъ меркантильной его окраски. Вотъ его слова: «Весьма удобное изреченіе — «все, что затратишь, тебѣ вернется», буквально вѣрно въ дѣлѣ народнаго образованія: нѣтъ другого сѣмени денежнаго, которое бы могло дать столь вѣрную и богатую жатву, когда наступитъ время урожая; но только къ этому денежному сѣмени еще болѣе, чѣмъ къ сѣмени тѣлесному относится неумолимая истина: «то что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ». Вамъ нужно забыть о вашихъ деньгахъ и о всякихъ другихъ матеріальныхъ интересахъ и просвѣщать только ради просвѣщенія; или то самое добро, которое вы хотите вызвать, обратится въ ядъ, и вы загубите вмѣстѣ и это добро, и ваши деньги. И это было истинной причиной неудачи всѣхъ нашихъ усилій, до сихъ поръ сдѣланныхъ въ дѣлѣ образованія—какъ сверху, такъ и снизу. Нѣтъ честной преданности дѣлу ради самого дѣла. Люди низшихъ классовъ рвутся къ образованію только потому, что думаютъ, что получивъ его, они станутъ людьми высшихъ классовъ...» **).

Поэтому нельзя вмѣстѣ съ Гобсономъ видѣть торжество идей Рёскина въ томъ, что экономисты стали теперь признавать выгодность высокой заработной платы для предпринимателей ***) и даже дѣлаютъ попытки

*) У насъ, напр., въ Россіи вошло въ обычай требовать увеличенія расходовъ на народное образованіе въ цѣляхъ болѣе успѣшной промышленной конкуренціи съ передовыми странами Запада.

** «Time and Tide», §§ 92—93. Ср. также „Оливк. Вѣнокъ“, § 145.

*** Гобсонъ, ук. соч., 83.

измѣрять дѣйствіе мотивовъ идеальныхъ, нравственныхъ тѣмъ же способомъ, какъ и дѣйствіе мотивовъ эгоистическихъ и сравнивать тѣ и другія при посредствѣ денежной оцѣнки. «Этотъ новый методъ, по словамъ Гобсона, насколько онъ примѣнимъ на практикѣ, согласуется повидимому съ заявленіями Рёскина, что всѣ случайныя и пертурбаціонныя экономическія силы однородны съ первоначальными» *). Но Рёскинъ, наоборотъ, утверждаетъ, что тѣ идеальные мотивы, которые кажутся экономистамъ случайными и пертурбаціонными, на самомъ дѣлѣ совершенно *не* однородны съ корыстными мотивами, которые принимаются экономистами за постоянные, такъ что принявъ въ соображеніе эти будто бы случайные мотивы, мы тѣмъ самымъ разрушаемъ всѣ свои гипотезы о дѣйствіи корыстныхъ мотивовъ **). Если, съ другой стороны, Рёскинъ постоянно повторяетъ, что заботы о благахъ матеріальныхъ не должны быть отдѣляемы отъ задачъ нравственнаго порядка, что путь къ благамъ матеріальнымъ и благамъ духовнымъ— одинъ и тотъ же, то изъ этого вовсе нельзя заключить, что блага духовныя подлежатъ денежной оцѣнкѣ такъ же, какъ и блага матеріальныя, а слѣдуетъ вывести какъ разъ обратное, что блага матеріальныя не могутъ быть измѣрены посредствомъ денежной оцѣнки такъ же, какъ не могутъ быть измѣрены и блага духовныя. Экономисты, вводящіе въ политическую экономію изученіе духовной стороны человѣка, хотятъ этимъ путемъ только исправить прежніе разсчеты, сдѣлать ихъ болѣе точными. Рёскинъ же отрицаетъ самую возможность точныхъ разсчетовъ и требуетъ свободной отъ разсчетовъ вѣры и довѣрія.

Гораздо лучшимъ, хотя и невольнымъ подтвержденіемъ взглядовъ Рёскина являются тѣ выводы экономистовъ, въ которыхъ говорится про невозможность опредѣленнаго рѣшенія экономическихъ вопросовъ при условіи безпрепятственнаго преслѣдованія каждымъ своей личной выгоды. Особенно часто приходится встрѣчаться съ такой невозможностью, математически доказанной, теоретикамъ предѣльной полезности, желающимъ облечь экономическіе вопросы въ математическія формулы. Если мы примемъ тѣ предпосылки, которыя принимаются теоретиками предѣльной полезности и захотимъ вычислить, какія цѣны на товары и на трудъ должны будутъ установиться при исключительномъ стремленіи каждаго къ личной своей выгодѣ, то въ большинствѣ слу-

*) Тамъ же, 52.

**) „Послѣднему, что и первому", § 2. Еще болѣе неумѣстной и незаслуженной является похвала одного нѣмецкаго почитателя Рёскина, по мнѣнію котораго „Рёскина можно разсматривать прямо-таки какъ предшественника теоретиковъ предѣльной полезности, заставившихъ о себѣ такъ много говорить въ послѣднее время" (*Sam. Saenger.* John Ruskin, sein Leben und Lebenswerk, s. 185). Нѣтъ большей противоположности, чѣмъ Рёскинъ и теоретики предѣльной полезности.

чаевъ получимъ рядъ неопредѣленныхъ уравненій съ неопредѣленнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ одинаково возможныхъ рѣшеній и въ томъ числѣ рѣшеній, явно противорѣчащихъ дѣйствительности и невозможныхъ съ житейской точки зрѣнія. Въ частности, это отсутствіе опредѣленнаго математическаго рѣшенія особенно заинтересовало экономистовъ по вопросу о высотѣ заработной платы. Давно уже высказывалось мнѣніе, что высота заработной платы не можетъ подлежать какимъ-нибудь законамъ и становится совершенно произвольной величиной всегда, когда борьба между рабочими и предпринимателями ведется не въ видѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, а въ видѣ борьбы между организованными группами и союзами. То же самое утверждаетъ и проф. Маршаль—современный Милль въ англійской политической экономіи. «Если предприниматели,—говоритъ онъ,—въ какой-нибудь отрасли промышленности дѣйствуютъ сообща, и рабочіе, съ своей стороны дѣйствуютъ такъ же, то рѣшеніе проблемы заработной платы становится неопредѣленнымъ» *). Значитъ, вся надежда—вся возможность опредѣленныхъ рѣшеній—только въ условіи безпрепятственной свободной конкуренціи. Но именно это условіе, по заключенію цѣлаго ряда экономистовъ, ставитъ намъ задачу, неопредѣленность которой можетъ быть математически доказана. Объ этомъ можно найти свѣдѣнія у С. и Б. Веббъ («Теорія и практика трэдъ-юніонизма»). «Дѣйствительный уровень заработной платы не можетъ быть опредѣленъ какими-либо разсужденіями абстрактной политической экономіи, даже если признать положенія о «полномъ насыщеніи спроса» и о «безпрепятственной подвижности». «Мы приходимъ, слѣдовательно, къ тому выводу,—резюмируетъ одинъ изъ новѣйшихъ систематиковъ (Никольсонъ),—что нѣтъ краткаго и простого закона, по которому опредѣлялся бы нормальный уровень заработной платы въ какой-нибудь отрасли труда на продолжительный періодъ. Мы не можемъ указать съ какою-либо точностью высшій и низшій предѣлы, между которыми онъ долженъ находиться, и, слѣдовательно, мы не можемъ установить уровень, вокругъ котораго должна колебаться рыночная цѣна на трудъ».

Эта *необходимая неопредѣленность* (продолжаемъ выдержку изъ С. и Б. Веббъ) договора между капиталомъ и трудомъ даже при господствѣ совершенно свободной конкуренціи была отмѣчена Торнтономъ въ 1869 г. и затѣмъ была *математически доказана*. Флемингъ Дженкинъ, выдающійся физикъ, показалъ въ 1870 г. въ одной, мало обратившей на себя вниманіе. статьѣ экономистамъ, что изъ ихъ собственныхъ разсужденій явствуетъ, что уровень заработной платы прямо зависитъ

*) „Elements of Economics of Industry", by prof. A. Marshall (указано у С. и Б. Веббъ: „Теорія и практика трэдъ-юніонизма", т. II (Спб. 1901), стр. 529). Также: „Principles of Economics" by A. Marshall, v. I, p. 708 (4 ed.).

отъ того, борются ли за него работники, или нѣтъ. Въ прямомъ противорѣчіи съ ходячимъ мнѣніемъ среднихъ классовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что положеніе «работника, не заключающаго никакого опредѣленнаго договора относительно своей заработной платы... равносильно принудительной продажѣ имущества банкрота или продажѣ съ аукціона безъ установленной минимальной цѣны...»

Весь этотъ вопросъ былъ подробно изслѣдованъ въ 1881 г. профессоромъ Эджевортомъ, съ математической точки зрѣнія, въ трудѣ, къ которому отнеслись слишкомъ невнимательно. Онъ резюмировалъ тамъ своею аргументацію слѣдующимъ образомъ. «Представимъ себѣ рынокъ, состоящій изъ одинаковаго числа хозяевъ и работниковъ, предлагающихъ—одни заработную плату, другіе—трудъ, при томъ условіи, что ни одинъ работникъ не можетъ служить у двухъ хозяевъ и ни одинъ хозяинъ не можетъ нанимать больше одного работника; или предположимъ, что уже установившееся было равновѣсіе между сторонами нарушено какимъ-нибудь внезапнымъ притокомъ богатства въ руки хозяевъ. Въ этомъ случаѣ для каждаго отдѣльнаго хозяина и работника не можетъ существовать опредѣленнаго и вообще единственно возможнаго договора, къ которому толкали бы условія рынка подъ вліяніемъ (сказали бы мы) закона природы и который можно было бы предсказать, зная заранѣе дѣйствительныя потребности каждаго отдѣльнаго или средняго контрагента; въ этомъ случаѣ a priori возможно неопредѣленное число договоровъ» *).

Все это какъ нельзя болѣе согласуется со словами Рёскина, что человѣку не дано взвѣшивать свои поступки на вѣсахъ личной выгоды, но только на вѣсахъ справедливости **).

Но какъ же могло случиться, что люди въ практической жизни, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, постоянно искали и ищутъ рѣшенія тѣхъ же самыхъ задачъ—но только при несравненно болѣе сложныхъ условіяхъ—которыя, по вычисленіямъ ученыхъ экономистовъ-математиковъ, не могутъ имѣть опредѣленнаго рѣшенія? Это могло случиться только потому, что люди на вѣру приняли возможность подобныхъ опредѣленныхъ рѣшеній: они *увѣровали* въ правильность денежныхъ разсчетовъ вопреки здравому смыслу и фактамъ жизни. Вѣра, изгнанная съ одной стороны, вошла съ другой. Отказавшись вѣрить въ добро и зло, люди повѣрили въ «дебетъ» и «кредитъ». Что такая вѣра дѣйствительно существуетъ, доказывается наивнымъ оптимизмомъ, пропитывающимъ современную промышленную организацію. Наибольшая сумма общаго счастья—такъ гласитъ оптимистическая философія капитализма—достигается при условіи наиболѣе точнаго преслѣдованія каждымъ своихъ личныхъ интересовъ. Т. е. въ основу «точнаго преслѣдова-

*) С. и Б. Веббъ, указ. соч., т. II, 527.

**) „Послѣднему, что и первому“, § 7.

нія» личныхъ интересовъ кладется совсѣмъ ужъ не точное знаніе о какой-то наибольшей суммѣ общаго счастья. У экономистовъ этотъ принятый на вѣру оптимизмъ сказался ясно въ выработанной ими терминологіи, не удивляющей насъ только потому, что мы къ ней прислушались. Называя «благомъ» или «полезностью» все то, что служитъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, экономисты показываютъ, что совершенно не признаютъ дурныхъ и ненужныхъ потребностей. Различая «производительныя» и «непроизводительныя» затраты, они молчаливо допускаютъ, что всякое производство похвально, и что не существуетъ вовсе безполезнаго производства. Если же экономисты, какъ это было съ Дж.-Ст. Миллемъ, желаютъ отнестись критически къ обычному оптимизму, они запутываются въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, то осуждая зло, то отстраняясь отъ всякой оцѣнки добра и зла. Миллю, напр., нужно было осудить непроизводительную роскошь богатыхъ людей *). Но сколько усилій ума ему пришлось затратить, чтобы произнести это осужденіе, не прибѣгая къ понятіямъ добра и зла, т.-е. въ сущности, осудить, не осуждая! Какія схоластическія теоріи понадобилось ему построить о различіи труда производительнаго и непроизводительнаго, о томъ, что «спросъ на продукты не есть спросъ на трудъ»! Опровергая Милля, Рёскинъ справедливо замѣчаетъ, что въ корнѣ миллевской теоріи о трудѣ производительномъ и непроизводительномъ лежитъ совершенно вѣрная мысль, что лучше производить общеполезныя издѣлія, чѣмъ предметы роскоши **). Но Милль не могъ высказать такъ просто эту мысль, потому что онъ не хотѣлъ быть моралистомъ, а только экономистомъ. Всѣ его затрудненія возникли оттого, что онъ считалъ недостаточнымъ и ненадежнымъ простое осужденіе роскоши на основаніи нравственнаго чувства.

Вражда къ нравственной, качественной оцѣнкѣ, стремленіе замѣнить ее количественнымъ измѣреніемъ свойственны не одной только политической экономіи, но и другимъ наукамъ. Во многихъ отношеніяхъ схоластика экономистовъ была лишь отраженіемъ общихъ недуговъ современнаго научнаго мышленія. Боязнь вѣры, сопровождаемая слѣпой вѣрой въ число и мѣру, сказалась и на тѣхъ наукахъ, которыя составляютъ гордость XIX в.,—на наукахъ естественныхъ. Не даромъ Рёскинъ относился подозрительно и раздражительно къ самодовольству естествоиспытателей. Онъ чуялъ въ нихъ тотъ же духъ мелочного, трусливаго маловѣрія, который онъ такъ ненавидѣлъ въ современномъ капитализмѣ. «Современное естествознаніе,—говоритъ Вернеръ Зомбартъ,—зародилось отъ конторскихъ книгъ» ***). Вотъ почему Рёскинъ мало довѣрялъ современному естествознанію.

*) «Основанія политической экономіи», кн. I, гл. V, § 3.

**) «Послѣднему, что и первому», § 58.

***) „Die moderne Naturwissenschaft selbst ist aus dem Hauptbuche geboren worden". «Der moderne Kapitalismus», I, 199.

У Рёскина есть много цѣнныхъ мыслей объ отношеніи между наукой и вѣрой. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ общемъ вопросѣ и только приведемъ одинъ отрывокъ о тайнѣ, какъ художественное резюме затронутой проблемы невѣрія и вѣры.

«Мы не должны удивляться, что туманъ и всѣ происходящія отъ него явленія—очаровательны и непонятны намъ, такъ какъ наше разумное счастье должно зависѣть отъ нашей готовности получить только частичное знаніе, даже и въ тѣхъ областяхъ, которыя насъ наиболѣе касаются. Если же мы станемъ настаивать на совершенной ясности и на полномъ объясненіи каждаго вопроса нравственности, то не медленно впадемъ въ мучительное безвѣріе. Все наше счастье, вся сила энергіи нашей дѣятельности зависитъ отъ нашей способности дышать и жить въ облакахъ, довольствуясь тѣмъ, что мы видимъ ихъ отверстыми здѣсь и заволокнутыми тамъ; отъ нашей способности радоваться тому, что мы можемъ уловить сквозь тончайшую ихъ оболочку проблескъ чего-то устойчиваго и существеннаго, и все же находить благородство даже въ самой тайнѣ, и радоваться, что нѣжная вуаль опущена тамъ, гдѣ неумѣренный свѣтъ могъ бы ослѣпить, а безконечная ясность утомить насъ. Да, я убѣжденъ, что недовольство этимъ вмѣшательствомъ тумана есть одна изъ формъ надменнаго заблужденія, легко принимаемаго за добродѣтель. Довольствоваться полнымъ мракомъ и незнаніемъ, дѣйствительно, недостойно человѣка, вслѣдствіе чего мы и думаемъ, что любовь къ свѣту и пріобрѣтеніе знаній всегда хороши. А между тѣмъ, когда къ дѣлу примѣшивается гордость, то даже стремленіе къ знанію и свѣту можетъ быть дурно. Знаніе и свѣтъ хороши, но человѣкъ погибаетъ въ поискахъ за знаніемъ, какъ моль въ поискахъ за свѣтомъ. И если мы, покоренные раньше моли, не примиримся, должнымъ образомъ, съ подобной тайной, то также погибнемъ. Но принятая со смиреніемъ, она тотчасъ же становится элементомъ радости; и я увѣренъ, что каждый правильно развитой умъ должно радовать не столько ясное пониманіе чего-нибудь, сколько сознаніе, что въ мірѣ существуетъ безконечно больше такихъ вещей, которыхъ онъ не въ силахъ познать. Только гордые и ничтожные люди могутъ на это сѣтовать, потому что, трудясь, мы, если захотимъ, всегда можемъ узнавать все больше и больше. Но удовольствіе для людей скромныхъ, мнѣ кажется, заключается въ сознаніи, что путь безконеченъ и что сокровища неисчерпаемы» *).

А. Рыкачевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Изъ «Modern Painters»: «Сельскіе листья», § 24.

ПОЛУЖИВОТНОЕ.

Романъ **Елены Белау.**

Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.**

*(Продолженіе *).*

V.

Утро, въ которое фрау Лу отправлялась домой, было необыкновенно свѣжее и обѣщало чудный лѣтній день. Длинныя голубыя тѣни, широкіе просвѣты, холодный туманъ и сверкающій надъ водою восходъ.

За эти дни фрау Лу, съ своимъ серьезнымъ дѣтскимъ лицомъ, прекрасными глазами, маленькой головкой и полной гибкой фигурой, кажется, ни къ кѣмъ не сошлась ближе. И все же всѣ чувствовали присутствіе этой женщины, какъ невольно слышишь запахъ стоящей въ комнатѣ резеды.

Какъ-то при случаѣ м-съ Вендландъ сказала ей:

— Ты извѣстность, а, между тѣмъ, тебя какъ-то не замѣчаютъ. Если ты сама себя не будешь выдвигать, Лу, — кто же станетъ это дѣлать за тебя?

М-съ Вендландъ часто сердилась на нее.—Она точно рыба, можетъ плавать только въ любви своихъ близкихъ.

Докторъ Фрей, напротивъ восхвалялъ ея сдержанную манеру умалчивать о себѣ.—Она, по крайней мѣрѣ, не надоѣдаетъ,—говорилъ онъ,—мнѣ, какъ и каждому, противны эти женщины писательницы, но она, слава Богу, ни къ кому не пристаетъ, а, между тѣмъ, ея произведенія заслуживаютъ въ видѣ исключенія полнаго вниманія.

Другой разъ, снова говоря о своей пріятельницѣ, м-съ Вендландъ выразилась такъ:—Она соловей. Въ темнотѣ звучитъ ея до боли сладостный голосъ, точно голосъ сердца самой ночи. И всѣ прислушиваются, а кто пойметъ, приложитъ руки къ груди и скажетъ: О т«ы, великое страданіе! Всѣ носятъ тебя и не знаютъ, страдаютъ и не понимаютъ, какъ глубоко они страдаютъ, а эта невзрачная птичка понимаетъ». Между мужчиной и его страданіемъ всегда стоитъ его по-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь, 1903 г.

лезная сила, которая не допускаетъ страданіе слишкомъ близко подойти къ нему. Между женщиной и страданіемъ не стоитъ ничего. Несчастная, обнаженная душа женщины никогда не спроситъ такъ изумленно, какъ мужчина: какимъ образомъ явилось въ міръ зло? Она видитъ и чувствуетъ этотъ міръ совсѣмъ иначе.

Годъ назадъ м-съ Вендландъ разыскала Лу Геберъ, написавъ ей предварительно нѣсколько ласковыхъ строкъ о томъ, какъ она хорошо ее понимаетъ. И м-съ Вендландъ не ошиблась, поддавшись своему внутреннему чувству. Въ Лу и ея мужѣ она нашла друзей и такихъ своеобразныхъ друзей, какихъ могла только жаждать ея своеобразная натура. Оба были люди, о которыхъ много говорили и которыхъ часто не понимали.

Гельвигъ Геберъ женился на молодой писательницѣ, которую зналъ еще ребенкомъ, послѣ стоившаго ему большихъ хлопотъ развода съ первой женой.

Въ теченіе многихъ лѣтъ она бывала у него въ домѣ. Онъ самъ научилъ это богато одаренное молодое созданіе работать, мыслить и прилагать къ дѣлу свои неисчерпанныя силы; при этомъ въ немъ невольно возникло чувство уваженія и преданности къ этой дѣвушкѣ въ ней онъ нашелъ товарища, всегда, какъ вѣрная собака, готоваго его защищать, жизнь за него положить. Она же видѣла въ немъ бога, отъ котораго всего ожидала, въ котораго вѣрила и до нравственнаго уровня котораго стремилась подняться. Она хотѣла стать ему равной. Вся юность ея была полна нескончаемыхъ волненій. Прошли цѣлые годы, пока она наконецъ сознала, что любитъ его. И это сознаніе прозвучало для нея смертельнымъ приговоромъ; они сдѣлались необходимы другъ другу, а между тѣмъ должны были и рѣшили разстаться. И вдругъ какимъ-то чудомъ, въ дѣло замѣшалась воля третьяго лица. Жена первая заговорила о томъ, что они должны принадлежать другъ другу. Она спокойно предложила ему развестись и соединиться съ той, которую онъ любитъ; среди окутавшей ихъ смертельной печали зазвучали слова чудесной сказки.

Они уже простились навѣкъ и были готовы, со смертью въ душѣ, разстаться, какъ вдругъ имъ зазвучалъ голосъ: оставайтесь вмѣстѣ, вы можете быть вмѣстѣ, я даю вамъ это право.

Они не вѣрили, не могли вѣрить; къ чему еще продолжать эти муки? Но голосъ звучалъ спокойно, настойчиво, убѣжденно, пока они не увѣровали, исполненные великой жаждой жизни. Все, что до сихъ старательно сдерживалось, теперь проснулось, всѣ страсти разомъ открыли глаза. Любовь, молчавшая, какъ невыразимая тайна, возликовала въ ихъ сердцахъ, гдѣ теплилась благодарность освобожденныхъ, благодарность рабовъ, сдѣлавшихся господами. А голосъ звучалъ и звучалъ, укрѣпляя въ нихъ вѣру, любовь и надежду. Прошло довольно много времени; надежда не покидала ихъ, но мало-по-малу зву-

чавшій имъ голосъ становился все болѣе шуточнымъ, неосмысленнымъ: «Да-да, да-да, да!» На этомъ все и кончалось, все оставалось по старому. Затѣмъ наступило время, когда въ голосѣ стали слышаться уже насмѣшливыя нотки: точно хищный звѣрь со своей жертвой, игралъ онъ съ ними, время отъ времени разражаясь жестокой насмѣшкой. Сознаніе своего могущества прорывалось рѣзкими тонами сквозь этотъ смѣхъ. Священная клятва обращалась въ безумную шутку. Этотъ голосъ годами билъ по измученнымъ нервамъ и истомленному сознанію двухъ несчастныхъ людей

Порою становился онъ грознымъ и ударялъ ихъ, какъ хлыстомъ. И вдругъ явился исходъ: былъ изданъ законъ о разводѣ—спасеніе, спасеніе для всѣхъ, включая и ту несчастную, безъ устали бичевавшую и себя, и другихъ.

Но когда они, наконецъ, выбившись изъ послѣднихъ силъ, выбрались на желанный берегъ, на нихъ обрушились окружающіе. Таковъ ужъ міръ! Люди не любятъ быть зрителями чьего либо спасенія. Они требуютъ гибели. Спасеніе не удовлетворяетъ ихъ; они обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, и это ихъ раздражаетъ. Въ отместку зрители сами набрасываются на спасенныхъ, пытаясь съ своей стороны уничтожить въ нихъ все живое. Цѣлый потокъ пересудовъ, клеветы, ненависти презрѣнія обрушился на нихъ. Но они и теперь не погибли, они жили, ихъ любовь жила! Они вышли изъ борьбы разбитые тѣломъ и духомъ, но не жалѣя ни о чемъ, невыразимо счастливые въ глубинѣ сердца, ликуя отъ блаженнаго сознанія права быть вмѣстѣ. Имъ смѣшно было то, чему люди давали названіе любви. Этакая маленькая цивилизованная любовь! Точно собачка съ бляхой, свидѣтельствующей объ уплатѣ налога, на шеѣ. Они познали могучую любовь, царственную, надъ которой ничто не властно на землѣ, любовь, которая еще никогда не терпѣла цѣпей, которая всегда умѣла спастись.

Теперь они снова жили среди людей, и люди точно догадывались, что въ обоихъ живетъ что-то царственное. Они нашли себѣ друзей. Всѣ охотно шли имъ навстрѣчу.

Они поселились въ маленькомъ домѣ, окруженномъ чудеснымъ садомъ. Многіе жили точно такъ же, какъ и они, даже лучше и богаче. Но эти двое были пришельцами изъ другого міра, и любовь ихъ была другая, чѣмъ любовь всѣхъ остальныхъ людеи, да и жизнь они понимали иначе.

Въ этотъ-то потонувшій въ зелени пріютъ направлялась фрау Лу. Поѣздка по озеру удалась вполнѣ; потомъ всѣ пошли пѣшкомъ черезъ тихій буковый лѣсъ. По дорогѣ, въ какомъ-то маленькомъ домикѣ былъ сервированъ обѣдъ; лакей м-съ Вендландъ исполнялъ свое дѣло съ тою же торжественностью, какъ дома. Онъ точно совершенно не замѣчалъ окружающей обстановки. Съ величественнымъ видомъ принесъ онъ на столъ деревянную миску съ супомъ.

Оттуда двинулись по желѣзной дорогѣ въ одно изъ предмѣстій Мюнхена, расположенное въ лѣсу, на крутомъ берегу Изера.

Вдали виднѣлся окутанный серебристымъ облакомъ дыма Мюнхенъ; къ этому облаку катилъ свои волны Изеръ, принося съ собой живительное, могучее дыханіе горъ.

Трудно было найти лучшій уголокъ для жизни такъ близко отъ большого города; многіе изъ соединенныхъ удобными дорогами участковъ лѣса были уже раскуплены. То здѣсь, то тамъ среди густой зелени буковъ выглядывали красныя крыши строеній.

Генри Менгерсенъ еще не зналъ этой мѣстности и былъ весь поглощенъ оригинальностью ландшафта.

— Ну. мы, какъ снѣгъ на голову, упадемъ нашему милому философу. И по дѣломъ! Слишкомъ ужъ спокойно живется ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ уже предупрежденъ,—заявила фрау Лу.

— Разумѣется, вы всегда заодно. А вѣдь мы хотѣли застигнуть его врасплохъ.

По широкой лѣсной дорогѣ навстрѣчу имъ шелъ неувѣреннымъ шагомъ, крошечный мальчикъ, въ красной сборчатой блузкѣ.

— Братецъ!—закричала фрау Лу.

Они были уже другъ возлѣ друга. Круглая бѣлокурая головка коренастаго мальчика пряталась въ складкахъ ея платья. За нимъ спѣшила миловидная горничная. Мальчикъ, очевидно, убѣжалъ отъ нея. Онъ барахтался, моталъ головой и цѣплялся за платье матери.

— Братецъ! — въ ея голосѣ слышалось такое непосредственное блаженство, что-то требовательное, теплое, радостное.

— Что баринъ?—спросила фрау Лу дѣвушку.

— Ничего! У насъ гости.

— Разумѣется,—сказала м-съ Вендландъ,—къ вамъ никогда нельзя пріѣхать безъ свидѣтелей. Вѣрно Орифлама со своей гувернанткой здѣсь? Что, графиня пріѣхала?

— Да, и другая барышня съ ней.

— Ну, тогда и біологическій человѣкъ не далеко!

М-съ Вендландъ начинала сердиться.

— Господинъ Мейеръ также пріѣхалъ?—смѣясь, спросила фрау Лу.

— Да-съ,—дѣвушка сдержанно улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала м-съ Вендландъ, — и адепты здѣсь!

И дѣйствительно адепты были также на лицо: профессоръ съ женой и дѣтьми.

— Лу, — обратилась къ ней м-съ Вендландъ,—вы не должны бы вести знакомство со всѣми этими людьми! Я всегда это говорила!

М-съ Вендландъ шла впередъ съ Изольдой и фрау Лу, несшей на рукахъ своего малютку.

— Это все люди, которые не могутъ васъ любить. Твой мужъ го-

воритъ съ ними на самыя высокія темы; они ничего ни понимаютъ, а затѣмъ выводятъ разныя сплетни.

— Адепты совсѣмъ безвредные люди,—вступилась фрау Лу.

— Я тебѣ говорю, что Орифлама будетъ до тѣхъ поръ кокетничать съ твоимъ мужемъ, пока не найдетъ, что онъ ее скомпрометировалъ; тогда обѣ весталки, Орифлама и гувернантка, забьютъ тревогу. Ты и твой мужъ слишкомъ простодушны. Эта дѣвица постоянно только и занята, что своимъ j'y pense. Онъ ей говоритъ о ножкѣ стула; а ей кажется, что рѣчь идетъ о ея ножкѣ, и она возмущается. Охъ, ужъ эти мнѣ старѣющія дѣвы съ своимъ j'y pense!

Они вошли въ садъ, здѣсь фрау Лу привѣтствовала своихъ спутниковъ: доктора Фрей, Генри Менгерсена и Изольду въ качествѣ хозяйки; во все время пути Изольда была очень молчалива; она охотно осталась бы дома, если бы это только было возможно. Все время она не отходила отъ м-съ Вендландъ.

— Какъ хорошо!—вырвалось у нея.—Какъ чудесно!

Во весь день она оживилась въ первый разъ. Садъ фрау Лу былъ дѣйствительно совсѣмъ особенный. Это просто была отгороженная часть лѣса, поросшая коренастыми, приземистыми соснами, кое-гдѣ возвышались большія деревья. Вся земля была покрыта зацвѣтавшимъ верескомъ, а среди вереска красовались розы, левкои, огненныя лиліи. Около одной маленькой, густой, круглой сосенки цвѣлъ крупный макъ. Вокругъ стволовъ высокихъ деревьевъ вилась павилика съ тысячами большихъ и маленькихъ лиловыхъ цвѣтовъ, толпилась резеда и вербена; воздухъ, настоящій лѣсной и смолистый, былъ напоенъ запахомъ травъ.

Изъ дверей темнаго, норвежскаго типа, дома вышелъ худой господинъ въ синемъ костюмѣ. Его манера держать себя, его взглядъ изобличали что-то спокойное и доброе. Фрау Лу поспѣшила къ нему навстрѣчу, все еще держа мальчика на рукахъ. Онъ подалъ ей руку, посмотрѣлъ на нее, потрепалъ ребенка по щекѣ. Они не обмѣнялись ни единымъ словомъ, но они были опять вмѣстѣ. «Все хорошо, она здѣсь», эта мысль свѣтилась въ его глазахъ въ то время, какъ онъ здоровался съ посторонними.

А она,—она точно преобразилась. Глаза засіяли; движенія получили какую-то легкость. Она прямо помолодѣла. Точно ей удалось, наконецъ, глубоко вздохнуть, очутившись въ той атмосферѣ, гдѣ такъ легко и отрадно ей дышется.

— Я все привезла съ собой для чая; тебѣ и хлопотать не о чемъ, Лу,—сказала м-съ Вендландъ, дѣлая знакъ лакею помочь дѣвушкѣ.

— Да?—удивилась Лу.—Какъ это мило съ твой стороны.

Чай былъ накрытъ въ саду подъ большимъ букомъ. За столомъ доктору Фрею и Генри Менгерсену пришлось познакомиться съ людьми, которые, по своему пониманію, по своимъ стремленіямъ были имъ со-

вершенно чужды. Съ Гельвигомъ Геберомъ можно было еще кое-какъ сговориться, хотя онъ не любилъ вдаваться въ разговоры объ искусствѣ и политикѣ. Онъ обиталъ въ особомъ міркѣ, мало доступномъ для остальныхъ. Будучи насквозь философомъ, ему трудно было говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ философіи. Но если ему встрѣчался человѣкъ, въ которомъ онъ предполагалъ найти хоть искру пониманія, онъ тотчасъ же, отъ всего сердца, шелъ ему навстрѣчу, безъ устали стараясь передать ему свои убѣжденія.

— Вы понимаете, какъ это чудесно?—часто говорилъ онъ, и ему хотѣлось, чтобы и другой ощущалъ то же, что и онъ. Онъ работалъ надъ своей книгой, и его маленькій домъ, въ которомъ онъ жилъ со своей женой, былъ для него, до извѣстной степени, храмомъ. Въ трудѣ мужа была надежда и жизнь фрау Лу, вся радость. Объ успѣхѣ его книги они не думали, но его трудъ долженъ былъ создать что-то новое, простое, великое, хотя бы на это и ушли еще многіе годы работы и мысли.

Фрау Лу хотѣла бы, чтобы онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о томъ, что составляетъ его внутренній міръ; у него было много преданныхъ людей, но среди окружавшей его толпы было много и такихъ, любопытство которыхъ было возбуждено его своеобразною личностью; на мгновеніе они примыкали къ нему, чтобы затѣмъ отпасть, истолковавъ все превратно, и разразиться крикомъ и сплетнями. Супругамъ пришлось пережить много такихъ фактовъ, и фрау Лу надоѣло принимать у себя людей, отъ которыхъ она не ждала ничего хорошаго, въ которыхъ она ничего и не искала.

Всѣ сидѣли вокругъ большого чайнаго стола подъ букомъ; молодая графиня жадно прислушивалась ко всему, что говорилось.

Профессоръ съ женой и дѣтьми, которыхъ м-съ Вендландъ назвала адептами, были также порядочные чудаки. Охотнѣе всего они бесѣдовали на тему о томъ, что́ слѣдуетъ ѣсть, чтобы развить свои умственныя способности. По убѣжденіямъ они были теозофами и отравляли себѣ жизнь тысячами самыхъ разнообразныхъ мелочей. Сегодня, напримѣръ, у фрау профессорши руки были совсѣмъ искусаны и распухли, потому что она не хотѣла отгонять комаровъ, преисполнившись мыслью, что не слѣдуетъ наносить вредъ живымъ существамъ. Это была блѣдная, миловидная, темноволосая женщина. Въ глазахъ ея свѣтилось много серьезности и прямодушія. Теперь былъ періодъ, когда они съ мужемъ питались только фруктами и не могли нахвалиться этимъ способомъ питанія. Но фрау профессоршѣ это, повидимому, не шло на пользу. Настоящими мучениками, однако, были оба мальчика, въ которыхъ родители теперь уже видѣли будущихъ адептовъ. Почему они рѣшили, что эти два миловидные толстые мальчугана, игравшіе въ данный моментъ въ отдаленной части сада съ «братцемъ», обладаютъ такими исключительными способностями, неиз-

вѣстно; но они вѣрили, что дѣти ихъ были рождены тайновидцами и носятъ въ себѣ задатки будущихъ адептовъ. Въ «братцѣ» они также старались провидѣть нѣчто подобное и уговаривали фрау Лу воспитывать это чудное дитя болѣе соотвѣтственно его призванію, т.-е. теперь уже обращаться съ нимъ, какъ съ полноправнымъ человѣкомъ. Они, вѣроятно, пришли бы въ ужасъ, если бы увидѣли, какъ дѣвушка фрау Лу награждала обоихъ адептовъ шлепками за то, что они вздумали засовывать песокъ въ ротикъ «братца». Ихъ крики привлекли, однако, вниманіе родителей. Жена встала, чтобы взглянуть, что произошло съ Атманомъ и Митрой? Она вернулась глубоко взволнованная, точно только что ей пришлось присутствовать при оскорбленіи святыни. Но ея серьезная жалоба произвела мало впечатлѣнія на фрау Лу, которая считала, что хорошій шлепокъ никому не можетъ повредить, даже адепту.

— Но послушайте, — сказалъ докторъ Фрей, — ваши мальчики смотрятъ на этотъ вопросъ совсѣмъ легко!

Лакей м-съ Вендландъ разносилъ чай и вкусное англійское печенье. Перемѣна обстановки какъ будто не играла для него никакой роли; онъ вездѣ оставался самимъ собою.

Вдругъ адептамъ пришло въ голову заняться лучшимъ экземпляромъ клематиса. Фрау Лу вскочила, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

— Оставьте! Оставьте!—просила нѣжная мать.—Не испугайте ихъ!

— Но ради Бога!—Фрау Лу совсѣмъ растерялась.

— Мы говоримъ дѣтямъ обо всемъ въ опредѣленные часы; моя жена отмѣчаетъ ихъ ошибки,—началъ профессоръ,—а затѣмъ мы совершенно хладнокровно высказываемъ наше мнѣніе Атману и Митрѣ, или же приходимъ съ ними въ общеніе, когда они спятъ.

— Въ такомъ случаѣ не забудьте про клематисъ и попробуйте на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, объяснить имъ сейчасъ же, чтобы они оставили въ покоѣ цвѣты!—Фрау Лу проявляла нѣкоторое нетерпѣніе, но все же сцена эта, видимо, ее забавляла.

— Да, я это сдѣлаю,—спокойно сказалъ профессоръ.

— Ахъ, предоставьте это мнѣ, милый профессоръ, — умоляюще просила графиня съ своимъ цѣломудренно-кокетливымъ видомъ, — прошу васъ!

— Хорошо, попытайтесь графиня, постарайтесь спокойно сосредоточиться; вы должны отыскать въ своей душѣ абсолютно ровную поверхность. Вы вѣдь знаете.

Графиня уже сидѣла, пытаясь сосредоточиться.

— Не будемъ обращать вниманія на нашу милую собесѣдницу,— сказалъ профессоръ.

Графиня буквально погрузилась въ себя; затѣмъ встала, вытянувшись во весь свой значительный ростъ и, съ остановившимися глаза-

ми, направилась къ адептамъ, хлопотавшимъ около оборванныхъ цвѣтовъ и вѣтокъ; она хотѣла сдѣлать имъ молчаливое внушеніе. Остановившись передъ Атманомъ и Митрой съ неподвижно выпученными глазами и выраженіемъ величайшаго мира на лицѣ, она приступила къ дѣлу. Все это очень испугало адептовъ; они, съ своей стороны, неподвижно смотрѣли на странное явленіе; вдругъ Атманъ заревѣлъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалось еще одно лицо, господинъ Мейеръ, біологическій человѣкъ, какъ его тутъ называли.

Онъ также попытался сосредоточиться и подошелъ къ дѣтямъ съ выраженіемъ такого же сверхестественнаго спокойствія въ лицѣ, онъ хотѣлъ оказать поддержку своей пріятельницѣ и сестрѣ по духу. Но все это дало очень мало результатовъ.

Мейеръ, графиня и профессоръ съ супругой постоянно упражнялись въ такого рода занятіяхъ. Для нихъ все это было вполнѣ естественно. Они говорили между собой о черной и бѣлой магіи такъ, какъ другіе люди говорятъ о какомъ нибудь концертѣ. При этомъ они абсолютно не понимали, что разговоръ ихъ не совсѣмъ обыкновенный. Въ настоящее время они разрабатывали простыя основанія вегетаріанской столовой и старались заинтересовать этимъ дѣломъ и м-съ Вендландъ которая, впрочемъ, оставалась холодна и даже сказала.

— Для чего? Овощей въ Германіи приготовлять не умѣютъ; зачѣмъ же вы хотите, что-бы бѣдные люди хворали?

Между тѣмъ графиня сплела изъ травы браслетъ; когда онъ былъ готовъ, она попросила Гебера дать ей руку и надѣла ему этотъ браслетъ. При этомъ она упорно молчала и, принявъ какой-то мистическій видъ, который дѣлалъ ее похожей не то на весталку, не то на актрису, удивительно долго держала его руку въ своей.

— Что за оригинальныя руки! мнѣ надо разсмотрѣть ея линіи.— Онъ отнялъ у нея руку и шутя поднесъ браслетъ къ губамъ.

«Какое безстыдство,—подумала гувернантка;—разумѣется «такой господинъ» не упускаетъ ни одного удобнаго случая!»—Всѣ мужчины представлялись ей равно подозрительными. Женщину же она считала какимъ-то необыкновенно чистымъ созданіемъ.

Теперь она понимаетъ его, этого философа. На невинную шутку графини отвѣтить такою неловкостью! И взгляды его она тоже понимаетъ. О, она его видитъ насквозь!

Теозофы удалились сегодня раньше обыкновеннаго. Они хотѣли еще почитать вмѣстѣ у графини. Когда они ушли, фрау Лу почувствовала, точно камень свалился у нея съ души. Ея мужъ сейчасъ-же это замѣтилъ.

— Намъ всегда кажется страннымъ и смѣшнымъ то чего мы не понимаемъ. У нихъ прекрасныя стремленія.

— Никакихъ у нихъ стремленій нѣтъ!—сказала фрау Лу. — Они только играютъ комедію.

— Ну что-же, если ихъ это занимаетъ! А всетаки она дала искусать себѣ руки и, дѣйствительно, испытала, что значитъ самопожертвованіе. Taswam asi древнихъ индійцевъ. Въ нашемъ мірѣ одно желаніе быть хорошимъ можетъ уже считаться трогательнымъ.

М-съ Вендландъ протянула своему другу, черезъ столъ руку.— Благодарю васъ,—сказала она,—вы правы.

Среди этого полнаго цвѣтовъ сада, гдѣ вечерній ароматъ лѣса мѣшался съ запахомъ резеды, розъ и вербены, всѣ невольно пришли въ какое то особенное настроеніе. Это настроеніе исходило отъ хозяина-философа. Разговоръ шелъ на темы, о которыхъ современные люди рѣдко думаютъ; всѣ прислушивались къ словамъ человѣка, мыслившаю иначе, чѣмъ другіе, глубже и проще; человѣка, не боявшагося прямо выражать свои мысли. Да, у него было мужество показывать себя такимъ, каковъ онъ есть.

Генри Менгерсенъ предался обаянію вечера. Онъ былъ слишкомъ художникъ, чтобы не проникнуться впечатлѣніемъ этой уравновѣшенной личности, хотя по природѣ своей онъ и не былъ способенъ понять фрау Лу и ея мужа. Онъ взглянулъ на Изольду; она слушала съ широко раскрытыми глазами. Она была блѣдна. Въ вечернемъ сумракѣ весь ея нѣжный образъ казался неопредѣленнымъ и мягкимъ. Менгерсенъ чувствовалъ въ ней смутное сознаніе вины, что то испуганное. На губахъ его заиграла легкая презрительная усмѣшка. Ему казалось, что онъ понимаетъ мысли, роящіяся въ ея юной головкѣ. Ему казалось, что онъ чувствуетъ, какъ горячей волной переливается въ ея жилахъ зажженная желаніемъ кровь. Она, должно быть, какъ въ лихорадкѣ. Ея нервы содрогаются и дрожатъ.

Какъ художникъ и какъ человѣкъ, онъ много думалъ надъ разрѣшеніемъ проблемы «женщина». Какъ художникъ, онъ ее уже разрѣшилъ по своему. Какъ человѣкъ, онъ усталъ отъ женщинъ, онѣ ему надоѣли.

«Ужасно!—думалъ онъ, снова глядя на Изольду.—Какъ въ ихъ природѣ коренятся чисто женскія черты! Это слѣпое желаніе повергнуть себя въ горе, это—не размышляющее никогда ни думающее о послѣдствіяхъ желаніе. Онѣ такъ же эгоистичны, какъ и мужчины, но при этомъ такъ безсознательны и инстинктивны, такъ элементарны. Какой непріятной красной нитью проходитъ въ нихъ это скучное, настойчивое желаніе пожертвовать собой, выполнить свое предназначеніе! Какъ онѣ всѣ къ этому стремятся, точно стадо барановъ! Природа поставила женщину ближе къ рабству, ближе къ страданію, и въ этомъ она нашла свое преимущество. Она сама представляется себѣ какимъ-то товаромъ. То, что она должна бы нести какъ крестъ страданія, кажется ей прекраснымъ. Она барышничаетъ своимъ страданіемъ. Отвратительно! Если бы какое-нибудь животное подвергалось такому гоненію, какъ женщина, то у него, вѣроятно, выросло бы что-нибудь:

рога, ядовитые зубы, у женщины же не выросло ничего. Она становилась все болѣе и болѣе ручной,—домашнимъ животнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова! Если бы ф-нъ Изольда была приказчицей въ магазинѣ, я сдѣлалъ бы ее своей возлюбленной. Почему бы и нѣтъ? А потомъ, если бы это мнѣ было неудобно, я бы прогналъ ее; она, кажется, слишкомъ много понимаетъ въ искусствѣ. Женщина, толкующая объ искусствѣ! Отвратительно! Какъ рѣдко художнику удается любоваться женской красотой. Это хорошій случай. Жаль!»

Генри Менгерсенъ курилъ сигару, задумчиво пуская голубоватыя кольца дыма.

Изольда почувствовала на себѣ взглядъ любимаго человѣка. Она содрогалась при мысли о томъ, что когда-нибудь будетъ ему принадлежать. Великая тайна женщины, которую она постигла впервые, ознакомившись съ его искусствомъ, витала надъ ней.—Да, ничего нѣтъ въ мірѣ выше, какъ быть женщиной, жертвовать собой! Генри Менгерсенъ былъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ о женщинахъ. Одного только онъ не зналъ, что среди нихъ есть и свободныя созданія, болѣе свободныя, чѣмъ мужчины; есть могучія души, которыя идутъ наперекоръ великой природѣ, любятъ, какъ хотятъ, и умѣютъ такъ безгранично жертвовать собой, точно онѣ происходятъ изъ другого міра, гдѣ царятъ другіе законы.

VI.

Есть старая сказка:

Одна чистая дѣвушка хотѣла пожертвовать собой для своего господина, чтобы излечить его отъ болѣзни. Она рѣшилась дать вырѣзать свое сердце изъ живой груди. И когда ея господинъ чрезъ дверную щель увидѣлъ ее обнаженную, такую, какой она явилась на свѣтъ Божій, во всей ея красотѣ, увидѣлъ, какъ терпѣливо она подставила подъ ножъ свою грудь, чтобы спасти его, душа его смилостивилась надъ ней...

Въ тихой, высокой комнатѣ стояла она, какъ та дѣвушка въ старой сказкѣ, которая хотѣла спасти своего господина, давъ вырѣзать изъ груди своей сердце. Она стояла обнаженная, такой, какой она явилась на свѣтъ, во всей своей чудной красотѣ. Она обѣщала своему господину исполнить его желаніе.

Генри Менгерсенъ совершенно погрузился въ свое рисованіе. Въ комнатѣ царила тишина. За окномъ стояла іюльская жара, царило іюльское солнце; масса зелени; прозрачныя, бѣлыя, какъ снѣгъ, облака, плыли своимъ темно-лазоревымъ путемъ. Лѣтняя жизнь, лѣтніе звуки, лѣтніе ароматы, лѣтніе цвѣты, блескъ далекой, спокойной глади водъ—святое, теплое очарованіе лѣта.

А въ комнатѣ сидѣлъ погруженный въ работу художникъ, кото-

рому только что явилось откровеніе. Это было что-то желанное, что-то для него необходимое. Нельзя терять ни минуты, ни секунды.

Вотъ она стоитъ неподвижная, блѣдная, какъ смерть, напоминая собой какой-то свѣтлый цвѣтокъ. Ему хочется какъ-нибудь вывести ее изъ этого напряженнаго положенія, но онъ не смѣетъ. Неизвѣстно, что можетъ принести за собой слѣдующій моментъ? Развѣ онъ увѣренъ въ себѣ? Развѣ онъ въ ней увѣренъ? Онъ работаетъ, не отрываясь, напрягая всю силу воли, которая ему цѣликомъ нужна для дѣла. Надо смотрѣть на эти дивныя формы, не отдаваясь побочнымъ впечатлѣніямъ. Онъ старается холодно представить себѣ, что передъ нимъ наемная модель, и это ему удается. Только тогда онъ вполнѣ можетъ погрузиться въ работу.

А какъ просто все вышло! Она тихо пришла; трогательное объятіе. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ остороженъ съ первой минуты. Потомъ она такъ же тихо и серьезно сняла съ себя платье и явилась ему нагая, точно въ сказкѣ о бѣдномъ Генрихѣ. Каждое ея движеніе носило въ себѣ что-то сказочное, не отъ міра сего, что-то глубоко мечтательное; на ней лежалъ отпечатокъ той чистой серьезности, которая, должно быть, украшала собой древнія священныя жертвы.

Въ большой корзинѣ были приготовлены для нея чудныя розы; онъ хотѣлъ разсыпать ихъ передъ ней, но не посмѣлъ... Не надо только терять головы! Ея тѣло отличалось юной, совершенной красотой. Это былъ даръ, дивное открытіе!

Слава Богу, что она такъ легкомысленна; хорошо также и то, что она рѣшила во что бы то ни стало поймать его, отбросивъ даже всѣ приличія. До чего утонченъ умъ этихъ выходящихъ на охоту женщинъ! Это трогательное выраженіе совершенно блѣднаго лица! Какъ художнику, ему нравилось то своеобразное, что крылось въ ея существѣ. Какъ человѣка, она его почти отталкивала. Но, какъ человѣкъ, онъ, разумѣется, глубже могъ понимать ее! Онъ чувствовалъ, что въ ней было что-то сказочное. Но какую абсолютную цѣнность имѣло оно, это сказочное? Можетъ ли быть искренна женщина, которая такъ, безъ оглядки, идетъ къ своей цѣли? Какъ это можетъ согласоваться съ чистотой ея движеній, съ этою нетронутостью? Смѣшно!

Ахъ ты, умная, хитрая женщина! И онъ, откинувъ ея внѣшнюю оболочку, заглянулъ прямо въ тщеславную душу женщины.

Въ старой сказкѣ говорится:—и душа его смилостивилась надъ ней...

Генри Менгерсенъ былъ умный человѣкъ. То, что въ его характерѣ природа создала недостаточно практическаго, онъ съумѣлъ самъ измѣнить въ себѣ. Чувства его, какъ человѣка и какъ художника, не имѣли между собой ничего общаго. Онъ былъ холоденъ и остороженъ, но, какъ художникъ, могъ быть страстенъ, горячъ и великъ.

Это онъ вполнѣ сознавалъ. Онъ много надъ собою думалъ, разсуждалъ, разсматривая себя какъ нѣкотораго рода произведенія искусства. Онъ тренировалъ себя для искусства, какъ другіе тренируютъ себя для какого-нибудь спорта: такъ же холодно, разсчетливо. Онъ желалъ сохранить свѣжимъ свое искусство, какъ и свою собственную особу и туалетъ. Всѣмъ этимъ онъ занимался крайне заботливо. И онъ привыкъ устранять все, что сколько нибудь могло помѣшать выполненію одной изъ этихъ цѣлей. Онъ понималъ, что холодное поученіе совсѣмъ особенное оружіе, ставящее каждаго въ тупикъ. Холодно прочесть наставленіе. И для другихъ, въ извѣстные моменты, не могло быть ничего болѣе постыднаго.

Въ то время, когда онъ работалъ, не зная еще, чѣмъ все это кончится, какой выходъ возможенъ изъ этого страннаго положенія, какъ устроить такъ, чтобы не набросить на себя и тѣни упрека, въ немъ назрѣвалъ уже матеріялъ для поученія,—точно ядъ въ ядовитомъ зубѣ. Но смертельный укусъ оказался не нуженъ.

Она ушла тихо, незамѣтно, какъ и пришла. Онъ хотѣлъ говорить, но растерялся, смутился и отъ смущенія, чуть было, не проявилъ къ ней нѣжности.

Онъ попробовалъ выразить ей свою благодарность. Но тутъ онъ увидѣлъ, какъ умоляюще она на него взглянула, приложивъ палецъ къ губамъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ по саду прошла ея бѣлая фигура—спокойно, медленно, не пугливо и не торопясь. Она не сказала ему за все время ни слова: молча пришла, молча и вышла.

Когда онъ въ этотъ вечеръ пришелъ къ м-съ Вендландъ, Изольда уже уѣхала въ Мюнхенъ.

Мать все еще была въ Берлинѣ у тяжко больного брата, и Изольда застала дома только сестру. Отецъ куда-то ушелъ.

— Ты откуда? — удивленно спросила Мари, открывъ дверь сестрѣ.

Въ темномъ корридорѣ было очень душно. Послѣ чуднаго, мягкаго деревенскаго воздуха здѣсь было тѣсно дышать.

— Что нибудь случилось?—продолжала Мари,—что это тебѣ вздумалось? Господи, вмѣсто того, чтобы радоваться, пользоваться, она возвращается домой! Тебѣ что-нибудь нужно?

— Я хотѣла быть дома,—сказала Изольда.

— Тебѣ грустно?—мягко спросила Мари.

Изольда обвила руками сестру и припала къ ней, какъ больной, истомленный ребенокъ. Мари ласково обошлась съ нею, заварила чай, накрыла на столѣ для ужина. Изольда все время ходила за сестрой по пятамъ, словно ребенокъ за матерью.

— Нѣтъ! У тебя что-то есть!—повторяла Мари.

Изольда съ дѣтства привыкла, какъ солнечнымъ лучомъ, согрѣваться сочувствіемъ сестры каждый разъ, что на душѣ у нея стано-

вилось холодно. Та же привыкла успокаивать безпокойную колеблющуюся натуру Изольды. Онѣ мало говорили, но уже одна близость много значила.

Мари хотѣла перенести свою постель въ комнату Изольды. Все это время она спала, боясь черепа въ другой комнатѣ. Снять его съ постамента она не рѣшалась, да и не знала, куда его дѣвать? А оставаться съ нимъ въ комнатѣ одной .. ни за что на свѣтѣ! Но Изольда отказалась отъ этого предложенія и пошла спать.

Придя въ свою комнату, она легла на постель съ широко раскрытыми глазами и, не туша свѣчу, уставилась въ одну точку. Въ ея груди просыпалась женщина. Она не понимала: что это было. Раскаяніе? Да развѣ то, что она сдѣлала, было дурно? А грудь все щемило и щемило. Изольда не могла и понять, что заставляетъ ее такъ страдать? Ея тѣло и душа точно застыли въ смертельномъ ужасѣ оцѣпенѣнія. Было ли это сомнѣніе? Или...

Она ни находила ни словъ, ни мыслей, но она страдала. Ей казалось, что въ груди ея кто-то роется ножомъ, разыскивая сердце.

— Ты, лучшій изъ людей, потребовалъ этого.—И, какъ тогда, она молитвенно сложила руки и посмотрѣла на черепъ.—Ты потребовалъ этого, потому что я твоя, потому что ты мой, и я должна тебѣ помогать.—Она стонала, какъ отъ сильной боли.

— Но ты придешь и больше не оставишь меня!

«Ага! значитъ все-таки хорошо обдуманный планъ замужества! Очень, очень хитро», подумалъ бы черепъ, если бы онъ имѣлъ счастье обладать мозгами Генри Менгерсена. Ею овладѣла страшная тоска.

— Если бы онъ хоть поцѣловалъ меня, хоть одинъ разъ поцѣловалъ!—Изъ груди ея вырвался вздохъ, похожій на крикъ. Въ ней дрожали всѣ нервы. Она зарыдала.

— Ну, теперь я знаю, какая я,—онъ лучше меня. У него все есть, онъ все можетъ. Онъ гораздо лучше меня!

Это было непріятное чувство. Проходили часы за часами; она не могла найти покоя; ей было такъ невыразимо больно.

Къ утру она заснула, и ей пригрезились тяжелые, смутные сны: она стоитъ на эстрадѣ и должна пѣть, и не знаетъ, что ей пѣть, потому что никогда не слышала ни одного слова изъ той пѣсни, которую требуютъ отъ нея. И вотъ она стоитъ передъ всѣми въ одной рубашкѣ, точно это такъ и слѣдуетъ, и все же неясно сознаетъ какой-то стыдъ. Мимо нея прошелъ въ своемъ фланелевомъ костюмѣ Генрихъ Менгерсенъ. Онъ одѣтъ такъ безукоризненно; онъ посмѣивается такъ снисходительно; на этомъ она проснулась.

Ея сердце билось; ей казалось, что этотъ смѣхъ заклеймилъ ее такъ, какъ будто онъ смѣялся на самомъ дѣлѣ. Она протянула руки къ черепу.

— Ты любишь меня, я для тебя дороже всего на свѣтѣ, какъ и ты для меня. Значитъ, все хорошо, иначе ты бы не потребовалъ этого отъ меня.

Но чуждая, таинственная боль все-таки тяготѣла надъ ея душой и тѣломъ, точно грозя раздавить ее.

Утромъ къ ней вошла Мари съ корзиной чудесныхъ розъ. Это была точь-въ-точь такая корзина, какая стояла у него.

— Это тебѣ принесли,—сказала Мари,—отъ кого бы это могло быть?

Изольда сидѣла на краю постели блѣдная, съ блаженно улыбающимся лицомъ. Точно та могучая, сѣрая, мягкая птица, которая старалась покрыть ее своимъ распростертыми крыльями, отлетѣла отъ нея. Оня не могла говорить. Она только смотрѣла большими, широко раскрытыми глазами.

— Письма никакого нѣтъ! Я уже смотрѣла. Посыльный принесъ и сказалъ: «фрейлейнъ ИзольдѢ Фрей»; ИзольдѢ! Значитъ тебѣ, но отъ кого-же?

Корзина уже стояла на колѣняхъ Изольды; руки ея, дрожа, перебирали розы, какъ бы лаская ихъ, она сидѣла неподвижноно.

— Розы,—медленно вымолвила она,—розы!

— Ихъ тутъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ марокъ!—рѣшила Мари.—Этакая тьма. Да отъ кого же это можетъ быть? Изольда! Ты вѣдь знаешь!

Изольда безсознательно покачала головой; на нее, точно мягкимъ теплымъ вѣткомъ, повѣяло миромъ.

— Значитъ, все хорошо!

Свѣжія розы дышали блаженствомъ и надеждой, и она сама казалась себѣ чистой, прекрасной, доброй.

Все утро Изольда провозилась съ розами. Она разставляла ихъ въ стаканы и вазы, непрестанно любуясь ими.

— Если бы онѣ не увядали! Знаешь, Мари, какъ хорошо было бы, если бы онѣ могли стоять такъ лѣто и зиму; наша комната была бы похожа на садъ!

Розы, какъ рукой, сняли всѣ ея мученія.

Тотъ день, въ который Изольда получила цвѣты, былъ знаменательнымъ для всей семьи Фрея. Онъ навсегда остался въ памяти всѣхъ ея членовъ.

Въ половинѣ второго докторъ Фрей, Карлъ, Мари и Изольда сидѣли за столомъ. Дѣвушка подала дневную почту: пробный номеръ новой газеты, какое-то дѣловое письмо, какой-то счетъ, объявленіе новаго, открывшагося по сосѣдству табачнаго магазина и, наконецъ, письмо отъ фрау доктора. Это-то письмо докторъ Фрей вскрылъ прежде всего.

Все это время отецъ, по выраженію Мари, такъ ждалъ писемъ отъ

матери, какъ, вѣроятно, ни одинъ женихъ не ждетъ писемъ невѣсты. Въ какое бы время онъ ни пришелъ домой, онъ, прежде всего, спрашивалъ: «Получено-ли письмо отъ мамы?»

«Если бы мама это слышала!» не разъ думала Мари.

А съ какою поспѣшностью распечатывалъ онъ ея письма! Что же это такое! Онъ едва успѣлъ пробѣжать письмо, какъ побагровѣлъ. Послышался стонъ. Изольда первая замѣтила это и испуганно вскрикнула: «Отецъ!» Глаза его выступили изъ орбитъ; онъ вдругъ сдѣлался такимъ большимъ, тяжелымъ. Дѣти застыли съ ложками въ рукахъ, не отрывая глазъ отъ него. Отецъ снова застоналъ, какъ будто ему было нечѣмъ дышать. Цвѣтъ лица его сталъ странный; неожиданно онъ поднялся и началъ ходить по комнатѣ, вытирая лобъ носовымъ платкомъ.

— Отецъ?—боязливо спросила Мари. Онъ подошелъ къ ней; взглядъ его былъ все еще неподвижный.

— Страшно богаты!—произнесъ онъ неясно, хриплымъ, точно не своимъ голосомъ.

Дѣти замерли; онѣ не знали, что имъ говорить, что думать. Между тѣмъ, тѣло и душа д-ра Фрея были точно охвачены судорогой. Онъ захлебывался, какъ звѣрь, попавшій въ огромную бочку вина или сиропа и борящійся со смертью среди избытка.

— Развѣ дядя умеръ?—спросила Изольда.

— Умеръ,—отвѣтилъ отецъ.

Послѣ этого онъ пришелъ въ себя. Смертельная, охватившая его отвратительной судорогой жажда денегъ, наконецъ, снова дала ему вздохнуть.

— Да! Значитъ, я теперь богатый человѣкъ, — прозвучалъ снова знакомый пророческій голосъ,—мама получила наслѣдство.

— Ну, старуха! Теперь у тебя богатый мужъ! — Такъ встрѣтилъ д-ръ Фрей свою супругу, когда она, послѣ похоронъ брата, вернулась въ Мюнхенъ. На его рукѣ красовалась траурная перевязь. Дочерей онъ также послалъ заказать себѣ траурныя платья въ лучшемъ магазинѣ. Въ настоящую минуту онѣ обѣ дѣловито ходили изъ угла въ уголъ, приготовляя кофе для матери; простая комната, со старомодной, потертой мебелью, наполнилась шорохомъ и шуршаньемъ, той гармоніей, которой теперь сопровождались движенія обѣихъ сестеръ.

Докторъ Фрей расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и задумчиво прислушивался къ нѣжному шелковистому шороху.

Какими гибкими выглядѣли онѣ въ этихъ тяжелыхъ, подбитыхъ шелкомъ, черныхъ платьяхъ. Чортъ возьми! Это было нѣчто другое, чѣмъ то, что сооружала старуха со своей Штерминой. Онъ чувствовалъ себя въ приподнятомъ настроеніи и гордился своими дѣтьми. Онѣ сдѣлаютъ хорошія партіи!

— Да, дѣвочки! Собственно говоря, вы сегодня снова родились. Хорошій портной оказывается все-таки лучше лучшей изъ матерей!

Онъ говорилъ пророческимъ тономъ и былъ, казалось, въ отличномъ расположеніи духа. Отъ него вѣяло радостью жизни... Въ немъ было что-то могучее, самая комната, въ которой онъ находился, была, казалось, слишкомъ мала, чтобы вмѣстить его и его радость.

— Ну, старуха! Теперь дѣла приняли другой оборотъ.

И онъ, торжествуя, словно какой-нибудь завоеватель, посмотрѣлъ на жену, которая, утомленная путешествіемъ, тихо сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ. Ея траурное платье не было куплено въ дорогомъ магазинѣ; это было передѣланное, старое, черное платье; безвкусная траурная шляпа, съ жесткой сѣро-черной вуалью, купленной, очевидно, на распродажѣ, лежала рядомъ на диванѣ.

— Куриныя мѣры!—сказалъ докторъ Фрей, дотрагиваясь до крахмальнаго чернаго крепа.—Это просто смѣшно!—добавилъ онъ.

Докторъ Фрей не ѣздилъ въ Берлинъ на похороны своего зятя. Въ этомъ отношеніи онъ обнаруживалъ сходство съ Гёте. Будучи насквозь оптимистомъ, онъ не допускалъ до себя ничего, что могло затронуть или поколебать этотъ оптимизмъ, такъ какъ находилъ, что ничто въ мірѣ не заслуживаетъ такого бережливаго отношенія, какъ именно оптимизмъ.

Мать плачевнымъ тономъ разсказывала о послѣднихъ минутахъ брата:

— Благодаря Бога, онъ передъ смертью пріобщился св. Тайнъ и даже не одинъ разъ.

Она говорила монотоннымъ голосомъ, который часто появляется у женщинъ, когда онѣ говорятъ о смерти.

— Вообще, онъ умеръ покорно. Умирая, онъ мнѣ напомнилъ отца. Господи! Какъ время идетъ. А сколько въ немъ было терпѣнія!

— Избавь насъ отъ этихъ разсказовъ, старуха! — И д-ръ Фрей хлопнулъ ее по плечу. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи и, къ великому удивленію дѣтей, налилъ ей собственноручно вторую чашку кофе. Но при этомъ онъ показалъ себя такимъ неловкимъ, что пролилъ бо́льшую часть кофе на скатерть. Мари хотѣла какъ-нибудь замыть большое пятно, но мать отстранила ее. Это пятно, казалось дѣйствовало на нее благотворно; ей было отрадно на него смотрѣть; все должно было оставаться такъ, какъ было, какъ ему заблагоразсудилось сдѣлать. Въ поведеніи матери было что-то стыдливо-сконфуженное. На глазахъ у нея не разъ проступали слезы.

— Да! такъ много денегъ,— сказала она задумчиво, — такъ много денегъ! Сколько одни дома стоятъ!

Позже, оставшись въ комнатѣ вдвоемъ съ мужемъ, она взяла его въ сторону и робко потянула за рукавъ; она хотѣла что-то сказать, но ей, очевидно, было не легко собраться съ силами.

— Странный онъ былъ человѣкъ,—выговорила она, наконецъ.

— Кто?

— Покойный братъ. Знаешь, что онъ сказалъ о томъ, почему Мари и Изольда особо упомянуты въ его завѣщаніи? «Твои дѣвочки должны сдѣлать хорошія партіи; онѣ слишкомъ хороши, чтобы быть бѣдными». Ну, это еще понятно! Но потомъ онъ сказалъ нѣчто такое, что показалось мнѣ совсѣмъ страннымъ въ устахъ порядочнаго человѣка, какимъ былъ мой покойный братъ: «Я такъ часто видѣлъ женщину униженной, что мнѣ пріятно сознавать, что я поставлю на ноги двухъ красивыхъ дѣвушекъ».

— Ну, такъ онъ, вѣроятно, не былъ такимъ ужъ черезчуръ порядочнымъ,—нетерпѣливо перебилъ д-ръ Фрей.

— Да! Такія выраженія въ устахъ порядочнаго человѣка, — продолжала жена.—И почему униженной? Развѣ онъ жилъ иначе, чѣмъ всѣ остальные мужчины? Но въ такомъ случаѣ всѣ... — Она запуталась въ лабиринтѣ своихъ собственныхъ мыслей.—Я хочу сказать, — продолжала она, — что все, какъ оно есть, такъ и должно быть, такъ и слѣдуетъ быть! Прости мнѣ Господи! Но вѣдь онъ же не былъ преступникомъ.

— Да не думай ты, пожалуйста, объ этомъ.

— Я не могла его понять. Правду говоря, знаю, что есть преступныя женщины, — она покраснѣла; — но вѣдь это установлено закономъ, неправда ли? и такъ и должно быть? Тебѣ-то я могу сказать что я знаю о ихъ существованіи.

— Какъ тебѣ не стыдно,—засмѣялся д-ръ Фрей

— Такъ не объ нихъ ли онъ говорилъ?—спросила жена.

— Я ужъ тебѣ сказалъ, не задумывайся надъ этимъ. Просто подъ старость онъ сталъ философомъ, мечтателемъ какимъ-то. Sancta Simplicitas! Этакая курица живетъ съ вырѣзанными мозгами. Да это просто смѣшно! Ищетъ униженную женщину и не можетъ ее найти? Ну, и не заботься объ этомъ, высокоразвитая женщина.

— Покойный братъ много думалъ передъ смертью; онъ былъ разумѣется, такой же порядочный человѣкъ, какъ всѣ въ нашей семьѣ что же онъ могъ совершить такого особеннаго, что другіе порядочные люди не дѣлаютъ? Видно, когда смерть приходитъ, всѣ становятся немножко трусливѣе!

VII.

На слѣдующій день докторъ Фрей со своей любимицей, Изольдой, уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы, отъ имени жены, устроить дѣла. Изольда оставляла домъ съ тяжелымъ сердцемъ. Ея розы еще продолжали цвѣсти въ стаканахъ.

Во время отсутствія отца и дочери, въ квартирѣ у Фреевъ совершались чудеса. Еще сидя въ вагонѣ, фрау Фрей успѣла начертить

самые смѣлые планы; у нея также выростали крылья. За свое долгое супружество она никогда не выходила изъ тяжелыхъ обстоятельствъ: напротивъ, они все возростали съ появленіемъ на свѣтъ каждаго ребенка, съ каждымъ годомъ; теперь она рѣшила вполнѣ насладиться своимъ счастьемъ. Это вѣдь были ея денги—такъ? Братъ завѣщалъ ихъ ей? Наконецъ то она можетъ устроить все по своему желанію. Отсутствіе мужа пришлось кстати. Съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, въ ея головѣ постоянно разрѣшались самыя трудныя проблемы: на жиру или на топленомъ маслѣ? Что обойдется дешевле? Какъ бы устроить поэкономнѣе? Если я сегодня истрачу кусочкомъ меньше, то у меня хватитъ и на завтра, а послѣзавтра я сниму жиръ съ супа.

А ужасъ, который охватывалъ ее въ послѣдніе дни мѣсяца, когда, несмотря на всѣ мученія, денегъ все-таки не хватало; а вѣчное неудовольствіе мужа, что все не такъ; а сознаніе какой-то вины и страха передъ нимъ, охватывавшее ее каждый разъ, когда приходилось просить у него денегъ на хозяйство; все равно, хотя бы это и дѣлалось въ точно назначенный день и часъ—онъ все таки сердился Въ такія минуты она чувствовала себя какой то преступницей, мотовкой! Она могла страдать отъ этого до глубины души, могла, какъ хищный звѣрь, стеречь каждую копейку, и все-же ее ожидала вѣчно одна и та же сцена.

Ахъ, какъ она устала отъ всего этого; уже давно-давно устала, успѣла истощить свои силы. Будучи дѣвушкой, она любила читать, переписывала себѣ въ альбомъ стихи и мѣткія изреченія. Объ этомъ больше не могло быть рѣчи. Послѣ каждой стирки наростали горы рваного бѣлья; весь день, съ утра до вечера, проходилъ въ борьбѣ, въ мелочныхъ заботахъ: какъ сдѣлать, чтобы хватило на обѣдъ и чтобы, при скудныхъ средствахъ, все же подать на столъ приличный обѣдъ; едва кончили обѣдать, какъ ей уже надо было думать: а что на ужинъ?

А деньги точно плывутъ изъ рукъ! Одинъ и тотъ же страхъ, одно и то же волненіе! Бывали дни, когда сразу, со всѣхъ сторонъ, приносили счета. Служанка холодно подавала ихъ отъ булочника, отъ мясника... И каждый такой счетъ билъ фрау докторъ по нервамъ. Откуда взять? Какъ могло опять столько набраться? А годы, когда рождались дѣти? Сколько заботъ! Безпомощность и безнадежность на смерть загнаннаго звѣря! Сознаніе безсилія, упадокъ духа, переобремененность! И этотъ безконечный рядъ физическихъ мученій, которыя приходилось испытывать каждый разъ съ начала и до конца. Послѣ рожденія ребенка она была обыкновенно очень слаба, но ей приходилось безропотно разбираться съ накопившейся громадной массой дѣла! Какъ часто она чувствовала страшное утомленіе, сколько разъ кусала себѣ отъ отчаянья руки и плакала, не зная, у кого про-

сить совѣта! Такъ шли, день за днемъ, годы;—ни минуты отдыха, чтобы хоть одуматься,—ни слова благодарности. Душой—мертвая, тѣлесно—больная. И такъ долгіе, долгіе годы...

Животное,—жалкое, несчастное животное!

Троихъ дѣтей она похоронила. Напрасны были, значитъ, всѣ муки. Она родила ихъ для смерти. Какъ хорошо, когда на нее находили моменты отупѣнія: она тогда ничего не ощущала, никакой боли.

Сначала она жаждала, она искала благодарности; потомъ ей стало все равно. Но это равнодушіе она купила цѣною всего, что называется жить, мыслить, быть человѣкомъ.

Теперь она могла разсчитывать, что ей будетъ житься хорошо. И съ настойчивостью, почти граничившею съ злой волей, она наслаждалась правомъ пользоваться жизнью.

— Да, я это сдѣлаю, сдѣлаю!

И она дѣлала по своему.

Прежде всего она велѣла побѣлить кладовую и отправилась въ общество потребителей со своей старой замасленной книжкой, чтобы пріобрѣсти запасы. Запасы! При одной мысли о нихъ ея сердце, все ея существо трепетало отъ волненія. Она выбирала и выбирала все самое лучшее, думая въ то же время, какъ ребенокъ:

— Что еще? Что еще нужно?

На домъ ей прислали цѣлую подводу провизіи, точно она собиралась открыть гостинницу. Разложивъ свои сокровища, она долго просидѣла въ кладовой одна; на душу ея сошло необыкновенно мирное настроеніе; она, точно послѣ долгаго странствованія, нашла себѣ наконецъ пріютъ. Она сидитъ измученная, чувствуя себя въ безопасности, и прислушивается къ тяжелому, шлепающему дождю, подъ которымъ она такъ долго мокла. Правда, она чувствуетъ еще эту гнетущую усталость, но она сознаетъ, что теперь...

Затѣмъ она взяла свою книжку общества потребителей и принялась высчитывать, сколько процентовъ набѣжитъ къ новому году на забранную ею провизію. Оказалось двадцать марокъ! Она разсмѣялась. Книжка общества потребителей произвела на нее больше впечатлѣнія, чѣмъ все наслѣдство и вся доходность сказочныхъ берлинскихъ домовъ. Это счастье, по крайней мѣрѣ, доступно ея пониманію.

А какъ тяжело и несчастливо прожила она свою жизнь! Да развѣ она не сознавала этого раньше? Отчетливо—никогда! Но глухо, совсѣмъ глухо. И именно это то тупое сознаніе шло какъ то въ разрѣзъ съ человѣческими свойствами. Одиноко протекли для нея годы долгаго, убивающаго душу, супружества, безъ сочувствія, безъ единаго соболѣзнующаго взгляда на ея женскую муку и труды; также одинока была она теперь въ своемъ чувствѣ удовлетворенія. Одинокая, погруженная въ себя, она создала себѣ маленькій, трусливый, полный безконечныхъ страданій особый мірокъ.

Фрау докторъ была охвачена какою то лихорадочною поспѣшностью. Необходимо было покончить со всѣмъ до его возвращенія. Она приказала покрасить небесно-голубой краской всю старую кухонную мебель, а стѣны кухни окрасить въ розовый цвѣтъ. Теперь всѣ ея затаенныя желанія властно подняли головы. Рваное бѣлье она отдала штопать на сторону, причемъ за каждую заплатку торговалась не на жизнь, а на смерть. Гостинная была переклеена новыми обоями, бѣлыми съ золотымъ. Двери также были выкрашены заново бѣлой краской съ золотымъ ободкомъ. То то всѣ удивятся!

Къ старымъ занавѣсямъ были пришиты новыя кружева. До позднеи ночи просидѣла она за машиной, возясь съ этой работой. Пульсъ ея учащенно бился; она была внѣ себя отъ волненія. На слѣдующее утро занавѣси были придѣланы, разумѣется, безъ помощи обойщика. Она сама лазила на лѣстницу. Мысль позвать обойщика не могла придти въ голову этой, привыкшей мучиться женщинѣ.

Ежедневно она вмѣстѣ съ Мари возвращалась нагруженная покупками, взволнованная, какъ въ чаду. Она покупала все, что только желала всѣ эти долгіе годы. Все бралось въ магазинахъ на счетъ, такъ какъ богатство долженъ былъ привезти съ собой мужъ. Въ представленіи фрау Фрей это богатство рисовалось въ видѣ какой то подводы, которую разгрузятъ передъ ихъ парадною дверью. Правда, она уже слышала кое-что о банкахъ, но проценты, доходы—все это представлялось ей какъ-то смутно. Да ей, въ сущности, и не было до этого никакого дѣла, это касалось его,—а онъ не привыкъ говорить съ ней о дѣлахъ.

Среди пріобрѣтенныхъ фрау Фрей и Мари драгоцѣнностей были совсѣмъ особенныя вещи. Самыя замысловатыя щетки и щеточки, разныя необыкновенно затѣйливыя приспособленія для чистки всевозможныхъ предметовъ, острыя и тупыя метелки, всякаго рода таинственная кухонная утварь! Кухня выглядѣла арсеналомъ, въ которомъ все было готово къ походу противъ всемірнаго голода. А въ этой самой кухнѣ она такъ безмѣрно страдала, здѣсь сосредоточивались всѣ ея мысли!

На домъ была взята портниха. Она перешивала старыя платья, для которыхъ накупались дорогія отдѣлки...

Словомъ повторялась старая исторія о свинопасѣ, сдѣлавшемся королемъ. Ежедневно послѣ покупокъ Мари съ матерью заходили въ кондитерскую, и фрау докторъ регулярно портила себѣ желудокъ, а потомъ мучилась мигренью. Сыновья также пользовались общей радостью и возможностью дѣлать покупки безъ денегъ.

Поздно ночью въ квартирѣ раздался звонокъ. «Отецъ!» подумала Мари. Та-же мысль промелькнула у матери. Отъ волненія онѣ нигдѣ не могли найдти спичекъ. Между тѣмъ звонокъ продолжалъ неумолчно дребезжать.

— Боже мой, что тамъ случилось!—двадцать разъ повторяла мать, шаря въ темнотѣ. Между тѣмъ звонъ продолжался.

— Можетъ быть, опять все по старому будетъ! Ахъ ты Господи! Такъ можно звонить только, если случилось несчастье; ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ такъ звонить!

Наконецъ—вотъ они, спички!

Лихорадочно стуча зубами, съ боязливо бьющимся сердцемъ спустилась фрау докторъ, въ своей ночной кофтѣ, бамбуковыхъ туфляхъ и сѣрой фланелевой юбкѣ, внизъ. Дрожа, трясясь всѣмъ тѣломъ, она отомкнула двери; прямо ей въ объятія свалился ея младшій сынъ, Карлъ; онъ былъ совсѣмъ пьянъ. Съ нимъ никакъ нельзя было сладить. Онъ шумѣлъ, какъ подростокъ. Кромѣ того онъ оказался гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно было думать. Мать оставила его внизу, прислонивъ къ выходной двери, а сама побѣжала черезъ двѣ ступеньки наверхъ за Мари.

Онѣ попытались поднять его вдвоемъ.

— Ну, старая,—пробормоталъ Карлъ, когда мать хотѣла взять его подъ руку,—осторожно, осторожно!—Мари не рѣшилась до него дотронуться. Онъ вызывалъ въ ней безграничное отвращеніе. Она расплакалась.

— Возьми же его,—говорила мать.

— Куриные мозги! — бормоталъ толстый Карлъ, совсѣмъ какъ отецъ.—Бабы, дуры!

Мари горько плакала.

— Если бы отецъ зналъ, въ какомъ вы тутъ видѣ являетесь.

— Карлъ!—плачущимъ голосомъ уговаривала его мать.

Карлъ коротко причмокнулъ губами. Губы его вытянулись. При этомъ онъ потянулся къ лицу сестры. Та громко вскрикнула. Карлъ глупо уставился на нее выпученными глазами. Мари совсѣмъ растерялась.

Обѣ женщины потащили его по лѣстницѣ, какъ мертвое тѣло.

— Не видалъ ли его какой-нибудь учитель!—безпокоилась мать.

— И хорошо-бы было,—сказала Мари. — Если отецъ объ этомъ узнаетъ!

Но мать вспомнила, какъ въ прошломъ году онъ уже пришелъ разъ ночью въ такомъ видѣ. Она варила черный кофе для мужа и была въ смертельномъ страха, что Карла нѣтъ дома. Наконецъ, онъ пришелъ, т. е. лучше сказать, сдѣлалъ попытку войти. Какъ и сегодня, она торопливо сбѣжала съ лѣстницы. На помощь ей пришлось позвать мужа. Она страшно боялась, что тотъ прямо отколотитъ сына. Но, къ ея удивленію, ничего подобнаго не случилось. Она замѣтила даже, что мужъ былъ до извѣстной степени растроганъ. Она никогда не видала его такимъ заботливымъ; ни разу за все время болѣзней дѣтей онъ не проявлялъ столько вниманія. Какъ осторожно онъ уложилъ Карла въ постель!

Въ обращеніи его съ нимъ на слѣдующій день сквозило даже что-то товарищеское Послѣ этого, при первомъ же случаѣ, Карлъ былъ привлеченъ къ участію въ семейномъ совѣтѣ. Дѣло касалось вопроса, слѣдуетъ ли Изольдѣ держать экзаменъ на учительницу. Въ совѣтѣ участвовали: отецъ, старшій сынъ и Карлъ. Всѣ трое, несмотря на то, что у семьи не было никакихъ средствъ, и, послѣ смерти отца, каждому предстояло самому заботиться о себѣ, единодушно рѣшили, что Изольда не должна быть синимъ чулкомъ.

Все это живо припомнилось матери, пока она, вмѣстѣ съ Мари, втаскивала по лѣстницѣ своего толстаго сынка. Придя наверхъ, она занялась приготовленіемъ кофе для Карла. Мари осталась наблюдать, чтобы братъ не перекувырнулъ какъ-нибудь лампу. Въ своемъ опьянѣніи и безпомощности, этотъ юноша проявлялъ все свое презрѣніе къ женщинѣ, какъ святой завѣтъ, унаслѣдованной имъ отъ предковъ. Въ эти минуты сестра была выше его, и эта мысль была для него невыносима. Въ немъ поднималось желаніе поднять на нее руку. Онъ уже хотѣлъ привести это въ исполненіе. Но она вскрикнула, кинулась на колѣни около стула, оперлась о него головой и боязливо зарыдала.

— Дура,—процѣдилъ Карлъ.—Когда я заведу себѣ подружку, и если она только пикнетъ, такъ сейчасъ же вонъ! Вашей сестры, слава Богу, довольно!

Мари прямо боялась его. Она боялась, что онъ до нея дотронется. Ей казалось, что въ одной комнатѣ съ ней сидитъ безумный звѣрь.

— Мама! мама!—громко закричала она. Вбѣжала мать.

— Что такое?

Карлъ расхохотался.

— Этакая жеманная дура!

Мать подошла къ нему съ тѣмъ самымъ равнодушнымъ, помертвѣлымъ лицомъ, выраженіе котораго всегда такъ сердило ея мужа. Передъ этимъ выражаніемъ смирился и Карлъ. Онъ не зналъ, что сказать, онъ не понималъ этого. Она взяла надъ нимъ верхъ.

— Осторожнѣе, старая, осторожнѣе! — пробормоталъ онъ и опустился въ широкое рабочее кресло отца.

Въ этотъ вечеръ Мари вскарабкалась къ матери на кровать. Она была внѣ себя отъ ужаса.

Да, фрау-докторъ надо было отдать справедливость: она умѣла охранить своихъ дѣвочекъ. Онѣ такъ же мало знали жизнь, какъ дѣвушки самаго высшаго круга. Маленькій, таинственный мірокъ своей семьи былъ имъ незнакомъ, какъ и жизнь всего громаднаго внѣшняго міра. Своими юбками мать заботливо заслоняла отъ нихъ все. Думала ли она о томъ, что когда-нибудь онѣ будутъ очень поражены? И что она вообще думала? Единственнымъ ея принципомъ было: только чтобы дѣвочки ничего не знали.

Передъ дочерьми она молчала, какъ могила. Пусть жизнь хоть раздавитъ ея сердце—она не допускала себя быть съ ними откровенной. Какъ часто ей хотѣлось положить свою утомленную, отуманенную голову на плечо Мари, найти у нея пониманіе и утѣшеніе. Но она удерживалась, точно отъ величайшей несправедливости. Ей хотѣлось выполнить задачу, которую преслѣдуютъ всѣ матери, и сдѣлать такъ, чтобы дѣвочки «ни о чемъ» не знали; въ этомъ была ея гордость. Она въ свое время такъ же «ни о чемъ» не знала. Затѣмъ для нея наступило время неожиданностей.

Почему это должно было быть именно такъ, фрау докторъ не знала. Это было мило и прилично. Всѣ дѣвушки хорошаго круга должны были такъ вступать въ жизнь.

И ради этого она принесла великую жертву, оставшись навсегда чуждой своимъ дѣтямъ; чуждой въ своемъ тупомъ, тяжеломъ горѣ. Если онѣ все же кое о чемъ догадывались — она была тутъ не при чемъ; она могла сказать это съ чистою совѣстью. Она хорошо воспитала своихъ дочерей.

Вотъ и сегодня Мари лежала, обнявъ мать за шею и плача, а та похлопывала ее по спинѣ, бормоча, чтобы ее успокоить:

— Ну-ну-ну! — Такъ дѣлала она всегда, когда ея дѣти были маленькіе.

М-съ Вендландъ узнала объ измѣненіи обстоятельствъ своего друга, доктора Фрея. Она узнала и о томъ, что дядя особо упомянулъ въ завѣщаніи обоихъ дѣвушекъ. Обладательница состоянія въ триста тысячъ марокъ могла считаться богатой невѣстой. Теперь у дѣвушекъ не будетъ недостатка въ выборѣ. М-съ Вендландъ искренно порадовалась этому извѣстію. Про себя она не разъ думала: «Что будутъ дѣлать эти дѣти при своей красотѣ? Глупости—одно только и остается. Для бѣдныхъ дѣвушекъ гораздо лучше, если онѣ некрасивы».

О счастливомъ измѣненіи въ судьбѣ Фрея она сообщила и Менгерсену, который черезъ нѣсколько дней заявилъ ей, что намѣренъ жениться на одной изъ двухъ сестеръ.

М-съ Вендландъ высказала нѣкоторое изумленіе.

— Очень просто,—сказалъ Менгерсенъ,—я все обдумалъ: моя будущая жена должна быть богата, молода, красива, невзыскательна. Найти всѣ эти качества, собранными вмѣстѣ, трудно. Въ данномъ случаѣ это такъ.

— Но я вовсе не считаю Изольду невзыскательной, милый Генри,— сказала м-съ Вендландъ.—Изольда—породистое созданіе, которое само по себѣ...

— Зато другую я считаю вполнѣ невзыскательной, — прервалъ ее Генри.—Она—именно то, что я ищу.

— Другая?—удивилась м-съ Вендландъ.

— А почему бы и нѣтъ?—рѣзко отвѣтилъ онъ и подумалъ: «не проболталась ли Изольда?»

М-съ Вендландъ задумчиво смотрѣла передъ собой.

— Изольда гораздо интереснѣе.

— Можетъ быть. Интересная жена, милая Мэри? Къ тому же понимающая толкъ въ искусствѣ, сочувствующая, переживающая? Слуга покорный! Ни за что на свѣтѣ! Кромѣ того, ф-нъ Изольда и въ другомъ отношеніи не въ моемъ вкусѣ. На такихъ не женятся. По вашему, она сурова, какъ ледяной ключъ? Не правда ли? — Онъ холодно и тонко усмѣхнулся.—А я могу васъ завѣрить, что это маленькій, грубый звѣрекъ, которому будетъ полезно видѣть, что ей предпочли сестру. Я думаю, этотъ урокъ сослужитъ ей хорошую службу.

М-съ Вендландъ улыбнулась:

— Значитъ, вы хотите отдать остатки вашего дессерта Мари, а не Изольдѣ, съ воспитательною цѣлью? Изъ васъ выйдетъ прекрасный мужъ. Cold as charity—холодный, какъ милосердіе. Я не хотѣла бы быть вашей женой, милый Генри. Дайте мнѣ шаль; мнѣ холодно.

— Значитъ, вы собираетесь сдѣлаться добродѣтельнымъ? Ужасно смѣшно представить себѣ человѣка, который пожилъ, какъ вы, въ роли добродѣтельнаго супруга! Слѣдовательно, вы женитесь на маленькой Фрей. Это, во всякомъ случаѣ, вполнѣ выгодная сдѣлка.

«О, моя дорогая мистрисъ,—подумалъ Менгерсенъ,—вы, значитъ, все таки не совсѣмъ пріятно удивлены?»

— Вы первый, котораго Фреи пріобрѣтутъ за свои деньги!—продолжала она и съ насмѣшливымъ видомъ наклонилась въ креслѣ.—Вы хотѣли бы, чтобы я снова пригласила къ себѣ эту маленькую Мэри? Вамъ не нужно говорить мнѣ объ этомъ, я ужъ знаю.

Менгерсенъ поцѣловалъ ея руку.

— А ты уже успѣлъ надѣть добродѣтельную маску достойнаго и цѣломудреннаго нѣмецкаго жениха съ его нечистою совѣстью. Теперь ты кажешься мнѣ очень скучнымъ! И не потому, почему ты думаешь. О нѣтъ, совсѣмъ не потому! Вамъ нечего улыбаться, Генри. Нѣтъ, потому, что теперь начинается скучная исторія лжи, которую переживаютъ всѣ мужчины. Въ тебѣ она мнѣ еще болѣе смѣшна, чѣмъ въ другихъ, потому что тебя-то я знаю, какъ свой носовой платокъ.

— Ради васъ самихъ, Генри, я хотѣла бы, чтобы вы остановили свой выборъ на Изольдѣ. Передъ ней вамъ все-таки пришлось бы немного стѣсняться. Съ ней нельзя быть совсѣмъ sans façon. Но вѣдь вы именно потому и не женитесь на ней. Во всякомъ случаѣ желаю вамъ счастья въ вашемъ супружествѣ. Приходите сегодня вечеромъ пить чай, Генри, на террасу.

Мари Фрей пережила у м-съ Вендландъ сказочные дни.

Къ поклоненію студентовъ и братьевъ своихъ подругъ она при-

выкла; но Менгерсенъ былъ нѣчто совсѣмъ иное. Она не вѣрила своему счастью. Оно казалось ей слишкомъ невѣроятнымъ.

Однако Менгерсенъ съумѣлъ скоро убѣдить ее, несмотря на то, что ему было какъ-то непривычно имѣть дѣло съ такой неопытной дѣвушкой. Онъ старался осыпать ее вниманіемъ и нѣжностью. Что только не скажетъ такому юному созданію букетъ полуоткрытыхъ розъ! Менгерсену не приходилось даже тратить много старанія и ума. Онъ умѣлъ дѣйствовать на дѣвушку, не давая себѣ при этомъ ни малѣйшаго труда. Элегантный видъ, слава, которой онъ пользовался, почтеніе, съ которымъ его всюду встрѣчали, дѣлали свое дѣло. Бѣлокурая дѣвушка еще никогда не видѣла человѣка, болѣе заслуживающаго довѣрія.

Инстинктивная боязнь, что мужчина въ своей силѣ можетъ быть грубъ съ ней, еще не просыпалась. Сужденія ея были чисто дѣтскія и основывались на внѣшнемъ впечатлѣніи. Сомнѣваться въ этомъ человѣкѣ казалось ей святотатствомъ. Да, были даже минуты, когда она стыдилась самой себя, своей глупости, своихъ рукъ. По нимъ было видно, сколько онѣ поработали. Это были чистыя, молодыя, сильныя руки, но онѣ не отличались бѣлизной, а ногти были коротко обрѣзаны. Она просто не могла видѣть ихъ рядомъ съ его рукой. Насколько выше ея былъ этотъ человѣкъ! А когда онъ мягкимъ голосомъ попросилъ ее быть его женой, передъ ея глазами смѣшались небо и земля. Цѣлый хаосъ счастья, гордости, удивленія и смущенія охватилъ ее.

Она ни слова не писала о Менгерсенѣ ни матери и никому другому, даже Изольдѣ—и, вотъ, она невѣста человѣка, на котораго едва рѣшалась поднять глаза.

VIII.

Изольда узнала о помолвкѣ сестры неожиданно. Она вернулась изъ Берлина, окутанная своею глубокою любовью, точно облакомъ страстной тоски.

Мать встрѣтила мужа и дочь, сіяя отъ радости, какъ того требуетъ обычай, и сообщила имъ новость еще на лѣстницѣ.

Словно большой хищный звѣрь на свою жертву, обрушилось на Изольду всей своею подавляющею тяжестью отчаяніе. У нея не было даже времени вскрикнуть. Она получила должное! Чтобы не упасть, она ухватилась за отца. Но ея руки хватали одинъ воздухъ. И мать была не больше, какъ какое-то привидѣніе, какое-то ничто! Вообще вокругъ не было ничего, что могло бы представить реальную опору. Правда, ея руки держались за что-то и все-таки она падала. Ея душа непрерывно падала все глубже и глубже въ темноту — безконечную, безграничную. И въ то же самое время, когда она такъ глубоко падала, она чувствовала, что вошла въ комнату, слышала разговоръ,

видѣла разныя вещи. До нея, точно издали, доносился голосъ нетерпѣливо бранившагося отца.

— Да на какого все это чорта?

Докторъ Фрей стоялъ въ бѣлой съ золотомъ гостиной, украшенной вымытыми и обшитыми новымъ кружевомъ занавѣсками.

— Да это чистое сумасшествіе! Ты, кажется, воображаешь, что я позволю тебѣ вышвыривать за окно мои деньги? Ремонтируешь заново квартиру, которую надо сдавать! Да это прямо смѣшно!

Онъ былъ въ ярости.

— Сдавать? — спросила мать смущенно и вся дрожа. — Ахъ ты Господи! А я этого и не знала!

Докторъ Фрей рванулъ дверь въ слѣдующую комнату, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Слава Богу! Удивительно!

Онъ нѣсколько успокоился.

— Разумѣется сдавать. Или ты воображаешь, что я останусь въ этой дырѣ? Ну, а еще что ты тутъ натворила? Разсказывай!

Послѣдовалъ длинный реестръ ея прегрѣшеній. Докторъ Фрей взволновано шагалъ по комнатѣ.

— Да это просто смѣшно! Просто смѣшно! Надо было еще, чтобы дѣвчонка сейчасъ же стала невѣстой этого осла, Менгерсена. Пріятное возвращеніе домой, нечего сказать!

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Изольда замкнулась. За дверьми все еще слышалась брань отца; одинъ разъ мать громко всхлипнула. Изольда лежала, вытянувшись, у нея кружилась голова.

Какъ глубоко, какъ темно было вокругъ нея! Еще сегодня ей придется увидать и его, и сестру; при этой мысли она снова стала хвататься руками за воздухъ, желая за что-нибудь придержаться. Она кинулась на полъ передъ своей постелью и вцѣпилась зубами въ ножку кровати, судорожно, словно раненый, борящійся со смертью звѣрь. Взглядъ ея упалъ на постаментъ съ черепомъ. Она выпрямилась, охватила руками колѣни и, потерявъ сознаніе времени, стала вглядываться въ пустыя орбиты. Она хотѣла думать и не могла. Да вѣдь, въ сущности, ей было все равно до всего. Она запѣла какую-то старую уличную пѣсенку. Звукъ пѣсни, какъ ножомъ, полоснулъ ее по сердцу; она продолжала пѣть съ преувеличенною веселостью.

Вечеромъ они оба дѣйствительно пришли. Менгерсенъ проводилъ свою невѣсту въ Мюнхенъ. Изольда встрѣтила его спокойно; это ей было не трудно, потому что ей было все равно. Все причиняло ей одинаковую боль.

Мари была въ мягкомъ, спокойномъ настроеніи. Генри, кажется, вполнѣ освоился со своимъ положеніемъ.

Онъ ожидалъ, во всякомъ случаѣ, что Изольда не выйдетъ, отговорившись головною болью. Однако, она была налицо, это маленькое,

грубое созданіе, и сидѣла съ такимъ спокойнымъ, непроницаемымъ выраженіемъ.

Но онъ приготовился ко всему: недаромъ у него еще въ тотъ день выросъ ядовитый зубъ. Отъ такой дѣвушки, которая унизилась, какъ Изольда, и притомъ напрасно унизилась, можно было всего ожидать. Ея спокойствіе было, разумѣется, только маской. О, его не проведешь!

Одно неосторожное слово, сказанное его невѣстѣ, и—Изольда его узнаетъ. Какъ-то случайно вышло, что они остались вдвоемъ въ кабинетѣ отца. Висячая лампа ярко освѣщала середину комнаты, а вокругъ этого свѣтлаго пятна царилъ полумракъ. Изольда спокойно взглянула ему въ глаза.

— Маленькая просьба, ф-нъ Изольда,—медленнымъ голосомъ сказалъ онъ:—о томъ что произошло между нами—ни слова; не правда ли? Отъ этого зависитъ счастье вашей сестры. Вы меня понимаете? Что же касается меня, то вы можете быть вполнѣ спокойны—я джентльменъ.

И онъ посмотрѣлъ на нее увѣренно и гордо, но тутъ онъ невольно отступилъ. Передъ нимъ была не Изольда, не та трогательная, любящая дѣвушка—передъ нимъ стояла гордая, спокойная женщина, которая спокойно сказала:

— Я понимала ваше искусство, я любила васъ, и я это сдѣлала. И могу заявить объ этомъ хоть на площади. Вы видите въ этомъ что-нибудь дурное? Но я вѣдь не могла думать, что великій художникъ можетъ быть въ то же время грязнымъ человѣкомъ. Если это такъ, значитъ, вы принадлежите къ толпѣ.

Изольда повернулась къ нему спиной.

Въ первый разъ въ жизни Генри Менгерсенъ былъ смущенъ.

Докторъ Фрей приказалъ подать шампанскаго, и помолвка была отпразднована по всѣмъ правиламъ искусства. За бокаломъ шампанскаго писатель вполнѣ примирился съ Мергенсеномъ.

«Господи, не тотъ, такъ другой; въ сущности, не все ли равно кому достанется этакая дѣвчонка? Для женщинъ всѣ мужчины болѣе или менѣе одинаковы! Дура только она! Могла бы теперь отлично пожить, а вмѣсто этого отдаетъ свои деньги и красоту въ руки какого-то осла, который, въ концѣ концовъ, надъ нею же насмѣется».

Докторъ Фрей растрогался. Онъ любилъ дочерей. Онъ протянулъ черезъ столъ руку Менгерсену, поднялъ бокалъ и произнесъ блаженнымъ голосомъ:

— Смотри же, хорошенько береги мою дѣвочку.

Менгерсенъ съ достоинствомъ пожалъ правую руку будущаго тестя и нѣжно поцѣловалъ руку невѣстѣ.

Въ эту ночь Изольда лежала какъ мертвая, вытянувшись на

своей кровати. По временамъ до ея сознанія долетало ровное дыханіе Мари, которая, утомившись, заснула, какъ дитя. Ее утомило сознаніе великаго счастья. Но сонъ ея былъ глубокъ и спокоенъ.

Изольда лежала въ своемъ глубокомъ горѣ, погруженная точно въ тяжелый сонъ, въ какое-то страшное оцѣпенѣніе. Луна освѣщала комнату. Черепъ рѣзко выдѣлялся на своемъ постаментѣ. Глазныя его впадины казались двумя темными, круглыми пятнами. И въ эти то пустыя глазныя впадины всматривалась, не отрываясь, Изольда. Это было именно то, что ей было нужно. Этотъ пустой, безнадежный взглядъ! Какъ хорошо ей было отъ него! Въ этой пустотѣ крылось что-то чистое, хорошее.

Какъ смертельно она была изранена! Душой и тѣломъ. И душа ея лежала такъ же недвижно, какъ она и сама. И ранена она была оскорбительнымъ, позорнымъ ударомъ. Тотъ, кого она любила больше всего на свѣтѣ, кому она молилась, какъ Богу, нанесъ ей ударъ прямо въ лицо.

Грубость утонченнаго, умнаго, великаго Генри Менгерсена порвала самыя тонкія нити ея жизни. Это не была больше Изольда, горячо чувствующая, умѣющая принимать къ сердцу горе и радость, готовая прижать къ своей груди жизнь, какъ огромный, цвѣтущій розовый кустъ, готовая утонуть въ его цвѣтахъ. На все, что она видѣла, что чувствовала, она смотрѣла съ безграничнымъ ужасомъ. Неужели не было способа доказать, что она чиста? Развѣ нельзя просто сказать:—«Вотъ я какая!»

Въ ней еще не проснулось глупое, тупое, доходящее до отвращенія сознаніе, что она существо второго порядка, не человѣкъ, а только женщина; существо, которое не въ состояніи чувствовать и дѣйствовать, какъ обыкновенный человѣкъ, а только какъ женщина. Отвращеніе, стыдъ охватили ее. Да, она его любила! Да! да! Она отдала ему свое лучшее, единственное—свою красоту, которую сознавала, которой радовалась.

Она пожертвовала собой ради его святого, великаго искусства, какъ человѣкъ и какъ женщина. Разумѣется, не только, какъ человѣкъ, но и какъ женщина, потому что она мечтала, горячо страстно мечтала, чтобы онъ ее поцѣловалъ. Вѣдь онъ же сказалъ ей, что любитъ ее, или онъ не говорилъ этого? Но теперь это безразлично, совершенно безразлично! А все таки какая пустота!

Все погасло. Одинока, покинута, брошена, раздавлена—несправедливо осуждена—лишена уваженія—она самая несчастная въ мірѣ!

Ея чистая, радостная душа опозорена!

Хотя она и знала, что въ тотъ день ея тѣло было одѣто покровомъ ея души, которая не имѣла ничего общаго съ грязью. По ея тѣлу пробѣжало содроганіе.

Неужели онъ думалъ, что она хоть единымъ словомъ напомнитъ ему? Неужели онъ это думалъ? Какъ могъ онъ быть такимъ грязнымъ, такимъ глупымъ?

Ужасъ, невыразимый ужасъ охватилъ ее, когда она поняла, что для него женщина—не человѣкъ, а только женщина: что-то лишенное тонкости, свободы—что-то грубое, состоящее изъ одного тѣла!

Когда она ему говорила объ его искусствѣ, когда она ему дала заглянуть въ свое сердце и повѣдала свою любовь къ тому, что создано имъ—онъ такъ странно усмѣхнулся. Ему, вѣрно, показалось тогда, что съ нимъ говоритъ животное—грубое, глупое животное.

Это ему должно было казаться не менѣе смѣшнымъ, чѣмъ если-бы съ нимъ дѣйствительно заговорило животное. На нее вдругъ точно снизошло просвѣтленіе. То, что она дала ему, онъ оцѣнилъ по своему. И охваченная лихорадочнымъ страхомъ, она принялась размышлять о «женщинѣ» вообще. Горячій, жгучій стыдъ поднялся въ ней. Что-же это такое?

Все, что когда-либо было придумано—придумано мужчиной; все, что когда либо было сдѣлано—сдѣлано мужчиной. Она еще никогда ясно не сознавала этого,—и эта мысль было совершенно для нея новой.

Женщина и животное ничего не совершили, ничего не придумали; по крайней мѣрѣ, ничего такого, что было бы всѣмъ извѣстно. Она испугалась до глубины души.

Да развѣ онъ не правъ?

Дѣйствительно, это было смѣшно, что она говорила объ искусствѣ; что ей было до этого за дѣло? Что ей за дѣло до искусства вообще?

Онъ былъ правъ, когда смѣялся.

Она задыхалась, чувствуя на себѣ все тяготѣющее надъ женщиной презрѣніе. Это великое презрѣніе, отнимающее и гордость, и жизнерадостность.

Что она изъ себя, въ сущности, представляетъ? У нея, дѣйствительно, нѣтъ никакого права быть гордой и радостной.

Глухой стонъ, подавленный крикъ вырвался изъ ея груди, точно ее ударили хлыстомъ.

А она еще думала, что имѣетъ право говорить съ нимъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

Что это говорила тогда м-съ Вендландъ? И ей, значитъ, были знакомы тѣ мысли, которыя явились теперь Изольдѣ во всей оскорбительной новизнѣ.

Чувствуютъ-ли всѣ женщины то-же, что она чувствуетъ? Какъ это она до сихъ поръ могла не сознавать этого? А ея мать?—А пріятельницы? Да что же это? Неужели женщины ничего не сознаютъ о томъ, какъ онѣ презираемы?

Ея нѣжное тѣло истомилось смертельнымъ волненіемъ.

Вотъ она лежитъ, раздавленная, осмѣянная, забрызганная грязью, одинокая; она принадлежитъ къ той презираемой, тупой, безсмысленной половинѣ рода человѣческаго къ тѣмъ, которыя не имѣютъ права быть людьми въ полномъ смыслѣ этого слова.

Изъ глазъ ея, какъ кровь изъ незажившей раны, покатились жгучія, обильныя слезы.

IX.

Душистое майское утро. Изольда задумчиво расхаживаетъ по своему, расположенному въ густомъ лѣсу, ателье.

Свѣжій, острый запахъ листьевъ врывается въ настежъ открытыя окна. Голубое сіяющее небо смотритъ въ комнату черезъ стеклянную крышу. Въ воздухѣ съ рѣзкимъ свистомъ рѣютъ ласточки, тонкими нитями разрѣзая голубой эѳиръ. Сладкіе и рѣзкіе звуки сплетаются въ цѣлую сѣть.

Надъ куполообразной крышей пролетѣла стая голубей. Шумъ ихъ крыльевъ издали донесся сюда какой то неземной гармоніей

Изольда совсѣмъ погрузилась въ свои мысли. Она расхаживаетъ по большому, пустому помѣщенію, безсознательно держа въ рукахъ рѣзецъ. На маленькомъ столикѣ лежатъ два распечатанныя письма.

Вдоль стѣнъ стоятъ гипсовые снимки, сдѣланные съ натуры: руки, ноги, головы, маски. Черепъ, не покидавшій Изольду всѣ пять лѣтъ, составляетъ единственное украшеніе комнаты. На него надѣта блестящая дурацкая шапочка изъ старинной золотой матеріи, а сверхъ нея потемнѣвшій отъ времени лавровый вѣнокъ. Кромѣ этого, во всемъ ателье нѣтъ ничего лишняго—ни ковра, ни одного предмета роскоши.

По срединѣ, подъ самымъ куполомъ, все облитое свѣтомъ, стоитъ странное произведеніе, статуя сидящаго Будды изъ бѣлаго, какъ снѣгъ, мрамора. Работа Изольды. На цоколѣ фигуры, въ одинъ метръ вышиною, начертаны слова:

Я былъ искренеинъ,
Какъ никто другой;
Я былъ суровъ,
Какъ никто другой;
Я былъ преисполненъ печали,
Какъ никто другой;
Я былъ свободенъ духомъ,
Какъ никто другой.

Это изреченіе Изольда вырѣзала сегодня утромъ. Ей казалось, что эта склоненная голова полна мира, великаго, благороднаго мира, проникнутаго могуществомъ человѣческаго духа. Ее охватило торжество, какая-то великая радость. Ей удалось то, что она хотѣла создать.

Что-то властное было въ этой головѣ, то рѣдкое человѣческое величіе, которое стоитъ даже выше человѣческаго страданія, выше все-

го на землѣ и надъ землею. Гигантская боль смерти, страданія и жизни, побѣждается этимъ величіемъ.

На глазахъ Изольды проступили слезы. Ей и въ самомъ дѣлѣ казалось, что голова Будды была именно тѣмъ, что она хотѣла создать изъ нея. Было это на самомъ дѣлѣ такъ или ей это только мнилось? Нѣтъ, въ данную минуту это было такъ. И она вѣрила въ это, хотя и знала, что сомнѣнія снова овладѣютъ ею. Ее радовало также и то, что эта работа была сдѣлана ею для людей, которые ей дороже всего на свѣтѣ! Для него и для нея! Ее радовало, что она могла подарить имъ это.

Какую роль за послѣдніе годы играли въ ея жизни Гельвигъ и Лу Геберъ!

Какъ обрадуется Лу, узнавъ прекрасныя, спокойныя черты своего мужа, угадавъ въ Буддѣ его душу!

Сколько хорошихъ часовъ пережили они втроемъ! Какъ она ихъ любитъ! Они научили ее чувствовать и мыслить!

Съ какою радостью приведетъ она ихъ обоихъ сюда и скажетъ:

Этимъ я обязана вамъ! Тебѣ, мудрый, добрый, просвѣтленный человѣкъ, тебѣ, не похожему на другихъ, никѣмъ не понятому!..»

За эти годы Изольда похорошѣла, пріобрѣла болѣе строгую осанку. Высокая, блѣдная, съ могучей волной вьющихся волосъ, темнымъ облакомъ нависшихъ надъ ея лбомъ, съ глубокими, точно дымкой подернутыми глазами, она напоминала м-съ Вендландъ въ молодости. Ея манера одѣваться не отличалась изысканностью; но все, что только касалось этого тѣла, пріобрѣтало изящный видъ.

Сегодня Изольда — въ праздничномъ настроеніи. Работать ей больше не хочется. Съ наслажденіемъ прислушивается она къ пѣснямъ рѣющихъ подъ голубымъ небомъ ласточекъ, прорѣзающихъ воздухъ звуками этихъ пѣсенъ, точно шелковыми нитями!

Мысленно передъ ней встаетъ сестра, Мари. Какое маленькое лицо сдѣлалось у бѣдной Бархатки!

Изольда хорошо помнитъ сцену, которая произошла между ними на высокомъ берегу Изера. Онѣ гуляли въ чудномъ, прилегающемъ къ виллѣ Менгерсена лѣсу; онъ выстроилъ себѣ виллу по сосѣдству съ Геберами.

У Мари уже былъ ребенокъ, рожденіе котораго едва не стоило ей жизни. Долго послѣ этого она не могла оправиться ни физически, ни духовно. Ребенокъ вышелъ здоровый, но ее точно хватило морозомъ: въ ней навсегда осталось что-то усталое, тихое, запуганное.

Ребенку было уже около полугода. Онѣ шли подъ одѣтыми густою листвою деревьями. Вдругъ Мари охватила Изольду и шепнула ей что-то; это было тяжелое признаніе: она снова шла навстрѣчу мукѣ и смерти. Шея Изольды была смочена безнадежными слезами

сестры. Такъ стояли онѣ долго, обнявшись, не рѣшаясь заглянуть другъ другу въ глаза. Мари безутѣшно плакала; Изольда не знала, что сказать, что подумать.

Какой это былъ тяжелый моментъ!

— Ида,—всхлипывала Мари,—вѣдь онъ меня, вѣрно, совсѣмъ не любитъ! Иначе... Вѣдь онъ знаетъ, какъ это было ужасно!—Онъ все знаетъ. Да, Ида! Если это называть любовью!..

Мари въ ужасѣ вскрикнула и бросилась въ траву, уткнувшись въ землю лицомъ; слезы душили ее. Изольда опустилась передъ ней на колѣни.

— Я готова умереть, готова быть до смерти измученной и истерзанной—я на все готова, если ужъ такъ надо! И муки, и страхъ смерти,—все, все это ничего! Но, Ида—вѣдь онъ даже не другъ мнѣ!

Этотъ жалкій, плачущій голосъ! Изольда и сейчасъ ясно слышала его.

— Я для него—ничто! Ничто! А то, чѣмъ онъ хочетъ, чтобы я была для него, то я ненавижу! Я знаю, что я глупа—знаю! Но, если-бы онъ со мной говорилъ, я научилась бы его понимать уже потому, что я такъ люблю его.—Повѣрь, Ида, изъ любви къ нему я бы поумнѣла. Я это знаю. Но то, что въ немъ есть хорошаго, онъ прячетъ отъ меня. Онъ не говоритъ мнѣ того, о чемъ думаетъ. Мы живемъ разною жизнью...

Она продолжала плакать надрывающими душу слезами. Все это живо вставало передъ Изольдой.

— Самый одинокій человѣкъ не можетъ быть такъ одинокъ, какъ одинока я. Ты думаешь, ему меня жаль? Нисколько, говорю тебѣ! Ни чуточки. «Такъ и должно быть», думаетъ онъ. Это въ порядкѣ вещей. На то она и женщина. Онъ убѣжденъ, что мнѣ ничего больше не нужно, какъ ѣсть, пить и быть его женой. Онъ еще считаетъ, что очень терпѣливъ со мной, выслушивая иногда мои мысли. Все это я ясно читаю на его лицѣ. Скоро мнѣ снова предстоитъ стать матерью: это такое страданіе для души и тѣла. Но если бы онъ сказалъ мнѣ хоть одно доброе слово, я бы все снесла, все — даже смерть, даже страданія. Я цѣловала бы ему руки, если бы онъ заговорилъ со мной какъ съ другомъ. Я была бы готова на все. Но нѣтъ! Я пыталась заговаривать съ нимъ, но никогда уже больше не сдѣлаю этого, никогда.

Ея тѣло содрогалось отъ дикихъ, страстныхъ рыданій.

— Видишь, Ида, и мамѣ жилось совершенно такъ же. А помнишь, какъ ты разъ сказала, что тебѣ кажется, что она глупа? Ахъ нѣтъ, Ида, нѣтъ! Не глупа, а забита—омертвѣла. Онъ не билъ ее—и все же она забита—словами, мыслями. Это вѣчное презрѣніе, какъ сѣрый дождливый день. Отъ него умираетъ душа... Я чувствую, что

буду похожа на маму? И что онъ обо мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ? Можетъ быть, онъ считаетъ, что я счастлива? Да и думаетъ ли онъ вообще когда нибудь обо мнѣ? Не знаю.

Она была такая безпомощная. Изольда стояла передъ ней на колѣняхъ въ смертельномъ страхѣ, держа въ своей рукѣ ея маленькую, судорожно сжатую руку.

Когда Изольда привела домой совершенно изнеможенную отъ слезъ Мари, Менгерсенъ какъ разъ выходилъ изъ своего ателье. На немъ, какъ всегда, былъ надѣтъ бѣлый фланелевый костюмъ. По его лицу было видно, что сегодня ему хорошо работалось, что онъ превосходно чувствуетъ себя, какъ нравственно, такъ и физически. Онъ съ удовольствіемъ курилъ сигару, пуская облака голубоватаго дыма. Вдругъ онъ замѣтилъ сестеръ.

— Что случилось, Мари?—коротко спросилъ онъ.—Ты опять распускаешься? Ты знаешь, что это не годится въ твоемъ положеніи; избавь меня, пожалуйста, если можешь, отъ этихъ капризовъ. Возьми себя хоть немного въ руки...

Ему все это было крайне непріятно. Да и самыя посѣщенія Изольды были ему не по душѣ. Она чувствовала, что раздражаетъ его. Съ нимъ у нея выработался совсѣмъ особенный, несвойственный ея натурѣ тонъ, въ которымъ слышался оттѣнокъ легкой холодной ироніи. Не безъ задней мысли она вырядила черепъ въ золотой дурацкій колпакъ и лавровый вѣнокъ. Искусство Менгерсена осталось для нея предметомъ поклоненія, чѣмъ-то великимъ, чего она не могла не любить. Любовь эта выработала изъ нея художницу. Его похвала и сегодня представляла для нея большую цѣнность, и въ этой похвалѣ онъ не могъ ей отказать. Она добилась своего: онъ призналъ ея талантъ, ея трудъ.

А сколько труда положила она за эти годы! Работой она какъ будто хотѣла смыть съ себя тяготѣвшій надъ нею позоръ. Ничто, кромѣ труда, не могло смыть съ нея пятна. Онъ могъ валяться у нея въ ногахъ, моля о прощеніи, и все же это ни къ чему бы не повело.

Эти годы она прожила затворницей, точно для нея не существовало ни молодости, ни красоты, ни богатства. Дома, въ роскошно обставленной квартирѣ своихъ родителей, она занимала маленькую комнатку, спала на походной кровати, зиму и лѣто при открытыхъ окнахъ; каждый день она принимала холодную ванну; около себя она не выносила ничего мягкаго, нѣжнаго, во всякую погоду она совершала далекія прогулки.

Въ ней было живо только одно чувство: смыть съ себя позоръ, стать снова чистой и сильной, научиться работать, чтобы быть человѣкомъ! Ее радовало, что она такъ красива. Она понимала и любила свою красоту.

Теперь душа ея не знала больше позора. Чувство сознанія своей силы, красоты и могущества наполняло ее.

«Я знаю,—думала она иногда, — что каждый изъ нихъ не прочь закабалить меня, овладѣть мной, моей красотой и состояніемъ и распорядится всѣмъ этимъ по своему усмотрѣнію. Да это просто смѣшно.

За эти годы изъ нея выработалось свободное существо. И когда она начинала думать о матери, о сестрѣ, она задыхалась. Та ночь, которую она провела на своей кровати, лежа безъ движенія, какъ мертвая, навѣки запечатлѣлась въ ея сознаніи.

Что изъ того, что ей лично жилось хорошо? Все-таки она продолжала принадлежать къ числу тѣхъ, которыя не подходятъ подъ общее опредѣленіе человѣка; тѣхъ, въ тѣлѣ которыхъ отсутствуетъ духъ; осмѣянныя, презираемыя, лишенныя человѣческаго достоинства, онѣ составляютъ все ту же низкую, безсмысленную половину рода человѣческаго, не имѣющую даже права на названіе людей. Теперь она стояла передъ столомъ; передъ ней лежали оба письма: одно полученное сегодня, и другое, пришедшее еще три недѣли назадъ. Изольда взяла старое письмо и снова перечитала его. Оно было изъ Берлина отъ Мари и было нацарапано слабымъ почеркомъ, вскорѣ послѣ рожденія ребенка.

«Ида, цѣлыхъ двадцать четыре часа смертельныхъ мученій—какъ всегда, ужасныхъ съ первой до послѣдней минуты. Только боязнь покинуть моихъ бѣдныхъ дѣтей спасла меня для жизни. Безъ хлороформа. Иначе ребенокъ могъ быть мертвый.

«Остальное все въ порядкѣ. Генри писалъ отцу. Вспоминай обо мнѣ. Одинока! Совсѣмъ одинока! Помнишь?

«Прощай».

О да, Изольда не забыла.

Она знала содержаніе письма Генри къ отцу:

«Все обошлось отлично! Маленькое чудовище прямо великолѣпный мальчишка! Роды были трудные, какъ это у насъ вообще водится. Однако, послѣ всѣхъ этихъ передрягъ Мари чувствуетъ себя болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Докторъ доволенъ. Здоровье ея не внушаетъ никакихъ опасеній».

А вотъ и сегодняшнее письмо. Изольда уже нѣсколько разъ перечитала его. Теперь она снова пробѣжала его глазами:

«Мой мужъ уѣзжаетъ, чувствуя себя слишкомъ измученнымъ въ эстетическомъ отношеніи. Господинъ супругъ невыразимо страдаетъ отъ того, что мнѣ приходится выполнять материнскія обязанности по отношенію къ моему маленькому, а еще больше отъ того, что теперь ему самому приходится приходить въ соприкосновеніе съ такими непоэтичными вещами. Этотъ фанатикъ реализма и правды рѣшительно не въ состояніи выносить простую дѣйствительность. А такъ какъ я еще очень слаба и даже рѣдко встаю съ постели, то я не могу ста-

новиться между нимъ и этою дѣйствительностью въ качествѣ благодѣтельнаго облака.

«Физическая слабость и обязанности кормилицы отвлекаютъ меня отъ всего. А единственный человѣкъ, который обо мнѣ заботился, сидѣлка, должна была меня покинуть. Ее потребовали въ другое мѣсто. Благодаря ей, я все-таки пользовалась покоемъ.

«Жаль, что ты не могла ко мнѣ пріѣхать! Какимъ бы это было для меня утѣшеніемъ!

«Теперь, съ тѣхъ поръ, что ушла сидѣлка, всѣ снова смотрятъ на меня, какъ на полезное животное. Несмотря на то, что я едва двигаюсь отъ слабости, мнѣ постоянно приходится няньчить одного ребенка, да еще присматривать за другимъ.

«Затѣмъ является супругъ и начинаетъ браниться, что около меня вѣчно трутся дѣти; онъ клянетъ небо, сдѣлавшее его отцомъ семейства. Я стараюсь, какъ умѣю, утѣшать его боли, пока мои собственныя страданія не усиливаются до невозможной степени. Такъ идетъ моя жизнь; одна мука смѣняетъ другую. Но я утѣшаю себя попрежнему: время не ждетъ. Значитъ, и для меня наступитъ другая пора.

«Генри, какъ это ни странно, по своему правъ: женщина, ожидающая ребенка, не должна жить дома. Онъ въ этомъ отношеніи очень чувствителенъ. Видѣть меня такой безобразной—оскорбляетъ его эстетическое чувство. Для него это невыносимо. Я это знаю. Прежде, когда онъ это говорилъ, мнѣ это казалось какою-то безумною, чудовищною жестокостью; при этихъ словахъ передо мной точно разверзалась пропасть. Но онъ говоритъ это такъ наивно, какъ художникъ.

«Съ своей точки зрѣнія онъ правъ. Меня даже удивляетъ, что это не установлено закономъ. Въ сущности, такъ было бы лучше и для женщинъ.

«Напиши же мнѣ поскорѣе, моя Ида, длинное, милое письмо. Я съ нетерпѣніемъ буду ждать его, потому что во мнѣ клокочетъ что-то горячее, влажное. Ты одна волшебной силой твоей любви можешь осушить эти слезы. Не забывай меня, Ида! Въ тебѣ вся моя жизнь! Все, что есть у меня въ душѣ, исходитъ отъ тебя! Отъ тебя одной. Ты, только ты, въ состояніи поддерживать меня. Не дай же мнѣ совсѣмъ упасть».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Короче стали дни; длиннѣй
И глуше ночи. По курганамъ
Туманъ кочуетъ бѣлымъ станомъ,
А зори дышутъ холоднѣй.

Качаясь съ вѣтромъ и шепча,
Лѣса стряхаютъ позолоту.
Собрались ласточки къ отлету;
Тоскливъ и рѣзокъ крикъ грача.

А ночью, въ сумракъ небеса
Роняютъ огненныя слезы.
Бѣлѣетъ саваномъ роса;
И, чуя вѣщія угрозы,
Жизнь серебритъ мнѣ волоса.

А. Ѳедоровъ.

СУМАСШЕДШІЙ.

За окномъ разстилались поля. Рыжія, зеленыя и черныя полосы тянулись одна рядомъ съ другой, уходили въ даль и сливались тамъ въ тонкое кружевное марево. Было такъ много свѣта, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тѣсно въ своемъ собственномъ узкомъ, маленькомъ и тяжеломъ тѣлѣ.

Докторъ стоялъ у окна, смотрѣлъ на поля и думалъ:

«Вѣдь, вотъ...»

Смотрѣлъ на птицъ, которыя быстро и легко уносились въ даль, и думалъ:

«Летятъ!..»

Но на птицъ ему было легче смотрѣть, чѣмъ на поля. Онъ сумрачно наблюдалъ, какъ онѣ уменьшались и таяли въ голубомъ просторѣ, и утѣшалъ себя:

«Не улетите... не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ... все равно сдохнете!..»

А радостно зеленѣющія поля наводили на него уже полную тоску, томительную и безнадежную. Онъ зналъ, что это ужъ— вѣчно.

«Все это необыкновенно старо! — сердито перебивалъ онъ свои мысли: — это еще когда сказано: «и пусть у гробового входа... красою вѣчною сіять... равнодушная природа»... Это уже даже пошло!.. Даже глупо думать объ этомъ! Я всегда считалъ себя гораздо умнѣе и... впрочемъ, все это пустяки... Да... это совершенно все равно, что бы я ни думалъ... все равно: не въ томъ дѣло, что я по этому поводу подумаю...»

Страдальчески морщась и подергивая головой, докторъ отошелъ отъ окна и сталъ тупо смотрѣть на бѣлую стѣну.

Въ головѣ его, вовсе помимо его воли и сознанія, рождались, всплывали, какъ пузырьки воздуха въ мутной водѣ, лопались и расплывались быстро одна за другой тѣ самыя мысли, которыя въ послѣднее время стали обычными для него. Именно въ послѣднее время, послѣ того, какъ въ день своего рожденія онъ вдругъ понялъ, что ему уже шестьдесятъ пять лѣтъ, и что теперь уже

навѣрное онъ скоро умретъ. То нездоровье, которое онъ чувствовалъ передъ тѣмъ цѣлыхъ двѣ недѣли, еще больше напомнило ему о неизбѣжной необходимости пережить ту минуту, о которой онъ и раньше безъ замиранія сердца не могъ думать.

«А вѣдь будетъ, будетъ... одна эта сотая секунды, когда настанетъ самый переломъ!.. По эту сторону секунды—жизнь, *я*, а по ту—уже ничего... такъ-таки совершенно ничего?.. Не можетъ быть!.. Тутъ какая-нибудь ошибка!.. Вѣдь это «черезчуръ» ужасно.»..

А теперь онъ ужъ совершенно ясно понялъ, что никакой ошибки нѣтъ, что вотъ-вотъ и начнется *это*.

И каждый разъ, когда у него заболѣвала голова, грудь или желудокъ, когда ноги или руки были слабѣе обычнаго, ему приходило въ голову, что именно теперь онъ начинаетъ умирать. И эта мысль была очень проста, совершенно вѣроятна и потому нестерпимо ужасна.

Но самое мучительное началось тогда, когда онъ, вообще мало и невнимательно читавшій, прочелъ въ одной книгѣ ту мысль, что, какъ ни велико разнообразіе въ природѣ, а все-таки рано или поздно комбинація должна повториться и создать совершенно такое же существо и даже то же самое положеніе дѣлъ. Въ первую минуту ему даже стало какъ будто легче, но уже въ слѣдующее мгновеніе онъ пришелъ въ бѣшенство:

«Ну, да... комбинація... ничто не ново подъ солнцемъ... такъ... я очень хорошо знаю, что позади меня такая же вѣчность, какъ и впереди; значитъ, я самъ теперь—только повторная комбинація... А вѣдь я ровно ничего не помню о первой комбинаціи... и выходитъ, что дѣло не во мнѣ, а въ комбинаціи!.. Какъ же это?.. Вѣдь я чувствую, какъ неизмѣримо важно то, что я живу, какъ это мучительно и прекрасно... вѣдь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существуетъ для меня только потому, что *я* вижу, слышу, нюхаю... потому что у *меня* есть глаза, уши, носъ... Значитъ, я—громаденъ, я помѣщаю въ себѣ все и, сверхъ того, еще страдаю!.. И вдругъ—комбинація!. О, чортъ!.. Какое мнѣ дѣло до комбинаціи, будь она проклята!.. Это же нестеримо... ужасно... быть только повторяющейся, съ извѣстнымъ промежуткомъ времени, комбинаціей!..»

И докторъ чувствовалъ страшную, неутолимую ненависть къ тому воображаемому человѣку, который тамъ, когда-то, будетъ такимъ, какъ онъ.

«А вѣдь это такъ и будетъ: повторяются же мысли человѣческія и какъ еще часто повторяются... повторится, значитъ, и человѣкъ... а-а-а! Даже мои мысли, мои страданія вовсе не важны и не нужны никуда, потому что то же самое съ одина-

ковымъ успѣхомъ передумаютъ и перечувствуютъ еще милліоны всякихъ комбинацій... О-очень пріятно, чортъ бы васъ дралъ!..»

И состояніе доктора ухудшалось день-ото-дня и, доходя по ночамъ до галлюцинацій, стало уже сплошнымъ кошмаромъ страданія. Снилась ему только его смерть, похороны, внутренность могилы; иногда, для разнообразія, снилось, что онъ погребенъ заживо, снились еще почему-то черти, въ которыхъ онъ твердо не вѣрилъ. Днемъ онъ ужъ постоянно думалъ на одну и ту же тему.

«Организмъ разрушается...»

Онъ замѣчалъ это въ томъ, что ему тяжело взойти на лѣстницу больницы, что ему приходится иногда кряхтѣть, вставая или нагибаясь. Отъ думъ у него началась безсонница, а безсонница, какъ ему казалось, была предсмертнымъ явленіемъ.

Какъ разъ прошлую ночь онъ вовсе не спалъ, и оттого у него въ головѣ было точно тяжелое и угарное похмѣлье. Тѣ мысли, которыя прошли въ эти часы безцѣльнаго лежанія въ нагрѣвшейся, липкой постели, подъ крикъ и смѣхъ сумасшедшихъ въ буйной палатѣ, были такъ омерзительно страшны, что докторъ даже юлилъ и обманывалъ самого себя, стараясь думать, что ничего не помнитъ.

Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на бѣлой стѣнѣ. Въ концѣ концовъ, онъ-таки вспомнилъ то, чего больше всего старался не вспоминать: какъ художественно ясно представился ему процессъ разложенія, та слизь и гниль, которая получится изъ него, представились толстые, лѣнивые, бѣлые черви, распухшіе отъ его гноя... Онъ всегда боялся червей. А будутъ ползать во рту, въ глазахъ, въ носу и вездѣ.

— Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! — сердито закричалъ докторъ—громко, на всю комнату. Голосъ у него былъ пронзительный.

Фельдшеръ отворилъ дверь, посмотрѣлъ и затворилъ.

«Бываетъ такъ вотъ: лечитъ, лечитъ, да и самъ того!..» подумалъ онъ и съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему было страшно скучно, пошелъ сказать другому фельдшеру, что старшій, кажется, «того»!

Когда онъ затворялъ дверь, она пискливо скрипнула.

Докторъ посмотрѣлъ черезъ очки.

— Гм... въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ сердито.

Но оттого, что дверь молчала, онъ съ раздраженіемъ подошелъ къ ней, отворилъ и пошелъ по корридору и по лѣстницѣ внизъ, въ ту палату, куда только вчера вечеромъ посадили новаго паціента.

Къ нему и давно надо было сходить, но теперь онъ пошелъ

вовсе не по обязанности, а потому, что оставаться одному было уже совсѣмъ скверно.

Сумасшедшій, въ желтомъ халатѣ и колпакѣ, хотя ему и можно было оставаться въ своемъ платьѣ, сидѣлъ на кровати и самымъ разсудительнымъ образомъ сморкался въ носовой платокъ. Докторъ вошелъ очень осторожно, даже какъ будто недовѣрчиво, но сумасшедшій посмотрѣлъ на него весело и дружелюбно.

— А, здравствуйте! — сказалъ онъ.—Вы, кажется, старшій врачъ?

— Здравствуйте,—отвѣтилъ докторъ:—я старшій врачъ.

— Очень пріятно... Садитесь, пожалуйста,—любезно пригласилъ сумасшедшій.

Докторъ присѣлъ на стулъ, подумалъ, посмотрѣлъ на голыя, выкрашенныя сѣрой краской стѣны, потомъ на халатъ сумасшедшаго и сказалъ:

— Какъ ваше здоровье? Спали?..

— Спалъ,—охотно отвѣтилъ сумасшедшій:—почему бы мнѣ и не спать? Спать слѣдуетъ... Я всегда очень хорошо сплю...

Докторъ опять подумалъ.

— Да... Но, знаете, новое мѣсто... Кричатъ то же у насъ тутъ...

— Кричатъ? Я не слыхалъ... Я, къ счастью, докторъ, очень плохо слышу...

Онъ засмѣялся.

— Бываетъ, что и не слышать—счастье...

Докторъ машинально отвѣтилъ:

— Бываетъ...

Сумасшедшій почесалъ переносицу.

— Вы, докторъ, курите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ

— Жаль, а то бы я попросилъ папиросочку...

— Вамъ курить нельзя... знаете...

— Ахъ, да... я все забываю... не привыкъ еще...—опять улыбнулся сумасшедшій.

Они помолчали.

Окно было съ рѣшеткой и довольно густой, но все-таки свѣтъ такъ и лился въ комнату, и оттого было вовсе не мрачно, какъ всегда въ больницахъ, а очень даже радостно и уютно.

— Прекрасная комната!—благосклонно сказалъ докторъ.

— Да, очень веселенькая комнатка... Я даже не ожидалъ... Я, знаете, никогда раньше въ сумасшедшемъ домѣ не бывалъ и представлялъ его себѣ гораздо... совсѣмъ не такимъ... а тутъ ничего... И если недолго, то я даже... ничего... А?

Сумасшедшій искательно заглянулъ снизу въ глаза доктора,

но увидѣлъ только непроницаемо синія стекла очковъ и торопливо прибавилъ:

— Ну, да... да... Я понимаю... объ этомъ спрашивать... Только знаете, что я вамъ скажу, докторъ?—вдругъ оживляясь, спросилъ онъ.

— А? Что? Это интересно,—машинально проговорилъ докторъ.

— Какъ только я изъ больницы выйду, первымъ дѣломъ всѣ ребра переломаю тѣмъ своимъ благопріятелямъ, которые меня сюда пристроили...—съ веселой злобой сказалъ сумасшедшій, и его довольно безобразное лицо, все въ веснушкахъ, перекосилось.

— Ну, зачѣмъ же...—вяло возразилъ докторъ.

— А затѣмъ, что дураки!.. Вѣдь это же чортъ знаетъ, что такое... Какого чорта они полѣзли не въ свое дѣло... Оно, конечно, все равно, а все-таки на свободѣ не въ примѣръ веселѣе...

— Мало ли чего...—вдругъ сердито сказалъ докторъ.

— Да вѣдь я ровно ничего дурного не дѣлалъ!—робко возразилъ сумасшедшій.

— Ну...—неопредѣленно началъ докторъ.

— И не сдѣлалъ бы!—поспѣшно перебилъ сумасшедшій.— Скажите, пожалуйста, съ какой бы стати я сталъ дѣлать зло кому бы то ни было? Если бы я былъ дикарь или хоть Титъ Титычъ какой-нибудь, а то я, ей Богу, всегда былъ достаточно интеллигентнымъ для того, чтобы не ощущать никакого удовольствія ни отъ кражи, ни отъ убійства, ни отъ всего такого!..

— Больной человѣкъ...—началъ докторъ.

Сумасшедшій скривился и тряхнулъ головой съ досадой и скукой.

— А, Господи!.. Больной!.. Я, конечно, не стану васъ увѣрять, что я здоровъ, все равно не повѣрите... Но только, какой же я, къ чорту, больной?

— Но вы и не здоровы!—осторожно, но внушительно отвѣтилъ докторъ.

— Чѣмъ?—порывисто спросилъ сумасшедшій.—У меня ничего не болитъ, и я сравнительно даже въ хорошемъ расположеніи духа, что для меня всегда было рѣдкостью... Ахъ, докторъ, докторъ... Ха!.. Какъ разъ тогда меня посадили въ сумасшедшій домъ, когда я открылъ эту штуку... Ха-арошую штуку, докторъ!

— А... это любопытно,—поднимая брови, замѣтилъ докторъ, и его острое лицо напомнило морду заинтересованной собаки.

— Еще бы...

Сумасшедшій вдругъ засмѣялся, всталъ, отошелъ къ окну и долго молча смотрѣлъ прямо навстрѣчу солнцу. Докторъ тоже молча смотрѣлъ ему въ спину. Грязно-желтый халатъ отъ солнца сталъ золотымъ.

— Я вамъ сейчасъ это скажу,—заговорилъ опять сумасшедшій, поворачиваясь и подходя.

И лицо у него было уже совершенно серьезное и даже какъ будто грустное, но отъ этого оно только стало пріятнѣе.

— Вамъ очень не идетъ смѣяться,—почему то сказалъ докторъ.

— Развѣ?—заинтересовался сумасшедшій.—Да я и самъ это замѣчалъ... и многіе мнѣ это говорили... Да я и не люблю смѣяться...

Онъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ сухой, деревянный.

— И смѣюсь, докторъ, смѣюсь очень часто... Но я вамъ хотѣлъ не объ этомъ... Видите, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню мыслящимъ человѣкомъ, я постоянно думалъ о смерти... и очень упорно...

— Ага!—громко сказалъ докторъ и снялъ очки.

Глаза у него оказались большіе и такіе красивые, что сумасшедшій невольно замолчалъ.

— А вамъ такъ вотъ очки не идутъ!—сказалъ онъ.

— Э... нѣтъ... это пустяки... а вотъ вы объ этомъ... думали значитъ, очень много о смерти?—заторопился докторъ.—Это о-чень любопытно...

— Да, знаете... Я не могу вамъ, конечно, передать всего того, что я передумалъ, и ужъ конечно того, что я перечувствовалъ... а только очень нехорошо было!.. Я бывало по ночамъ плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, отъ страха... Все представлялъ себѣ, какъ это будетъ... какъ я умру, какъ сгнію, и какъ въ концѣ концовъ меня совсѣмъ не будетъ... Такъ-таки вовсе и не будетъ! Это очень трудно, почти невозможно представить себѣ... а все таки... такъ и будетъ!

Докторъ скомкалъ въ рукѣ бороду и промолчалъ.

— Ну, это еще ничего... то-есть, не то, что «ничего», а даже очень скверно, печально, омерзительно, но... самое скверное въ томъ, что я-то умру, а все останется, останутся даже результаты моей жизни... ибо какъ бы ни былъ человѣкъ малъ, но есть какіе-то результаты его жизни!.. Да, такъ вотъ... я, предположимъ, очень и очень страдалъ, я воображалъ, что ужасно важно, что я былъ честенъ или подлецъ первой степени... и что все это пойдетъ, такъ сказать, впрокъ: мои страданія, мой умъ, моя честность и подлость и даже моя глупость послужатъ для будущаго, если не для чего другого, то хоть для назиданія... вообще я, какъ оказывается, хоть и жилъ, и въ великомъ страхѣ смерти ждалъ, но все это вовсе не для себя (хоть и воображаю, что для себя), а для... чортъ его знаетъ для чего, потому что и потомки мои тоже вѣдь не для себя будутъ жить... И... знаете, докторъ, попалась мнѣ одна книжка, а въ книжкѣ той мысль, и хоть мысль была, можетъ быть, и вовсе глупая, а меня поразила... такъ поразила, что я ее на память заучилъ...

— Это интересно,—пробормоталъ докторъ.

— Вотъ она:—«природа неотразима, ей спѣшить нечего и рано или поздно она возьметъ свое. Она не знаетъ ничего, ни добра, ни зла, она не терпитъ ничего абсолютнаго, вѣчнаго, ничего неизмѣннаго. Человѣкъ ея дитя... но она мать не только человѣка, и у нея нѣтъ предпочтенія: все, что она создаетъ, она создаетъ на счетъ другого, одно разрушаетъ, чтобы создать другое, и ей все равно»...

— Такъ,—грустно замѣтилъ докторъ, но сейчасъ же спохватился и надѣвая очки строго прибавилъ:

— Ну, и что же изъ этого?..

Сумасшедшій засмѣялся, смѣялся долго и довольно сердито, а когда пересталъ, то возразилъ:

— Да ничего, такъ-таки и ничего... Вы видите, какая это глупая мысль, глупая до того, что въ ней вовсе нѣтъ мысли... Такъ — фактикъ есть, а мысли нѣтъ... а фактъ безъ мысли— одна глупость... Мысль вывелъ я самъ... Я рѣшилъ, что дѣло далеко не такъ по идеѣ, если можно такъ выразиться,—природа вовсе *не* нетерпитъ ничего абсолютно вѣчнаго... напротивъ: у нея все—вѣчно, вѣчно до приторности, до однообразія и надоѣдливости, но только вѣчны у нея не факты, а идеи... самая суть существованія... не дерево, а пейзажъ, не человѣкъ, а человѣчество, не влюбленный, а любовь, не геній и злодѣй, а геніальность и злодѣйство... понимаете вы меня?

— По... понимаю,—съ усиліемъ отвѣтилъ докторъ.

— Мы вотъ съ вами сидимъ и мучимся мыслью о смерти... природѣ до насъ—ни самомалѣйшаго дѣла: мы благополучно, ни на какіе разсужденія не взирая, помремъ, и насъ, какъ не бывало... очень просто... но мученія наши вѣчны, вѣчна ихъ идея. Соломонъ № 1-й, который жилъ, Богъ знаетъ когда, ужасно мучился мыслью о смерти, Соломонъ № 2-й, который будетъ жить Богъ знаетъ когда, тоже будетъ ужасно страдать по той же причинѣ... Я въ первый разъ поцѣлуюсь съ невыразимымъ наслажденіемъ, а когда у меня уже появится вѣчная костяная улыбочка, сладость перваго поцѣлуя переживетъ еще милліонъ милліоновъ, и больше, влюбленныхъ... совершенно съ тѣмъ же чувствомъ... Но я, кажется, повторяюсь?..

— Да-а...

— Да... ну... такъ вотъ: во всей этой пакостной мыслишкѣ одно только заключеніе,—поскольку оно касается не идеи, а факта, насъ съ вами, значитъ,—это то, что природѣ «все равно». Понимаете, мы ей не нужны, «идею *насъ*» она возьметъ, а что касается насъ лично, то ей въ высокой степени наплевать... И это, извольте видѣть, послѣ всей той муки, которую я пережилъ... Ахъ, ты с...а!.. Ей—все равно!.. Такъ мнѣ то не все равно... Плевать мнѣ на то, что ей все равно... Совсѣмъ не все равно!

Сумашедшій завизжалъ такъ громко, такъ пронзительно, что докторъ укоризненно, хотя и совершенно машинально, замѣтилъ:

— Ну, вотъ... сейчасъ и видно...

— Что я сумасшедшій?.. Это еще вопросъ... да съ вопросъ.. вопросикъ! Я, конечно, пришелъ въ телячье возбужденіе... я закричалъ... и все такое... но вѣдь удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: наоборотъ—удивительно, что люди, постоянно думая о смерти, боясь ея до умопомраченія, единственно на страхѣ смерти основавъ всю свою культуру, такъ прилично относятся къ этому вопросу... поговорятъ чинно, погрустятъ меланхолично, иной разъ всплакнутъ въ носовой платочекъ и промолчатъ, займутся каждый своимъ дѣломъ, отнюдь не нарушая общественной тишины... а я... я думаю, что это они—сумасшедшіе, или просто дураки, если могутъ передъ такой штукой еще приличія соблюдать!..

Докторъ очень хорошо вспомнилъ, какъ ему хотѣлось иногда, съ несвойственнымъ его лѣтамъ и солидности ожесточеніемъ, начать биться головой о стѣну или кусать подушку или рвать на себѣ самомъ волосы.

— Этимъ ничему не поможешь!—угрюмо замѣтилъ онъ.

Сумасшедшій помолчалъ.

— Ну да... но вѣдь, когда больно, хочется кричать, и когда кричишь, то будто легче...

— Да?

— Да...

— Гм... ну, пусть...

— Да и все-таки самому передъ собой не такъ стыдно: все-таки я молъ хоть на то употребилъ свою свободную душу, эту самую, чтобы кричать караулъ!.. Не шелъ, какъ болванъ, на убой... и не обманывалъ себя тѣми благоглупостями, которыми принято себя утѣшать въ сей бѣдѣ... Удивительное дѣло! Человѣкъ по натурѣ—лакей... вѣдь природа... она ужъ дѣйствительно вѣчна, ей есть смыслъ думать не о фактѣ, а объ его идеѣ, но человѣкъ—самъ конечнѣе всякаго факта,—туда же пыжится, старается представиться, что и онъ чрезвычайно дорожитъ тоже не фактомъ, а идеей... Можно вѣдь у насъ во всю жизнь ни одного ласковаго слова никому не сказать, а людей, человѣчество любить, и это будетъ очень великолѣпно, очень добродѣтельно въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова... Такъ и видно: притворяются людишки, хихикаютъ передъ своимъ всемогущимъ бариномъ, который ихъ, какъ баранчиковъ, хлопъ-хлопъ!—и все у нихъ гдѣ-то въ глубинѣ души сидитъ этакая надеждишка, махонькая, съ воробьиный носочекъ, меньше, совсѣмъ меньше, потому что знаетъ же, увѣренъ всякій изъ насъ, что «оставь надежду навсегда»... сидитъ эта лакейская надеждишка; ну, а авось, авось... ну, можетъ... ну

какъ-нибудь... и того!.. Слово «помилуетъ» ужъ и вовсе не произносится, потому ужъ слишкомъ очевидно...

— Ну, и что же наконецъ? — съ тоской спросилъ докторъ и потеръ руки, точно ему стало очень холодно.

— И наконецъ-то, что возненавидѣлъ я эту самую природу горьше горькаго!.. Дни и ночи думалъ:—да найдется же и на тебя какая управа, будь ты проклята!.. И видите докторъ, я довольно еще равнодушно отнесся къ природѣ, внѣ земли которая... Ибо вѣдь ни черта въ ней я не понимаю... То-есть, не то что не понимаю, но чувствовать не могу... Что такое для меня звѣзда, напримѣръ? Тьфу, и больше ничего!.. Она сама по себѣ, я самъ по себѣ... слишкомъ дальнее, должно быть, разстояніе... А вотъ земная природа, та самая, которой нужно зачѣмъ-то лущить насъ, какъ орѣшки, смакуя нашу идею, т.-е. идею насъ... Все бывало думаю: какъ же такъ... какое имѣетъ право, кто бы то ни былъ, мучить меня, а потомъ другого, а потомъ милліоннаго и такъ далѣе до безконечности? Почему-то больше всего меня сладость перваго поцѣлуя угнетала: я, молъ, поцѣловалъ разъ, одинъ только маленькій разикъ и уже тю-тю... а первый поцѣлуй со всей своей прелестью такъ и останется, будетъ вѣченъ, вѣчно юнъ и прекрасенъ... да и все остальное... Вѣдь обидно же... высшая это обида, такая обида, что хуже и нѣтъ!..

Докторъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Но комбинація можетъ повториться,—совсѣмъ уже глупо пробормоталъ онъ.

— Начхать мнѣ на эту комбинацію! — заоралъ сумасшедшій въ положительной злобѣ.

И крикъ его былъ такой громкій, что послѣ него они долго молчали.

— Какъ вы думаете, докторъ, — опять началъ сумасшедшій тихо и вдумчиво: — если бы вамъ вдругъ доказали, что земля наша умираетъ.. такъ-таки и умираетъ со всѣми своими потрохами, и не дальше, какъ этакъ черезъ триста лѣтъ... «ундъ ганцъ аккуратъ»... фью!.. Намъ-то, современникамъ, до этого, конечно же, не дожить... а не ощутили бы вы все-таки нѣкоторой грусти?..

Докторъ еще не успѣлъ сообразить, какъ сумасшедшій заторопился;

— Очень многіе, тѣ, въ коихъ холопство мысли ужъ въ кровь въѣлось, которые—какъ былые старые дворовые, ужъ не могли даже отдѣлить своихъ интересовъ отъ интересовъ засѣкавшаго ихъ барина—не могутъ чувствовать самихъ себя, очень многіе скажутъ, что ощутили бы... и, пожалуй, и въ правду... Ну, а я... я бы такъ, докторъ, обрадовался!..—съ какимъ то упоеніемъ сдавленно проговорилъ сумасшедшій.—Такъ обрадовался!.. Ахъ, ты!.. подохнешь... значитъ не будешь тѣшиться вѣчно моей мукой,

проклятой этой самой «идеей меня!» Конечно, строго говоря, это никому ничего не докажетъ... а все-таки... чувство мести хоть удовлетворится... иронія исчезнетъ... понимаете... вѣчность эта, коей во мнѣ нѣтъ!

— Какъ же,—вдругъ нѣсколько запоздало отвѣтилъ докторъ:— я понимаю...

И онъ какъ-то залпомъ продекламировалъ:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...“

Сумасшедшій быстро остановился и слушалъ молча, съ тупыми глазами, а потомъ залился смѣхомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ!.. — какъ перепелъ закричалъ онъ. — Не будетъ этого, не будетъ... не будетъ этой вѣчной красоты!.. И знаете, докторъ, я... я по профессіи инженеръ, но очень долго занимался астрономіей — это въ модѣ, чтобы заниматься не тѣмъ, къ чему готовился всю жизнь... и вотъ, когда я уже совсѣмъ измучился... совершенно случайно, я наткнулся на одну ошибку. Я, знаете, занялся солнечными пятнами, я изучалъ ихъ горяздо подробнѣе, чѣмъ на нихъ останавливались до меня другіе, и вотъ я...

Въ это время солнце зашло за стѣну противоположнаго зданія и въ комнатѣ сразу померкло. И всѣ предметы какъ будто отяжелѣли и прилипли къ полу. Сумасшедшій сталъ на видъ коренастѣе и грубѣе.

— Ну, вотъ... въ извѣстной теоріи прогрессивной увеличиваемости солнечныхъ пятенъ, по которой солнце должно потухнуть безъ малаго въ четыреста милліоновъ лѣтъ, я открылъ ошибку... Четыреста милліоновъ лѣтъ!.. Вы можете, докторъ, представить себѣ четыреста милліоновъ лѣтъ?

— Н... не могу,—проговорилъ докторъ, вставая.

— И я не могу,—засмѣялся сумасшедшій,—и никто этого не можетъ, потому что четыреста милліоновъ лѣтъ это уже вѣчность... тогда слѣдуетъ просто предпочесть вѣчность, какъ понятіе болѣе общее, а оттого и болѣе ясное. Съ четырьмя стами милліонами все остается, какъ въ вѣчности: и равнодушная природа, и вѣчная красота... Четыреста милліоновъ лѣтъ—это насмѣшка... И я, знаете, открылъ, что никакихъ четырехсотъ милліоновъ лѣтъ не будетъ!

— Какъ не будетъ!—почти вскрикнулъ докторъ.

— Да такъ... они разсчитывали, и очень наивно даже, что разъ въ такое-то время солнце потухло на столько-то, то... и тутъ шла простая ариѳметика. А между тѣмъ извѣстно, что охлаждающійся металлъ или иное тѣло держится долго въ раскален-

номъ видѣ только именно до появленія первыхъ просвѣтовъ охлажденности... ибо тутъ взаимонагрѣваемость... а ужъ разъ появилось пятно, этакое темненькое пятно на сверкающей самодовольной рожѣ, то ужъ тутъ... равновѣсіе нарушено, пятно не только не поддерживаетъ общую теплоту, а даже совсѣмъ напротивъ: холодитъ... холодитъ-съ, милое пятно!.. Холодитъ и растетъ, и чѣмъ больше растетъ, тѣмъ больше и холодитъ... съ увеличивающейся въ чудовищной прогрессіи скоростью. Я думаю, что когда останется этакъ, примѣрно, четверть солнца, со всѣхъ сторонъ сжатаго темными пятнами, однимъ громаднымъ пятномъ, то оно потухнетъ уже въ какой-нибудь годъ... два... И я принялся за вычисленія, я дѣлалъ сплавы, однородные химически солнцу... и, знаете, милый докторъ, что я получилъ?

— А?—странно отозвался докторъ.

— Да то, что земля погибнетъ отъ холода... при холодѣ какая ужъ красота!.. Не скоро, очень не скоро, приблизительно такъ черезъ пять, шесть тысячъ лѣтъ...

— Что-о?—вскинулся докторъ.

— Черезъ пять-шесть, не больше.

Докторъ молчалъ.

— И когда я это узналъ, тутъ-то я и началъ всѣмъ разсказывать и хохотать...

— Хохотать?—спросилъ докторъ.

— Ну, да... веселиться вообще.

— Веселиться?

— Радоваться даже... А! думаю...

— А-хи-хи-хи!.. А-хи-хи-хи!—вдругъ прыснулъ докторъ: — хи-хи-хи!..

Сумасшедшій недовѣрчиво замолчалъ, но докторъ уже не обращалъ на него никакого вниманія, онъ захлебывался, присѣдалъ, плевалъ и сморкался, очки у него спали, фалдочки чернаго сюртука тряслись, какъ въ лихорадкѣ, а лицо все сморщилось, точь-въ-точь, какъ резиновый «умирающій чортъ».

— Черезъ... пять тысячъ... лѣтъ?.. Хи-хи-хи!.. Это... прекрасно..- это о-очень хо...рошо... А-хи-хи-хи!.. Такъ, такъ... это мило!.. А-хи-хи-хи!..

Сумасшедшій, глядя на него, тоже началъ смѣяться, сначала тихо, а потомъ все громче и громче...

И такъ они стояли другъ противъ друга, трясясь отъ злобно-радостнаго смѣха, пока на нихъ обоихъ не надѣли смирительныхъ рубашекъ.

М. Арцыбашевъ.

ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА.

(*Окончаніе* *).

IV.

«Человѣкъ вырождается», культура падаетъ и нѣтъ недостатка въ основаніяхъ для этого—вотъ результатъ наблюденій Нитше надъ современной культурой. «Скорбное и страшное зрѣлище открылось предо мною, говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи, — я отдернулъ завѣсу, за которой скрывалась *испорченность* человѣка». Слово «испорченность» не заключаетъ въ себѣ обвиненія въ безнравственности, оно употребляется у Нитше въ болѣе общемъ, болѣе широкомъ смыслѣ. Это прежде всего общая испорченность человѣка—испорченность мысли, испорченность воли и чувствъ. «Я называю, говоритъ онъ, животное, породу, индивидуумъ испорченными, когда они утрачиваютъ инстинктъ, когда они выбираютъ, предпочитаютъ то, что имъ вредно». Но что же способствуетъ подобной испорченности, подобному культурному упадку, что мѣшаетъ человѣку перейти отъ ложной къ истинной культурѣ, къ иной болѣе высокой, болѣе цѣнной жизни? Главной причиной упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ препятствіемъ на пути къ истинной культурѣ, по мнѣнію Нитше, служатъ моральныя цѣнности человѣка и его вѣрованія—мораль и религія, въ особенности первая. «Я иду среди этихъ людей и дивлюсь: они измельчали и все еще мельчаютъ — *и приводитъ ихъ къ этому ихъ ученіе о счастьи и добродѣтели*». Изъ этихъ словъ Нитше, какъ и изъ всей его философіи, ясно видно, что не мораль сама по себѣ интересовала его, а «измельчаніе» и «испорченность» человѣка, что не моральныя формы сознанія вообще заставили Нитше взяться за разрѣшеніе культурной проблемы, а ихъ «убійство» всякаго живого духа культуры; поэтому съ моралью онъ считается лишь постольку, поскольку она отражается на общемъ характерѣ культуры, поскольку она ведетъ къ «измельчанію типа человѣка», поскольку она играетъ роль въ его духовной «испорченности». «Я вижу испорченность, гово-

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь, 1903 г.

ритъ Нитше, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ видѣли добродѣтель и идеалы. Я понимаю испорченность въ смыслѣ decadence, я утверждаю, что всѣ цѣнности, на которыхъ человѣчество сосредоточило въ настоящее время свои высшія цѣли, суть цѣнности упадка».

У каждой культуры, у каждой эпохи есть своя «скрижаль цѣнностей», располагающая эти цѣнности въ извѣстномъ порядкѣ и ставящая одну изъ нихъ выше другой. Въ наше время, въ періодъ «культуры торговаго вѣка», эта скрижаль цѣнностей является насквозь пропитанной мѣщанскимъ, торгашескимъ духомъ. Въ ней іерархія цѣнностей, ихъ расположеніе и взаимоотношеніе при помощи вѣсовъ и аршина доведены до совершенства, до той точности, какая соблюдается купцомъ при раскладкѣ цѣнъ на товары. Эта скрижаль составлялась вѣками—всѣ вѣка и всѣ народы слились въ ней въ безпорядкѣ, всѣ обычаи и вѣрованія говорятъ въ ней, но ея характерной чертой, придающей единство, служитъ «духъ времени». Этотъ «духъ времени» утверждаетъ и санкціонируетъ все, что вполнѣ гармонируетъ съ нимъ, и отрицаетъ все то, что противорѣчитъ ему. Первое получаетъ названіе истины и добра, второе—лжи, заблужденій и зла. Если какая-либо теорія или ученіе могутъ оправдать то ложное и беззаконное положеніе, въ которомъ находится господствующая часть общества, то эта теорія или это ученіе, несмотря на ихъ несостоятельность и ложь, записываются на скрижали истинъ и дѣлаются вѣрою всего человѣчества.

Но этого мало,—помимо признанія за этой скрижалью истины, «духъ времени» приписываетъ ей еще высшее, сверхчеловѣческое происхожденіе, утверждаетъ ея святость и неприкосновенность. Преклоненіе предъ скрижалью цѣнностей возводится въ культъ и свято чтится. И горе тому, кто не поклоняется этой скрижали, кто ищетъ истины не въ ней, а внѣ ея. Этотъ «свободный умъ, врагъ цѣпей, ненавистенъ народу, какъ волкъ собакамъ». Свободный умъ живетъ «для познанія», онъ чуждъ предразсудковъ толпы, онъ не покланяется ея кумирамъ. «Свободное, безстрашное пренебреженіе людьми, обычаями, законами, общепринятой оцѣнкой вещей—радость познающаго». Для него вѣра въ истину начинается съ сомнѣнія во всѣхъ «истинахъ», которымъ до сихъ поръ вѣрили, передъ которыми до сихъ поръ преклонялись. И рано или поздно такой свободный умъ придетъ къ отрицанію этихъ истинъ, къ отрицанію самого себя, — «онъ захочетъ своей погибели», онъ захочетъ, «чтобъ нѣкогда жилъ сверхчеловѣкъ».

Какъ свободный умъ, Нитше начинаетъ съ сомнѣнія во всѣхъ тысячелѣтнихъ цѣнностяхъ. «Я предпринялъ, говоритъ онъ, нѣчто такое, чего не каждый могъ сдѣлать, — я спустился въ глубину, я началъ рыть почву, изслѣдуя ту старую вѣру, на которой мы, философы, возводили зданія уже нѣсколько тысячелѣтій, возводили все снова и снова, несмотря на то, что всѣ эти зданія рушились: я началъ изслѣ-

довать нашу вѣру въ мораль». Глядя на общепризнанныя цѣнности, Нитше безстрашно спрашиваетъ: «почему это истина, а не заблужденіе, почему добро, а не зло?» Кто хочетъ быть созидающимъ въ добрѣ и злѣ, тотъ сначала долженъ быть разрушителемъ, разбивающимъ цѣнности. Подвергнувъ эти цѣнности критическому анализу, Нитше отказывается видѣть въ нихъ что-либо сверхчеловѣческое, наоборотъ, по его мнѣнію, въ понятіяхъ «добро» и «зло» кроется много «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго». Чтобъ быть свободнымъ въ своихъ моральныхъ сужденіяхъ, нужно стать внѣ историческихъ формъ нравственности, внѣ «добра» и «зла». «Чтобъ увидать, какъ высоко подымаются башни въ городѣ, нужно выйти изъ города».

Мораль, какъ ее до сихъ поръ понимали, служила причиной того, что все, что поднималось надъ уровнемъ современности, что было оригинальнымъ и новымъ, терпѣло преслѣдованіе и осуждалось какъ злое и вредное. «Уже одна высокая независимая духовность, стремленіе къ независимости, великій разумъ, ощущаются какъ опасность; все, что отдѣльную личность возвышаетъ надъ стадомъ и внушаетъ ближнему страхъ, называется съ этого времени зломъ; дешевый, скромный, приспособляющійся, уравнивающій образъ мыслей, посредственность желаній достигаетъ моральныхъ названій и почестей». Господство этой жалкой, «рабской» морали характерно для нашей культуры. Эта мораль есть лишь маска, подъ которой скрывается лицемѣріе и ложь, хитрость и ханжество, и потому она очень хорошо гармонируетъ съ общей психологіей людей «торговаго вѣка».

Основа, цѣль и смыслъ нравственной жизни, учитъ мораль, есть добродѣтель. Но что же такое добродѣтель, добродѣтельный человѣкъ?.. «За добродѣтель они почитаютъ все,—говоритъ Нитше, что дѣлаетъ умѣреннымъ и ручнымъ: такъ сдѣлали они изъ волка собаку и даже человѣка превратили въ лучшее домашнее животное человѣка». Среди добродѣтельныхъ встрѣчаются люди, «называющіе добродѣтелью гніеніе пороковъ своихъ». «Есть и такіе, что подобны часамъ съ ежедневнымъ заводомъ; они дѣлаютъ свой тикъ-такъ и хотятъ, чтобы ихъ тикъ-такъ называлось добродѣтелью. Другіе гордятся горстью справедливости и во имя ея клевещутъ на все: такъ что міръ тонетъ въ несправедливости ихъ. Своею добродѣтелью они хотятъ выцарапать глаза врагамъ своимъ; и возносятся они только для того, чтобы унизить другихъ. Но опять есть и такіе, что сидятъ въ своемъ поросшемъ тростникомъ болотѣ и говорятъ оттуда: «добродѣтель—это значитъ смирно сидѣть въ болотѣ. Мы никого не кусаемъ и избѣгаемъ тѣхъ, кто хочетъ укусить; и во всемъ мы придерживаемся мнѣнія, навязаннаго намъ». Опять-таки есть и такіе, что любятъ жесты и думаютъ, что добродѣтель — это родъ жестовъ. Они стоятъ всегда на колѣняхъ, а руки ихъ сложены для хвалы добродѣтели, но ихъ сердце ничего не знаетъ о ней. Но есть и такіе, что считаютъ за

*

добродѣтель сказать: «добродѣтель необходима», но въ душѣ вѣрятъ только въ необходимость полиціи». Такимъ образомъ, почти всѣ люди такъ или иначе увѣрены, что они участвуютъ въ добродѣтели, но это участіе само по себѣ мало привлекаетъ ихъ,—они хотятъ награды за это участіе, какъ плату за трудъ, какъ деньги за товаръ. «Вы хотите еще вознагражденія, вы добродѣтельные? Вы хотите платы за добродѣтель и небо за землю и вѣчность за ваше сегодня»?..

Современная мораль есть мораль альтруизма, мораль состраданія. Объявляя святымъ «ты», а не «я», эта мораль ведетъ къ «измельчанію типа человѣка», къ уничтоженію въ немъ силы и индивидуальности. Нитше ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ первый сталъ предостерегать отъ морали состраданія. Состраданіе, учитъ онъ, есть безсиліе духа, самопрезрѣніе, жестокость по отношенію къ себѣ. Состраданіе отрицаетъ жизнь, оно культивируетъ все слабое, все жалкое, все обреченное на гибель. Состраданіе культивируетъ презрѣніе къ личности, ибо оказывая состраданіе другому, мы тѣмъ самымъ унижаемъ, презираемъ его, проектируя на фонѣ слабости свою собственную силу, свое собственное превосходство. Поддерживая слабыхъ и вырождающихся, мораль состраданія тѣмъ самымъ убиваетъ человѣчество, убиваетъ жизнь.

Въ результатѣ этой морали появляется типъ средняго человѣка, идеаломъ котораго служитъ умѣренность и жалкое довольство. Эти люди умѣрены во всѣмъ, какъ въ своемъ добрѣ, такъ и въ грѣхахъ своихъ. «Вы становитесь все меньше, маленькіе люди! Вы крошитесь, любящіе довольство! Вы погибнете еще изъ-за множества маленькихъ добродѣтелей вашихъ, изъ-за маленькихъ грѣшковъ вашихъ, изъ-за постояннаго маленькаго смиренія вашего». «Но ваши грѣхи, ваша умѣренность вопіетъ къ небу, ничтожество грѣховъ вашихъ вопіетъ къ небу!» «Тому, кто одержимъ демономъ, я говорю на ухо: еще лучше, чтобъ демонъ твой былъ великъ. Даже для тебя существуетъ еще путь величія!» Но современный человѣкъ боится крайностей вообще, а «демоновъ», да еще великихъ, въ особенности. Это, однако, не мѣшаетъ ему, прикрывшись маской благочестія и нравственности, вступать въ сношенія съ нимъ—«маленькія» опасности пріятно щекочутъ его тугоподвижную нервную систему, — и онъ, робко озираясь и мысленно крестясь, старается извлечь какъ можно больше выгоды и пользы изъ этого знакомства. Подобныя отношенія къ «демону» тоже очень характерны для «культуры торговаго вѣка». Герценъ очень мѣтко заклеймилъ эти отношенія однимъ общимъ словомъ «развратъ». «Развратъ,—говоритъ онъ,—проникъ всюду—въ семью, въ законодательный корпусъ, въ литературу, прессу. Онъ настолько обыкновененъ, что его никто не замѣчаетъ, да и замѣчать не хочетъ. И это развратъ не широкій, не рыцарскій, а мелкій, бездушный, скаредный. Это развратъ торгаша».

Эти «маленькіе люди», исповѣдующіе религію умѣренности, наживы и наслажденія, составили себѣ идеалъ «маленькаго счастья» и неустанно стремятся къ нему. Ихъ счастье—«жирное счастье спокойной совѣсти»—непремѣнно должно заключать въ себѣ покой и довольство. «Мы хотимъ, чтобы когда-нибудь нечего было бояться», говорятъ эти люди. Главное, что ихъ пугаетъ, это—страданія; они хотятъ тихаго, ровнаго, спокойнаго счастья, не прерываемаго никакими страданіями.

«Вы хотите,—говоритъ Нитше,—насколько возможно, устранить страданіе, уничтожить; а мы? Мы, кажется, хотимъ его сдѣлать еще большимъ и худшимъ. Благосостояніе, какъ вы его понимаете, — не цѣль, намъ оно представляется *концомъ*! Это такое состояніе, которое вскорѣ дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ, которое заставляетъ желать его гибели». Счастье въ томъ видѣ, въ какомъ желаетъ его человѣкъ, сдѣлало бы изъ него существо еще болѣе жалкое и ничтожное, оно превратило бы его жизнь въ однообразное и безсознательное существованіе животнаго, для котораго нѣтъ жизни какъ цѣлаго, а существуютъ лишь отдѣльные моменты, отдѣльныя, несвязанныя другъ съ другомъ мгновенія. «Обрати вниманіе на стадо,—говоритъ Нитше, которое идетъ мимо тебя: оно не знаетъ, что было вчера и что будетъ сегодня; оно прыгаетъ, ѣстъ, отдыхаетъ, перевариваетъ, опять прыгаетъ и такъ съ утра до вечера, день за днемъ, имѣя свои радости и неудовольствія, находясь въ зависимости отъ мгновенія и потому не имѣя ни горести, ни печали. Человѣку непріятно видѣть это, потому что онъ гордится предъ животнымъ своимъ человѣческимъ существомъ, но смотритъ на счастье животнаго завистливо, потому что онъ желаетъ одного—жить, подобно животному, безъ горя, безъ печали».

Это стремленіе человѣка къ счастью, какъ къ цѣли жизни, проникнувшее даже въ область философіи, въ лицѣ Нитше встрѣтило своего страшнаго врага. «Пессимизмъ, утилитаризмъ и эвдемонизмъ — всѣ эти образы мышленія, измѣряющіе цѣнность вещей по удовольствію и страданію, т.-е. только по послѣдствіямъ и побочнымъ обстоятельствамъ, не что иное, какъ виды скользящаго по поверхности мышленія и наивности, на которые всякій, сознающій въ себѣ образовательныя силы и художественную совѣсть, будетъ взирать не безъ насмѣшки и страданія...» «Человѣкъ, ставшій свободнымъ, попираетъ ногами то благополучіе, о которомъ мечтаютъ торгаши».

Смыслъ жизни не въ счастьѣ, не въ удовольствіи и наслажденіи, а въ «вѣчной, стоящей выше страховъ и жалостей радости бытія радости быть самимъ собою, той радости, которая заключаетъ въ себѣ и радость уничтоженія». Смыслъ жизни въ томъ, чтобы сдѣлать себя цѣльною личностью, чтобы имѣть въ виду только высшіе интересы своей личности — это ведетъ дальше, чѣмъ всѣ сердобольныя стремленія. «И пусть люди, сознающіе въ себѣ творческую силу, люди

высшаго типа, пусть они не дадутъ себя убѣдить въ томъ, что они должны жить и работать исключительно для ближняго», ибо «выше любви къ ближнему — любовь къ дальнему и будущему; выше любви къ человѣку — любовь къ дѣламъ и призракамъ».

Человѣкъ есть свободная личность, надъ нимъ нельзя продѣлывать разныхъ опытовъ съ цѣлью достиженія «идеала человѣка», «идеала счастья» или «идеала нравственности». Человѣкъ не есть продуктъ чьей-нибудь чужой воли, слѣдствіе чьихъ-либо намѣреній—онъ свободный духъ. Какъ таковой, онъ долженъ идти въ разрѣзъ со всѣми господствующими воззрѣніями, со всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ нашему времени. Но горе избравшему такой путь! Онъ не найдетъ себѣ спутниковъ, никто не поможетъ ему; онъ долженъ быть готовъ на все, что ни встрѣтится ему на пути—горе, ненастье, вражда. Едва онъ успѣетъ что-нибудь сдѣлать, едва онъ успѣетъ проявить свою личность, разбудить свое «я», какъ на него набрасываются со всѣхъ сторонъ «охранители нравственности». Какой нибудь жалкій брюзга, обращаясь къ нему, говоритъ: «Нѣтъ, человѣкъ долженъ быть другомъ!» «Этотъ несчастный брюзга даже знаетъ, какимъ именно долженъ быть человѣкъ. Онъ рисуетъ на стѣнѣ свое изображеніе и говоритъ:—ecce homo!»

Сила традицій и рутины такъ велика въ морали, что послѣдняя можетъ служить великолѣпной почвой для произрастанія какихъ угодно заблужденій. «Если говорятъ: «это полезно, а то вредно»—такое положеніе можно доказать его послѣдствіями, т.-е. его можно испытать и, смотря по результату, развить его дальше или отвергнуть. Но если, наоборотъ, говорятъ «это нравственно», то обыкновенно думаютъ, что этимъ сказано нѣчто такое, чего не надобно и нельзя доказывать посредствомъ послѣдствій. Поэтому-то все съ надписью «нравственно» такъ долго держится въ человѣчествѣ. Немудрено, что современная культура, и безъ того уже низкая, покоясь на подобныхъ заблужденіяхъ, идетъ къ еще большему упадку, къ еще болѣе полному вырожденію. Земля дѣлается все меньше и меньше, «по ней попрыгиваетъ послѣдній человѣкъ, дѣлающій все маленькимъ. Его племя неистребимо, какъ земляная блоха. Послѣдній человѣкъ живетъ всего дольше». Приближается время, когда уже нѣтъ генія, когда человѣкъ «не родитъ уже ни одной звѣзды», когда господиномъ жизни становится «человѣкъ-обезьяна».

Подражаніе, «обезьяничанье» составляетъ одно изъ самыхъ коренныхъ, проходящихъ черезъ весь человѣческій родъ, свойствъ человѣка. «Ни одно животное не настолько обезьяна, какъ человѣкъ». Вся его жизнь отъ начала до конца есть одно сплошное подражаніе. Имъ обусловлены всѣ его проявленія во внѣшнемъ мірѣ, имъ связанъ и внутренній міръ, даже такія явленія, какъ религія и нравственность. Я до сихъ поръ, говоритъ Нитше, не встрѣчалъ человѣка, который

стоялъ бы къ нравственности въ «личномъ отношеніи, который зналъ бы нравственность, какъ проблему, и чувствовалъ эту проблему, какъ *свою* личную нужду, мученіе, страсть и сладострастіе». Категорическимъ императивомъ нравственности служитъ не личное велѣніе, но безличный законъ: «одинъ, какъ всѣ, одинъ для всѣхъ». Пока человѣкъ не будетъ самостоятеленъ и независимъ въ своихъ проявленіяхъ, до тѣхъ поръ его культура будетъ бѣдна и убога, до тѣхъ поръ онъ будетъ носить на себѣ печать духовнаго рабства, духовной зависимости. И чѣмъ дальше, тѣмъ опаснѣе будетъ эта зависимость. Единственно, что можетъ спасти человѣчество, что можетъ удержать его отъ паденія въ эту глубокую пропасть, откуда нѣтъ возврата, это полный разрывъ съ «человѣкомъ-обезьяной», полный разрывъ съ «человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ». Человѣкъ будетъ спасенъ, когда онъ замѣнитъ современный канонъ на новый: «будь не такимъ, какъ всѣ остальные, и радуйся, если каждый будетъ не такимъ, какъ всѣ другіе». «Имѣть радость отъ чужой оригинальности, не дѣлаясь ея подражателемъ, будетъ, можетъ быть, нѣкогда признакомъ новой культуры». «Сознательно стремиться къ этой культурѣ, очищать себя путемъ преодолѣнія въ себѣ человѣка», созидать въ себѣ личность—вотъ истинный смыслъ жизни.

«Въ чемъ,—спрашиваетъ Заратустра,—то высокое, что можете вы пережить? Оно—часъ великаго презрѣнія къ себѣ. Таковъ именно часъ, когда ваше счастье становится для васъ отвратительнымъ, такъ же какъ вашъ разумъ и ваша добродѣтель. Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ мое счастье? оно—бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе. Мое счастье должно бы было оправдывать свое собственное существованіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ мой разумъ? Добивается ли онъ знанія, какъ левъ своей пищи? Онъ—бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя добродѣтель? Она еще не заставила меня безумствовать. Какъ усталъ я отъ моего добра и моего зла! Все это бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя справедливость? Я не вижу, чтобы я былъ пламенемъ и угленъ. А справедливый—это пламя и уголь!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя жалость? Развѣ жалость не крестъ, къ которому пригвождается каждый, кто любитъ людей? Но моя жалость не есть распятіе». Говорили ли вы уже такъ? Восклицали ли вы уже такъ? Ахъ, если бы я уже слышалъ васъ такъ восклицающими!»

Отказъ отъ «счастья», отказъ отъ «добродѣтели», преодолѣніе въ себѣ «человѣка» и «человѣческаго»—это начало великаго освобожденія, великаго созиданія. Очень многіе, основываясь на пущенномъ въ обиходъ самимъ Нитше словѣ «имморалистъ», видятъ въ этомъ освобожденіи отказъ отъ нравственности вообще, между тѣмъ у Нитше ничего подобнаго нѣтъ. Проповѣдуя духовное освобожденіе, онъ отри-

цаетъ лишь господствующую мораль долга и альтруизма, какъ мораль, наносящую явный вредъ культурѣ. Человѣкъ, по его мнѣнію, долженъ прежде всего отказаться отъ мысли, что господствующія моральныя сужденія основаны на истинѣ, такъ какъ то, что служитъ истиной для одного, представляется другому очень часто заблужденіемъ. «Когда я пришелъ къ людямъ, я нашелъ ихъ сидящими на старомъ предубѣжденіи: всѣ они вѣрили, что давно уже знаютъ, что для человѣка добро и что для него зло. Всякій споръ о добродѣтели казался имъ вещью старой и утомительной, и кто хотѣлъ спокойно спать, тотъ передъ отходомъ ко сну говорилъ еще о «добрѣ» и «злѣ». Эту сонливость встряхнулъ я, когда сталъ учить: никто не знаетъ еще, что добро и что зло, если самъ онъ не созидающій. Но кто создастъ цѣль человѣку и даетъ землѣ смыслъ ея и ея будущее: только онъ создаетъ впервые добро и зло всѣхъ вещей».

Отказываясь отъ морали долга, какъ вредной и «рабской» морали, Нитше отнюдь не дѣлаетъ отрицаніе долга абсолютнымъ. Отвергнувъ долгъ изъ «нравственности нравовъ», онъ ввелъ и утвердилъ его изъ свободнаго, автономнаго самоопредѣленія личности. Образъ сверхчеловѣка служитъ тому лучшимъ примѣромъ. И тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, какъ казалось бы на первый взглядъ. Нитше боролся не съ нравственностью самой по себѣ, но съ нравственностью какъ соціально-психологическимъ явленіемъ, отражающимся на общемъ характерѣ культуры, съ нравственностью какъ явленіемъ, содержащимъ въ себѣ одинъ критерій, одну мѣрку для всѣхъ; онъ боролся не съ долгомъ вообще, но съ долгомъ какъ явленіемъ, нарушающимъ автономность личности, дѣлающимъ ее зависимой въ своихъ духовныхъ проявленіяхъ. Наоборотъ, долгъ индивидуальный, какъ велѣніе своего личнаго «я», Нитше признавалъ безусловно. Какъ созидатель новыхъ цѣнностей, какъ провозвѣстникъ «цѣли человѣка» и «смысла земли», Нитше признаетъ и добро и зло, но только не то, которое создано современнымъ человѣкомъ, а новое, созданное во имя «высокой и чистой культуры». «Я не отрицаю,—говоритъ онъ,—что многихъ поступковъ, которые называются безнравственными, надобно избѣгать и надобно сдерживать ихъ. Я не отрицаю, что слѣдуетъ дѣлать и требовать, чтобы дѣлали многое изъ того, что называется нравственнымъ. *Но и то и другое должно стоять на иной почвѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ*».

Эта почва должна лежать не внѣ, а внутри насъ, этой почвой можетъ быть лишь наше внутреннее «я», лишь оно одно можетъ быть критеріемъ нашихъ нравственныхъ дѣйствій, ихъ оправданіемъ и смысломъ. На смѣну традиціонной, «стадной» морали, пропитанной рабствомъ и ложью, должна придти новая, проповѣдующая субъективность нравственныхъ нормъ, этическій индивидуализмъ. «Пусть ваше само отразится въ поступкахъ вашихъ, какъ мать въ ребенкѣ своемъ:

таково должно быть слово ваше о добродѣтели». «Пусть добродѣтель ваша будетъ вашей сущностью, а не чѣмъ-то постороннимъ, кожей, одеждой». Тогда человѣкъ перестанетъ быть маленькимъ и пошлымъ, тогда жизнь будетъ имѣть смыслъ и оправданіе, тогда наступитъ вѣкъ «чистой» культуры.

Таковы въ общихъ чертахъ у Нитше постановка и рѣшеніе моральнаго вопроса въ связи съ проблемой культуры. Отъ изложенія воззрѣній Нитше на религію, по причинамъ, внѣ меня лежащимъ, я долженъ отказаться. Въ общемъ они аналогичны его взглядомъ на мораль.

V.

Мораль въ томъ смыслѣ, какъ ее до сихъ поръ понимали, какъ формулируетъ ее Шопенгауеръ, мораль какъ отрицаніе воли жизни, представляетъ сама по себѣ инстинктъ періода упадка. Этотъ инстинктъ самъ обращаетъ себя въ императивъ: «умри!» Благодаря господству этой морали жизнь одряхлѣла, превратилась изъ сильнаго греческаго оргіазма въ жалкое существованіе утомленныхъ и измученныхъ «лишнихъ» людей, не видящихъ ничего радостнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Жизненная энергія человѣка изсякла и его единственнымъ стремленіемъ является желаніе погрузиться въ нирвану, въ небытіе. Характернымъ моментомъ въ духовной жизни человѣчества, соотвѣтствующимъ «духу времени», было появленіе философіи Шопенгауера съ ея моралью сострадания, съ ея буддизмомъ. На эту-то сторону шопенгауеровой философіи, главнымъ образомъ, и обрушивается Нитше, считая ее самымъ вреднымъ ядомъ, убивающимъ въ человѣкѣ все живое. «Есть проповѣдники смерти, говоритъ Нитцше; и земля полна людьми, которымъ нужна проповѣдь отвращенія къ жизни. Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмѣрнымъ множествомъ людей. О, еслибъ можно было «вѣчною жизнью» сманить ихъ изъ этой жизни!» «Они никогда не были еще людьми, эти ужасные: пусть же проповѣдуютъ они отвращеніе къ жизни и сами умираютъ. Вотъ они, эти чахоточныя души: едва родились они, какъ уже начинаютъ умирать и мечтаютъ объ ученіи, которое проповѣдывало бы усталость и отреченіе. Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить волю ихъ. Будемъ же остерегаться, чтобъ не воскресить этихъ мертвыхъ и не повредить эти живые гробы!»

Слабость чувства, скромность желаній, трусость мысли, отсутствіе воли къ жизни—все это признаки духовной нищеты, признаки упадка современной культуры, грозящіе человѣку окончательною гибелью. За что же слѣдуетъ ухватиться, чтобы спасти человѣка отъ его впаденія въ посредственность, въ ничтожество? «За новыхъ философовъ, отвѣчаетъ Нитше, за людей, настолько смѣлыхъ духомъ и самостоятель-

ныхъ, чтобъ дать начало противоположной нравственной оцѣнкѣ». Это нужно для того, чтобы внушить человѣку, что «будущность человѣчества въ его рукахъ, зависитъ отъ людской воли, чтобы приготовить смѣлые великіе опыты всеобщаго перевоспитанія и дрессировки, съ цѣлью положить этимъ конецъ тому ужасному господству безсмыслія и случайности, которое до сихъ поръ называлось исторіей».

Человѣкъ до сихъ поръ занимался только «исторіей» культуры, но онъ не ставилъ себѣ непосредственныхъ, творческихъ задачъ. Онъ подвергалъ изслѣдованію всѣ проявленія человѣческаго духа, вникалъ въ идеалы всѣхъ временъ и народовъ, стараясь въ нихъ открыть причины темныхъ сторонъ современной культуры, но онъ не пробовалъ «созидать» новой культуры и потому это былъ безполезный, напрасный трудъ. «Не въ *познаніи*,—говоритъ Нитше, а въ *созиданіи* лежитъ наше спасеніе». Отсюда логически для Нитше слѣдуетъ выводъ: полезно, нравственно, разумно и заслуживаетъ оправданія все, что способствуетъ «созиданію» новой «высокой и чистой культуры», и наоборотъ, неразумно, безнравственно, вредно, регрессивно и т. д. все то, что мѣшаетъ этой творческой работѣ, что убиваетъ «созиданіе». Все, что служитъ «мостомъ» къ новой культурѣ, находитъ въ лицѣ Нитше защитника, все отрицающее новую жизнь и новую культуру встрѣчаетъ въ немъ своего страшнаго врага. Всѣ оцѣнки Нитше, всѣ его сужденія основываются въ своемъ конечномъ счетѣ на подобномъ противопоставленіи двухъ культуръ—современной, буржуазной и новой, будущей, «высокой и чистой» и этого никогда не слѣдуетъ забывать при его изученіи.

Въ противоположность пессимизму съ его отрицаніемъ жизни, въ противоположность аскетизму съ его уменьшеніемъ и сведеніемъ потребностей къ minimum'у, Нитше проповѣдуетъ жизнерадостность и широкій размахъ живой души, такъ какъ «бодрыми, беззаботными, насмѣшливыми, сильными желаетъ видѣть насъ мудрость, она женщина и всегда любитъ только воина». Его идеалъ возможно болѣе сильная интенсивность жизни, возможно болѣе полный maximum энергизма духовной личности. «Ужъ если я живу, *я хочу*, чтобы жизнь и во мнѣ, и всюду кругомъ шла съ тою роскошью, съ тѣмъ изобиліемъ, съ той тропической силой, какія только мыслимы. И все, что краситъ жизнь, дѣлаетъ ее интенсивнѣе, увеличиваетъ ея цѣнность,—все это я признаю, всему этому я скажу свое *да*! Если мнѣ докажутъ, что заблужденія и иллюзіи могутъ содѣйствовать росту жизни, я признаю и заблужденія и иллюзіи. Если мнѣ докажутъ, что свойства, которыя современная мораль называетъ «дурными», какъ суровость, жестокость, хитрость, безразсудная отвага, задоръ и пр., могутъ повысить жизненную энергію человѣка, я имъ скажу *да*! Признаю и «зло» и «грѣхъ». Если мнѣ докажутъ, что страданіе въ дѣлѣ воспитанія человѣчества играетъ не менѣе важную роль, чѣмъ наслажденіе, я признаю стра-

даніе. И наоборотъ, по адресу всего, что понижаетъ жизнедѣятельность человѣка-растенія, я скажу *нѣтъ*,—все подобное я стану отрицать. Если я увижу, что истина, нравственность, «добро», словомъ, любая изъ цѣнностей, которыя подъ этими и имъ подобными наименованіями почитаются людьми и являются понынѣ общепризнанными, если я увижу, что онѣ вредны для жизни, я буду ихъ отрицать, буду отрицать и науку, и мораль». Мы привели эту большую цитату, во-первыхъ, потому, что здѣсь Нитше во весь свой ростъ, а во-вторыхъ, она какъ нельзя лучше подтверждаетъ правильность нашей основной точки зрѣнія на его философію.

«Нѣтъ ничего безобразнѣе вырождающагося человѣка», говоритъ Нитше и съ этой точки зрѣнія—точки зрѣнія культурнаго безобразія отрицаетъ все, что поддерживаетъ вырождающееся или способствуетъ вырожденію, онъ отрицаетъ «и науку и мораль». Въ основѣ современной ему философіи лежало ученіе, проповѣдующее идеалъ равенства человѣка предъ человѣкомъ. Въ этомъ ученіи Нитше увидѣлъ не только «убійцу» сверхъ-человѣка, но и «убійцу» жизни вообще и потому съ страшной силой напалъ на него. «Я не хочу, говоритъ онъ, чтобы меня отожествляли или смѣшивали съ этими проповѣдниками равенства. Ибо, по моему, справедливость гласитъ: люди не равны». Справедливость требуетъ отдавать равному равное и никогда не дѣлать неравнаго равнымъ.

«Идеалъ равенства» вмѣстѣ съ «идеаломъ счастья» окончательно убили бы жизнь, окончательно сдѣлали бы человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ; это состояніе было бы для него «концомъ», предѣломъ, за которымъ для него уже нѣтъ ничего и быть не можетъ. Жизнь имѣетъ смыслъ лишь при условіи движенія и совершенствованія, а для этого ей необходима борьба, необходимо столкновеніе противорѣчій, необходимо неравенство. «Пусть по тысячѣ мостовъ и тропинокъ стремятся они къ будущему; и все больше должны расти между ними вражда и неравенство: такъ заставляетъ меня говорить великая любовь!» Такъ заставляетъ говорить Нитше его великая любовь къ сверхчеловѣку, любовь къ дальнему и къ вѣчности. «Жизнь хочетъ строиться вверхъ при помощи столбовъ и ступеней: въ необозримую даль хочетъ глядѣть она и на блаженную красоту, — и потому ей нужна высота! И такъ какъ ей нужна высота, то ей нужны и ступени, и противорѣчіе ступеней и поднимающихся по нимъ! Подниматься хочетъ жизнь и, поднимаясь, преодолѣвать себя».

Въ противоположность мыслителямъ, пытающимся устроить, какъ можно лучше, современную, настоящую жизнь человѣчества, въ противоположность умамъ, направленнымъ на заботы о сегодняшнемъ днѣ и о завтрашнемъ, взоръ Нитше направленъ на «дальнее», на «вѣчность». Для первыхъ самое главное—это счастье современнаго человѣчества, современнаго человѣка и они мечтаютъ о немъ, какъ о «суб

ботѣ субботъ»; они знаютъ лишь свое настоящее и «ближайшее», они знаютъ лишь свое «сегодня» и «завтра», — «дальняго» и «вѣчности» для нихъ не существуетъ. Нитше же, наоборотъ, живетъ «дальнимъ» и «вѣчностью» и имъ онъ приноситъ въ жертву настоящее и ближайшее человѣка, его «сегодня» и «завтра». «На немногое, на будущее, на дальнее направлена мысль моя и желаніе мое: что мнѣ до вашей маленькой нищеты, обыкновенной и короткой».

Самые «заботливые» изъ современныхъ людей «неустанно вопрошаютъ: какъ лучше, дольше и пріятнѣе сохраниться человѣку? И поэтому они господа на сегодня. Этихъ господъ на сегодня побѣдите мнѣ, о, братья мои, — этихъ маленькихъ людей: это они величайшая опасность для сверхчеловѣка! Побѣдите мнѣ, о, высшіе люди, маленькія добродѣтели, маленькое благоразуміе, осторожность съ песчинку, кишѣнье муравьевъ, жалкое самодовольство, «счастье большинства»! Нитше интересуетъ не вопросъ «заботливыхъ» людей, какъ сохраниться человѣку, но противоположный ему,—какъ побѣдить, преодолѣть человѣка; его мучитъ вопросъ, что нужно человѣку будущаго, творцу новой культуры, что нужно развивать и поддерживать въ человѣкѣ, чтобы ускорить крушеніе современной культуры и приблизить созиданіе новой. «Проблема, которую я ставлю, говоритъ Нитше въ въ «Антихристіанинѣ», состоитъ въ томъ, какой типъ человѣка слѣдуетъ культивировать, слѣдуетъ желать, какъ наиболѣе цѣнный, наиболѣе достойный любви и наиболѣе вѣрный для будущаго». Отсюда возникаетъ великая педагогическая задача, состоящая въ томъ, чтобы подготовить въ современномъ человѣкѣ почву для новой культуры.

Борецъ съ своимъ вѣкомъ, съ его основными теченіями и великій воспитатель—это самое высокое, самое цѣнное, что было въ Нитше. Обновленіемъ человѣка или, выражаясь его языкомъ, преодолѣніемъ въ себѣ человѣка, онъ проповѣдывалъ какъ бы вторичное рожденіе, являющееся на смѣну прежней жизни. «Мое ученіе говоритъ: жить такъ, чтобы ты пожелалъ опять жить—это задача твоя и ты долженъ ее разрѣшить. Кому стремленіе даетъ высшее счастье, тотъ пусть стремится; кому покой является высшей отрадой, тотъ пусть отдыхаетъ; для кого порядокъ, покорность и послушаніе есть его высшее, тотъ пусть покоряется. Пусть только онъ навѣрное знаетъ, что его высшее, что его лучшее. И тогда не страшиться ничего! Отъ этого зависитъ вѣчность!» Человѣкъ долженъ возвратить себѣ свое «я», которое отняла у него «культура торговаго вѣка»,—иначе онъ никогда не воскреснетъ къ «новой» жизни.

Всѣ великія культуры создавались сильными личностями, напрягавшими свои силы въ борьбѣ за эту культуру до ихъ крайнихъ предѣловъ. Современная жизнь представляетъ отсутствіе этого типа людей; жизнь полна калѣками, страдающими параличомъ воли, разслабленностью чувства. «Суровыя времена, сильныя культуры видѣли въ

состраданіи, въ «любви къ ближнему», въ недостаткѣ развитія своего «я» и эгоизма что-то достойное презрѣнія. Эпохи оцѣниваются ихъ положительными силами и въ этомъ отношеніи расточительная и чреватая событіями эпоха возрожденія была послѣднею великою эпохой; а мы, современные люди, съ нашей трусливой заботливостью о себѣ, съ нашей любовью къ ближнему, съ нашими добродѣтелями трудолюбія, скромности, справедливости, учености, мы — накапливающіе, экономные, подобные машинамъ—мы живемъ въ *слабую* эпоху». Поэтому для созиданія новой культуры необходимо, чтобы человѣкъ закалилъ свою волю, чтобы требованіе быть сильнымъ стало его «необходимостью». «Жизнь есть сила, жизнь есть воля къ власти» («Leben ist Gewalt, Leben ist Wille zur Macht»), формулируетъ Нитцше. Жизнь есть борьба за силу и власть и потому въ ней нужно отбросить всякое полужеланіе и стать рѣшительными въ своихъ требованіяхъ. «Это дается, — такъ учитъ смиреніе. Но я говорю всѣмъ вамъ, любящимъ довольство: это берется». Отреченіе отъ борьбы равносильно отреченію отъ всего великаго въ жизни, отъ самой жизни. Борьба ставитъ предъ человѣкомъ извѣстную цѣль и тѣмъ самымъ придаетъ смыслъ его жизни, борьба создаетъ въ человѣкѣ героя и тѣмъ самымъ возвышаетъ его и дѣлаетъ свободнымъ. «Свободный человѣкъ, говоритъ Нитше, это — борецъ. Что служитъ мѣриломъ свободы отдѣльныхъ лицъ и народовъ? Тѣ препятствія, которыя необходимо преодолѣть, и тѣ усилія, которыя нужно затратить, чтобы удержаться на высотѣ. Высшій типъ свободныхъ людей слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ постоянно приходится преодолѣвать величайшія препятствія, — въ пяти шагахъ отъ тиранніи и на самомъ порогѣ рабства. Народы, имѣвшіе значеніе и имѣющіе значеніе, обязаны этимъ не либеральнымъ учрежденіямъ. Изъ нихъ вышло нѣчто, благодаря угрожавшей имъ величайшей опасности». «Своего врага должны вы искать, свою войну должны вы вести, войну за свои мысли! И если мысль ваша будетъ побѣждена, все-таки честность ваша должна праздновать побѣду свою! Вы должны любить миръ, какъ средство для новой войны. И при томъ короткій миръ больше, чѣмъ продолжительный. Я зову васъ не на работу, но въ бой. Я зову васъ не на миръ, но къ побѣдѣ. Да будетъ трудъ вашъ борьбой и миръ вашъ побѣдой!»

Важнѣе всего борьба съ самимъ собою, борьба во имя высшихъ идеаловъ. Она должна идти въ безконечность по пути вѣчнаго совершенствованія. Достигнувъ одного идеала, человѣкъ долженъ стремиться къ другому, такъ какъ, достигнувъ перваго, онъ тѣмъ самымъ сталъ выше его. Это вѣчное стремленіе къ индивидуальному совершенствованію, придающее жизни смыслъ и красоту, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ всего человѣчества. Въ этомъ пунктѣ Нитше сбивается съ философскихъ понятій на біологическія, по которымъ стремленіе къ совершенствованію, къ болѣе высокому развитію состав-

ляетъ основную черту всего органическаго міра—тутъ сказался XIX в. съ его натуралистическимъ міровоззрѣніемъ.

Совершенствованіе культуры можетъ быть достигнуто лишь совершенствованіемъ человѣка, воспитаніемъ личности. Для этой высшей культуры современный человѣкъ важенъ лишь постольку, поскольку онъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ для человѣка будущаго, для сверхчеловѣка, какъ его называетъ Нитше. Человѣкъ—это канатъ, натянутый надъ пропастью между животнымъ и сверхчеловѣкомъ. «Опасно прохожденіе, опасенъ путь, опасенъ взоръ, обращенный назадъ, опасны страхъ и остановка. Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль; въ человѣкѣ можно любить только то, что онъ переходъ и уничтоженіе». Современный человѣкъ—это воплощеніе суетности и наивной вѣры въ существующій міръ при полномъ забвеніи всѣхъ другихъ; онъ знаетъ лишь свое «сегодня», свое «ближайшее», поэтому его пониманіе, его вѣра и любовь и не идутъ дальше настоящаго. Свободный человѣкъ, человѣкъ будущаго, въ противоположность ему, будетъ обладать вѣчной душой, вѣчной будущностью, ибо онъ любитъ вѣчность и стремится къ ней; поэтому его любовь къ «дѣламъ и призракамъ» и отольется въ форму «любви къ дальнему». Люди будущаго, эти основатели «новой истинной культуры» образуютъ собою «новую аристократію духа»; изъ нихъ составится та «партія, которая возьметъ въ свои руки величайшую изъ всѣхъ задачъ — восходящее формулированіе человѣческой личности». «Тогда наступитъ вѣкъ архитектуры, когда будутъ строить, разсчитывая на вѣчность».

VI.

Главная часть философіи Нитше—это отрицаніе «человѣка и человѣческаго», борьба съ «культурой торговаго вѣка»,—и мы особенно дорожимъ ею,—но имъ намѣчены были и положительныя черты новой, болѣе высокой, болѣе жизненной культуры. Нитше не только раскрылъ суть «человѣка и человѣческаго», но и указалъ новый путь высшаго развитія и совершенствованія человѣка—путь интеллектуально-моральнаго индивидуализма. Если существованіе человѣка до сихъ поръ не имѣло цѣли и смысла, если человѣкъ не оправдывалъ жизни, то нужно создать изъ него высшее существо, создать сверхчеловѣка. Въ главѣ о трехъ превращеніяхъ человѣческаго духа Нитше символически указываетъ на то, что человѣкъ изъ верблюда долженъ сдѣлаться львомъ, чтобы затѣмъ превратиться въ ребенка. Идею льва онъ развилъ подробно, но смыслъ и сущность человѣка-ребенка, къ сожалѣнію, намѣтилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. «Что можетъ сдѣлать ребенокъ,—спрашиваетъ онъ,—чего не могъ бы левъ? Къ чему хищный левъ долженъ стать еще ребенкомъ? Дитя—это *невинность* и забвеніе, новое начинаніе, произвольно катящееся колесо, первое движеніе, святое утвержденіе. Да, для созидательной дѣятельности, братья мои, тре-

буется святое утвержденіе: *своей* воли желаетъ теперь человѣческій духъ, *свой* міръ завоевываетъ себѣ потерявшій его».

Современный человѣкъ погрязъ въ тинѣ житейской пошлости и грязи, его жизнь носитъ по преимуществу животный, зоологическій характеръ и потому культура его выглядитъ еще болѣе жалкой и ничтожной. «Посмотрите на этихъ людей,—говоритъ Ничтше,—ихъ глаза говорятъ, что они не знаютъ ничего лучшаго на землѣ, какъ лежать съ женщиной. Грязь лежитъ на днѣ души ихъ; и горе имъ, если у грязи ихъ есть еще духъ! О, еслибъ вы совершенны были, по крайней мѣрѣ, какъ звѣри! Но звѣрямъ принадлежитъ невинность!» Ребенокъ въ человѣкѣ есть символъ того великаго духовнаго освобожденія, того возстановленія *невинности бытія*, которое долженъ совершить человѣкъ, возрождаясь къ новой жизни. Сверхчеловѣкъ—этотъ человѣкъ будущаго—и будетъ обладать душевной чистотой ребенка, которая является необходимымъ условіемъ «высокой и чистой культуры». Онъ примирится съ природой, съ которой такъ долго враждовалъ, снова сдѣлается ея частью, снова заживетъ общею съ ней жизнью. Съ этого момента онъ уже не художникъ,—онъ самъ дѣлается великимъ и дивнымъ произведеніемъ искусства природы. Онъ достигъ полноты жизни и въ томъ его высшая духовная красота. Въ противоположность современнымъ «маленькимъ людямъ», душой сверхчеловѣка будетъ могучая жизнь и самъ онъ будетъ неудержимъ, какъ буря, и глубокъ и полонъ содержанія, какъ океанъ. Въ этомъ стихійномъ объемѣ соединится все, что у современнаго человѣка является частичнымъ, отрывочнымъ, что дѣлаетъ его посредственнымъ и ничтожнымъ.

Сверхчеловѣкъ прежде всего—*свободный* умъ. Онъ идетъ своей дорогой, которая лежитъ въ сторонѣ отъ «базаровъ и славы», которая нигдѣ не соприкасается съ дорогою «всѣхъ», дорогой «толпы». Онъ знаетъ лишь свое дѣло, свои обязанности, которыхъ онъ никогда не сдѣлаетъ дѣломъ и обязанностями всѣхъ и каждаго. Его любовь къ «дѣламъ и призракамъ» безгранична—ради нихъ онъ готовъ на все, готовъ принести имъ въ жертву даже самого себя. Онъ живетъ не сегодняшнимъ днемъ и не завтрашнимъ, онъ весь въ будущемъ, въ «дальнемъ», онъ творитъ, «разсчитывая на вѣчность», ибо только отъ нея пріятно ему «имѣть дѣтей». Сверхчеловѣкъ полонъ творческихъ силъ и энергіи, онъ обладаетъ крѣпкою волею, и потому культура его превосходитъ все ранѣе существовавшее—она поражаетъ своимъ величіемъ, глубиною и красотой. Сверхчеловѣкъ ищетъ и находитъ въ самомъ себѣ цѣль, смыслъ и задачу жизни, и это значитъ для него быть идеалистомъ и имѣть религію.

Отвергая демократизмъ, какъ стремленіе достичь благополучія преходящаго индивидуума, какъ попытку «маленькихъ людей», не обладающихъ ни вѣчной душой, ни жаждой вѣчной будущности, завоевать себѣ мимолетное, «маленькое» счастье, Нитше въ ученіи о сверх-

человѣкѣ противополагаетъ ему культъ великихъ личностей, которыя однѣ составляютъ всю цѣнность жизни, весь ея смыслъ. Этой точки зрѣнія придерживались очень многіе мыслители, напр., Карлейль, Ренанъ, въ наше время Брандесъ и др. Послѣдній въ одной лекціи, читанной въ высшей русской школѣ въ Парижѣ, между прочимъ, говоритъ: «Что касается счастія массъ, то думаю, главное заключается здѣсь не въ томъ, чтобы всѣ обладали нѣкоторыми познаніями по физіологіи, а въ томъ, чтобы одинъ Пастеръ имѣлъ возможность развивать свои геніальныя способности, прилагая ихъ къ соотвѣтствующей наукѣ и дѣлая свои великія открытія, посредствомъ которыхъ уже удалось спасти тысячи людей. Неужели кто-нибудь станетъ опровергать, что и по отношенію къ благу массъ одно открытіе Пастера дороже обученія грамотѣ тысячи посредственностей».

Противъ этихъ «посредственностей» и протестовалъ Нитше своимъ сверхчеловѣкомъ—образомъ, о который должны разбиться всѣ человѣческіе образы. «Красота увлекаетъ меня прочь отъ васъ, прочь отъ всего, что любите, чему поклоняетесь вы. И я бросаю якорь въ открытомъ морѣ и говорю: здѣсь долженъ нѣкогда возникнуть островъ сверхчеловѣка!» Сверхчеловѣкъ—первенецъ и прообразъ будущей культуры. Когда человѣчество пойметъ суть сверхчеловѣка, его «честный, дѣятельный и правдивый характеръ», тогда оно пойметъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что культура не есть украшеніе жизни, «декоративная ея часть», а нѣчто иное. Предъ нимъ тогда встанетъ «идея культуры, какъ новой, улучшенной природы, безъ внутренняго и наружнаго, безъ притворнаго и условнаго, идея культуры, какъ нѣкотораго единогласія между «жить», «думать», «казаться» и «желать». Когда человѣчество пойметъ эту идею, Заратустра получитъ возможность воскликнуть: «Это *мое* утро, брежжетъ мой день; вставай же, вставай великій полдень»!

Мы изложили въ краткихъ чертахъ философію Нитше въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представляется.

Философія Нитше еще не достигла зенита своего восхожденія, вершины своей славы и потому еще не время подводить окончательные итоги ея жизни. Она еще въ будущемъ, пока лишь появляются первые проблески зари, предвѣстницы утра и восхожденія солнца. Нитше самъ прекрасно сознавалъ это, когда говорилъ въ предисловіи къ «Antichrist'y»: «Мнѣ принадлежитъ не завтра, а послѣзавтра. Нѣкоторые родятся по смерти отцовъ». Его философія сыграетъ еще громадную роль—въ томъ или иномъ видѣ она будетъ положена въ основу созиданія новой культуры, въ основу освобожденія отъ духовнаго рабства.

Г. Маркеловъ.

АВГУСТА ДЕ-ВИТТЪ.

I.

Ненависть.

Переводъ съ голландскаго **А. Полторацкой-Вейнбергъ.**

Въ неподвижномъ, раскаленномъ добѣла, небѣ стоитъ полуденное солнце, обдавая огненнымъ жаромъ землю, воздухъ и море.

Перистыя кроны пальмъ на опушкѣ прибрежнаго лѣса не шелохнутся въ дрожащемъ отъ зноя воздухѣ. Между узорчатыми, черными, какъ чернила, пятнами тѣни у подножія тощихъ стволовъ ихъ просвѣчиваетъ золотистый песокъ.

Вдоль берега, у самой воды тянется переливающаяся разными огнями узкая полоса прибитыхъ волнами раковинъ, водорослей и труповъ морскихъ животныхъ. Море, тяжелое, неподвижное, точно расплавленный металлъ, ослѣпляетъ глазъ своимъ бѣлымъ блескомъ подъ ослѣпительно-бѣлымъ небомъ.

Лежащая на западѣ группа острововъ и отдаленныя извилины берега имѣютъ видъ туманныхъ облаковъ въ этомъ бѣломъ освѣщеніи, въ которомъ всѣ формы теряютъ свою опредѣленность. Ничто не шелохнется. Тишина мертвая. Жизнь точно замерла подъ палящими лучами тропическаго солнца.

У берега, въ жалкой тѣни пальмъ, присѣвъ на корточки, копошатся вокругъ трупа гигантскаго крокодила нѣсколько островитянъ. Запустивъ запачканныя по локоть въ крови руки въ брюшную полость чудовища, одинъ изъ темнокожихъ роется въ его внутренностяхъ, стараясь отыскать пулю, уложившую гиганта, и, найдя эту маленькую, гладенькую, смертоносную вещицу, тихонько и бережно прячетъ себѣ за поясъ,—это талисманъ, приносящій счастье въ бою...

Остальные возятся со шкурой, отдѣляя жилы отъ мяса, затѣмъ распяливаютъ ее на доску для просушки на солнцѣ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой группы, праздно сидитъ на корточкахъ еще одинъ туземецъ, съ краснымъ, заношеннымъ кускомъ матеріи вокругъ бедеръ; голова его прикрыта шляпой, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ и формой напоминающей большой грибъ. Лицо

у него широкое, плоское, съ выдающимися скулами и грубо очерченнымъ ртомъ. Мутные, каріе глаза устремлены на блестящую водную поверхность залива. Согнувшійся, неподвижный, съ полуопущенными вѣками, онъ напоминаетъ собою притаившагося хищнаго звѣря.

Голосъ изъ группы окликаетъ его:

— Эй, Міанъ, готово!

Человѣкъ медленно встаетъ и, не оглядываясь, ни слова не отвѣчая, идетъ по раскаленному песку къ опушкѣ лѣса, гдѣ въ тѣни нависшихъ широкихъ листьевъ банана, почти скрытая ими, стоитъ бамбуковая хижина.

Голландецъ, сидящій подъ навѣсомъ, покуривая трубку и положивъ возлѣ себя оружіе, встаетъ при его приближеніи:

— Ну что?

Яваецъ опускается на корточки и, точно эхо только что слышаннаго оклика, произноситъ:

— Готово!

Охотникъ вручаетъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ. Затѣмъ что-то въ родѣ улыбки мелькаетъ подъ его бѣлокурыми усами, и онъ спрашиваетъ:

— Это онъ, Міанъ?

— Нѣтъ, господинъ!—невозмутимо отвѣчаетъ островитянинъ.

Голландецъ пристально вглядывается въ лицо стоящаго передъ нимъ человѣка и спрашиваетъ недовѣрчиво:

— Ты все еще думаешь искать его?

— Да, господинъ!

— А опасность? Смертельная опасность?

Едва уловимая судорога пробѣгаетъ по лицу дикаря: подъ приподнятой верхней губой сверкаютъ на мигъ острые, крѣпкіе зубы.

— Онъ или я!—коротко говоритъ онъ, и его мутные глаза, какъ-то странно сверкнувъ, снова устремляются къ морю.

Съ тѣхъ поръ, какъ оба они начали помнить себя, они ненавидѣли другъ друга—Міанъ и Джалилъ.

Равные по мускульной силѣ, выносливости, хитрости, высокомѣрію и страстности, свойственной ихъ юному возрасту, съ одинаковыми стремленіями и потребностями, они выросли и возмужали другъ подлѣ друга на тѣсномъ пространствѣ между моремъ и лѣсомъ, которое невольно заставляло ихъ сталкиваться, и жили, питая неутомимую ненависть одинъ къ другому.

Когда они выплывали на своихъ узкихъ, съ высокими парусами челнокахъ въ море закинуть сѣти, они напрягали всѣ силы, чтобы обогнать одинъ другого, перерѣзать сопернику дорогу и первому добраться до намѣченнаго заранѣе мѣста, за песчаной отмелью.

Вытаскивая сѣти, они не умѣли оцѣнить улова, какъ только путемъ

сравненія съ уловомъ соперника, и оставался доволенъ только тотъ, чей уловъ былъ богаче.

Устанавливая на берегу бамбуковыя плетенки, имѣющія цѣлью задерживать занесенныхъ сюда приливомъ рыбъ, они съ ненавистью поглядывали другъ на друга сквозь эти прозрачныя плетенки, образовавшія своими извилинами настоящій лабиринтъ. Они подолгу подкарауливали моментъ, чтобы повредить другъ другу, испортить то, что съ такимъ трудомъ сдѣлано другимъ, для чего по цѣлымъ ночамъ сидѣли, притаившись между стволами пальмъ, или бродили по берегу.

Встрѣчаясь въ пыльномъ городѣ на рынкѣ съ корзинами рыбы, вынесенной на продажу, причемъ каждый изъ нихъ звонкимъ голосомъ выхвалялъ свой товаръ, они вступали въ состязаніе, все понижая цѣну: лучше потерпѣть денежный убытокъ, чѣмъ нравственное пораженіе! А вечеромъ, возвращаясь въ свою хижину на опушкѣ лѣса, каждый въ душѣ горевалъ, высчитывая понесенные убытки, но въ то же время испытывалъ злобную радость при мысли объ убыткѣ, причиненномъ врагу, и придумывалъ, какъ бы еще почувствительнѣе насолить ему въ слѣдующій разъ.

Міанъ былъ болѣе злой, болѣе грубый изъ нихъ двоихъ. Будучи еще ребенкомъ, онъ не разъ съ такой яростью нападалъ на поддразнивавшаго его Джалила, что тотъ ужъ и не думалъ давать сдачи, оглушенный стремительнымъ натискомъ. Иной разъ, встрѣчая Джалила на рынкѣ и слыша, какъ женщины, ехидно подсмѣиваясь, повторяютъ прозвище, придуманное для него Джалиломъ, Міанъ чувствовалъ, какъ кровь бросалась ему въ голову, и ножъ жегъ ему руки...

Но пустить его въ ходъ Міанъ не отваживался, онъ слышалъ, какъ Джалилъ хвастался, будто у него есть талисманъ, дѣлавшій его неуязвимымъ.

Однажды, прокрадываясь въ сумерки мимо хижины Джалила, гдѣ пылалъ костеръ изъ зеленыхъ вѣтвей, дымъ которыхъ отгоняетъ всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, Міанъ увидѣлъ своего врага сидящимъ на корточкахъ у костра съ сверкающимъ ножомъ на колѣнахъ, и подслушалъ его заклинаніе: «Молюсь тебѣ, Си Лембу Сакиланъ! Отклони руку врага моего въ ту минуту, когда онъ направилъ оружіе свое. Да не попадетъ въ цѣль ударъ его! Во имя Аллаха! Аминь!»

Послѣ этого Міанъ отправился къ жрецу, святому старцу, совершившему путешествіе въ Мекку и обладавшему даромъ находить похищенныя вещи, и заплатилъ ему много денегъ, чтобы тотъ научилъ его страшному заклинанію, которое умерщвляетъ людей на разстояніи вѣрнѣе, чѣмъ отравленная стрѣла, но, какъ нерѣдко случается, заклинаніе не подѣйствовало! Наконецъ, жрецъ объявилъ Міану, что духъ его слишкомъ грубъ и приверженъ къ землѣ, чтобы вмѣстить въ себѣ небесный даръ.

*

Съ тѣхъ поръ Міанъ смирился и затаилъ свою непримиримую вражду. Онъ отвертывался и, стиснувъ зубы, проходилъ мимо, когда видѣлъ Джалила, сидящимъ въ кругу внимательно слушавшихъ его односельчанъ, которымъ онъ объяснялъ свойства семи духовъ, обитающихъ въ человѣческомъ тѣлѣ, или задавалъ загадки, смыслъ которыхъ всегда былъ одинъ и тотъ же: разумъ и ученость больше значатъ, чѣмъ безсмысленное насиліе.

Міанъ не оглядывался, чтобы не видѣть насмѣшливыхъ улыбокъ, посылавшихся ему вслѣдъ.

Онъ бросался въ свой челнокъ и отважнѣе, чѣмъ когда-либо, уносился на немъ въ такія дебри отмелей и подводныхъ камней, куда никто не отваживался слѣдовать за нимъ.

Рыбаки цѣнили въ Джалилѣ ученость, а въ Міанѣ храбрость, еще больше раздувая ихъ вражду изъ желанія посмотрѣть, чѣмъ это кончится, когда оба дойдутъ до такого состоянія, что уже не въ состояніи будутъ сдерживать свою ненависть.

Родители этихъ двухъ дикарей, долго остававшіеся равнодушными къ ихъ все разраставшейся взаимной ненависти, стали, наконецъ, безпокоиться, опасаясь за жизнь сыновей, которые должны были кормить и беречь ихъ на старости лѣтъ.

Отецъ Джалила надумалъ обезопасить жизнь сына, соединивъ его брачными узами съ дѣвушкой изъ вліятельной семьи, и, дѣйствительно, скоро женилъ его на дочери начальника своего стана, толстой, небольшого роста дѣвушкѣ, которая до того была влюблена въ стройную фигуру и красивое лицо молодого рыбака, что не могла свести съ него глазъ и такъ и ходила за нимъ по пятамъ.

Тогда родители Міана также сочли нужнымъ женить своего сына, чтобы и онъ пользовался не меньшимъ уваженіемъ сосѣдей, чѣмъ Джалилъ, сдѣлавшійся главой семьи, да кромѣ того, они надѣялись, что имѣя жену, которая будетъ работать на него, смотрѣть за его имуществомъ и угождать ему, онъ охотнѣе будетъ сидѣть дома, гдѣ жизнь его была въ большей безопасности. И они выбрали ему въ жены дѣвушку изъ города, которая славилась своимъ искусствомъ въ рукодѣліяхъ и своими работами должна была принести въ домъ благосостояніе.

Когда Міанъ привелъ молодую жену въ свою хижину, мужчины и женщины собрались смотрѣть на нее, какъ на чудо.

Это было маленькое, тоненькое созданіе, со стройными, красивыми формами, мягкими движеніями и плавной походкой. Обрамленное блестящими, черными, цвѣта вороньяго крыла, волосами, ея матовое личико отливало цвѣтомъ, который явайскіе поэты сравниваютъ съ цвѣтомъ мѣстнаго золотистаго плода. Когда она изрѣдка медленно поднимала свои темныя рѣсницы, изъ-подъ нихъ сверкали глаза, точно два черныхъ брилліанта. Она казалась принцессой среди этихъ полу-

обнаженныхъ рыбачекъ, цо цѣлымъ днямъ работавшихъ подъ палящими лучами солнца, таскавшихъ на своихъ безобразно выгнутыхъ бедрахъ тяжелыя корзины, пропитанныхъ острымъ запахомъ рыбы, косматыхъ, загорѣвшихъ и огрубѣвшихъ.

Міанъ, казалось, былъ очень счастливъ.

Проходившіе мимо дверей его хижины слышали, какъ онъ смѣялся и шутилъ съ женой, называя ее ласкательными именами. Изъ прочнаго, твердаго дерева, которое онъ берегъ нѣсколько мѣсяцевъ, предназначая его на новый челнъ, онъ сдѣлалъ большой сундукъ, куда она спрятала свой одежды, пересыпавъ ихъ засушенными цвѣтами и душистыми кореньями, въ предохраненіе отъ насѣкомыхъ. Передъ дверью своей хижины онъ посадилъ широколиственный кустарникъ, который долженъ былъ сохранять прохладу подъ навѣсомъ, куда Міанъ каждое утро выносилъ для жены циновку и всѣ принадлежности ея работы—бамбуковый станокъ, небольшіе глиняные сосуды съ красками, которые подвѣшивались надъ горячими угольями, и маленькую леечку съ длиннымъ носомъ.

Поджавъ ноги, Далима садилась на циновку передъ натянутымъ на станкѣ холстомъ, тонкой струйкой начинала лить изъ леечки краску, и на тканяхъ вырастали странныя, причудливыя фигуры—драконы съ страшными когтями и зубами, птицы съ взъерошенными перьями, листья и цвѣты съ широко раскрытыми чашечками на извилистыхъ стебляхъ—голубые, коричневые, кроваво-красные на свѣтло-желтомъ фонѣ.

Когда работа была готова, Міанъ несъ ее въ городъ богатымъ торговцамъ китайцамъ и получалъ большія деньги; больше, чѣмъ выручалъ когда-либо за самыя полныя корзины рыбы.

Съ крупными золотыми монетами за поясомъ шелъ онъ въ харчевню, подъ старымъ варингиновымъ деревомъ, гдѣ обѣдали конторскіе писцы и другіе чиновники. Тамъ одна изъ прислужницъ подавала ему на пизанговомъ листѣ душистый вареный рисъ, щедро посыпанный перцемъ; затѣмъ Міанъ выбиралъ себѣ самыя лакомыя блюда: вяленое мясо, сильно приправленное спеціями, соленую икру, раздробленные маисовыя зерна и всевозможныя сладости, приготовленныя изъ рисовой муки, тертаго кокосоваго орѣха и пальмоваго сахара, и, наконецъ, приказывалъ подать себѣ стаканъ фруктоваго сиропа съ кусочкомъ льду. Послѣ такого роскошнаго обѣда онъ шелъ развлекаться. Устраивался ли гдѣ-нибудь пѣтушиный бой или любители выпускали изъ бамбуковыхъ клѣточекъ дрессированныхъ сверчковъ, которые немедленно вступали въ ожесточенное сраженіе, Міанъ былъ уже тутъ-какъ-тутъ, въ первомъ ряду зрителей, и держалъ пари. Или же забавляся на обширной, покрытой зеленой травой лужайкѣ передъ мечетью пусканіемъ воздушнаго змѣя, съ мелодичнымъ пѣніемъ поднимавшагося вверхъ подъ напоромъ восточнаго муссона.

Базарные дни были для Міана настоящими праздниками.

Среди забавъ ему случалось иногда встрѣчать Джалила, который, согнувшись подъ тяжелой ношей, таскался по раскаленнымъ, пыльнымъ улицамъ города, хриплымъ голосомъ предлагая покупателямъ свой товаръ, или поздно вечеромъ сидѣлъ гдѣ-нибудь у дороги среди своихъ пропитанныхъ тяжелымъ запахомъ рыбы корзинъ, въ то время какъ покупательницы разглядывали при скудномъ освѣщеніи масляной лампочки оставшійся непроданнымъ товаръ и, прищелкивая языками, звонкими голосами выражали свое неодобреніе и выторговывали дейтъ *) за дейтомъ, прежде чѣмъ, отобравъ что было получше, рѣшались разстаться съ парочкой позеленѣвшихъ мѣдныхъ монетокъ.

Когда Міанъ, возвращаясь изъ города въ компаніи пріятелей, видѣлъ своего врага такимъ жалкимъ и измученнымъ, онъ еще громче, еще веселѣе начиналъ разсказывать, какъ провелъ день, какъ веселился, сколько выигралъ денегъ, причемъ сумма дѣйствительнаго выигрыша сильно возрастала, и хвастался, что скоро будетъ такъ богатъ, что купитъ себѣ украшенный серебромъ крисъ **), въ красныхъ ножнахъ, какія носятъ только знатные богачи!

Возвратившись домой, Міанъ находилъ свою тихую, покорную Далиму занятой приготовленіемъ для него ужина, который она затѣмъ ставила передъ нимъ на бамбуковой скамьѣ. Поѣвъ, онъ ложился отдыхать и курилъ.

Но высшихъ предѣловъ наслажденіе его достигало въ ту минуту, когда до него долетали визгливые крики ревнивой жены Джалила, выбѣгавшей навстрѣчу мужу съ бранью и упреками, въ полной увѣренности, что изъ страха передъ ея отцомъ онъ не посмѣетъ тронуть ее пальцемъ. Вотъ когда Міанъ торжествовалъ побѣду полную, болѣе полную, чѣмъ онъ могъ достигнуть оружіемъ и насиліемъ!

Но... счастье его длилось не долго.

Въ то время, какъ самъ онъ еще не имѣлъ надежды на потомство, Джалилъ уже приносилъ «жертву ожиданія».

А въ одинъ изъ первыхъ дней слѣдующаго года у него родился ребенокъ—сынъ.

Міанъ, сидя въ тишинѣ своей хижины, слышалъ первый крикъ новорожденнаго. Точно мечъ пронзилъ его сердце. Онъ вскочилъ и бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Но некуда было скрыться отъ счастья врага,—все селеніе было полно имъ.

Мужчины приходили по очереди дежурить у хижины Джалила, вокругъ которой втыкали въ землю зажженныя зеленыя вѣтви,—дымъ

---

*) Мелкая старинная голландская монета.

**) Оружіе, родъ кинжала, которое носятъ у пояса островитяне-явайцы.

отъ нихъ долженъ былъ держать въ отдаленіи злыхъ духовъ. Подъ навѣсомъ цѣлый день толпились женщины: тамъ готовились кушанья для жертвоприношенія пятаго вечера и безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ яствъ, обильно приправленныхъ пряностями; угощеніе все пополнялось новыми горшечками и посудинками, чтобы никакое упущеніе не повлекло за собой вреда для новорожденнаго, не лишило его какого-нибудь изъ хорошихъ свойствъ или благоденствія въ будущемъ. Дѣти, въ ожиданіи своей доли лакомыхъ яствъ, звонкими голосами выкрикивали пожеланія здоровья и счастья новорожденному.

Всѣ повторяли слова старой повитухи, которая по расположенію волосъ на головѣ ребенка, предсказала ему богатство, почести и долгую жизнь.

Джалилъ ходилъ, высоко поднявъ голову. На немъ былъ новый саронгъ, а у пояса висѣлъ крисъ тестя. Гордостью свѣтились его глаза.

Встрѣтивъ Джалила, гордаго и торжествующаго, Міанъ почувствовалъ такой приступъ гнѣва и обиды, точно тотъ предательскимъ нападеніемъ лишилъ его одержанной уже побѣды; воспоминаніе же о заклинаніи Джалила только удвоило его безсильную ярость. Онъ снова чувствовалъ себя глупымъ, неуклюжимъ, презираемымъ всѣми.

Онъ не хотѣлъ болѣе идти въ городъ на рынокъ, чтобы не встрѣчаться со всѣми этими людьми, которые будутъ говорить ему про сына Джалила, про его красоту, перечислять хорошія предзнаменованія, которыми сопровождалось его рожденіе. И, несмотря на бурное время года, когда другіе рыбаки занимались только починкой сѣтей да игрой въ кости, Міанъ по цѣлымъ днямъ носился въ челнокѣ по волнамъ бушующаго моря. Но, возвращаясь на берегъ, онъ долженъ былъ проходить мимо хижины Джалила, гдѣ въ тѣни навѣса лежалъ на циновкѣ малютка. Міанъ проходилъ, отвернувъ голову. Онъ чувствовалъ на себѣ насмѣшливые, торжествующіе взгляды Джалила, сидѣвшаго возлѣ сына, и въ то же время не могъ удержаться, чтобы украдкой, мелькомъ не взглянуть на ребенка: малютка барахтался, брыкался своими сильными пухлыми ножками, глаза его сверкали, какъ звѣздочки, а надъ лобикомъ торчалъ клокъ чернаго пуха.

День за днемъ видѣлъ Міанъ, какъ растетъ и хорошѣетъ сынъ его врага, и день ото дня становилось ему тяжелѣе.

Невыносимое сознаніе позора, какимъ является бездѣтность для островитянъ, отравляла ему жизнь, которая отнынѣ становится для него непрестаннымъ страданіемъ. Кажется, не было того, чего бы онъ не далъ, чтобы имѣть сына!

На грубый алтарь, воздвигнутый въ честь духа-покровителя ихъ селенія подъ сѣнью древняго дерева «ніамплунгъ», онъ ежедневно приносилъ дары: рисъ, яйца, цвѣты-мелати и душистыя мази. Принесъ въ жертву свою единственную козу, причемъ жрецъ торжественно

взывалъ къ душамъ всѣхъ предковъ, начиная съ праотцевъ Адама и Евы, и молилъ Яссупа-отца, мудраго пророка христіанъ, даровать сына жертвователю.

Міанъ заложилъ всѣ свои новыя платья, продалъ даже приносящихъ счастье пару горлинокъ, ворковавшихъ подъ его крышей, чтобы добыть денегъ, которыя снесъ мудрому старцу Нене Аяму за волшебный напитокъ и амулетъ изъ черепа болотной змѣи.

Но не помогали ни колдовства, ни молитвы съ жертвоприношеніями: Далима оставалась бездѣтной.

Мать Міана требовала, чтобы сынъ прогналъ отъ себя безплодную жену—несчастье и позоръ ихъ дома. Она уже сговорилась со сватомъ, который подыскалъ другую жену для Міана, крѣпкую, здоровую дѣвушку, предназначенную самой природой быть матерью многочисленнаго потомства. И мать настаивала, просила, грозила.

Но Міанъ не соглашался: онъ любилъ Далиму.

Съ нѣкоторыхъ поръ она стала еще красивѣй: глаза ея горѣли особымъ блескомъ, а около рта мелькало подобіе улыбки; походка стала еще граціознѣй, еще плавнѣе.

Еще красивѣе прежняго лежалъ на ней «саронгъ», оставлявшій открытыми ея тонкія щиколки, а свѣтлыхъ цвѣтовъ «кабайа» гладко обтягивала ея круглыя плечи и была застегнута на груди серебряной пряжкой. Въ черные, какъ агатъ, волосы она стала вплетать яркія мѣсячныя розы и цвѣты олеандра.

Мужчины останавливались и смотрѣли на нее, когда она своей легкой походкой шла въ городъ. Женщины подталкивали другъ друга и перешептывались. Больше всѣхъ ненавидѣла ее жена Джалила; она не могла видѣть красавицу, чтобы не разразиться бранью и проклятіями.

Такъ прошелъ годъ. А надежды Міана все еще не осуществились.

Онъ рѣшился совершить паломничество къ гробу Сунанъ-Гирея, распространителя ислама, на поклоненіе которому ходятъ правовѣрные.

Дулъ западный муссонъ, дождь лилъ потоками, гремѣлъ громъ, горныя рѣчки съ ревомъ неслись, заливая долины. Разлука съ Далимой была очень тяжела, но не взирая ни на что Міанъ рѣшился идти: лучше погибнуть, чѣмъ продолжать смотрѣть на счастье заклятаго врага.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Исхудавшій, наголодавшійся, еще дрожащій отъ приступовъ лихорадки, которой страдаютъ жители долинъ на высотахъ горъ, но счастливый, окрыленный надеждой, которую подалъ ему видѣнный имъ у гроба святого сонъ, подходилъ Міанъ къ своей хижинѣ.

Далимы тамъ не было.

Онъ окликнулъ ее, горя нетерпѣніемъ поскорѣе подѣлиться съ женой своей радостью.

Отвѣта не было.

Черезъ широко распахнутую калитку видѣнъ былъ весь дворикъ.

Никого не было и подъ навѣсомъ, гдѣ лежала опрокинутая ступка и рядомъ намокшая отъ дождя кучка рисовыхъ зеренъ. Пусто было и въ полутемной кухнѣ. Войдя въ хижину, онъ увидалъ пустой уголъ, гдѣ обыкновенно стоялъ ея рабочій станокъ; пустой сундукъ былъ раскрытъ, а съ бамбуковой скамьи исчезли всѣ подушки и циновки.

Безмолвный, точно оцѣпенѣлый, глядѣлъ Міанъ на эту картину. Топотъ босыхъ ногъ заставилъ его очнуться; у двери тѣснились женщины, съ любопытствомъ заглядывая внутрь хижины.

— Гдѣ она?—съ яростью набросился онъ на нихъ.

Онѣ перешептывались и поглядывали другъ на друга.

— Хе! Почемъ мы знаемъ.

Въ ту же минуту онѣ разлетѣлись въ разныя стороны, расталкиваемыя сильной рукой, и на порогѣ показалась полуобнаженная, вся въ лохмотьяхъ жена Джалила.

Съ дикимъ воемъ бросилась она къ Міану.

— Онъ ушелъ! Ушелъ съ Далимой!—кричала она, какъ безумная, и била себя въ грудь кулаками.

Тогда заговорили на перебой всѣ женщины.

— Они ушли десять дней тому назадъ!

— Мой мужъ видѣлъ ихъ вонъ тамъ на берегу!

— Онъ сейчасъ возвращался и забралъ съ собой все, что могъ, безсовѣстный!

Міанъ безумными глазами глядѣлъ на всѣхъ.

Тогда жена Джалила схватила его за руку и повернула лицомъ къ морю.

— Вонъ! вонъ! гляди! онъ ѣдетъ къ Далимѣ!

Машинально поднялъ Міанъ глаза и вдругъ, какъ бѣшеный, помчался къ морю.

Джалилъ, который стоялъ, наклонившись, стараясь длиннымъ весломъ оттолкнуть челнокъ отъ берега, въ эту минуту выпрямился и увидѣлъ прямо передъ собой помертвѣлое, искаженное злобой лицо и блескъ ножа.

Внѣ себя отъ ужаса, онъ мгновенно бросилъ весло, вытащилъ свой ножъ и бросился къ борту лодки, чтобы спрыгнуть въ море, но споткнулся, упалъ на бортъ и остался недвижимъ.

Въ ту же минуту, когда Міанъ прыгнулъ въ качающійся челнокъ, безжизненное тѣло Джалила скользнуло за бортъ. Міанъ нырнулъ за нимъ.

Рыбаки, собравшіеся на крики женщинъ, тоже бросились въ море и перехватили обоихъ. Міанъ съ пѣной ярости у рта отбивался отъ цѣлой толпы и кусался, какъ дикій звѣрь, у котораго отнимаютъ добычу.

Джалилъ не подавалъ признаковъ жизни. Рыбаки понесли въ хижину его безжизненное тѣло. Морская вода со слизью и пѣной текла изъ полураскрытаго рта.

Когда женщины съ воемъ и причитаніями обмыли песокъ съ его лица, на лѣвомъ вискѣ его показалось немного крови; капля за каплей тяжело стекала она изъ угла глубоко запавшаго глаза.

Онъ ранилъ себя, упавъ на собственный ножъ.

Мужчины переглядывались и указывали на лезвіе ножа, который подняли въ челнокѣ; заклинаніе Си Лембу Сикіланъ оказалось дѣйствительнымъ: не отъ руки врага погибъ Джалилъ.

Въ хижину вошелъ Міанъ и наклонился надъ безжизненно распростертымъ на полу тѣломъ.

На шеѣ чуть замѣтно бился пульсъ.

Долго, долго глядѣлъ Міанъ. Въ мертвой тишинѣ хижины слышно было его хриплое дыханіе. Наконецъ, не отворачивая лица, онъ отступилъ шагъ назадъ и, весь съежившись, присѣлъ на корточки у стѣны. Глаза его были устремлены на блѣдное лицо, съ глубоко запавшимъ, залитымъ кровью глазомъ.

Женщины начали растирать безжизненное тѣло, медленно и осторожно проводя по немъ пальцами и ладонями.

Мать Джалила, присѣвъ на полъ, обѣими руками держала его голову. Глаза ея не отрывались отъ лица сына, напряженно слѣдя за едва замѣтно опускавшеюся и подымавшеюся грудью.

Слабое дыханіе становилось все слабѣе, прерывалось, замирало, затѣмъ вновь начиналась борьба молодой жизни со смертью, и хриплое дыханіе со свистомъ вырывалось изъ горла.

Старуха, наклоняясь къ самому уху сына, шопотомъ запрещала напуганной душѣ покидать тѣло.

— Джалилъ не долженъ бояться! Онъ побѣдитъ врага!—и вызывающимъ взоромъ глядѣла она на скорчившуюся фигуру Міана.

Но тотъ не видѣлъ ея; взглядъ его попрежнему былъ устремленъ на лицо Джалила.

Такъ прошелъ день.

Женщины уходили и возвращались, принося все новыя настойки цѣлебныхъ травъ и душистыя масла. Онѣ скатывали изъ рису шарики и запихивали ихъ въ горло умирающему, жгли ладанъ, чтобы не дать приблизиться злымъ духамъ.

Время отъ времени онѣ боязливо поглядывали въ уголъ, гдѣ чуть виднѣлась неподвижная фигура.

Наступила ночь.

Джалилъ еще дышалъ, но такъ слабо, что, казалось, только непрерывное движеніе рукъ женщинъ, растиравшихъ тѣло, производило едва замѣтное колебаніе груди. Изрѣдка руки его судорожно подергивались.

Міанъ подползъ совсѣмъ близко.

Въ гробовой тишинѣ хижины слышалось только треніе рукъ по тѣлу умирающаго да слабое потрескиваніе масляной лампочки. Ночной

вѣтерокъ проникалъ сквозь неплотныя стѣны хижины; подъ его дуновеніемъ вспыхивало, поднимаясь вверхъ пламя, пронизывая краснова-тымъ свѣтомъ окружавшій мракъ, и озаряло то пару глазъ, то плечо, то руку. И при этомъ мерцающемъ свѣтѣ распростертое на полу, вытянувшееся, обнаженное тѣло, казалось, корчилось и содрогалось.

Еще ближе подползъ Міанъ. Напряженно слѣдилъ онъ за этими обманчивыми признаками жизни.

Но затихло на минуту безпокойное пламя, и тѣло снова лежало неподвижно; только неутомимо скользили по нему руки женщинъ.

Безконечная ночь подходила къ концу.

Въ щеляхъ бамбуковой стѣны чуть забрезжилъ бѣлѣсоватый свѣтъ, предвѣстникъ утренней зори. Пламя еще разъ взвилось кверху, затрещало и съ шипѣніемъ погасло.

Міанъ ужъ не могъ ясно различать въ наступившемъ мракѣ лица Джалила.

Старуха-мать все еще держала на колѣняхъ голову сына и по временамъ что-то шептала ему на ухо.

Вдругъ тѣло Джалила содрогнулось, точно судорога прошла по немъ. Раздался раздирающій душу крикъ матери. Міанъ выбѣжалъ изъ хижины.

Женщины подняли вой, засуетились, кто-то вошелъ въ хижину съ горящимъ древеснымъ сукомъ въ рукахъ и помахалъ имъ надъ лицомъ Джалила...

Джалилъ былъ мертвъ.

Въ тупомъ оцѣпенѣніи смотрѣлъ Міанъ, какъ пятикратно обмывали тѣло покойнаго очищающей водой, какъ обвертывали его холстомъ, обкуривали ладаномъ, который такъ любятъ добрые духи.

Онъ видѣлъ, какъ уносили тѣло, какъ опускали его въ могилу, какъ оно исчезло подъ землей. Слышалъ, какъ жрецъ прочиталъ молитву за усопшаго и, нагнувшись надъ могильнымъ холмомъ, подсказалъ покойному исповѣданіе вѣры, чтобы тотъ спокойно могъ предстать предъ лицомъ Монкара и Накира—ангеловъ смерти, на обязанности которыхъ лежитъ производить экзаменъ всѣмъ ожидающимъ воскресенія изъ мертвыхъ.

Все это слышалъ Міанъ, и ни на минуту не промелькнула въ его отупѣвшемъ мозгу мысль о смерти, которая есть конецъ всѣхъ концовъ.

Единственная мысль преслѣдовала его: Джалилъ ускользнулъ отъ его руки, ускользнулъ въ послѣднюю минуту, когда однимъ ударомъ ножа онъ готовился отмстить за все прошлое, за всѣ тѣ не забывающіяся оскорбленія взглядами и словами, отплатить за похищенное врагомъ довольство, честь, любовь, счастье, за все, отъ первой ихъ дѣтской драки до похищенія Далимы.

И вотъ въ эту самую минуту врагъ ушелъ отъ него.

Собственной рукой онъ нанесъ себѣ безболѣзненную рану, сдѣлалъ въ своемъ тѣлесномъ покровѣ отверстіе, черезъ которое ушла его душа, подобно тому, какъ бѣглецъ оставляетъ свою одежду въ рукахъ преслѣдователей и... все-таки остался побѣдителемъ.

Эта мысль была ужаснѣе смерти.

Съ порога своей хижины глядѣлъ Міанъ на поверхность моря, на то мѣсто, гдѣ ушелъ отъ него врагъ и гдѣ теперь ослѣпительнымъ блескомъ сіяла волнующаяся поверхность воды.

По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ, не спуская глазъ съ этой точки, и ему начинало казаться, что ненавистная голова то показывается, то снова исчезаетъ въ волнахъ; мало-по-малу передъ его взоромъ меркли берегъ, хижины, рыбаки, копошившіеся у своихъ лодокъ, и онъ видѣлъ только Джалила, который, опираясь на длинное весло, собирался оттолкнуть челнокъ отъ берега. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще видѣлъ онъ эту картину, и кулаки его судорожно сжимались.

По вечерамъ, когда онъ вмѣстѣ съ товарищами возвращался съ рыбной ловли, и тѣ еще издали высматривали свѣтъ въ дверяхъ своихъ хижинъ и, причаливъ къ берегу, спѣшили разойтись по домамъ, Міанъ оставался бродить по берегу.

Наступала ночь.

Красноватые огоньки на берегу гасли одинъ за другимъ. Прибрежный лѣсъ стоялъ окутанный непроницаемой тьмой. По временамъ проносилось холодное дыханіе ночного вѣтра, отъ котораго начинали шелестѣть пальмовыя кроны, а волны слабо плескались о борта лодокъ.

Міанъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоръ въ одну точку, въ страстномъ нетерпѣніи увидѣть что-то, что должно было показаться тамъ, среди этого мрака и тишины.

Но неподвижно лежала черная поверхность моря; лишь тамъ и сямъ на темныхъ волнахъ поблескивала точно крохотная звѣздочка. Это были свѣтильники, которые прибивало сюда теченіемъ изъ устья рѣки, свѣтильники, возвѣщавшіе о счастливомъ событіи рожденія ребенка. Отецъ новорожденнаго, выплывъ на средину рѣки, пускаетъ на воду скорлупу кокосоваго орѣха, съ жертвенными дарами и зажженнымъ свѣтильникомъ; волны рѣки должны отнести эти дары старымъ, сѣрымъ крокодиламъ; крокодилы—это предки, души которыхъ, покинувъ человѣческое тѣло, нашли надежную защиту въ чудовищной оболочкѣ земноводнаго.

Кишмя кишать они здѣсь, эти давно умершія существа женскаго и мужескаго пола.

Но измѣнился лишь ихъ наружный обликъ. И здѣсь, въ этой новой средѣ, они продолжаютъ жить, сохраняя прежнія чувства и стремленія, попрежнему любятъ, ненавидятъ, льстятъ и довершаютъ то, чего не удалось закончить при жизни.

Вотъ почему и ждетъ Міанъ: здѣсь должна произойти развязка заклятой вражды, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ коварный врагъ ушелъ отъ его руки, укрывшись отъ его мести въ непроницаемую оболочку крокодила. Здѣсь гдѣ-то, зарывшись въ илъ, лежитъ одноокое чудовище, съ кровавой запекшейся раной на лѣвомъ вискѣ, злобно и трусливо подкарауливая своего врага—Міана.

И Міанъ все ждетъ!

II.

Мать.

Стоя на платформѣ первобытнаго устройства, я глядѣлъ вслѣдъ поѣзду, направлявшемуся отъ этой конечной станціи обратно къ берегу; онъ шелъ теперь къ многолюдному портовому городу, гавань котораго кишѣла множествомъ судовъ, совершавшихъ кругосвѣтное плаваніе; шелъ туда, гдѣ сосредоточилась европейская цивилизація. А передо мной, окутанныя густымъ утреннимъ туманомъ, напоминающимъ безбрежное море, разстилались вплоть до протянувшейся на горизонтѣ горной цѣпи необозримыя рисовыя поля. Четыреугольное зданіе желѣзнодорожной станціи представлялось мнѣ пограничнымъ камнемъ, раздѣлявшимъ Западъ отъ Востока.

Я сѣлъ въ ожидавшій меня экипажъ. Когда хорошенькія явайскія лошадки тронулись по дорогѣ, извивавшейся между рисовыми полями, мнѣ пришло въ голову, что съ этой минуты я вступаю въ совсѣмъ чуждый міръ и начинаю новое существованіе.

Солнце еще не подымалось изъ-за тянувшейся на востокѣ цѣпи горъ, и вершины ихъ отчетливо чернѣли на оранжевомъ фонѣ неба. Широкая равнина бѣлѣла въ предразсвѣтномъ туманѣ.

Но вотъ мало-по-малу, кое-гдѣ, отдѣльными пятнами начала просвѣчивать свѣжая зелень рисовыхъ посѣвовъ.

Для сельскаго люда день уже начался. Сквозь рѣдѣвшій туманъ я разглядѣлъ нѣчто въ родѣ шалаша, устроеннаго изъ прислоненныхъ другъ къ другу сноповъ. Двое человѣческихъ существъ сидѣли у разведеннаго изъ рисовой соломы костра, приготовляя себѣ пищу. Очевидно, здѣсь же, подъ душистымъ покровомъ свѣжихъ сноповъ, они провели и ночь, совсѣмъ какъ пара куропатокъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ птицами они пробудились отъ дневного свѣта и холоднаго дуновенія предразсвѣтнаго вѣтерка, долетавшаго сюда съ горъ. Точно птицы.

Небосклонъ розовѣлъ съ каждой минутой. Розовый свѣтъ перистыхъ облаковъ отражался въ зеркалѣ болотистой почвы, и скоро вся окрестность, все еще покрытая прозрачной пеленой тумана, приняла

видъ сплошного сада распустившихся ярко-розовыхъ цвѣтовъ, лишь изрѣдка прерывавшагося отдѣльными группами пальмъ, которыя казались при этомъ освѣщеніи отлитыми изъ бронзы, да сторожевыми будками, на высокихъ сваяхъ.

Вдругъ это розовое освѣщеніе поблекло и смѣнилось яркимъ бѣлымъ свѣтомъ. Наступилъ день.

Далеко, далеко, вплоть до самой горной цѣпи, выдѣлявшейся теперь лиловой массой, тянулись рисовыя поля, залитыя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Дорога становилась все оживленнѣе. Навстрѣчу намъ попалась группа женщинъ, длинной вереницей шедшихъ одна за другой, со смѣхомъ и пѣснями, точно на праздникъ. Праздничный видъ имѣли и ихъ одежды: красныя, свѣтло-зеленыя и лиловыя «кобайа» и пестрые «сленданги», красиво свѣшивавшіяся съ плечъ; яркіе цвѣты были вплетены въ блестящіе волосы съ воткнутыми въ нихъ въ видѣ украшеній деревянными, имѣющими форму кинжаловъ, ножами. Онѣ шли на уборку риса.

Товарки и молодые люди окликали ихъ изъ чащи спѣлыхъ колосьевъ.

— Эй, Сатира! Алоэсъ! Сюда.

Граціозно, точно пестрыя бабочки, пробирались онѣ между стеблями и начинали срѣзывать одинъ за другимъ спѣлые колосья, будто срывая цвѣты для вѣнковъ. Казалось, онѣ не работали, а забавлялись, купаясь въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Но вотъ, осталось позади и поле съ веселыми жницами.

Рѣчку, которая была видна еще издали, переѣхали въ бродъ. Наступалъ полдень.

По прежнему, и справа, и слѣва, и далеко впереди разстилались необозримыя рисовыя поля. Мѣстами волнистая равнина прерывалась бамбуковыми рощицами, откуда слышались человѣческіе голоса, и вился вверхъ дымокъ: тамъ за живой зеленой стѣной пріютилась деревенька. Тѣсной толпой стояли высокія стройныя деревья съ пышными листьями, дающими тѣнь и свѣжесть укрывавшимся подъ ихъ защитой людямъ.

Какъ настоящіе дѣти природы, родятся они и выростаютъ и живутъ здѣсь, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, который самъ о себѣ печется...

Да и какія могутъ быть у нихъ заботы? Жилище, домашняя утварь, одежда, пища и питье—все, что нужно имъ, у нихъ тутъ же подъ руками и въ количествѣ, превышающемъ ихъ потребности. Богатство ихъ ежедневно обновляется.

Полныя жизни рощицы приближаются, равняются съ нами, остаются позади, и вновь передъ глазами разстилаются необозримыя рисовыя поля, то молодые всходы, то въ цвѣту, а мѣстами и вполнѣ созрѣв-

шіе для жатвы, и тянутся вплоть до самой горной цѣпи, которая все еще смутно рисуется вдали и какъ будто удаляется по мѣрѣ нашего стремленія впередъ... Все здѣсь — безконечность, блескъ, богатство, сила могучей жизни.

Мнѣ вспомнилась моя родина, на густо заселенномъ сѣверѣ, гдѣ земля придавлена каменными громадами, изрѣзана желѣзными дорогами, изрыта глубокими копями; немного остается простору для произростанія, и земля стала такъ безсильна, что человѣку приходится питать ее, если угодно пользоваться ея производительными силами.

Можно ли повѣрить, что это одна и таже планета?

Всякое представленіе о времени и пространствѣ покинуло меня, когда, наконецъ, я достигъ конца равнины. Отъ горъ уже ложились на поля тѣни, но вершины были еще озарены красноватымъ свѣтомъ. Наступилъ вечеръ.

Добраться засвѣтло до «пазангъ-грахан'а», гдѣ я предполагалъ провести ночь, оказалось невозможно, но «туканъ-кудао» (возница), хорошо знавшій мѣстность, упомянулъ о хижинѣ туземца, находившейся гдѣ-то здѣсь въ лѣсу, покрывавшемъ горы. Попавшійся намъ на встрѣчу человѣкъ, котораго остановилъ мой возница, послѣ нѣкотораго колебанія и отнѣкиваній сознался, что ему извѣстна эта хижина,—она находится по ту сторону лѣса, у самаго берега моря, и предложилъ проводить насъ до мѣста. Мы слѣдовали за нимъ, то поднимаясь, то спускаясь съ холма на холмъ, пробираясь между колючими кустарниками, и наконецъ, достигли лѣса. Вечерніе лучи солнца еще золотили его опушку, деревья стояли точно бронзовыя колонны, съ которыхъ свѣшивались горѣвшіе на солнцѣ пышныя кроны; и на ихъ яркомъ фонѣ черными пятнами выдѣлялись пещерообразныя прогалины между деревьями. Копыта лошадей увязали въ мягкомъ грунтѣ. Вдругъ яркое небо исчезло, и лѣсъ охватилъ меня своимъ тяжелымъ покровомъ.

Съ минуту я чувствовалъ себя погруженнымъ въ глубокій ночной мракъ, затѣмъ, точно волна подхватила меня и вынесла на поверхность. Понемногу я сталъ смутно различать очертанія деревьевъ. Временами въ чащѣ слышался какой-то звукъ. Что это? Паденіе ли вызрѣвшаго, отягощеннаго сокомъ, плода, тяжести котораго не выдержала вѣтка, или осторожный прыжокъ хищнаго звѣря, горящими глазами выслѣживающаго добычу? А можетъ быть, это и змѣя съ шипѣніемъ бросилась съ дерева на землю.

Въ разслабляющей влажной горячей атмосферѣ лѣса не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха, со всѣхъ сторонъ неслись звенящіе звуки насѣкомыхъ. Стрекотаніе кузнечиковъ казалось невыносимо рѣзкимъ. Минутами все затихало, и эта напряженная тишина среди милліоновъ живыхъ существъ лѣсного царства пугала своею таинственностью.

Тѣмъ временемъ нашъ провожатый устроилъ факелъ, наполнивъ полый бамбуковый стволъ масломъ и воткнувъ въ него наскоро сплетенный изъ древесныхъ волоконъ фитиль, зажегъ его и принялся помахивать имъ надъ головой, чтобы дать разгорѣться трещавшему пламени. Красноватый отблескъ падалъ на склоненныя головы лошадей и ихъ устало передвигавшіяся ноги; туканъ-кудао велъ подъ уздцы переднюю лошадь.

Это былъ уже не тотъ рабъ, печальное лицо котораго я такъ часто видѣлъ у себя во дворѣ при свѣтѣ солнца или озаренное свѣтомъ лампы въ моемъ мраморномъ домѣ. Сынъ своего народа, онъ какъ-то выпрямился и точно выросъ, вступивъ на родную почву, принадлежавшую его племени, не взирая на чужеземное владычество. Мракъ, дикій лѣсъ, незримая, кишащая вокругъ жизнь ему хорошо знакомы, онъ не боится ихъ. Онъ шествовалъ теперь точно королевичъ по своему дворцу. Наемный слуга, чистившій скребницей моихъ лошадей, вдругъ превратился въ принца, подобно тому какъ тѣ жалкія деревья, которыя прозябаютъ въ пыли городскихъ улицъ—являются здѣсь гигантами, а жужжаніе единичныхъ насѣкомыхъ, привлеченныхъ въ домъ свѣтомъ лампы — слышатся здѣсь слитыми въ цѣлое море звуковъ. На родной почвѣ все принимаетъ свой естественный, природный видъ. Все мелкое, безличное, повседневное, занесенное нами, жителями запада, на востокъ, здѣсь исчезаетъ, поглощается величіемъ, точно пыль со скалы, омываемой волной океана.

Туземцы вполголоса вели бесѣду. Проводникъ передавалъ послѣднія новости своего селенія: описывалъ праздникъ «брачнаго пира риса», разсказывалъ, какъ поссорились два сосѣда изъ-за буйвола, потоптавшаго засѣянное поле, и сообщилъ, что красивая молодая женщина продалась арабу-растовщику.

Я внимательно прислушивался къ ихъ разговору.

Журчащій звукъ судакскаго языка, облеченныя словами мысли этихъ дѣтей Востока доносились до моего слуха, принимая теперь для меня новый смыслъ. Отъ ихъ незначительнаго разговора повѣяло на меня чѣмъ-то загадочнымъ, какой-то непроницаемой глубиной, кроющейся подъ доступной нашему глазу поверхностью туземнаго быта.

Необъятная громада лѣса, оставшаяся позади, зеленая равнина, ослѣпительный солнечный свѣтъ и этотъ мракъ, лицо моего слуги, разсказы провожатаго туземца привели меня къ сознанію, что, несмотря на двухвѣковое владычество на Востокѣ, мы имѣемъ здѣсь передъ собой до сихъ поръ еще неразгаданный, непонятный для насъ таинственный міръ. Неразгаданность эта чувствуется вездѣ и во всемъ: въ плетущихся по пыльнымъ улицамъ города прадавцахъ фруктовъ, въ женщинахъ, купающихся въ сверкающей подъ лучами утренняго солнца рѣкѣ, въ зрителяхъ, присутствующихъ при боѣ кучечниковъ, въ замаскированныхъ звѣриными масками участникахъ народныхъ праздн-

нествъ, въ рѣзкомъ пѣніи бродячихъ танцовщицъ, въ неподвижномъ мутномъ взорѣ курильщиковъ опіума; той же таинственностью облечена для насъ и сама природа, проявляющаяся въ могучемъ развитіи растительнаго и животнаго царствъ, въ вѣтрѣ, превращающемъ воздухъ въ бушующее море, сожигающемъ почву, которая даетъ трещины подъ его палящемъ дыханіемъ, въ самой земной корѣ, выдвигающей изъ нѣдръ своихъ цѣлые острова и извергающей огонь изъ вулкановъ.

Туземцы продолжали свой разговоръ, въ которомъ я различалъ часто повторяющееся имя «Аисса».

«Аисса... Аисса...» старался я припомнить.

Это было имя женщины, молодой красивой женщины, которая убила своего возлюбленнаго, когда тотъ заснулъ, положивъ голову къ ней на колѣни. Жители Сингона показываютъ чужестранцамъ ея заросшую сорными травами могилу. «Она потеряла всякій стыдъ: она убила своего господина, Хади Кусомо, цвѣтъ народа, потомка царскаго рода». Она обнимала цѣловала его и убила.

Мужчины и женщины ея племени осудили ее, осудили не за то, что она убила человѣка, но за то, что подняла руку на княжескаго сына. Потомъ мнѣ пришла на память исторія одного раба, пятнадцать лѣтъ прослужившаго вѣрой и правдой своей госпожѣ и убившаго ее топоромъ, когда его ребенокъ, котораго она ласкала, внезапно скончался.

Вспомнилась мнѣ дѣвушка изъ одного кампонга; отвергнутая, униженная своимъ господиномъ, она тайно послѣдовала за нимъ въ походъ, день и ночь отыскивала его на полѣ брани, пока не нашла его, наконецъ, умирающимъ среди убитыхъ и вынесла на собственной спинѣ подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Однѣ за другими приходили на память недоступныя моему пониманію исторіи и дѣянія.

Благороднѣйшая нѣжность и самоотверженіе невольницы, счастливой своимъ рабствомъ, превращается вдругъ въ необузданную ненависть, доводящую до убійства среди ласкъ и поцѣлуевъ. Какъ же такъ? Почему?

Но если бы намъ и отвѣтили, мы все равно не поняли бы, мы поймемъ слова, но не поймемъ ихъ истиннаго смысла. Мы цѣнимъ любовь, честь, вѣрность, доблесть. О, и они цѣнять эти качества! Но подъ словомъ любовь мы понимаемъ одно, они другое, и добро и зло они понимаютъ иначе.

Востокъ и Западъ. Другое небо, другая земля, и нѣтъ моста черезъ эту пропасть...

Пламя факела ярко вспыхнуло, заколебалось и отбросилось назадъ. Дуновеніе влажнаго вѣтра коснулось моего лба. «Туканъ-кудао» обернулся ко мнѣ.

— Мы пріѣхали къ морю, господинъ. Вотъ хижина, о которой говорилъ Кромо.

И онъ указалъ на виднѣвшійся невдалекѣ красноватый свѣтъ, раздѣлявшійся по мѣрѣ нашего приближенія на два вырисовавшихся на темномъ фонѣ свѣтлыхъ пятна, четыреугольникъ открытой двери и отраженіе его на поверхности моря.

Нашъ проводникъ направился къ хижинѣ, и до насъ донесся его окликъ:

— Ло! Ке Керто, здѣсь господинъ, который желаетъ переночевать.

Въ красноватомъ сіяніи факела вырисовывался силуэтъ старика, на ходу старавшагося натянуть выцвѣтшій «саронгъ» на свои худые члены.

— Мой домъ—твой домъ, господинъ,—сказалъ онъ.

Я вошелъ въ хижину. Скудный свѣтъ масляной лампочки круглымъ пятномъ падалъ на полъ, оставляя во мракѣ потолокъ и стѣны. Въ углу виднѣлись наваленныя сѣти и рыболовныя принадлежности, глиняные кувшины и сосуды грубаго мѣстнаго производства. Черезъ открытую дверь въ противоположной стѣнѣ я увидѣлъ женщину, которая, присѣвъ на корточки, раздувала огонь. Шумъ моихъ шаговъ заставилъ ее обернуться. Она медленно приподнялась и вошла въ полосу свѣта.

Это была уже немолодая женщина, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, худая и хрупкая, какъ высохшій листъ. Ея впалое лицо было окружено цѣлымъ ореоломъ сѣдыхъ волосъ.

Она привѣтствовала меня явайскимъ поклономъ, медленнымъ и исполненнымъ достоинства, несмотря на смиренно склоненную голову, и молча занялась приготовленіемъ ужина.

Я сѣлъ на скамью у входа въ хижину. Отсюда мнѣ видно было, какъ она хлопотала у очага, то исчезая, то появляясь въ освѣщенномъ пространствѣ.

И когда отблескъ красноватаго пламени озарялъ ея лицо, сквозь его глубокія морщины какъ-то проглядывали слѣды былой красоты. Раза два я уловилъ ея обращенный на меня взглядъ, въ которомъ выражалась страстная надежда и вмѣстѣ недовѣріе. Это былъ взглядъ отвыкшаго отъ людей существа, которое смотритъ на незнакомаго пришлеца изъ давно покинутаго имъ міра, который своимъ появленіемъ можетъ принести и радость, и горе.

Старикъ присѣлъ на корточки у моихъ ногъ.

Я далъ ему нѣсколько папиросъ, при видѣ которыхъ глаза его заблестѣли, и беззубый ротъ улыбнулся.

— Благодарю, господинъ. Отсюда такъ далеко до базара въ Тунгулѣ, гдѣ можно купить табаку. А я старъ, все тѣло мое болитъ отъ лихорадки.

— Почему же вы здѣсь живете, если здѣсь нездоровая мѣстность и такъ далеко отъ почтовой дороги и отъ селенія?—спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Мы уже давно здѣсь живемъ, очень давно,—и, помолчавъ немного, добавилъ:—рисъ здѣсь хорошо растетъ, море полно рыбой.

Онъ, прищурясь, глядѣлъ туда, гдѣ у огня виднѣлась фигура его жены, и по движенію его глазъ я могъ слѣдить за всѣми ея движеніями. Онъ не отрывалъ отъ нея взгляда, точно преданная собака, ожидающая малѣйшаго знака своего господина.

Едва я сдѣлалъ видъ, что присутствіе его мнѣ не нужно, какъ онъ всталъ и исчезъ въ хижинѣ.

Скоро я услышалъ, какъ жена приказала:

— Принеси еще воды, да не черпай у берега, а подальше; тамъ, гдѣ бьетъ ключъ.

Старикъ появился снова, съ глинянымъ кувшиномъ въ рукѣ, и сталъ спускаться къ морю.

Меня это поразило. Тонъ, которымъ было отдано приказаніе, и безпрекословная покорность мужа—явленіе необычайное среди туземцевъ.

Минуту спустя, женщина подала мнѣ ужинъ: рисъ и жареную рыбу на свѣжемъ листѣ банана. Я поѣлъ и улегся спать на бамбуковой скамьѣ, на которой было разостлано мое дорожное одѣяло.

Но чрезмѣрная физическая и нравственная усталость не давала мнѣ заснуть. Я ворочался съ боку на бокъ на скрипучей скамьѣ и глядѣлъ на чернѣвшіе углы хижины, на голубоватыя пятна луннаго свѣта, проникавшаго въ оставленное для притока воздуха отверстіе въ плетеной стѣнѣ хижины; пятна эти то и дѣло мѣняли свою форму, дѣлались то ярче, то темнѣе.

Ночь, повидимому, была ослѣпительная. Ночнымъ птицамъ, безшумно парившимъ въ высотѣ, лѣсъ долженъ былъ теперь представляться серебристо-зеленымъ лугомъ. Кругомъ должны были виднѣться залитыя луннымъ свѣтомъ горныя вершины. Ни слѣда человѣческаго жилья, исключая чернѣвшей хижинки, притаившейся въ лѣсу, у берега моря.

Какимъ фантастичнымъ, непохожимъ на повседневную будничную жизнь представлялось мнѣ существованіе этихъ двухъ стариковъ, одинокихъ заброшенныхъ въ уединеніи дѣвственнаго лѣса. Старикъ, кажется, былъ тупо доволенъ своимъ безмятежнымъ прозябаніемъ, но въ глазахъ старухи, въ ея движеніяхъ чувствовалось что-то мятежное, что приковывало къ себѣ вниманіе, тревожило душу.

Гдѣ-то близко надъ кровлей проснулась ящерица «гекко» и начала выкрикивать свое «гек-ко», «гек-ко».

Машинально началъ я считать отрывистые крики: сколько лѣтъ прожила ящерица, столько разъ она и выкрикиваетъ, говорятъ туземцы. Странные звуки закончились хриплымъ ворчаніемъ.

Утомившись ворочаться съ боку на бокъ, я рѣшился, наконецъ, встать и вышелъ изъ хижины.

Полная луна въ самомъ зенитѣ бѣлаго, точно алебастроваго неба. Море сверкало. Тѣнь росшаго у двери хижины куста кембанга съ такой отчетливостью вырисовывалась на бѣломъ отъ луннаго свѣта фонѣ земли, что казалась вторымъ плоскимъ кустарникомъ. Не чувствовалось ни малѣйшаго движенія вѣтерка, но временами съ моря тянуло прохладой.

Тишина была полная. Въ томъ напряженномъ состояніи, въ какое привела меня непривычная обстановка, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ должно случиться что-то необычайное, и я ждалъ, невольно затаивъ дыханіе.

Вдругъ рядомъ со мной выросла тѣнь. Я въ испугѣ обернулся. Это была старуха, устремившая на меня горящій взглядъ.

— Что вамъ нужно, жена Керто?—спросилъ я.

Она въ умоляющей позѣ опустилась передо мной на колѣни и проговорила высокопарное предисловіе, которымъ явайцы начинаютъ каждую просьбу:

— Господинъ! въ твоихъ рукахъ моя жизнь и смерть, и потому дерзаю припасть къ стопамъ твоимъ.

— Говори откровенно, что я могу для тебя сдѣлать? Я слушаю,— отвѣтилъ я.

— Господинъ. Сердце мое исполнено печали. Черезъ нѣсколько дней начнется мѣсяцъ Пуаза, и я должна принести жертву на могилѣ моего сына въ Сингаѣ.

Я понялъ недосказанную просьбу.

— Путь мой не лежитъ на Сингонъ, матушка. Чтобы доставить тебя туда, мнѣ пришлось бы сдѣлать большой кругъ.

Старуха обняла мои ноги и съ страстной мольбой прижималась къ нимъ лицомъ.

— О, господинъ, душой твоей матери заклинаю тебя, свези меня туда! Ты видишь, я стара. Навѣрное не долго проживу. Кто тогда почтитъ жертвоприношеніемъ могилу моего сына?

И она рыдала, эта старуха, мать умершаго сына, точно видѣла его беззащитнымъ младенцемъ вдали отъ себя и некому было помочь ему.

— Да развѣ нѣтъ у тебя невѣстки, развѣ не оставилъ твой сынъ дѣтей, которыя могли бы почтить его память, согласно священному завѣту?

— Какъ же это могло бы случиться? Сыну моему было нѣсколько мѣсяцевъ, когда Густи-Аллахъ призвалъ его предъ лицо свое. Я еще кормила его грудью.

И безсознательнымъ движеніемъ она сложила руки, какъ бы прижимая къ себѣ младенца, приникшаго къ ея груди. Губы ея беззвучно шевелились. Можетъ быть, она шептала нѣжныя названія, которыми когда-то осыпала малютку, лежавшаго у нея на рукахъ, съ необсохшимъ еще молокомъ на полураскрытыхъ губкахъ.

Растроганный, я обѣщалъ исполнить ея желаніе.

— Хорошо, хотя мнѣ и придется сдѣлать большой кругъ, но я доставлю тебя и старика Керто въ Сингонъ.

Ея судорожно сжатыя руки распались и лицо приняло жестокое выраженіе.

— А что будетъ дѣлать Ке-Керто на могилѣ моего сына? Вѣдь онъ все равно, что пугало, которое ставятъ на рисовыхъ поляхъ, все равно, что ступа, въ которой я толку рисъ!

Я попытался заступиться за слабоумнаго старика:

— Но, вѣдь, и ему, вѣрно, хотѣлось бы положить на гробъ своего сына цвѣты мелати, яйцо и душистый бальзамъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Не хочу, чтобъ онъ приносилъ жертву на могилѣ моего сына. Онъ служилъ тропинкой для подошвъ проклятаго «ведано»! Да поглотитъ адъ его душу!

Губы ея дрожали, и сквозь тонкую «кабайа» видно было, какъ билось и трепетало ея сердце.

— Кто же, матушка, былъ этотъ злодѣй, какое преступленіе онъ совершилъ, что ты обрекаешь его душу на вѣчныя муки?

Быстрымъ движеніемъ, напоминавшимъ движеніе ядовитой змѣи, она подняла голову.

— Это—Хади Кусомо, собака: онъ приказалъ своему слугѣ отравить моего ребенка. О, да будутъ прокляты кости его матери! Да погибнетъ весь родъ отъ руки Аллаха! Да исчезнетъ весь онъ съ лица земли!

Лицо ея стало такъ блѣдно, что я испугался, какъ бы она не лишилась чувствъ, и, чтобы заставить ее опомниться, я строго замѣтилъ:

— Святое Писаніе запрещаетъ проклинать. Возмездіе за всѣ грѣхи въ рукахъ Аллаха всеправеднаго. Знай, что человѣкъ, который умертвилъ твоего ребенка, самъ погибъ ужасной смертью. Его же рабыня, Аисса убила его въ то время, когда онъ спалъ, положивъ голову къ ней на колѣна.

Жестокая улыбка исказила ея лицо.

— О, я знаю, знаю это,—и пристально взглянувъ на меня добавила:—я—Аисса.

Я невольно отступилъ на шагъ, но она этого не замѣтила. Она продолжала говорить, и слова ея звучали глухо, точно съ трудомъ выходя изъ груди, сдавленной тягостными воспоминаніями.

— Я отправилась на торжество обрѣзанія сына Пакъ-Діойо, чтобы помочь въ приготовленіяхъ къ пиршеству, «ведано» также былъ на этомъ торжествѣ и, увидавъ меня, пожелалъ, чтобы я принадлежала ему. Въ тотъ же вечеръ его слуга явился въ домъ моего мужа и сказалъ:

— Мать Сидана, приди помогать женѣ моего господина: она желаетъ устроить жертвенный пиръ по случаю освященія новаго амбара для риса.

Но я боялась Хади Кусома, знала его нечестіе и жестокое сердце. Поэтому отвѣтила посланцу:

— У меня маленькій ребенокъ, котораго я кормлю грудью. На кого я его покину?

И слуга ушелъ.

Тогда я пошла къ своему мужу и сказала:

— Отецъ Сидана, господинъ требуетъ, чтобы я пришла къ нему въ домъ.

Но онъ сказалъ мнѣ на это:

— Жена, я маленькій человѣкъ, какъ я могу противиться могущественному «ведано»?

Страхъ овладѣлъ мною, и я перестала ходить въ поле и на базаръ и все время оставалась дома. Но однажды вечеромъ я должна была пойти на рѣку выкупаться и вымыть одежду моего ребенка. Прежде чѣмъ уйти, я положила малютку подлѣ отца, который курилъ, лежа на «балэй-балэй».

— Отецъ Сидана, смотри за ребенкомъ, чтобы онъ не плакалъ, пока я вернусь.

И я пошла на рѣку, выкупалась и выстирала одежду моего сына.

Когда я вернулась домой, моего сына уже не было.

Мой мужъ былъ во дворѣ. И я спросила его:

— Гдѣ мое дитя?

— Почему я знаю, гдѣ дитя? Конечно, дома.

Но дома его не было. Въ это время мимо проходила жена Пелока, возвращавшаяся съ поля, и сказала мнѣ:

— Э, женщина, женщина, сейчасъ я встрѣтила слугу «ведано», который несъ твоего ребенка.

Отъ испуга я разронила всѣ одежды, которыя держала въ рукахъ, и съ распущенными волосами бросилась бѣжать къ дому «ведано». Хади Кусомо я застала сидящимъ подъ навѣсомъ съ трубкой во рту. Со смѣхомъ онъ схватилъ меня и сказалъ:

— Ло, что случилось? Мать Сидана, иди-ка сюда.

— Господинъ, гдѣ мое дитя?—воскликнула я.

Онъ отвѣтилъ:

— Твое дитя у меня въ домѣ, оно плачетъ. Почему ты не идешь покормить его?

И онъ приказалъ слугѣ пустить меня въ домъ, и тамъ меня заперли въ тѣсную комнату.

— О, господинъ, цѣлую ночь я слышала, какъ плакало мое дитя, какъ оно кричало до хрипоты, а женщина находившаяся при немъ говорила: «Молчи, а то задушу», и она била его по ротику, и я слышала эти удары.

— О ла-Илла! дитя мое!

Судорожно вцѣпившись руками въ одежду, несчастная раскачивалась

изъ стороны въ сторону отъ нестерпимыхъ мукъ, причиняемыхъ этимъ воспоминаніемъ.

— О ла-Илла, дитя мое, мое единственное дитя!

Вопли ея разрывали мнѣ сердце, и отъ состраданія я не находилъ словъ, которыя могли бы утѣшить ее.

А она продолжала.

— Тогда я сказала «ведано»:

— Я буду навѣки твоей рабыней, отдай только мнѣ ребенка. А онъ, проклятый, отвѣчалъ со смѣхомъ: Хорошо, хорошо, завтра.

Когда наступилъ день, женщина принесла мнѣ ребенка. Но, чтобы я не убѣжала, насъ держали взаперти, и, чтобы помучить меня, Хади Кусомо отбиралъ у меня ребенка и, наконецъ, о господинъ, онъ сказалъ мнѣ:

— И что ты такъ сокрушаешься о сынѣ ничтожнаго человѣка? Неужели въ Коведананѣ мало женщинъ, чтобы присмотрѣть за нимъ? Мнѣ уже надоѣло смотрѣть на него.

Я испугалась за своего сына, чтобы Хади Кусомо не сдѣлалъ ему какого вреда, отдала его одной изъ женщинъ и сказала ей:

— Когда «ведано» не будетъ дома, приноси мнѣ дитя. Я ничего для тебя не пожалѣю, подарю тебѣ все, что захочешь.

И въ то время, когда «ведано» не было дома, она приносила мнѣ моего сына, но однажды «ведано» вошелъ неожиданно и увидѣлъ, что я держала на рукахъ и забавляла моего малютку. Онъ не сказалъ ни слова, но ужасъ сдавилъ мое сердце.

И на слѣдующій же день сынъ мой заболѣлъ. Тѣльце его похолодѣло, онъ не хотѣлъ брать грудь и плакалъ, не умолкая. Цѣлый день я держала его у груди, отогрѣвая его своимъ дыханіемъ.

Хади Кусомо вошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что это женщина? Сынъ твой боленъ?

Я ничего не отвѣтила. Цѣлую ночь просидѣла я съ ребенкомъ на рукахъ, а когда стало разсвѣтать, онъ скончался.

— О Ала-Алахъ, онъ умеръ, умерло мое единственное дитя!

Лицо несчастной покрылось смертельною блѣдностью, голова откинулась назадъ, и изъ-подъ сомкнутыхъ вѣкъ капля за каплей полились тяжелыя слезы.

Я съ трудомъ преодолѣлъ свое волненіе и сказалъ:

— Господь утѣшитъ тебя, мать Сидана.

— Мое дитя умерло,—глухо повторила она и, помолчавъ съ минуту, продолжала:—мое сердце истекало кровью, а «ведано» смѣялся и говорилъ:

— Что за глупости! Развѣ можно такъ сокрушаться о сынѣ ничтожнаго человѣка? Перестань плакать. Если захочешь, будешь имѣть двадцать сыновей княжескаго рода. Не уходи въ домъ твоего мужа, оставайся здѣсь и служи мнѣ.

Жажда мести овладѣла моимъ сердцемъ, и я сказала:

— Хорошо, господинъ, я буду служить тебѣ.

Тогда только меня выпустили на свободу.

Я переждала одинъ день, а на слѣдующій отправилась къ «дукунъ», разсказала ей все, какъ было, и попросила:

— Помоги мнѣ извести «ведано».

Она научила меня заклинанію, заглянула въ свою книгу, что-то высчитала и затѣмъ сказала:

— Въ пятницу, которая называется «дьюмагатъ-вагетъ», можешь исполнить то, что повелѣваетъ тебѣ сердце. И будетъ тебѣ удача.

Когда наступила «дьюмагать-вагетъ», я особенно старалась угодить Хади Кусомо, и онъ остался доволенъ мною и сказалъ:

— Возьми гребень и расчесывай имъ волосы.

И, улегшись на циновку, онъ положилъ голову мнѣ на колѣна.

Тогда я вытащила изъ-за пояса наточенный ножъ и, произнося мысленно заклинаніе, которому научила меня «дукунъ», я вонзила ножъ ему въ затылокъ.

— Вотъ тебѣ за моего ребенка!

Сжавъ конвульсивно кулакъ, она размахивала имъ въ воздухѣ, повторяя:

— Вотъ, вотъ тебѣ...

Онъ упалъ ко мнѣ на колѣни, но я отбросила его тѣло. Онъ еще былъ живъ и попытался ударить меня своимъ кинжаломъ. Но въ эту минуту я была сильнѣе десяти мужчинъ. Одинъ за другимъ я наносила ему удары въ грудь, въ шею, куда попало—вотъ такъ, вотъ такъ.

Вся согнувшись впередъ, точно видя передъ собою распростертое на землѣ тѣло врага, она яростно размахивала кулакомъ.

— О, ножъ мой не давалъ промаха! Лицо его болѣе не походило на лицо человѣческое. Я сторицею воздала ему за смерть моего сына.

Глаза ея свѣтились дикимъ торжествомъ. Годы, сѣдина, старческое слабое тѣло точно спали съ нея, какъ слой пепла съ тлѣвшаго подъ нимъ пламени. Это была снова восемнадцатилѣтняя, оскорбленная, безумная отъ горя мать, готовая, какъ тигрица, броситься на убійцу своего дѣтеныша.

— Да,—съ дикимъ смѣхомъ, исказившимъ ея лицо, воскликнула она:—я убила его собственными руками.

Нѣсколько времени она молчала. Глаза ея горѣли мрачнымъ огнемъ. Затѣмъ она воскликнула:

— Я исполнила то, что приказывало мнѣ сердце!

Я глядѣлъ на нее, эту убійцу, какъ приманкой, воспользовавшуюся своимъ тѣломъ, и ея злодѣяніе казалось мнѣ величественнымъ проявленіемъ материнской любви. Я едва осмѣлился сказать:

— Господь, создавшій мать и дитя, утѣшитъ тебя, мать Сидана. А я сдѣлаю для тебя все, что въ моей власти.

Что читаетъ и чѣмъ интересуется учащаяся молодежь.

I.

Въ послѣдніе годы и въ печати, и въ обществѣ очень много говорилось о современной молодежи. И защитниковъ у молодежи было, несомнѣнно, меньше, чѣмъ противниковъ.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей, художественное дарованіе котораго я высоко цѣню и мнѣніями котораго очень дорожу, какъ-то говорилъ мнѣ: «Нѣтъ ничего скучнѣе молодежи, и я не выношу ее. Какая она тупая, бездарная, лѣнивая, невѣжественная и притомъ—самонадѣянная! Всѣ эти гимназистики, студентики, точно новенькіе пятіалтынные, другъ на друга похожи; все у нихъ чужое, говорятъ отъ книжекъ, съ чужихъ словъ, всѣ подъ одну масть»...

Приведенное мнѣніе говоритъ за цѣлую массу людей, умудренныхъ жизнью, и охотно повторяется и въ обществѣ, и въ періодической печати.

Существуетъ и другое мнѣніе. Опредѣленная, но незначительная по своимъ размѣрамъ, часть культурной публики убѣждена въ томъ, что въ рядахъ молодежи чувствуется настоящее біеніе жизни.

Которое же изъ двухъ приведенныхъ мнѣній справедливо?

Разрѣшить этотъ вопросъ не такъ легко, какъ это кажется на первый взглядъ.

Я цѣлый рядъ лѣтъ жилъ одной жизнью съ учащимися трехъ учебныхъ заведеній и жизнь учащихся въ этихъ заведеніяхъ изучилъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. И мои знанія молодежи говорятъ исключительно въ пользу второго мнѣнія. Но не довѣряя своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ въ ограниченномъ кругу, я рѣшилъ сдѣлать анкету по этому вопросу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Собранныя свѣдѣнія дали богатый матеріалъ для рѣшенія поставленнаго выше вопроса и характеристики современной учащейся молодежи и еще сильнѣе убѣдили меня въ той мысли, что наша молодежь, учащаяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, живетъ всѣми чувства, всѣми силами своей души.

Свѣдѣнія эти я собралъ путемъ печати.

Въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года я напечаталъ въ одномъ изъ

періодическихъ изданій обращеніе къ русскому юношеству. Въ своемъ обращеніи я просилъ учащихся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній отвѣтить мнѣ на слѣдующіе два вопроса:

1) Изъ всѣхъ прочитанныхъ вами книгъ какая книга (или книги) больше всего вамъ понравилась и почему?

2) Какой вопросъ (или вопросы) и какая наука (или науки) больше всего васъ интересуютъ въ настоящее время и почему? *).

Мнѣ говорили, что мое обращеніе останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и указывали на то, что обращенія къ публикѣ въ странѣ съ слабо развитой общественностью—пустая, безполезная затѣя.

Говорившіе это во многомъ были правы.

Мнѣ не разъ приходилось наблюдать случаи обращеній къ обществу черезъ посредство печати и результаты обыкновенно получались весьма плачевные: въ однихъ случаяхъ никто не откликался на обращеніе, въ другихъ — откликалось слишкомъ ничтожное количество. И въ конечномъ счетѣ обращенія оказывались дѣйствительно пустой затѣей.

Но, печатая свое письмо, я памятовалъ, что обращаюсь не къ инертной части общества, а къ самой живой, подвижной и отзывчивой публикѣ—юношеству—и потому я не безъ основаній разсчитывалъ на успѣхъ. И въ своихъ разсчетахъ я не ошибся. Можно даже сказать, что результаты обращенія настолько значительны, что они превзошли всѣ мои ожиданія.

Въ теченіе 1902 года я получилъ болѣе 500 писемъ съ разныхъ концовъ Россіи. Если къ нимъ приложить собранные мною лично и переданные мнѣ разными лицами отвѣты, то въ конечномъ результатѣ получится довольно большая цифра: 933 отвѣта.

По учебнымъ заведеніямъ отвѣты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Изъ классическихъ гимназій	397
Изъ женскихъ гимназій	138
Изъ реальныхъ училищъ	118
Изъ духовныхъ семинарій	86
Изъ учительскихъ семинарій, военныхъ учебныхъ заведеній, женскихъ институтовъ, фельдшерскихъ школъ, коммерческихъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ, горныхъ и др. училищъ	194
Всего	933 отвѣта.

Отвѣчали преимущественно старшіе классы.

*) Позднѣе я напечаталъ дополнительную просьбу, въ которой просилъ сообщить свѣдѣнія о библіотекахъ, кружкахъ и т. п.

Особливо много дано отвѣтовъ воспитанниками шестого и седьмого класса мужскихъ гимназій.

Огромное большинство отвѣтовъ падаетъ на университетскіе и столичные города. Около трети отвѣтовъ приходится на долю Москвы, Кіева и Тамбова; Петербургъ по количеству отвѣтовъ занимаетъ пятое мѣсто.

Большинство корреспондентовъ отнеслось къ моему обращенію съ полной серьезностью. Многіе присылали не отвѣты, а цѣлыя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся духовной жизни учащагося юношества и его положенія въ семьѣ и школѣ. И только въ четырехъ письмахъ имѣется въ наличности болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ моей просьбѣ; одно изъ нихъ — коллективное и одно — отъ дѣвушки; послѣднее было для меня крайнею неожиданностью.

Доброжелательность корреспондентовъ къ моему предпріятію выражалась въ весьма различныхъ формахъ: одни высказывали горячія пожеланія успѣха моей работѣ, другіе собирали для меня отвѣты среди товарищей, третьи благодарили меня за вниманіе къ учащемуся юношеству.

Учебное начальство тоже не вездѣ безразлично отнеслось къ моему письму. Я имѣю свѣдѣнія изъ трехъ городовъ западнаго края, гдѣ педагоги обнаружили стремленіе оказать мнѣ содѣйствіе въ собираніи отвѣтовъ.

По разнымъ соображеніямъ я просилъ отвѣчать анонимно. Къ анонимности мои корреспонденты отнеслись различно *). Одни находятъ, что анонимность единственное средство для того, чтобы отвѣты были искренними. Другіе въ этомъ сомнѣваются и привиллегію на искренность берутъ только себѣ. «Все скажу,—пишетъ одинъ,—будьте увѣрены въ этомъ...» «Скажу,—пишетъ другой,—чистую правду, положа руку на сердце...» Или: «Въ моемъ письмѣ вы найдете одну только правду...» «Я рѣшилъ высказаться откровенно. Желаніе ли облегчить себя откровеннымъ признаніемъ, или другая причина побудила меня къ этому, кому какое до этого дѣло. Я исполняю ваше желаніе и исполняю его самымъ добросовѣстнымъ образомъ»...**) и т. п., и т. п.

Когда я печаталъ свое обращеніе, мнѣ и въ голову не приходило, что письма отъ учащагося юношества дадутъ мнѣ такой богатый матеріалъ, которымъ я располагалъ при составленіи настоящей работы. И я могу лишь выразить сожалѣніе по поводу того, что мнѣ не впол-

---

*) Любопытная черточка: гимназисты чаще всего подписывались Nemo и N, а реалисты—X и N.

**) Надо полагать, что среди учащейся молодежи очень большое количество людей одинокихъ. Иначе чѣмъ же объяснить нерѣдко встрѣчающіяся въ письмахъ ко мнѣ, совершенно неизвѣстному для корреспондентовъ человѣку, фразы: „Спасибо вамъ за то, что облегчилъ себя этимъ письмомъ...“ „Желаніе облегчить себя заставило меня писать вамъ...“ „На душѣ стало легче...“ и т. п.

нѣ удалось использовать имѣвшійся подъ рукой матеріалъ, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть...

Но и за вычетомъ неиспользованныхъ отвѣтовъ, все-таки осталось у меня большое количество воистину «человѣческихъ документовъ», развертывающихъ передъ нами одну за другой картины духовной жизни юношества, картины, вѣрныя дѣйствительности. Тутъ вы найдете чистый юношескій идеализмъ и крайній матеріализмъ, дерзкую самонадѣянность и сознаніе губительнаго безсилія, бодрый и ясный взглядъ на міръ Божій и полную нравственную подавленность и уныніе, нѣчто устанавливающееся, отливающееся въ опредѣленныя формы и полный разбродъ, мощное стремленіе къ знанію, истинѣ и полный индифферентизмъ къ нимъ.

Личныя наблюденія и собранный мною матеріалъ говорятъ объ одномъ: юношество всѣми силами своей души рвется къ свѣту и знанію...

II.

Науки, интересующія юношество.

Свѣдѣнія о любимыхъ юношествомъ наукахъ и научныхъ произведеніяхъ. Интересъ къ естествознанію, физико-математическимъ, гуманитарнымъ и общественнымъ наукамъ и его причины.

> У каждаго человѣка два образованія: одно, полученное отъ другихъ, а другое, болѣе важное, пріобрѣтенное имъ самимъ.
> *Гиббонъ*

Что создаетъ и развиваетъ въ лучшей части учащейся молодежи интересъ къ знанію, книгѣ? Во всякомъ случаѣ—не учебная система. Тѣ умственные интересы, которыми живетъ мыслящая часть юношества, мало общаго имѣютъ съ школьной наукой. Гимназисты, напр., усердно занимаются естественными науками и политической экономіей.

Изъ нижеслѣдующихъ данныхъ читатели могутъ, какъ нельзя лучше, убѣдиться въ томъ, что умственные интересы учащихся очень далеки отъ школы...

Подсчетъ отвѣтовъ на вопросъ о любимыхъ наукахъ далъ слѣдующіе результаты.

Естественныя и физико-математическія науки вообще названы любимыми въ 321 отвѣтѣ.

Въ частности:

астрономія	112 разъ.	зоологія	46 разъ
физика	95 »	химія	38 »
ботаника	69 »	физіологія	8 »
біологія	63 »	анатомія	3 »
геологія	52 »		

Общественныя и гуманитарныя науки вообще упоминаются 450 разъ.

Въ частности:

политическая экономія	174 раза.	антропологія	57 разъ
философія	152 »	словесность	42 »
исторія	103 »	литература	36 »
соціологія	129 »	педагогика	4 »
психологія	56 »	логика	2 »
практическія:		разныя:	
медицина	60 »	искусства	19 »
электричество	17 »	археологія	3 »
сельское хозяйство	19 »		
техника	13 »		
коммерція	— »		

Подсчетъ данныхъ объ авторахъ любимыхъ научныхъ произведеній далъ слѣдующіе результаты:

Дарвинъ	176 разъ.	Зомбартъ	128 »
Тимирязевъ	122 »	Исаевъ	106 »
Клейнъ	119 »	Чупровъ	84 »
Гр. Аленъ	97 »	Богдановъ	83 »
Фламмаріонъ	92 »	Іерингъ	81 »
Лункевичъ	90 »	Карышевъ	78 »
Брэмъ	76 »	Липпертъ	77 »
Лампа	68 »	Милюковъ	71 »
Тиндаль	65 »	Фулье	64 »
Кукъ	63 »	Карѣевъ	64 »
Агафоновъ	62 »	Нитше	56 »
Ферьеръ	62 »	Ключевскій	49 »
Гетчинсонъ	61 »	Шашковъ	36 »
Въ помощь самообразованію	57 »	Ковалевскій	31 »
Ньюкомбъ и Энгельманъ	48 »	Ланге	30 »
Уоллесъ	33 »	Геркнеръ	28 »
Менделѣевъ	26 »	Туганъ-Барановскій	27 »

Меньше 20 разъ упоминаются: Спенсеръ, Семевскій, Пыпинъ, Марксъ, Энгельсъ, Гюйо, Пейо, Струве, Нордау, Миль, Вундтъ, Гефдингъ, Тейлоръ, Фалькенбергъ и мн. др.

На вопросъ—почему интересуются естественными и физико-математическими науками—отвѣты получились весьма разнообразные: «по причинѣ глубины вопросовъ, затрагиваемыхъ ими, и широтѣ горизонтовъ»; «считаю ихъ самыми лучшими изъ наукъ для познанія окружающаго міра»; «такъ какъ онѣ объясняютъ мнѣ явленія природы, что для меня представляетъ самый существенный интересъ»; «потому

что онѣ пытаются отвѣтить на вопросы: откуда и куда все это идетъ и въ чемъ сущность жизни»; «онѣ отвѣчаютъ на самые жгучіе вопросы: какъ произошелъ міръ и все живое»; «естествознаніе—самая живая наука»; «люблю за точность, за то, что добытыя истины можно всегда провѣрить»...

Или: «въ понятіи нѣкоторыхъ людей естественныя науки играютъ роль отрицателей духовной стороны человѣка, но лично мнѣ этого не кажется... Я съ удовольствіемъ бы училъ эти науки въ гимназіи, но теперь приходится ограничить себя нѣсколькими популярными статьями и сочиненіями г. Тимирязева. Глубокое спасибо приношу этому профессору». (Гимназистъ VI кл.)

«Только естествознаніе способствуетъ духовному возрожденію человѣка, поднимаетъ человѣка надъ житейской пошлостью, перерождаетъ его». (Гимназистъ VII кл.).

«Изъ наукъ интересуюсь въ настоящее время преимущественно естественными, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мнѣ кажется, что человѣку необходимо знать прежде всего то, что происходитъ около него, что его окружаетъ, что онъ станетъ дѣйствительно господиномъ природы только черезъ изученіе ея».

«Что можетъ быть пріятнѣе изученія природы, окружающей насъ! Какое отрадное чувство наполняетъ душу, когда узнаешь хотя одинъ фактъ изъ жизни животныхъ или растеній; но еще отраднѣе бываетъ на сердцѣ, когда чувствуешь себя способнымъ прочесть нѣсколько строкъ изъ раскрытой передъ глазами всѣхъ великой книги природы! Что мнѣ тогда собранія, балы, концерты и т. п. безполезное препровожденіе времени и ничего больше. Это ли не блаженство сознавать, что немногимъ дается возможность заглядывать въ книгу природы, и что я въ числѣ этихъ счастливцевъ, и я не только заглядываю, но и читаю и понимаю написанное великимъ Творцомъ ея! Но почему немногимъ открыто пониманіе этой великой книги природы? Почему изъ сотни моихъ товарищей только двое или трое занимаются изученіемъ природы? Вѣдь, кажется, такіе же люди, какъ и я и другіе, занимающіеся изученіемъ природы, а между тѣмъ они не только не обращаютъ вниманія на природу, но даже смѣются надо мной и моими занятіями». (Реалистъ V кл.) Автору этого отрывка нравятся соч. Брэма, Штандфуса («Жизнь и воспит. бабочекъ») и Корша («Міръ насѣкомыхъ»).

«Меня интересуетъ то, какъ произошелъ міръ, и въ частности, какъ произошло все находящееся на землѣ, а поэтому изъ наукъ меня больше всего интересуютъ естественныя, какъ болѣе всего отвѣчающія на интересующіе меня вопросы. Кромѣ того меня интересуетъ, что такое мышленіе и какъ оно происходитъ со стороны физіологической»... (Реалистъ V кл).

Изъ отдѣльныхъ наукъ совершенно особое мѣсто занимаетъ астрономія.

Къ астрономіи отношеніе исключительное. Къ этой наукѣ ея поклонники относятся въ буквальномъ смыслѣ съ благоговѣніемъ.

«Изученіе астрономіи и изслѣдованіе неба меня отрѣшаетъ отъ всего земного,—пишетъ одинъ изъ окончившихъ гимназію.—Астрономія приближаетъ человѣка къ Богу, возвышаетъ его надъ всей житейской пошлостью, дѣлаетъ его чище, небеснѣе, если можно такъ сказать».

«Самыми интересными науками мнѣ кажутся астрономія и геологія,—говоритъ воспитанникъ духовной семинаріи. Онѣ лучше всего просвѣщаютъ умъ и воспитываютъ благоговѣніе къ Творцу».

Вотъ еще нѣсколько характерныхъ отвѣтовъ:

«Астрономія, говорятъ, царственная наука, и это правда: она намъ даетъ представленіе о вселенной, учитъ насъ о ничтожествѣ земного, самой земли и даже самой солнечной системы. Въ астрономіи съ удивительной силой люди показали остроту своего ума».

«Изъ наукъ меня всего болѣе интересуетъ астрономія, какъ наука возвышающая, облагораживающая и успокаивающая человѣка, какъ наука о небѣ, возносящая насъ къ глубокимъ тайнамъ вселенной, къ вопросу о вѣчной жизни, какъ наука, расширяющая кругозоръ человѣка и объясняющая намъ, гдѣ мы и что мы».

«Въ астрономіи сказалась высшая мудрость человѣка. Я думаю, что уже по одному этому нужно преклоняться передъ этой наукой и боготворить ее. Эта наука создана не просто человѣкомъ, а человѣкомъ, который носитъ въ себѣ образъ и подобіе Предвѣчнаго».

Не всѣ любители астрономіи отвѣчаютъ на вопросъ—почему эта наука имъ нравится. Одна гимназистка по этому поводу такъ высказывается:

«Моя любимая наука—астрономія. Я чувствую, что эта наука выше другихъ, хотя почему—точно опредѣлить не могу и стараюсь увѣрить себя, что и другія науки не хуже».

Или дается такой неопредѣленный отвѣтъ:

«Астрономію я болѣе всего люблю; еще въ дѣтствѣ я засматривался на звѣздное небо и такимъ образомъ у меня появился интересъ къ этой наукѣ».

А то просто отвѣчаютъ: «почему именно понравилась астрономія, я не могу дать себѣ яснаго отчета». Но такихъ отвѣтовъ только три.

Насколько нѣкоторые серьезно занимаются астрономіей, можно видѣть изъ такого отвѣта гимназиста VII класса:

«Теперь я уже прочелъ всѣ наиболѣе популярныя книги по астрономіи (на русскомъ языкѣ) и думаю продолжать свои занятія, руководствуясь указаніями «программъ для домашняго чтенія». Но, кромѣ пріобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній, я произвожу съ помощью «Путеводителя по небу» Покровскаго наблюденія, а въ послѣднее время пріобрѣлъ себѣ довольно хорошій оптическій инструментъ—трубу въ 75 mm. въ діаметрѣ».

Трубы имѣются у нѣсколькихъ человѣкъ, отвѣчавшихъ мнѣ. Двое изъ корреспондентовъ намѣрены вступить въ переписку съ учеными астрономами, чтобы этимъ путемъ разрѣшить тѣ вопросы изъ области астрономіи, отвѣтовъ на которые они не могутъ найти въ популярныхъ руководствахъ.

Наиболѣе читаемыми книгами по астрономіи являются «Астрономическіе вечера» Клейна, «Солнце» Юнга, «Живописная астрономія» Фламмаріона, «Уранія» его же, статьи по астрономіи въ четвертомъ выпускѣ сборника «Въ помощь самообразованію», «Міровзданіе» Мейера, «Астрономія въ общепонятномъ изложеніи» Ньюкомба и Энгельмана.

Имѣются и отзывы о нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ книгъ по астрономіи. О книгѣ Клейна *) ученица VII класса женской гимназіи пишетъ:

«Книга, къ которой я испытываю нѣжность, какъ къ живому существу—это «Астрономическіе вечера» Клейна, хотя я ее теперь уже не читаю. Первый разъ я ее прочла, когда мнѣ было 13 л., и она указала мнѣ путь, цѣль и ни разу съ тѣхъ поръ я не отступала ни на шагъ отъ этого пути, не измѣнила цѣли. Она открыла мнѣ новый, такой прекрасный міръ! Благодаря ей, я пережила столько счастливыхъ минутъ!»

Книги Ньюкомба и Энгельмана и Мейера называютъ—«настольной», «учителемъ» и т. п.

Увлеченіе астрономіей чаще всего начиналась съ прочтенія книгъ Клейна или Фламмаріона. Одинъ изъ корреспондентовъ такъ отзывается о роли «Ураніи» въ появленіи у него интереса къ астрономіи:

«Изъ книгъ мнѣ болѣе всего понравилось сочиненіе Фламмаріона «Уранія», вслѣдствіе увлекательнаго и поэтическаго изложенія многихъ высокихъ научныхъ истинъ и вопросовъ, а также и вслѣдствіе того, что съ прочтеніемъ этой книги у меня пробудился интересъ къ астрономіи».

Не считая астрономіи, объ отдѣльныхъ физико-математическихъ и естественно-историческихъ наукахъ дано очень небольшое количество отзывовъ.

«Математику, физику и геологію люблю, какъ вспомогательныя къ астрономіи, а географію и этнографію, потому что во мнѣ сказываются мои предки кочевники, и я страстная любительница путешествій и прогулокъ» (гимназистка VIII кл.).

«Безъ знанія теоріи Дарвина невозможно самообразованіе: во всѣхъ областяхъ знанія мы встрѣчаемся съ этой теоріей; у Уоллэса мы на-

---

*) „Астрономическіе вечера“ Клейна напечатаны впервые на русскомъ языкѣ въ жур. „Міръ Божій“ въ 1894 г. и потомъ изданы ред. этого журнала отдѣльно въ 1895 г. Затѣмъ новыя изданія этой замѣчательной книги выпущены фирмой „Знаніе“ три раза.

ходимъ эту теорію вполнѣ ясно, научно и литературно изложенной и прочтеніе ея дало мнѣ большое подспорье въ дальнѣйшемъ самообразованіи» (гимназистъ VIII кл.).

«Изъ наукъ нравится химія, такъ какъ, по моему мнѣнію, эта наука является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей научнаго прогресса, кромѣ того, это наука живая и пріобрѣтаетъ особый интересъ при опытномъ изученіи ея» (гимназистъ VI кл.).

«Изъ наукъ мнѣ больше всего нравится математика. Я иногда до утра просиживаю надъ задачами и стараюсь пройти ее какъ можно основательнѣе и полнѣе. Я думаю, что математика есть самая важная наука послѣ философіи, которая, по моему, занимаетъ первое мѣсто, имѣетъ самое широкое приложеніе въ жизни» (семинар. III кл.).

«Алгебру и геометрію люблю потому, что въ будущемъ, для той карьеры, которую я избралъ, онѣ необходимы» (гимназистъ VI кл.).

«Кромѣ того, я интересуюсь также и физикой, какъ наукой, объясняющей намъ различныя физическія явленія, происходящія вокругъ насъ, и какъ наукой, знаніе которой является необходимымъ условіемъ для пониманія астрономическихъ истинъ, такъ какъ физика и астрономія тѣсно связаны другъ съ другомъ» (гимназистъ VIII кл.).

«Физика и философія. Первая объясняетъ мнѣ явленія природы, а вторая вопросы, которые задаетъ мнѣ сама жизнь, что меня очень интересуетъ» (реалистъ VI кл.).

«Больше же всѣхъ наукъ уважаю математику. Почему? Законы цѣнятся лишь постольку, поскольку они долговѣчны, между тѣмъ, только математическіе законы вѣчны и неизмѣнны, только математическіе законы одни и тѣ же, въ какія бы условія мѣста и времени мы ихъ ни поставили. Кромѣ того математика больше всѣхъ другихъ наукъ учитъ насъ логически правильной мысли, учитъ насъ во всемъ искать точности и достовѣрности» (гимназистъ VIII кл.).

Въ гуманитарныхъ и общественныхъ наукахъ ищутъ разрѣшенія вопросовъ о «цѣли и смыслѣ жизни»; о томъ, «какъ бы прожить свою жизнь съ пользой для другихъ и для себя»; «въ какихъ отношеніяхъ должны быть люди, т.-е. какъ и что они должны дѣлать, чтобы не нарушать справедливости»; «какъ уничтожить несправедливость въ общественныхъ отношеніяхъ»; «возможна ли жизнь, основанная на любви и правдѣ—вотъ вопросъ, который я хочу разрѣшить изученіемъ философіи и исторіи»; «ищу въ нихъ рѣшенія вѣковѣчныхъ вопросовъ о долгѣ, совѣсти и правдѣ»; «изучаю исторію и философію затѣмъ, чтобы увѣриться въ возможности наступленія царства Божьяго на землѣ» и т. п.

«Въ исторіи я слѣжу за идеями, которыя преслѣдовались великими людьми. Мнѣ доставляетъ удовольствіе переживать съ ними ихъ фантастическія, подчасъ эфемерныя надежды. Я сочувствую имъ,

потому что ясно сознаю всю невозможность безыдейной жизни. Пусть говорятъ, что подобные люди односторонни, потому что свѣтъ они видятъ только въ достиженіи своей цѣли, а на все другое не обращаютъ никакого вниманія; зато они живутъ, а не прозябаютъ» (воспит. ср.-уч. з.).

«Интересуютъ меня, главнымъ образомъ, науки, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «гуманитарныхъ», изъ нихъ въ особенности: исторія, исторія литературы, философія и искусства. На первомъ мѣстѣ я ставлю исторію по ея 1) широкому, общеобразовательному значенію въ дѣлѣ умственнаго развитія, 2) какъ могучее средство для выработки яснаго, объективнаго міросозерцанія. Въ зависимости отъ чистой исторіи я изучаю исторію литературы, философіи и искусства, какъ вспомогательныя средства для болѣе глубокаго пониманія духовной жизни человѣчества въ ея различныхъ проявленіяхъ» (гимназистъ VII кл.).

«Больше всего меня теперь интересуетъ исторія, такъ какъ безъ исторіи невозможно понять соціальную жизнь современныхъ людей, а соціальныя знанія должны быть, по моему, цѣлью всѣхъ наукъ, такъ какъ науки естественныя суть лишь подспорье къ нимъ» (гимназистъ VIII кл.).

«... Исторія, рисуя вѣрными чертами человѣка различныхъ эпохъ, даетъ намъ возможность прослѣдить за развитіемъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ человѣчества и тѣмъ оказать намъ несомнѣнную пользу въ выясненіи человѣческой личности, столь необходимомъ для созданія прочныхъ основъ жизни каждаго отдѣльнаго индивидуума. Также интересуетъ меня философія, въ которой можно найти, если не отвѣты, то, во всякомъ случаѣ, источники для нихъ на различные вопросы, которые приходится часто ставить самому себѣ» (гимназистъ VII кл.).

«Люблю философію. При изученіи ея передо мною какъ будто открывается новый міръ, до сихъ поръ незнакомый мнѣ, съ которымъ я всѣми силами стараюсь скорѣе ознакомиться, какъ бы боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ меня.

«Психологія необходима при изученіи педагогики, а педагогикой интересуюсь потому, что хочу быть воспитателемъ. Очень люблю юность и дѣтей. Мнѣ хочется стать хорошимъ и полезнымъ Россіи педагогомъ... Названныя науки плюсъ еще философія меня интересуютъ, какъ наиболѣе живыя, движущія мысль, питающія мозгъ и душу, а также и необходимыя для всякаго образованнаго педагога. Ничего мертваго не люблю, а только эти науки дышатъ «жизнью духа и сердца» (воспитанникъ кадет. корп.).

«Философія—выраженіе высшей мудрости человѣка. Въ ней можно найти отвѣты рѣшительно на всѣ сомнѣнія»... (реалистъ VI кл.).

«Философія можетъ научить человѣка, какъ устроить свою жизнь разумно» (гимназистка VII кл.).

«Въ философіи можно почерпнуть силы для жизни. Особенно полезно обращаться къ философіи въ минуты тяжкихъ сомнѣній, раздумій, разочарованій, потери вѣры въ себя и людей. Тогда философія является для человѣка истиннымъ утѣшителемъ, она подбодритъ и двинетъ его къ дѣятельности...» (Восп. воен.-уч. з.).

«Изъ наукъ меня влечетъ къ себѣ философія, главнымъ же образомъ исторія и науки общественныя, потому что онѣ даютъ возможность разбираться въ общественныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ. Я главнымъ образомъ интересуюсь соціологіей и связанной съ ней антропологіей, какъ наукой отвѣчающей на самые жизненные вопросы. Вообще же меня интересуютъ науки, отличающіяся обобщеніемъ выводовъ, поэтому я, окончивъ гимназію, поступаю на историко-филологическій факультетъ, гдѣ буду имѣть наибольшую возможность познакомиться съ философіей въ обширномъ смыслѣ этого слова» (гимназистъ VIII кл.).

У многихъ корреспондентовъ отношеніе къ философіи отрицательное. Вотъ одинъ изъ образчиковъ подобнаго отношенія:

«Это безчисленное количество терминовъ въ философіи какъ будто нарочно выдумано учеными, чтобы ихъ сочиненія были доступны только избраннымъ, чтобы ихъ усвоеніе было привилегіей одной философской касты, а не всякого смертнаго. Эта темнота, пестрота философскихъ терминовъ и оборотовъ просто, мнѣ кажется, запугиваетъ всякаго непривычнаго читателя и заранѣе располагаетъ его относиться къ философіи если не презрительно, то, по крайней мѣрѣ, равнодушно, какъ къ самой отвлеченной, сухой, безсодержательной наукѣ, наполненной однѣхъ протяженносложенныхъ фразъ и непонятныхъ терминовъ. Я думаю, едва ли сами философы безусловно правильно понимаютъ свои термины, которыми щеголяютъ на каждомъ шагу. Вѣдь у насъ еще не выработано такихъ истинныхъ научно-философскихъ терминовъ, на которыхъ бы могли объединиться всѣ разногласія въ ихъ пониманіи».

Политическая экономія въ ряду любимыхъ наукъ занимаетъ довольно почетное мѣсто. Въ длинномъ рядѣ отзывовъ можно найти и причины, побудившія молодежь обратиться къ изученію этой науки.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ, отвѣчающихъ на вопросъ, почему нравится и изучается политическая экономія:

«Мнѣ нравятся философія, соціальныя и политико-экономическія науки. Въ нихъ я ищу разрѣшенія о цѣли, о смыслѣ жизни»... (Воспит. Горн. учил.)

«Интересуюсь политической экономіей. Почему? Да потому что это

самая живая наука и отвѣчающая на животрепещущіе вопросы даннаго времени»... (Воспит. Коммерч. учил.)

Медициной интересуются ученицы женскихъ гимназій. Объясняется это тѣмъ, что «въ настоящее время карьера врача для женщины является самой привлекательной и наилучшей». Впрочемъ, независимо отъ этого, медицину называютъ «самой важной изъ всѣхъ наукъ», какъ «облегчающей страданія людей», «такъ какъ она даетъ возможность облегчать человѣческія страданія» и т. п.

Какъ курьезъ, отмѣчу увлеченіе двухъ гимнзистокъ... археологіей, и «археологическими изысканіями».

Довольно значительное количество корреспондентовъ не указываетъ точно, какая именно наука (или науки) больше другихъ нравится и изучается. Часто вмѣсто прямыхъ указаній содержатся одни лишь общія разсужденія.

«Такъ какъ я думаю, что истинное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно яснѣе понять себя, уяснить законы, которые управляютъ духовной жизью человѣка, уяснить себѣ свое положеніе въ мірѣ, понять, что такое окружающая насъ природа, небо, звѣзды, вся вселенная, какіе законы управляютъ ею; наконецъ, уяснить себѣ свое положеніе среди людей, въ обществѣ, понять, что такое общество, какіе законыуправляютъ его жизнью,—то меня наиболѣе интересуютъ философскія науки (психологія, этика), естественныя науки, наконецъ, науки общественныя (соціологія, политическая экономія), а также исторія (культуры), такъ какъ она показываетъ, что жизнь человѣчества прогрессируетъ по строго опредѣленнымъ законамъ. Изъ этихъ наукъ я ни одной не интересуюсь болѣе, чѣмъ другой».

«Во всѣхъ знаніяхъ я чувствую себя дилетантомъ; спеціализироваться не могу, чувствуя сильную потребность быть общеобразованнымъ. Меня интересуютъ всѣ науки, всѣ искусства. У меня является громадная жажда въ знаніяхъ. Мнѣ хочется знать кое-что и изъ политической экономіи, изъ соціологіи, физики, философіи, психологіи и пр. Для этой цѣли я стараюсь читать научныя книги по этимъ предметамъ и выписываю «Самообразованіе».

Ученица VIII-кл. женской гимназіи свой отзывъ объ астрономіи заканчиваетъ словами: «Другія науки я тоже люблю, кромѣ, впрочемъ, филологическихъ которыхъ я терпѣть не могу»...

Не безынтересны отзывы о нѣкоторыхъ понравившихся книгахъ. Книги Клейна, Тимирязева, Дарвина, Чупрова, Исаева, Богданова, Бокля, Дрэпера, Липперта, Уоллэса (съ приложеніемъ статьи Зомбарта) и т. п. въ большомъ ходу. Чаще всего лишь указывалась книга, а почему она понравилась,—отвѣтъ на этотъ вопросъ въ большинствѣ случаевъ заключался въ отвѣтѣ о любимой наукѣ. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые

изъ отвѣчавшихъ находили нужнымъ давать оцѣнку тѣхъ книгъ, по которымъ они изучаютъ любимую науку.

«Астрономическіе вечера» Клейна и «Попытка химическаго пониманія мірового эфира» Менделѣева, какъ торжество науки» (окончившій университетъ).

«Краткій курсъ политической экономіи» Богданова, потому что популярно написана и политическая экономія разбирается въ связи съ исторіей культуры. «Русская фабрика» Туганъ-Барановскаго, «ибо эта книга заграгиваетъ интересные вопросы, опровергаетъ нѣкоторыя мнѣнія народниковъ и даетъ массу фактическаго матеріала» (ученикъ VII кл. гимназіи).

«Фюстель-де-Куланжъ—Гражданская община античнаго міра. Авторъ въ теченіе всего сочиненія не отклоняется отъ основной мысли, цѣнныя свѣдѣнія, даваемыя книгой, благодаря этой общей руководящей мысли (домашній очагъ) стройно укладываются въ памяти читателя и врядъ ли могутъ быть забыты имъ» (гимназистъ VIII класса).

«Прогрессъ и бѣдность» Джорджа, потому что въ ней красиво рѣшается будущее человѣчества» (окончившій университетъ).

«Для человѣка, знакомаго съ развитіемъ цивилизаціи только по гимназическимъ учебникамъ исторіи, является прямо кладомъ сочиненіе Липперта «Исторія культуры»: оно затрагиваетъ массу областей знанія, начиная съ исторіи и кончая сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, ни въ одной изъ нихъ не оставляя читателя въ недоумѣніи и вызывая въ немъ жажду знанія» (гимназистъ VII класса).

«Любимѣйшая моя книга—это геніальное сочиненіе Бокля. Въ ней я нахожу отвѣты на тѣ вопросы, которые занимаютъ мой умъ въ данную минуту».

«Больше всего меня заинтересовали и понравились мнѣ двѣ книги: «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера и «Исторія философіи» Фулье. Вы спрашиваете—почему? Потому что эти книги показали мнѣ, что философія опредѣлила отношенія людей, что она анализировала всѣ чувства человѣка, что она добралась до той микроскопической доли истины, которой теперь владѣетъ человѣчество, и что ей, а не другой наукѣ суждено добиться истины, если это только возможно».

«Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера. Эта книга мнѣ очень понравилась, несмотря на проведенную въ ней мысль, что всякій народъ переживаетъ періодъ дѣтства, юности, возмужалости, дряхлости, послѣ чего неминуемо гибнетъ,—взглядъ, съ которымъ я не могу согласиться,—потому что она была одной изъ первыхъ книгъ, которыя убѣдили меня, что историческая жизнь человѣчества подчинена опредѣленнымъ законамъ» (гимназистъ VIII класса).

«Нравятся мнѣ книги Карѣева, Пейо и Гюйо, потому что затрагиваютъ родныя мнѣ темы, потому что учатъ меня *что* дѣлать и потому еще, что дали провѣрку моимъ собственнымъ выводамъ» (гимназистъ VI класса).

«Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи» проф. Н. Карѣева даютъ массу совѣтовъ касательно саморазвитія и предостерегаютъ отъ многихъ ошибокъ, столь возможныхъ въ юношескомъ возрастѣ» (семинаристъ).

«Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой»—Дрэпера. Въ этой книгѣ говорится, какія громадныя препятствія одолѣвала наука въ своемъ развитіи, съ какими врагами боролась. Главными врагами ея были поборники инквизиціи. Истина могуча, всесильна; наука побѣдила мракобѣсовъ, признавшихъ ея силу. Эта книга произвела на цѣлую массу моихъ знакомыхъ неизгладимое впечатлѣніе. Рекомендую смѣло всѣмъ читать ее, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о наукѣ и ея врагахъ» (семинаристъ IV класса).

Книга Гюйо «Исторія и критика англійскихъ ученій о нравственности» одного гимназиста спасла отъ самоубійства.

Таковы вкратцѣ умственные интересы нашего юношества. Теперь мы перейдемъ къ другимъ не менѣе интереснымъ сторонамъ его духовной жизни и къ проявленіямъ послѣдней, къ изящной словесности, къ чтенію любимыхъ писателей, родныхъ и иностранныхъ, и къ отношенію къ нимъ юношества.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

К. Левинъ.

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Академика **И. П. Бородина.**

*(Продолженіе *).*

II.

Ксеніи! Еслибы лѣтъ десять... да нѣтъ, даже лѣтъ пять тому назадъ кто-нибудь обратился къ ботаникамъ Стараго и Новаго Свѣта съ ехидным вопросомъ, что такое «ксеніи», то громадное большинство ихъ навѣрное не выдержало бы такого экзамена. Систематики, можетъ быть, вспомнили бы, хотя и некстати, о сочиненіи Рейхенбаха съ красивыми рисунками орхидей, озаглавленномъ «Xenia orchidacea», но лишь немногіе, спеціально интересующіеся явленіями скрещиванія и образованіемъ помѣсей въ растительномъ царствѣ, стали бы припоминать: «ксеніи, ксеніи... это что-то тамъ... у Фокэ въ самомъ концѣ» и... попали бы въ точку. Въ настоящее время положеніе дѣла совершенно измѣнилось: ксеніи сразу пріобрѣли громкую извѣстность, вошли въ моду, попали уже въ учебники и понятіе о нихъ стало обязательнымъ даже для студентовъ. Метаморфоза эта произошла, главнымъ образомъ, благодаря блестящему открытію Навашина, открытію двойного оплодотворенія, сразу освѣтившаго и объяснившаго то, что казалось совершенно непонятнымъ и даже невозможнымъ.

Но что же такое въ самомъ дѣлѣ эти внезапно прославившіяся ксеніи? Терминъ этотъ сравнительно новъ... ему двадцать два года, хотя явленія, имъ обозначаемыя, указывались уже давно. До «Θалеса» ученые, правда, въ своихъ поискахъ еще не дошли, но восемнадцатый вѣкъ уже захватили.

Строгими опытами, въ особенности Кёльрейтера въ восемнадцатомъ вѣкѣ, а затѣмъ Гертнера въ первой половинѣ девятнадцатаго, было несомнѣнно установлено, что растеніе можетъ давать сѣмена и въ томъ случаѣ, если опыленіе будетъ произведено не его собственною

---

*) См. „Міръ Божій", № 4, апрѣль 1903 г.

пыльцею, а пыльцею другого растенія, лишь бы отецъ и мать не очень сильно отличались другъ отъ друга по своей организаціи. Такая операція называется скрещиваніемъ. Скрещиваться могутъ различныя разновидности того же растительнаго вида, даже различные виды одного и того же рода и лишь въ рѣдкихъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ—формы, настолько различныя по внѣшности, что ботаникъ относитъ ихъ даже къ разнымъ родамъ, но всегда того же семейства. Изъ сѣмянъ, полученныхъ путемъ такого скрещиванія, развиваются растенія, въ которыхъ различнымъ образомъ сплетаются признаки отцовскаго и материнскаго организмовъ. Это такъ называемыя помѣси или ублюдки.

Въ 1881 году появилась сохранившая и до сихъ поръ полное свое значеніе въ качествѣ справочнаго сочиненія книга довольно извѣстнаго нѣмецкаго ботаника (по профессіи врача), здравствующаго и понынѣ, Фокэ (Focke), озаглавленная «Die Pflanzenmischlinge», т.-е. «Растительныя помѣси». Въ этой книгѣ, представляющей сводъ всего въ то время извѣстнаго по отношенію къ продуктамъ скрещиванія въ растительномъ царствѣ, авторъ въ дополнительной главѣ предлагаетъ новый терминъ: «ксеніи». Этимъ именемъ Фокэ обозначаетъ «такія отклоненія отъ нормальной формы или окраски, которыя наблюдаются на какихъ-либо частяхъ даннаго растенія подъ вліяніемъ чужой пыльцы», прибавляя къ этому, что ксенія своего рода подарокъ гостя (Gastgeschenk) со стороны растенія, доставившаго пыль, тому растенію, на которое эта пыль была перенесена. Такое опредѣленіе ксеній можетъ, однако, показаться туманнымъ и потребовать разъясненія. Дѣло вотъ въ чемъ. Само собою разумѣется, что при скрещиваніи двухъ различныхъ растеній не можетъ не сказаться вліяніе отца. Мало того, давно уже выяснилось, что оно не уступаетъ вліянію матери; и это неудивительно, разъ мы знаемъ, что при оплодотвореніи совершается сліяніе двухъ клѣточныхъ ядеръ, отцовскаго, доставленнаго пылинкою, и материнскаго, находящагося въ яйцѣ. Но это вліяніе отцовской формы можетъ сказаться и дѣйствительно сказывается лишь на потомствѣ, которое разовьется изъ сѣмянъ, полученныхъ путемъ скрещиванія. Самыя сѣмена, а тѣмъ болѣе содержащіе ихъ плоды, казалось бы, ничѣмъ не должны выдавать своего смѣшаннаго, гибриднаго, какъ говорятъ ботаники, происхожденія. Вѣдь плодъ есть вмѣстилище, образованное всецѣло материнскимъ организмомъ, да и въ сѣмени, кромѣ скрытаго въ немъ зародыша, сформировавшагося подъ вліяніемъ отца, все остальное, кожура и бѣлокъ, нерѣдко составляющій почти все сѣмя,—принадлежитъ матери (я разсуждаю такъ, какъ приходилось разсуждать каждому до открытія Навашина). А между тѣмъ въ литературѣ накоплялись факты, подмѣченные, главнымъ образомъ, практиками-садоводами, факты, указывавшіе, повидимому, на возможность непосредственнаго воздѣйствія отцовскаго организма на материнскій: увѣряли, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже на самыхъ

сѣменахъ и даже плодахъ отражается вліяніе совершившагося скрещиванія. Вотъ эти-то явленія и назвалъ Фокэ ксеніями.

Всматриваясь ближе въ примѣры ксеній, приведенные у Фокэ, мы находимъ крайне пестрый винигретъ изъ фактовъ, частью, какъ выяснилось въ новѣйшее время, вполнѣ достовѣрныхъ, неоспоримыхъ, частью весьма сомнительныхъ, частью, наконецъ, совершенно невѣроятныхъ.

Къ вполнѣ достовѣрнымъ принадлежатъ въ настоящее время только ксеніи маиса. Маисъ (иначе кукуруза) быстро сдѣлался классическимъ примѣромъ дѣйствительнаго существованія ксеній Фокэ. Одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга три различныхъ изслѣдователя—де-Фризъ въ Голландіи, Корренсъ въ Германіи и Уэбберъ въ Америкѣ—опубликовали свои опыты надъ этимъ растеніемъ, приведшіе ихъ къ вполнѣ согласнымъ между собою результатамъ и разсѣявшіе всѣ сомнѣнія насчетъ достовѣрности многочисленныхъ прежнихъ показаній относительно того же растенія. Особенно обстоятельна работа Корренса, въ окончательномъ видѣ появившаяся въ 1901 году.

Подобно другимъ культурнымъ растеніямъ, и кукуруза образуетъ много такъ называемыхъ сортовъ (породъ, расъ, разновидностей—терминологія въ этомъ отношеніи далеко еще не установилась). Всѣ эти сорта принадлежатъ къ одному и тому же ботаническому виду—Zea Mays, отличаясь другъ отъ друга лишь въ извѣстныхъ, сравнительно мелкихъ, но подчасъ весьма наглядныхъ и вполнѣ постоянныхъ при чистой культурѣ признакахъ. Сортовъ кукурузы извѣстно до восьмидесяти. Всѣ они возникли въ культурѣ, подъ вліяніемъ человѣка, но какъ выглядѣла родоначальная дикая форма этого растенія, совершенно неизвѣстно; мы не знаемъ даже, каковы были сорта, привезенные Колумбомъ изъ Америки въ Европу. Сорта кукурузы различаются между собою, главнымъ образомъ, въ зернахъ. Величина, форма и цвѣтъ зеренъ необыкновенно разнообразны. Въ Абессиніи есть сортъ кукурузы съ такими мелкими зернами, что 32 штуки ихъ вѣсятъ столько же, сколько одно зерно крупноплоднаго сорта. Есть сорта съ почти круглыми зернами, другіе съ совершенно плоскими (напр., общеизвѣстный конскій зубъ), третьи съ коническими и т. д. По цвѣту зерна могутъ быть бѣлыми, желтыми въ различныхъ оттѣнкахъ, красными, бурыми, синими, фіолетовыми, вплоть до черныхъ. Ко всѣмъ этимъ признакамъ присоединяются еще другіе, внутренніе, доставляемые физическими и химическими свойствами зеренъ. Надо замѣтить, что зерно кукурузы представляетъ собою, подобно зернамъ всѣхъ прочихъ злаковъ, не сѣмя, а цѣлый плодъ, такъ какъ оно развивается изъ завязи; внутри этого плода находится одно сѣмя, плотно сростающееся со стѣнкою завязи, такъ что плодъ и сѣмя составляютъ одно неразрывное цѣлое. Самое сѣмя принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ бѣлковыхъ сѣмянъ. Зародышъ, на одной сторонѣ зерна просвѣчивающій сквозь плодовую

оболочку, самъ заключаетъ немного питательнаго матеріала; главная масса послѣдняго сосредоточена въ ткани бѣлка, составляющей почти все сѣмя. Вотъ этотъ-то матеріалъ, это запасное питательное вещество, приготовленное материнскимъ организмомъ и потребляемое при проростаніи зерна развивающимся зародышемъ, неодинаковъ въ различныхъ сортахъ кукурузы. Въ большинствѣ случаевъ въ бѣлкѣ отлагается крахмалъ, злаки вообще даютъ сѣмена мучнистыя, т.-е. крахмалистыя, но въ нѣкоторыхъ сортахъ кукурузы, называемыхъ не совсѣмъ правильно сахаристыми, вмѣсто крахмала, въ клѣточкахъ бѣлка находятся другія вещества, близко сродныя крахмалу, но растворимыя въ водѣ, главнымъ образомъ, камедеобразныя вещества, декстринъ и т. п., а отчасти и въ самомъ дѣлѣ сахаръ. Въ незрѣломъ видѣ такіе сахаристые сорта не отличаются замѣтно отъ мучнистыхъ, но при окончательномъ созрѣваніи зерна, содержащія вмѣсто крахмала растворимый въ водѣ запасъ, теряя воду, изъ гладкихъ, какими представляются обыкновенно кукурузныя зерна, превращаются въ морщинистыя; сахаристый сортъ, благодаря этому обстоятельству, становится замѣтнымъ сразу на глазъ, безъ всякаго микроскопическаго изслѣдованія. Есть еще и другіе признаки, помимо указанныхъ, въ которыхъ могутъ отличаться между собою различные сорта кукурузы, но я на нихъ не останавливаюсь.

Такимъ образомъ кукуруза въ своихъ многочисленныхъ, постоянныхъ, броскихъ въ глаза сортахъ даетъ намъ въ руки обильный, превосходный матеріалъ для скрещиванія въ различныхъ направленіяхъ. Къ тому же необыкновенно благопріятнымъ обстоятельствомъ является оригинальное цвѣтеніе кукурузы. Первое условіе для того, чтобы скрещиваніе могло быть удачнымъ, составляетъ устраненіе всякой возможности самоопыленія того растенія, которое призвано играть роль матери. Такъ какъ у громаднаго большинства растеній цвѣты заключаютъ въ себѣ одновременно какъ мужскіе, такъ и женскіе органы, то обыкновенно, задавшись цѣлью получить помѣсь, приходится прибѣгать къ не всегда легкой операціи такъ называемаго кастрированія цвѣтка, т.-е. искусственнаго удаленія, вырѣзыванія изъ цвѣтка его тычинокъ, конечно, прежде чѣмъ успѣютъ созрѣть ихъ пыльники. Злаки слѣдуютъ общему типу и цвѣты у нихъ почти всегда обоеполые, но кукуруза между злаками составляетъ исключеніе: у нея имѣются отдѣльные женскіе и отдѣльные мужскіе цвѣты. Первые расположены въ пазухахъ верхнихъ листьевъ, подъ защитою листовыхъ влагалищъ и только длинныя нитевидныя рыльца выставляются наружу цѣлыми пучками; мужскіе же цвѣты развиваются открыто на вершинѣ стебля въ видѣ цѣлой метелки. Достаточно срѣзать эту метелку, прежде чѣмъ она успѣетъ распустить хотя бы одинъ изъ своихъ цвѣтковъ, чтобы превратить весь экземпляръ въ чисто женскій, устранивъ такимъ образомъ возможность самоопыленія. Такимъ образомъ мы можемъ на изолированной

грядкѣ посадить по экземпляру различныхъ сортовъ кукурузы и у всѣхъ, кромѣ одного, по нашему усмотрѣнію, срѣзать молодую метелку мужскихъ цвѣтковъ. Неоперированный экземпляръ своею пылью произведетъ тогда оплодотвореніе всѣхъ смежныхъ, т.-е. съиграетъ роль общаго отца, матери же будутъ разныя. Именно такъ и производилъ свои опыты Корренсъ. Съ другой стороны, однако, кукуруза имѣетъ и свои отрицательныя стороны,—она мало приспособлена къ европейскому климату и многіе изъ сортовъ ея не вызрѣваютъ въ средней Европѣ—главномъ средоточіи ученыхъ силъ.

Практики давно уже утверждали, что при культурѣ такого сорта кукурузы, который даетъ бѣлыя зерна, могутъ получаться вмѣсто бѣлыхъ желтыя или синія, если рядомъ будетъ посаженъ другой сортъ, имѣющій желтыя или синія зерна. Тщательная провѣрка этихъ отрывочныхъ показаній названными выше тремя учеными привела къ слѣдующимъ любопытнымъ и отчасти неожиданнымъ результатамъ.

Общее заключеніе, къ которому привели всѣ новѣйшіе опыты надъ образованіемъ ксеній у кукурузы, можетъ быть формулировано такъ: чужая пыль, т.-е. пыль взятая съ другого сорта, несомнѣнно оказываетъ вліяніе не только на зародышъ, но и на самое зерно, его заключающее, причемъ, однако, это вліяніе всегда отражается исключительно на бѣлкѣ зерна, никогда не распространяясь на плодовую оболочку, не говоря уже о какой-либо другой части материнскаго растенія. Особенно эффектно сказывается это въ измѣненіяхъ окраски зеренъ. Бѣлоплодный сортъ кукурузы можетъ давать желтыя или синія зерна при опыленіи его желтоплоднымъ или синеплоднымъ сортомъ, но если въ роли отца выступитъ сортъ съ красными зернами, то соотвѣтствующихъ ксеній не наблюдается—зерна получаются попрежнему бѣлыя. Чтобы объяснить себѣ этотъ въ высшей степени странный на первый взглядъ результатъ, мы должны анализировать окраску кукурузнаго зерна, познакомиться съ тѣмъ, гдѣ, въ какой части зерна отлагается красящее вещество. Вотъ тутъ-то и оказываются характерныя различія. Цвѣтъ зерна слагается изъ независимыхъ другъ отъ друга окрасокъ плодовой оболочки и бѣлка, причемъ самый поверхностный слой бѣлка, такъ называемый клейковинный слой, всегда отличающійся содержимымъ своихъ клѣточекъ, можетъ быть и окрашенъ иначе, чѣмъ вся остальная масса бѣлка. Синій или фіолетовый цвѣтъ, напр., всегда принадлежитъ исключительно этому поверхностному слою бѣлка, прочая же масса бѣлка либо безцвѣтна, либо имѣетъ желтую окраску. Напротивъ, въ красный цвѣтъ окрашена бываетъ исключительно плодовая оболочка, т.-е. шкурка зерна. Если въ самомъ дѣлѣ вліяніе посторонней пыли распространяется (помимо зародыша) только на бѣлокъ, то вполнѣ понятно, что краснолодный сортъ не въ состояніи передать своей окраски другому сорту, такъ какъ шкурка, въ которой только и можетъ отлагаться красное вещество, ему не подчиняется.

Ксеніи у кукурузы обнаруживаются не только въ измѣненіи цвѣта зерна. Не менѣе характерны и наглядны ксеніи, вызванныя измѣненіемъ химическихъ свойствъ зерна или, въ сущности, опять-таки его бѣлка. Возьмемъ одинъ изъ сахаристыхъ сортовъ кукурузы съ морщинистыми въ зрѣломъ видѣ зернами и опылимъ его какимъ-либо мучнистымъ сортомъ. Эффектъ получается поразительный: во всемъ початкѣ нельзя найти ни единаго морщинистаго зерна, всѣ зерна стали мучнистыми. Такъ какъ сахаристость или мучнистость зерна обусловливается, какъ мы видѣли, отложеніемъ тѣхъ или иныхъ запасныхъ веществъ въ клѣточкахъ бѣлка, то мы имѣемъ здѣсь новое доказательство вліянія посторонней пыли именно на ткань бѣлка. Въ высшей степени замѣчательно, однако, то обстоятельство, что, если бы мы, соблазнившись легкостью, съ которою удается уничтожить сахаристость и превратить сахаристый сортъ въ мучнистый, вздумали произвести обратную операцію, опыляя мучнистый сортъ кукурузы сахаристымъ, то насъ постигло бы полное разочарованіе—мучнистый сортъ такъ и остался бы мучнистымъ. Другими словами, въ какомъ бы направленіи ни производилось скрещиваніе этихъ двухъ сортовъ, все равно, получатся мучнистыя зерна; поддержать сахаристость можно только, тщательно устраняя вліяніе какого бы то ни было мучнистаго сорта, т.-е. прибѣгая къ самоопыленію или къ опыленію другимъ, но тоже сахаристымъ сортомъ. При ксеніяхъ окраски (ксенохроміяхъ, какъ ихъ назвалъ Фокэ) это одностороннее дѣйствіе также наблюдается, хотя въ гораздо менѣе рѣзкой формѣ. При опыленіи бѣлаго или желтаго сорта синимъ ксеніи получаются обильно: половина, по крайней мѣрѣ, а обыкновенно и еще больше зеренъ (однако, не всѣ) въ початкѣ оказываются синими въ различной степени, причемъ эта пріобрѣтенная отъ отца окраска, гнѣздящаяся, какъ мы видѣли, въ поверхностномъ клейковинномъ слоѣ бѣлка, то разлита въ немъ равномѣрно, окрашивая зерно сплошь, то лишь мѣстами, такъ что весьма часто получаются зерна съ синими или фіолетовыми разводами или отдѣльными крапинками на бѣломъ или желтомъ фонѣ. Если же мы, наоборотъ, возьмемъ синій сортъ кукурузы въ качествѣ матери, а опылять будемъ бѣлымъ или желтымъ сортомъ, то ксеній почти не получимъ. Одно время думали даже, что ихъ не получается вовсе, и дѣйствительно есть сорта, пыль которыхъ абсолютно неспособна измѣнить синюю окраску материнскаго сорта; однако, въ другихъ случаяхъ такое измѣненіе наблюдается, хотя въ весьма незначительной степени: немногія, единичныя зерна въ початкѣ, полученномъ такимъ скрещиваніемъ, оказываются болѣе блѣдными или даже совершенно бѣлыми среди подавляющей массы синихъ, причемъ очень рѣдко наблюдается образованіе пятнистости. Тѣ же явленія обнаруживаются при взаимномъ скрещиваніи бѣлоплоднаго сорта съ желтоплоднымъ: превратить бѣлый сортъ въ желтый легко, но измѣнить желтыя зерна въ бѣлыя почти невозможно.

Такимъ образомъ несравненно легче свѣтло окрашенному сорту сообщить болѣе темную окраску, нежели наоборотъ. Это одностороннее воздѣйствіе одного сорта на другой въ высокой степени замѣчательно и настоятельно нуждается въ объясненіи, которымъ мы и займемся впослѣдствіи, а пока примемъ его какъ любопытный фактъ, установленный опытомъ.

Стоитъ отмѣтить еще одно странное на первый взглядъ обстоятельство: ни величина, ни форма кукурузнаго зерна не измѣняются отъ скрещиванія, по крайней мѣрѣ, непосредственно; мелкоплодный сортъ кукурузы не даетъ болѣе крупныхъ зеренъ, въ видѣ ксеній, отъ того, что будетъ опыленъ крупноплоднымъ, или наоборотъ. Если, напр., въ качествѣ матери будетъ фигурировать кукуруза съ мелкими и сахаристыми зернами, а въ качествѣ отца другой сортъ съ крупными и мучнистыми, то получатся зерна мучнистыя, какъ у отца, но столь же мелкія, какъ у матери. Только здѣсь необходимо помнить, что рѣчь идетъ именно о непосредственномъ воздѣйствіи одного сорта на другой, о томъ воздѣйствіи, эффектъ котораго сказывается въ видѣ ксеній на подвергнутомъ опыленію экземплярѣ въ тотъ же годъ, какъ операція произведена, а что окажется современемъ въ потомствѣ, выросшемъ изъ ксеніевыхъ зеренъ, это... совершенно особая статья. Если выше, напр., было сказано, что красноплодный сортъ не въ состояніи передать своей окраски другому сорту, то и это слѣдуетъ понимать въ томъ же смыслѣ: и здѣсь, какъ и во всѣхъ предъидущихъ примѣрахъ, имѣлся въ виду лишь непосредственный эффектъ скрещиванія, но это отнюдь не значитъ, что потомство такъ-таки и не вспомнитъ о красномъ цвѣтѣ отца, подъ неблаговиднымъ предлогомъ, что имъ окрашена была лишь его шкурка. Итакъ, величина и форма зеренъ, въ противность ихъ цвѣту и химическому составу, при скрещиваніи не измѣняются. Это можетъ показаться страннымъ въ виду того, что главную массу зерна составляетъ бѣлокъ, столь отзывчивый въ другихъ отношеніяхъ къ качествамъ воспринятой растеніемъ пыльцы. По мнѣнію Корренса, дѣло объясняется тѣмъ, что величина и форма зерна опредѣляются не бѣлкомъ, а плодовою оболочкою: бѣлку приходится какъ бы втискиваться въ готовыя рамки, создаваемыя ему шкуркою, которая, какъ мы видѣли, находится внѣ сферы вліянія пыльцы.

Подводя итоги сказанному, мы видимъ, что у кукурузы, по крайней мѣрѣ, непосредственное воздѣйствіе пыли на воспринявшій ее организмъ въ видѣ такъ называемыхъ ксеній несомнѣнно существуетъ, но обнаруживается исключительно на бѣлкѣ зерна. Внимательный читатель навѣрное уже давно понялъ, въ чемъ тутъ дѣло и какая связь между ксеніями и блестящимъ открытіемъ Навашина. Связь эта ясна какъ день. Если въ зародышномъ мѣшкѣ разыгрывается не просто давно извѣстное оплодотвореніе яйцеклѣточки, дающей послѣ этого зародышъ, а происходитъ двойное оплодотвореніе, если второй опло-

дотворяющій элементъ, доставленный пыльцевою трубкою, сливается съ ядромъ зародышнаго мѣшка, побуждая его къ образованію клѣточекъ бѣлка, то само собою понятно, что и бѣлокъ, подобно зародышу, обнаруживаетъ признаки отца; разъ попала чужая пыль, то бѣлокъ, наравнѣ съ зародышемъ, долженъ имѣть характеръ помѣси. Въ дѣлѣ разъясненія таинственныхъ ксеній открытіе Навашина было откровеніемъ, послѣ котораго тремъ упомянутымъ выше изслѣдователямъ ихъ оставалось только хлопнуть себя по лбу, что они, вѣроятно, и сдѣлали. Корренсъ, нѣсколько лѣтъ до того занимавшійся экспериментальнымъ изученіемъ ксеній у кукурузы и убѣдившійся въ томъ, что ксеніи ограничиваются областью бѣлка, склонялся было, для объясненія этого замѣчательнаго факта, по его собственнымъ словамъ, къ другой гипотезѣ: воспринявшій вліяніе отца зародышъ при своемъ развитіи выдѣляетъ изъ себя, думалъ онъ, особое вещество, вродѣ такъ называемыхъ ферментовъ, которое дѣйствуетъ на окружающій бѣлокъ, сообщая и ему отцовскія свойства. Съ открытіемъ двойного оплодотворенія Корренсъ тотчасъ же отказался отъ своего толкованія.

Блистательное объясненіе ксеній, созданное открытіемъ Навашина, было встрѣчено общимъ сочувствіемъ и его стали пережевывать на разные лады. Такъ, англійскій ботаникъ, миссъ Сарджентъ старалась пояснить намъ телеологическую сторону двойного оплодотворенія, его цѣлесообразность: бѣлокъ, самъ испытавшій на себѣ вліяніе отца, вслѣдствіе этого, будто бы, лучше приспособленъ для питанія такого же зародыша, чѣмъ бѣлокъ, образованный всецѣло материнскимъ организмомъ.

Весьма оригинально воспользовался двойнымъ оплодотвореніемъ американецъ Уэбберъ для объясненія столь часто встрѣчающейся при образованіи ксеній пятнистости или вообще пестрой окраски зеренъ. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Уэббера, второму оплодотворяющему элементу не удалось почему либо слиться съ ядромъ зародышнаго мѣшка и оба стали размножаться самостоятельно (мы увидимъ далѣе, что такое развитіе безъ оплодотворенія дѣйствительно возможно); общій фонъ зерна образуютъ тѣ клѣточки бѣлка, ядра которыхъ являются потомками ядра зародышнаго мѣшка, т. е. материнскаго организма, крапины же суть группы клѣточекъ, развившіяся изъ отцовскаго оплодотворяющаго элемента. Объясненію этому нельзя отказать въ большомъ остроуміи, но тѣмъ не менѣе оно наврядъ ли справедливо и во всякомъ случаѣ преждевременно. Критикуя гипотезу Уэббера, Корренсъ указываетъ на то, что крапины далеко не всегда бываютъ рѣзко очерченными и иногда вырисовываются на фонѣ, который и самъ имѣетъ синеватый оттѣнокъ; тогда для объясненія общей синеватости приходится допустить, что ядро зародышнаго мѣшка было оплодотворено, а для объясненія крапинъ надо принять, что такого оплодотворенія не было и выходитъ внутреннее противорѣчіе.

Между тѣмъ дѣло, повидимому, объясняется проще: даже сплошь синее зерно нерѣдко проходитъ предварительно чрезъ стадію пятнистости, — синяя окраска выступаетъ сначала лишь мѣстами, а затѣмъ уже отдѣльныя пятна сливаются между собою и получается равномѣрно окрашенное синее зерно; поэтому весьма возможно, что пятнистыя ксеніевыя зерна суть просто зерна, остановившіяся на болѣе ранней стадіи развитія, т. е. не успѣвшія посинѣть вполнѣ.

До сихъ поръ рѣчь шла исключительно о ксеніяхъ кукурузы, какъ наиболѣе изученныхъ. Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ другими растеніями.

Вполнѣ естественно ожидать такихъ же ксеній, какъ у кукурузы, и у другихъ злаковъ, въ виду того, что строеніе зерна во всей этой группѣ въ общихъ чертахъ одно и тоже: вездѣ зародышъ занимаетъ лишь уголокъ зерна, а главную массу послѣдняго составляетъ бѣлокъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ аналогичные съ приведенными выше опыты, произведенные еще въ 1893 году надъ рожью Жильтэ (Giltay) въ Голландіи. Надо замѣтить, что рожь, въ противоположность другимъ культурнымъ злакамъ, въ особенности пшеницѣ, обладаетъ очень малою измѣнчивостью и почти не образуетъ постоянныхъ сортовъ. Это объясняется тѣмъ, что она почти совершенно неспособна къ самоопыленію,—колосъ ржи, будучи изолированъ отъ воздѣйствія посторонней пыли (съ другихъ экземпляровъ ржи), обыкновенно остается совершенно безплоднымъ, несмотря на то, что въ каждомъ цвѣткѣ этого колоса имѣются собственныя тычинки. При такомъ положеніи вещей всякое случайно появившееся уклоненіе отъ нормы не можетъ укрѣпиться и быстро стушевывается подъ вліяніемъ безпрерывно повторяющагося скрещиванія. Цвѣтъ ржаного зерна почти столь же разнообразенъ, какъ окраска зеренъ кукурузы, но у ржи обыкновенно въ одномъ и томъ же колосѣ зерна имѣютъ всевозможные оттѣнки. Однако, тщательно отбирая зерна одного цвѣта и выращивая ихъ отдѣльно, можно, если и не вполнѣ, то въ значительной степени, упрочить ту или другую окраску. Жильтэ путемъ такой отборки получилъ изъ одной и той же ржи два сорта—въ одномъ почти всѣ зерна имѣли красноватый оттѣнокъ, а въ другомъ—синеватый. При скрещиваніи ихъ между собою получились результаты такіе же, какъ у кукурузы: послѣдній сортъ при посредствѣ своей пыли сообщилъ первому свою синеватость; обратное дѣйствіе и здѣсь выражено было слабѣе.—Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ксеніи могутъ быть получены у риса, сорго и просо, такъ какъ у этихъ злаковъ, на подобіе кукурузы, рядомъ съ мучнистыми сортами существуютъ сорта сахаристые или «клейкіе», въ которыхъ крахмалъ замѣненъ растворимыми въ водѣ запасными веществами.

Сходныя съ ксеніями на первый взглядъ явленія наблюдаются при скрещиваніи сортовъ гороха, а также левкоя. Горохъ даетъ сорта съ

зелеными и другіе съ желтыми сѣменами, и при опыленіи зеленаго сорта желтымъ послѣдній сообщаетъ первому свою окраску. Левкой обыкновенно имѣетъ желтыя сѣмена, но существуютъ сорта съ синевато-черными сѣменами; при опыленіи желтосѣмяннаго сорта синимъ получаются болѣе или менѣе синеватыя сѣмена. Съ виду это совершенно тоже, что и у кукурузы, а между тѣмъ въ дѣйствительности эти случаи совсѣмъ не относятся къ ксеніямъ. Сѣмена гороха и левкоя принадлежатъ къ другому типу, чѣмъ зерна кукурузы и вообще злаковъ,—они, какъ выражаются ботаники, безбѣлковыя—подъ кожурою прямо лежитъ просвѣчивающій сквозь нее зародышъ; онъ и составляетъ, помимо кожуры, все сѣмя, а ткань бѣлка совершенно отсутствуетъ. Та или другая окраска сѣмени обусловливается здѣсь, слѣдовательно, цвѣтомъ зародыша, измѣненіе котораго подъ вліяніемъ скрещиванія вполнѣ понятно, а потому для объясненія этихъ «мнимыхъ» ксеній никакого открытія Навашина, никакого двойного оплотворенія не требуется.

Въ высшей степени важно было бы рѣшить, не существуютъ ли, сверхъ этихъ «мнимыхъ» ксеній, не требующихъ особаго объясненія, и «настоящихъ» ксеній, сдѣлавшихся намъ понятными послѣ открытія Навашина, еще такія «Ксеніи», которыя послѣднимъ объяснены быть не могутъ. Другими словами, вопросъ въ томъ, нѣтъ ли такихъ случаевъ, въ которыхъ вліяніе воспринятой чужой пыли обнаруживалось бы не только на зародышѣ и бѣлкѣ, являющихся продуктами оплодотворенія, но и на самомъ плодѣ или даже на другихъ частяхъ опыленнаго растенія. Какъ мы видѣли выше, новѣйшіе изслѣдователи «ксеній» отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно и выдвигаютъ на первый планъ основное положеніе, согласно которому дальше бѣлка ксеніи не распространяются. Ко всѣмъ имѣющимся въ литературѣ показаніямъ, противорѣчащимъ этому выводу, ученые относятся въ настоящее время съ величайшимъ скептицизмомъ. Но если вспомнить, что и нынѣ объясненныя «ксеніи» встрѣчались долгое время съ крайнимъ недовѣріемъ, то нельзя не рекомендовать большой осторожности въ отрицаніи. Конечно, нѣкоторыя показанія таковы, что отнестись къ нимъ серьезно нѣтъ возможности. Такъ, напримѣръ, берлинскій ботаникъ Карлъ Кохъ утверждалъ, будто отъ опыленія кувшинки (Nymphaea) пыльцею магноліи (!) листья кувшинки получаютъ болѣе продолговатую форму. Это ужъ что-то совсѣмъ дикое, и навряд-ли найдется охотникъ провѣрять на дѣлѣ подобное утвержденіе. Но имѣются другія показанія, гораздо менѣе фантастическія. Такъ, напримѣръ, упорно повторяются въ плодоводственной литературѣ увѣренія касательно возможнаго вліянія другъ на друга различныхъ сортовъ яблонь: если растутъ рядомъ яблони двухъ разныхъ сортовъ, и въ особенности, если вѣтви ихъ сплетаются между собою, то нерѣдко, будто бы, яблоня даннаго сорта производитъ плоды, похожіе на яблоки смежнаго сорта, или

нѣчто среднее между обоими. На наибольшаго вниманія заслуживаетъ любопытное показаніе нашего покойнаго академика Максимовича. Скрещивая между собою два разныхъ вида лилій (Lilium bulbiferum и L. dahuricum), онъ нашелъ, что первый, будучи опыленъ вторымъ, даетъ коробочку, по формѣ напоминающую плодъ отцовскаго вида; такой же результатъ получился и при обратномъ скрещиваніи тѣхъ же видовъ,— материнскій организмъ опять далъ плодъ такой, какой бываетъ у отца, доставившаго пыль. Корренсъ высказываетъ предположеніе, что Максимовичъ просто перепуталъ ярлыки, но тотъ, кто лично зналъ Карла Ивановича и его педантическую нѣмецкую аккуратность, наврядъ ли найдетъ это объясненіе правдоподобнымъ. Вотъ это показаніе настойчиво нуждается въ тщательнѣйшей фактической провѣркѣ и такая провѣрка, на мой взглядъ, составляетъ нравственный долгъ нашего Императорскаго ботаническаго сада, въ которомъ покойный Максимовичъ производилъ эти опыты и лучшимъ украшеніемъ котораго онъ такъ долго служилъ. Если бы эти опыты дали отрицательный результатъ, ну, что-жъ!.. слава знаменитаго нашего систематика отъ этого нисколько бы не пострадала,—не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; но если бы результатъ получился положительный, то не только память покойнаго было бы очищена отъ все же непріятнаго подозрѣнія, но и для науки открылось бы новое поле для изслѣдованія, возникли бы новые вопросы, назойливо требующіе отвѣта и ожидающіе его отъ пытливаго человѣческаго ума.

Ну, а пока что, и мы примемъ за доказанныя лишь такія «ксеніи», которыя ограничиваются областью бѣлка и съ теоретической стороны. послѣ открытія Навашина, представляются вполнѣ понятными.

Въ концѣ перваго очерка и назвалъ «ксеніи» крупнымъ козыремъ въ рукахъ Навашина по поводу спора о томъ, въ правѣ ли онъ называть открытыя имъ явленія «двойнымъ оплодотвореніемъ». И дѣйствительно, разъ образованіе бѣлка, подобно образованію зародыша, требуетъ вмѣшательства оплодотворяющаго элемента, причемъ и бѣлку, и зародышу одинаково сообщаются свойства отцовскаго организма, то трудно не усмотрѣть въ обоихъ процессахъ характерныхъ признаковъ полового акта, того, что мы называемъ оплодотвореніемъ; получается какъ бы два зародыша, но изъ нихъ одинъ призванъ къ дальнѣйшему развитію, а другой рано или поздно вытѣсняется первымъ. Если бы даже впослѣдствіи оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несмотря на отсутствіе оплодотворяющихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе развивается въ зародышномъ мѣшкѣ ткань бѣлка, то и это бы не измѣнило нашего представленія о двойномъ оплодотвореніи. Какъ, мы увидимъ далѣе, и настоящій зародышъ можетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ развиваться изъ яйца безъ всякаго оплодотворенія, возникать, какъ говорятъ, партеногенетически чрезъ дѣвственное зарожденіе.

Познакомившись съ ксеніями, вполнѣ естественно перейти... къ помѣсямъ. Въ сущности, вѣдь и самыя ксеніи, являясь наглядным выраженіемъ вліянія отцовскаго организма, несомнѣнно принадлежатъ къ образованіямъ помѣсевого характера. Вся разница въ томъ, что въ ксеніяхъ вліяніе отца обнаруживается тотчасъ же, т. е. въ тотъ самый годъ, когда произведено скрещиваніе, и обнаруживается на полученныхъ при этомъ сѣменахъ, тогда какъ въ настоящихъ помѣсяхъ тоже самое отцовское вліяніе обнаруживается лишь на слѣдующій годъ въ потомствѣ, выращенномъ изъ помѣсевыхъ сѣмянъ.

Въ свое время помѣси сыграли громадную роль въ вопросѣ о половомъ размноженіи въ растительномъ царствѣ, явившись наиболѣе рѣшительнымъ доказательствомъ реальнаго существованія и здѣсь, какъ въ животномъ царствѣ, типичныхъ половыхъ явленій. Въ послѣдніе годы интересъ къ помѣсямъ усилился до чрезвычайности и изученіе ихъ начинаетъ выдѣляться въ особую отрасль знанія—гибридологію. Для теоріи наслѣдственности помѣси доставляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ, но разобраться въ этомъ матеріалѣ не такъ то легко. На первый взглядъ онъ поражаетъ своею хаотичностью, приводившею въ отчаяніе не одного изслѣдователя. Потомство, выросшее изъ помѣсевыхъ сѣмянъ, получается нерѣдко настолько пестрое, что подмѣтить какую-либо законность кажется почти невозможнымъ. Но это только такъ кажется. Мало по малу мы начинаемъ разбираться въ этомъ хаосѣ, кропотливо изучая каждый изъ отдѣльныхъ признаковъ отцовскаго и материнскаго организмовъ и дальнѣйшую судьбу этихъ признаковъ въ потомствѣ. Отдѣльные признаки оказываются въ высокой степени самостоятельными, другъ отъ друга независимыми; это своего рода шашки, которыя могутъ перетасовываться самымъ различнымъ образомъ. Въ изученіи пертурбацій, которымъ они подвергаются при скрещиваніи, яркою путеводною звѣздою служитъ намъ въ настоящее время... Мендель и его законъ, постепенно, впрочемъ, изъ закона превратившійся въ простое правило

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ результатовъ, доставленныхъ намъ изученіемъ ксеній, это ихъ односторонность: путемъ скрещиванія легко удается, какъ мы видѣли, превратить сахаристый сортъ кукурузы въ мучнистый, но обратное превращеніе рѣшительно невозможно; фіолетовый сортъ кукурузы сообщаетъ свою окраску бѣлому или желтому сорту, но обратнаго вліянія почти не замѣчается. Мендель долженъ объяснить намъ эти въ высшей степени странные факты. Мендель, Мендель! Ахъ, какая это любопытная исторія!

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть II.

*(Окончаніе *).*

XIII.

Они молча вышли на улицу. У Крученинова лицо было хмурое. Онъ не глядѣлъ на свою спутницу.

— Вы не торопитесь, Людмила? Мы можемъ идти пѣшкомъ?— наконецъ, спросилъ онъ.

— О, да, конечно!—поспѣшно отвѣтила Людмила.—Мнѣ никуда не надо.

И опять наступило молчаніе. Они шли торопливо, какъ будто ихъ призывало важное, спѣшное дѣло.

— Скажите же мнѣ что нибудь? Зачѣмъ вы такъ убійственно молчите?—нервнымъ, раздражительнымъ голосомъ воскликнулъ Крученинов.

Людмила посмотрѣла на него и поняла, что онъ страдаетъ. Молчать ей дольше нельзя было, а что сказать ему, она не знала.

Она сама была подавлена всѣмъ происшедшимъ. Убѣдилъ ли ее Рокотовъ, она сейчасъ этого не могла знать. Да и нужно ли было убѣждать ее? Она и безъ того не была сознательной сторонницей поѣздки въ Поволжье. Она всегда спорила противъ этой поѣздки, но у нея не было въ распоряженіи тѣхъ доводовъ, которые выставилъ Рокотовъ.

И тѣмъ не менѣе она давно уже согласилась съ нимъ. Поѣздка была рѣшена и назначено приблизительно время для нея.

— Зачѣмъ непремѣнно надо говорить?—неопредѣленно, нерѣшительно промолвила она.—Развѣ что-нибудь произошло?

— А развѣ ничего не произошло?—спросилъ Крученинов.

— По моему, ничего особеннаго. Каждый высказалъ свой

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь, 1903 г.

взглядъ. Ваши взгляды различны, вотъ и все. Люди съ различными взглядами могутъ уважать другъ друга и жить въ мирѣ.

— Вы неискренни со мной, Людмила. Это—въ первый разъ. И это, конечно, изъ доброжелательства ко мнѣ, я это понимаю. Развѣ тутъ дѣло во взглядахъ? Со взглядомъ вашего отца я не согласенъ, какъ бы онъ ни былъ краснорѣчивъ... Я остался при своемъ. Но тутъ дѣло во впечатлѣніи... Вы понимаете, съ вершины скалы скатился тяжелый камень и придавилъ того, кто случайно стоялъ внизу. Вы понимаете?..

— Значитъ, все дѣло въ самолюбіи?—сказала Людмила и слегка испугалась этого вопроса.

— Самолюбіе... Можетъ быть, да, а можетъ быть—и нѣтъ. Если и самолюбіе, то оно относится къ вамъ и только къ вамъ. Неужели вы думаете, что я дорожу уваженіемъ этой безличной толпы, которая бѣшено аплодируетъ потоку, уничтожающему ее? Вѣдь эти люди пришли же сюда съ чѣмъ-нибудь, съ какимъ-нибудь убѣжденіемъ. Но стоило только раздаться его властному голосу, какъ они растеряли всѣ свои снасти и пересѣли въ его лодку, чтобы плыть подъ его парусами... Но вы же знаете, что я, съ первой минуты знакомства съ вами, веду отчаянную борьбу изъ-за васъ... Сперва я боролся съ вашей матерью, но она смирилась, она отпустила возжи, на которыхъ держала васъ. А теперь выступилъ опаснѣйшій врагъ—вашъ отецъ, Рокотовъ.. И неужели вы думаете, что я не видѣлъ на вашемъ лицѣ подавляющаго впечатлѣнія, которое произвели на васъ его слова?.. Я понялъ, что съ каждымъ его словомъ я уменьшаюсь въ вашихъ глазахъ..

— Вы сперва успокойтесь, а потомъ выслушайте вотъ что...— мягко сказала Людмила, но онъ перебилъ ее.

— Нѣтъ, дослушайте. Рѣчь Рокотова прекрасна. Я такъ не умѣю говорить. Моя рѣчь мнѣ самому показалась ничтожной и жалкой. Но это ничего не значитъ. Знаете ли вы, что такое Рокотовъ для насъ, для нашего поколѣнія? Для своего времени это былъ дѣятель—сильный, талантливый, неукротимый. Но для нашего поколѣнія онъ только наблюдатель со стороны. Мы живемъ, мы кипимъ, а онъ глядитъ спокойно и доктринерствуетъ. Онъ говоритъ: спокойно накопляйте силы... А я не могу этого. Я задохнусь отъ этого спокойствія. Пусть дѣло, на которое я иду, ничтожно по своему значенію, но все же оно даетъ работу моимъ живымъ душевнымъ силамъ... Когда нѣтъ большой работы, нужно дѣлать маленькую... Въ городахъ, въ закрытыхъ школахъ, гдѣ нѣтъ полей, лѣсовъ и горъ, чтобы дать выходъ накопляющейся здоровой мускульной силѣ, дѣти дѣлаютъ гимнастику, маршируютъ по залѣ, подымаютъ гири. Если смотрѣть со стороны, это безсмысленно, это не приноситъ никакой видимой пользы, но

это необходимо для ихъ мускуловъ и нервовъ. А здѣсь все-таки не гимнастика, а маленькая польза...

— Зачѣмъ вы все это говорите? Вы какъ будто убѣждаете меня, но этого не нужно!—очень твердо сказала Людмила.— Если бы Рокотовъ произвелъ на меня впечатлѣніе въ милліонъ разъ сильнѣйшее, то все равно я не перемѣнила бы своего рѣшенія. Мы съ вами согласились, и такъ будетъ... Васъ это успокаиваетъ?

— О, да, Людмила, да! Это все, что нужно!—воскликнулъ Крученіновъ.—Я хочу, чтобы наше было внутреннимъ нашимъ, а все остальное—внѣшнимъ. Пусть потокъ реветъ и кипитъ вокругъ нашей хижины, лишь бы онъ не попалъ въ нее и не смылъ нашего гнѣзда.

— Такъ это и есть, такъ и будетъ!

Но, говоря всѣ эти, видимо успокаивавшія его слова, Людмила испытывала странное ощущеніе двойственности и не могла отдѣлаться отъ мыслей, которыя насильно лѣзли въ ея голову.

Она припоминала свои разговоры съ матерью и то, что Ирина Васильевна говорила ей о любви. Вотъ она точно по нотамъ разыгрываетъ ту пьесу, которую мать развивала передъ нею. Она не согласна, не убѣждена, а поступитъ именно такъ. «Противъ себя, но за нимъ».

Такъ, должно быть, бываетъ со всѣми. Но другія не замѣчаютъ этого и думаютъ, что, идя «за нимъ», онѣ всегда согласны съ нимъ. У нея же, благодаря стараніямъ Ирины Васильевны, развита способность критиковать себя, каждое движеніе своей души. И вотъ она видитъ, что идетъ за нимъ, не будучи согласна съ нимъ.

«Что дѣлать! Я люблю... Должно быть, это неизбѣжно», говорила она себѣ.

Между тѣмъ, на Васильевскомъ Островѣ, въ небольшомъ оставшемся кружкѣ бесѣда продолжалась. Ирина Васильевна была необыкновенно оживлена и что-то примирительное свѣтилось въ ея глазахъ.

Уже одно то, что она осталась сидѣть въ квартирѣ Рокотова, значило очень много. Но она осталась даже охотно. Сегодняшнее собраніе напоминало ей многое. Хотя двадцать лѣтъ своей жизни она посвятила отрицанію того прошлаго, но все же оно было лучшимъ, самымъ интереснымъ, что только было въ ея жизни

Въ тѣ времена Рокотовъ говорилъ иначе. Спокойствіе, обдуманность, систематичность и закругленность,—это были новыя качества въ его рѣчи. Онѣ явились очевидно, какъ результатъ многолѣтней жизни «въ отставкѣ, на покоѣ».

Она представляла его другимъ: съ горящими глазами, съ гро-

мовымъ голосомъ, съ отрывистою рѣчью, онъ дѣйствовалъ на слушателей не столько своими доводами, сколько пламеннымъ убѣжденіемъ и неукротимой волей. Онъ точно приказывалъ, и его слушались, ему подчинялись безпрекословно.

Но тогда онъ побуждалъ, звалъ на дѣло, а теперь ему приходится сдерживать, отрицать и объяснять.

Только въ концѣ своей рѣчи онъ, словно вдругъ настроившись, поднялъ тонъ и напомнилъ ей прежнее.

Но, все равно, она видѣла передъ собой что-то живое, сильное и властное. Она давно уже не встрѣчала такого явленія и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, она, наблюдая, какъ всѣ слушатели сливались въ одномъ общемъ вниманіи, какъ онъ покорялъ ихъ, чувствовала и въ себѣ какъ бы пробуждающуюся покорность прежнихъ лѣтъ. Зазвучали прежнія струны, раздалась призывная мелодія, и сердце стало биться усиленно.

— Вы—богатырь слова,—сказалъ Лихаревъ Рокотову, крѣпко пожимая его руку.—Вы меня плѣнили.

— Вы согласились со мной?—спросилъ его Рокотовъ.

— О, этого я не знаю. Я никогда не довѣряю непосредственному впечатлѣнію. Теперь я подъ обаяніемъ вашей рѣчи, Но вотъ я приду домой, посижу вечерокъ у своего камелька. среди своихъ книгъ, въ привычной обстановкѣ.. Ну, тогда и выступитъ на поверхность настояще мое мнѣніе.

— А я согласна съ вами. Я согласна отъ перваго слова до послѣдняго!—сказала Ирина Васильевна и, дружески посмотрѣвъ ему въ глаза протянула ему руку.

Рокотовъ внимательно, изучающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Это былъ первый шагъ, который она сдѣлала къ нему сама, свободно, безъ понужденія.

— Но куда дѣвалось Людмила?—вдругъ обезпокоившись, спросила Любочка.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, она исчезла...—сказала Ирина Васильевна.

— Но не одна, — замѣтилъ Рокотовъ: — Людмила теперь поступила въ партію...

— Въ партію Крученинова?—спросилъ Лихаревъ.

— Въ партію влюбленныхъ женщинъ. — смѣясь промолвила Любочка.—Бѣдняжка она потеряла свою волю.

— Свою личность,—поправила Ирина Васильевна.

— Развѣ это неизбѣжно?

— Мнѣ кажется, что да...

— И вы не знаете ни одного исключенія?—Вдругъ неожиданно спросилъ Рокотовъ, обратившись къ Ириѣ Васильевнѣ.

Она не была подготовлена къ этому вопросу и не отвѣтила ему ни слова.

Любочка заторопилась. Было уже больше восьми часовъ. Она понукала Лихарева, и оба они торопливо прощались.

— Я тоже выйду съ вами!—какимъ-то встревоженнымъ голосомъ сказала Ирина Васильевна.

Она сегодня боялась оставаться наединѣ съ Рокотовымъ.

«Это—непосредственное впечатлѣніе—думала она словами Лихарева:—надо провести вечерокъ у «своего камелька», надо остерегаться... Надо охранять свою личность!

И они вмѣстѣ вышли. Лихаревъ простился съ нею и поѣхалъ съ Любочкой въ театръ.

Ирина Васильевна пошла пѣшкомъ.

XIV.

Этотъ вечеръ въ квартирѣ на Владимірской прошелъ незначительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычно.

Послѣ такого исключительнаго событія, какое произошло сегодня на Васильевскомъ Островѣ, Ирина Васильевна и Людмила ни слова не сказали о немъ. Ирина Васильевна, придя домой, не нашла тамъ Людмилы, но она скоро пришла. Лицо у нея было серьезное и сосредоточенное.

Ирина Васильевна взглянула на нее и подумала: «она скажетъ мнѣ что-то рѣшительное». И подъ этимъ рѣшительнымъ она разумѣла нѣчто, касающееся ея отношеній съ Крученинovымъ.

Но Людмила начала говорить о дивномъ вечерѣ, объ оживленіи на улицѣ и ни слова о томъ, о чемъ онѣ обѣ думали.

«Ну, значитъ, это у нихъ еще не готово», сказала себѣ Ирина Васильевна и ни однимъ намекомъ не пыталась навести разговоръ на эту тему.

Потомъ Людмила взяла книгу и довольно долго читала, затѣмъ онѣ вмѣстѣ пили чай и говорили о лѣтнихъ платьяхъ, которыя были заказаны и наконецъ, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, разошлись по своимъ комнатамъ.

И это былъ не единственный вечеръ. Такихъ прошло еще дней десять. Крученинovъ заходилъ къ нимъ, здоровался и говорилъ съ Ириной Васильевной, видимо старась, чтобы въ его обращеніи не было ничего новаго; но это ему не вполнѣ удавалось: Ирина Васильевна чувствовала, что сдержанность, которую онъ вообще проявлялъ по отношенію къ ней, превратилась въ холодность, чуть-чуть даже сдобренную враждой.

И Ирина Васильевна видѣла, что Людмила намѣрена сдѣлать важный шагъ, и ей самой казалось страннымъ, что она относится къ этому такъ спокойно.

Давно ли прошло то время, когда она не смогла бы оставить ее безъ своего воздѣйствія и поправки даже въ незначительномъ поступкѣ, а теперь вотъ ей даже не хочется вмѣшиваться въ ея жизнь, какъ будто ей все равно.

Ей разумѣется было далеко не все равно. Но она ясно видѣла, что надъ жизнью Людмилы явилось новое вліяніе, «болѣе органическое», чѣмъ ея вліяніе. Не легко было ей примириться съ этимъ, и это произошло не сразу. Но уступить все-таки пришлось.

«Всѣ мы отдаемъ дань этому богу, въ этомъ наша бѣда и наше счастье, думала она.—Такъ почему же Людмилѣ, моей Людмилѣ, которая въ концѣ концовъ оказывается такой обыкновенной дѣвушкой, быть исключеніемъ? Оказывается, что настоящее счастье только и возможно въ заблужденіи. Ну, и пусть—до тѣхъ поръ, пока туманъ не разсѣется и она не познаетъ истину. Всѣ мы—данники нашей дикой природы. Любовь—это самая крупная дань, какую платитъ ей женщина. Работой развитого ума, при помощи культурности, знаній и тонкаго нравственнаго чутья, мы отстраняемъ неизбѣжное выполненіе ея требованій, но она и не торопится, зная, что все равно придетъ ея время, и когда время приходитъ, этотъ дикарь налетаетъ на насъ, и мы уже безъ сопротивленія отдаемъ ему все безъ остатка. Потомъ, если иная изъ насъ и спохватится, то это всегда поздно, потому что все уже отдано».

Крученинов между тѣмъ проявлялъ необыкновенно энергичную дѣятельность. У него нашлось достаточно единомышленниковъ и вотъ въ совмѣстной его квартирѣ съ Рокотовымъ, въ часы, когда Рокотовъ бывалъ на своей службѣ, собирался небольшой кружокъ, и здѣсь обсуждались подробности предстоящаго дѣла.

Самъ Крученинов изъ своего небольшого капитала выдѣлилъ нѣсколько сотенъ, но онъ былъ самый крупный вкладчикъ, другіе могли дать гораздо меньше.

Но этимъ не ограничились. Каждый старался, если не завербовать знакомыхъ въ свой кружокъ, то во всякомъ случаѣ привлечь къ участію хоть небольшимъ взносомъ, и такимъ образомъ фондъ нѣсколько увеличился.

Только Людмила до сихъ поръ ничего не внесла. У нея на рукахъ никогда не было денегъ. Но она не могла съ этимъ примириться и однажды обратилась къ матери.

— У меня есть къ тебѣ просьба, мама... сказала она.

— Просьба?—переспросила Ирина Васильевна и подумала: «можетъ быть, это уже рѣшеніе»?

— Да, я хочу просить тебя, не можешь ли ты выдѣлить рублей триста или двѣсти изъ... капитала, на который мы живемъ...

Это было не совсѣмъ то, чего ждала Ирина Васильевна, поэтому глаза ея выразили удивленіе. Если у нихъ рѣшено пожениться, то конечно Крученинов не позволилъ бы, чтобы Людмила жила не на его средства, тѣмъ больше, что средства у него есть.

— Зачѣмъ это?—спросила Ирина Васильевна.

— Ты непремѣнно хочешь знать зачѣмъ?—промолвила Людмила, очень смутилась и покраснѣла.

— Непремѣнно—нѣтъ. Но тогда я должна думать, что это какая нибудь необыкновенная тайна, такъ какъ до сихъ поръ обыкновенныя тайны ты отъ меня не прятала.

— Нѣтъ, мама, это даже на тайна—вдругъ промолвила Людмила тономъ глубокаго раскаянія.—Я даже сама не понимаю, почему такъ спросила тебя. Это, видишь ли, у насъ составился кружокъ, мы всѣ вносимъ, сколько кто можетъ, чтобы помогать голодающимъ... Я только одна до сихъ поръ ничего не внесла.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, ужъ это никакъ не можетъ быть тайной,—съ усмѣшкой замѣтила Ирина Васильевна.—Что касается денегъ, то тебѣ незачѣмъ просить меня объ этомъ. Это деньги твои, и ты можешь ими распорядиться, какъ хочешь.

Людмила вспыхнула.—Я вовсе такъ не думаю и не хочу распоряжаться... Не мои они... Я не знаю, чьими ихъ надо считать... Лучше всего ничьими. Но мы съ тобой живемъ на нихъ и значитъ всякій такой расходъ уменьшитъ наши средства. Но видишь ли, я хочу, чтобы это не вліяло на общее уменьшеніе. Я нѣкоторое время буду отказывать себѣ въ разныхъ несущественныхъ покупкахъ, напримѣръ въ шляпкѣ или въ чулкахъ... И это наверстаетъ.

— Слушай, Людмила... Только не подумай, что я требую и могу обидѣться... Но я просто спрашиваю тебя: ты не можешь быть откровеннѣе?

— О чемъ ты спрашиваешь, мама?

— Въ твоемъ положеніи не предстоитъ скоро важной перемѣны?

— Я думаю, что да...

— Но навѣрно не знаешь?

— Мы какъ-то объ этомъ почти не говоримъ...

— Ну, да, можетъ быть, потому и не говорите, что это дѣло хорошо рѣшенное?

— Я думаю, что это рѣшится само собой.

— Когда же?—Раньше вашей поѣздки или позже?

— А ты знаешь о поѣздкѣ?

— Легко догадаться. Вѣдь это главный пунктъ Крученинова.

— Да, мама... Я не хотѣла говорить тебѣ, боялась, что ты будешь разубѣждать меня... Видишь ли, я рѣшила, я дѣйствительно рѣшила, но я не могу сказать, чтобы это было вполнѣ мое убѣжденіе. И я боюсь всякихъ доводовъ, особенно твоихъ, потому что твои доводы всегда вѣскіе, въ особенности для меня... Но это такъ будетъ, будетъ...

— Я разубѣждать тебя не стану, Людмила.

— Почему?

— Потому что не разсчитываю на успѣхъ, а значитъ это безполезно... И скоро это?

— Да, черезъ нѣсколько дней...

— Тутъ одно только не хорошо, мой другъ,—съ ласковымъ укоромъ сказала Ирина Васильевна.—Это черезъ нѣсколько дней, и ты рѣшаешься сдѣлать это внезапно для меня... Мы съ тобой прожили вмѣстѣ около двадцати лѣтъ. Тебѣ развѣ не кажется, что мнѣ не легко будетъ вдругъ разстаться съ тобой? Слѣдовало бы меня подготовить.

— Это правда, мама... Съ моей стороны это жестоко. Я сама не понимаю, почему мы иногда дѣлаемся жестокими.

— Потому, что мы иногда перестаемъ быть «нами»... Ну, это все равно. Глупо избѣгать того, что неизбѣжно. Такъ ты возьми изъ денегъ сколько тебѣ нужно... Пожалуй, вмѣстѣ заѣдемъ въ банкъ и сдѣлаемъ это.

И онѣ заѣхали въ банкъ. Людмила получила деньги и отвезла ихъ въ собраніе кружка.

Дня черезъ два послѣ этого Крученинов явился въ квартиру на Владимірской около пяти часовъ вечера. Ирины Васильевны въ это время не было дома, но онъ заранѣе зналъ, что ея не будетъ, такъ какъ объ этомъ говорили вчера,—у нея было что-то назначено у портнихи, которая шила лѣтнія платья.

Видъ у него былъ не совсѣмъ обычный. Въ глазахъ было что-то рѣшительное.

— Людмила, намъ надо рѣшить нашу судьбу...—отрывисто сказалъ онъ.

Людмила, несмотря на то, что считала свою судьбу рѣшенной, тѣмъ не менѣе была крайне смущена этимъ сообщеніемъ. Она не поняла.

— Но мы ее рѣшили,—отвѣтила она.

— Мы рѣшили ее для себя, но вы знаете, что, живя въ обществѣ, необходимо придерживаться извѣстныхъ общественныхъ формъ.

— Конечно,—отвѣтила Людмила, все еще не ясно понимая его главную мысль.

— Такъ вотъ... Если вы рѣшили также безповоротно, какъ я, что мы ѣдемъ въ Приволжье, то намъ надо предварительно обвѣнчаться.

— Предварительно?

— Васъ это пугаетъ?—промолвилъ Крученинов нѣсколько болѣе рѣзко, чѣмъ онъ всегда говорилъ съ Людмилой.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣтила Людмила,—но мы ѣдемъ черезъ четыре дня. Когда же это успѣется?

— Да вѣдь для этого требуется всего только полчаса... Я думалъ, что вы не встрѣтите никакихъ возраженій, и уже подготовилъ все, что нужно.

— Все, что нужно?—опять переспросила Людмила.

— Но для этого нужно не много: четыре свидѣтеля, которые по совѣсти засвидѣтельствуютъ, что мы съ вами не родня и не женаты, изъ нихъ двое будутъ держать вѣнцы. Я уже переговорилъ съ нашими друзьями. Затѣмъ я былъ у священника въ приходской церкви, гдѣ живу... Онъ согласился перевѣнчать насъ сегодня въ восемь часовъ вечера. Такимъ образомъ это будетъ сдѣлано и не будетъ служить задержкою нашей поѣздкѣ.

Что ей предстояло обвѣнчаться съ Крученинов, Людмила знала, и это для нея не было новостью. Къ этой мысли она давно привыкла, и этотъ шагъ не вызывалъ въ ней никакихъ колебаній. Она любила Крученинова. Въ этомъ у нея не возникало сомнѣнія. Но никакъ не думала она, что это произойдетъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ.

— Неужели вы думаете, что это можно сдѣлать такъ скоро?— спросила она послѣ долгаго молчанія, когда она старалась привыкнуть къ этому новому положенію.

— Но почему же нѣтъ?

— Да право... Это такъ не дѣлается...

— Но, однако же, Людмила, не потребуете же вы, чтобы мы разсылали торжественныя приглашенія роднымъ, ѣхали въ наемныхъ каретахъ, я во фракѣ, а вы въ подвѣнечномъ платьѣ съ цвѣтами и фатой, а потомъ пили шампанское и принимали поздравленія?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ... Но есть другое... И вы не можете этого не знать.

— Но я не знаю

— У меня есть мать... Я должна, по крайней мѣрѣ, предупредить ее.

— Значитъ, вы допускаете, что Ирина Васильевна можетъ повліять на перемѣну вашего рѣшенія?

— Нѣтъ, не можетъ... Да и не станетъ вліять. Хотя мы съ нею объ этомъ не говорили, но она, конечно, знаетъ о нашемъ рѣшеніи. Оно написано у меня въ глазахъ, а она очень хорошо умѣетъ читать въ этой книгѣ. И она давно уже отказалась отъ своего вліянія на меня... Но она не отказалась отъ своей привязанности ко мнѣ... И я не имѣю права обойти ее...

— Ахъ, эти привязанности!.. очевидно непроизвольно вырвалось у Крученинова.

Людмила вдругъ настроилась чрезвычайно серьезно. Она приблизилась къ Крученинову, который сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, и стала близко около него.

— Слушайте, Александръ,—промолвила она мягко, но въ то же время какимъ-то опредѣленнымъ, безусловнымъ тономъ.— Намъ съ вами о чувствахъ говорить нечего, мы уже хорошо знаемъ свои чувства и увѣрены въ нихъ. Въ прежнее время говорили и прежняя дѣвушка сказала бы: я отдала вамъ мое сердце... Но я должна выговорить у васъ въ своемъ сердцѣ маленькій уголокъ для моей матери...

— Людмила, развѣ я когда-нибудь противодѣйствовалъ вашей привязанности къ Иринѣ Васильевнѣ? Я только противъ того, чтобы вы считались съ ея взглядами, которыя идутъ въ разрѣзъ съ нашими.

— Да гдѣ же мы считаемся? Вѣдь это совершается какъ разъ противъ ея взглядовъ: и поѣздка, и нашъ бракъ. Гдѣ же тутъ можетъ быть рѣчь, что я считаюсь съ ея взглядами? Но нельзя обижать ее. Но если бы я пошла вѣнчаться съ вами, какъ вы предлагаете, вотъ сейчасъ, въ то время, какъ она, ничего не подозрѣвая, сидитъ у портнихи, это была бы обида. Это показало бы, что я совсѣмъ устранила ее изъ своей жизни. Въ чемъ же тогда выразилась бы моя привязанность къ ней: въ томъ, что я обѣдаю вмѣстѣ съ нею, живу въ одной квартирѣ, и то пока... нока у меня нѣтъ другой... Нѣтъ, я должна поговорить съ нею.

— И если она найдетъ, что вѣнчаться сегодня нельзя, вы откажетесь?

— Нѣтъ, она этого не найдетъ, я вамъ ручаюсь.

Въ передней раздался звонокъ.

— Можетъ быть, это Ирина Васильевна?—спросилъ Крученинов и поднялся.

— Это навѣрно она. Вы идите и зайдите за мной, когда будетъ пора.

Въ самомъ дѣлѣ вошла Ирина Васильевна. Крученинов поздоровался съ нею и сейчасъ же началъ прощаться, ссылаясь на то, что у него дѣла.

Ирина Васильевна еще снимала передъ зеркаломъ шляпку, когда Людмила провожала его въ переднюю.

— Александръ,—сказала она тихо, остановивъ его у самой выходной двери,—неужели же и мой отецъ ничего объ этомъ не знаетъ?

Крученинов вдругъ сурово сдвинулъ брови.

— Если вы требуете, я заявлю ему,—хмурымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, ваши отношенія съ нимъ въ конецъ испорчены?

— Нѣтъ, мы только стали на разныхъ концахъ, и эти концы слишкомъ далеки другъ отъ друга.

— Вы непримиримы.

— Нѣтъ надобности, Людмила, идти на уступки, когда все равно не придется работать вмѣстѣ. Но, если вы требуете, я заявлю ему сейчасъ.

— Да, Александръ, я этого требую.

Она проводила его въ переднюю. Какое-то непріятное чувство стѣсняло ее передъ матерью, какъ будто она обошла ее въ какомъ-то важномъ дѣлѣ, нарушила ея существенныя права. Можетъ быть, это такъ и было?

Правда, она и сама не была подготовлена къ тому, что это будетъ сегодня, черезъ нѣсколько часовъ. Но разъ это оказалось возможнымъ, значитъ этому предшествовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и разговоровъ. И тѣмъ сложнѣе казалась ей задача теперь разомъ все объяснить матери.

Людмила вошла и остановилась неподалеку отъ зеркала, гдѣ стояла еще Ирина Васильевна, и какъ будто не находила словъ, чтобы начать. Ирина Васильевна покончила съ своей шляпой и повернулась къ ней.

— Почему это онъ сегодня такой... строгій?—сказала она.— Да и ты тоже особенная...

— Ахъ, мама...—произнесла Людмила и остановилась.

— Ну? Неужели же есть на свѣтѣ вещи, которыхъ мы не могли бы сказать другъ другу?

Она сказала это мягко, безъ упрека, скорѣй даже тономъ дружескаго поощренія быть откровенной и не смущаться.

— Такихъ не должно быть, мама, но иногда... Иногда не знаешь, какъ сказать...

Ирина Васильевна приблизилась къ ней.

— Ты меня пугаешь, Людмила... Я не знаю, что и подумать...

— Не пугайся, ничего не случилось. За это я тебѣ ручаюсь.

— Ну, такъ что же? Что же, мой другъ? Впрочемъ, если тебѣ трудно сказать сейчасъ, такъ не будемъ торопиться...

— Надо торопиться, мама...

— Ну, такъ давай торопиться...

Ирина Васильевна взяла Людмилу за руки, тихонько повела се къ дивану, сѣла и усадила ее рядомъ съ собой. Такого мягкаго дружескаго обращенія съ ея стороны Людмила давно уже не испытывала.

— Ну, вотъ видишь ли, мой другъ... На свѣтѣ все просто, когда мы просты... Будемъ же просты и все сейчасъ сдѣлается легкимъ... Зачѣмъ приходилъ твой Крученинов?

— Я сейчасъ скажу тебѣ все... Погоди... Дай привести въ порядокъ... Я не хочу слишкомъ удивлять тебя...

— О, объ этомъ не заботься... Я много удивлялась въ своей жизни... Ну?

— Крученинов требуетъ, чтобы мы сегодня черезъ три часа обвѣнчались.

— О, какое нетерпѣніе...—почти смѣясь, воскликнула Ирина Васильевна.—Сегодня? Непремѣнно сегодня?

— Да, онъ приготовилъ для этого все... Ты понимаешь, какъ мнѣ было трудно сказать тебѣ это.

— Но почему же трудно, мой другъ? Вѣдь я знала, что вы рѣшили обвѣнчаться, такъ не все ли равно—сегодня, завтра или черезъ недѣлю?..

— И ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Это было бы безполезно... Но то, что онъ такъ стремителенъ, мнѣ даже нравится... Все-таки видно, что онъ не мямля, не мѣшокъ, а человѣкъ съ темпераментомъ, съ огнемъ... Что значитъ имѣть противъ или за? Я могу не раздѣлять твоего взгляда, даже твоего выбора, но если это тебя дѣлаетъ счастливой, то значитъ для тебя годится и для тебя хорошо... Другъ мой, наступаетъ время, когда мы—матери и отцы, должны скромно отступаться отъ своихъ правъ и отъ своихъ вкусовъ... Ты сложилась въ человѣка... Можетъ быть, мнѣ ты слишкомъ долго представлялась дѣвочкой, но это просто отъ долголѣтней привычки... А человѣкъ давно былъ готовъ, созрѣлъ... Надо его признать и дать ему мѣсто. Знаешь, какъ бываетъ въ крестьянской семьѣ: выросъ парень и женился, надо его выдѣлить и дать ему мѣсто. Такъ сегодня?

— Да, въ восемь часовъ. Онъ заѣдетъ за мной.

— Ну, мнѣ тамъ дѣлать нечего, я только буду портить настроеніе твоего будущаго мужа. Скажи, онъ меня не переноситъ?

— О, нѣтъ... Но онъ не можетъ тебѣ простить одно...

— Я знаю: Поршнева! Но это прошло и безвозвратно. Понять это можно только съ точки зрѣнія того времени и тѣхъ условій жизни. Это пало само собой вмѣстѣ съ тѣми условіями. Ну, все

равно, я не поѣду туда. А вотъ Любочку ты извѣсти. Иначе она будетъ имѣть право обидѣться.

— Въ самомъ дѣлѣ... Мнѣ и въ голову не пришло!—воскликнула Людмила и поднялась.

Лицо ея сдѣлалось яснымъ. Простота, съ какой Ирина Васильевна приняла отъ нея сообщеніе, совсѣмъ успокоила ее, и ей вдругъ показалось, что все, въ сущности, совершенно просто и естественно.

— Я сейчасъ напишу Любочкѣ.

Она быстро пошла въ свою комнату, написала Любочкѣ, чтобъ та пріѣзжала сейчасъ для чрезвычайно важнаго дѣла и отослала письмо.

Любочка прилетѣла черезъ полчаса и засыпала ее вопросами

— Что такое? Что за важное дѣло? Что случилось?

— Ничего особеннаго,—сказала ей Ирина Васильевна.—То, что случается съ каждой женщиной: Людмила сегодня вѣнчается.

Любочка сдѣлала огромные глаза.

— Вѣнчается? Сегодня?

— Да, Любочка, сегодня,—отвѣтила Людмила.

— Но объясненіе, объясненіе!

— Объясненія нѣтъ никакого. Вотъ развѣ это: черезъ три-четыре дня мы ѣдемъ въ Поволжье помогать голодающимъ.

— Какъ же это: я ничего не знаю. Вѣдь это и есть самое худшее въ этомъ дѣлѣ.

— Да, Любочка, мы съ вами были заброшены. Нами совсѣмъ не занимались,—шутя сказала Ирина Васильевна.—А вы окончательно рѣшили не вѣнчаться съ вашимъ Лихаревымъ?

— Ни-ни!.. Это безуміе прошло... Я теперь совсѣмъ обактерилась... Сцена сдѣлалась моимъ сумасшествіемъ и моей жизнью... Не хочу замужъ выходить, не хочу влюбляться, хочу быть свободной, какъ птица.

— А птица развѣ не любитъ? Птица тоже вьетъ гнѣздо и выводитъ дѣтенышей,—возразила Ирина Васильевна.

— Ну, это оттого, что она глупа. А если бы она, при своихъ крыльяхъ, была еще умна, она понимала бы, что гнѣздо все же хоть на одно лѣто привязываетъ ее къ дереву, на которомъ оно свито.

— Умница, Любочка, право, умница!—похвалила ее Ирина Васильевна.—А Людмила вотъ спасовала. Ну, что дѣлать! Теперь она счастливѣе насъ съ вами... Такъ поѣзжайте съ нею въ церковь. Вы сегодня свободны?

— Я не играю. Разумѣется, поѣду. Еще бы не поѣхать! Вѣдь когда видишь, какъ на ближняго твоего надѣваютъ цѣпи, ты еще больше начинаешь цѣнить свою свободу. Но неужели же ты вотъ такъ и поѣдешь, въ этомъ коричневомъ платьѣ?

— Ахъ, Любочка, это случилось такъ внезапно, что все равно не успѣли бы заказать бѣлое платье.

— Это не по формѣ. Мнѣ всегда казалось, что подвѣнечное платье—это что-то въ родѣ арестантскаго халата, въ который наряжаютъ дѣвушку.

— Полно тебѣ изощряться, Любочка,—сказала Людмила.— Право, все это зависитъ отъ насъ... Я смотрю на это иначе. Я думаю, что бракъ—замужество или женитьба, это вступленіе въ бой... Но въ бой мирный. Это борьба характеровъ. Характеры борются, и одинъ непремѣнно побѣждаетъ. Но это уже дѣло ума: побѣдивъ, не покорить...

— А ты побѣдитель или побѣжденный?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, если побѣдитель, то не покоритель, а если побѣжденная, то не покоренная...

— Хорошо, Людмила, хорошо. Мнѣ это нравится,—сказала Ирина Васильевна.—А все-таки я предпочла бы, чтобы побѣдителемъ была ты... Однако, уже семь часовъ, скоро за тобой придутъ.

За Людмилой дѣйствительно скоро пришли, но не самъ Крученинovъ, а какой-то неизвѣстный. Онъ позвонилъ и послалъ карточку. Это была карточка Крученинова, въ которой тотъ просилъ Людмилу сейчасъ же ѣхать съ этимъ провожатымъ.

Людмила вышла и спросила его, куда надо ѣхать? Тотъ назвалъ церковь и улицу.

— Хорошо,—сказала она.—Вы поѣзжайже и скажите, что я сейчасъ буду.

Затѣмъ она вернулась, одѣлась, поцѣловала Ирину Васильевну, и онѣ вмѣстѣ съ Любочкой вышли изъ дому.

XV.

И только тогда, когда они вышли, Ирина Васильевна вдругъ почувствовала непобѣдимое тревожное волненіе, и въ первую минуту у нея явилось такое ощущеніе, какъ будто она изъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя считала для себя важными, не исполнила самой важной.

И, можетъ быть, она долго предавалась бы самоосужденію, если бы ей не помѣшали. Скоро послѣ ухода дѣвушекъ, когда она, скрестивъ на груди руки быстро ходила по комнатѣ, въ передней сильно позвонили и тотчасъ же безъ доклада, только коротко постучавшись въ дверь, въ комнату вошелъ Рокотовъ.

— Можно?—спросилъ онъ.

Ирина Васильевна вздрогнула и остановилась.

— Да,—отвѣтила она.

Онъ вошелъ. Она протянула ему руку, какъ обыкновенному гостю.

— Очевидно, вы изумлены также, какъ и я!—сказалъ Рокотовъ.

— Какъ? Для васъ это тоже неожиданно?

— Вполнѣ. Вѣдь мы послѣ того собранія живемъ, какъ случайные сосѣди въ гостинницѣ. Но сейчасъ мой сосѣдъ пріѣхалъ и сказалъ: «я дѣлаю это по требованію Людмилы. Я сообщаю вамъ», и такъ далѣе... Вы знаете, что...

— И какъ же вы относитесь къ этому?—сказала Ирина Васильена, подошла къ дивану и сѣла. Рокотовъ опустился въ кресло.

— Какъ къ совершившемуся факту,—отвѣтилъ онъ.

— А совершившійся фактъ вы причисляете къ счастливымъ?

— Въ подобныхъ дѣлахъ самые признанные пророки часто оказываются лгунами, но вообще, если выбирать, то Крученинов имѣетъ всѣ шансы... Онъ въ высшей степени искренній и честный человѣкъ. И я не объ нихъ пришелъ говорить.

— А о комъ же?—спросила Ирина Васильевна, и плечи ея приподнялись и вся ея фигура приняла выраженіе какого-то опасливаго ожиданія.

— Ваше положеніе круто мѣняется,—сказалъ Рокотовъ.

— Такъ что же?

— Ничего особеннаго, Ирина Васильевна, а просто явилось много матеріала для размышленій.

— Что-жъ, давайте размышлять...—сказала Ирина Васильевна и какъ-то неудержимо поднялась и нѣсколько разъ съ волненіемъ прошлась по комнатѣ.

— Размышлять свободно, Ирина Васильевна... Иначе не имѣетъ смысла...—промолвилъ Рокотовъ.

— Что значитъ свободно?—спросила она, на секунду остановившись и посмотрѣвъ на него въ упоръ.

— Значитъ: не думая о томъ и не боясь того, какъ бы не задѣть ту или другую крѣпко натянутую струну.

— Струны уже почти всѣ порвались...—замѣтила Ирина Васильевна и опять начала ходить по комнатѣ.

— Значитъ, нѣтъ опасности, что онѣ зазвучатъ. Значитъ, можно размышлять свободно. Мы въ странномъ положеніи,—говорилъ Рокотовъ:—мы размышляемъ здѣсь въ то время, когда наши дѣти тамъ гдѣ-то, въ приходской церкви, рѣшаютъ важнѣйшій изъ вопросовъ личной жизни.

— Наши дѣти?—съ удивленіемъ спросила Ирина Васильевна.

— Да, я такъ сказалъ потому, что Крученинов мнѣ былъ близокъ, какъ сынъ. Его душа окончательно формировалась подъ моимъ воздѣйствіемъ...

— Повидимому, формировать душу, это значитъ—дать ей очертаніе, обратное тому, какого желаешь...

— Нѣтъ, это только повидимому... Намъ кажется, что они идутъ противъ насъ; а Богъ знаетъ, куда они пошли бы, если мы не посѣяли въ ихъ душахъ тѣ сѣмена, которыя теперь взошли... Но я хочу сказать: вотъ у насъ были привязанности, у каждаго изъ насъ, у васъ въ особенности, потому что это—кровная привязанность. И вдругъ, послѣ символическаго получаса, который какъ разъ въ это время проходитъ, мы оба, опять-таки каждый порознь, дѣлаемся одинокими.

— Да, это нѣсколько жестоко, не правда ли?—откликнулась Ирина Васильевна.—Но думаете ли вы, что мы это заслужили?

— Я думаю, что такого вопроса нельзя ставить; никто вѣдь не собирается наказывать насъ.

— Прямѣе сказать: объ насъ не думаютъ!—замѣтила Ирина Васильевна.

— Да, просто каждый идетъ своей дорогой. И каждый правъ.

Они оба нѣкоторое время молчали, и въ этомъ молчаніи ихъ чувствовалось какъ бы что-то подготовительное. Обоимъ было ясно, что все сказанное до этого момента было только вступленіемъ, а главное еще ждало своей очереди и скажется.

И Рокотовъ первый нарушилъ молчаніе:—Каждый идетъ своей дорогой,—сказалъ онъ,—это правда, но послѣ того, какъ дорога пройдена, каждый имѣетъ право на отдыхъ...

Ирина Васильевна остановилась въ противоположномъ углу комнаты, сѣла на коротенькомъ диванчикѣ и обратила свое лицо къ нему, какъ бы желая сосредоточиться на его словахъ.

Рокотовъ продолжалъ: — И когда эти, прошедшіе свой путь, оглядываются назадъ, они убѣждаются въ странномъ: когда-то они пошли въ разныя стороны, и пошли съ шумомъ, съ гнѣвомъ, съ враждой, часто проклиная другъ друга. Они были несогласны въ самомъ главномъ и рѣшили идти разными путями. А когда пути пройдены, оказывается, что они пришли къ одной и той же цѣли.

— Къ какой?—изъ своего далекаго угла спросила Ирина Васильевна.

Рокотовъ нѣсколько промедлилъ отвѣтомъ.—Да,—сказалъ онъ,—на этотъ вопросъ отвѣчать тяжело, но надо отвѣтить.

— Надо отвѣтить,—съ нѣкоторой настойчивостью произнесла Ирина Васильевна.

— Надо отвѣтить на всѣ вопросы, каковы бы они ни были. День всегда кончается вечеромъ, а вечеръ незамѣтно, но неизбѣжно, переходитъ въ ночь. День полонъ энергіи, движенія, работы. Люди бѣгаютъ по улицамъ, взбѣгаютъ по лѣстницамъ на

высокіе этажи, разсчитываютъ, высчитываютъ, торжествуютъ, терпятъ обиды. А вечеромъ всѣ: и торжествующіе и потерпѣвшіе обиду, чувствуютъ одно: утомленіе членовъ и желаніе покоя. Потомъ приходитъ ночь и глаза смыкаются...

— Не у всѣхъ! Иные не могутъ заснуть...

— Это несчастье, это болѣзнь. И тогда они ничего такъ не желаютъ и не добиваются, какъ покоя и въ концѣ концовъ все-таки засыпаютъ...

— Да, да...—промолвила Ирина Васильевна,—и блаженъ тотъ, кто заслужилъ этотъ покой.

— О, въ этомъ отношеніи всѣ одинаковы. Всѣ заслужили свой покой, потому что всѣ устали. Мнѣ это представляется такъ,—промолвилъ онъ послѣ молчанія:—вотъ семья, многочисленная и дѣятельная, каждый изъ членовъ ея имѣетъ свой особый вкусъ и свое особое дѣло, никто не согласенъ съ другимъ. И вотъ съ утра всѣ поднялись и каждый пошелъ по своему дѣлу. Одинъ занялся благотворительностью, ходитъ весь день по нищенскимъ подваламъ и помогаетъ бѣднымъ людямъ жить, другой страстный охотникъ, забралъ собакъ и отправился на охоту и цѣлый день искалъ и стрѣлялъ утокъ, зайцевъ, лисицъ; третій—корыстный и жадный, работалъ на биржѣ, отыскивалъ выгоду въ несчастьи своего ближняго; четвертый—пламенный и возвышенный—проповѣдывалъ добро и любовь, и такъ дальше... И вотъ прошелъ день и наступилъ вечеръ. Въ домѣ зажгли огни, запылали дрова въ каминѣ, и всѣ пришли домой, сѣли около камина и стали расправлять усталые члены. Всѣ утомлены, каждый своимъ дѣломъ, всѣ хотятъ отдыха, покоя, каждый имѣетъ право на часть тепла отъ пылающаго камина. Наступила ночь, всѣ разошлись по своимъ спальнямъ и всѣхъ охватилъ одинаковый для всѣхъ сонъ... Слушайте, Ирина Васильевна, могу ли я говорить все?

— Да, говорите,—какъ-то задумчиво и тихо произнесла Ирина Васильевна.

— Я говорю, мы съ вами видѣлись утромъ. Мы даже собирались идти одной дорогой. Но вдругъ что-то случилось—бурное и стремительное—и наши дороги разошлись. И цѣлый день рыскали мы по разнымъ путямъ, каждый по своему дѣлу. И нашъ день прошелъ, вотъ наступилъ вечеръ...

— Да, наступилъ вечеръ,—откликнулась Ирина Васильевна.

— У насъ есть еще вечеръ, цѣлый вечеръ...

— Это аллегорія... — произнесла Ирина Васильевна попрежнему тихо, и въ голосѣ ея слышалась дрожь.—Говорите прямо.

— Я и хочу говорить прямо. Лучшаго времени для этого мы не найдемъ... Это время, когда мы оба стали одиноки.

— Да, я думаю...

*

— Я хочу сказать: давайте проведемъ вечеръ вмѣстѣ!

Произошло длинное глубокое молчаніе. Они сидѣли на своихъ мѣстахъ, не двигаясь, какъ бы въ ожиданіи, что этотъ, только что родившійся вопросъ, глубокій и важный, самъ себя разрѣшитъ или отвѣтъ появится помимо ихъ воли.

Рокотовъ пристально смотрѣлъ въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ сидѣла Ирина Васильевна, и старался по ея позѣ угадать ея настроеніе. Для него важнымъ показателемъ уже было ея молчаніе.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ подобное предложеніе вызвало бы съ ея стороны взрывъ негодованія. Она вскочила бы съ мѣста и забросала бы его ядовитыми укорами изъ прошлаго.

Но теперь она сидѣла недвижно, лицо ея было блѣдно и сосредоточенно. Она молчала.

Тогда онъ поднялся и подошелъ къ ней поближе.—Я жду отвѣта, Ирина Васильевна,—сказалъ онъ ей мягкимъ, тихимъ голосомъ.

— Чѣмъ мы наполнимъ этотъ вечеръ?—не поднявъ головы и не взглянувъ на него, спросила она.

— Отдыхомъ...—отвѣтилъ онъ.—Мы будемъ сидѣть у огня и вспоминать... каждый будетъ вспоминать свое, и другъ для друга мы въ этихъ воспоминаніяхъ дадимъ много новаго. Но надо всѣмъ этимъ будетъ царить воспоминаніе о томъ, что было у насъ общаго и нераздѣльнаго, когда мы утромъ еще вѣрили въ одну дорогу и собирались дружно идти по ней... Вѣдь не даромъ же это было... Что-нибудь связывало насъ тогда...

— Насъ связывало чувство...—подсказала Ирина Васильевна.

— Да... Но чувство, какъ и все на свѣтѣ, живетъ, пока неиздержится, не исчерпается... Мы же разошлись тогда, когда оно было свѣжо... Мы отпили изъ этой чаши лишь по глотку, наша чаша не исчерпана... Вы знаете меня и не сомнѣваетесь, что я, за своими дѣлами, не могъ отклоняться въ сторону чувства. Я знаю, что и вы такъ были поглощены вашей враждой... Послушайте,—прибавилъ онъ, не закончивъ своей фразы, и подошелъ къ ней еще ближе:—неужели вамъ не хочется отдыха? Отъ всего, отъ всего... И отъ добра, и отъ зла... Я предлагаю вамъ свой домъ, свою поддержку, уходъ за вами и...если только это не помѣшаетъ вамъ отдыхать, свое чувство, потому что оно у меня уцѣлѣло неприкосновеннымъ...

Ирина Васильевна все еще сидѣла на своемъ мѣстѣ и не двигалась, но въ лицѣ ея, сосредоточенномъ и строгомъ, онъ читалъ уже движеніе къ нему.

Онъ протянулъ ей руку, но она не взяла ее. Она вдругъ опустила голову и закрыла лицо руками.

— Значитъ, все зачеркивается... Все...— глухо произнесла она прерывающимся голосомъ.

— Только вражда... сказалъ Рокотовъ:—Зачеркните ее, и все прояснится... Въ домѣ, гдѣ нѣтъ ни одного окна, темно... Разрушьте стѣну и вдругъ проникнетъ туда солнце и разомъ все освѣтится. Надо разрушить стѣну, Ирина Васильевна .. Слушайте... мы теперь одиноки, намъ не за что цѣпляться, вамъ въ особенности. Мы имѣемъ право на отдыхъ.

Вдругъ Ирина Васильевна поднялась и, точно противъ воли, сдѣлала движеніе. Она приблизилась къ нему и положила свои руки ему на плечо, и глубокимъ взглядомъ посмотрѣла ему въ глаза.

— Я вамъ всегда вѣрила... Даже тогда, когда ненавидѣла васъ... Я никого не любила, кромѣ васъ. Да, да.. Я такъ жажду отдыха... Я такъ давно жду его... Это правда... это правда. И если мнѣ дано отдохнуть, то только съ вами...

Онъ взялъ ея голову своими руками и привлекъ къ себѣ. Это не были страстныя объятія двухъ любовниковъ, долго разлученныхъ и, наконецъ, нашедшихъ другъ дртга. Въ этихъ объятіяхъ не было порыва запоздавшей страсти, а было только прощеніе и довѣріе.

Лицо Ирины Васильевны прояснилось. Въ глазахъ ея свѣтилось глубокое спокойствіе, какъ у человѣка, долго искавшаго уголка, гдѣ бы отдохнуть послѣ трудной и утомительной дороги, и, наконецъ, нашедшаго его.

Прошло послѣ этого еще много времени. Уже пробило десять часовъ. Они сидѣли у стола и ни на минуту не смолкала ихъ рѣчь.

Рокотовъ вспоминалъ и разсказывалъ. Его жизнь была полна неожиданностей и приключеній. Онъ разсказывалъ, что приходило въ голову, и она слушала и видѣла, что во всемъ этомъ не было ничего низкаго и ничего обиднаго для ея чувства, которое загорѣлось тогда, утромъ, и вотъ уцѣлѣло до вечера.

Послышался звонокъ. Рокотовъ вдругъ прервалъ свои воспоминанія и поспѣшно сказалъ:

— Они уѣзжаютъ черезъ три дня. Тогда мы подумаемъ о себѣ!

Ирина Васильевна молча наклонила голову. Въ корридорѣ уже раздавались шаги. Слышно было, что Людмила вернулась не одна и даже не съ Любочкой только. Можно было различить мужскіе шаги.

Дверь растворилась. Первая появилась Людмила. Она стремительно бросилась къ матери и обняла ее и только потомъ замѣтила, что здѣсь Рокотовъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянула на него.

Но Рокотовъ уже поднялся и пошелъ къ ней и обнялъ ее.

Потомъ онъ повернулся къ двери и увидѣлъ вошедшаго Крученинова. Было только одно мгновеніе колебанія между ними. Но затѣмъ оба они какъ будто прочитали на лицахъ другъ у друга, что препятствіе, стоявшее между ними эти послѣднія дни, точно смыто какимъ-то незримымъ потокомъ. Крученинов прямо пошелъ къ нему и они расцѣловались.

А Любочка была здѣсь и хохотала самымъ искреннимъ образомъ.—О, если бы видѣли, какія у нихъ были глупыя лица!—восклицала она и изображала ихъ обоихъ съ тѣмъ комизмомъ, какой былъ свойственъ ея таланту.

Крученинов, можетъ быть, увидѣвъ, что со стороны Ирины Васильевны и Рокотова его предпріятіе не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и почувствовавъ такой радушный пріемъ, видимо, оттаялъ и сдѣлался попрежнему непринужденнымъ и довѣрчивымъ.

Принесли самоваръ и свадебный вечеръ былъ проведенъ за чайнымъ столомъ, въ настроеніи, съ виду ничѣмъ не отличавшемся отъ обычнаго.

— Однако,—говорилъ Рокотовъ,—вы не думайте, друзья мои, что вы сегодня совершили что-нибудь небывалое. Вы обвѣнчались внезапно и безъ дальнихъ разговоровъ, но, по крайней мѣрѣ, вы имѣете въ виду прожить вмѣстѣ цѣлую жизнь. А въ наше время бывали такіе случаи, что сегодня вѣнчались люди только вчера познакомившіеся.

— Это какимъ же образомъ?—спросила Любочка.

— А вотъ такъ. Помню я одну дѣвушку, которую угнетали не то что бы жестокіе, а просто не понимавшіе ея стремленій родители. Она хотѣла ѣхать въ Петербургъ учиться, а родители не пускали ее и грозили въ случаѣ самовольнаго отъѣзда вернуть ее по этапу. Само собой разумѣется, что никогда они этого не сдѣлали бы, но она была запугана. Было это въ Казани. Ну, вотъ и приходитъ однажды къ студенту Валикову студентъ Свирскій (отлично помню эти фамиліи) и говоритъ: «Послушай, ты вѣдь свободенъ, ты не женатъ» (самъ-то Свирскій былъ женатъ).—«Нисколько», отвѣчаетъ тотъ. «Ну, такъ тутъ надо одну дѣвицу выручить... Хорошая дѣвушка, стоитъ того...»—«Кто такая?—«А вотъ этакая и этакая. Фамилія Губанина, отецъ чиновникъ важный. Учиться хочетъ, а онъ, понимаешь ли, обскурантъ, угнетаетъ...»—Хорошій человѣкъ она, говоришь?—Прекрасный человѣкъ, душевный. «Ну, что же, пожалуй, говоритъ, если она хорошая, такъ отчего же не выручить?» — Ну вотъ и ладно. Батюшка у меня такой есть, безъ разговоровъ перевѣнчаетъ. Документы она достать можетъ... Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, я тебя съ нею познакомлю.

И Валиковъ вечеромъ пошелъ къ Свирскому, тамъ встрѣтилъ угнетаемую дѣвицу Губанину и познакомился съ ней. А на другой день они уже стояли подъ вѣнцомъ. Повѣнчались, получили документъ, сейчасъ же Валиковъ отправился, куда слѣдуетъ и исхлопоталъ своей внезапной женѣ, уже теперь госпожѣ Валиковой, паспортъ на свободное проживаніе гдѣ ей угодно, а дня черезъ три новая госпожа Валикова изъ родительскаго дома укатила въ Петербургъ. Важный чиновникъ поднялъ тревогу, обезпокоилъ петербургскія власти, требовалъ возвращенія дочери чуть ли не по этапу. Навели справки. Оказалось, дѣвицы Губаниной уже не существуетъ въ природѣ, а есть госпожа Валикова, живущая на законномъ основаніи, по паспорту, выданному ей законнымъ мужемъ. И ничего важный чиновникъ не могъ подѣлать. И госпожа Валикова училась и научилась, чему хотѣла.

— А потомъ? Какъ же потомъ они были?—спросила Любочка.

— Да раза два въ жизни еще встрѣтились.—Разумѣется, лѣтъ черезъ семь послѣ этого имъ обоимъ надо было жениться по настоящему. Ну, были нѣкоторыя затрудненія, но, въ концѣ концовъ, они выхлопотали разводъ и все кончилось къ общему удовольствію. И, конечно, Валиковъ былъ не единственный. Такіе браки случались нерѣдко. Иногда случалось такъ, что малознакомые люди, обвѣнчавшись, знакомились ближе, влюблялись другъ въ друга и уже сознательно сходились на всю жизнь. Бывали и грустныя развязки. Попадались и злоупотребленія съ обѣихъ сторонъ, но это рѣдко, большею частью люди не стѣсняли другъ друга и оба были счастливы.

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда всѣ почувствовали себя утомленными.

— Пора по домамъ,—сказалъ Крученинов и прибавилъ, обращаясь къ Рокотову.—Мы вѣдь поѣдемъ вмѣстѣ!

— Если ты удостоишь меня этой чести,—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, Рокотовъ.—Но сперва мы доведемъ до квартиры Любочку. Вѣдь ей тутъ недалеко.

Гости простились съ хозяйками и ушли. Такимъ образомъ въ сущности ничто не перемѣнилось въ положеніи Людмилы. Она продолжала жить съ матерью. Но было и нѣчто такое, что она считала величайшимъ пріобрѣтеніемъ.

— Знаешь ли, мама, что особенно дѣлаетъ меня счастливой?—восторженно говорила она Иринѣ Васильевнѣ. — То, что я теперь уже имѣю право вышвырнуть за окно эту ненавистную фамилію... Я больше не Балясова и никогда ею не буду. Я—Крученинова!

XVI.

Три дня Людмила провела въ сутолокѣ сборовъ. Теперь это уже дѣлали сообща. Рокотовъ, конечно, не могъ удѣлить этому многовремени, но Ирина Васильевна вся отдалась сборамъ Людмилы.

И вотъ наступилъ день отъѣзда. На вокзалѣ Николаевской дороги собрались Ирина Васильевна, Рокотовъ, Любочка, Лихаревъ. Они стояли около вагона третьяго класса.

Вмѣстѣ съ Крученинoвыми ѣхало больше десятка ихъ друзей, принадлежавшихъ къ кружку. Между ними были двѣ дамы.

Вагонъ былъ крайне неудобенъ, переполненъ путешественниками, которые портили въ немъ воздухъ своимъ ужаснымъ табакомъ и заняли всѣ щели своими узлами.

Но о томъ, чтобы взять мѣсто во второмъ классѣ и устроиться поудобнѣе, даже и думать нельзя было.

Когда путешественники увидѣли Сергѣя Николаевича Рокотова, провожавшаго ихъ въ дальній путь, между ними произошло смущеніе. Всѣ здоровались съ нимъ, потому что всѣ знали его. И всѣ вопросительно посматривали на Крученинова, который, какъ бы желая загладить недоразумѣніе, длившееся нѣсколько недѣль, проявлялъ по отношенію къ Сергѣю Николаевичу исключительные знаки дружбы.

Всѣ они въ теченіе этихъ двухъ-трехъ недѣль собирались въ квартирѣ Рокотова на Васильевскомъ Островѣ, въ полной увѣренности, что составляютъ партію, враждебную ему.

Поѣздъ отошелъ при дружныхъ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ. Отсюда Рокотовъ поѣхалъ прямо на службу, куда онъ, благодаря проводамъ, опоздалъ.

Ирина Васильевна вернулась домой одна. Когда она поднималась по лѣстницѣ, навстрѣчу ей спускался внизъ Михаилъ. Онъ давно уже не бывалъ у нея.

У него было блѣдное лицо и крайне взволнованный видъ.

— Ты былъ у меня?—спросила его Ирина Васильевна.

— Да, и не засталъ... Я вернусь. У меня дѣло.

— Пойдемъ. Кажется, очень непріятное дѣло, судя по твоему лицу.

— Да, чрезвычайно непріятное. Дѣло касается отца...

— Отца?

Ирина Васильевна ускорила шаги, они поднялись и вошли въ квартиру.

— Ну, въ чемъ же дѣло, Михаилъ?

Михаилъ осторожно оглядѣлъ всѣ углы комнаты и подозрительно покосился на полуотворенную дверь въ комнату Людмилы.

— Здѣсь нѣтъ никого?

— Нѣтъ, мы одни, Михаилъ.

— А Людмила? Я не хотѣлъ бы, чтобы и она слышала.

— Людмила сейчасъ уѣхала совсѣмъ изъ Петербурга.

— Куда?

— Она поѣхала въ приволжскія губерніи помогать голодающимъ.

— А-а!..—разсѣянно сказалъ Михаилъ.

— Она уѣхала съ своимъ мужемъ...

— Она замужемъ?

— Да... За Крученинovымъ...

— А, за этимъ...

— Но въ чемъ же твое дѣло?—спросила Ирина Васильевна, видя, что все это онъ говоритъ разсѣянно, совершенно не интересуясь ни Людмилой, ни ея замужествомъ.

— Ахъ, да... Въ сущности это ужасно!

— Что именно?

— То, что случилось. Видите ли, мама, отецъ... Я не знаю настоящей причины... говорятъ всякія гадости... но я не могу вѣрить... Онъ вышелъ въ отставку...

— Вышелъ? Можетъ быть, какъ-нибудь иначе?

— Почему вы такъ думаете?—вдругъ усиленно заволновавшись, воскликнулъ Михаилъ.—Развѣ у васъ есть какія-нибудь основанія?

— Погоди, объ этомъ послѣ, Михаилъ. Но что же, это дѣйствительно было иначе?

— Да, ему предложили... Въ двадцать четыре часа... И кромѣ того, говорятъ о какихъ-то обвиненіяхъ... Самого отца я не видѣлъ... Онъ у себя въ кабинетѣ. Антонина никого не впускаетъ къ нему. Онъ говоритъ, что дѣло очень, очень плохо, и самъ какой-то разстроенный, но толку добиться я отъ него никакъ не могъ.

— Гм...—произнесла Ирина Васильевна.—Это можетъ быть очень серьезно.

— Но, ради Бога, мама, если вы что-нибудь знаете, скажите... Что тутъ можетъ быть?

— Я не могу сказать тебѣ все, Михаилъ... Все, что я знаю...

— Почему же? Почему? Зачѣмъ вы хотите, чтобы я заблуждался относительно того, что касается моего отца?

— А ты развѣ считалъ его вполнѣ... Ну, какъ это сказать?.. Вполнѣ корректнымъ человѣкомъ?

— Я знаю, что онъ очень скупъ, любитъ деньги, что онъ кутилъ въ разныхъ компаніяхъ, ну, и то, что онъ неразборчивъ по части женщинъ... Я это знаю. Это, конечно, не хорошо, не

нравственно, но вѣдь это же не преступленіе... За это не отдаютъ подъ судъ... Въ чемъ же дѣло, мама? Что вы еще знаете? Неужели вы думаете, что я не имѣю права знать все, что касается моего отца?

— Ты успокойся, Михаилъ...—Конечно, кромѣ того, что ты знаешь, есть еще и другія вещи, но... Это надо еще выяснить... Ты гдѣ видѣлъ Поршнева?

— Онъ сейчасъ поднимался къ намъ по лѣстницѣ. Я его встрѣтилъ. Онъ совсѣмъ растерянный какой-то.

— Ты можешь сейчасъ повидать его и попросить заѣхать ко мнѣ? Видишь ли, я сперва съ нимъ поговорю, а затѣмъ скажу тебѣ то, что выяснится...

— Такъ я сейчасъ и побѣгу, меня все это измучило. Это вѣдь случилось третьяго дня, и уже теперь нѣкоторые товарищи отъ меня отворачиваются. Я долженъ, по крайней мѣрѣ, знать, за что.

Михаилъ ушелъ. Ирина Васильевна начала гадать. Для нея было совершенно ясно, что если даже открылась часть дѣятельности Балясова, то и тогда дѣло его должно быть очень плохо.

Прошло около получаса, явился Поршневъ. Ирина Васильевна не видала его нѣсколько недѣль и въ первую минуту не узнала его. Онъ страшно измѣнился.

— Что это съ вами? Развѣ и вы попались?—спросила она его.

— Вы не можете себѣ представить... Я въ кошмарѣ... Вотъ уже три дня... Видите, какъ я постарѣлъ. Это за три дня...— говорилъ охрипшимъ голосомъ.

— Что же собственно открылось? Которое изъ вашихъ дѣяній?

— Мы достовѣрно этого еще не знаемъ, но очень можетъ быть, что всѣ... Модестъ Петровичъ слетѣлъ, да какъ!.. Онъ явился на службу, его призвалъ начальникъ и сказалъ: вы не можете и получаса оставаться на службѣ, ваши дѣянія позорятъ учрежденіе. Вотъ бумага: пишите прошеніе объ отставкѣ. Модестъ Петровичъ началъ было протестовать. Тогда ему сказали: «въ такомъ случаѣ вы будете уволены безъ прошенія». Ну, и написалъ. А потомъ оказалось, что, несмотря на прошеніе, подъ судъ отдаютъ.

— И васъ?

— Меня—это не такъ легко...—Я вѣдь не служу... Но если будетъ судъ, вы понимаете.. Тѣнь падетъ и на меня.

— Но что же открылось, наконецъ?

— Ахъ, что открылось, что открылось!.. Кто-то донесъ. Были перечислены всѣ дѣлишки, какія Модестъ Петровичъ обдѣлывалъ на службѣ. Высчитали всѣ суммы, какія онъ получилъ... И нако-

нецъ, наконецъ... Вы вѣдь имѣете понятіе о развлеченіяхъ, которыя забавляли почтеннаго статскаго совѣтника Балясова. Ну, вотъ однажды явилась полиція и все было открыто. Ну, пока онъ былъ на службѣ, держали подъ сукномъ, а тутъ, разумѣется, стали подливать масла въ огонь. У него оказалось много враговъ... Слушайте, Ирина Васильевна, я даже обрадовался, когда Михаилъ позвалъ меня къ вамъ. Я знаю, что у Рокотова есть связи, и онъ можетъ кой-что сдѣлать...

— Рокотовъ?

Ирина Васильевна отъ изумленія даже отшатнулась отъ него.

— Вы думаете, что Сергѣй Николаевичъ можетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ?

— Да, можетъ... Я знаю, что у него большія связи въ мірѣ профессоровъ, а черезъ профессоровъ можно проникнуть и къ чиновникамъ... Да и другія связи у него есть. Всякое дѣло замять можно. Мы знаемъ, что и не такія дѣла заминались. Вы знаете, въ чемъ ошибка Модеста Петровича!.. Въ томъ, что онъ не хотѣлъ лишиться своего слишкомъ выгоднаго мѣста, но, благодаря этому, онъ не достигъ того ранга, за которымъ чиновники дѣлаются неуязвимы. И я убѣжденъ, что Рокотовъ можетъ это сдѣлать, если захочетъ.

— Но почему онъ захочетъ этого?

— Почему, почему? Само собой разумѣется, не изъ человѣчности... Рокотовъ... Ну, я скажу: вашъ другъ... Онъ дорожитъ вашимъ спокойствіемъ, вашей репутаціей...

— Моя репутація внѣ всякой опасности,—презрительно замѣтила Ирина Васильевна.

— Вы думаете? Вы ошибаетесь. Вы только недавно разошлись съ Балясовымъ. Двадцать лѣтъ вы были его женой и жили вмѣстѣ съ нимъ и на его средства. Если будетъ судъ, васъ привлекутъ въ качествѣ свидѣтельницы и, можетъ быть, на судѣ промелькнутъ свѣдѣнія о вашей исторіи... Конечно, съ вашей стороны не было ничего сомнительнаго... Ну, а все-таки непріятно отдавать свои личныя дѣла на общественный судъ. Наконецъ, вы носите его имя...

Ирина Васильевна вспыхнула и покраснѣла.

— Да, это самое позорное, что вы могли мнѣ напомнить.

— Не забывайте, что это же имя носитъ и ваша дочь, Людмила Модестовна

— Она больше не носитъ его.

— Что? Вы сказали—не носитъ?—воскликнулъ Поршневъ, и щеки его вдругъ поблѣднѣли... Значитъ, она... она вышла замужъ?..

— Да, она теперь носитъ фамилію Крученинова...

— Это новость! Я этого не зналъ и не... ожидалъ... Я былъ лучшаго мнѣнія о разсудительности Людмилы Модестовны.

— Вамъ остается перемѣнить ваше мнѣніе; но дѣло не въ этомъ. Тутъ есть еще одно лицо... Какъ вы объясняете всю эту исторію Михаилу?

— Да вѣдь этого не скроешь... Антонина своимъ верхнимъ чутьемъ все пронюхала и знаетъ въ подробностяхъ... Я сейчасъ въ этомъ убѣдился... Ну, а если она знаетъ, то и Михаилъ узнаетъ.

— И вы думаете, что онъ послѣ этого будетъ уважать своего отца?

— Ахъ, Ирина Васильевна... Чего тутъ стоитъ уваженіе? Вѣдь каторга грозитъ ему, понимаете ли, каторга, не за служебныя дѣянія, а за тѣ, за другія.

— Неужели каторга?

— А вы думали что? Командировка за границу? Вотъ почему я и подумалъ о такой крайности, какъ обращеніе къ господину Рокотову.

Онъ поднялся.—Я поѣду къ нему. Вѣдь онъ совершенно убитъ. Вы не можете себѣ представить... Вы не узнали бы его. Онъ въ эти три для совсѣмъ старикомъ сдѣлался.

Онъ ушелъ. Теперь Ирина Васильевна стала бояться, что можетъ придти Михаилъ и потребовать отъ нея объясненія истины, а она къ этому не была готова.

Она рѣшительно не знала, до какой степени она можетъ открыть ему глаза. Она быстро одѣлась и поѣхала туда, гдѣ работалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ былъ изумленъ ея появленіемъ. Она никогда еще не пріѣзжала сюда.

Комната, гдѣ онъ работалъ, помѣщалась въ подвальномъ этажѣ. Это было очень обширное помѣщеніе, полутемное, освѣщенное электричествомъ.

На длинныхъ столахъ стояли какіе то сложные приборы. Воздухъ былъ пропитанъ густымъ запахомъ вина.

— Должно быть, случилось что нибудъ необыкновенное, если вы пріѣхали сюда,—сказалъ Рокотовъ.

Ирина Васильевна разсказала ему все что узнала о Балясовѣ.

— И какъ это ни странно, они возлагаютъ надежды на васъ,—прибавила она.—Они увѣрены, что у васъ есть связи, которыми можно и помочь.

— Они не ошибаются. Это, конечно, случайность... Но у меня дѣйствительно есть знакомства .. Вѣдь вы знаете, не одинъ Балясовъ изъ тѣхъ, что въ наше время были непримиримыми на-

родниками и сдѣлали чиновную карьеру... У меня есть два пріятеля изъ такихъ же, только они взлетѣли гораздо выше, ну и... Умудрились остаться съ чистыми руками... Но на чемъ же они основываютъ свою надежду?

— На томъ, что я ношу имя Балясова.

— Да, это очень непріятное обстоятельство. Конечно, если допустить что Балясовъ попадетъ въ каторгу, то этимъ самымъ вы получили бы право перемѣнить вашу фамилію .. Ну, хоть на мою!—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Но все-таки было бы дурнымъ дѣломъ воспользоваться такимъ несчастьемъ, хотя бы даже и Балясова... Что-жъ,—говорилъ Рокотовъ, задумчиво расхаживая по своей лабораторіи.—Въ странѣ, гдѣ только развѣ одна десятая плутовъ и негодяевъ попадаютъ подъ судъ, остальные же благополучно продѣлываютъ свои гадости и пользуются почестями,—едва ли будетъ большою несправедливостью выручить одного негодяя... Я не хотѣлъ бы, чтобы Балясовъ могъ заподозрить меня въ мести ему... Я попробую... Можетъ быть, мнѣ и удастся.

— Но что я скажу его сыну?—спросила Ирина Васильевна.

— Я думаю, то, что вы считаете не самымъ худшимъ... Можно сказать о взяткахъ, но зачѣмъ загрязнять ему голову сообщеніемъ о тѣхъ гнусностяхъ, которыя ведутъ къ каторгѣ? Тѣмъ больше, что если что и удастся замять, то только это. Я сегодня же прямо отсюда поѣду въ надлежащее мѣсто. Ну, прибавилъ онъ,—теперь, Ирина, вы должны поблагодарить меня за то, что я своевременно вытащилъ васъ изъ этого дома. Это единственный случай, когда я разсчитываю на благодарность. Было бы очень непріятно, если бы это случилось при васъ и при Людмилѣ... Итакъ, я сегодня совсѣмъ въ новой для меня роли—спасителя Балясова. Вечеромъ я буду у васъ...

Ирина Васильевна уѣхала. Когда она вошла въ переднюю своей квартиры то увидѣла на вѣшалкѣ студенческое пальто. Она поняла, что ее ждетъ уже Михаилъ.

Онъ объяснилъ, что сидитъ уже съ полчаса. Видъ у него былъ еще болѣе подавленный, чѣмъ въ первый его приходъ.

— Я пришелъ къ вамъ, мама, чтобы узнать объ отцѣ... Я долженъ узнать...—нервно говорилъ онъ.—Меня вотъ сейчасъ оскорбили... Одинъ негодяй .. Прежній товарищъ, но я знаю, что онъ негодяй. Былъ уличенъ въ шантажѣ... Но это не помѣшало ему при встрѣчѣ отвернуться отъ меня и не подать руки. Я взбѣшенъ... Такъ по крайней мѣрѣ объясните, чѣмъ это вызвано.

— Не волнуйся, Михаилъ. Чѣмъ бы ни было вызвано это, волноваться безполезно,—успокоительно говорила Ирина Васильевна.—Ну, садись... Что я должна тебѣ говорить?

— Я хочу знать, дѣйствительно ли отставка отцомъ заслужена, или это является слѣдствіемъ какой-нибудь злонамѣренной клеветы?

— Сядь, сядь, Михаилъ, — уговаривала его Ирина Васильевна, такъ какъ онъ въ глубокомъ волненіи бѣгалъ по комнатѣ. Она не считала его способнымъ на такую отзывчивость—и это значительно подымало его въ ея глазахъ.

Михаилъ послушался и сѣлъ. Ирина Васильевна тоже опустилась на диванъ.

— Видишь ли, это можетъ быть поправимо...—промолвила она, желая прежде всего успокоить его.

— Если поправимо, то значитъ все это неправда?..

— Не совсѣмъ такъ... Если бы было такъ, то это было бы слишкомъ легко.

— А, значитъ, все-таки есть что-нибудь...

— Да, есть Михаилъ... Къ сожалѣнію, есть...

— Но что же? Что?

— Да то, что дѣлалъ не одинъ твой отецъ, а дѣлаютъ многіе. Ты знаешь, что его должность была вліятельная въ дѣлѣ раздачи концессій и подрядовъ...

— Ну да, я знаю. Что же изъ этого?

— Ну, вотъ, люди, отъ которыхъ это зависитъ, часто бываютъ пристрастны къ одному въ ущербъ другому. Понимаешь?

— Что же? Пристрастіе еще не преступленіе... Мы всѣ бываемъ пристрастны,—отвѣтилъ Михаилъ.

— Да, но если такое пристрастіе не свободно...

— Что это значитъ? Я не понимаю...

— Если, напримѣръ, оно оплачивается благодарностью.

— Если человѣкъ благодаренъ, то онъ можетъ благодарить... Мнѣ кажется это естественнымъ...

— Я говорю, Михаилъ, о благодарности матеріальной, денежной

— Но какая же еще можетъ быть? Не считать же благодарностью, когда говорятъ «спасибо»! Это вѣдь ничего не стоитъ.

— Такъ, что ты считаешь это въ порядкѣ вещей, когда служащій, которому довѣрены казенные интересы, получаетъ денежную благодарность за особую услугу...

— Я не говорю, что это законно или добродѣтельно... Но нельзя же считать это преступленіемъ, за которое лишаютъ службы въ двадцать четыре часа. Согласитесь, мама, что этого слишкомъ недостаточно для такого строгаго наказанія...

Ирина Васильевна уже давно начала присматриваться къ его лицу и прислушиваться къ его интонаціямъ.

Вначалѣ ей казалось даже, что онъ не вполнѣ искренень, но затѣмъ она увидѣла, что онъ говоритъ сознательно и убѣжденно.

Тогда ее вдругъ охватила досада по поводу того, что она потратила столько осторожности, выбирая деликатныя выраженія, подходя къ нему издали, чтобы какъ-нибудь не задѣть его, не оскорбить, и ей захотѣлось назвать наконецъ вещи ихъ настоящими именами, чтобы онъ почувствовалъ все ихъ значеніе.

— Но ты знаешь, какъ это называется—подобнаго рода благодарность?—промолвила она.

— Не знаю я, какъ это называется,—сказалъ Михаилъ.

— Это въ просторѣчіи называется *взяткой*,—объяснила ему Ирина Васильевна.

Михаилъ презрительно усмѣхнулся.

— Можно называть это, какъ угодно... Но вы же сами, мама, сперва назвали это благодарностью.

— Да, но я хотѣла быть деликатной,—промолвила Ирина Васильевна,—ты долженъ былъ это замѣтить.

— Да вѣдь это только страшное слово—*взятка*... А въ сущности это нисколько не мѣняетъ дѣла...

— Значитъ, по твоему, брать взятки это благородно?

— Но, мама, я вовсе этого не говорю... Я говорю, что если отцу иногда предлагали благодарность, то не могъ же онъ отказываться отъ нея добровольно. Это было бы благородно и возвышенно, но это уже подвигъ...

— А ты знаешь,—на этотъ разъ уже съ раздраженіемъ воскликнула Ирина Васильевна,—ты знаешь, какое у твоего отца состояніе?

— Я не знаю; я сколько ни старался, никакъ не могъ проникнуть въ эту тайну.

— У него около четырехсотъ тысячъ.

— Неужели такъ много?.. Я не зналъ...

— Да, я знаю навѣрное. А когда онъ начиналъ службу, у него ничего не было. Теперь ты понимаешь, какія это были благодарности!

— Но, мама, вы меня извините, а я сомнѣваюсь, что это вѣрно. Кто же это можетъ знать? Развѣ кто-нибудь провѣрялъ это? Развѣ отецъ позволилъ кому-нибудь считать его деньги? Навѣрно, нѣтъ! я знаю, какъ онъ остороженъ и скрытенъ въ денежныхъ дѣлахъ, наконецъ, можетъ быть, онъ нажилъ это состояніе счастливой игрой на биржѣ... Почемъ мы знаемъ?.. Да мало ли что!

— Словомъ, во всемъ ты не видишь ничего дурного, все въ порядкѣ вещей!—съ выраженіемъ негодованія промолвила Ирина Васильевна, и съ каждымъ словомъ въ ней все больше и больше закипала злоба.

Ее приводило въ бѣшенство, что она могла хоть на минуту заблуждаться относительно нравственныхъ требованій этого Балясова-сына, который оказывается почти буквальнымъ повтореніемъ Балясова-отца и уже теперь находитъ такое мирное объясненіе самаго опредѣленнаго гнуснаго дѣянія.

«Нѣтъ, съ такой толстой кожей нельзя деликатничать. Тутъ тонкимъ остріемъ иглы ничего не подѣлаешь. Тутъ нужно загнать поглубже кухонный ножъ и еще повернуть его нѣсколько разъ.

«Что-жъ, онъ уйдетъ отсюда съ такимъ же уваженіемъ къ своему прототипу, съ какимъ пришелъ. Да иначе и быть не можетъ. Эту толстокожесть онъ получилъ отъ Балясова по наслѣдству, она у него въ крови».

Но насколько, однако, близко они подходятъ другъ къ другу, насколько уже онъ «дошелъ», этотъ молодой человѣкъ, чтобы достойно представлять своей особой фамилію Балясовыхъ, много ли осталось работы для времени, чтобы ему превратиться въ полный законченный типъ, этого она не знала. Это она должна испытать.

У нея явилось почти болѣзненное желаніе узнать это, и она рѣшилась для этого на крайнее средство.

Ей почему-то казалось, что Михаилъ пришелъ къ ней въ послѣдній разъ, что она его больше никогда не увидитъ. А ужъ во всякомъ случаѣ онъ больше не придетъ къ ней, чтобы выслушать ея мнѣніе.

— Ну, Михаилъ, я ожидала нѣсколько иного эффекта!—сказала Ирина Васильевна рѣзко и съ видомъ нескрываемаго недружелюбія. — Очевидно, ты очень просто смотришь на вещи, и если бы это отъ тебя зависѣло, ты не предложилъ бы отставку такому дѣятелю, какъ твой отецъ... Ну, а еслибъ ты узналъ про когонибудь, что онъ, занимая почетное положеніе въ обществѣ и на службѣ, тихонько, но систематически соблазняетъ почти малолѣтнихъ дѣвушекъ?.. Какъ ты отнесся бы къ такому человѣку?

— Знаете, мама,—промолвилъ Махаилъ, поднявшись съ мѣста,—я эту басню слышалъ, мнѣ намекалъ на это одинъ студентъ, правда, уже выгнанный изъ университета товарищескимъ судомъ за какую-то гадость... Его фамилія Алабековъ... Я сказалъ ему тогда, что это не мое дѣло, и теперь повторяю. Это, конечно, безнравственно, но это интимное дѣло каждаго... За подобныя вещи каждый отвѣчаетъ передъ своей совѣстью... Я очень вамъ благодаренъ, мама, за то, что вы меня значительно успокоили.

— Успокоила?—съ выраженіемъ изумленія воскликнула Ирина Васильевна.

— Разумѣется... Я вѣдь могъ предполагать Богъ знаетъ что.

— Ну, хорошо. А скажи пожалуйста, какого же поступка ты

ждалъ? Что представляется тебѣ наиболѣе позорнымъ? Чего ты тутъ боялся?

— Но какъ же? Если бы его обвинили, напримѣръ... въ растратѣ, въ похищеніи казенныхъ суммъ... Это было бы ужасно!..

— Почему это ужасно?—допытывалась Ирина Васильевна.

— Какъ почему? Потому что за это подвергаютъ лишенію правъ и тюремному заключенію. Это уже не шутка.

— Да, конечно... Но каторга... Это вѣдь еще посерьезнѣе будетъ...

— Каторга? При чемъ же здѣсь каторга?

— Ты, очевидно, еще слишкомъ молодой юристъ... Ты не знаешь, что вотъ за эти «интимныя дѣянія», за которыя, какъ ты сказалъ, «каждый отвѣчаетъ передъ своей совѣстью», наказываютъ каторгой.

— Откуда вы знаете?—спросилъ Михаилъ, и лицо его вдругъ сдѣлалось блѣдно, а глаза выразили испугъ.

— Откуда? Мнѣ сказалъ это Поршневъ, а ужъ онъ знаетъ..

— Но это ужасно, это, это... Ужасно...—дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Михаилъ.

— Ну, вотъ, наконецъ, нашлась вещь, которая заставила тебя поблѣднѣть... Теперь ты можешь идти, да кстати, если увидишь Поршнева, передай ему... Нѣтъ, пусть лучше онъ самъ побываетъ у меня... Пусть придетъ завтра... Ты можешь уходить, Михаилъ,— прибавила она холодно и рѣзко.

— Значитъ, вы меня гоните...—промолвилъ Михаилъ.

— Нѣтъ, не то, не то... Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе не видѣть тебя такимъ, какимъ ты есть, и очевидно инымъ не можешь быть...

— Какъ хотите, мама... Я уйду... Я только скажу, что если я такой, то я не виноватъ въ этомъ... Наша семья... Знаете ли, что такое была наша семья? Какое-то пустое мѣсто... Да, пустота, пустыня... Разрушенное гнѣздо, изъ котораго всегда хотѣлось бѣжать... Прощайте, мама!

И, сказавъ это, онъ не подошелъ къ ней и не протянулъ руку, а просто повернулся и ушелъ.

Ирина Васильевна долго оставалась подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ этого разговора.

«Пустое мѣсто... Разрушенное гнѣздо, изъ котораго хочется бѣжать...—мысленно повторяла она:—можетъ быть, онъ и правъ... А кто виноватъ въ этомъ? Нельзя узнать этого, нѣтъ возможности разобраться въ этомъ».

XVII.

Вечеромъ пріѣхалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ явился часовъ въ десять. Со службы прямо онъ поѣхалъ къ своему знакомому важному лицу. Тамъ обѣдалъ и только теперь освободился.

— Ну, я сдѣлалъ, что могъ...—сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло, съ видомъ усталости.—Представьте, я встрѣтилъ необыкновенно благопріятную почву. Тамъ думаютъ, что полученіе такъ называемыхъ «благодарностей», къ сожалѣнію, совсѣмъ не такое ужъ исключительное явленіе и что карать слишкомъ жестоко одного, въ то время какъ другіе будутъ продолжать принимать таковыя благодарности, было бы чистой несправедливостью. Тамъ полагаютъ, что уже одно лишеніе службы является въ этомъ случаѣ достаточнымъ наказаніемъ.

— Но есть другое, гораздо серьезнѣе!—сказала Ирина Васильевна.

— А другое, оказывается, легко подвести подъ категорію болѣзненныхъ отклоненій... Видите ли, очень ужъ хотятъ тамъ оказать мнѣ содѣйствіе... А въ такихъ случаяхъ, если бы это требовалось, то и движеніе земли вокругъ солнца можно объявить недоразумѣніемъ.

— Такъ что, вы думаете, дѣло будетъ прекращено?

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, обѣщали это.

— Тогда и имъ можно обѣщать?

— Я думаю, что да... Вотъ какъ странно это кончается,—говорилъ Рокотовъ, перебирая въ своей памяти событія за долгій срокъ двухъ десятковъ лѣтъ:—люди съ разныхъ полюсовъ—Балясовъ и вы, прожили вмѣстѣ двадцать лѣтъ, каждое мгновеніе ненавидя другъ друга. Мы съ вами одинаковыхъ мыслей и стремленій—были чужды другъ другу, настроены враждебно и чуть ли не были готовы сдѣлать другъ другу зло. Теперь мы оба, презирая его, выручаемъ изъ ужаснаго положенія, въ которое онъ попалъ совершенно заслуженно. Какимъ противоположнымъ чувствамъ приходится уживаться рядомъ: онъ, ненавидящій насъ со всею злобою, какая только можетъ отыскаться въ душѣ человѣка, принужденъ будетъ почувствовать благодарность къ намъ. Вотъ ужъ можно съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ учебникѣ психологіи вы не найдете такихъ сопоставленій. Однако, оставимте нашихъ ближнихъ и займемся нами. Слушайте, Ирина, завтра у меня въ квартирѣ будутъ цѣлый день работать мастера. Они придадутъ ей болѣе жилой видъ. А то вѣдь у насъ въ сущности нѣсколько сараевъ, не болѣе. Это оттого, что съ нами не

было женщины... Теперь она будетъ, какъ вы знаете. Я думаю, что послѣ-завтра вы оставите эти комнаты и переѣдете туда.

— Да, я къ этому готова,—сказала Ирина Васильевна.

— А я этого жду гораздо давнѣе, чѣмъ вы думаете. Да,—продолжалъ онъ,—въ жизни большею частью ходятъ обходными путями. Но я не жалѣю объ этомъ и вамъ не совѣтую жалѣть. Очевидно, если бы намъ это досталось сразу и безъ усилій, мы не съумѣли бы оцѣнить... Зачѣмъ отдыхать, когда люди еще не устали? То былъ періодъ работы, а теперь наступило время покоя.

Онъ поднялся, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Онъ ужъ готовъ былъ идти, но въ это время въ передней позвонили.

— Это Поршневъ,—сказала Ирина Васильевна.—Это навѣрное онъ.

— А, ну, вотъ я и посмотрю его вблизи. Я никогда еще не получалъ этого удовольствія.

Въ самомъ дѣлѣ вошелъ Поршневъ и, увидѣвъ Сергѣя Николаевича, чрезвычайно смутился и началъ почтительно кланяться.

Ирина Васильевна познакомила ихъ, но Поршневъ и теперь ограничился поклономъ.

Можетъ быть, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что Рокотовъ захочетъ пожать ему руку.

— Мнѣ Михаилъ сказалъ, что вы позволили придти къ вамъ,—промолвилъ онъ, садясь на указанномъ ему стулѣ.

— Да, я сказала это,—отвѣтила Ирина Васильевна.—Вотъ,—прибавила она,—Сергѣй Николаевичъ сдѣлалъ то, о чемъ вы просили.

— И что же?—спросилъ Поршневъ, повернувъ лицо въ сторону Рокотова.

— По моимъ свѣдѣніямъ, сказалъ Рокотовъ,—вы можете успокоить вашего друга и... себя.

— Это навѣрно?—порывисто воскликнулъ Поршневъ, стремительно поднявшись съ мѣста.

— Насколько можно считать вѣрнымъ человѣческое обѣщаніе.

— Когда же это воспослѣдуетъ?

— Да ужъ если воспослѣдуетъ, такъ скоро. Подобныя дѣла нельзя затягивать... Вѣдь преданіе суду еще не состоялось.

— Нѣтъ, нѣтъ... Но оно можетъ состояться каждый часъ.

— Ну, едва ли есть такіе зловредные чиновники, которые занимались-бы подобными дѣлами около полуночи. А завтра съ утра будутъ приняты мѣры. Вѣроятно, завтра же вы узнаете.

— Благодарю васъ. Не знаю, какъ и благодарить... Я пере-

дамъ... Я не смѣю больше безпокоить васъ своимъ присутствіемъ.

Поршневъ кланялся и Иринѣ Васильевнѣ и Рокотову, а они оба оставались на своихъ мѣстахъ и не дѣлали къ нему никакого движенія.

Ирина Васильевна могла наблюдать, что въ присутствіи Сергѣя Николаевича онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; въ немъ явились какая-то неувѣренность, приниженность, робость. И, можетъ быть, это оттого, что его судьба зависѣла отъ Рокотова, и спасеніе еще не совершилось. Можетъ быть, завтра, послѣ того, какъ уже будетъ извѣстно, что преданіе суду не состоялось и не состоится, онъ при встрѣчѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ гордо подниметъ голову и окатитъ его самоувѣреннымъ, презрительнымъ взглядомъ...

— Я передамъ,—повторилъ Поршневъ, уже отворивъ дверь, и вышелъ.

Рокотовъ и Ирина Васильевна съ минуту посидѣли молча, затѣмъ и Сергѣй Николаевичъ сталъ прощаться.

— Ну,—сказалъ онъ, цѣлуя руку Ирины Васильевны,—сегодня мы съ вами нажили себѣ злѣйшихъ враговъ. Такіе люди, какъ этотъ и какъ тотъ, никогда не прощаютъ оказаннаго имъ благодѣянія. Они будутъ мстить намъ за него всю жизнь, ну, конечно однимъ только своимъ презрѣніемъ.

Онъ простился и ушелъ.

Прошло больше недѣли. Обѣщаніе, которое далъ Сергѣй Николаевичъ Поршневу, вполнѣ оправдалось. Дѣло Балясова на другой же день вдругъ приняло благопріятный оборотъ.

Было рѣшено, что сенсація въ такомъ дѣлѣ только можетъ бросить дурную тѣнь на цѣлое сословіе, а будетъ ли достигнута при этомъ справедливость,—это вопросъ. И Балясову была предложена отставка по его прошенію, и дѣло о немъ было прекращено.

Ирина Васильевна уже поселилась въ квартирѣ на Васильевскомъ Островѣ. Квартира эта стала неузнаваема. Недавно еще пустынныя комнаты стали жилыми.

Сергѣй Николаевичъ при отдѣлкѣ комнатъ не обнаружилъ сколько-нибудь выдающагося вкуса. Подборъ цвѣтовъ и фасоновъ оставлялъ желать многаго.

Но зато онъ постарался, чтобы все было мягко, удобно и уютно. Большая комната, въ которой происходило знаменитое собраніе, поссорившее Рокотова съ Крученинымъ, превратилась въ столовую. Другія комнаты, отдѣлявшія столовую отъ кабинета Сергѣя Николаевича, бывшія прежде просто проходными пространствами, сдѣлались уютными уголками. Комната Круче-

нинова превратилась въ спальню Ирины Васильевны. Только лабораторія осталась неприкосновенной.

Любочка, посѣтившая квартиру Рокотовыхъ, какъ она говорила, «ради новоселья» и привезшая по этому случаю хлѣбъ съ солью, ахнула отъ восторга.

— Для меня,—сказала она,—это лишнее доказательство могущества женщины. Одно желаніе ея поселиться въ квартирѣ превратило ее изъ нелюдимой пустыни въ пріятный оазисъ.

Отъ Людмилы Ирина Васильевна довольно долго не получала сколько-нибудь значительныхъ извѣстій. Правда, съ каждой большой желѣзнодорожной станціи Людмила присылала открытое письмо, въ которомъ сообщала, что путешествіе совершается благополучно. Но это не насыщало любопытства Ирины Васильевны.

Наконецъ, было получено письмо съ мѣста, куда они пріѣхали и гдѣ временно поселились. Людмила писала:

«Прежде всего то, что тебя больше всего интересуетъ, дорогая моя мама: я довольна своимъ положеніемъ, я ни одной минуты не жалѣю о сдѣланномъ шагѣ, я совершенно, совершенно счастлива. При тѣхъ нѣсколько запутанныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ все это совершалось, я колебалась и сомнѣвалась, но теперь, когда наша жизнь очистилась отъ всего посторонняго—я вижу, что это мой путь и что другого не можетъ и не должно быть. Я счастлива.

«Теперь другое. Если у меня были колебанія относительно той маленькой работы, которая мнѣ съ Александромъ и другими предстоитъ, то здѣсь, на мѣстѣ, они прошли мгновенно, ихъ какъ рукой сняло.

«И то же самое было бы съ тобой, съ отцомъ и со всякимъ, у кого въ груди живое сердце. Можетъ быть, это дѣло маленькое, незначительное, можетъ быть, есть и гдѣ-нибудь незримо ждетъ насъ великое дѣло, но когда видишь передъ собой людей, такихъ же, какъ мы, созданныхъ по образу и подобію Бога, лишенныхъ самаго главнаго и самаго элементарнаго блага—хлѣба, пищи на каждый день, чтобы имѣть возможность существовать и работать, и когда имѣешь возможность дать имъ это благо, на которое имѣетъ право всякая живущая на землѣ тварь, то забываешь всѣ великія задачи и дѣла, если они существуютъ.

«И является мысль: да можно ли, справедливо ли задаваться большими цѣлями, стремиться къ великимъ дѣламъ, когда остается еще нерѣшеннымъ простой и повидимому ясный вопросъ о томъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, были каждый день сыты?»

Дальше Людмила на многихъ страницахъ описывала свои впечатлѣнія и кончала письмо такими строками:

«Все это относится до меня и Александра и такихъ, какъ мы, молодыхъ сильныхъ, еще не жившихъ. Но тебѣ, мама, и отцу я желаю отдыха. Ему — послѣ его безпокойной и плодотворной работы, тебѣ послѣ двадцати лѣтъ мучительной заботы обо мнѣ. Я думала объ этомъ очень много, всю дорогу думала, не считая того, что передумала я, живя съ тобой. И я говорю теперь то, что вызрѣло въ моей душѣ: мама, отдыхать вы можете только вдвоемъ; и если я теперь объявляю себя счастливой, то тогда я буду еще и спокойна, когда узнаю, что это совершилось. Обнимаю васъ обоихъ, моихъ отца и мать. Александръ поручаетъ мнѣ сказать вамъ то же отъ его имени».

Послѣ этого обитатели флигеля на Васильевскомъ островѣ и скромной крестьянской избы въ далекомъ приволжскомъ селѣ обмѣнялись дружескими телеграммами.

«Твое желаніе исполнилось, сообщала Ирина Васильевна дочери,—мы вмѣстѣ».

Людмила отвѣчала на это: «Я не только счастлива, но и спокойна».

И. Потапенко.

Конецъ.

Проблемы химіи въ области питательныхъ веществъ.

I.

Въ первобытныя времена человѣчество пользовалось для удовлетворенія своихъ примитивныхъ нуждъ болѣе или менѣе непосредственно тѣмъ, что ему доставляла изъ своихъ нѣдръ сама природа. Пищу и одежду доставляли ему непосредственно растенія и животныя; жилище для себя онъ находилъ вначалѣ въ естественныхъ пещерахъ, а затѣмъ сталъ сооружать себѣ незамысловатыя постройки на сваяхъ, по существу мало отличающіяся отъ построекъ бобровъ и требовавшія отъ первобытнаго человѣка только самыхъ примитивныхъ познаній относительно свойствъ того матеріала, изъ котораго они сооружались. Для успѣшнаго пользованія тѣми продуктами, которые первобытная природа щедро давала въ руки первобытнаго человѣка, со стороны послѣдняго, при ограниченности его нуждъ, требовалось очень мало знаній... Онъ долженъ былъ быть достаточно ловокъ и силенъ, чтобы бороться за свое существованіе съ дикими звѣрями; онъ долженъ былъ быть достаточно хитеръ, чтобы, обманывая ихъ, ловить и утилизировать ихъ для своихъ насущнѣйшихъ потребностей... Для этого ему, конечно, приходилось присматриваться, наблюдать, соображать, но все это почти не выходило изъ рамокъ животнаго существованія.

То, что давала природа, или прямо непосредственно годилось для цѣлей первобытнаго человѣка, или требовало отъ него лишь самой примитивной механической обработки... Со своимъ развитіемъ, послѣ открытія способа полученія огня, изобрѣтенія лука и ядовитыхъ стрѣлъ и т. д., человѣкъ постепенно изъ объекта біологіи сдѣлался объектомъ исторіи и соціологіи...

При дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи впередъ, наряду съ физической обработкой естественныхъ продуктовъ, начинаетъ расти и химическая ихъ обработка... Финикіяне уже плавятъ руды, приготовляютъ стекло и продѣлываютъ цѣлый рядъ другихъ манипуляцій, которыя свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторомъ развитіи у нихъ химической техники. По сравненію съ современной техникой это—лишь ничтожнѣйшіе начатки, но если сопоставить съ тѣмъ, что могъ и умѣлъ

дѣлать первобытный человѣкъ, то эти первые шаги можно характеризовать, какъ грандіознѣйшія завоеванія человѣческаго генія...

Тутъ мнѣ хочется поставить вопросъ: сдѣлалось ли человѣчество съ этими геніальными открытіями счастливѣе, чѣмъ оно было въ первобытныя времена? Неизвѣстно! Одно для меня несомнѣнно, что въ тѣ времена, когда люди жили парами, или небольшими семьями, каждый отдѣльный индивидуумъ, во-первыхъ, долженъ былъ оцѣниваться по своимъ достоинствамъ—мы говоримъ объ этомъ безотносительно къ тому, каковъ былъ критерій этой оцѣнки, — во вторыхъ, каждая личность должна была представлять болѣе или менѣе равноцѣнную другимъ личностямъ величину, ибо за исключеніемъ природныхъ достоинствъ, еще не было такихъ причинъ для дифференціаціи, которая явилась только потомъ, съ увеличеніемъ и усложненіемъ общества и съ развитіемъ болѣе разнообразныхъ нуждъ, хотя бы до тѣхъ предѣловъ, какъ это было во времена египтянъ, грековъ и римлянъ. Древній міръ, воздвигшій такія огромныя и до сихъ поръ поражающія человѣчество пирамиды, проявившій такой пышный расцвѣтъ человѣческаго генія въ области философіи, искусствъ и, въ указанномъ выше смыслѣ, въ области техническихъ пріемовъ механической и химической обработки, позналъ, въ противоположность первобытному человѣчеству, всѣ прелести, а еще больше всю горечь того, что принесло съ собой рабство...

Прося извиненія у читателя за это маленькое уклоненіе въ сторону соціологіи, смыслъ котораго будетъ понятенъ ниже, я долженъ сказать далѣе, что въ новое время, т. е. въ то время, къ которому непосредственно примыкаетъ наша эпоха, химическія манипуляціи вступаютъ въ періодъ, еще намѣченный египетскими жрецами, въ періодъ алхиміи, и въ формѣ приготовленія философскаго камня и жизненнаго элексира поднимаются во мнѣніи людей на высоту процессовъ, имѣющихъ жизненное значеніе. Человѣчество ждало отъ алхиміи чудесъ, во-первыхъ въ видѣ превращенія всякихъ камней въ драгоцѣнные металлы, отъ чего, надо полагать, ожидалось поголовное обогащеніе, превращеніе всѣхъ въ богачей, во-вторыхъ, въ видѣ возможности полученія безсмертія, которое представлялось, конечно, еще болѣе заманчивымъ, чѣмъ первое. Естественно, что при такомъ отношеніи къ алхиміи работы алхимиковъ, производившіяся къ тому же въ подвалахъ, въ оригинальной и въ высшей степени таинственной обстановкѣ, были окружены ореоломъ чуть ли не сверхъестественности...

Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ отысканію философскаго камня и приготовленія жизненнаго элексира, на чемъ, кстати сказать, проявился Ренессансъ въ химіи, ожиданія человѣчества отъ химіи стали скромнѣе. Съ начала XVI вѣка-го наиболѣе серьезные химики остановились на томъ, что если химія не въ состояніи дать человѣку безсмертіе, то она, во всякомъ случаѣ, является въ его рукахъ

могучимъ оружіемъ въ борьбѣ съ болѣзнями и разнаго рода человѣческими недугами. Этотъ періодъ, ознаменованный широкимъ развитіемъ фармацевтической химіи, извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ «ятрохимическаго періода». Онъ не такъ блестящъ, въ смыслѣ полета фантазіи, какъ алхимическій періодъ, но зато онъ, по всей вѣроятности, породилъ менѣе горькихъ разочарованій, чѣмъ послѣдній. Въ этотъ періодъ химія съ достоинствомъ выступаетъ цѣлительницей человѣческихъ болѣзней...

Такъ прошли XIV-е, XV-е и XVI-е столѣтія и только въ XVII-мъ столѣтіи, и то только во второй его половинѣ, химія выступаетъ на свой славный путь научныхъ изслѣдованій. Первый, кто такъ рѣшительно отмѣтилъ этотъ поворотъ въ химіи и, освободивъ ее отъ исключительнаго служенія медицинѣ, указалъ ей ея новый настоящій путь, былъ англійскій натуралистъ Робертъ Бойль, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ XVIII-го столѣтія. Вотъ его великія слова, которыя съ поразительною ясностью знаменуютъ этотъ важный поворотъ въ химіи: «Химики до сихъ поръ руководствовались черезчуръ узкими принципами, не требовавшими особенно широкаго умственнаго кругозора; они усматривали свою задачу въ приготовленіи лекарствъ, въ извлеченіи и превращеніи металловъ. Я смотрю на химію съ совершенно другой точки зрѣнія; я смотрю на нее не какъ врачъ, не какъ алхимикъ, а какъ долженъ смотрѣть на нее философъ. Если бы люди принимали успѣхъ истинной науки ближе къ сердцу, нежели свои личные интересы, тогда можно было бы легко доказать имъ, что они оказывали бы міру величайшія услуги, если бы посвятили всѣ свои силы производству опытовъ, собиранію наблюденій и не устанавливали никакихъ теорій, не провѣривъ предварительно ихъ справедливости опытнымъ путемъ».

Итакъ, задача новой химіи заключалась въ научныхъ химическихъ изслѣдованіяхъ, побуждаемыхъ исключительнымъ интересомъ къ истинѣ. Бойль предсказывалъ, что такая химія окажетъ міру «величайшія услуги»; теперь, взвѣшивая то, что сдѣлала химія для человѣчества на этомъ новомъ пути, въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій до настоящаго времени, можно съ фактами въ рукахъ доказать, что этотъ свѣтлый умъ не ошибся. Осчастливила ли химія человѣчество—это другой вопросъ, но что она оказала ему величайшія услуги, это несомнѣнно. Сдѣлавъ это замѣчаніе, мы не будемъ здѣсь входить въ сущность разницы между этими двумя понятіями, предполагая это сдѣлать ниже.

Новая химія, намѣченная Робертомъ Бойлемъ и вставшая на ноги со времени Лавуазье, и есть та химія, одну изъ эпохъ которой представляетъ наша современная химія. Развитіе ея шло и идетъ въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи анализа и въ направленіи синтеза. Въ началѣ XIX-го вѣка шире былъ поставленъ анализъ, къ концу его и

въ наши дни преобладаетъ синтезъ. Подъ «анализомъ» мы разумѣемъ непосредственное изслѣдованіе веществъ природы; подъ «синтезомъ»— ихъ искусственное составленіе и вообще приготовленіе лабораторнымъ путемъ изъ различныхъ простѣйшихъ соединеній какъ минеральной, такъ и органической химіи. Итакъ, «анализъ» и «синтезъ» мы понимаемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ.

Если при первыхъ шагахъ новой химіи для изслѣдователя еще во многихъ случаяхъ было достаточно только одного анализа, то уже теперь этого мало. Недостаточно показать, разложивъ какое-нибудь вещество природы, изъ какихъ элементовъ, въ какихъ пропорціяхъ и въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ этихъ элементовъ данное вещество состоитъ,—требуется еще для полноты научнаго освѣщенія указать, какъ, какимъ образомъ это вещество построить или создать изъ веществъ менѣе сложнаго порядка.

Такое научное изслѣдованіе веществъ природы несетъ съ собой огромнѣйшіе практическіе результаты, съ большимъ успѣхомъ утилизируемые современной техникой.

Въ области веществъ минеральной химіи синтезъ едва ли не такъ же древенъ, какъ и анализъ; въ области же органической химіи синтезъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, насчитываетъ всего лишь три четверти вѣка. Родоначальникомъ этого направленія въ химіи считается нѣмецкій ученый Фридрихъ Вёлеръ, который въ 1828 г. осуществилъ первый важный органическій синтезъ—синтезъ мочевины. Уже до него было извѣстно, что мочевина состоитъ изъ углерода, кислорода, азота и водорода, но какъ приготовить изъ этихъ простыхъ тѣлъ мочевину лабораторнымъ путемъ, это впервые показалъ Фридрихъ Вёлеръ.

Сдѣлавъ эти краткія замѣчанія, которыя мы считали необходимыми для нашего дальнѣйшаго изложенія, мы перейдемъ, во-первыхъ, къ изложенію того, что сдѣлала химія, какъ путемъ анализа, такъ и путемъ синтеза, въ области питательныхъ веществъ; во-вторыхъ, къ оцѣнкѣ того, что она способна сдѣлать въ этой области, и, наконецъ, въ-третьихъ, разберемъ, насколько справедливы и современныя ожиданія отъ химіи «услугъ» въ смыслѣ облагодѣтельствованія человѣчества въ этомъ направленіи.

II.

Голодъ есть основной показатель неудовлетворительности животнаго состоянія какъ животнаго, такъ и человѣка. Недаромъ онъ многими оригинальными мыслителями считается самымъ сильнымъ толчкомъ къ самодѣятельности и даже основнымъ факторомъ прогресса.

Уничтожить животный голодъ въ человѣчествѣ, устранить проистекающія отъ него бѣдствія, значитъ, на нашъ взглядъ, облагодѣ-

тельствовать человѣчество. У прогресса есть и иные мотивы; за устраненіемъ животнаго голода, онъ только перемѣнитъ свое русло. Что бы ни толковали разные мыслители, а это—первая и основная проблема всякой человѣческой экономики.

Въ срединѣ XIX-го вѣка человѣчество начинаетъ какъ бы убѣждаться, что наиболѣе полезный для него путь, могущій дать ему наиболѣе прочные и цѣнные результаты, есть прежде всего изученіе природы. На науки, занимающіяся изученіемъ природы, оно возложило главныя свои надежды. И эти науки оказали человѣчеству дѣйствительно «величайшія услуги». Однако, несмотря на все то, что дали людямъ основанныя на этихъ наукахъ искусства: медицина, агрономія, техника, метафизики до сихъ поръ осмѣливаются говорить, что науки обманули надежды человѣчества. Но едва ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что большинство согласится скорѣе съ Мечниковымъ, который утверждаетъ, что науки дали за это полустолѣтіе человѣчеству гораздо больше, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ ожидало отъ нихъ.

На одну изъ основныхъ наукъ этой категоріи, именно на химію, человѣчество возлагаетъ въ настоящее время самыя широкія надежды въ области питательныхъ веществъ. Еще люди XIX-го вѣка говорили, что когда химія найдетъ способы готовить лабораторнымъ путемъ питательныя вещества, тогда не будетъ больше голода. Напримѣръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, вся дѣятельность котораго относится къ прошлому вѣку, а именно анатомъ и физіологъ Іоганъ Мюллеръ выражался въ томъ смыслѣ, что когда будутъ приготовлены химиками важнѣйшія изъ питательныхъ веществъ—бѣлки, тогда человѣчество будетъ избавлено отъ голода. Современное общество и высказавшіеся по этому вопросу писатели тоже почти нисколько въ этомъ не сомнѣваются.

Итакъ, человѣчество надѣется, что химія избавитъ его отъ голода, т.-е. доставитъ ему величайшее счастье, разъ она найдетъ методы, технически-выгодные методы синтеза питательныхъ веществъ.

Чтобы разобраться въ этомъ, необходимо прежде всего посмотрѣть, что представляютъ изъ себя въ химическомъ отношеніи наши питательныя вещества, т.-е. тѣ вещества, изъ которыхъ состоитъ наша пища.

Путемъ анализа химія установила, что, несмотря на все разнообразіе нашей пищи, ея питательныя вещества, по своей химической природѣ, представляютъ всего лишь три основныя группы химическихъ соединеній: это или *жиры* или *углеводы*, или *бѣлки*.

Изъ *жировъ* первобытному человѣчеству были извѣстны, по всей вѣроятности, только одни животные жиры. Но уже во времена грековъ и римлянъ, кромѣ того, стали добываться различные растительные жиры, извѣстные болѣе подъ именемъ маслъ; таковы, оливковое, миндальное, касторовое масла и др. Между прочимъ изъ жи-

вотныхъ жировъ грекамъ, какъ видно по сочиненіямъ Плинія, былъ уже извѣстенъ и такъ называемый шерстяной жиръ, который подъ именемъ «ланолина» получилъ широкое распространеніе особенно за послѣднее время. Но, конечно, древніе знали жиры, какъ вещества, полезныя для ихъ обихода, не имѣя ровно никакого представленія объ ихъ химической природѣ.

Первое робкое мнѣніе о составѣ жировъ было высказано только въ ятрохимическій періодъ. Основываясь на уже раньше извѣстномъ фактѣ омыленія или вообще разложенія жировъ посредствомъ щелочей и металлическихъ окисловъ, одинъ изъ проницательнѣйшихъ представителей этого періода въ химіи—Тахеній—впервые высказалъ предположеніе, что «масло или жиръ содержитъ скрытую кислоту». Затѣмъ въ новый періодъ шведскій ученый Шееле, разложивъ свинцовымъ глётомъ деревянное масло, открылъ въ жирахъ глицеринъ.

Наконецъ, въ первой половинѣ XIX-го в. французскій ученый Шеврель доказалъ окончательно, что жиры распадаются на кислоты и глицеринъ. Такимъ образомъ, благодаря знаменитымъ работамъ Шеврея, было установлено, что жиры состоятъ изъ комбинацій различныхъ кислотъ съ глицериномъ, подобно тому, какъ соли состоятъ изъ комбинацій кислотъ съ щелочами.

На этомъ была закончена работа химіи въ дѣлѣ познанія жировъ, какъ класса химическихъ соединеній. Слѣдовательно, аналитическая проблема химіи въ области жировъ была рѣшена.

Что касается второй упомянутой выше основной группы питательныхъ веществъ, къ которой мы отнесли *углеводы*, то она вообще сложнѣе первой группы—жировъ—и во многихъ отношеніяхъ до сихъ поръ еще не изучена. Чтобы сразу дать представленіе объ этой группѣ, мы перечислимъ главныя вещества, которыя къ ней относятся: это—виноградный сахаръ, фруктоза, тростниковый сахаръ, молочный сахаръ и другія сахаристыя вещества, разнаго рода камеди, крахмалъ, декстринъ, целлулёза или клѣтчатка и т. д., т.-е. тѣ вещества, которыя человѣкъ въ большомъ количествѣ потребляетъ въ различныхъ плодахъ, овощахъ, ягодахъ, хлѣбѣ, въ винахъ и вообще въ той части своей пищи, источникомъ которой служатъ растенія.

Практическій интересъ къ нѣкоторымъ веществамъ этого рода весьма древенъ. Такъ, напр., извѣстно, что грекамъ уже хорошо былъ знакомъ крахмалъ, въ его индивидуальномъ видѣ. Въ сочиненіяхъ Діоскорида описанъ даже способъ его приготовленія. Сахаръ же, столь обыкновенный въ пищѣ современнаго человѣка (въ Англіи сахаромъ, привозимымъ изъ Россіи, теперь даже откармливаютъ свиней), сталъ извѣстенъ, какъ особое вещество, только въ ятрохимическій періодъ. Конечно, уже и первобытный человѣкъ въ своей пищѣ потреблялъ сахаръ, но въ извлеченномъ изъ растеній видѣ, какъ особое вещество, тростниковый сахаръ сталъ извѣстенъ только къ XVII-му вѣку. При

этомъ ятрохимики получали сахаръ исключительно изъ сахарнаго тростника, очищая выжимаемый изъ него сокъ яичнымъ бѣлкомъ и известью; но при этой обработкѣ ятрохимики имѣли въ своихъ рукахъ, конечно, далеко еще не чистый сахаръ. Далѣе, въ половинѣ XVIII-го вѣка нѣмецкій фармацевтъ и ученый Сигизмундъ Маргграфъ, подвергнувъ изслѣдованію сокъ изъ свекловицы, нашелъ и въ немъ тростниковый сахаръ. Тѣмъ не менѣе до первой четверти XIX-го вѣка сахаръ для потребленія получался исключительно изъ сахарнаго тростника, привозимаго изъ Вестъ-Индіи и вообще изъ тропическихъ странъ, главнымъ образомъ Англіей. Побужденіемъ къ нашему современному способу фабрикаціи сахара изъ свекловицы была континентальная система Наполеона I, запрещавшая, какъ извѣстно, пользоваться Европѣ продуктами, шедшими изъ Англіи.

Затѣмъ, мало-по-малу къ этимъ обычнымъ веществамъ присоединились и другія, подобныя имъ, и у химіи возникла потребность выдѣлить ихъ въ особый классъ органическихъ соединеній. Основаніемъ для наименованія веществъ этого класса «углеводами» послужилъ ихъ составъ, который говорилъ прежнимъ изслѣдователямъ, что всѣ эти вещества состоятъ какъ бы изъ угля и воды: они состоятъ изъ углерода, кислорода и водорода, причемъ количественное отношеніе послѣднихъ двухъ изъ этихъ элементовъ, дѣйствительно, совершенно такое же, какъ въ водѣ.

На основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная химія, можно сказать, что выдѣленіе соединеній этого порядка въ особый классъ весьма искусственно. Въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ, надо полагать, въ научной химіи этотъ классъ исчезнетъ, и соединенія, входящія нынѣ въ него, распредѣлятся по другимъ классамъ, въ основу раздѣленія которыхъ будетъ положенъ болѣе раціональный принципъ—принципъ строенія.

Наоборотъ, въ физіологической химіи этотъ классъ имѣетъ полный raison d'etre...

Въ началѣ XIX вѣка былъ извѣстенъ только *составъ* этихъ соединеній, послѣ же работъ цѣлаго ряда извѣстныхъ химиковъ, какъ-то: Байера, Фиттига, Цинке и В. Мейера стало мало-по-мало выясняться и ихъ *строеніе*. Такъ, стало извѣстно, что вещества этого порядка представляютъ вообще соединенія двойственнаго характера: одни изъ нихъ въ одно и то же время реагируютъ, какъ спирты и какъ кетоны, другія, какъ спирты и альдегиды.

Но болѣе полно и то только главнымъ образомъ простѣйшія вещества этого порядка были выяснены съ химической стороны лишь въ послѣднее время; это сдѣлали уже наши современники: Э. Фишеръ, Липманъ, Соксле, Толленсъ и др. Особенно много сдѣлалъ для этой области первый изъ нихъ, нынѣшній профессоръ берлинскаго университета — Эмиль Фишеръ, тотъ самый, который недавно былъ на-

гражденъ нобелевской премiей по химiи, и въ большой степени именно за эти свои работы. Эти изслѣдованiя Фишера подтвердили высказанный выше взглядъ на химическую природу углеводовъ и дали разъясненiя относительно многихъ, бывшихъ до него загадочными, явленiй въ этой области. Работы Фишера были опубликованы всего лишь около 15-ти' лѣтъ тому назадъ. Вы видите, какъ нова химическая разработка этой области.

И вотъ пока все, что собственно сдѣлала химiя въ смыслѣ разъясненiя химической природы углеводовъ къ началу XX вѣка. Химiей разъяснена пока, болѣе или менѣе удовлетворительно, химическая природа только простѣйшихъ углеводовъ, т.-е. такихъ, напр., какъ: виноградный сахаръ, фруктоза и т. п., природа же болѣе сложныхъ углеводовъ, какъ, напр., крахмала, декстрина, не говоря уже о клѣтчаткѣ, еще сравнительно весьма мало выяснена...

Слѣдовательно, аналитическая проблема химiи въ области углеводовъ еще весьма далека до окончательнаго своего рѣшенiя.

Наконецъ, что касается третьяго, упомянутаго нами выше класса питательныхъ веществъ, т.-е. *бѣлковъ*, то слѣдуетъ сказать, что вещества этого порядка еще сложнѣе, чѣмъ вещества предыдущаго порядка, да и вообще это едва-ли не самыя сложныя соединенiя изъ всѣхъ, съ которыми только имѣетъ дѣло человѣкъ. Относительно того, какъ важны эти вещества, достаточно сказать, что безъ бѣлковъ, по крайней мѣрѣ на землѣ, нѣтъ жизни; гдѣ есть жизнь, тамъ непремѣнно есть бѣлки, т. е., слѣдовательно, бѣлки являются по преимуществу тѣмъ субстратомъ, въ которомъ проявляются и разыгрываются всѣ тѣ процессы, которые носятъ названiе «жизни».

Къ группѣ бѣлковъ относятся такiя веществса, какъ альбуминъ (напр. яичный бѣлокъ), міозинъ, фибринъ (главная составная часть творога), желатина или клей, различныя роговыя вещества, дрожжи и вообще разнообразные ферменты и т. д.

Первая проблема химiи въ области бѣлковъ состоитъ въ опредѣленiи ихъ состава. Эта проблема распадается на двѣ половины: первая часть—опредѣленiе того, изъ какихъ химическихъ элементовъ состоятъ бѣлки, вторая часть—опредѣленiе того, каковы количественныя отношенiя этихъ элементовъ въ бѣлкахъ. Первая половина проблемы, вслѣдствiе ея сравнительной элементарности, уже довольно давно рѣшена. При этомъ оказалось, что въ отличiе отъ жировъ и углеводовъ, которые состоятъ только изъ трехъ элементовъ: углерода, кислорода и водорода, бѣлковыя вещества состоятъ изъ пяти или шести элементовъ: углерода, водорода, кислорода, азота и сѣры, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и фосфоръ. Что же касается второй половины поставленной проблемы, то анализъ пока безсиленъ разрѣшить ее. Формулы, которая бы выразила количественныя отношенiя элементовъ и количества ихъ атомовъ въ молекулѣ бѣлка, химiя до сихъ поръ не въ

состояніи дать. Почти каждый изслѣдователь въ этой области даетъ свою формулу, отличную отъ формулъ другихъ изслѣдователей, а это и значитъ, что химія до сихъ поръ не можетъ опредѣлить истиннаго состава бѣлковъ...

Итакъ, первая аналитическая проблема химіи въ области бѣлковъ еще не рѣшена. Послѣ этого о рѣшеніи второй проблемы, т.-е. проблемы строенія бѣлковъ пока не можетъ быть и рѣчи. Тутъ могутъ быть только нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, основанныя на тѣхъ или другихъ реакціяхъ бѣлковъ,—не больше...

Первое предположеніе о строеніи бѣлковъ было высказано Мульдеромъ, который думалъ, что бѣлки не что иное, какъ различныя комбинаціи одного и того же радикала, которому онъ далъ названіе «протеинъ», съ различными количествами сѣры и фосфора. Отсюда и ведетъ свое начало наименованіе бѣлковъ «протеиновыми веществами», такъ долго державшееся въ наукѣ, да изрѣдка произносимое и въ настоящее время. Практическая заслуга Мульдера въ этой области заключается особенно въ томъ, что онъ доказалъ присутствіе бѣлковъ, до него извѣстное только въ животныхъ, и въ растительномъ царствѣ. Вслѣдъ за Мульдеромъ въ этой области сталъ работать знаменитый нѣмецкій ученый Юстусъ Либихъ, а за нимъ и его ученики. Хотя Либиху и удалось опровергнуть предположеніе Мульдера, однако онъ былъ безсиленъ, выставить на мѣсто этого предположенія другое, болѣе вѣрное. Позже высказывали нѣкоторыя предположенія о строеніи бѣлковъ Стерри Хентъ, Шютценбергеръ, Левъ и наконецъ наши русскіе ученые Данилевскій и Шишковъ; каждая изъ высказанныхъ ими гипотезъ основывается на тѣхъ или другихъ опытахъ, но ни одна изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ предположеній.

Итакъ, аналитическая проблема химіи въ области бѣлковъ, вслѣдствіе сложности и непостоянства этихъ соединеній, можно сказать, только еще намѣчена, и вопросъ не только о строеніи, но и о составѣ ихъ, остается еще вполнѣ открытымъ.

Жирами, углеводами и бѣлками исчерпывается вся наша пища. Нашему организму, для правильныхъ отправленій его функцій, необходимы только эти три группы веществъ.

Чтобы дать представленіе объ относительной роли этихъ группъ веществъ въ питаніи, мы приведемъ количества ихъ, вычисленныя мюнхенскимъ проф. Фохтомъ, необходимыя для рабочаго, вѣсомъ въ 70 килограммовъ, при рабочемъ днѣ въ 9—10 час. Вотъ эти цифры, выражающія минимумы этихъ веществъ: 56 gr. жировъ, 500 gr. углеводовъ и 118 gr. бѣлковъ, или, переводя это на языкъ обычной пищи: $^3/_4$ германскаго фунта хлѣба (немного болѣе 1 русскаго фунта), $^1/_2$ литра молока (около $^3/_4$ бутылки) и 200 gr. (около $^1/_2$ фунта) мяса.

Разобравъ рѣшенные и вновь поставленные вопросы анализа пи-

тательныхъ веществъ, мы перейдемъ къ изложенію того, что сдѣлала химія въ направленіи искусственнаго полученія этихъ веществъ, т.-е. въ направленіи синтеза.

III.

Всякая широкая проблема изученія какого бы то ни было вещества въ химическомъ отношеніи предполагаетъ двѣ стадіи въ изслѣдованіяхъ. Первая изъ этихъ стадій—аналитическая, вторая—синтетическая.

Аналитическая работа химическаго изслѣдованія, понимаемая не въ узко-лабораторномъ, а въ широкомъ смыслѣ этого слова, должна освѣтить составъ и строеніе вещества, т.-е., во-первыхъ, должна показать, какъ составлена молекула изслѣдуемаго вещества въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, должна показать, какъ построена эта молекула, т.-е. какова ея картина въ структурномъ отношеніи. Прежде чѣмъ построить зданіе изъ опредѣленнаго матеріала, опредѣленнаго типа и въ опредѣленномъ стилѣ, мастеръ долженъ изучить матеріалъ, типъ и стиль, съ которыми ему придется имѣть дѣло. Въ такомъ же положеніи и химикъ, задающійся задачей синтезированія опредѣленныхъ органическихъ соединеній.

Такимъ образомъ аналитическая проблема вообще должна предшествовать синтетической. Такова логическая послѣдовательность химическаго изученія веществъ природы. Но такой порядокъ не безусловно необходимъ: могутъ быть такія случайности, которыя откроютъ практическій методъ синтеза того или другого вещества раньше, чѣмъ будетъ окончательно рѣшена его аналитическая проблема. Вообще же надѣяться случайно синтезировать какое-нибудь вещество, не зная, какъ слѣдуетъ, его состава и строенія, значитъ надѣяться на авось и обрекать себя на безконечное блужданіе въ потемкахъ. Картина по существу точь-въ-точь такая же, какъ если бы архитекторъ сталъ строить зданіе, надѣясь, что у него случайно выйдетъ постройка въ мавританскомъ или готическомъ стилѣ. Если и примемъ, что величайшія научныя открытія сдѣланы случайно, то все же полагаться на случайность значитъ подвергать себя огромному риску.

При нормальномъ ходѣ развитія науки, когда разобранъ составъ и строеніе вещества, химикъ приступаетъ къ его синтезу. Онъ беретъ необходимые для его построенія элементы и старается ихъ размѣстить и связать въ молекулу въ томъ порядкѣ, какой ему указалъ анализъ этого вещества. Такое построеніе представляетъ величайшій научный и практическій интересъ и возбуждаетъ благоговѣніе къ наукѣ, поднявшейся со своимъ методомъ рѣшенія вопросовъ на такую высоту.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ химическій синтезъ, и вообще въ

какомъ положеніи находится синтетическая проблема химіи въ области питательныхъ веществъ.

Начнемъ опять съ *жировъ*, какъ съ простѣйшей группы этихъ веществъ. Мы видѣли, что составъ и строеніе этихъ соединеній уже изучены. Заключеніе, къ которому здѣсь пришла аналитическая работа химіи, коротко можно выразить слѣдующимъ образомъ: жиры есть сложные эѳиры. А соединенія этого рода, какъ изучила химія, представляютъ не что иное, какъ комбинаціи спиртовъ и въ особенности глицерина, какъ одного изъ спиртовъ, съ разнаго рода кислотами. Благодаря такому ясному представленію о составѣ и строеніи жировъ, химія не замедлила и съ открытіемъ метода ихъ синтеза.

Разрѣшеніе этой проблемы принадлежитъ знаменитому французскому ученому Марселлину Бертело, котораго недавно чествовалъ весь міръ по поводу 50-ти-лѣтія его ученой дѣятельности. Разъ было установлено, что жиры распадаются на кислоты и глицеринъ, то слѣдовало взять эти простѣйшія соединенія и попробовать ихъ химически скомбинировать, т.-е. связать въ одно соединеніе. Такъ и сдѣлалъ Бертело въ половинѣ XIX-го вѣка: такъ какъ кислоты прямо не дѣйствовали на глицеринъ, то онъ заключилъ эти вещества съ глицериномъ въ трубку и, запаявъ ее, подвергъ ее нагрѣванію. Благодаря развивающемуся въ этихъ условіяхъ сильному давленію, кислоты легко вступали во взаимодѣйствіе съ глицериномъ и въ результатѣ дали точно такіе же жиры, какіе мы получаемъ изъ природы, изъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. А такъ какъ кислоты и глицеринъ мы можемъ синтезировать изъ элементовъ, то можно сказать, что основная синтетическая проблема научной химіи въ области жировъ этими работами Бертело блестяще разрѣшена.

Послѣ этого уже не представляло никакой трудности получить и такія жировыя вещества, какихъ, повидимому, даже и нѣтъ въ природѣ. Къ такимъ веществамъ принадлежатъ, между прочимъ, и жиры изъ такъ называемыхъ нефтяныхъ кислотъ, которые были въ послѣд нее время получены Харичковымъ и Зелинскимъ. Но эти жиры, представляя нѣкоторый научный интересъ, пока не имѣютъ никакого практическаго значенія.

Синтезъ Бертело есть рѣшеніе основной синтетической проблемы химіи въ области жировъ. Конечно, это только одно изъ рѣшеній этой проблемы, у которой могутъ быть вообще и другія рѣшенія. Для науки это вполнѣ достаточное доказательство конституціи этой группы соединеній и окончательное подтвержденіе правильности воззрѣнія на нихъ, какъ на сложные эѳиры. Для химической же техники вопросъ о синтезированіи жировъ пока является преждевременнымъ, такъ какъ человѣчество пока еще черпаетъ эти вещества въ изобиліи изъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. Пока этотъ синтезъ можетъ служить развѣ только подкрѣпленіемъ въ надеждахъ вегетаріанцевъ. Техни-

ческій способъ приготовленія жировъ можетъ возникнуть только тогда, когда будетъ доказано, что искусственно приготовленный жиръ будетъ дешевле, чѣмъ естественный жиръ. Зрѣлымъ плодомъ научныхъ изслѣдованій въ области жировъ пока явились, главнымъ образомъ, только два техническихъ производства: это—фабрикація стеариновыхъ свѣчей и глицерина, но оба они стоятъ внѣ сферы питательныхъ веществъ.

Переходя ко второй, какъ мы уже видѣли, болѣе сложной и менѣе изученной группѣ питательныхъ веществъ, а именно, къ группѣ *углеводовъ*, мы, конечно, уже à priori должны ожидать, что синтетическая проблема химіи этихъ соединеній стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ соотвѣтствующая проблема химіи жировъ, ибо въ этой области еще далеко не разрѣшена первая—аналитическая проблема химіи. Единственно, чего въ этой области коснулась синтетическая работа—это самыхъ простѣйшихъ сахаристыхъ веществъ. Синтезъ нѣкоторыхъ изъ этихъ веществъ произвелъ уже упоминавшійся въ прошлой главѣ берлинскій профессоръ Эмиль Фишеръ. Установивъ химическую природу простѣйшихъ сахаровъ, Эмиль Фишеръ, около 15-ти лѣтъ тому назадъ, предпринялъ попытку искусственнаго ихъ приготовленія изъ простѣйшихъ химическихъ соединеній. И эта попытка увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Фишеромъ были приготовлены этимъ путемъ, напр., плодовый сахаръ, виноградный сахаръ и др.

Слѣдовательно начало синтетической работы въ области углеводовъ сдѣлано. Но бо́льшая часть этой работы принадлежитъ будущему, которое, надо надѣяться, принесетъ богатѣйшіе результаты въ этомъ отношеніи... Тростниковый сахаръ, который мы потребляемъ въ особенно большомъ количествѣ, до сихъ поръ готовится исключительно изъ сахарнаго тростника и свеклы. Да и простѣйшія сахаристыя вещества пока еще фабрично не синтезируются.

Наконецъ, синтетическая проблема химіи въ области *бѣлковъ* еще даже и не намѣчена. Вещества этого порядка столь сложны, что и разрѣшеніе аналитической проблемы ихъ изученія лишь дѣло будущаго. Зная на примѣрахъ могущество химіи, мы не сомнѣваемся, что рано или поздно и вещества этого рода будутъ синтезированы.

Изъ разсмотрѣнія соединеній, составляющихъ нашу пищу, и сравненія ихъ съ другими органическими соединеніями, можно убѣдиться, что «область питательныхъ веществъ» въ высшей степени сложная и едва ли не самая трудная для научнаго оріентированія область изъ всѣхъ областей органической химіи... Область эта, какъ видно, состоитъ изъ главнѣйшихъ веществъ, находящихся въ растительныхъ и животныхъ организмахъ. Этимъ собственно и обусловливается ихъ цѣнность, какъ питательныхъ веществъ: вводя ихъ въ свой организмъ, мы пополняемъ его растраты въ этихъ веществахъ, и такимъ образомъ поддерживаемъ его постоянную работоспособность. Въ этомъ смыслѣ

работа надъ разрѣшеніемъ синтетической проблемы въ области питательныхъ веществъ непосредственно примыкаетъ къ работѣ искусственнаго построенія вообще плазмы, т.-е. того субстрата, которому свойственна жизнь.

Итакъ, съ извѣстной точки зрѣнія, эти соединенія лишь «питательныя вещества», съ болѣе же широкой точки зрѣнія, это — основныя вещества органической жизни.

Мы должны еще разсмотрѣть, въ какихъ условіяхъ синтезъ питательныхъ веществъ можетъ оказать свои услуги человѣчеству.

Прежде всего всякій химическій синтезъ есть «научная цѣнность». Его значеніе болѣе или менѣе велико прежде всего для научной мысли. Знаменитые синтезы обозначаютъ собой этапы въ исторіи развитія научной мысли, работа которой заключается исключительно въ познаніи, состава и строенія веществъ въ связи съ наблюдаемыми въ нихъ явленіями. Детали научнаго синтеза являются понятными, доступными только для небольшого круга, главнымъ образомъ, спеціалистовъ, хотя и даютъ о себѣ знать во многихъ областяхъ научныхъ изслѣдованій.

Во-вторыхъ, всякій болѣе или менѣе важный синтезъ есть «общеобразовательная» цѣнность. Онъ объединяетъ и сближаетъ въ нашемъ представленіи часто совершенно на видъ различныя вещи, чѣмъ реформируетъ наше міросозерцаніе и расширяетъ нашъ кругозоръ.

Объ эти цѣнности суть очевидныя и дѣйствительныя цѣнности только для интеллигентной части человѣчества. Для народа же, въ нашемъ русскомъ значеніи этого слова, представляется понятной только третья «практическая цѣнность» всякихъ научныхъ изслѣдованій, т.-е. цѣнность въ смыслѣ улучшенія жилища, пищи, одежды, въ смыслѣ лекарственныхъ средствъ, промысла и т. д. Но непосредственно практическую цѣнность представляютъ далеко не всѣ химическіе синтезы. Чтобы изъ научной цѣнности превратиться въ практическую цѣнность, синтезы, во-первыхъ, должны давать въ результатѣ практически-полезные продукты, во-вторыхъ, они должны позволять ихъ фабриковать такимъ образомъ, чтобы они были дешевле или, по крайней мѣрѣ, лучше соотвѣтственныхъ естественныхъ продуктовъ.

Только при этихъ двухъ условіяхъ химія можетъ оказать человѣчеству непосредственныя услуги.

Синтезы жировъ, углеводовъ и бѣлковъ, какъ операціи, дающія въ результатѣ питательныя вещества, конечно, всегда вполнѣ удовлетворятъ первому изъ этихъ условій. Что же касается второго условія, то можетъ быть, химія еще не скоро будетъ въ состояніи удовлетворить ему, а потому возможно, что она еще нескоро и окажетъ человѣчеству въ этомъ отношеніи свои услуги.

Разсмотрѣвъ то, что сдѣлала химія путемъ анализа и синтеза въ области питательныхъ веществъ, и намѣтивъ то, что ей надлежитъ

сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ въ этой области, мы переходимъ къ главному нашему вопросу, къ оцѣнкѣ того, насколько справедливы современныя ожиданія отъ химіи услугъ въ смыслѣ избавленія человѣчества отъ голода.

IV.

Чтобы отвѣтить на вопросъ: способна или неспособна химія избавить человѣчество отъ голода, мы, разумѣется, прежде всего должны разобрать голоданіе, какъ общественное явленіе. Прежде чѣмъ сказать, способно или неспособно то или другое лекарство избавить больного отъ его болѣзни, врачъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ болѣзнь его пацієнта.

Голоданіе прежде всего явленіе общественно-патологическое. Обусловливается оно, на нашъ взглядъ, двумя главными причинами: во-первыхъ, неудовлетворительностью внутренняго характера отдѣльныхъ хозяйствъ; во-вторыхъ, неудовлетворительностью ихъ взаимныхъ отношеній. Обѣ эти причины весьма сложны, а потому и явленіе голоданія—явленіе въ высшей степени сложное. Къ внутреннему характеру хозяйствъ относятся: способъ веденія хозяйства, степень зависимости его отъ разныхъ случайностей, отношеніе къ хозяйству хозяина и т. п. черты. Къ внѣшнимъ же отношеніямъ между отдѣльными хозяйствами относятся всѣ тѣ общественныя связи, которыя соединяютъ данное хозяйство съ цѣлымъ рядомъ другихъ хозяйствъ и съ самымъ большимъ изъ этихъ хозяйствъ—съ государствомъ.

Неудовлетворительность врутренняго характера отдѣльныхъ хозяйствъ можетъ зависѣть отъ невѣжества ихъ владѣльцевъ, отъ ограниченности самихъ хозяйствъ и т. д. Въ качествѣ средства къ поправленію дѣла въ этомъ отношеніи рекомендуется, во-первыхъ, самое широкое, и не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности, общедоступное образованіе; во-вторыхъ, улучшеніе условій въ смыслѣ расширенія хозяйствъ, такъ, чтобы труженики могли возможно широко вести свое дѣло.

Неудовлетворительность внѣшнихъ отношеній между отдѣльными хозяйствами можетъ зависѣть, во-первыхъ, отъ приверженности владѣльцевъ къ отжившимъ порядкамъ и традиціямъ, во-вторыхъ, отъ капиталистическаго превосходства нѣкоторыхъ изъ этихъ хозяйствъ, въ-третьихъ, отъ отношеній къ этимъ хозяйствамъ главнаго владѣльца—государства.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе голоданія, какъ общественнаго явленія, показываетъ, что для того, чтобы избавить человѣчество отъ голода, нужно привести внутренній характеръ отдѣльныхъ хозяйствъ и существующія между ними отношенія въ нормально-удовлетворитель-

ное состояніе. Какова же можетъ быть въ этомъ дѣлѣ, т.-е. въ дѣлѣ установленія удовлетворительнаго состоянія хозяйствъ, роль химіи?

Возьмемъ отдѣльный случай, напримѣръ, случай земледѣльческаго хозяйства и посмотримъ, что можетъ ожидать земледѣлецъ для себя отъ химіи. Первое, что можетъ сдѣлать для него химія, это сказать ему, въ какихъ веществахъ нуждаются его растенія, и насколько способна удовлетворять ихъ нужды его земля; второе—то, что она можетъ научить его получать изъ его сырыхъ продуктовъ, напримѣръ, изъ хлѣба, кукурузы, картофеля и т. д. спиртъ, крахмалъ и другія вещества, потребляемыя человѣчествомъ и, слѣдовательно, пользующіяся спросомъ на рынкѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы говоримъ о томъ, что химія *можетъ* сдѣлать для земледѣльца, но для того, чтобы она *дѣйствительно сдѣлала*, необходимо, кромѣ того, чтобы земледѣлецъ былъ просвѣщенъ, да при этомъ еще имѣлъ средства на пріобрѣтеніе искусственныхъ удобреній и пріобрѣтеніе орудій и машинъ для того или другого техническаго производства; а главное, нужно, чтобы у него былъ достаточный кусокъ земли для всѣхъ его операцій.

Положимъ, что съ теченіемъ времени химія откроетъ техническіе методы синтеза всѣхъ питательныхъ веществъ и эти методы будутъ такъ выгодны, что устранится всякая необходимость въ посѣвахъ хлѣбовъ, т. е. устранится необходимость земледѣлія. Что тогда будетъ съ земледѣльцемъ? Очевидно, что типъ земледѣльца тогда исчезнетъ, каждый земледѣлецъ перейдетъ къ другого рода дѣятельности. И вмѣсто земледѣлія возникнутъ фабрики синтетическаго приготовленія питательныхъ веществъ.

Спрашивается, избавится ли земледѣлецъ съ этимъ переходомъ съ поля на фабрику отъ возможности голоданія? Утвердительно или отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ прямо ни въ какомъ случаѣ нельзя. Невозможность прямого отвѣта на этотъ вопросъ обусловливается тѣмъ, что въ судьбѣ земледѣльца не только играетъ роль химія, но и его общественное положеніе.

Возможно, что и при переходѣ къ новому способу приготовленія питательныхъ веществъ концентрація капиталовъ и общественныя отношенія останутся болѣе или менѣе въ старомъ видѣ. При такомъ положеніи вещей земледѣлецъ ровно ничего не выиграетъ, только фабричный рабочій сдѣлается общимъ типомъ непосредственнаго производителя всякихъ продуктовъ. Ну, а какъ извѣстно, только одинъ фактъ работанія на фабрикѣ, а не на полѣ совсѣмъ еще не избавляетъ человѣчество отъ возможности голоданія.

Вѣдь въ сущности и современные способы полученія питательныхъ веществъ не плохи: при надлежащихъ условіяхъ они несомнѣнно могли бы удовлетворительно пропитать все человѣчество. Дѣло здѣсь не столько въ способахъ приготовленія этихъ веществъ, сколько въ способахъ пользованія ими.

При фабричномъ способѣ приготовленія питательныхъ веществъ будетъ тоже вѣдь потребность въ фабричныхъ зданіяхъ, въ орудіяхъ производства и въ сырыхъ продуктахъ. А слѣдовательно, если не измѣнится капиталистическій строй государства, то лишь меньшинство будетъ въ состояніи выступить въ качествѣ самостоятельныхъ фабрикантовъ этихъ продуктовъ, большинство же пойдетъ въ рабочіе къ этому меньшинству, а вслѣдствіе этого будутъ избавлены отъ голода развѣ только одни чины надзора.

Эти разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, что когда люди говорятъ о химіи, какъ о будущей избавительницѣ человѣчества отъ голода, то они смѣшиваютъ проблемы химіи съ проблемами общественности. Теперь, по всей вѣроятности, понятно, почему мы въ началѣ статьи оговорились, что хотя химія и можетъ «оказать услуги» человѣчеству, но относительно вопроса, можетъ ли она облагодѣтельствовать человѣчество въ смыслѣ избавленія его отъ голода, мы сказали, что это совсѣмъ другой вопросъ.

Нѣтъ ничего каррикатурнѣе въ этомъ отношеніи, какъ ученый профессоръ съ колбой въ рукахъ, произносящій высокія слова о будущности, которая ему рисуется въ иллюзорномъ видѣ безъ голода и всѣхъ происходящихъ отъ него несчастій, и въ тоже время эксплуатирующій самымъ беззастѣнчивымъ образомъ чужой трудъ и вообще попирающій элементарныя требованія этики.

Мнѣ могутъ возразить на это, что человѣчество и не ожидаетъ отъ химіи избавленія отъ голода, такого, какой существуетъ, напр., въ настоящее время; его ожиданіе иное: оно надѣется, что въ тѣ отдаленныя времена, когда люди размножатся до такой степени, что негдѣ будетъ сѣять хлѣба, химія придетъ на помощь человѣку со своимъ синтезомъ питательныхъ веществъ и такимъ образомъ спасетъ его отъ голодной смерти. Но при такомъ ожиданіи не можетъ быть рѣчи о счастьи, и подъ «облагодѣтельствованіемъ» придется разумѣть просто продленіе существованія, безотносительно къ тому, каковъ будетъ его характеръ. Въ этомъ случаѣ наши разсужденія будутъ имѣть значеніе, какъ выясненіе и опредѣленіе границъ и объема того, какова можетъ быть роль въ разрѣшеніи этого сложнаго вопроса науки, съ одной стороны, и соціальной дѣятельности съ другой.

Для наиболѣе полнаго выясненія излагаемыхъ здѣсь вопросовъ, намъ необходимо еще рѣзче опредѣлить разницу, существующую между проблемами химіи и проблемами общественности.

Химія, какъ наука, стремится исключительно къ познанію истины въ тѣхъ сферахъ, которыя подлежатъ ея вѣдѣнію. Это постиженіе истины совершается химіей безъ всякаго отношенія къ тому, насколько эта истина можетъ быть полезна или вредна въ общественномъ отношеніи. Поэтому къ химіи не можетъ совсѣмъ прилагаться этическая оцѣнка. Какъ нелѣпо въ ученіи Дарвина видѣть какую-то безнрав-

ственность, такъ же нелѣпо въ работахъ Нобеля по приготовленію динамита отыскивать какіе-то мотивы для ихъ порицанія. На знамени науки написано одно слово: истина, и этимъ словомъ опредѣляется вся ея дѣятельность.

Наука въ общественныхъ отношеніяхъ и явленіяхъ—обоюдоострое оружіе; она оказываетъ услуги всякому, напрягающему свой умъ къ ея изученію, безотносительно къ нравственному облику своего адепта. Ею можетъ пользоваться и человѣкъ, готовящійся сдѣлать большое и доброе дѣло, и человѣкъ, замышляющій сдѣлать общественное преступленіе. Какъ и всякое оружіе, въ рукахъ къ добру направленной воли наука—благодѣяніе; при обратномъ отношеніи можно сдѣлать изъ науки зло.

Совершенно въ иномъ положеніи находятся проблемы общественности. Въ извѣстномъ смыслѣ онѣ прямо переходятъ въ проблемы этики. Главная цѣль этихъ проблемъ—справедливость и основанныя на ней общественныя отношенія. Для этики совсѣмъ не безразлично каковы ея адепты въ общественномъ отношеніи.

Если взять, напр., такую картину: село, въ немъ недостатокъ земли и голоданіе, а рядомъ имѣніе съ безбрежными полями и амбарами, ломящимися отъ хлѣба, то химія останется къ такой картинѣ совершенно безучастной; это не ея объектъ. Не такъ отнесется къ этому общественная этика: въ виду этой картины у нея возстаютъ величественныя проблемы общественности.

Вообще, задачи химіи гораздо скромнѣе. Въ частности, проблемы химіи въ области питательныхъ веществъ имѣютъ въ виду только установленіе состава и строенія питательныхъ веществъ и открытіе метода ихъ синтеза. Ждать отъ химіи, какъ науки, больше, значитъ впадать въ преувеличенныя надежды, за которыми съ логическою необходимостью послѣдуетъ разочарованіе. Чтобы избавить себя отъ разочарованія, мы должны внести въ свои надежды указанное ограниченіе. Иначе черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, явится новый поводъ къ той, исходящей изъ устъ метафизиковъ, фразѣ, которая гласитъ, что науки обманываютъ человѣчество.

Итакъ, наши разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, что химія, какъ наука, не въ состояніи избавить человѣчество отъ голода; она можетъ быть только важнымъ пособіемъ и «оказывать всякія услуги» лишь при правильно направленной, стремящейся къ справедливости общественной дѣятельности.

Вл. Асмусъ-Челинцевъ.

ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА.

Потокъ.

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлыя поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменья и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды—
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ горный снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся—оттуда
Побѣдоносно рвется вширь—
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Защита классической школы—„Античный міръ и мы“ проф. Зѣлинскаго.—Увлеченія спеціалиста.—Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма.—Будущая школа.—Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова.

Отжилъ ли классицизмъ свое время, или все еще стоитъ передъ русскимъ обществомъ, какъ постоянная угроза? Въ послѣднее время мы уже не слышимъ страстныхъ дебатовъ за и противъ классической школы, и спокойное обсужденіе этого вопроса стало вполнѣ возможнымъ теперь, когда изъ боевого положенія онъ перешелъ, такъ сказать, въ разрядъ академическихъ темъ. Такое академическое разсмотрѣніе и представляетъ статья проф. Ѳ. Зѣлинскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—«Античный міръ и мы», рядъ лекцій, читанныхъ имъ для воспитанниковъ старшихъ классовъ. Авторъ извѣстенъ, какъ строгій, не идущій ни на какіе компромиссы сторонникъ классической школы, почему и доводы его въ защиту классицизма заслуживаютъ особаго вниманія. Предъ нами чистый, идейный классикъ, классикъ-идеалистъ, свободный отъ всякихъ временныхъ вліяній, способныхъ извратить смыслъ и задачи классическаго образованія. Къ сожалѣнію, г. Зѣлинскій и не желаетъ считаться съ тѣми несомнѣнными вѣяніями, благодаря которымъ классическая школа получила у насъ такую печальную характеристику, какъ школа «ретроградная». Можетъ быть, онъ бы отнесся съ большею терпимостью къ жестокому и безпощадно-отрицательному взгляду русскаго общества на эту школу, если бы вдумался въ причины такого отношенія.

Но, какъ человѣкъ академическаго склада мысли, г. Зѣлинскій беретъ вопросъ въ его чистомъ видѣ, внѣ времени и пространства. Для него античный міръ выступаетъ самъ по себѣ, мы—сами по себѣ, и онъ старается доказать рѣшающее значеніе античности въ научномъ, культурномъ и образовательномъ отношеніи. Внѣ античности нѣтъ для него ни научной работы, ни истинной культуры, ни образованности, понимаемой не въ смыслѣ накопленія знаній, а въ смыслѣ «такой подготовки ума, которая приспособитъ его съ наименьшей затратой силъ и времени и съ наибольшей пользой воспринимать тѣ знанія, которыя понадобятся ему впослѣдствіи». Для такого приспособленія ума, т.-е. развитія умственныхъ силъ учащагося, античный міръ, по мнѣнію почтеннаго автора, представляетъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ въ видѣ строгой законченности своихъ формъ, какъ языка, такъ и культуры. Любой языкъ

мы можемъ изучать, и изучаемъ часто, ассоціаціоннымъ путемъ, просто запоминая слова, соотвѣтствущія родному,—древніе языки, напротивъ, представляютъ обширное поле для упражненія нашихъ логическихъ способностей. Въ нихъ все строго связано, объединено, вытекаетъ одно изъ другого и можетъ восприниматься только аперцепціонно, т.-е. размышленіемъ и путемъ послѣдовательныхъ логическихъ выводовъ. Съ перваго момента изученія учащійся пріучается ничего не брать на вѣру, а разсуждать и умозаключать. Эти неоцѣненныя качества древнихъ языковъ понимались и чувствовались общимъ сознаніемъ культурнаго міра, въ которомъ расцвѣтъ и подъемъ культуры всегда совпадали съ усиленнымъ изученіемъ античности, и единственная пока планомѣрная школа, выработанная культурными народами, есть классическая. Мало того, только тѣ народы и достигли культурности, которые восприняли эту школу, какъ германо-романскіе, и у насъ до классической школы не было культурности.

Столь же важное и рѣшающее значеніе имѣетъ античная литература, античная философія и весь античный міръ для общаго развитія и образованія. Такъ было до сихъ поръ, и тысячелѣтнее существованіе классической школы лучше всего говоритъ за ея необходимость и неизбѣжность. Авторъ приходитъ даже къ заключенію, что мы находимся наканунѣ новаго расцвѣта и оживленія античности. На это отчасти указываетъ успѣхъ философіи Нитше, съ его культомъ Діониса, въ которомъ для этого философа олицетворялся жизнерадостный, здоровый и глубоко-индивидуалистическій духъ античности.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ положенія профессора Зѣлинскаго; подробностей намъ придется коснуться дальше. Какъ спеціалисту и талантливому работнику въ своей области, ему вполнѣ естественно увлекаться значеніемъ своей науки.

Хотя можно бы замѣтить г. Зѣлинскому, что есть увлеченіе и увлеченіе, а когда имѣешь дѣло съ неподготовленной аудиторіей, какъ было въ данномъ случаѣ, не слѣдовало бы допускать нѣкоторыхъ болѣе, чѣмъ странныхъ, можно сказать, «гомерическихъ» преувеличеній. Напримѣръ, утвержденіе, будто бы народы востока, а на западѣ готы, остались въ сторонѣ отъ культурнаго движенія, вслѣдствіе того, что предпочли перевести Священное писаніе и литургію, отцовъ церкви и житія святыхъ на свой языкъ, вмѣсто того, чтобы читать и изучать ихъ въ оригиналѣ. Или—что «испанцы не играютъ никакой роли въ мірѣ идей, несмотря на свою численность и славу своего прошлаго», потому что лишены классическаго образованія. Такія «увлекательные перлы» историческихъ открытій въ устахъ талантливаго ученаго получаютъ характеръ насмѣшки надъ наивностью юныхъ слушателей. Неужели восточные славяне отстали отъ Запада потому, что Кириллъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе на славянскій языкъ? Значитъ, въ глазахъ поклонника античности турки и татары—ничто въ сравненіи съ этимъ переводомъ? Или испанцы отстали въ культурѣ не потому, что инквизиція и абсолютизмъ задержали ростъ этого народа? Почтенному профессору остается для послѣдовательности прибавить, что нашествія турокъ и татаръ не было бы, если бы не было перевода Писа-

нія, а въ Испаніи не было бы ни инквизиціи, ни абсолютизма, если бы своевременно была введена классическая школа...

Но допустимъ... Странно, однако, и не совсѣмъ понятно, какъ могъ онъ проглядѣть всю *современность*, которая съ античностью имѣетъ такъ мало общаго? Разладъ между классической школой и жизнью сталъ все яснѣе ощущаться не только у насъ, но, главнымъ образомъ, на Западѣ, откуда мы и позаимствовали нашу школу. Разладъ этотъ сказался прежде всего въ томъ, что классическая школа перестала удовлетворять духу демократизма, составляющему тенденцію современности. Погруженная въ созерцаніе античности, классическая школа уединилась отъ жизни и воспитывала своихъ учениковъ въ полномъ невѣдѣніи того, что происходитъ за ея стѣнами. Но жизнь не могла допустить, чтобы классическіе монастыри стояли на ея пути, мѣшая развитію главныхъ основъ современности—демократизаціи общества, гражданственности, реализму и требованію популяризаціи знаній. Исторически совершенно вѣрно, классическая школа пока единственная, которая развилась и выросла въ стройную систему. Рядомъ съ ней мы еще не можемъ поставить никакой другой школы. Въ свое время она отвѣчала духу аристократизма, преобладавшему въ обществѣ, будучи школой для немногихъ избранныхъ. Ея тенденція была всегда одна и та же: odi profanum vulgus. Въ своемъ высокомѣріи она не замѣтила, что центръ общественныхъ силъ перемѣстился, и «дерзка чернь непросвѣщенна» перестала быть «чернью», именно съ тѣхъ поръ, какъ властно потребовала образованности, захотѣла пріобщиться къ царству мысли. Лозунгомъ современности явилось требованіе — не школа для избранныхъ, а школа для *всѣхъ*. Но не явится-ли такое требованіе пониженіемъ общаго уровня школы? На такой вопросъ мы можемъ пока отвѣтить также, какъ и г. Зѣлинскій, который указываетъ, что лучшей школы онъ не знаетъ, кромѣ классической. Мы на это отвѣчаемъ, что если лучшей пока не было, то это не значитъ, что ея и не будетъ и что не зачѣмъ ее искать.

Отъ добра добра не ищутъ, и лучшее есть врагъ хорошаго, могутъ замѣтить. Но это далеко не такъ вообще, а въ нашемъ случаѣ и подавно.

Современность, съ ея требованіями новой школы, прежде всего, ничего не имѣетъ противъ античности самой по себѣ. Античный міръ, съ его искусствомъ, философіей и религіей, какъ одинъ изъ элементовъ будущей школы, признается всѣми, кромѣ развѣ такихъ слѣпыхъ его противниковъ, которые такъ же односторонни въ своемъ ослѣпленіи, какъ проф. Зѣлинскій односторонънъ въ своей чрезмѣрной приверженности. Мы возражали и будемъ всегда возражать противъ античности, какъ *единственной* основы школы, подавляющей и подчиняющей все остальное. Но съ неменьшимъ жаромъ мы стали бы возражать и противъ всякой другой односторонности, будь то націонализмъ, естествознаніе или утилитаризмъ. Вотъ почему, когда намъ говорятъ, что нѣтъ спасенія внѣ античности, мы готовы отвѣтить,—тогда и не надо намъ вашего спасенія: «Ужъ лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!» И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть «поноснѣе», презрѣннѣе, чѣмъ видѣть свои идеалы позади, а не въ будущемъ? Вѣдь это хуже остановки въ развитіи, это прямой ходъ назадъ. Уже одно то,

что эта блестящая античная культура была основана на рабствѣ, лишаетъ ее нравственной основы. А затѣмъ, эта культура не знала личности, а знала только члена общины, гражданина въ лучшемъ случаѣ. Между тѣмъ, всѣ усилія современности направлены на выработку личности прежде всего, почему и въ основу школы теперь кладется принципъ индивидуализаціи учащихся. И ничто такъ не возмущало всегда, а теперь въ особенности, какъ равненіе подъ одно всѣхъ воспитанниковъ классической школы. Послѣдняя никогда не считалась,—и даже гордилась этимъ,—съ личностью, безпощадно искореняя все, что не укладывалось въ ея рамки. И это не потому, что, напр., у насъ въ Россіи представители классицизма въ огромной массѣ были ниже всякой критики: основная черта классической школы вообще—шаблонъ, по которому должны быть выкроены всѣ ея питомцы. Проф. Зѣлинскій не боится признать, что дѣйствительно классическая школа изгоняла массу неподходящихъ воспитанниковъ, но называетъ эту ея особенность «закономъ подбора», что совершенно не такъ. Ибо не станетъ онъ отрицать, что далеко не лучшіе, умнѣйшіе, сильнѣйшіе и способнѣйшіе оканчивали гимназію, а только приспособившіеся, лишенные рѣзко выраженныхъ личныхъ особенностей, готовые подчиняться любому шаблону, потому что ихъ натура изъ глины, а не изъ мрамора. И въ результатѣ наши гимназіи (да и не только наши) выпускали терракотовыя фигурки, подчасъ весьма недурно сфабрикованныя, но не дали ни одной мраморной статуи.

Но вина ли это античности? Да, ея и только ея, такъ какъ, будучи единственной основой школы, она ни съ чѣмъ не считалась. На Западѣ это очень скоро замѣтили, и началась борьба съ классической школой, въ результатѣ которой уже теперь тамъ нѣтъ больше вѣры въ спасительность античности. Наше несчастье въ томъ и состояло, что мы позаимствовали оттуда гимназію въ періодъ ея упадка, когда гимназія замерла въ неподвижной мертвой формѣ, а мы ее цѣликомъ пересадили къ себѣ, въ этой мертвенности увидѣвъ идеалъ. Къ этому присоединились еще и иныя тенденціи, къ которымъ съ справедливымъ презрѣніемъ относится и проф. Зѣлинскій, говоря: «какой-нибудь чиновникъ, не видѣвшій свѣта изъ-за своего зеленаго стола, могъ возымѣть геніальную идею, что съ помощью перфектовъ и супиновъ можно противодѣйствовать революціоннымъ наклонностямъ общества; такъ точно вѣдь и въ средніе вѣка, когда право на существованіе наукъ видѣли въ ихъ религіозно-нравственномъ воздѣйствіи, ариѳметикѣ ставилось въ заслугу то, что она отвлекаетъ умы людей отъ грѣшныхъ мыслей. А затѣмъ армія суетливыхъ публицистовъ, испугавшихся за либерализмъ своихъ будущихъ читателей, стала винить за эту идею ни въ чемъ неповинную античность». Увы! что касается «суетливыхъ публицистовъ», то почтенный профессоръ не по тому адресу направляетъ свои стрѣлы. Во-первыхъ, эти публицисты были тогда слишкомъ связаны, чтобы нападать, а во-вторыхъ, не античность вообще винили они, а тотъ отвратительный суррогатъ, который подъ видомъ античности преподносился злополучнымъ питомцамъ гимназій, и притомъ болѣе чѣмъ грязными руками...

Но что говорить о прошломъ? Мы очень обязаны почтенному профессору, что своей запоздалой защитой античности онъ содѣйствуетъ уясненію вопроса о значеніи ея для школы, въ которой, по нашему мнѣнію, всегда должно быть и античности отведено мѣсто, и очень значительное. Не изъ опасенія за либерализмъ нашихъ читателей, а изъ-за интересовъ культуры мы возстаемъ противъ той всезахватывающей античности, въ которой г. Зѣлинскій хочетъ видѣть альфу и омегу школы. Для насъ несомнѣнно, что время классической школы прошло безвозвратно, и мы переживаемъ время переходное—отъ старой, хотя бы и имѣющей вѣковой опытъ, школы къ новой, только что нарождающейся. Кое-что уже сдѣлано и теперь, именно въ странѣ, гдѣ тенденціи современности получили наиболѣе свободное выраженіе. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ такая школа до извѣстной степени выработалась, отчасти отвѣчая тому идеалу истиннаго народнаго просвѣщенія, который рисуется почтеннымъ авторомъ: «соединеніе всѣхъ типовъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ въ одинъ организмъ, одно величественное дерево. Корнями этого дерева будутъ низшія школы, городскія и сельскія; глубоко проникая въ народъ, онѣ должны отыскивать способныхъ къ умственному труду людей и доводить ихъ по мѣрѣ ихъ способностей, до ствола, вѣтвей и верхушки дерева. Такая школа будетъ истинно народная, т.-е. по мысли поэта той, что «выводитъ изъ народа столько добрыхъ», чего про нашу школу сказать еще нельзя». Сѣверо-американская школа приближается уже теперь къ этому идеалу, давая каждому воспитаннику подняться до вершины образованія, и эта школа отнюдь не классическая, т.-е. не основана на изученіи античности. Она основана всецѣло на изученіи характера и свойствъ ученика, къ которому приспособляются воспитатели, развивая въ немъ черты, составляющія его оригинальность и силу. Американская школа давно уже изгнала изъ своего обихода принципъ, столь соблазняющій почтеннаго профессора—«законъ подбора». Она, дѣйствительно, ставитъ своей задачей осуществленіе принципа, вызывающаго насмѣшку у нашего автора: «я помню,—говоритъ онъ,—произнесенныя въ великодушномъ увлеченіи слова одного извѣстнаго своей гуманностью дѣятеля средней школы: «если школа принимаетъ сто учениковъ, она сто же учениковъ должна выпустить». Итакъ, сказалъ я себѣ, поступленіе въ школу гарантируетъ полученіе диплома; ну а что же гарантируетъ поступленіе? Единственный возможный отвѣтъ: протекція или взятка». Ни то, ни другое, а достаточное количество школъ и хорошая ихъ постановка. Не формальное мышленіе, а стройное развитіе всѣхъ способностей, не прокрустово ложе, хотя бы самаго античнаго устройства, а уваженіе къ личности ученика, не старое правило—«девять учениковъ забей, а десятаго выучи», но всѣхъ сдѣлай людьми—вотъ принципы истинной народной школы.

И они дѣйствительно проводятся неукоснительно въ американской школѣ, которая не знаетъ «изгоевъ», а считается съ силами каждаго воспитанника. На ряду съ этимъ превосходно поставленное физическое воспитаніе учениковъ чрезвычайно помогаетъ успѣшному обученію. Несмотря на то, что американская школа насчитываетъ не сотни лѣтъ, а лишь десятки съ тѣхъ поръ, какъ

она начала слагаться, уже теперь, по отчетамъ весьма придирчивыхъ судей, она подняла и улучшила умственный, нравственный и физическій типъ американца, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ отчетъ г. Ев. Ковалевскаго о чикагской выставкѣ, гдѣ онъ изучалъ современное состояніе американской школы. Конечно, и эта школа еще далеко не идеальна, и многое въ ней только намѣчено. Но благодаря живому общественному духу, участію общества въ работѣ надъ улучшеніемъ школы—все это прекрасно понимается, и потому устранимо въ недалекомъ будущемъ,—безъ всякаго призыва къ спасительной античности. Общество, въ заботѣ о будущемъ поколѣніи, знать ея не хочетъ, и отлично дѣлаетъ.

Да и зачѣмъ здѣсь античность? Рѣшительно непонятно. Такая школа не знаетъ никакихъ, столь восхищающихъ г. Зѣлинскаго, интеллектуальныхъ свойствъ античности, здраво разсуждая, что живой міръ, живая жизнь куда вліятельнѣе мертвой старины и обладаетъ гораздо болѣе вѣскими «интеллектуальными свойствами», чѣмъ изученіе латинскаго и греческаго языковъ. Для того, чтобы заинтересоваться послѣдними и получить у нихъ всю ихъ драгоцѣнную сторону, надо быть подготовленнымъ. Мы вполнѣ понимаемъ Пушкина, который въ расцвѣтѣ своего генія жалѣлъ, что не знаетъ древнихъ языковъ. Но мы еще болѣе понимаемъ нашихъ учениковъ, которые на вопросъ о желаніи изучать греческій языкъ вездѣ отвѣчаютъ сплошными отказами. Позволимъ себѣ обратить вниманіе г. Зѣлинскаго на помѣщенную въ настоящей книгѣ нашего журнала анкету о томъ, что читаютъ и чѣмъ интересуются учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ тысячи отвѣтовъ не оказалось ни одного, который упомянулъ бы о древнихъ языкахъ или даже о любви къ древней литературѣ, къ изученію ея исторіи или искусства. Для насъ эти отвѣты очень характерны и убѣдительны. Вѣдь эта тысяча отвѣтовъ принадлежитъ лучшей, выдающейся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, части учащейся молодежи, и если среди нихъ не оказалось *ни одного* интересующагося античнымъ міромъ (о филологіи я уже не говорю), то это—смертельный приговоръ классической школѣ.

И сколько бы ни приводилъ доводовъ еще почтенный профессоръ въ защиту античности, онъ едва-ли кого убѣдитъ. Тѣмъ болѣе, что самый методъ его страшно одностороненъ. Мы ограничимся однимъ только примѣромъ, не потому, чтобы онъ былъ особенно ярокъ, но на немъ виднѣе всѣ преувеличенія г. Зѣлинскаго. Желая выдвинуть преимущества древней поэзіи предъ новой, онъ говоритъ (извиняемся за длинноту цитаты, но она такъ характерна, что не поддается краткой передачѣ):

«Возьму еще одинъ примѣръ—особенно поучительный тѣмъ, что онъ даетъ матеріалъ для сравненія древней поэзіи съ новѣйшей. Въ десятой пѣснѣ Одиссеи описывается мѣстность по ту сторону океана, предверія царства тѣней. Картина унылая (ст. 510).

«Тамъ низменный берегъ и рощи Персефоны (перевожу буквально), теряющіе (или губящіе) свои плоды длинные тополи и ивы». Отчего тополямъ и ивамъ данъ этотъ странный на первый взглядъ эпитетъ, который, кстати

сказать, въ подлинникѣ выходитъ много поэтичнѣе уже вслѣдствіе того, что тамъ онъ выражается однимъ только словомъ? Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ тополь, такъ и ива принадлежатъ къ такъ называемымъ двудомнымъ деревьямъ, т.-е. одни его экземпляры даютъ только мужскіе (тычинковые), другіе—только женскіе (плодниковые) цвѣты, а не тѣ и другіе вмѣстѣ, подобно дубу и большинству другихъ деревьевъ, которые поэтому и называются однодомными. Если поэтому ивы и тополи стоятъ одиноко или группами экземпляровъ одного только пола, то они не могутъ оплодотворяться они «теряютъ свои плоды». Конечно, процессъ оплодотворенія растеній не былъ извѣстенъ Гомеру—оттого-то онъ и употребилъ здѣсь слово «плоды» вмѣсто «неоплодотворенные цвѣты»; но само явленіе терянія «плодовъ» было замѣчено и имъ и его слушателями и вотъ причина, почему онъ неплодное царство тѣней украсилъ именно ивами и тополями: и самый предметъ и его красивый эпитетъ имѣютъ здѣсь глубокое символическое и, стало быть, поэтическое значеніе. Теперь позвольте сопоставить съ царемъ греческихъ поэтовъ царя новой, русской поэзіи, Пушкина. Напомню вамъ его прекрасное стихотвореніе, въ которомъ онъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него его родиной послѣ долгой разлуки. «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли» и т. д. Тутъ, между прочимъ, встрѣчается слѣдущее мѣсто:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ.—По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый уху шорохъ,
Но около корней ихъ, устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.

«Съ поэтической точки зрѣнія картина безукоризненна; да и впрочемъ все обстояло бы благополучно, если бы только поэтъ вмѣсто сосенъ представилъ намъ, какъ Гомеръ, ивы или тополи. Но сосна—дерево однодомное, сосенъ-холостяковъ не бываетъ; того явленія, которое здѣсь нарисовала фантазія поэта, онъ въ дѣйствительности наблюдать не могъ. Значитъ ли это, что мы желаемъ принизить Пушкина, какъ поэта? Нѣтъ, конечно, поэтъ не обязанъ быть всевѣдомъ, незнаніе ботаники не мѣшаетъ ему исполнять свою главную задачу—«чувства добрыя въ людяхъ пробуждать». Но фактъ остается фактомъ: поэзія Гомера и древнихъ вообще выигрываютъ, если на нихъ смотрѣть глазами натуралиста, поэзія Пушкина и новѣйшая вообще при тѣхъ условіяхъ проигрываютъ. Но не грѣшно ли, можете вы меня спросить, портить себѣ

впечатлѣніе прекраснаго поэтическаго отрывка мелочной ботанической придиркой? Да, грѣшно; съ этимъ я совершенно согласенъ; т.-е. другими словами, новѣйшей поэзіей пользоваться для статарнаго чтенія грѣшно—этимъ лишній разъ доказывается правильность приведенныхъ выше словъ Вундта объ обязательно мелочномъ характерѣ интерпретаціи произведеній новѣйшей литературы. Древнюю поэзію многіе сравнивали съ природой; сравненіе это во многихъ отношеніяхъ справедливо, между прочимъ, и въ нашемъ. Подобно природѣ, она цѣльна и отвѣтственности не боится; другое дѣло—поэзія новѣйшая. Есть у васъ кольцо прекрасной ювелирной работы—ну и любуйтесь на него, сколько хотите, но только невооруженнымъ глазомъ, иначе вы найдете въ немъ столько изъяновъ, что вамъ непріятно будетъ на него смотрѣть. А лепестокъ розы, крылышко бабочки, сколько угодно, разсматривайте въ микроскопъ. Каждое новое изученіе раскроетъ вамъ новыя интересныя и поучительныя подробности» *).

Почтенный профессоръ въ пылу увлеченія забылъ мудрое правило древнихъ заниматься предметомъ sine ira et studio. Иначе онъ не допустилъ бы нѣсколькихъ ошибокъ, очень странныхъ въ данномъ случаѣ. Конечно, самое сопоставленіе приведенныхъ мѣстъ и притомъ съ точки зрѣнія натуралиста заключаетъ въ себѣ нѣчто высоко комичное. Но ужъ разъ мы пустились въ натуралистическую оцѣнку поэзіи, то надо быть освѣдомленнымъ въ самомъ предметѣ. «Сосенъ-холостяковъ не бываетъ; того явленія, которое здѣсь нарисовала фантазія поэта, онъ въ дѣйствительности наблюдать не могъ». Очень тяжелый упрекъ такому правдивому поэту, какъ Пушкинъ, но, къ счастью, этотъ упрекъ всецѣло слѣдуетъ возвратить по адресу филолога, а не поэта. Дѣйствительно, сосны однодомны, но одно и тоже дерево само себя не опыляетъ, а размножается *всегда* перекрестнымъ опыленіемъ. По отношенію къ соснамъ этотъ законъ особенно ясенъ: весною онѣ даютъ такую массу цвѣтени, что она носится тучей и извѣстна подъ названіемъ желтой пыли. Такая щедрость природы исключительно объясняется цѣлью произвести перекрестное опыленіе. Такъ что сосна, стоящая «одна по-одаль», и не можетъ дать потомство, которое бы «тѣснилось подъ сѣнью ея, какъ дѣти», и пушкинское сравненіе такой сосны съ «угрюмымъ, старымъ холостякомъ» совершенно вѣрно: онъ нарисовалъ то, что видѣлъ, и что каждый изъ насъ часто видѣлъ, напр., въ Финляндіи на скалахъ и въ горахъ, гдѣ направленіе вѣтра играетъ огромную роль при опыленіи. Можно бы замѣтить еще, что аналогіи въ поэзіи вовсе не означаютъ полнаго параллелизма. Когда мы сравниваемъ женщину съ бабочкой («весела и нарядна, какъ бабочка лѣтомъ»), мы считаемъ эту аналогію вѣрной, хотя есть бабочки однотонной окраски, и т. д. Если же вообще мы начнемъ разсматривать поэзію древнихъ съ точки зрѣнія естествознанія, то найдемъ въ ней массу курьезовъ, вполнѣ понятныхъ для того времени, когда многое было еще неизвѣстно и восполнялось фантазіей. Самое чувство природы, пейзажъ,

---

*) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, сентябрь, „Древній міръ и мы“.

древнимъ было почти чуждо. Эпитеты ихъ однообразны, тонкихъ описаній нѣтъ совсѣмъ, красокъ они почти не употребляютъ и т. д.

Мы сами очень высокаго мнѣнія о поэзіи древнихъ и по существу жалѣемъ, что до сихъ поръ эта поэзія не стала общимъ достояніемъ, въ особенности теперь, когда у насъ есть такіе превосходные переводы. Но стульевъ ломать изъ-за величія древнихъ авторовъ нечего, и для ученика всегда доступнѣе родная поэзія, родная литература, которая по естественному праву должна лечь въ основу школьнаго образованія. Переходъ отъ Пушкина къ Гомеру и греческимъ трагикамъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ обратный, но мы готовы всѣми силами протестовать противъ такой школы, которая во имя національности потребовала-бы изгнанія изъ школы всего иностраннаго, всего чужого, и, слѣдуя односторонности г. Зѣлинскаго, заявила-бы, что только *родное* и только оно одно—вотъ основа истинной школы. Если русское общество искренно возненавидѣло классическую школу, насильственно навязанную ему, насаждавшуюся въ буквальномъ смыслѣ средствами Добрыни—«огнемъ и мечомъ»,—и эту ненависть пишущій эти строки раздѣляетъ вполнѣ,—то съ еще большею ненавистью отнеслось-бы то же общество (а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы) къ школѣ такъ называемой національной. Въ свое время мы отмѣчали въ нашемъ органѣ льстивыя попытки разныхъ «націоналистовъ» придти на помощь въ націонализированіи школы, въ видѣ особыхъ историческихъ хрестоматій и русскихъ «исторій», самымъ свѣжимъ образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно разобранная у насъ книжка нѣкоего г. Помяловскаго. Конечно, мы свято вѣримъ, что какъ навязанный намъ классицизмъ погибъ безслѣдно и безвозвратно, такъ что и осиноваго кола не понадобилось на его могилу,—точно также погибнетъ и всякая насильственная школьная система, какъ-бы она ни называлась. Мы согласны съ почтеннымъ авторомъ разбираемой статьи, что у насъ нѣтъ теперь никакой школы: разрушивъ классическую, мы еще не создали другой и переживаемъ теперь школьное безвременье. Отсюда, однако, вовсе еще не слѣдуетъ, что внѣ классицизма нѣтъ спасенія. Только департаментскіе проекты стряпаются, какъ блины, а вопросы жизни выясняются и складываются медленно, подъ вліяніемъ разныхъ общественныхъ силъ и направленій. Школьный вопросъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ сложныхъ и тяжелыхъ для разрѣшенія, какіе предстоитъ рѣшить нашему обществу, которое только одно и можетъ рѣшить его правильно. А пока такія статьи, какъ г. Зѣлинскаго, тоже оказываютъ услугу обществу, какъ своего рода вѣхи, поставленныя на пути общественнаго развитія и отмѣчающія тѣ трясины и гиблыя мѣста, которыхъ надо избѣгать.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ смерть лишила русскую литературу выдающагося писателя въ самомъ началѣ его работы, обѣщавшей много и новаго, и сильнаго. Мы имѣемъ въ виду Помяловскаго, который внезапно, послѣ недолгой болѣзни скончался въ началѣ октября 1863 г. едва 28 лѣтъ отъ роду. Въ три года своей литературной дѣятельности онъ далъ такія значительныя вещи, какъ «Молотовъ», «Мѣщанское счастье» и «Очерки бурсы» и началъ большой романъ «Братъ и сестра», кромѣ ряда небольшихъ разсказовъ, въ родѣ «По-

ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА.

Потокъ.

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлыя поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменья и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды—
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ горный снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся—оттуда
Побѣдоносно рвется вширь—
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Защита классической школы—„Античный міръ и мы“ проф. Зѣлинскаго.—Увлеченія спеціалиста.—Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма.—Будущая школа.—Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова.

Отжилъ ли классицизмъ свое время, или все еще стоитъ передъ русскимъ обществомъ, какъ постоянная угроза? Въ послѣднее время мы уже не слышимъ страстныхъ дебатовъ за и противъ классической школы, и спокойное обсужденіе этого вопроса стало вполнѣ возможнымъ теперь, когда изъ боевого положенія онъ перешелъ, такъ сказать, въ разрядъ академическихъ темъ. Такое академическое разсмотрѣніе и представляетъ статья проф. Ѳ. Зѣлинскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—«Античный міръ и мы», рядъ лекцій, читанныхъ имъ для воспитанниковъ старшихъ классовъ. Авторъ извѣстенъ, какъ строгій, не идущій ни на какіе компромиссы сторонникъ классической школы, почему и доводы его въ защиту классицизма заслуживаютъ особаго вниманія. Предъ нами чистый, идейный классикъ, классикъ-идеалистъ, свободный отъ всякихъ временныхъ вліяній, способныхъ извратить смыслъ и задачи классическаго образованія. Къ сожалѣнію, г. Зѣлинскій и не желаетъ считаться съ тѣми несомнѣнными вѣяніями, благодаря которымъ классическая школа получила у насъ такую печальную характеристику, какъ школа «ретроградная». Можетъ быть, онъ бы отнесся съ большею терпимостью къ жестокому и безпощадно-отрицательному взгляду русскаго общества на эту школу, если бы вдумался въ причины такого отношенія.

Но, какъ человѣкъ академическаго склада мысли, г. Зѣлинскій беретъ вопросъ въ его чистомъ видѣ, внѣ времени и пространства. Для него античный міръ выступаетъ самъ по себѣ, мы—сами по себѣ, и онъ старается доказать рѣшающее значеніе античности въ научномъ, культурномъ и образовательномъ отношеніи. Внѣ античности нѣтъ для него ни научной работы, ни истинной культуры, ни образованности, понимаемой не въ смыслѣ накопленія знаній, а въ смыслѣ «такой подготовки ума, которая приспособитъ его съ наименьшей затратой силъ и времени и съ наибольшей пользой воспринимать тѣ знанія, которыя понадобятся ему впослѣдствіи». Для такого приспособленія ума, т.-е. развитія умственныхъ силъ учащагося, античный міръ, по мнѣнію почтеннаго автора, представляетъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ въ видѣ строгой законченности своихъ формъ, какъ языка, такъ и культуры. Любой языкъ

рѣчанъ». Для такого короткаго періода времени болѣе чѣмъ достаточно, чтобы признать въ лицѣ Помяловскаго дѣйствительно значительную силу, унесшую въ могилу много возможностей, которыя въ будущемъ создали бы одного, быть можетъ, изъ виднѣйшихъ представителей русской литературы. Теперь, къ горестному сожалѣнію, мы можемъ оцѣнивать его только какъ писателя начавшаго блистательно, но далеко не проявившаго всего, что скрывала его богато одаренная, оригинальная личность.

А оригиналенъ онъ былъ несомнѣнно, и оригиналенъ во всемъ. Бурсакъ, четырнадцать лѣтъ не выглядывавшій за стѣны бурсы, такъ неподражаемо воспѣтой имъ впослѣдстви, онъ выступилъ сразу съ произведеніемъ («Мѣщанкое счастье» въ февральской книги «Современника» за 1861 г. «Молотовъ» въ октябрѣ того же года), въ которомъ «темное кладбищенство» впервые «сумрачно глянуло» на мѣщанство и все то, что связано теперь для насъ съ этимъ понятіемъ. И «темное кладбищенство» произнесло рѣзкій приговоръ: «Эхъ, господа, что-то скучно!»—приговоръ, наложившій на мѣщанство пятно, такъ и оставшееся навсегда. Съ тѣхъ поръ мы далеко ушли въ пониманіи мѣщанства, изучили его въ самыхъ потаенныхъ углахъ жизни, искусства и философіи, но приговоръ двадцати четырехъ-лѣтняго бурсака остался неотмѣненнымъ.

Тѣмъ значительнѣе и проницательнѣе представляется онъ, если вспомнить, въ какое время и надъ кѣмъ произнесъ его авторъ. Въ лицѣ своего героя онъ ввелъ въ литературу новый элементъ, до него почти не затронутый, во всякомъ случаѣ не изображенный такъ цѣльно и художественно. Въ «Мѣщанскомъ счастьѣ», еще полнѣе въ «Молотовѣ» впервые въ литературѣ выведенъ типъ изъ рабочаго сословья и очень подробно изображенъ весь ходъ его развитія. Большой художественный тактъ, удивительный въ начинающемъ писателѣ, сказался въ томъ, что своего героя онъ нигдѣ не поднимаетъ на пьедесталъ, не пріукрашаетъ ни одной романтической черточкой. Въ этомъ, конечно, сказалась общая тогда реалистическая струя въ литературѣ. Но у Помяловскаго она составляетъ сущность его творчества, въ основѣ котораго лежитъ суровая правда и критика. Онъ ясно видитъ всѣ достоинства и несовершенства своего героя и ни мало не стремится пріукрасить первыя и прикрыть вторыя. Для него не пустыя слова вопль Череванина, который служитъ въ повѣсти «Молотовъ» какъ бы выразителемъ самого Помяловскаго: «Знаешь-ли, что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу не подличая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь, а не обманывать себя?» Въ ѣдкихъ рѣчахъ Череванина намъ ясно слышатся теперь знакомыя мысли, ставшія съ тѣхъ поръ трюизмами, но тогда это были свѣжія идеи, которыхъ не слышалъ читатель до прихода этого угрюмаго бурсака въ литературу. Онъ осмѣиваетъ до пошлости затасканную фразу «среда заѣла», вѣчное нытье и плаксивую тоску по идеалу, полное бездѣлье вмѣстѣ съ тѣмъ и жалобы на скуку. «Будь самимъ собою, а не можешь—пропадай», энергичный выводъ Череванина. Но и онъ не остается безъ критики. Помяловскій и къ себѣ такъ же безпощаденъ, какъ и къ Молотову. Что толку въ этомъ злобномъ отрицаніи жизни? Надо что-нибудь положительное, а такъ—все это одно «кладбищенство». Черева-

нинъ такъ и выражается, что до сихъ поръ не могъ вырвать изъ души всю могильную гадость, т.-е. не создалъ еще цѣли, которая наполнила бы жизнь яркимъ содержаніемъ. Помяловскій былъ слишкомъ честенъ, чтобы морочить себя и другихъ. Мѣщанство онъ осмѣялъ, но не зналъ, чѣмъ замѣнить его въ жизни. Ужъ конечно не кладбищенствомъ, которое хорошо лишь какъ критическій методъ, но само не можетъ служить содержаніемъ жизни. Дальше онъ не пошелъ, какъ писатель,—смерть помѣшала, такъ рано оборвавъ его работу. Обрывки его романа «Братъ и сестра» слишкомъ ничтожны, чтобы изъ нихъ можно было извлечь указаніе, къ чему могъ бы придти этотъ оригинальный художникъ и сильный критическій умъ, въ то время далеко еще не ясный и не готовый къ стройному созданію чего-либо положительнаго и стойкаго. Вдали времени намъ вырисовывается образъ Помяловскаго, какъ мощный, но грубый, неотдѣланный обломокъ большой статуи, въ родѣ классическаго торса, по которому смутно можно догадываться о красотѣ цѣлаго, если бы оно осуществилось.

О силѣ его художественнаго дарованія больше представленія даютъ его «Очерки бурсы», которые и теперь читаются съ захватывающимъ интересомъ, до того въ нихъ много жизни, движенія, красокъ. Здѣсь что ни фигура, то типъ, такъ и врѣзывающійся въ память читателя неизгладимо. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти очерки въ свое время. Онъ обнажилъ предъ изумленнымъ обществомъ зіяющую язву, стыдливо укрывавшуюся въ тѣни, и тѣмъ сдѣлалъ дальнѣйшее существованіе ея невозможной. Послѣ его «Очерковъ бурсы» старая система воспитанія дѣтей духовенства и подготовка его къ служенію стала прямо немыслимой. Если, тѣмъ не менѣе, реформа не дала всего, чего слѣдовало бы ожидать, то это ужъ не дѣло художника: онъ выполнилъ свою задачу, указавъ, чего слѣдовало избѣгать, и тѣмъ до извѣстной степени намѣтилъ путь развитія. Не его вина, если на этомъ пути мы не далеко ушли и теперь стоимъ снова предъ тою же задачею, пожалуй, еще болѣе сложной, чѣмъ въ то время...

Наши замѣтки приходится закончить печальнымъ извѣстіемъ: въ концѣ сентября (27-го) скончался въ Симферополѣ сотрудникъ нашего журнала, Михаилъ Александровичъ Плотниковъ, одно время очень близко стоявшій къ журналу. Въ 1896 и 1897 гг. онъ велъ у насъ отдѣлъ «На Родинѣ» и потомъ, почти до послѣдняго времени, принималъ участіе въ отдѣлѣ библіографіи.

М. А. Плотниковъ больше извѣстенъ, какъ талантливый и опытный статистикъ, много поработавшій въ нижегородскомъ статистическомъ бюро подъ руководствомъ Н. Ѳ. Анненскаго. Широкой публикѣ больше другихъ извѣстенъ его трудъ «Кустарные промыслы Нижегородской губерніи». Въ статистику Плотниковъ вступилъ непосредственно послѣ окончанія университета, а литературой началъ заниматься очень скоро послѣ этого, и въ 90-мъ году появилась его первая статья въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». Съ тѣхъ поръ работы по статистикѣ шли рука объ руку съ литературными. Онъ участвовалъ въ мѣстныхъ газетахъ, гдѣ писалъ статьи публицистическія по юридическо-экономическимъ вопросамъ и литературно-критическія замѣтки. Переселившись

въ Петербургъ въ 96-мъ году, онъ сталъ въ близкія отношенія къ двумъ журналамъ—нашему и «Русскому Богатству», гдѣ около года велъ отдѣлъ внутренняго обозрѣнія и помѣщалъ статьи по разнымъ вопросамъ. Слабое здоровье не позволило ему оставаться въ Петербургѣ, откуда онъ перебрался на югъ, сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Симферополь, гдѣ завѣдывалъ періодическимъ органомъ таврическаго земства. Но связь его со столичными журналами не прекращалась, и послѣдняя его большая работа должна появиться на страницахъ «Рус. Богатства».

Смерть эта, въ такіе молодые годы, лишила насъ очень симпатичнаго и дѣльнаго литературнаго работника. Плотниковъ обладалъ широкимъ образованіемъ, большой литературной подготовкой и тонкимъ вкусомъ. На свои публицистическія работы покойный не затратилъ и малой доли того матеріала, который былъ имъ накопленъ. Его мечтой была большая историко-литературная работа, посвященная эпохѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, о которой онъ много говорилъ съ пишущимъ эти строки и для которой собиралъ матеріалъ. Были и еще работы покойнаго, о которыхъ пока говорить не приходится...

Вообще, онъ былъ, какъ личность, съ богатыми задатками, много значительнѣе того, что онъ далъ. Разныя обстоятельства помѣшали ему проявить всѣ силы ума и знанія. По природѣ мягкій, тихій и кроткій, онъ не обладалъ къ сожалѣнію, той необходимой силой воли, которая подчиняетъ до нѣкоторой степени обстоятельства. Скорѣе онъ подчинялся, не въ силахъ направлять свою судьбу такъ, чтобы наилучшимъ образомъ использовать свои недюжинныя дарованія. Въ личныхъ отношеніяхъ это былъ на рѣдкость пріятный, искренній человѣкъ, превосходный товарищъ и очаровательный собесѣдникъ, съ которымъ всегда можно было подѣлиться своими думами и печалями, въ полной увѣренности, что онѣ будутъ поняты и раздѣлены. Его тихій, проникновенный голосъ, вдумчивый тонъ его рѣчи, оригинальность мысли и огромная начитанность—дѣлали его незамѣнимыми въ товарищескихъ собраніяхъ, гдѣ онъ всегда игралъ выдающуюся роль. Это отчасти отвлекало его отъ работы въ узкомъ значеніи слова,—слишкомъ онъ былъ *общественный* человѣкъ, для котораго вопросы общественной жизни были всегда на первомъ мѣстѣ. И эта сторона его дѣятельности, не поддающаяся учету, являлась едва-ли не самой существенной для него. Типъ общественнаго человѣка у насъ еще мало развитъ и еще менѣе оцѣненъ, но тамъ, гдѣ онъ встрѣчается, такіе люди являются всегда незамѣнимыми. Плотниковъ никогда не жилъ личной жизнью, всегда его влекло къ другимъ. Онъ самъ не былъ центромъ, но прежде всего прекраснымъ товарищемъ, къ которому, что называется, тянуло. Безъ него не затѣвалось ни одно общее дѣло тамъ, гдѣ онъ жилъ; его отзывчивая живая личность вызывала отклики и въ другихъ и служила звеномъ между ними. Онъ имѣлъ массу друзей, и не думаю, чтобы у него были враги, — слишкомъ онъ былъ благодушенъ, добръ и чистъ душой, чтобы возбуждать ненависть.

Миръ его праху...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. 22-го августа исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти Тургенева и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ появились теперь воспоминанія о покойномъ писателѣ. Такъ, «Орловскій Вѣстникъ» приводитъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о пребываніи Тургенева въ ссылкѣ. «Мы познакомились раньше, — пишетъ авторъ замѣтки въ «Орлов. Вѣстн.»,— но мы очень сошлись съ Тургеневымъ, когда онъ, сосланный, жилъ въ Спасскомъ, всего въ 18 верстахъ отъ нашего Покровскаго, и ежедневно къ намъ пріѣзжалъ. Онъ увѣрялъ даже, что ѣздитъ къ намъ съ трепетомъ, съ чувствомъ виновности передъ запрещеннымъ, такъ какъ Покровское было въ Чернскомъ уѣздѣ, а онъ не долженъ былъ выѣзжать изъ предѣловъ Мценскаго, и надъ его занятіями и поведеніемъ установленъ былъ надзоръ.

Но разсуждалъ онъ такъ въ шутку. Иванъ Сергѣевичъ уморительно представлялъ намъ, какъ разъ въ мѣсяцъ ему докладывали, что «становой въ передней. Пріѣхалъ для сыску». Иногда онъ его отпускалъ тутъ же, даже не показавшись ему на глаза; иногда, по забывчивости, занятости или отлучкѣ, задерживалъ. Потомъ плѣнникъ вспомнитъ и, извинившись, вышлетъ грозному тюремщику 10 рублей. Добродушный представитель полицейской власти немедленно удалялся, нѣсколько разъ съ поклонами, пожелавъ «продолженія его благополучію и успѣховъ во всѣхъ желаніяхъ и начинаніяхъ». «Первому не очень-то сочувствовалъ я,—смѣясь, добавлялъ Тургеневъ,—а второму, вѣроятно, посылавшіе его!»

Онъ очень просто и незлобно разсказывалъ о недолгомъ своемъ пребываніи на Съѣзжей въ Петербургѣ, предшествовавшемъ его высылкѣ въ Спасское. Вспоминалъ, что очень многія лица въ городѣ были не менѣе его самого удивлены такой странной карой, наложенной на уже извѣстнаго писателя, а еще больше поводомъ къ ней. Кромѣ друзей и знакомыхъ, къ нему или съ разспросами о немъ собиралось въ части многочисленное общество. Узенькая улица, на которую она выходила, была заставлена экипажами, и, наконецъ, былъ присланъ особый постъ для установки и скорѣйшаго пропуска экипажей, такъ какъ полицеймейстеръ узналъ, что государь Николай Павловичъ очень

былъ недоволенъ общественнымъ участіемъ и общими симпатіями къ арестованному.

Одна тяжелая подробность этихъ дней сохранилась въ его памяти: ужасное сосѣдство его комнаты съ экзекуціонной, гдѣ сѣкли присылаемыхъ владѣльцами на Съѣзжую провинившихся крѣпостныхъ слугъ. Написавшій «Записки Охотника» принужденъ былъ съ отвращеніемъ и содроганіемъ слушать хлестъ розогъ и крики сѣкомыхъ.

Въ той же газетѣ гр. Софья Толстая, жена великаго писателя, вспоминаетъ слѣдующій разговоръ съ Ив. Сергѣевичемъ на охотѣ:

«Тургеневъ стоялъ со мной у большого, еще неодѣтаго листвой дуба и что-то дѣлалъ съ ружьемъ, когда я его спросила:

«— Отчего вы такъ давно ничего не писали, Иванъ Сергѣевичъ?

«Тургеневъ оглянулся кругомъ себя, сдѣлалъ виноватую улыбку, которая имѣла особенную прелесть въ этомъ крупномъ человѣкѣ, и сказалъ:

«— Никто насъ не слышитъ? Ну, я вамъ скажу, что всякій разъ, какъ я задумывалъ писать что-нибудь, меня трясла лихорадка любви. Теперь это прошло; я старъ; я не могу больше ни любить, ни писать...»

Мысль эту Тургеневъ высказывалъ не однажды.

«Знаете ли,—говорилъ онъ одному изъ своихъ парижскихъ знакомыхъ,—человѣкъ, какъ только перестаетъ увлекаться женщиной и нравиться ей,—становится уже неспособнымъ на художественное творчество. Я уже чуждъ всему этому, и вдохновеніе покинуло меня».

Эта же мысль вылилась въ его стихотвореніи въ прозѣ:

«Я узналъ тебя, богиня фантазіи. Ты посѣтила меня случайно,—ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

«О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть предо мною—раннимъ утромъ ранней весны».

Нѣсколько словъ по поводу замѣтки «Открытіе памятника И. П. Котляревскому». Въ октябрьской книжкѣ «Міра Божьяго» за текущій годъ помѣщено краткое описаніе происходившаго въ г. Полтавѣ 30-го августа сего года торжества открытія памятника родоначальнику новой украинской литературы и первому народному поэту Урайны И. П. Котляревскому.

Въ эту замѣтку, приведенную, какъ сказано въ ней, со словъ южныхъ газетъ, къ сожалѣнію, вкралась весьма важная неточность, которую мы и считаемъ не лишнимъ исправить.

Описаніе, помѣщенное въ октябрьской книгѣ, относится къ *надгробному* памятнику Котляревскаго, установленному на могилѣ поэта на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ еще въ 1901 г. и сооруженному на средства, ассигнованныя Полтавскимъ губернскимъ земствомъ въ 1894 г. Открытый же Котляревскому 30-го августа сего года памятникъ сооруженъ на пожертвованія, собранныя по подпискѣ между земляками и многочисленными почитателями славнаго поэта.

Этотъ памятникъ, поставленный въ центрѣ города на Протопоповскомъ бульварѣ, получившемъ нынѣ названіе «бульвара Котляревскаго», представляетъ собою стройный четырехгранный пьедесталъ изъ чернаго гранита, увѣнчанный большимъ бронзовымъ, слегка склоненнымъ бюстомъ поэта, работы уроженца Полтавы художника-скульптора Л. В. Позена. Подъ бюстомъ, охваченнымъ въ нижней его части бронзовымъ вѣнкомъ, высѣчены золотомъ годы рожденія и смерти поэта (1769—1838) и имя его: «Іван Котляревський», а ниже—строки изъ безмертной «Наталки-Полтавки»:

„Де згода въ симействи,
Де мыръ и тышына,
Щаслыви тамъ люде,
Блаженна сторона"...

На задней сторонѣ памятника начертаны строки изъ стихотворенія Т. Г. Шевченко «На вічну память Котляревському»:

„Будешъ, батьку, пануваты
Докы жывуть люде;
Докы сонце зъ неба сяе
Тебе не забудуть..."

Ниже этого четверостишія вставлена бронзовая доска съ именами художника и строителей.

По тремъ сторонамъ пьедестала, въ углубленіяхъ, помѣщены прелестные горельефы работы г. Позена, сюжетомъ для которыхъ послужили наиболѣе интересныя сценки изъ трехъ произведеній Котляревскаго. На одномъ изъ горельефовъ, помѣщенномъ на лицевой сторонѣ памятника, представленъ Эней, «парубокъ-моторный» у моря, окуженный своими дружинниками «Троянцями-ланцями». На остальныхъ двухъ горельефахъ, вставленныхъ въ боковыхъ углубленіяхъ пьедестала, изображены: встрѣча Наталки-Полтавки съ паномъ Вознымъ у берега рѣки Ворсклы и сцена изъ «Москаля-Чаривныка».

Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ. 21-го сентября состоялось торжественное открытіе высшихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ въ Одессѣ. Главною и весьма характерною особенностью этихъ новыхъ курсовъ является тотъ фактъ, что они открыты безъ всякаго матеріальнаго пособія со стороны казны, такъ какъ профессора университета выразили готовность читать лекціи безвозмездно. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по организаціи курсовъ былъ профессоръ новороссійскаго университета Н. Н. Ланге, который и назначенъ первымъ директоромъ курсовъ. Изъ 400 желавшихъ поступить на курсы принято 303 слушательницы.

Такимъ образомъ число разсадниковъ высшаго женскаго образованія въ Россіи увеличилось още однимъ учрежденіемъ, которое, несомнѣнно, будетъ развиваться въ томъ же направленіи и съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и существующіе уже въ Петербургѣ и Москвѣ курсы, буквально переполненные слушательницами. Отмѣчая этотъ новый починъ одесскихъ профессоровъ, уже организовавшихъ цѣлый рядъ другихъ просвѣтительныхъ учрежденій для одесскаго населенія, мы съ особымъ удовольствіемъ подчеркиваемъ эту связь

людей науки съ общественной дѣятельностью, которая очевидно не является для нихъ совершенно чуждой областью, какъ, напр., для ихъ петербургскихъ собратій.

Женщины—волостные писаря. Предсѣдателемъ выставочнаго комитета III-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, Е. П. Ковалевскимъ, вносится на обсужденіе съѣзда интересный вопросъ о профессіональной подготовкѣ женщинъ, главнымъ образомъ, юридической. Вопросъ этотъ имѣетъ свою любопытную исторію. Впервые онъ поднимался присяжнымъ повѣреннымъ Раппопортомъ, проектировавшимъ юридическую подготовку женщинъ еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Предложеніе это на первыхъ же шагахъ было встрѣчено несочувственно самими юристами и вопросъ, казалось, былъ похороненъ.

Въ 1897 году оригинальный случай изъ нашей административной практики снова вызвалъ къ жизни этотъ вопросъ. Въ этомъ году молодая дѣвушка Екатерина Васильева Проскурякова, была назначена на должность волостного писаря въ Тюкалинскій округъ. Е. В. окончила въ 1895 г. высшіе женскіе курсы и получила эту должность при содѣйствіи крестьянскаго начальника Калачева, брата довольно извѣстной въ Петербургѣ О. С. Калачевой, устроительницы дѣтскихъ садовъ. Калачевъ вошелъ съ представленіемъ къ томскому губернатору Богдановичу о назначеніи Е. Е. Проскуряковой на свободную вакансію волостного писаря, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что въ законѣ нѣтъ прямого указанія на недопущеніе женщинъ къ занятію должности волостного писаря. Е. В. была, конечно, встрѣчена населеніемъ сначала недовѣрчиво, но съ теченіемъ времени, благодаря своей энергичной дѣятельности и неподкупности, снискала самыя прочныя симпатіи и среди населенія, и у губернскаго начальства. Волостной сходъ поставилъ ей даже въ особую заслугу то обстоятельство, что она не беретъ взятокъ, и постановилъ удвоить ей жалованье съ 600 руб. въ годъ на 1.200.

На этой должности Е. В. Проскурякова пробыла два года до назначенія на должность томскаго губернатора г. Князева. Послѣдній нашелъ неправильнымъ фактъ занятія должности волостного писаря женщиной на томъ основаніи, что въ законѣ нѣтъ на это прямого разрѣшенія. Е. В. должна была оставить должность, но ея безупречная репутація и близкое знакомство съ крестьянскими нуждами доставили ей вскорѣ другое мѣсто; она была назначена завѣдывать переселенческимъ пунктомъ на станціи Обь, гдѣ находится и въ настоящее время.

Е. П. Ковалевскій въ своемъ докладѣ предусматриваетъ возможность допущенія женщинъ на должности волостныхъ писарей въ виду того, что вопросъ этотъ имѣлъ мѣсто на особомъ совѣщаніи при обсужденіи проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій. Въ частностяхъ докладъ проектируетъ курсы, которые бы давали подготовку для занятія такихъ должностей, гдѣ желательно практическое юридическое образованіе. Программа этихъ курсовъ значительно уже университетской; изъ нея исключаются философія права, энциклопедія

права и т. п. Главное вниманіе предполагается обратить на практическую подготовку, почему первое мѣсто отводится основательному изученію законодательства и практическимъ занятіямъ.

Возможно, что предварительно до внесенія доклада на съѣздъ, онъ будетъ обсуждаться въ Обществѣ содѣйствія женскому профессіональному образованію.

Въ собраніи тверскихъ учителей. На послѣднемъ общемъ собраніи тверскаго общества учителей, по словамъ «Рус. Вѣд.», большой интересъ вызвало заявленіе учащихъ Новоторжскаго уѣзда о ненормальномъ ихъ положеніи, создавшемся въ послѣднее время, благодаря дѣятельности мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ Н. В. Лилеева. Заявленіе это, переданное устно однимъ изъ учителей названнаго уѣзда, отмѣчаетъ, между прочимъ, стѣсненіе инспекторомъ народныхъ училищъ свободы передвиженія учащихъ посредствомъ удержанія ихъ паспортовъ. Далѣе учителя указывали, что одинъ изъ ихъ товарищей, г. С., вынужденъ былъ обратиться къ суду для огражденія своей личности отъ оскорбленій того же г. Лилеева; учитель С—ій, явившись къ инспектору, былъ встрѣченъ словами: «Вы не въ кабакъ пришли!.. Вы нахально втерлись въ Новоторжскій уѣздъ!» и т. д. (на г. С. была русская рубаха, и въ Новоторжскій уѣздъ онъ былъ допущенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа помимо инспектора г. Лилеева). Существующія при новоторжской уѣдной управѣ совѣщанія учащихъ по хозяйственнымъ нуждамъ школъ находятся подъ запретомъ инспектора, который опять-таки подъ страхомъ увольненія воспрещаетъ учителямъ слѣдовать приглашеніямъ предсѣдателя уѣздной управы и являться на эти совѣщанія. Въ виду этихъ и многихъ другихъ фактовъ новоторжскіе учителя просятъ тверское общество взаимопомощи учащимъ ходатайствовать передъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа о разслѣдованіи дѣйствій инспектора Н. В. Лилеева и огражденіи учащихъ отъ его поползновеній, такъ какъ постоянная угроза увольненія крайне неблагопріятно отражается не только на моральномъ, но и матеріальномъ положеніи учащихъ Новоторжскаго уѣзда. По предложенію предсѣдателя собранія вопросъ о ходатайствѣ предъ попечителемъ былъ рѣшенъ открытой баллотировкой единогласно, и была избрана коммиссія изъ пяти лицъ для редактированія текста жалобы.

Та же газета сообщаетъ: «На дняхъ мѣстный городской судья разбиралъ дѣло по обвиненію Н. В. Лилеева (инспектора народныхъ училищъ) М. А. Кашхадамовой въ оскорбленіи на словахъ. Судья приговорилъ Н. В. Лилеева къ недѣльному заключенію и къ 25-ти рублевому штрафу».

Отголоски гомельскихъ безпорядковъ. «Восходъ» приводитъ рѣчь могилевскаго губернатора по поводу еврейскихъ безпорядковъ.

3-го числа пріѣхалъ въ Гомель г. начальникъ губерніи; созвавъ нѣкоторыхъ евреевъ въ городскую думу, онъ сказалъ имъ приблизительно слѣдующее:

«Я пріѣхалъ исключительно ради васъ. Мнѣ очень жаль несчастныхъ жертвъ—невинныхъ, такъ какъ пострадали именно невинные и бѣдные. Откуда

могло произойти такое озлобленіе одной группы населенія противъ другой, исповѣдующей другую религію? Въ Россіи вѣротерпимость полная. Это лучше всѣхъ знаютъ сами евреи, исповѣдующіе іудейскую вѣру. Причины этихъ послѣднихъ событій надо искать глубже. Я знаю Могилевскую губ. 25 лѣтъ. Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ, и тогда не было помину о погромахъ. Погромы, бывшіе въ 80-хъ годахъ, совсѣмъ другого характера; они явились результатомъ еврейскаго гнета, подъ которымъ находилось христіанское населеніе; но теперь совсѣмъ другое. Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всѣхъ антиправительственныхъ движеніяхъ. Весь этотъ «Бундъ» и соціалъ-демократія—все евреи. Правда, находятся между ними и лица другихъ исповѣданій, но они являются какъ подстрекаемыя, подстрекателями же являются евреи. Въ гимназіи евреи развращаютъ молодежь, въ университетѣ сходка—евреи. Вообще, евреи теперь нахальны, не покорны, потеряли всякое уваженіе къ власти. Посмотрите гг., нижній полицейскій чинъ не имѣетъ теперь никакого значенія, его не признаютъ. Всегда и всюду евреи выражаютъ полное неуваженіе, нетерпимость къ христіанамъ. Да вотъ вамъ: на-дняхъ на улицѣ на мою жену наскочилъ велосипедистъ; кто? еврей. Гимназистъ на улицѣ идетъ мнѣ навстрѣчу съ папироской въ зубахъ и не кланяется; кто такой? опять еврей. Гимназистка раздѣваясь, задѣла рукавомъ мою жену и на вопросъ жены, почему не извиняется, отвѣчаетъ: «я не замѣтила». Опять-таки кто? еврейка. Вотъ, гг.. гдѣ причины. Вы сами виноваты во всемъ случившемся. Правительство безпристрастно и я безпристрастенъ. И, оставаясь безпристрастнымъ, я вамъ долженъ сказать: вы сами виноваты. Вы не воспитываете своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ, вы не умѣете вліять на нихъ. Но вы можете неблагонадежныхъ лицъ обнаружить, указывая на нихъ правительству. Вы этого не дѣлаете, вы ихъ скрываете. И вотъ плоды вашего поведенія. Вы пропагандируете среди нецивилизованнаго населенія непокорность, борьбу съ правительствомъ, но масса русская этого не хочетъ и обращается противъ васъ самихъ. Вотъ до чего вы довели. Помилуйте, когда это слыхано было, чтобы евреи вооружались, стрѣляли въ войска, которыя васъ же защищали? Вѣдь этакъ не намъ васъ, а намъ отъ васъ приходится защищаться. Мнѣ жаль, душевно жаль пострадавшихъ невинныхъ жертвъ. Но, гг., вы сами виноваты и вы несете на себѣ нравственную отвѣтственность передъ вашими единовѣрцами за все происшедшее».

Въ родныхъ палестинахъ. Въ «С.-Петерб. Вѣд.» мы находимъ интересную страничку изъ области нашихъ культурныхъ начинаній въ фабричныхъ центрахъ. На этотъ разъ корреспондентъ переноситъ насъ въ село Орѣхово-Зуево (Влад. губ.) и жалуется, что въ этомъ селѣ отдѣленіе попечительства о народной трезвости не проявляетъ никакой дѣятельности.

Причины—отсутствіе средствъ. Покровскій уѣздный комитетъ попечительства, выдѣливъ орѣховское отдѣленіе, не позаботился снабдить его деньгами въ достаточномъ количествѣ, надѣясь, что въ Орѣховѣ-Зуевѣ,—такомъ промышленномъ селѣ,—деньги найдутся. Вышло не такъ. Ассигнованные 200—300 руб.

идутъ на канцелярскіе и подобные имъ расходы, никакого отношенія къ народной трезвости не имѣющіе. Отдѣленіе просило у комитета 13 тыс. на постройку народнаго дома, но получило отказъ. Теперь дѣло съ этой постройкой обстоитъ такъ: каждому изъ членовъ отдѣленія выданы книжки для сбора пожертвованій. Сборъ конечно, не идетъ, и орѣховцамъ долго еще не придется видѣть у себя народнаго дома. Одна надежда на хозяевъ орѣховскихъ фабрикъ... Не лучше дѣло обстоитъ и съ обществомъ трезвости, которое существуетъ здѣсь около пяти лѣтъ. Вся дѣятельность его до сихъ поръ ограничивалась тѣмъ, что на сборы ревнителей и членовъ трезвости оно завело продажу религіозно-нравственныхъ книгъ, устроило для нихъ безплатную библіотеку, въ праздничные дни устраиваетъ религіозно-нравственныя чтенія съ туманными картинами и организовало кружокъ любителей церковнаго пѣнія. Вотъ и вся его дѣятельность. Число членовъ общества всегда не менѣе 1.000 человѣкъ, но составъ ихъ весьма не постоянный, такъ какъ въ общество члены записываются на время отъ 1 до 12 мѣсяцевъ и болѣе, а иногда присылаются съ фабрики рабочіе-алкоголики. Послѣдніе, какъ члены поневолѣ, скоро дезертируютъ изъ него. Въ обществѣ дѣятельность членовъ сильно стѣснена, а потому культурнаго фабричнаго слоя въ числѣ дѣятелей тамъ нѣтъ.—При одной изъ фабрикъ существуетъ библіотека-читальня, но большою популярностью она не пользуется среди рабочихъ. Что касается собственно народныхъ развлеченій, то здѣсь также остается широкое поле для дѣятельности. Владѣльцами фабрикъ учреждена коммиссія по устройству народныхъ гуляній, изъ лицъ, занимающихъ на фабрикѣ высшія должности. Свое назначеніе эта коммиссія исполняетъ неудовлетворительно. Народу она предоставляетъ спектакли на открытой сценѣ и въ закрытомъ помѣщеніи два раза въ недѣлю. Это—только лѣтомъ, зимой въ Орѣхово-Зуевѣ никакихъ развлеченій для народа не устраивается. Но и лѣтнія развлеченія страдаютъ большимъ недостаткомъ, уничтожающимъ ихъ полезное значеніе. Такъ, на открытой сценѣ въ большинствѣ случаевъ народу предлагались водевили, куплеты и пѣсни, куплетисты-балалаечники чередовались съ престидижитаторами и «профессорами бѣлой и черной магіи». Изъ игръ для народа устраивалось, напримѣръ, хожденіе въ мѣшкахъ на призъ. Для нашего фабричнаго люда всѣ эти представленія уже стары, все это онъ видѣлъ въ пріѣзжихъ балаганахъ, поэтому такія гулянія онъ посѣщаетъ не часто. Впрочемъ, на открытой сценѣ иногда ставятся пьесы съ полезнымъ содержаніемъ. Спектакли въ закрытомъ театрѣ по цѣнамъ мало доступны народу. Въ будни спектакль идетъ почему то по возвышеннымъ цѣнамъ, такъ что рабочему люду приходится отказывать себѣ въ посѣщеніи театра.

«Вотъ и все, что имѣется у насъ въ области разумныхъ развлеченій и образовательныхъ средствъ для народа. Очень немного. Этимъ можно объяснить многія явленія въ жизни нашего рабочаго. Кулачные бои здѣсь процвѣтаютъ. Разнаго рода жестокости и кулачная расправа въ большомъ ходу. У насъ ежегодно великимъ постомъ устраивается торжественная стрѣльба по птицамъ. Заранѣе наловленныя галки, голуби, вороны выпускаются изъ ящиковъ, и

40—50 стрѣлковъ безжалостно разстрѣливаютъ ихъ, а раненыхъ добиваютъ о приклады. Выбираются судьи, выдаются призы. Такого рода дикость сопровождается нѣкоторымъ подобіемъ «тотошки» въ толпѣ рабочихъ, густымъ кольцомъ окружающихъ стрѣльбище. Сюда же нужно отнести и пьянство, доходящее до грандіозныхъ размѣровъ. Въ 1902 году выпито въ Орѣхово-Зуевѣ казенной водки 40 тыс. ведеръ. Если считать, что въ селѣ 50 тысячъ жителей обоего пола (въ дѣйствительности нѣсколько больше), то на каждаго жителя приходится немного менѣе ведра. Взрослыхъ мужчинъ нужно считать 35 проц. общаго количества; на каждаго взрослаго человѣка выпитаго вина приходится 2,3 ведра. Всѣ эти печальныя явленія настойчиво требуютъ поднятія умственной и нравственной жизни нашей рабочей массы...»

Но идти къ этому надо совершенно инымъ путемъ и притомъ діаметрально противоположнымъ. Вообще не везетъ нашимъ культуртрегерамъ въ фабричныхъ районахъ, что, конечно, объясняется отсутствіемъ у иниціаторовъ изъ фабричнаго начальства серьезныхъ взглядовъ на это дѣло. Какъ на характерный примѣръ такого рода дѣятельности, можно указать, напримѣръ, Кулебакскій заводъ въ Нижегородской губерніи, въ которомъ наблюдаются слѣдующіе факты.

Два молодыхъ, вполнѣ приличныхъ мастеровыхъ, которые очень часто принимали участіе, какъ исполнители, въ любительскихъ спектакляхъ, а потому считали себя вправѣ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе со стороны другихъ, вздумали подать директору завода прошеніе о дозволеніи имъ посѣщать «читальню» (клубъ) служащихъ № 2, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что имъ желательно было бы съ нѣкоторой пользой или хотя безъ вреда для себя использовать свободное отъ работы время. Директоръ не рѣшился собственною властью уважить просьбу мастеровыхъ, а передалъ этотъ вопросъ на обсужденіе членовъ читальни. И чтобы вы думали? Цѣлый листъ покрылся подписями служащихъ съ просьбой къ директору, что имъ совершенно нежелательно присутствіе въ ихъ кружкѣ мастеровыхъ, не только просителей, но мастеровыхъ *вообще*.

Откуда же, спрашивается, могли у здѣшнихъ служащихъ явиться такія уродливыя отношенія къ мастеровымъ? На это отвѣтить очень трудно. Если хорошенько поразсмыслить, то служащихъ обвинять за это, пожалуй, особенно нельзя. Ужъ очень здѣсь развито дѣленіе на овецъ и козлищъ, такъ что заразиться доморощеннымъ аристократизмомъ очень не трудно, и за примѣрами барской спѣси ходить далеко не приходится, благо эта спѣсь такъ и лѣзетъ всѣмъ въ глаза.

Здѣсь все занумеровано, до ватеръ-клозетовъ въ конторѣ включительно. Есть читальня № 1-й и 2-й, есть барская улица и остальные Кулебаки, есть баня исключительно для служащихъ и черная для мастеровыхъ, есть особыя мѣста для гуляній избранной публики и т. д. и т. д.

На что, кажется, долженъ быть далекъ отъ всякихъ нумерацій народный домъ, но и въ него проникъ духъ барства. Тамъ есть дверь, въ которую, какъ гласитъ объявленіе, могутъ входить только избранные, есть особая комната

для раздѣванія избранныхъ и комната для ихъ прогулокъ въ антрактахъ. А то вотъ еще особенно наглядный примѣръ дѣленія людей на «господъ» и «простой народъ». При входѣ въ паркъ, гдѣ иногда по праздникамъ играетъ музыка, вывѣшено такое объявленіе: «кататься на качеляхъ могутъ только дѣти служащихъ Рейнеровской улицы». Ну, а если вмѣстѣ со взрослымъ придетъ на гулянье въ паркъ ребенокъ не Рейнеровской улицы, тогда какъ быть? Да ужъ само собой разумѣется, онъ только съ завистью можетъ смотрѣть и любоваться, какъ катаются болѣе счастливые сверстники, обитатели Рейнеровской улицы. И можно навѣрное предположить, что врядъ ли у этого ребенка явятся добрыя чувства какъ къ своимъ болѣе счастливымъ сверстникамъ, такъ и къ тѣмъ, кто заводитъ подобные порядки.

Послѣ всего этого, кажется, излишне распространяться о томъ, почему кружокъ служащихъ читальни № 2-й отказалъ въ пріемѣ въ свою среду двоимъ мастеровымъ.

Студенческое общество. Сообщаемъ со словъ «Р. Вѣд.» свѣдѣнія о московскомъ студенческомъ медицинскомъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью «саморазвитіе и единеніе студентовъ между собой и преподавательскимъ персоналомъ на почвѣ научной и практической медицины и соприкасающихся съ медициной наукъ».

Для достиженія указанной цѣли, общество имѣетъ право, согласно уставу, открывать по мѣрѣ надобности въ своемъ составѣ секціи по спеціальностямъ, устраивать публичныя лекціи, вечера, концерты, спектакли не только въ помѣщеніи общества, но и внѣ его, на общемъ основаніи, печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій, съ разрѣшенія университета, имѣть библіотеку и читальню, организовывать научно-образовательныя экскурсіи, наконецъ, оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ при научныхъ занятіяхъ. Въ открытыя засѣданія могутъ быть допускаемы въ качествѣ гостей врачи по запискамъ членовъ и съ особаго каждый разъ разрѣшенія предсѣдателя. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйстви тельныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Почетными членами могутъ быть лица, оказавшія важныя заслуги обществу или извѣстныя своими выдающимися научными трудами; избираются они большинствомъ двухъ третей голосовъ общаго собранія по совмѣстному предложенію бюро и $^1/_4$ дѣйствительныхъ членовъ и пользуются правомъ совѣщательнаго голоса. Дѣйствительными членами могутъ быть студенты всѣхъ факультетовъ, профессора, ассистенты, приватъ-доценты, лаборанты и другія лица, занимающіяся научно-преподавательскою дѣятельностью при университетѣ. Въ званіи членовъ-сотрудниковъ съ правомъ совѣщательнаго голоса могутъ считаться «лица, выбывшія изъ числа дѣйствительныхъ членовъ за окончаніемъ ими курса университета». Общество считается открытымъ въ составѣ учредителей и приглашенныхъ ими дѣйствительныхъ членовъ, обязанныхъ на первомъ же собраніи избрать должностныхъ лицъ. Дальнѣйшее избраніе въ дѣйствительные члены возможно только по рекомендаціи двухъ членовъ, при отсутствіи единогласнаго протеста бюро, про-

стымъ большинствомъ общаго собранія. Важнѣйшія дѣла подлежатъ вѣдѣнію общаго собранія, которое, между прочимъ, избираетъ ревизіонную коммиссію, состоящую изъ девяти членовъ и трехъ кандидатовъ, причемъ одинъ членъ и одинъ кандидатъ должны быть непремѣнно изъ преподавателей. Предварительное разсмотрѣніе и допущеніе заявленій членовъ и ихъ докладовъ къ заслушанію въ общемъ собраніи и завѣдываніе печатаніемъ трудовъ общества лежитъ на обязанности бюро, состоящаго изъ должностныхъ лицъ (предсѣдатели и ихъ товарищи какъ всего общества, такъ и секцій, два секретаря, казначей и библіотекарь), изъ секціонныхъ представителей отъ секціи по одному и не менѣе, чѣмъ изъ пяти дѣйствительныхъ членовъ-студентовъ. Всѣ предсѣдатели и ихъ товарищи избираются изъ преподавательскаго персонала. Членскій взносъ опредѣленъ въ 50 к. въ семестръ. Очередныя засѣданія происходятъ «не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ», а экстренныя собранія по требованію бюро или заявленію 40 членовъ.

Ходатайство приказчиковъ и кондукторовъ. Нижегородскими приказчиками и нѣкоторыми торговцами подается въ городскую думу заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Мы, торговцы и приказчики гор. Нижняго-Новгорода, настоящимъ нашимъ заявленіемъ рѣшаемся обратить вниманіе нижегородской городской думы на тяжелое положеніе всѣхъ насъ, занятыхъ торговлей во всѣхъ нижегородскихъ лавкахъ и магазинахъ, и просить ее, по примѣру черниговской думы, помочь намъ. Условія торговли, того занятія, которымъ мы добываемъ себѣ пропитаніе, настолько тяжелы въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, что всякому, кто знаетъ поближе нашу жизнь, станетъ непонятно, какъ это мы могли до сихъ поръ терпѣть ее. То зло, отъ котораго мы страдаемъ,—чрезмѣрно большая продолжительность нашей суточной работы.

«Большинство торговыхъ заведеній гор. Нижняго-Новгорода открывается въ 6 час. утра, а закрывается въ 8—9, очень часто въ 11 и 12 час. ночи. Торговля, слѣдовательно, продолжается вездѣ отъ 14 до 16 часовъ, доходя до 17 и 18 час. въ сутки. Если къ этому присоединить время, необходимое для прохода въ лавку и обратно, время на утренній туалетъ, чай, а вечеромъ ужинъ, то спать приказчику, несущему поистинѣ каторжный трудъ, совсѣмъ уже почти нѣтъ времени. Это означаетъ, что три четверти своей жизни приказчикъ прикованъ къ лавкѣ, обычная обстановка которой, лѣтомъ—духота, осенью—сырость и сквозняки, а зимой—морозъ. Нечего, конечно, и говорить объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, о развлеченіяхъ, для которыхъ у приказчиковъ не остается и одного часа времени. Онъ не имѣетъ времени даже для отдохновенія въ семейномъ кругу. По цѣлымъ недѣлямъ дѣтей приходится видѣть не иначе, какъ во время ихъ сна. Ко всему этому онъ лишенъ права отдохнуть и въ праздникъ, что дано даже лишенному всѣхъ правъ каторжному. Жизнь приказчика вообще полна лишеній, а продолжительная безостановочная работа непосильна и подрываетъ здоровье, заставляя его часто

безвременно сходить въ могилу. Такой дорогой цѣной принужденъ приказчикъ добывать себѣ пропитаніе. Между тѣмъ непомѣрное удлиненіе суточной торговли совершенно не требуется для успѣха торговаго дѣла. Оно не приноситъ ничего, кромѣ вреда для торговцевъ, равно какъ и для приказчиковъ: оно вызывается только взаимной конкуренціей торговцевъ между собою и легко устранимо обязательнымъ постановленіемъ, которое предписало бы закрывать и открывать лавки въ одни и тѣ же одинаковые часы. Сами хозяева торговыхъ заведеній хорошо понимаютъ, что непомѣрно долгій трудъ и непомѣрно короткій сонъ приказчиковъ изнуряютъ ихъ до послѣдней степени и тѣмъ заставляютъ ихъ только ненавидѣть дѣло торговли, торговать разсѣянно, невнимательно, что для хозяина является лишь ущербомъ. Мы убѣждены также, что сокращеніе торговли путемъ обязательныхъ постановленій не принесетъ никакого ущерба и для публики, потому что почти вся торговля ведется днемъ, а по вечерамъ заходятъ лишь рѣдкіе покупатели. Вечерняя и ночная торговля, такимъ образомъ, даетъ покупателямъ лишь ничтожныя удобства. Они легко могли бы привыкнуть къ опредѣленнымъ, публично объявленнымъ и всѣмъ хорошо извѣстнымъ часамъ торговли. Мы хотѣли бы, чтобы, поступаясь этими ничтожными удобствами, покупатели привыкли смотрѣть и на насъ, приказчиковъ, не какъ на бездушныя машины, а какъ тоже на людей, желающихъ, какъ и они, имѣть сонъ, имѣть отдыхъ, видѣть своихъ дѣтей, видѣть въ жизни не только трудъ, но хоть и немного радостей. Это не прихоть. Каждый человѣкъ въ правѣ желать себѣ условій человѣческой жизни.

«Высказывая такія пожеланія, мы просимъ лишь того, что уже имѣютъ фабричные работники и ремесленники. Закономъ 2-го іюня 1897 года рабочій день опредѣленъ въ 11 съ половиною часовъ; ремесленнымъ уставомъ рабочій день опредѣленъ въ 12 часовъ съ вычетами на обѣдъ и завтракъ. Сознавъ, что не можетъ и не должно далѣе продолжаться наше теперешнее положеніе, мы пришли къ убѣжденію, что необходимо уменьшеніе до такого же предѣла и нашего рабочаго дня.

«Твердо увѣренные, что гг. гласные нижегородской городской думы взглянутъ на нашу просьбу не только съ токи зрѣнія удобствъ покупателей, а и войдутъ въ наше положеніе; и будучи обезпеченными, не зная, можетъ быть нужды, сами представятъ себѣ всѣ лишенія бьющагося изъ-за пропитанія приказчика; твердо увѣренные, наконецъ, въ правотѣ нашего дѣла, мы рѣшаемся ходатайствовать передъ городской думой объ изданіи обязательныхъ постановленій для г. Н.-Новгорода, о времени производства торговли, сходныхъ съ ст. 430 и 431 ремесленнаго устава, касающимися производства ремесленной работы, то-есть:

«1) чтобы рабочихъ дней въ недѣлю было 6, въ воскресенье же и праздничные дни чтобы торговля не производилась;

«2) чтобы время производства торговли было ограничено 12-ти часами, включая сюда полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ;

«3) чтобы въ каждомъ торговомъ помѣщеніи было вывѣшено расписаніе часовъ открытія, закрытія и обѣда для контроля членами управы».

— Въ Ярославлѣ, — по словамъ «Курьера», — тяжело живется служащимъ трамвая:

«Положеніе кондукторовъ и вагоновожатыхъ трамвая поистинѣ печальное: они заняты бываютъ буквально цѣлый день—съ 6—6½ час. утра до 9—10 вечера съ короткимъ перерывомъ на обѣдъ, и это за 90 к—1 р. въ сутки! При этомъ, такъ какъ трамвай не подчиненъ надзору фабричной инспекціи, отношенія къ служащимъ со стороны администраціи трамвая заставляютъ желать очень многаго.

«Терпѣли, терпѣли, кондуктора, да и надумались обратиться къ начальству за содѣйствіемъ къ улучшенію ихъ положенія. Они подали въ мѣстное фабричное присутстіе прошеніе о распространеніи на нихъ ст. 48—60 и 128—155 уст. о промышл., т.-е. о подчиненіи трамвая надзору фабричной инспекціи, Но присутствіе не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство, какъ было объявлено подавшимъ прошеніе, потому что они служатъ «по залогу»- Теперь служащіе думаютъ подать прошеніе губернатору, имѣя въ виду распоряженіе петербургскаго градоначальника относительно улучшенія положенія лицъ, работающихъ на тамошнихъ конкахъ, но фабричное присутствіе не выдаетъ копіи съ состоявшагося постановленія. Трудно сказать, удастся ли служащимъ достигнуть чего-либо, но администрація трамвая пока не теряетъ времени: она уже уволила со службы, безъ всякой причины, одного кондуктора, подписавшаго прошеніе, уволила даже безъ предупрежденія о разсчетѣ за двѣ недѣли, какъ того требуетъ законъ».

За мѣсяцъ. 1903 года, октября 10-го. «Нашему статъ-секретарю, дѣйствительному статскому совѣтнику Безобразову—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ особаго комитета Дальняго Востока, съ оставленіемъ его статъ-секретаремъ».

— 4-го октября въ канцеляріи уфимскаго суда вмѣстѣ съ присяжными повѣренными, готовившимися къ защитамъ по уголовнымъ дѣламъ, находился и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Николай Николаевичъ Покровскій. Около двухъ часовъ дня онъ попросилъ свиданія съ предсѣдателемъ суда и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ рядомъ съ канцеляріей. Не прошло двухъ минутъ, какъ раздались два выстрѣла. Тотчасъ же въ дверяхъ кабинета показался г. Песлякъ и упалъ не произнеся ни слова. Черезъ открытую дверь кабинета былъ видѣнъ лежащій на полу Покровскій съ зіяющей раной на головѣ.— Покровскій былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Мензелинскъ и только около года назадъ ему разрѣшено жить въ Уфѣ. Весной этого года онъ подалъ въ судъ прошеніе о выдачѣ ему свидѣтельства на веденіе дѣлъ; 3-го октября общее собраніе отдѣленій суда разрѣшило выдать свидѣтельство, но, въ виду того, что Покровскій административно сосланъ, постановило запросить губернатора о неимѣніи съ его стороны препятствій. Покровскому около 30 лѣтъ, онъ женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей и почти не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію. Мужъ и жена жили уроками. Какъ человѣкъ, Покровскій былъ въ высшей степени скромный, тихій, неразговорчивый, безъ запроса не ска-

жетъ слова; поэтому трудно было допустить, что онъ способенъ на такой поступокъ.

— 14-го октября, въ четыре часа дня, когда главноначальствующій на Кавказѣ генералъ-адъютантъ князь Голицынъ съ супругой возвращался съ обычной загородной прогулки близъ Ботаническаго сада въ Тифлисѣ, въ безлюдной мѣстности, на экипажъ напали три злоумышленника-туземца. Одинъ сталъ наносить князю кинжаломъ удары по головѣ, двое старались вытащить его изъ экипажа. Сидѣвшій на козлахъ казакъ, соскочивъ на землю, вступилъ въ борьбу съ нападавшими. Въ это время экипажъ успѣлъ уѣхать. Преступники бѣжали по глубокому оврагу, поросшему кустарникомъ. За ними пустились въ погоню городовой и частныя лица. Вскорѣ подоспѣли изъ города конные стражники и конвойные казаки. Преступники, перебѣгая отъ куста къ кусту, затѣяли перестрѣлку, во время которой одинъ былъ убитъ, другой раненъ смертельно, третій—тяжело. Начальнику края, оказалось, нанесены двѣ кинжальныя раны въ голову, черезъ фуражку, и одна въ лицо. Поранена лѣвая рука. Черепныя кости не повреждены. Раны не опасны.

— Преданіе суду земской управы. Уфимская губернская земская управа, по сообщенію «С.-Пб. Вѣд»., предана суду по обвиненію въ томъ, что она, пользуясь, будто бы, подложнымъ документомъ, докладомъ управы XXVI очередному губернскому собранію объ учрежденіи при уѣздныхъ управахъ центральныхъ библіотекъ, съ намѣреніемъ скрыла истину въ докладѣ своемъ объ этихъ библіотекахъ XXVII очередному собранію, и въ жалобѣ, адресованной на имя правительствующаго сената, въ каковомъ дѣяніи губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе нашло преступленіе предусмотрѣнное 362 ст. уложенія о наказаніяхъ. Этому предшествовала ревизія дѣлъ губернской земской управы, производившаяся по распоряженію губернатора, членомъ присутствія Абрютинымъ и его дѣлопроизводителемъ Селяниновымъ.

Возникло же дѣло о библіотекахъ по слѣдующему поводу, о которомъ въ свое время писалось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1901 и 1902 годъ) и въ другихъ газетахъ. Предсѣдатель уфимской уѣздной управы г. Гиневскій, получивъ изъ губернской управы для центральной библіотеки своей управы книги и усмотрѣвъ въ числѣ ихъ такія, которыя хотя и дозволены цензурой, но не могутъ быть допущены въ общественныхъ библіотекахъ, сообщилъ объ этомъ губернатору.

Странно одно, если только это правда: говорятъ, что на этотъ разъ, когда рѣшалось въ присутствіи такое важное дѣло, въ засѣданіи въ числѣ присутствовавшихъ членовъ не было ни губернскаго предводителя дворянства, ни прокурора.

— «Кавказъ» сообщаетъ, что 10-го сентября въ оградѣ елисаветпольской тюрьмы были повѣшены четыре преступника татарина: Гассанъ Али Мамедъ Садыхъ оглы, Кули Аббасъ Кули оглы, Оруджъ Али Канъ Таги оглы и Пошт Мамедъ Оджакъ Кули оглы, осужденные въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ выѣздной сессіи кавказскаго военно-окружного суда по дѣлу объ убійствѣ изъ засады на мѣстности Хачибулахъ чиновъ закавказской полицейской

стражи. Передъ началомъ казни преступниковъ напутствовалъ мулла. Затѣмъ былъ прочитанъ приговоръ. Осужденные выслушали его спокойно, такъ что не приходилось прибѣгать къ барабанному бою. Прошло 15 минутъ, и врачъ Топуридзе констатировалъ у всѣхъ повѣшенныхъ смерть... Трупы были отданы въ распоряженіе полицеймейстера Евстафьева для преданія ихъ землѣ.

— По словамъ «Тифлисскаго Листка», 4 сентября начальникъ Елисаветпольской губерніи, генералъ-майоръ Лутцау, издалъ слѣдующій циркуляръ на имя уѣздныхъ начальниковъ и полицеймейстера:

«Изъ представляемыхъ мнѣ гг. начальниками полиціи вѣдомостей объ отобранномъ у населенія оружіи, равно какъ и изъ донесеній объ обыскахъ воспрещеннаго къ ношенію оружія—я усматриваю, что чинами полиціи совсѣмъ не производится обыска оружія, или же производятся таковые чрезвычайно рѣдко и лишь по особымъ требованіямъ губернской администраціи. Проявляемая такимъ образомъ бездѣятельность полиціи въ отношеніи исполненія этой важной своей функціи и видимое нежеланіе исполнять мои категорическія требованія, выраженныя въ циркулярныхъ предложеніяхъ 27 февраля и 25 апрѣля 1901 года за №№ 855 и 1510 и 17 іюня прошлаго года за № 2833, вынуждаютъ меня вновь напомнить гг. начальникамъ полиціи что вопросъ объ отобраніи оружія я считаю однимъ изъ важныхъ въ ряду другихъ мѣропріятій по отношенію къ достиженію полнаго спокойствія въ губерніи и охранѣ личной и имущественной безопасности». Вслѣдствіе вышеизложеннаго г. губернаторъ предлагаетъ «гг. уѣзднымъ начальникамъ и полицеймейстеру вмѣнить въ обязанность полицейскимъ приставамъ наивозможно чаще совершать у населенія обыски оружія и за неукоснительнымъ исполненіемъ настоящаго требованія его имѣть самое бдительное наблюденіе подъ опасеніемъ своей личной отвѣтственности службою, равнымъ образомъ какъ той же строгой отвѣтственности мною будутъ подвергаемы и всѣ прочіе чины полиціи, бездѣятельность коихъ въ этомъ отношеніи будетъ замѣчена».

— Въ «Кавказѣ» сообщается, что министръ внутреннихъ дѣлъ телеграммою отъ 15-го сентября увѣдомилъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, что города Карсъ, Елисаветполь, Шуша и Нуха объявлены на положеніи усиленной охраны.

— Въ «Вил. Вѣст.» напечатано: «Пинскъ» 13 сентября. Когда здѣсь получились газеты съ перепечаткою изъ «Правительств. Вѣстника» о загадочномъ событіи, случившемся 30 августа с. г., а именно, о нападеніи, совершенномъ, неожиданно и безъ видимой причины, тремя евреями на христіанскаго 11-лѣтняго мальчика, избитаго ими до потери сознанія и т. д., возбужденіе умовъ было необычайное какъ въ еврейскомъ, такъ и въ христіанскомъ обществѣ. До появленія этого извѣстія въ газетахъ здѣсь никто объ этомъ даже не слыхалъ, а мѣстной полиціи даже ничего не было извѣстно о подобномъ происшествіи. Оказывается, что ничего подобнаго или сколько-нибудь похожаго не случилось. Въ дѣйствительности случилось 30 августа вотъ что: христіанскій мальчикъ Іосифъ Кисилевъ подрался на лодкѣ или на берегу р. Пины со своимъ пріятелемъ, еврейскимъ мальчикомъ Померанцемъ, при чемъ Кисилевъ

получилъ рану въ руку острымъ камнемъ или ножомъ. Объ этомъ случаѣ мать Кисилева получила на другой день отъ врача еврея свидѣтельство, а такъ какъ при осмотрѣ раны врачомъ она оказалось глубокою, то мать обратилась къ мѣстному слѣдователю для привлеченія мальчика Померанца къ отвѣтственности. Теперь, послѣ 10 дней, рука у мальчика Кисилева залечилась, и онъ снова гуляетъ съ своимъ товарищемъ, мальчикомъ Померанцемъ, съ которымъ, видно, помирился.

«Старшій братъ Іосифа Кисилева и попечитель его, Константинъ Кисилевъ,— вчера послалъ телеграмму въ редакцію «Правит. Вѣстника», въ которой онъ опровергаетъ сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника» и возстановляетъ истину въ вышеизложенномъ смыслѣ».

— «Южное Обозрѣніе» приводитъ слѣдующее постановленіе бессарабскаго губернатора:

«Разсмотрѣвъ рапортъ кишиневскаго полицеймейстера отъ 23 сентября съ протоколомъ произведеннаго приставомъ 1-го уч. гор. Кишинева дознанія о происшедшихъ вечеромъ 20 сентября по Александровской улицѣ безпорядкахъ, и. д. бессарабскаго губернатора нашелъ: «показаніями двухъ офицеровъ войскъ кишиневскаго гарнизона, лично мнѣ данными, установлено, что 20 сентября, въ 9 часовъ вечера, часть гулявшей въ большомъ числѣ по Александровской улицѣ публика собралась по ничтожному поводу около этихъ офицеровъ, препятствуя свободному проходу ихъ, и на предложеніе дать дорогу отвѣчала криками и свистками, привлекшими постороннихъ лицъ, результатомъ чего явилось скопленіе на улицѣ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ. По заявленію тѣхъ же офицеровъ, а также прочихъ свидѣтелей, показанія которыхъ занесены въ полицейскій протоколъ, выяснено, что главными нарушителями порядка въ настоящемъ сборищѣ явились арестованные полиціей: купеческіе сыновья Пинхусъ Нухимовъ Пернеръ, Файликъ Нухимовъ Пернеръ и мѣщане: Мордко Боруховъ Этлисъ, Эль Лейзеровъ Оницканскій, Эль Мойшевъ Мунашевъ-Ваксманъ и Шмуль Боруховъ Факъ, причемъ первые трое вели себя особенно вызывающе, подстрекая толпу криками и оказавъ сопротивленіе чинамъ полиціи, немедленно явившимся для водворенія порядка».

«Признавая, въ виду изложеннаго, поименованныхъ 6 лицъ виновными въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, изданныхъ 8 мая сего года на основаніи 15 и 16 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV св. зак. изд. 1890 г.) и руководствуясь 15 ст. приведеннаго положенія, постановилъ: подвергнуть аресту при кишиневскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи купеческихъ сыновей Пинхуса Нухимова Пернеръ, Фейлика Нухимова Пернера и кишиневскаго мѣщанина Мордко Борухова Этлиса на два мѣсяца, а мѣщанъ: Эль Лейзерова Оницканскаго, Эль Мойшева Мунашева-Ваксмана и Шмуля Борохова Факъ—на одинъ мѣсяцъ каждаго».

— Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ зубо-врачебная школа зубного врача Я. Л. Джемса-Леви закрыта въ Варшавѣ. Въ указанной школѣ ко времени закрытія состояло 300 слушателей, преимущественно евреевъ. Слушателямъ

V семестра, въ числѣ 40 человѣкъ, въ виду заканчиваемаго ими всего школьнаго курса разрѣшено перевестись въ зубо-врачебную школу Шиманскаго; слушатели же остальныхъ четырехъ семестровъ обратились съ прошеніями въ кіевскую, одесскую и другія зубо-врачебныя школы о принятіи ихъ («Варш. Дн.»).

— «Право» сообщаетъ, что 21 августа въ харьковской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, разбиралось дѣло о Чернышевѣ, Рудневѣ и Земинѣ по обвиненію ихъ въ распространеніи прокламацій. Обвинялъ Лузгинъ; защищали присяжные повѣренные: Вальцъ, Маклаковъ и Шидловскій. Чернышевъ и Рудневъ приговорены къ полутора-годичному заключенію въ крѣпости безъ ограниченія правъ, Зиминъ—на три года въ арестантскія роты.

— Въ «Финл. Газ.» напечатано слѣдующее обязательное постановленіе вазаскаго губернатора:

1) Въ городахъ и селеніяхъ вазасской губерніи воспрещаются сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, садахъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщанія и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію или съ цѣлью производства всякаго рода противоправительственныхъ демонстрацій. 2) Вышеозначенныя сходки и собранія, а равно сторонняя публика, явившаяся на мѣсто сходбища и собранія, хотя бы безъ всякой преступной цѣли, обязаны разойтись по первому требованію полиціи. 3) Воспрещается въ мѣстахъ, указанныхъ въ пунктѣ 1, пѣніе всякаго рода пѣсенъ, псалмовъ, произнесеніе рѣчей, привѣтствій и т. п., если на это не получено письменнаго разрѣшенія подлежащей власти. 4) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются денежному штрафу до 400 марокъ съ замѣною его, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ, по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2 уголовнаго уложенія. 5) Дѣла о нарушеніи сего постановленія изъемлются изъ вѣдомства суда и подлежатъ разсмотрѣнію губернатора въ административномъ порядкѣ. 6) Настоящее постановленіе вступаетъ въ силу со дня его объявленія во всеобщее свѣдѣніе.

— Обязательныя постановленія выборгскаго губернатора. Въ «Финл. Газ.» напечатаны слѣдующія два обязательныя постановленія, изданныя вр. и. д. выборгскаго губернатора:

«Симъ объявляется, что дѣла о нарушеніяхъ дѣйствующихъ постановленій о публичныхъ собраніяхъ или публичныхъ увеселеніяхъ, а равно объ отступленіяхъ отъ утвержденныхъ подлежащими властями программъ увеселеній или данныхъ при выдачѣ разрѣшенія предписаній, согласно Высочайшаго постановленія отъ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 г. объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Финляндіи, изъемлются изъ вѣдѣнія суда и разрѣшаются въ административномъ порядкѣ, причемъ виновные будутъ подвергаемы штрафу въ размѣрѣ до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы 2 уголовнаго уложенія.

«Настоящее постановленіе распространяется на всю Выборгскую губернію».

Второе постановленіе гласитъ:

«Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи ст. 4 Высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, изъемлются изъ вѣдѣнія суда.

«1) Въ высокоторжественные царскіе дни всѣ находящіяся въ городахъ казенныя, городскія, общинныя и общественныя зданія, а равно такія, въ которыхъ помѣщаются казенныя, городскія, общинныя или общественныя учрежденія, должны быть приличествующимъ образомъ украшаемы русскими національными флагами.

«2) Воспрещается въ городахъ и въ уѣздѣ при устройствѣ какихъ-либо публичныхъ собраній, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора, вывѣшивать или выставлять иные флаги, кромѣ національныхъ русскихъ.

«За нарушеніе настоящаго постановленія подлежащія отвѣтственныя лица будутъ подвергаемы штрафу до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2 уголовнаго уложенія.

«Настоящее постановленіе вступаетъ въ дѣйствіе со дня опубликованія въ оффиціальныхъ газетахъ».

— Какъ сообщаетъ «Финл. Газ.»,—по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи дано предостереженіе выходящей въ гор. Гельсингфорсѣ газетѣ «Hufvudstadsbladet» за помѣщенную въ № 264 отъ 2-го сего октября замѣтку о выходящемъ въ королевствѣ Швеціи журналѣ «Nordisk revy».

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Русское Слово».

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КУПЕЧЕСКИХЪ ПРИКАЗЧИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

„Союзъ есть сила".

Въ текущемъ году исполнилось 40 лѣтъ со дня учрежденія «Вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ», являющагося однимъ изъ солидныхъ кооперативныхъ обществъ въ Россіи.

Общество появилось на свѣтъ въ «эпоху великихъ реформъ» подъ вліяніемъ всеобщаго подъема духа, пережитаго русскимъ обществомъ, пустило глубокіе корни и продолжаетъ неуклонно развиваться, идя, по мѣрѣ возможности, навстрѣчу требованіямъ, выдвигаемымъ потребностями жизни. Чтобы охарактеризовать значеніе общества для служащихъ торговопромышленныхъ предпріятій, я позволю себѣ привести слова одного изъ членовъ общества: «промышленность и торговля подвержены всевозможнымъ и мельчайшимъ влія-

ніямъ, не говоря уже о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ неурожай, война, моръ...

«Тѣмъ большимъ случайностямъ жизни и капризамъ судьбы подверженъ человѣкъ, находящійся въ прямой зависимости не только отъ общаго хода торговыхъ дѣлъ, но и отъ состоянія дѣлъ отдѣльнаго коммерсанта, не говоря уже о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ вліянія спеціализаціи труда и ограниченности спроса на него.

«Мало того, расположеніе и нерасположеніе хозяина, а иногда и его приближенныхъ, имѣетъ также большое значеніе для служащаго» *).

Учрежденіе общества, явившись актомъ самосознанія торгово-промышленныхъ служащихъ, не могло не вызвать враждебнаго отношенія со стороны представителей «темнаго царства», и въ первые годы своего существованія общество пережило не мало тяжелыхъ минутъ.

Вотъ что пишетъ по этому поводу только что цитированный мною авторъ: «Учрежденіе взаимно-воспомогательныхъ обществъ среди русскихъ и особенно среди москвичей было въ дореформенное время явленіемъ рѣдкимъ, и въ началѣ 60-хъ годовъ лишь постепенно освоивались съ открытіемъ ихъ, а изъ среды купечества многіе еще смотрѣли на нихъ съ предубѣжденіемъ, какъ на какую-то недобрую затѣю, принесенную съ Запада. Было нѣсколько случаевъ, что хозяева, узнавъ о поступленіи своихъ служащихъ въ члены нашего общества, не задумывались отказывать имъ отъ должности. Служащіе же въ коммерческомъ быту боялись вступать въ члены общества, опасаясь перемѣны отношеній къ себѣ хозяевъ, да и не знали еще навѣрное, какую въ дѣйствительности помощь они могутъ получить отъ него» **).

Скоро, однако, служащіе поняли значеніе общества, и число членовъ годъ тъ года стало увеличиваться: въ 1864 году было 184 чел., въ 1874 г. 1.313 чел., въ 1884 году—1.431 чел., а на 1 января 1903 года состоитъ 3.659 человѣкъ.

Нашлись гуманные люди и среди хозяевъ, сознавшіе необходимость улучшить бытъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, что не замедлило сказаться въ приливѣ пожертвованій на учрежденія Общества.

По уставу общества членами могутъ быть: приказчики, бухгалтеры, кассиры, конторщики, техники и другія лица, не состоящія на степени рабочаго или ремесленника, безъ различія вѣроисповѣданія и подданства.

Дѣйствительные члены вносятъ при вступленіи 25 руб. единовременно и 12 руб. ежегодно.

Дѣлами общества завѣдуютъ: 1) общее собраніе, 2) частное собраніе и 3) правленіе.

Общія собранія созываются 6, 7 разъ въ годъ.

Въ компетенцію общаго собранія входятъ выборы членовъ правленія,

---

*) Д. И. Филатовъ. „Очеркъ 25-ти-лѣтняго существованія вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ“, Москва, 1888 г.

**) Д. И. Филатовъ, „Очеркъ“.

членовъ частнаго собранія, ревизіонной и другихъ коммиссій, разрѣшеніе вопросовъ, не предоставленныхъ уставомъ вѣдѣнію частнаго собранія и правленія, а также и разсмотрѣніе жалобъ членовъ общества на дѣйствія правленія и частнаго собранія. Частное собраніе состоящее изъ 50-ти человѣкъ, избираемыхъ на годъ общимъ собраніемъ, завѣдуетъ пріемомъ въ члены общества, выдачей пособій и другими текущими дѣлами.

Правленіе общества состоитъ изъ 7-ми членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на 2 года, управляетъ денежными суммами и исполняетъ постановленія общаго и частнаго собраній, являясь по отношенію къ обществу тѣмъ же органомъ, какой представляетъ изъ себя управа по отношенію къ думѣ.

Наша развивающаяся торговля и промышленность требуютъ интеллигентныхъ работниковъ, и отсутствіе знаній въ торгово-промышленной средѣ все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать.

Общество пошло навстрѣчу этой потребности и организовало при обществѣ торговую школу съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ.

На 1-ое января 1903 года въ школѣ состояло 299 учениковъ. Плата съ дѣтей членовъ 50 руб., съ постороннихъ 80 руб.

Для дочерей членовъ учреждена женская профессіональная школа, дающая окончившимъ званіе народной учительницы и учительницы рукодѣлія. Плата съ дѣтей членовъ 40 руб. съ постороннихъ 70 руб. На 1-ое января 1903 г. въ школѣ состояло 200 ученицъ.

Кромѣ школъ общество располагаетъ болѣе чѣмъ 100 стипендіями. Изъ нихъ 7 въ Императорскомъ техническомъ училищѣ, 1 въ университетѣ, 24 въ мужскихъ гимназіяхъ, 14 въ женскихъ гимназіяхъ, остальныя въ другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (коммисаровскомъ, практической академіи и др.).

Для членовъ читаются при обществѣ лекціи бухгалтеріи и нѣмецкаго языка. Къ сожалѣнію отсутствуютъ лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ, которыя могли бы поднять ихъ интеллектуальный уровень и установить тѣсную духовную связь съ обществомъ.

Нужно надѣяться, что общество пополнитъ этотъ пробѣлъ.

Библіотека общества функціонируетъ на основаніи временныхъ правилъ о цензурѣ и печати 6-го апрѣля 1865 г. и правилъ объ открытіи и содержаніи публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, утвержденныхъ 5-го января 1884 года.

На 1-ое января 1903 года библіотека имѣла книгъ, газетъ и журналовъ 30.881 экземпляровъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъязыкахъ. Въ теченіе 1902 года отпущено *)

По отдѣлу богословія, философіи и политич. экон. . .	1.315
» » естествознанія	1.450

*) Отчетъ Общества В. О. К. Е. въ Москвѣ за 1902 годъ стр. 53.

По	отдѣлу	исторіи и біографіи 1.510
»	»	географіи и путешествій. 583
»	»	справочныхъ книгъ, учебныхъ, иностранныхъ. 890
»	»	дѣтскихъ книгъ 3216
»	»	словесности 48.327
»	»	періодическихъ изданій 9.110

Для читальнаго кабинета при обществѣ выписывается 12 ежедневныхъ, 24 еженѣдельныхъ и 24 ежемѣсячныхъ изданій.

Ежемѣсячныя изданія выписываются въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Виды вспоможенія, оказываемаго членамъ довольно разнообразны: имѣется пріютъ для неспособныхъ къ труду членовъ, гдѣ они получаютъ полное содержаніе, вдовій домъ, въ которомъ призрѣвается 32 семейства въ количествѣ 100 человѣкъ, безплатный родильный пріютъ, безплатныя квартиры для безмѣстныхъ членовъ, 3 амбулаторіи, при которыхъ состоятъ 6 штатныхъ и болѣе 20-ти сверхштатныхъ врачей, капиталъ невѣстъ, пенсіонный капиталъ и денежныя вспомоществованія безмѣстнымъ членамъ, вдовамъ и сиротамъ.

Кромѣ того имѣется «Касса взаимнаго вспоможенія на случай смерти», участники которой, внося по 50 коп. за смертный случай, имѣютъ возможность оставить своимъ семьямъ, въ случаѣ смерти, вспомоществованіе въ размѣрѣ около 500 руб. Для развлеченія членовъ существуютъ духовный и свѣтскій хоры, кружки оркестровой игры и любителей драматическаго искусства.

Общая сумма всѣхъ капиталовъ общества, какъ спеціальныхъ, такъ и основного, а также и недвижимой собственности на 1-ое января 1903 года простиралась до 1.095.799 р. 20 коп.

Въ прошломъ 1902 году общество для надобностей школъ, правленія и другихъ своихъ учрежденій построило собственный домъ, стоимостью около 300.000 рублей.

Кромѣ матеріальнаго, общество имѣетъ еще и моральное значеніе для своихъ членовъ, пріучая ихъ видѣть въ общемъ благѣ свое благополучіе.

Таковъ краткій обзоръ 40-ка лѣтней почтенной дѣятельности общества въ интересахъ трудящагося сословія, и можно надѣяться, что въ будущемъ оно объединитъ подъ своимъ флагомъ всѣхъ работниковъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ и явится достойнымъ борцомъ за ихъ права, зачастую попираемыя представителями капитала.

Времена Островскаго давно миновали, дореформенные рабски приниженные «молодцы», уступили мѣсто новымъ людямъ, а пословица говоритъ: «новыя птицы, новыя пѣсни!»

К. С.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Вѣстникъ Европы“—октябрь. „Русское Богатство“—августъ и сентябрь. „Русская Старина“—октябрь.

Что такое «мужикъ», что значитъ это слово? Казалось бы, что ничего другого кромѣ «мужъ», особа мужского пола, слово это обозначать не должно, но это только казалось бы, на самомъ же дѣлѣ подъ словомъ «мужикъ» разумѣется нѣчто совершенно иное.

Съ точки зрѣнія исторической фактъ этотъ, конечно, объяснимъ вполнѣ, ибо нѣтъ еще полувѣка съ того времени, когда мужикъ былъ не только не полноправнымъ гражданиномъ, а существомъ очень мало отличавшимся въ помѣщичьемъ хозяйствѣ отъ другого «живого инвентаря», но не настало ли время исправить существенные дефекты положенія 19 февраля 1861 года? На это именно обстоятельство указываетъ между прочимъ г. П. А. Т., объ интересныхъ мемуарахъ котораго, озаглавленныхъ «Воспоминанія стараго земца» и помѣщенныхъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ прошломъ журнальномъ обозрѣніи. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала помѣщено продолженіе воспоминаній г. П. А. Т. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

«Я всегда думалъ,—пишетъ авторъ воспоминаній, что вся реформаторская ломка, которую въ то время переживала Россія (напомнимъ читателю, что воспоминанія г. П. А. Т. относятся къ самому началу семидесятыхъ годовъ), не шла дальше поверхности, не касалось сути. Положеніе 19-го февраля, освободивъ крѣпостныхъ, оставило ихъ *мужиками*. (Здѣсь и далѣе курсивы автора). Учреждались крестьянскія учрежденія, нѣчто спеціальное для нихъ однихъ. Они и не были и не могли быть гражданами, потому что были выдѣлены, потому что были прежде всего и только *мужики*. И волость была только мужицкая, и волостные суды были только для мужиковъ, и та же выдѣляющая идея была основой новыхъ крестьянскихъ учрежденій —губернскаго и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—должныхъ замѣнить первоначальныя—институтъ мировыхъ посредниковъ. Всякій другой обыватель—и помѣщикъ, и мѣщанинъ, и купецъ, и духовенство —шелъ *со всѣми* своими дѣлами въ общія учрежденія, къ мировому судьѣ, къ нотаріусу, къ исправнику, въ земскую управу;—мужикъ же былъ ограниченъ волостнымъ судомъ, сельскимъ сходомъ, общиной, волостнымъ правленіемъ; только не получивъ удовлетворенія въ этой первой инстанціи,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ, сравнительно важныхъ и потому рѣдкихъ,—могъ онъ обратиться выше, и то опять таки въ спеціальныя, для него одного устроенныя учрежденія. Всякій обыватель могъ пользоваться услугами закона,—мужикъ долженъ былъ довольствоваться обычнымъ правомъ, чѣмъ-то въ лучшемъ случаѣ неопредѣленнымъ. Почему это обычное право было достаточно для мужика и непригодно для всѣхъ остальныхъ классовъ того же народа? Потому что онъ былъ и оставался *мужикомъ*. Самые крайніе защитники обычнаго права не могли не

сознавать, что оно, представляя собою народную, то-есть мужицкую, мудрость, было неизбѣжно тѣсно связано съ мужицкимъ невѣжествомъ, примитивною жестокостью, очень часто съ дикими предразсудками. Если я и понималъ обычное право на окраинахъ, гдѣ *все* коренное населеніе состояло изъ иноплеменныхъ инородцевъ, я считалъ нелогичнымъ оставленіе его въ центральной Россіи, гдѣ его примѣненіе только къ мужику выдѣляло и обособляло его, и только укореняло, усугубляло и подчеркивало разницу между нимъ и всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Русское обычное право центральной части имперіи воспитывалось триста лѣтъ крѣпостнымъ правомъ т.-е. абсолютнымъ мужицкимъ безправіемъ; если въ немъ были и есть хорошія стороны, весь общій духъ его морали отнюдь не могъ способствовать развитію чувства законности, уваженія права, какъ принципа и всѣхъ тѣхъ сторонъ человѣческой мысли, безъ сознанія которыхъ и получаются «мужики», а не граждане. Времена были темныя, нравы жестокіе, безправіе и право сильнаго служили основой, корнемъ всей мужицкой жизни; обычное право было дѣтищемъ, прямымъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ условій, а мужикъ былъ оставленъ всецѣло подъ его руководствомъ и послѣ того, какъ его освободили и сдѣлали изъ раба человѣкомъ, какъ мнѣ казалось, только на бумагѣ. Уже одно простое сознаніе одного того факта, что для всѣхъ остальныхъ людей одни законы, а для него—другой, отдѣльный, особенный,—самымъ пагубнымъ образомъ вліяло на мужицкое самосознаніе, на его собственную оцѣнку самого себя и своего положенія. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій, у деревенскихъ мировыхъ судей отбою не было отъ крестьянскихъ прошеній, и потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобы деревня поняла выраженіе—«неподсудно, потому что ты мужикъ». Мнѣ много разъ приходилось толковать съ крестьянами на эту тему, и я убѣжденъ, что многіе отлично понимали суть дѣла и то, что они были лишены своею обособленностью. Они значились на бумагѣ крестьянами, земледѣльческимъ сословіемъ, а въ дѣйствительности оставались мужиками, обособленными партіями. И для меня лично во всѣхъ подобныхъ вопросахъ уничтоженіе или даже уменьшеніе этой обособленности всегда казалось главнымъ и рѣшающимъ факторомъ. И такъ какъ въ данномъ случаѣ всесословная волость неизбѣжно должна была принести по меньшей мѣрѣ уменьшеніе этой обособленности, хотя я никогда не имѣлъ никакой надежды, что-бы что-либо, хотя мало мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ, могло осуществиться не только скоро, но и въ теченіе жизни поколѣнія».

Таковы весьма цѣнныя мысли и наблюденія человѣка живой жизни, много лѣтъ находившагося въ тѣсномъ общеніи съ народными массами. Старый земецъ не ошибся: не только въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но и въ теченіе цѣлой жизни того поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ, «что-либо, хотя мало-мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ» народа, совершенно не осуществлялось и даже болѣе того... То ли дѣло наша родная «самобытность»?.

Старый земецъ рисуетъ эту самобытность деревенскаго міра-общины такими штрихами: «Индивидуализму въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и самая воз-

можность прогресса мужика соотвѣтственно ограничена. Міръ этотъ является самымъ надежнымъ оплотомъ для мужицкаго невѣжества, суевѣрія, предразсудковъ. Въ N—скомъ уѣздѣ преобладали самые жестокіе, самые примитивные нравы. Въ церкви священникъ, по совершеніи брака, спрашивалъ новобрачныхъ: «Кто кому покоренъ?»—и жена должна была валиться въ ноги мужу. Мужикъ привязывалъ нагую бабу къ задку телѣги и всенародно не на животъ, а на смерть, дралъ ее возжами и чѣмъ попало подъ руку, и никто не смѣлъ поднять голоса въ ея защиту. Во многихъ деревняхъ центральной и западной частей уѣзда, которыя стояли на рѣкахъ и рѣчкахъ, были общественныя деревенскія бани, и оба пола мылись въ нихъ по субботамъ вмѣстѣ, и послѣ мытья бѣжали нагіе въ эти рѣки остывать и окупаться. Это продѣлывалось даже зимой. Во время деревенскихъ праздниковъ однимъ изъ обычныхъ состязаній въ силѣ и выносливости было то, что соперники обнажали и выпучивали животы и колотили другъ друга по нимъ до тѣхъ поръ, пока одинъ не сдавался. Снохачество было настолько обычнымъ, признаннымъ и санкціонированнымъ явленіемъ, что волостные суды пороли безъ всякаго милосердія сына, который вздумалъ бы противорѣчить отцу въ этомъ отношеніи. Суевѣріямъ и предразсудкамъ — одинъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе другого— не было конца. Я лично зналъ нѣсколькихъ знахарей и вѣдьмъ, которые искренно вѣрили въ силу своихъ наговоровъ и снадобій. Представленія о правѣ и законѣ были самыя примитивныя, они ограничивались, напримѣръ, тѣмъ, что, если приложена печать, значитъ все правильно и законно; я помню нѣкоторые случаи, когда безграмотные сельскіе старосты прикапчивали свои печати къ самымъ возмутительнымъ абсурдамъ, и никакая сила въ мірѣ не могла бы разубѣдить цѣлое сельское общество, что это все-таки абсурдъ и беззаконіе. И деревенскій міръ-община не только былъ цѣликомъ пропитанъ всѣмъ этимъ добромъ, наслѣдіемъ крѣпостного права, поголовной безграмотности и темноты, но и самымъ вѣрнымъ, самымъ усерднымъ его защитникомъ и охранителемъ. Онъ замыкалъ мужика, захватывалъ его собою. Если, благодаря счастливой случайности, мужикъ выходилъ изъ этого уровня, онъ уже не могъ довольствоваться деревней и уходилъ изъ нея совсѣмъ, погибалъ для нея навсегда. Какъ семинаристъ, побывавшій въ университетѣ, переставалъ чувствовать себя дома въ родномъ селѣ, переставалъ понимать и быть понимаемъ даже своими ближайшими родными, такъ и мужикъ, да еще, конечно, въ большей степени не могъ выносить атмосферы міра-общины. Постепеннаго прогресса деревни не было,—разъ мужикъ выбивался какъ-нибудь, онъ переставалъ быть мужикомъ и уходилъ въ другую сферу. Деревня оставалась въ своемъ замкнутомъ, заколдованномъ кругу, лишенная воздѣйствія своихъ лучшихъ силъ, если онѣ въ ней и находились. Индивидуализмъ и личная энергія не могли уживаться съ деревней,—она была слишкомъ тяжела, слишкомъ подавляюща. Нужно было быть мужикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, иначе оставалось или повѣситься или бѣжать куда глаза глядятъ. Человѣку, не-мужику, въ ней не было и не могло быть мѣста. Она была сама по себѣ, остальной русскій народъ—самъ по себѣ; между ними стояла бездонная, непроходимая пропасть».

*

Вотъ какова была наша «самобытность» вообще и послѣдствія «обособленности» мужика въ частности. Съ того времечи, какъ деревенскую жизнь наблюдалъ старый земецъ, прошло много лѣтъ, но можно ли сказать, чтобы нарисованная имъ картина деревенской жизни уже составляла достояніе исторіи? Нѣтъ и нѣтъ. Какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь стоитъ передъ русской жизнью та же требующая неотложнаго разрѣшенія задача превращенія многомилліонныхъ массъ въ гражданъ, какъ тогда, такъ и теперь разрѣшенію этой задачи мѣшаетъ безправіе населенія земли русской, какъ тогда, такъ и теперь способы, при посредствѣ которыхъ должна быть разрѣшена данная проблема, волнуютъ всю мыслящую часть русскаго общества.

Въ иной міръ, совершенно непохожій на міръ крестьянской темноты и косности, переносятъ насъ напечатанныя въ августовской и сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» весьма живо написанные и очень интересные по содержанію очерки г. П. Т. подъ заглавіемъ «Заводскія будни». Какъ видно и изъ заглавія очерковъ объектомъ изображенія г. П. Т. является міръ заводскихъ рабочихъ. Интересная сама по себѣ тема г. П. Т. становится еще болѣе интересною отъ того, что авторъ наблюдалъ изображаемый имъ міръ не изъ болѣе или менѣе «прекраснаго далека», а въ его непосредственной реальности, ибо г. П. Т. самъ рабочій и пишетъ лишь о томъ, что видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами. «Мнѣ нерѣдко случалось,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своимъ очеркамъ,—бывать въ обществѣ интеллигентныхъ людей и замѣчать, прислушиваясь къ разговорамъ, касавшимся «рабочаго класса», какъ мало извѣстна у насъ обстановка жизни рабочаго. Не разъ доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ, рѣшая какіе-нибудь сложные экономическіе вопросы, люди приходили въ смущеніе, когда разговоръ касался подробностей той или другой стороны быта рабочихъ. То же случалось мнѣ замѣчать и въ нашей литературѣ». Вотъ этотъ-то пробѣлъ имѣетъ въ виду по возможности пополнить авторъ очерковъ, и, надо отдать ему справедливость, въ значительной степени достигаетъ своей цѣли во многомъ, касающемся хорошо ему извѣстнаго быта заводскихъ рабочихъ.

Между многими другими штрихами, которыми авторъ изображаетъ жизнь рабочихъ, весьма интересно указаніе на то, въ какомъ положеніи находилось среди рабочаго класса еще очень недавно самое слово «рабочій». «Слово *мастеровой* и слово *рабочій*,—говоритъ онъ,—употребляются теперь часто совершенно безразлично. Но въ рабочую среду слово «рабочій», такъ, какъ его понимаютъ интеллигенты, проникло, въ сущности, очень недавно. Въ недалекомъ еще прошломъ назвать «рабочимъ» мастерового, т.-е. работника, имѣющаго опредѣленное ремесло, на изученіе котораго имъ затрачено отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ, значило нанести ему жестокую обиду. Еще и теперь у меня есть одинъ знакомый мастеръ, который, если найдетъ нужнымъ сильно выругаться, то не употребляетъ площадной брани, а говоритъ:

«Эхъ, ты р-рабочій!..» И это для мастероваго все равно, какъ для какого-нибудь графскаго кучера, ежели ему скажутъ: «эхъ, ты л-ломовой!..» А лѣтъ

семнадцать назадъ въ одной изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (кажется, въ Ковровскихъ), по этому поводу рабочіе устроили даже бунтъ!

Дѣло было такъ: въ тѣ времена на заводахъ еще не были введены разсчетныя книжки съ печатными правилами и, вотъ, въ одну прекрасную субботу рабочимъ выдаютъ книжки.

— Господи, благослови! Ужъ не разсчетъ ли? Куда я теперь дѣнусь?..

Но когда узнали, что въ этихъ книжкахъ ихъ называютъ «рабочими», то тутъ ужъ совсѣмъ расходились.

— Нѣшто мы рабочіе? —кричали они, выходя изъ воротъ.—Мы мастеровые, а не рабочіе. Это, братцы, они въ рабочіе хотятъ насъ произвести. Нѣтъ, не бывать по ихнему!

И порѣшили—забастовать!.. Но забастовка продолжалась недолго. Вскорѣ пріѣхали солдаты и разжалованные мастеровые стали пробираться на заводъ. Но тутъ контора пришла на помощь. Съ упраздненіемъ слова «мастеровой» она тоже встрѣтила затрудненіе, такъ какъ и ей необходима была нѣкоторая классификація рабочихъ. Прежде на всѣхъ табеляхъ и вѣдомостяхъ было подраздѣленіе: «мастеровые», «рабочіе». Теперь же, когда мастеровые были изгнаны и переименованы въ рабочихъ, понадобилоеь новое слово, замѣняющее бывшаго рабочаго, на обязанности котораго лежала вся черная, простая работа. Вслѣдъ ствіе этого имъ и дано было названіе «чернорабочихъ».

«Такъ было,—продолжаетъ авторъ,—еще не очень давно. Теперь, однако, въ заводскомъ мірѣ многое перемѣнилось».

Да, многое, до такой степени многое, что просто не вѣрится, чтобы сцены, въ родѣ вышеописанной забастовки изъ-за слова «рабочій», какъ оскорбительнаго для рабочихъ же, могли имѣть мѣсто всего какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ, это такъ. Кто внесъ такую перемѣну въ міровоззрѣніе рабочаго класса и кому этой перемѣной обязана вся русская дѣйствительность, это, конечно, ясно само собою. Въ чемъ же состоятъ эти перемѣны? Не будемъ гадать, а послушаемъ очевидца:

«Въ послѣднее время,—говоритъ онъ,—среди рабочихъ появилось не мало людей, которые стали сильно интересоваться положеніемъ труда въ другихъ странахъ. Начали пріобрѣтать книги, выписывать журналы, читать. Такъ мнѣ, напримѣръ, случалось встрѣчать «Рабочій вопросъ» Ланге, «Исторію культуры» Липперта, «Восьмичасовой рабочій день» Вебба и Кокса и даже марксовъ «Капиталъ». Надо по совѣсти сказать, далеко не всѣ въ состояніи понимать все прочитанное, новсе-таки читаютъ съ большой охотой, а однажды мнѣ попался сосѣдъ по квартирѣ, который наизусть зубрилъ «Краткій курсъ экономическихъ наукъ» Богданова».

И этотъ прогрессъ сталъ осязательно наблюдаемымъ въ теченіе лишь самаго послѣдняго времени... Но отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ предмету, который взялъ г. П. Т. спеціальной темой для своихъ изображеній, т.-е. въ полномъ смыслѣ слова къ «заводскимъ буднямъ».

Не красна жизнь и заводскаго рабочаго, и многаго требуетъ она для своего улучшенія. Тутъ и безработица, и низкая заработная плата, и продолжи-

тельность рабочаго времени, и произволъ всякаго рода начальства отъ высшаго до низшаго, но все же между жизнью заводскихъ рабочихъ и жизнью «мужиковъ» лежитъ уже цѣлая пропасть. Тутъ складывается и назрѣваетъ иной, болѣе высокій и несравненно болѣе культурный типъ человѣка. Классовая солидарность рабочихъ становится замѣтнымъ фактомъ и духъ общественности, не той пресловутой «общинности», которая убиваетъ, какъ это мы видѣли въ воспоминаніяхъ стараго земца, всякое проявленіе индивидуальности у членовъ деревенскаго «міра», а духъ общественности гораздо болѣе высокой, проявляется замѣтно въ повседневномъ быту заводскихъ рабочихъ. Г. П. Т. приводитъ во свидѣтельство этого не мало интересныхъ иллюстрацій. При пріемѣ на заводъ рабочему всегда даютъ, между прочимъ, исполнить пробную работу или такъ называемую «пробу».

«Частенько случается,—разсказываетъ г. П. Т.—что вы не въ совершенствѣ знаете свое дѣло и сомнѣваетесь въ благополучной сдачѣ данной вамъ пробы, но и тутъ отчаяваться не слѣдуетъ. Посмотрите на окружающихъ васъ рабочихъ, выберите - кого нибудь, кто покажется вамъ симпатичнѣе, и скажите ему, что вотъ—де, боюсь, какъ бы не нарѣзаться мнѣ съ своей пробой; помоги, пожалуйста, если можешь. И *всегда* въ этомъ случаѣ, видя, что вы затрудняетесь въ чемъ-нибудь, вамъ съ охотой помогутъ, научатъ, покажутъ, а, если нужно будетъ, то сами и сдѣлаютъ за васъ. Только не нужно слишкомъ высокомѣрно держать себя съ товарищами и дѣлать видъ, что вы знаете и видѣли больше ихъ, словомъ, слѣдуетъ постараться съ самаго же начала зарекомендовать себя «артельнымъ парнемъ» и, въ случаѣ какихъ-нибудь опасеній, чистосердечно признаться.

«Многіе склонны думать, что у рабочихъ въ этомъ случаѣ главнымъ побудительнымъ мотивомъ служитъ не безкорыстное великодушіе, а возникающая въ воображеніи «бутылка водки», но это неправда. Если водка здѣсь и играетъ какую-нибудь роль, то просто какъ благодарность, и по моему водка все же лучше, чѣмъ обыкновенныя денежныя взятки, что наблюдается въ другихъ классахъ. Для примѣра разскажу одинъ подходящій случай. Однажды къ намъ въ мастерскую помощникъ мастера привелъ одного новаго рабочаго, далъ ему пробу и указалъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ работать.

Проба была довольно простая, но, тѣмъ не менѣе, сразу было видно, что новичокъ сильно затруднялся въ исполненіи ея и одинъ рабочій спрашиваетъ:

«— Гдѣ раньше работалъ?

«Тотъ называетъ одинъ изъ маленькихъ кустарныхъ заводовъ.

«— Слесаремъ тамъ работалъ?—продолжалъ спрашивать рабочій.

«— Слесаремъ, только я тамъ на памятникахъ стоялъ, на сборкѣ. Да вотъ разсчитали, и я три мѣсяца безъ работы ходилъ. Все продалъ съ себя. Жена чуть не голая сидитъ. Хорошо, что Иванъ Гавриловичъ за красненькую взялся помѣстить сюда.

«— А кто это Иванъ Гавриловъ?

«— Конторщикъ изъ паровозо-сборочной.

«Въ это время подходитъ къ нему еще нѣсколько рабочихъ. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ.

«— Ты-деньги то Ивану Гаврилычу отдалъ?

«— Нѣтъ еще, обѣщался дня черезъ три, можетъ у кого достану.

«— Такъ вотъ что; пошли ты Ивана Гаврилыча подальше, а самъ иди покарауль мастера, а теперь, рябята, у кого пила есть поновѣе? Давайте-ка мы возьмемся.

«— Братцы мои!—взмолился новичокъ.—Если сдадимъ, ведро поставлю!

«— Ты ведро-то не сули, —внушительно замѣтилъ кто-то,—довольно будетъ, если поставишь четвертную, да дюжину пива, а только мы, братъ, вовсе не изъ за этого хлопочемъ. Всѣ дружно приступили къ его работѣ. Но вотъ часа черезъ полтора новичокъ подходитъ и таинственно говоритъ:

«— Иванъ Гавриловичъ идетъ!

«— Это какой? Сѣдая борода?

«— Онъ самый!

«— Ладно! Пусть подойдетъ поближе.

«Не допустивъ его шаговъ на десять къ тискамъ новичка, кто-то изъ рабочихъ вдругъ заоралъ во всю глотку.

— Эй! За десяткой идетъ! Тю-у!—И вся мастерская сразу огласилась самымъ неистовымъ тюканьемъ и свистомъ. Разумѣется, Ивану Гавриловичу ничего не оставалось дѣлать, какъ повернуть къ первымъ попавшимся воротамъ и скрыться изъ мастерской.

«Проба была сдана, и рабочій на всегда утвердился на заводѣ».

Недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ познакомить читателей «Міра Божія» болѣе детально съ интересными очерками г. П. Т.. но мы все же приведемъ изъ этихъ очерковъ еще одну сценку, чрезвычайно характерную во многихъ отношеніяхъ.

«Какъ - то разъ,—повѣствуетъ г. П. Т.,—у насъ на заводѣ по всѣмъ мастерскимъ были расклеены объявленія, что панихида по умершемъ Ив. Ив. Циркулевѣ будетъ отслужена въ заводской часовнѣ такого - то числа въ $11^1/_2$ часовъ дня, а потому гудокъ на обѣдъ будетъ данъ получасомъ раньше.

«Противъ этого рабочіе, конечно, не имѣли ничего. Но для всѣхъ осталось загадкой, кто же такой этотъ самый Циркулевъ? Думали, думали, такъ ничего и не надумали. Наконецъ одинъ рабочій догадался:

«— Стой, братцы! Если умеръ, то, значитъ, сейчасъ мальчишка изъ конторы на вѣнокъ будетъ собирать. У него и узнаемъ.

«И, дѣйствительно, вскорѣ изъ конторы мастерской вышелъ мальчикъ съ листомъ бумаги и карандашемъ въ рукахъ.

«Мы тотчасъ же обступили его.

«— Что хочешь писать?—спросилъ одинъ.

«— Желающихъ подписаться на вѣнокъ Ив. Ив. Циркулеву,—отвѣчалъ мальчикъ.—Ну, кто сколько жертвуетъ.

«— Да ты постой, не торопись. Скажи прежде, кто онъ такой, этотъ самый Циркулевъ? Отставной мастеръ, что-ли?

«— А я почему знаю? Велѣлъ мастеръ подписку собрать, а больше ничего не сказалъ.

«— А самъ онъ знаетъ его?

«— Нѣтъ, кажется, и онъ не знаетъ. Иванъ Васильевичъ, нашъ конторщикъ, у него спрашивалъ; сказалъ: «не знаю».

«— Такъ что же мы будемъ писать, если сами не знаемъ кому. Я ничего не записываю.

«— Я тоже, я тоже... Раздалось нѣсколько голосовъ, и мы разошлись.

«Походилъ себѣ мальчикъ по мастерской, видитъ, что, никто не пишетъ, и вернулся опять въ контору.

Черезъ нѣсколько времени выходитъ тотъ же мальчикъ и начинаетъ прибивать къ дверямъ какое-то объявленіе. Мы подходимъ опять и читаемъ:

«Вслѣдствіе кончины Ив. Ив. Циркулева, администрація N-скаго завода сочла нужнымъ объявить мастеровымъ и рабочимъ N-ской мастерской, что деньги для покупки вѣнка будутъ высчитаны въ первую получку по 5 коп. съ каждаго рабочаго.

«Подписка эта добровольная, и потому нежелающіе принять въ ней участіе могутъ заявить объ этомъ въ конторѣ мастерской. Мастеръ Зубиловъ».

«— А ловко?—проговорилъ одинъ рабочій.

«— Что говорить!

«— Поди, значитъ, заяви. А что заяви, неизвѣсто: разсчетъ ли себѣ или про вычетъ.

«— Заяви только про вычетъ, а ужъ разсчетъ самъ собою выдадутъ...»

Рабочіе собрались на панихиду, по окончаніи которой изъ директорской рѣчи къ нимъ узнали, что покойный Циркулевъ занималъ должность «предсѣдателя правленія».

Любопытство рабочихъ было такимъ образомъ удовлетворено, они узнали то, что хотѣли знать; «но кто заступилъ мѣсто Циркулева,—остроумно иронизируетъ г. П. Т.,—намъ осталось неизвѣстнымъ. Объ этомъ намъ предстояло узнать, когда онъ умретъ» и, добавимъ отъ себя, когда рабочіе будутъ обложены по этому поводу сборомъ на вѣнокъ или другой вещественный знакъ ихъ искренней признательности къ памяти почившаго...

Въ заключеніе нашего ознакомленія читателей съ очерками г. П. Т. мы вернемся снова къ самому ихъ началу и выпишемъ изъ нихъ еще такія строки: «Если не ошибаюсь,—пишетъ г. П. Т.,—въ «Русскомъ Богатствѣ» была помѣщена статья г. Дадонова «Русскій Манчестеръ» и тамъ, помнится, авторъ остался недоволенъ итогомъ читающихъ рабочихъ въ Иваново-Вознесенскѣ».

На много разныхъ мыслей наводятъ эти, полныя глубокаго содержанія, строки. Мы рекомендуемъ читателю прочесть полностью «Заводскія будни» г. П. Т.

Ровно годъ тому назадъ мы уже имѣли случай обращать вниманіе нашихъ читателей на помѣщенную тогда въ «Русской Старинѣ» статью г. Слезскинскаго

«Фотій и графиня Орлова-Чесменская». Продолженіе этой интересной статьи появилось только теперь въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины». На этомъ-то продолженіи мы и хотимъ нѣсколько остановиться. Само собою разумѣется, что существо отношеній Фотія къ Орлову представляетъ само по себѣ очень мало интереса, но не надо забывать про роль, которую игралъ въ свое время Фотій въ нашей исторіи, а, не забывая этого, нельзя не видѣть и извѣстнаго интереса въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ этого, болѣе чѣмъ подозрительной святости, господина. Орлова была нужна Фотію главнымъ образомъ какъ орудіе, при помощи котораго онъ могъ достигать своихъ цѣлей, и чего-чего не продѣлывалъ только, въ этихъ видахъ, съ своею «духовною дщерью» знаменитый архимандритъ. Изслѣдованіе г. Слезскинскаго изобилуетъ немалымъ количествомъ любопытныхъ въ этомъ смыслѣ фактовъ. Будучи совершенно здоровымъ, Фотій задумалъ, тѣмъ не менѣе, собороваться, а послѣ совершенія этого обряда сказалъ Орловой, что онъ будетъ собороваться еще дважды и что она, Орлова, должна продѣлать то же самое. «По мнѣнію Фотія,—пишетъ изслѣдователь,—душевно Орлова была готова къ соборованію, оставалось дѣло только за одѣяніемъ. Чтобы стать съ графинею наравнѣ, чтобы болѣе запечатлѣть взаимность чувствъ, Фотій предложилъ ей собороваться съ ней вмѣстѣ. Совмѣстное соборованіе пастоятель объяснялъ тѣмъ, что у него съ нею одинъ духъ, одно сердце и «все едино быть должно», тѣмъ болѣе одинаковое одѣяніе, одной ткани и цвѣта хитоны, серебряные пояса и бѣлая обувь». Такъ все это и совершилось. Въ другой разъ, задумавъ отлить для монастыря колоколъ и выпросивъ у Орловой для этой цѣли огромную сумму денегъ, Фотій писалъ ей, что на одной сторонѣ колокола онъ изобразитъ коронованіе Богородицы, на другой — неопалимыя купины, на третьей — соборъ архистратига Михаила, а на четвертой—«противъ коронованія будутъ представлены въ моленіи твой отецъ Фотій и ты, моя дщерь». Прослышалъ какъ-то Фотій, что будто бы гдѣ-то готовится къ печати романъ подъ заглавіемъ «Фитюй» и что въ этомъ романѣ будетъ выведенъ онъ, Фотій, и графиня Орлова. Взволновался онъ не на шутку. «Гибель мнѣ подстраиваютъ, — писалъ Фотій Орловой,—посовѣтуйся съ княземъ Платономъ (Ширинскимъ-Шахматовымъ); затѣмъ передай объ этомъ графу Алексѣю (Орлову), чтобы онъ доложилъ государю». Графиня отвѣчала своему духовному отцу, что она приняла всѣ мѣры къ розысканію романа и, если таковой окажется въ дѣйствительности, то обѣщала энергически дѣйствовать противъ оглашенія его въ печати. Фотій обрадовался и писалъ ей: «сказать не можно, какъ я радъ, что ты взяла на себя хлопоты по случаю романа. Пусть міръ, діаволъ и людъ нечестивый поноситъ меня и тебя, и другихъ, но хотя бы на словахъ, а то на бумагѣ клеветы и нелѣпости пишутъ. Всякое благочестіе наше поругано» и т. д. Въ дѣло были вмѣшаны Орловъ и Бенкендорфъ и, разумѣется, о романѣ больше не было и помину. Можетъ быть все это и мелочи, но мелочи характерныя для того времени, къ которому онѣ относятся. Да и для него ли одного?

Въ «Русской Старинѣ» помѣщены весьма интересныя письма декабриста И. И. Горбачевскаго къ декабристу же Е. П. Оболенскому. Письма эти, такъ

сказать, дорисовываютъ уже и безъ того достаточно извѣстную моральную физіономію Горбачевскаго. Среди декабристовъ было не мало сильныхъ духомъ людей, но Горбачевскій выдѣляется даже среди нихъ удивительной моральной чистотой и кристальною ясностью души. Напомнимъ вскользь главныя черты его біографіи. Малоросъ по происхожденію, Горбачевскій служилъ въ молодости въ артиллеріи. Приговоренный въ 1826 году къ отсѣченію головы, онъ былъ затѣмъ сосланъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. По отбытію срока каторги въ 1840 году, Горбачевскій не покинулъ извѣстнаго «Петровскаго острога» и остался жить подлѣ него въ качествѣ поселенца. Здѣсь онъ и прожилъ еще 30 лѣтъ, не воспользовавшись амнистіей 1856 года, потому что,—какъ разсказываетъ извѣстный авторъ книги «Сибирь и каторга» Максимовъ,—«одинъ иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя были высланы Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата». Очутившись въ такомъ положеніи, Горбачевскій опять-таки не палъ духомъ, а посвятилъ всѣ свои силы на служеніе тому краю, въ который забросила его судьба. Когда въ 1869 году онъ умеръ, въ его напечатанномъ въ «Голосѣ» некрологѣ появились такія строки: «онъ сдѣлался извѣстенъ» во всей Восточной Сибири; его прекрасный характеръ, обширный умъ и благородное сердце, направленные на безчисленное множество дѣлъ благотворенія, пріобрѣли ему въ краѣ всеобщее уваженіе. Ни одно филантропическое или вообще доброе предпріятіе въ краѣ не оставалось безъ непосреднаго участія въ немъ Горбачевскаго. Учрежденія училищъ, вопросъ объ улучшеніи положенія заводскихъ рабочихъ, все это и многое другое находило въ Горбачевскомъ самый живой откликъ и сочувствіе. Всѣ свои скудные достатки онъ обращалъ на добрыя дѣла, причемъ нельзя не замѣтить, что его мягкостью и добродушіемъ зачастую пользовались во зло нѣкоторыя лица». Авторъ «Воспоминаній о заселеніи Амура» Венюковъ характеризуетъ Горбачевскаго такими словами: «это была чудная, свѣтлая личность, высокой нравственной мощи, несмотря на его тихій характеръ. Въ его присутствіи люди не смѣли лгать, хотя онъ и не выражалъ словами своего неодобренія лжецамъ». Уже однихъ этихъ отзывовъ достаточно для того, чтобы пожелать поближе познакомиться съ личностью Горбачевскаго. Этому желанію и можетъ до извѣстной степени удовлетворить вышеуказанная его переписка съ товарищемъ по дѣлу и каторгѣ Оболенскимъ. Въ ней разсыпано не мало штриховъ, важныхъ для будущаго біографа Горбачевскаго, — а таковой рано или поздно, конечно, явится. Вотъ что разсказываетъ въ одномъ изъ писемъ къ боленскому Горбачевскій о томъ, какъ онъ еще въ ранней молодости отказался сдѣлаться владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ. «Мать моя,—пишетъ Горбачевскій,—была изъ фамиліи Конискихъ. Она, не знаю ужъ какимъ образомъ, сдѣлала такъ, что имѣніе, тоже не знаю — большое или малое, передала мнѣ и моему брату тому слишкомъ сорокъ лѣтъ, когда я вышелъ въ офицеры въ артиллерію, а братъ мой вышелъ въ полевые или военные инженеры. Я пріѣхалъ домой проѣздомъ въ бригаду, которая стояла на квартирахъ въ Малороссіи, и засталъ дома одного отца: мать умерла, сестры вышли за мужъ. Уѣзжая въ бригаду и уже совсѣмъ собравшись, отецъ мой вы-

кинулъ какую-то связку бумагъ и сказалъ мнѣ: «ты теперь получилъ званіе, вотъ тебѣ документы на владѣніе имѣніемъ послѣ твоей матери,—дѣлай, что хочешь». Я не обратилъ на это вниманія и бросилъ въ чемоданъ эту связку бумагъ, которую никогда въ жизни не развязывалъ, и до сихъ поръ не знаю, что тамъ было написано. Но отецъ меня при этомъ просилъ, что, если когда-либо я буду въ деревнѣ, то чтобы я непремѣнно побывалъ на той яблонѣ, на которой онъ, бывши мальчикомъ, туда лазилъ; она стояла на берегу ручья, особенно. Я уѣхалъ. Пріѣхавши въ губернскій городъ, я нашелъ тамъ какого-то нашего дальняго родственника, дуракъ набитый и чиновникъ, предлагастъ мнѣ, какъ помѣщику, съѣздить въ деревню. Я сначала отказался, и какіе резоны онъ мнѣ ни представлялъ, ничего не помогало,—мой отвѣтъ былъ одинъ, что всякая деревня помѣщичья для меня отвратительна. Но вспомнивши, что мнѣ надобно побывать на яблонѣ—исполнить волю и завѣщаніе отца, я согласился, тѣмъ болѣе, что это было по дорогѣ въ бригаду, которая стояла въ Полтавской губерніи. Только что пріѣхали, я, не входя въ домъ, побѣжалъ къ яблонѣ, сбросилъ съ себя сюртукъ, полѣзъ на яблоню, чуть себѣ шею не своротилъ, посмотрѣлъ кругомъ, опять домой и прихожу къ дому, а чиновникъ уже собралъ тамъ народъ посмотрѣть на новаго барина. Увидѣвши толпу хохловъ, не знаю кому я приказалъ лошадей запрягать—дальше ѣхать; чиновникъ вытаращилъ глаза.

«— Куда такъ скоро?

«— А мнѣ что тутъ дѣлать,—сказалъ ему.

«— Вотъ ваши крестьяне».

«Я, чтобы кончить развязку, подошелъ къ толпѣ и сказалъ имъ рѣчь. Конечно, она не Цицерона и Демосѳена, но по своему, потому что меня вся эта глупость взбѣсила.

«— Я васъ не зналъ и знать не хочу; вы меня не знали и не знайте, убирайтесь къ чорту.

«Сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ ту же минуту, даже не поклонившись родственнику-чиновнику»...

Горбачевскій всю жизнь прожилъ холостякомъ. Почему? На этотъ вопросъ онъ въ интимно-дружескомъ письмѣ къ Оболенскому отвѣчаетъ такъ:

«Не удивляйся, что я не женатъ и не имѣю семьи; не такая моя жизнь была, чтобы объ этомъ было время думать, не такія были мои обстоятельства, чтобы объ этомъ позаботиться; характеръ у меня такой, что мало думаю о себѣ; всегда я воображалъ и думалъ, что живу на мѣстѣ только временно; заботы о себѣ и пріобрѣтеніе на будущее чего-нибудь—всегда у меня на второмъ планѣ жизни моей; всегда у меня мысли и чувства были обращены на другое дѣло, давно прошедшее; всегда я жалѣлъ о проигранномъ, и этого никогда не могъ забыть. Ни женщина, ни семья никогда бы не могли меня заставить забыть, о чемъ я прежде помышлялъ, что я намѣревался сдѣлать и за что пожертвовалъ собой. Конечно, теперь вижу и самъ, какъ ужасна жизнь стараго холостяка; скучно, грустно и будущаго нѣтъ, но одно еще меня поддерживаетъ,—это вѣра въ какое-то будущее, хорошее, въ идею, которую только

тогда покину, когда перестану дышать. И истину тебѣ скажу, несмотря на частое нездоровье, несмотря на всѣ разстройства по дѣламъ моимъ и на всѣ неудачи; несмотря на дороговизну неслыханную здѣсь, а съ нею и лишенія всевозможныя, которыя испытываю и терплю, я все еще держусь, крѣплюсь, чего-то надѣюсь, все еще люблю людей, дѣлюсь съ ними послѣднимъ, желаю имъ добра и всего лучшаго. И все это происходитъ отъ идеи, очень хорошо тебѣ знакомой, которой я живу, и не допускаетъ меня покуда еще придти въ отчаяніе».

Съ живымъ чувствомъ относился Горбачевскій къ совершавшимся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ крупнымъ событіямъ. Радуясь освобожденію крестьянъ и другимъ реформамъ, онъ оставался вѣренъ завѣтамъ своей юности и требовалъ несравненно большаго.

«Съ живымъ любопытствомъ,—писалъ онъ Оболенскому,—я читалъ въ твоемъ письмѣ разныя курьезныя дѣла, происходящія въ вашихъ странахъ и, признаюсь тебѣ, и радовался, и смѣялся; и что за дѣтская игра; почему бы, кажется, не покончить однимъ разомъ,—чего бояться? что за страшилище такое порядокъ и видѣть въ другомъ не животное, а человѣка? Конечно,—скажу на это,—привычка, понятія старыя и проч. Да гдѣ же разумъ и чувство теплое къ ближнему? Ты говоришь, что современемъ все устроится. Слово «современемъ» я худо понимаю. Много, мнѣ кажется, происходитъ зла отъ этого слова, зачѣмъ то дѣлать завтра, что можно сдѣлать сегодня. Пиши, прошу тебя, объ этихъ дѣлахъ. Онѣ меня очень занимаютъ».

Отчего бы кому-нибудь не заняться составленіемъ подробной біографіи такой замѣчательной личности, какъ Иванъ Ивановичъ Горбачевскій?

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Темныя точки на европейскомъ горизонтѣ. Когда заходитъ рѣчь о темныхъ пунктахъ на современномъ политическомъ горизонтѣ, то всегда имѣется въ виду македонское возстаніе. Европейская печать высказываетъ надежду, что наступленіе зимы вызоветъ временную пріостановку движенія, но, конечно, даже сильнѣйшая зимняя стужа не въ состояніи будетъ потушить пожаръ, разгорѣвшійся на Балканскомъ полуостровѣ. До сихъ поръ дипломатическія старанія Россіи и Австріи не произвели замѣтнаго улучшенія въ положеніи дѣлъ и не только возстаніе не прекратилось, но и Турція оказалась совершенно безсильной провести реформы, предлагаемыя обѣими державами. Послѣднее, впрочемъ, никого удивить не можетъ, такъ какъ положеніе европейской Турціи таково, что ни о какихъ реформахъ она и думать не можетъ при существующемъ въ ней правительственномъ режимѣ. Съ самаго начала македонскаго движенія, болгарское правительство постоянно утверждало, что оно ничего не дѣлаетъ для поддержанія возстанія, и постоянный переходъ болгарскихъ бандъ объясняло тѣмъ, что нѣтъ никакой возможности герметически закрыть такую длинную пограничную линію. Нельзя оспаривать осно-

вательности такого оправданія и хотя болгарское правительство снова торжественно заявило, что оно приняло всѣ мѣры къ усиленію пограничнаго кордона, тѣмъ не менѣе банды нашли возможность опять пробраться черезъ столь строго охраняемую границу. Между тѣмъ Болгарія продолжаетъ свои вооруженія, призываетъ резервы и т. д., но, по мнѣнію европейской печати, эти вооруженія не должны слишкомъ тревожить европейское общественное мнѣніе, въ виду того, что зимній сезонъ не благопріятствуетъ военному походу на Балканахъ. Однако, въ Болгаріи, въ нѣкоторыхъ военныхъ кружкахъ не раздѣляютъ такого мнѣнія и считаютъ зимній походъ не только возможнымъ, но даже имѣющимъ шансы на успѣхъ. По словамъ корреспондента кёльнской газеты, взглядъ этотъ основывается на томъ, что зимніе холода хотя и затруднятъ движенія болгарской арміи, въ еще болѣе сильной степени должны будутъ затруднить движенія турецкихъ отрядовъ, вслѣдствіе вопіющей небрежности турецкаго правительства и хронической нужды въ деньгахъ. Турецкіе солдаты не имѣютъ теплой одежды, чего нельзя сказать про болгарское войско, которое снабжено въ достаточномъ количествѣ полушубками. Нѣкоторыя пылкія головы въ Болгаріи заходятъ даже такъ далеко, что на зиму готовы смотрѣть, какъ на лучшаго союзника болгарской арміи въ случаѣ войны съ турками.

Сильное негодованіе возбуждаютъ дѣйствія Греціи, которая открыто становится на сторону Турціи въ македонскомъ движеніи; а греческая печать клеймитъ македонскихъ повстанцевъ и приписываетъ Болгаріи стремленіе окончательно раздавить греческую національность въ Македоніи. Это столкновеніе разныхъ мелкихъ національныхъ интересовъ въ македонской провинціи сильно осложняетъ вопросъ и, вѣроятно, не разъ еще будетъ служить поводомъ къ распрѣ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, болгары несомнѣнно принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ движеніи и жертвуютъ ради него кровью и деньгами. Корреспондентъ «Daily News»—газеты, спеціально интересующейся македонскимъ возстаніемъ, говоритъ, что очень многіе изъ молодыхъ болгарскихъ офицеровъ дезертировали изъ рядовъ болгарской арміи и, отправившись въ горы, стали во главѣ македонскихъ бандъ. Какъ много изъ этихъ молодыхъ воиновъ, передъ которыми, быть можетъ, открывалась болѣе или менѣе блестящая карьера въ своемъ отечествѣ, нашли безвѣстную могилу въ македонскихъ горахъ! На устахъ всѣхъ македонцевъ находится имя одного изъ такихъ героевъ, молодого болгарскаго офицера Сугарова, который, какъ говорятъ македонцы, «показалъ проклятымъ невѣрнымъ, какъ умираетъ болгарскій солдатъ». Сугаровъ отличался веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ, и былъ душою лагеря. Однажды отрядъ, въ которомъ онъ находился, былъ окруженъ турками. Спасенія не было, такъ какъ турки были въ подавляющемъ количествѣ, и маленькій отрядъ, припертый къ скаламъ, очутился въ безвыходномъ положеніи. Оставалось только ждать смерти, Сугаровъ былъ раненъ, но не смертельно. У него хватило силъ крикнуть товарищамъ: «Слушайте, братья! Вѣдь все равно умирать надо. Раньше или позже — это уже значенія не имѣетъ. Я рѣшилъ вотъ что: у меня двѣ бомбы, и когда турки столпятся въ этомъ проходѣ, то я побѣгу имъ навстрѣчу и брошу бомбы прямо

въ нихъ. Я проложу для васъ дорогу къ свободѣ, только не теряйте времени и стрѣляйте, лишь только раздастся взрывъ. Пусть помнятъ Сугарова!» И съ этими словами онъ, несмотря на рану, побѣжалъ навстрѣчу туркамъ и черезъ минуту раздался взрывъ и крики. Отрядъ ринулся вслѣдъ за Сугаровымъ и безпрепятственно прорвался впередъ буквально по тѣламъ турокъ. «Ну, а Сугаровъ?» спросилъ англійскій корреспондентъ македонца, который разсказалъ ему эту исторію. «Отъ него ничего не осталось. Онъ былъ разорванъ на тысячу кусковъ,—сказалъ македонецъ. — Но онъ пожертвовалъ собою ради другихъ и его имя будетъ жить въ памяти каждаго македонца».

Недавно въ Лондонѣ, на грандіозномъ македонскомъ митингѣ въ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ, было публично заявлено съ ораторской трибуны, что турецкому господству въ Македоніи долженъ быть положенъ конецъ во что бы то ни стало. Предсѣдательствовалъ на митингѣ епископъ Уорчестерскій, который сказалъ чрезвычайно горячую рѣчь и даже воскликнулъ: «О, кто намъ вернетъ Гладстона хоть на полчаса!» Это восклицаніе вызвало бурные восторги присутствующихъ и дало поводъ къ нелестнымъ для теперешняго англійскаго правительства сравненіямъ. Въ англійскомъ кабинетѣ и среди лидеровъ англійскаго общественнаго мнѣнія не найдется ни одного человѣка, который бы, подобно Гладстону, рѣшилъ выступить, не взирая ни на какія дипломатическія соображенія, въ защиту угнетенной народности. Нынѣшній министръ-президентъ Бальфуръ, очевидно, для такой роли не годится. Англійская либеральная печать возмущается его рѣчами по македонскому вопросу и инертностью его политики. «Впрочемъ, — говорятъ газеты,—развѣ можетъ обладать какимъ-нибудь нравственнымъ авторитетомъ правительство, которому приходится начинать съ признанія, что всѣ бѣды, возникшія теперь, вызваны его же собственными дѣйствіями въ 1878 году?»

Венгерскій кризисъ. Въ октябрѣ этого года исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ самыхъ выдающихся венгерскихъ государственныхъ дѣятелей, Франца Деака, творца австро-венгерскаго соглашенія—«аусглейха», съумѣвшаго такимъ путемъ устроить примиреніе между правительствомъ и партіей реформъ въ Венгріи. Два враждующихъ государства, Австрія и Венгрія, послѣ ожесточенной борьбы, стоившей жизни многимъ героямъ, являвшимся мучениками идеи освобожденія, снова сблизились и заключили между собою перемиріе на основахъ компромисса, выработаннаго Деакомъ. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ продержался этотъ компромиссъ, считавшійся геніальнымъ дѣломъ Деака, и, несмотря на всѣ нападки сверху и снизу, Австрія и Венгрія оставались неразрывно связанными. Но теперь, какъ разъ съ празднованіемъ столѣтія Деака, совпало ожесточеніе борьбы противъ австро-венгерскаго компромисса. Венгрія переживаетъ тяжелый внутренній кризисъ, какъ и въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Деакъ, но условія теперь совсѣмъ другія. Тогда, въ періодъ самой сильной смуты и разбушевавшихся страстей, Венгрія могла выставить трехъ блестящихъ дѣятелей, слава которыхъ распространилась далеко за предѣлы страны; это были: графъ Стефанъ Чегеньи, Лудвигъ

Кошутъ и Францъ Деакъ. Первый раздѣлялъ тотъ взглядъ, что народъ лишь послѣ того, какъ оно сдѣлается просвѣщеннымъ и его благосостояніе упрочится, можетъ считаться созрѣвшимъ для политической свободы. Кошутъ, добивавшійся правъ для народа, не отвергалъ революціонныхъ средствъ, между тѣмъ какъ Францъ Деакъ одинаковое значеніе придавалъ какъ умственному развитію народа и увеличенію его матеріальнаго благосостоянія, такъ и расширенію его политическихъ правъ и поэтому добивался общественной, частной, политической и соціальной свободы для народа. Въ то время въ Венгріи всѣ права были исключительно на сторонѣ венгерскаго феодальнаго дворянства, и всѣ тягости на сторонѣ народа. Борьба за право проходитъ красною нитью черезъ всю государственную дѣятельность Деака. Вначалѣ, въ этой борьбѣ, вождей поддерживала только оппозиція, а затѣмъ уже вся нація. До 1848 года борьба эта велась въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, за конституціонныя права націи и новыя гарантіи этихъ правъ, съ другой же—за права народа, на который они не распространялись. Но Деакъ ратовалъ за мирное соглашеніе съ Австріей, и когда Кошутъ сталъ во главѣ движенія, то онъ удалился и только при приближеніи австрійской арміи вошелъ въ составъ депутаціи, отправившейся для переговоровъ въ австрійскій лагерь. Однако, его проектъ аусглейха былъ принятъ только тогда, когда австрійское правительство убѣдилось, наконецъ, въ необходимости пойти на уступки венгерской партіи, и въ 1867 году состоялось соглашеніе между австрійскимъ императоромъ и венгерскими представителями.

Въ настоящее время Венгрія не имѣетъ ни правительства, ни работоспособнаго парламента *) и въ такомъ положеніи «внѣ конституціи» празднуетъ столѣтіе дня рожденія своего государственнаго дѣятеля, вернувшаго ей, 30 лѣтъ тому назадъ, правительство, парламентъ и конституцію. Венгерскій кризисъ длится уже многіе мѣсяцы, но разрѣшенія все еще не предвидится. Между тѣмъ возбужденіе умовъ все возрастаетъ, и то, что вначалѣ носило характеръ чисто парламентскаго конфликта, превращается мало-по-малу въ народную агитацію. Въ Сегединѣ, вслѣдствіе безтактности одного изъ ротныхъ командировъ, дѣло чуть-чуть не дошло до открытаго возмущенія и Френсись Кошутъ снова сдѣлался центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются всѣ венгерскіе патріоты.

Ни одно имя не повторяется такъ часто въ венгерской политикѣ, какъ имя Френсиса Кошута, старшаго сына покойнаго національнаго героя. Около него группируются сторонники политики пассивнаго сопротивленія въ противоположность той части партіи независимости, которая, вмѣстѣ съ Барабашемъ, отрицаетъ всякое соглашеніе, основанное на незначительныхъ уступкахъ правительства. Партія независимости имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа заставить корону измѣнить свою точку зрѣнія, выраженную въ знаменитомъ приказѣ по арміи, опубликованномъ въ Хлопахъ и въ королевскомъ манифестѣ къ націи; эти способы: активное сопротивленіе

*) Когда писались эти строки, венгерскій кабинетъ еще не былъ сформированъ.

агитація, которая, однако, легко можетъ повести къ уличнымъ безпорядкамъ и столкновеніямъ, если не прямо къ гражданской войнѣ, или же стойкая, но спокойная оппозиція и оборонительное положеніе по отношенію къ правительству и коронѣ. Кошутъ, напечатавшій нѣчто въ родѣ манифеста въ своемъ органѣ, предостерегаетъ націю отъ актовъ насилія и возмущенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, «теперешняя борьба легко можетъ перейти въ серьезную драму, въ которой будущее цѣлой націи будетъ поставлено на карту». Но тѣмъ не менѣе Кошутъ не намѣренъ идти на уступки правительству. «Благоразумно ли было или нѣтъ сосредоточивать все вниманіе на вопросѣ о языкѣ команды въ арміи,—говоритъ Кошутъ,—и придавать ему такой характеръ, который затрагиваетъ важнѣйшіе интересы націй—это, конечно, вопросъ спорный тѣмъ болѣе, что вѣдь 36 лѣтъ нѣмецкій языкъ занималъ это положеніе, не вызывая никакихъ споровъ. Но во всякомъ случаѣ теперь, когда вопросъ этотъ выдвинутъ на сцену, нація не можетъ отказаться отъ него, не отказавшись въ то же время отъ своихъ священныхъ правъ. Она должна настаивать на своемъ правѣ, но такъ какъ, вслѣдствіе соглашенія 1867 г. всѣ матеріальныя силы сосредоточены въ рукахъ короны, то партія независимости конечно не можетъ, надѣяться выиграть, прибѣгая къ тактикѣ насилія». «Пассивное сопротивленіе съ соблюденіемъ абсолютнаго спокойствія и осторожности вотъ мое рѣшеніе», пишетъ онъ далѣе въ своей статьѣ. «Мы должны заставить убѣдиться императора, отъ котораго его совѣтники скрываютъ истинный смыслъ венгерскихъ законовъ, что желанія венгерской націи нисколько не задѣваютъ его прерогативъ и не наносятъ никакого ущерба арміи, которая составляетъ предметъ его величайшихъ попеченій».

Но сдержанность и умѣренность, которыя проповѣдуетъ Кошутъ, не встрѣчаютъ сочувствія въ остальной части партіи независимости. Одинъ изъ представителей фракціи крайнихъ пишетъ: «тотъ, кто желаетъ мира, во что бы то ни стало, долженъ эмигрировать изъ Венгріи. Нація не должна подвергаться позору. Довольно «лимонадной политики», пора возвысить голосъ и постоять за право!» На послѣдней конференціи партіи независимости произошли въ высшей степени бурныя пренія, и положеніе Кошута, какъ лидера партіи сильно пошатнулось, но такъ какъ имя Кошута обладаетъ все-таки сильнымъ обаяніемъ въ народныхъ массахъ, то, вѣроятно, онъ удержитъ руководство партіей въ своихъ рукахъ.

Между прочимъ императоръ Францъ-Іосифъ чрезвычайно вяло ведетъ переговоры и даже не пожелалъ самъ отправиться въ Будапештъ, что было бы уступкой общественному мнѣнію Венгріи, а призываетъ къ себѣ въ Гофбургъ разныхъ мадьярскихъ политиковъ, съ которыми находитъ нужнымъ посовѣтоваться. Чрезвычайное ожесточеніе партіи и бурныя сцены, происходившія въ венгерскомъ парламентѣ, а также невозможность образовать въ Венгріи министерство, казалось, должны были убѣдить императора, что нельзя долѣе натягивать струну и то, чѣмъ могла удовлетвориться Венгрія во времена Деака, теперь уже оказывается слишкомъ мало. Теперь какъ будто снова воскресаютъ старыя обиды, ненависть и подозрительность, поднимаясь на

поверхность словно пузыри газа со дна болота и указывая на глубокій процессъ броженія, происходящій на днѣ. Даже не преувеличивая нисколько значенія событій происходящихъ въ Венгріи, не драматизируя чрезмѣрно положенія, все-таки нельзя отрицать его серьезности, такъ какъ кризисъ, переживаемый Венгріей, изъ чисто парламентскаго, и даже до нѣкоторой степени искусственнаго, превратился теперь въ политическій, министерскій и правительственный и легко можетъ въ концѣ концовъ сдѣлаться конституціоннымъ, органическимъ и національнымъ. То, что именно съ юбилеемъ Деака совпалъ первый рѣшительный ударъ, нанесенный его зданію, заставляетъ предполагать, что дни этого зданія сочтены.

Когда мы дописывали эти строки, получено было извѣстіе о сформированіи венгерскаго кабинета. Графъ Тисса назначенъ министромъ-президентомъ. Это достаточно ясно указываетъ, какое направленіе принимаетъ австрійская политика по отношенію къ Венгріи.

Культуркампфъ во Франціи.—Феминизмъ въ политико-экономическомъ обществѣ. До сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность число школьныхъ учениковъ, которые должны теперь перейти въ государственныя свѣтскія школы, вслѣдствіе закрытія конгрегаціонныхъ школъ. Новый учебный семестръ уже начался и школьныя власти, ожидая наплыва учениковъ, вездѣ заранѣе приняли мѣры, пригласили новыхъ учителей и учительницъ, открыли новые классы и т. д. Однако, какъ оказывается, наплывъ учениковъ далеко не такъ великъ, какъ ожидали и надѣялись, особенно въ Парижѣ, гдѣ прибыль учениковъ въ свѣтскихъ школахъ весьма невелика. Сенская префектура уже опубликовала нѣкоторыя цифры; такъ въ школахъ для мальчиковъ прибыло 1.900 учениковъ, а для дѣвочекъ 3.200—въ самомъ Парижѣ и 1.600 мальчиковъ и 3.200 дѣвочекъ въ школахъ предмѣстья.

Такой незначительный приростъ отчасти объясняется тѣмъ, что число конгрегаціонныхъ школъ въ Парижѣ подлежавшихъ закрытію, было сравнительно невелико (26 въ самомъ городѣ и 43 въ предмѣстьяхъ), что главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что большинство духовныхъ школъ въ Парижѣ находится въ рукахъ конгрегаціи «Frères des écoles chrétiennes», разрѣшенной уже около сотни лѣтъ тому назадъ, и поэтому школы эти не подлежатъ закрытію. Тѣмъ не менѣе французская радикальная печать не скрываетъ своего разочарованія по поводу ничтожныхъ результатовъ противъ конгрегацій, именно въ области школьнаго образованія. Благодаря тому, говорятъ французскія газеты, что законъ Фаллу о свободѣ преподаванія еще не отмѣненъ, сторонники конгрегаціи вмѣсто закрытія конгрегаціонныхъ школъ и даже зачастую въ томъ самомъ помѣщеніи, поотрывали другія школы, которыя, хотя и не называются конгрегаціонными, но все же продолжаютъ вести преподаваніе въ духѣ конгрегацій. Изъ 69 закрытыхъ въ Парижѣ конгрегаціонныхъ школъ, только 31 возобновились тотчасъ же подъ другимъ именемъ и само собою разумѣется, что родители, желавшіе воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ конгрегацій, продолжаютъ ихъ держать въ такихъ школахъ, гдѣ этотъ духъ

все еще господствуетъ, несмотря на перемѣну названія и даже учебнаго персонала.

На конгрессѣ радикальной и радикально-соціалистической партіи въ Марсели, этой крѣпости французскаго антиклерикализма и радикализма, не была обойдена молчаніемъ неудача въ области школьнаго воспитанія и такъ какъ марсельскій конгрессъ не былъ только простымъ состязаніемъ въ краснорѣчіи, а конгрессомъ господствующей партіи во Франціи, то его резолюціи получали особенное значеніе, такъ какъ они указывали правительству пути, по которымъ оно должно было слѣдовать. Само собою разумѣется, что пренія главнымъ образомъ вращались около вопроса, какъ помѣшать клерикализму обходить законъ и забирать въ руки преподаваніе. И всякій разъ, когда пренія кончались резолюціями, то большинство всегда оказывалось на сторонѣ приверженцевъ политики «jusqu'au bout», и, конечно, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и отмѣна конкордата былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Этотъ вопросъ, впрочемъ, не вызвалъ никакихъ разногласій и пренія приняли возбужденный характеръ только тогда, когда на сцену выдвинутъ былъ школьный вопросъ и выступили двѣ противоположныя доктрины, обѣ имѣющія своихъ представителей въ правительственныхъ партіяхъ. Приверженцы одной изъ нихъ, съ профессоромъ Бюисономъ во главѣ, требуютъ закрытія всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, а болѣе радикальная доктрина «молодыхъ», гг. Лентильяка и Анри Беранже, коротко и ясно высказывается въ пользу «государственной монополіи школьнаго преподаванія». Громадное большинство членовъ конгрессовъ, въ виду печальнаго опыта съ закрытіемъ конгрегаціонныхъ школъ, высказалось въ пользу государственной монополіи, заявляя, что въ борьбѣ съ такимъ зломъ возможны только радикальныя мѣры!

Незадолго до этого конгресса происходилъ въ Марсели конгрессъ союзовъ учителей и учительницъ. Между прочимъ на этомъ конгрессѣ была вотирована интересная резолюція, изгоняющая изъ школъ какія бы то ни было картины военнаго содержанія, изображенія сраженій и т. п., на томъ основаніи, что такія картины оказываютъ вредное вліяніе на дѣтскую душу и умъ. Всѣ эти картины, воспитывающія въ дѣтяхъ милитаристскій духъ и преклоненіе передъ силой, предполагается замѣнить изображеніями домашняго очага, въ родѣ напр., слѣдующаго: ребенокъ приготовляетъ уроки, въ то время какъ мать его приготовляетъ ужинъ и т. д. Вообще тенденція этого когресса «Sociétés amicales d'instituteurs et d'institutrices» была рѣзко враждебна всему, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ войнѣ и ея дѣятелямъ. Клерикализмъ имѣлъ такихъ же рѣшительныхъ враговъ на этомъ конгрессѣ, какъ и милитаризмъ. Резолюціи и пренія, происходившія на этомъ конгрессѣ, подали поводъ къ ожесточенной полемикѣ, и надо полагать, что борьба на почвѣ школьнаго преподаванія во Франціи затянется надолго.

Послѣднее сообщеніе общества политической экономіи въ Парижѣ ознаменовалось тѣмъ, что въ первый разъ въ этомъ обществѣ женщинѣ было дано слово и она сдѣлала докладъ по слѣдующему вопросу: «Можетъ ли феминизмъ

ожидать поддержки отъ экономистовъ или долженъ ихъ опасаться?» Г-жа Мельо, прочитавшая этотъ докладъ, сначала широкими чертами обрисовала положеніе женщины въ различныхъ странахъ и историческій ходъ феминизма. Она указала на то, что повсюду эмансипація женщины явилась неизбѣжнымъ результатомъ промышленнаго прогресса, изобрѣтенія машинъ и перемѣщенія центра тяжести человѣческой дѣятельности. Женщина очень часто бываетъ поставлена въ необходимость покидать свой домашній очагъ и работать на фабрикахъ и въ мастерскихъ, т.-е. внѣ своего дома. Затѣмъ г-жа Мельо выставила на видъ всѣ несообразности французскаго гражданскаго кодекса, который въ одномъ случаѣ относится къ женщинѣ какъ къ рабѣ, а въ другомъ—какъ къ существу свободному, смотря по тому о чемъ идетъ дѣло, о правахъ или обязанностяхъ. Такъ напр., статья 8-я гражданскаго кодекса говоритъ: «Всякій французъ пользуется гражданскими правами», и французскіе юристы, разъясняя эту статью, заявляютъ, что подъ словомъ «французъ» нельзя понимать «француженку». Затѣмъ въ статьѣ 15-й говорится: «Французъ можетъ быть препровожденъ во французскій трибуналъ по обязательствамъ заключеннымъ заграницей, даже съ иностранцемъ», и французскіе юристы единогласно постановляютъ рѣшеніе уже въ обратномъ смыслѣ, т.-е., что подъ словомъ «французъ» надо подразумѣвать и «француженку». Итакъ, въ первомъ случаѣ мужчина отстраняетъ женщину, а во второмъ онъ надѣваетъ ей петлю на шею!

Въ своемъ заключеніи г-жа Мельо говоритъ, что такъ какъ право труда есть права естественное, первоначальное, то феминизму нечего опасаться экономистовъ. И такъ какъ экономисты—къ чести ихъ будь сказано—проповѣдуютъ пользованіе всѣми правами, не боятся конкуренціи и желаютъ повышенія производительности, то они поэтому уже не могутъ враждебно относиться къ экономической эмансипаціи женщинъ, и феминизмъ можетъ разсчитывать на ихъ поддержку.

Докладъ г-жи Мельо имѣлъ большой успѣхъ и вызвалъ очень оживленныя пренія. Большинство ораторовъ указывало на вредное вліяніе работы женщинъ внѣ дома, выражающееся уменьшеніемъ числа рожденій. Женщина должна оставаться у своего домашняго очага, говорили они, притомъ же свобода труда, которой добиваются феминисты вызоветъ только переполненіе рынка труда. Женщинѣ платятъ меньше, потому что у нея меньше потребностей; она сама можетъ готовить для себя кушанье и не ходитъ въ кафе, слѣдовательно расходуетъ меньше, но есть страны, гдѣ женщины исполняютъ такія же тяжелыя работы, какъ и мужчины. Одинъ изъ членовъ общества, г. Соважъ, разсказалъ, что онъ посѣтилъ однажды верфь въ Будапештѣ, гдѣ женщины были каменьщиками, причемъ мужчины предоставляли имъ наиболѣе трудныя работы. Тѣ же самыя условія приходится наблюдать среди берегового населенія во Франціи. Мужчины только отправляются въ море и не занимаются полевыми работами, которыя всецѣло лежатъ на женщинахъ. Заработная же плата женщинъ всегда ниже, но не потому, чтобы женскій трудъ былъ ниже по качеству и количеству, а вслѣдствіе того, что наниматели увѣрены, что женщина не можетъ защищать свои права. Вопросъ о заработной платѣ самый трудный и

равенство въ этомъ отношеніи будетъ достигнуто лишь съ большими усиліями. Что же касается ходячаго убѣжденія, что работа женщинъ внѣ дома уменьшаетъ число дѣторожденій, то ораторъ на это возразилъ, что во Франціи, какъ разъ наоборотъ, число рожденій уменьшается отнюдь не въ рабочей средѣ, а въ свѣтской средѣ, гдѣ женщина не ходитъ на работу, а живетъ въ своемъ салонѣ, который, однако, еще болѣе отвлекаетъ ее отъ ея материнскихъ обязанностей, нежели какой-либо профессіональный трудъ.

Въ Парижѣ существуетъ нѣсколько женскихъ ассоціацій, спеціально имѣющихъ цѣлью оказывать поддержку трудящимся женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ, пріѣзжающимъ въ Парижъ учиться. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Cercle Amicitia» (Rue Royal, 12) носитъ международный характеръ. Это общество посылаетъ своихъ членовъ на вокзалы для оказанія содѣйствія молодымъ иностранкамъ, впервые пріѣзжающимъ въ Парижъ. При обществѣ имѣется родъ клуба, читальня, библіотека, женскій ресторанъ и садъ, а также тридцать комнатъ, которыя отдаются въ наймы отъ 35 до 40 фр. въ мѣсяцъ съ утреннимъ кофе. Ассоціація «Guide Internationale» (Rue de la Sorbonne, 6) служитъ сборнымъ пунктомъ для студентокъ всѣхъ національностей. Въ помѣщеніяхъ этого общества устраиваются публичныя лекціи и ежегодные курсы французскаго языка для пріѣзжающихъ иностранокъ. Важнѣйшимъ учрежденіемъ этого общества является справочное бюро, куда студентки могутъ обращаться за всѣми нужными имъ свѣдѣніями, будутъ ли они касаться ученія, программъ и курсовъ, или вопросовъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія.

«Cercle du travail feminin» (Boulevard des Capucines, 35) устроенъ для работницъ и женщинъ, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Тутъ онѣ могутъ проводить свободные часы, читать и заниматься, а также два раза въ недѣлю слушать безплатные курсы языковъ, французскаго, англійскаго и нѣмецкаго и обучаться техническому рисованію, кройкѣ, стенографіи и бухгалтеріи. Въ случаѣ болѣзни, члены этой ассоціаціи пользуются безплатнымъ леченіемъ. Кромѣ того, при обществѣ находятся два адвоката, которые подаютъ юридическіе совѣты, и бюро для пріисканія занятій.

Въ Германіи. Приближеніе выборовъ въ прусскую палату депутатовъ вызываетъ усиленную дѣятельность среди различныхъ германскихъ политическихъ партій. Особенно зашевелились національ-либералы, которые на ежегодномъ съѣздѣ своей партіи въ Ганноверѣ обсуждали свои шансы на успѣхъ и пришли къ весьма благопріятнымъ выводамъ. Въ своемъ воззваніи къ прусскимъ избирателямъ они заявляютъ, что на послѣднихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ число голосовъ національ-либеральной партіи возросло до 300.000. Конечно, чудовищный успѣхъ соціалъ-демократовъ набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на эту картину, которая должна была бы указывать на возрожденіе въ германской націи симпатіи къ тѣмъ національнымъ и либеральнымъ принципамъ, представителями которыхъ служитъ партія. Національ-либералы, однако, не теряютъ надежды побѣдить на предстоящихъ выборахъ и смѣло вступаютъ

въ состязаніе съ опаснымъ врагомъ. Ораторы національ-либеральной партіи съ большимъ жаромъ высказались противъ кооперації съ соціалъ-демократами. Если могла быть какая-нибудь рѣчь объ этомъ раньше, то послѣ побѣды фракціи непримиримыхъ на дрезденскомъ конгрессѣ никакія колебанія уже невозможны. Національ-либералы не могутъ идти рука объ руку съ тѣми, кого они считаютъ опасными врагами государства и общества. Партія должна удвоить свои усилія для борьбы съ ними. Но другимъ, столь же опаснымъ врагомъ національ-либералы считаютъ клерикаловъ. Правительство въ рейхстагѣ, во всѣхъ вопросахъ, касающихся національной обороны и ратификацій коммерческихъ договоровъ, находится въ зависимости отъ клерикальнаго центра, который, конечно, не захочетъ даромъ отдавать своихъ услугъ и потребуетъ въ уплату различныхъ уступокъ своимъ желаніямъ въ Пруссіи. Съ консерваторами также надо бороться, говорятъ національ-либералы, такъ какъ, помимо крайне вреднаго вліянія, оказываемаго ими на административную систему, они преслѣдуютъ еще крайне одностороннюю политику классовыхъ интересовъ, наносящую ущербъ общему благосостоянію страны.

Такимъ образомъ всѣ германскія политическія партіи заняты теперь мобилизаціей своихъ силъ, но выборы въ прусскую палату депутатовъ далеко не въ такой степени волнуютъ германское общество, какъ выборы въ рейхстагъ. Органы различныхъ партій печатаютъ воззванія къ избирателямъ и статьи, обсуждающія шансы той или другой партіи, но особеннаго оживленія полемики незамѣтно. Гораздо болѣе шума и толковъ въ печати вызвали недавно происходившія вагнеровскія празднества, по случаю открытія памятника Вагнеру въ Берлинѣ. По отзывамъ газетъ, это была настоящая трагикомедія, вагнеровское празднество безъ Вагнера, но съ фабрикантомъ жирной пудры Лейхнеромъ во главѣ! Правда, Лейхнеръ пожертвовалъ полмилліона за эту честь, и если онъ хотѣлъ рекламы, то цѣль его достигнута; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ газетные столбцы были наполнены его именемъ, а сатирическіе листки каррикатурами, изображавшими его. Такимъ образомъ, если онъ еще не прославился изобрѣтеніемъ жирной пудры, то теперь его имя прогремѣло во всемъ читающемъ и музыкальномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случилось нѣчто странное: ни одинъ изъ членовъ семьи знаменитаго композитора не явился, ни одинъ изъ выдающихся композиторовъ Германіи не участвовалъ въ праздникѣ, даже тѣ, которые были въ это время въ Берлинѣ, не почтили праздника своимъ присутствіемъ; поэтому и музыкальная программа праздника ничего общаго не имѣла съ тѣмъ, чье имя собирались чествовать. Ни первоклассный оркестръ, ни первоклассные артисты не участвовали въ исполненіи программы, все было изъ рукъ вонъ плохо, и музыкальная часть празднества совершенно не удалась. Однимъ словомъ музыкальный міръ совершенно отсутствовалъ на праздникѣ, который долженъ былъ касаться его ближе всего. Газеты были полны всякихъ догадокъ и предположеній, но, кажется, наиболѣе вѣрное объясненіе заключалось въ томъ, что Лейхнеръ поссорился съ госпожою Косимой Вагнеръ и ея сыномъ Зигфридомъ. Заплативъ полмилліона, онъ вовсе не хотѣлъ играть роль «quantité négligeable» въ этомъ празднествѣ и поэтому желалъ

сохранить въ своихъ рукахъ руководительство во всемъ, даже въ музыкальной программѣ. Онъ былъ предсѣдателемъ вагнеровскаго комитета и желалъ оставаться таковымъ. Но «коса нашла на камень», госпожа Вагнеръ удалилась, а вмѣстѣ съ нею и всѣ представители музыкальнаго міра и поэтому открытіе памятника великому музыкальному генію Германіи оказалось скорѣе праздникомъ косметическаго торговца Лейхнера, нежели праздникомъ Вагнера.

Въ Веймарѣ, въ годовщину рожденія покойнаго германскаго философа Ницше состоялось скромное торжество, въ которомъ принималъ участіе небольшой кружокъ ученыхъ, художниковъ и писателей. Сестра покойнаго философа, госпожа Фёрстеръ, пригласила ихъ на открытіе бюста Ницше, работы художника Макса Клингера, и устроеннаго профессоромъ Вандевельде архива Ницше. Торжество, на которомъ присутствовало 60 человѣкъ, началось пѣніемъ одного стихотворенія Гейбеля, переложеннаго Фридрихомъ Ницше на музыку въ 1887 году. Музыка написана въ духѣ Шумана и указываетъ, что Ницше не былъ лишенъ музыкальнаго таланта. Кромѣ этой пѣсни, было исполнено еще одно музыкальное произведеніе Ницше: стихи Петёфи, переложенные на музыку, и затѣмъ два его стихотворенія, также переложенныя на музыку, но уже другимъ композиторомъ.

Боснійскій Мазаніелло. Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени оккупаціи Босніи и поэтому въ австрійской печати появились воспоминанія объ этомъ періодѣ. Какъ извѣстно, оккупація совершилась вовсе не такъ гладко, какъ это думалъ графъ Андраши. Въ Босніи сначала не хотѣли повѣрить, что султанъ далъ свое согласіе на то, чтобы габсбургская монархія вводила порядокъ въ провинціи, и когда сомнѣнія на этотъ счетъ исчезли, то султанъ былъ объявленъ измѣнникомъ исламу, передавшимъ въ руки невѣрныхъ мусульманскую страну. Волненіе, вызванное этимъ обстоятельствомъ все усиливалось и, наконецъ, перешло въ настоящее возстаніе, во главѣ котораго всталъ Хаджи Лойо, прозванный боснійскимъ Мазаніелло.

Это было 5-го іюля 1878 года. Съ высоты минаретовъ раздался призывъ муэззиновъ къ молитвѣ и огромная толпа направилась къ главной мечети въ Сараево. Когда кончилось моленіе, которое прошло въ полномъ спокойствіи, толпа вдругъ заволновалась, и всѣ взоры обратились на стоящую во дворѣ мечети старую развѣсистую липу, подъ сѣнью которой начинались всѣ возстанія въ Сараево. И на этотъ разъ ожиданія толпы не были обмануты; подъ липою стоялъ человѣкъ геркулесовскаго роста и держалъ въ рукахъ зеленое мусульманское знамя. «Хаджи Лойо!» пронеслось въ толпѣ и безъ малѣйшаго колебанія, по одному только знаку этого бывшаго атамана разбойниковъ, хорошо извѣстнаго въ Босніи, толпа ринулась за нимъ по направленію къ дворцу турецкаго вали. Во дворцѣ было уже получено извѣщеніе о начавшемся возстаніи, и вали, до смерти перепуганный, созвалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ для совѣщанія о мѣрахъ борьбы съ возставшимъ населеніемъ Сараева. Военный комендантъ Вели-паша совѣтовалъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и вытребовать войска, прибавивъ при этомъ, что онъ не ручается за боснійскіе

батальоны, вслѣдствіе чего необходимо вызвать другіе, а пока окружить губернаторскій дворецъ жандармеріей и зарядить обѣ пушки, стоящія у дворца. Между тѣмъ толпа окружила дворецъ и наполнила дворъ. Хаджи Лойо все время находился впереди и своими зажигательными рѣчами противъ турецкихъ властей все болѣе и болѣе возбуждалъ толпу. Однако, несмотря на то, что возстаніе разгоралось не на шутку, толпа все-таки не позволила себѣ никакихъ безчинствъ на улицахъ и кровопролитныхъ столкновеній не произошло. Толпа отправила къ вали депутацію и прежде всего потребовала смѣны военнаго коменданта. Такъ какъ боснійскіе солдаты, какъ и предсказывалъ комендантъ, перешли на сторону повстанцевъ, то положеніе приняло критическій характеръ и комендантъ, понявъ это, удалился самъ, чтобы успокоить толпу. Этотъ первый успѣхъ возстанія вызвалъ большое ликованіе и наконецъ поздно ночью толпа разошлась по домамъ. На утро, однако, повторилось тоже самое и власти увидѣли себя вынужденными капитулировать передъ народнымъ вождемъ, какимъ въ однѣ сутки сдѣлался Хаджи Лойо. Губернаторъ (вали) послалъ ему сказать, что онъ ему прощаетъ всѣ его прежнія преступленія и проступки и приглашаетъ его явиться во дворецъ для переговоровъ. Хаджи Лойо, какъ тріумфаторъ, пошелъ къ губернатору въ сопровожденіи свиты изъ 1.000 человѣкъ. На улицѣ вездѣ народъ восторженно привѣтствовалъ его, называлъ его «своимъ избавителемъ». Гордо вступилъ помилованный разбойникъ во дворецъ, гдѣ и былъ принятъ губернаторомъ съ большою торжественностью. Губернаторъ, угостивъ его мокка и сигарами, обѣщалъ выполнить всѣ требованія народа. Послѣ этого Хаджи Лойо сдѣлался неограниченнымъ властителемъ въ Сараево, власти дрожали передъ нимъ, а народъ безпрекословно повиновался ему и слѣпо шелъ за нимъ всюду. Христіане въ страхѣ ожидали, что начнется рѣзня, но къ чести Лойо будь сказано, этотъ бывшій разбойникъ не произвелъ никакихъ грабежей и убійствъ въ городѣ, хотя могъ бы безнаказанно ввести настоящій терроръ въ Сараево. Народъ боготворилъ его и ожидалъ отъ него великихъ благъ и милостей, но торжество его продолжалось недолго. Онъ сдѣлался неудобенъ для боснійскихъ нотаблей, которые вначалѣ думали употребить его лишь какъ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей, но когда это оказалось невозможно, такъ какъ онъ переросъ ихъ цѣлою головой, то они стали придумывать способъ какъ бы отъ него отдѣлаться. Кстати подоспѣли и австрійскія войска. Національное правительство, образованное изъ нотаблей города при поддержкѣ Лойо, постановило во чтобы то ни стало «прогнать швабовъ». Пылкій Лойо похвалялся сдѣлать это и ему было поручено командованіе отрядомъ, который отправился на встрѣчу австрійцамъ, но онъ вернулся на разсвѣтѣ въ городъ, не видавъ врага. Правительство воспользовалось этимъ предлогомъ, чтобы судить Лойо за дезертированіе съ поля битвы. Его призвали во дворецъ для объясненій и онъ отправился туда, но такъ какъ друзья предупредили его, что его смерть рѣшена, то онъ пошелъ въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ и вооруженный. Однако, едва онъ успѣлъ вступить на первую ступень лѣстницы, какъ раздался выстрѣлъ и онъ упалъ раненый въ ногу. Увѣряли, что это его собственный карабинъ нечаянно выстрѣлилъ.

Съ этой минуты, однако, счастье ему измѣнило. Правда, онъ пробовалъ, лежа въ постели, раненый, поддержать возстаніе, но съ австрійскими войсками борьба оказалась не подъ силу. Когда войска заняли Сараево, то Лойо исчезъ. Спустя два мѣсяца, когда возстаніе было совершенно подавлено, его нашли австрійскіе солдаты, больного, въ хижинѣ, вблизи сербской границы. Его привезли въ Сараево, помѣстили въ больницу для излеченія раны и затѣмъ по выздоровленіи, заключили въ тюрьму, гдѣ онъ отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда его выпустили, онъ уѣхалъ въ Мекку, такъ какъ Боснія была уже потеряна для мусульманъ.

Феминизмъ въ Германіи и др. мѣстахъ. Судя по отчетамъ нѣмецкихъ и англійскихъ феминистскихъ органовъ, феминизмъ прогрессируетъ во всѣхъ областяхъ политической и экономической жизни. Д-ръ правъ Анита Аугсбургъ въ своемъ послѣднемъ обзорѣ положенія вопроса объ избирательныхъ правахъ женщинъ приходитъ къ весьма утѣшительнымъ выводамъ. Въ Австраліи, напр., около милліона женщинъ уже получили право голоса на политическихъ выборахъ и, несмотря на скептическія разсужденія консервативной партіи, выказали желаніе воспользоваться своими правами, спѣша занести свои имена въ избирательные списки. Тѣмъ не менѣе цѣль австралійскихъ феминистовъ еще не достигнута, такъ какъ хотя женщины получили право голоса на выборахъ въ австралійскій федеральный парламентъ, но онѣ еще не пользуются имъ на выборахъ въ палаты депутатовъ во всѣхъ штатахъ. Въ штатѣ Викторія билль, распространяющій избирательное право на женщинъ, прошелъ въ палатѣ депутатовъ, но былъ отвергнутъ верхнею палатою. Въ Тасманіи ожидаютъ отъ новаго министерства разрѣшенія этого вопроса въ благопріятномъ для феминистовъ смыслѣ.

Въ Соединенныхъ штатахъ результаты женскаго движенія уже очень значительны. Въ Уомингѣ, Колорадо, Утахѣ и Идаго женщины пользуются совершенно такими же правами, какъ и мужчины. Парламенты Аризоны и Нью-Гемпшайра вотировали недавно резолюцію, распространяющую избирательное право на женщинъ, но veto губернатора помѣшало ея выполненію.

Въ Англіи, въ области школьной администраціи, сдѣланъ шагъ назадъ. Надзоръ за учебными заведеніями переданъ общинамъ и совѣтамъ графствъ, куда женщины пока не допускаются, между тѣмъ раньше, въ теченіе тридцати лѣтъ, онѣ участвовали во всѣхъ комитѣтахъ администраціи и надзора за школами. Мало надежды на то, чтобы женщины въ скоромъ времени добились расширенія своихъ правъ въ Голландіи, хотя либерально-демократическая партія и внесла въ палату предложеніе расширить права женщинъ, но въ Даніи феминизмъ имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ большинство палаты расположено въ пользу такой реформы, а въ Норвегіи она уже принята парламентомъ.

Въ другихъ странахъ, въ области не политической, феминизмъ добился такихъ успѣховъ, которыми пренебрегать не слѣдуетъ. Въ Австріи, напр., число учительницъ возросло за послѣдніе четыре года на 15%, тогда какъ число

учителей умножилось въ то же время на 7%. Это во всякомъ случаѣ указываетъ на увеличеніе числа смѣшанныхъ школъ и на то, что учительницы назначаются и въ мужскіе классы. Такое же увеличеніе числа служащихъ женщинъ замѣчается и въ другихъ вѣдомствахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, телефонахъ и почтѣ. Между прочимъ въ Тиролѣ одна дама писательница сдѣлана членомъ бюро цензуры.

Въ Берлинѣ существуютъ два феменистскихъ клуба; одинъ основанъ 15 лѣтъ тому назадъ, это «Deutsche Frauenklub», а другой называется «Berliner Frauenklub 1900». Этотъ клубъ является теперь до нѣкоторой степени центромъ женскаго движенія въ Германіи. Корреспондентъ одной французской газеты, интересующійся положеніемъ женскаго вопроса въ разныхъ странахъ, посѣтилъ этотъ клубъ и вынесъ впечатлѣніе, что пропаганда женскаго движенія въ Германіи поставлена весьма серьезно. Одна изъ дамъ учредительницъ, которую онъ разспрашивалъ объ успѣхахъ феминизма въ Германіи, сказала ему, что женщинамъ приходится преодолѣвать большія затрудненія вслѣдствіе враждебнаго отношенія оффиціальныхъ учрежденій и господства традиціонной бюрократіи и рутины въ германской жизни. Однако, все же удалось добиться того, что въ бюро санитарной инспекціи полиціи нравовъ назначена женщина, но вообще въ области медицинской и адвокатской практики женщинамъ особенно трудно бороться съ недоброжелательствомъ и рутинными взглядами германскаго общества. На вопросъ корреспондента, ведетъ ли женскій клубъ активную и оффиціальную открытую пропаганду въ пользу реформаторскихъ идей, учредительница отвѣчала: «Къ сожалѣнію, этого нельзя. Такъ какъ мы женщины, то лишены права учреждать такое общество, которое бы открыто преслѣдовало политическія цѣли и организовало бы движеніе. Германскіе законы не допускаютъ этого, такъ какъ они не признаютъ за женщинами такого же права ассоціаціи, какое имѣютъ мужчины. Нашъ клубъ представляетъ частный кружокъ и при малѣйшей попыткѣ съ нашей стороны открытаго вмѣшательства въ какіе-нибудь вопросы и устройства коллективныхъ и публичныхъ собраній и манифестацій полиція немедленно бы закрыла нашъ клубъ; поэтому-то клубъ и не можетъ открыто вмѣшиваться въ борьбу за права женщины и долженъ воздерживаться отъ воинствующаго направленія. Мы не составляемъ авангарда, но образуемъ резервъ, не допускающій ни малѣйшаго движенія назадъ. Клубъ служитъ мѣстомъ собранія женщинъ. Взносъ невеликъ, всего шесть марокъ, и поэтому трудящіяся женщины охотно поступаютъ членами. Пропаганда же прогрессивныхъ идей ведется не съ каѳедры, какъ въ другихъ мѣстахъ, а посредствомъ общенія и разговоровъ съ сторонницами передовыхъ взглядовъ. Такіе частные разговоры иногда даже больше могутъ сдѣлать, чѣмъ открытая пропаганда. Молодыя дѣвушки, впервые переступающія порогъ домашняго очага, встрѣчаются у насъ съ женщинами передовыми, самостоятельными и кругозоръ ихъ расширяется. Такимъ образомъ передовыя идеи движутся впередъ и ничто не можетъ задержать ихъ развитія...»

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Дѣло Дрейфуса и французская литература.—Кризисъ на французскомъ книжномъ рынкѣ.—Взглядъ геолога на войну.—Женское избирательное право въ Новой Зеландіи.

Дѣло Дрейфуса раздѣлило интеллектуальную Францію на два лагеря и такой же расколъ произвело въ литературѣ. Современные французскіе писатели раздѣлились на дрейфусаровъ и антидрейфусаровъ и приняли болѣе или менѣе живое участіе въ спорѣ, волновавшемъ всю Францію. Жоржъ Пелиссье полагаетъ, что посредствомъ изученія ихъ произведеній, написанныхъ раньше знаменитаго дѣла и послѣ него, можно опредѣлить мотивы, побуждавшіе ихъ становиться на ту или другую сторону и выяснить вліяніе, которое дѣло Дрейфуса оказывало на нихъ, обнаруживая глубокія черты характера ихъ личности. Въ своей статьѣ, въ «Revue», Жоржъ Пелиссье анализируетъ въ этомъ направленіи характеръ пяти французскихъ писателей, антидрейфусаровъ—Жюля Леметра, Поля Бурже и Фердинанда Брюнетьера и дрейфусаровъ—Анатоля Франса и Эмиля Золя.

Жюль Леметръ былъ націоналистомъ уже въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ: «Contemporains», «Impressions de théâtre», и эта черта его характера заставляла его отворачиваться отъ всякихъ экзотическихъ произведеній литературы. Онъ любитъ только книги своей родины и даже не считаетъ нужнымъ соблюдать справедливость въ своихъ сужденіяхъ о другихъ странахъ. Онъ упрекалъ Бурже за его пристрастіе къ Англіи и въ своей статьѣ о вліяніи сѣверныхъ литературъ, написанной лѣтъ восемь тому назадъ, ясно выказалъ свое нерасположеніе къ этимъ «варварскимъ писателямъ, одни имена которыхъ рѣжутъ французское ухо». Онъ доказывалъ, что все, чѣмъ восхищаются современные французы у этихъ писателей, заимствовано ими у французскихъ же авторовъ. Жюль Леметръ не считалъ бы себя достаточно патріотомъ, если бы онъ не былъ болѣе или менѣе шовинистомъ. Но шовинизмъ и націонализмъ этого писателя не высказывались такъ ярко и держались въ извѣстныхъ границахъ, пока не возникло дѣло Дрейфуса. Жюль Леметръ ринулся въ политику, сдѣлался журналистомъ, основалъ лигу и взялъ на себя роль «защитника и мстителя французскаго отечества». Его патріатизмъ превратилъ его изъ литератора въ главу партіи; онъ потерялъ всякую сдержанность, сдѣлался несправедливымъ, ненавистникомъ и фанатикомъ. Въ грубыхъ выходкахъ, которыми были наполнены его статьи, онъ соперничалъ съ Рошфорами и Дрюмонами и часто переходилъ всѣ границы. Такимъ образомъ тлѣющій до этого націонализмъ въ душѣ Жюля Леметра разгорѣлся яркимъ пламенемъ и опредѣлилъ характеръ его дальнѣйшей политической и литературной дѣятельности. Что касается Бурже, то его сдѣлалъ «антидрейфусаромъ» его аристократизмъ. Великосвѣтскіе салоны, откуда онъ заимствовалъ образы своихъ элегантныхъ грѣшницъ, оказывали на него, съ самаго начала его литературной карьеры, такое обаяніе, что онъ не только ассимилировалъ ихъ внѣшній лоскъ и тще-

славіе, но и приспособилъ свой взгляды и вѣрованія ко взглядамъ и вѣрованіямъ, господствовавшимъ въ этихъ салонахъ. Послѣ этого какъ же онъ могъ быть дрейфусаромъ? Вѣдь одно имя Дрейфуса было вульгарнымъ и внушало ему непреодолимое отвращеніе! Притомъ же, если Дрейфусъ не былъ виновенъ въ измѣнѣ, то былъ виновенъ въ томъ, что защитниками его были революціонеры и анархисты! И вотъ дѣло Дрейфуса раздуло въ яркое пламя этотъ аристократизмъ, всегда существовавшій у Бурже, и вызвало со дна его души всѣ предразсудки, всѣ нелѣпыя заблужденія и свирѣпую ненависть, которыя тамъ дремали. Если онъ не послѣдовалъ примѣру Леметра и не вмѣшался въ активную политику, то все же никогда не упускалъ удобнаго случая извергнуть градъ проклятій на демократію. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи только потому, что, по его мнѣнію, всякая партія хороша, если только она борется съ прогрессомъ демократіи, и въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ («Duchesse bleue», «Monique», «Etape») онъ прославляетъ католицизмъ и духъ консерватизма во всѣхъ его формахъ, возставая противъ всякаго индивидуальнаго и соціальнаго прогресса и заявляя, что «всякая доктрина, если только она не такъ стара, какъ общество, есть заблужденіе».

Такія же идеи традиціи проповѣдуетъ и Брюнетьеръ. Противъ дрейфусаровъ Брюнетьеръ выдвигалъ главнымъ образомъ силу состоявшагося рѣшенія. Его литературная философія основывалась на преклоненіи передъ принципами и традиціонными правилами, а гражданская—на принципѣ уваженія властей, установленныхъ обществомъ, прерогативы котораго она ставитъ выше прерогативъ индивида. Онъ всегда поддерживалъ католицизмъ, но не какъ вѣрующій, а лишь съ точки зрѣнія высшей власти, гарантирующей поддержаніе порядка, и только теперь онъ сдѣлался вѣрующимъ и активнымъ католикомъ. Постепенно онъ пришелъ къ заключенію о необходимости подчиненія разума высшей власти.

Если французская интеллигенція такъ рѣзко раздѣлилась въ дѣлѣ Дрейфуса на двѣ группы, то это произошло лишь потому, что она и раньше представляла два направленія. Всегда были и всегда будутъ во Франціи, но лишь подъ другими именами, антидрейфусары и дрейфусары. Антидрейфусары—это тѣ, кто стоитъ за власть, традиціи и вѣру; дрейфусары же не допускаютъ, чтобы кодексъ преобладалъ надъ правомъ и чтобы практическій здравый смыслъ подчинялъ себѣ нравственное чувство и разумъ.

Въ томъ же нумерѣ «Revue» обсуждаются причины кризиса, который переживаетъ въ настоящее время французскій книжный рынокъ. Журналъ опросилъ мнѣніе издателей и журналистовъ и помѣстилъ отвѣты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Фаскель, теперешній владѣлецъ старинной издательской фирмы Шарпантье, утверждаетъ, что кризисъ существуетъ только для тѣхъ издателей, которые не понимаютъ своего дѣла. Читатели не хотятъ болѣе такъ называемыхъ романовъ съ приключеніями и психологическіе романы ихъ также утомляютъ въ настоящее время; они, главнымъ образомъ, интересуются теперь великими соціальными проблемами и такія книги всегда имѣютъ успѣхъ. Совершенно противоположную точку зрѣнія высказываетъ другой издатель, Жю-

ванъ, утверждающій, что публика покупаетъ только занимательные романы и оставляетъ безъ вниманія книги, написанныя на трудно переваримыя соціальныя темы, каково бы ни было ихъ литературное достоинство. Почему Фейлье и Додэ имѣли такой огромный успѣхъ? Потому что ихъ произведенія нравились дамамъ, изъ которыхъ и состоитъ, главнымъ образомъ, публика, читающая романы.

Очевидно, парижскіе издатели имѣютъ далеко не одинаковые взгляды на вкусы и желанія публики, и весьма возможно, что они не всегда попадаютъ удачно, чѣмъ и объясняется застой на книжномъ рынкѣ. Но, кромѣ того, несомнѣнно существуетъ также и перепроизводство. Французскіе издатели жалуются притомъ на то, что, за исключеніемъ «Temps», «Débats», «Liberté», «Figaro», ни одна газета не соглашается печатать ни одного отзыва о книгѣ, ни одной рецензіи, если издатель не заплатитъ ей за это. Управляющій фирмой Оллендорфа говоритъ, что она ежегодно тратитъ, по крайней мѣрѣ, 130.000 франковъ на эти цѣли. Но, конечно, модные романисты и писатели нисколько не страдаютъ отъ кризиса, и, напримѣръ, послѣдній романъ Бурже «L'Etape» разошелся въ 60.000 экземплярахъ, правда, благодаря содѣйствію патеровъ-исповѣдниковъ, рекомендующихъ этотъ романъ своей духовной паствѣ и въ особенности своимъ изящнымъ кающимся грѣшницамъ.

«Естественная исторія войны»—такъ называется статья профессора геологіи гарвардскаго университета Шалера, которая появилась въ журналѣ «International Quarterles» и возбудила вниманіе европейской печати. Профессоръ Шалеръ посвящаетъ свою профессіональную дѣятельность геологическимъ изысканіямъ, но это не мѣшаетъ ему съ такимъ же вниманіемъ относиться къ вопросамъ нравственнаго прогресса расы. Онъ, напр., какъ и многіе другіе ученые, считаетъ войну зломъ и желаетъ ея прекращенія, какъ и всякаго другого зла. Считая, что наука должна способствовать достиженію такого желательнаго результата, онъ изслѣдуетъ вопросъ, какимъ образомъ геологія могла бы, съ своей стороны, содѣйствовать этому. Какъ геологъ, онъ привыкъ искать въ самомъ отдаленномъ прошломъ источниковъ происхожденія настоящаго и поэтому отыскиваетъ причины воинственныхъ наклонностей человѣка въ самыхъ отдаленныхъ, туманныхъ временахъ далекаго прошедшаго. По его мнѣнію, все то, что представляетъ изъ себя человѣкъ въ настоящее время, является результатомъ того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда. Воинственность человѣка зависитъ отъ того, что были такія времена, когда борьба составляла необходимое условіе его существованія. Это непріятная сторона вопроса; пріятная же заключается въ томъ, что человѣкъ робокъ, изворотливъ и въ дѣйствительности питаетъ отвращеніе къ битвамъ, и это потому, что былъ такой періодъ въ развитіи человѣчества, когда предки человѣка не нуждались въ битвахъ. Профессоръ Шалеръ говоритъ, что этотъ миролюбивый періодъ предшествовалъ воинственному періоду и длился гораздо дольше его. Непосредственные предки человѣка гораздо ранѣе третичнаго періода обитали, по словамъ профессора, въ лѣсахъ, теперь находящихся на днѣ Индійскаго океана. Такъ какъ жилищемъ имъ

служили деревья, то они мало подвергались опасности нападенія животныхъ, обитавшихъ на землѣ. Однако, когда умственныя способности этого доисторическаго предка человѣка достигли такого развитія, что онъ уже придумалъ орудіе или оружіе и началъ употреблять его, то тогда онъ спустился на землю и ему пришлось защищаться какъ отъ животныхъ всякаго рода, такъ и отъ своихъ собратьевъ. Въ теченіе всего первобытнаго періода битвы представляли естественную необходимость и онѣ прекратились лишь тогда, когда племя стало государствомъ. Для всякаго же государства, по мнѣнію профессора, война представляетъ неумолимое зло. Но какъ прекратить войны? Это можетъ быть достигнуто только тогда, когда со зломъ будутъ бороться въ самомъ началѣ, т.-е. въ дѣтской и школѣ. Американскій профессоръ находитъ, что надо внушать ребенку съ самыхъ первыхъ лѣтъ, что «война—зло, что это—пережитокъ древнихъ и варварскихъ временъ, когда въ человѣческомъ родѣ преобладали звѣрскіе инстинкты». Когда всѣ поколѣнія будутъ воспитаны въ такихъ взглядахъ, то войны сами собою прекратятся.

Извѣстно, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т.-е. съ 1893 г., право голоса на политическихъ выборахъ было распространено на женщинъ въ Новой Зеландіи. Такимъ образомъ уже прошло достаточно времени, чтобы можно было судить о результатахъ этого соціологическаго опыта. «Nouvelle Revue» обсуждаетъ эти результаты, не лишенные интереса и для европейской публики. Оказывается, что законъ, сдѣлавшій женщину избирательницей, сначала былъ принятъ ими довольно холодно. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ добивались этихъ правъ, но большинство оставалось къ нимъ совершенно равнодушно. Притомъ же вовсе не домогательства женщинъ были главною причиной введенія этой реформы, а скорѣе разныя политическія соображенія партій. Женщины высшихъ и зажиточныхъ классовъ въ особенности отнеслись индифферентно къ этой реформѣ; въ ихъ обществѣ даже рѣшено было, что участвовать въ политическихъ выборахъ неприлично и поэтому онѣ воздерживались отъ нихъ, предоставляя женщинамъ рабочихъ классовъ подавать голоса. Но и эти послѣднія сначала также равнодушно отнеслись къ своимъ правамъ и, пожалуй, также не воспользовались бы ими, еслибъ не ихъ мужья, которые изъ-за личныхъ соображеній побудили ихъ участвовать. Но такое отношеніе и тѣхъ и другихъ продолжалось недолго. Въ первый годъ изъ 109.461 избирательницъ, внесенныхъ въ списки, вотировали только 90.290, въ 1896 изъ 142.305 записавшихся подавали голоса 118.703. Въ 1899 г. записалось 165.215, вотировало 119.150. На послѣднихъ выборахъ въ 1902 году число это еще возросло, и теперь уже несомнѣнно, что женщины заинтересовались и поняли свои права, такъ что избирательницы становятся уже важнымъ факторомъ въ политикѣ и имѣютъ свой центральный органъ, называющійся «Національнымъ совѣтомъ новозеландскихъ женщинъ». Этотъ совѣтъ приготовляетъ законопроекты, которые потомъ вносятся въ парламентъ, и пользуется политическимъ значеніемъ, которое признается всѣми партіями. Тамъ же, въ этомъ совѣтѣ подготовляются и «будущія» депутатки,—будущія потому, что до сихъ поръ хотя

женщины и пользуются избирательными правами, но сами не могутъ быть выбираемы въ парламенты. Однако, и эти права, вѣроятно, будутъ ими получены рано или поздно.

Изслѣдованіе результатовъ избирательной реформы Новой Зеландіи указываетъ между прочимъ тотъ любопытный фактъ, что на ходъ политики участіе женщинъ въ выборахъ не оказываетъ рѣшительнаго вліянія Большинство избирательницъ придерживается умѣренныхъ воззрѣній въ политикѣ и этимъ объясняется то, что въ положеніи вещей не произошло большихъ измѣненій съ тѣхъ поръ, какъ женскіе избирательные бюллетени прибавились къ мужскимъ.

Но если у англосаксонскихъ женщинъ въ такой молодой странѣ, какъ австралійская колонія, преобладаютъ умѣренные взгляды, то въ латинскомъ мірѣ и подавно онѣ оказали бы огромную поддержку консервативнымъ силамъ и, пожалуй, даже ретроградным. Но это, вѣроятно, продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока не произошла бы соотвѣтствующая эволюція, и женщины, получивъ политическое прозрѣніе, не обратились бы противъ тѣхъ самыхъ партій, которымъ онѣ теперь готовы были бы оказать поддержку.

ПИСЬМА ИЗЪ КИТАЯ.

Революціонное движеніе въ Китаѣ.

Послѣ нѣкотораго затишья въ извѣстіяхъ о революціонномъ движеніи на югѣ Китая, мѣстныя газеты сообщаютъ снова, что въ провинціи Гуан-си мятежныя шайки имѣли сраженіе съ мѣстными войсками и разбили ихъ. Правительственныя войска бѣжали, побросали оружіе и амуницію, доставшуюся побѣдителямъ-мятежникамъ.

Возродившееся революціонное движеніе въ провинціи Шенси внушаетъ мѣстнымъ властямъ такое опасеніе, что губернаторъ обратился съ просьбою въ Пекинъ о присылкѣ ему на помощь войскъ.

Несмотря на отдѣльныя и временно удачныя движенія революціонныхъ шаекъ, въ настоящее время руководители этого движенія никоимъ образомъ не могутъ разсчитывать на то, чтобы восторжествовать надъ пекинскимъ правительствомъ. Прежде всего, за истекшіе три года, пекинское правительство неизмѣримо усилилось обученными по европейски войсками, понимающими уже дисциплину, и образованными по европейски офицерами, которые всегда справятся съ разрозненными и недисциплинированными отрядами мятежниковъ, а главное, это то, что европейской дипломатіи удобнѣе имѣть дѣло съ постояннымъ китайскимъ правительствомъ, нежели съ неизвѣстнымъ революціоннымъ. Отсюда прямое слѣдствіе, что еслибы революціонное движеніе и охватило Китай, то оно было бы подавлено совмѣстно дѣйствующими китайскими и европейскими войсками.

Революціонное движеніе сильно только на югѣ Китая. Тамъ оно утвердилось уже давно и имѣетъ свою очень интересную исторію.

Югъ Китая, давно уже имѣвшій общеніе съ европейцами и христіанскими миссіонерами, имѣющій населеніе болѣе подвижное, болѣе впечатлительное и отзывчивое, пережившій разныя историческія эпохи, всегда принималъ участіе въ политической жизни страны и отвѣчалъ на нежелательныя для себя явленія организаціей тайныхъ политическихъ обществъ, борьбой ихъ противъ своего противника.

У южнаго населенія Китая съ покореніемъ всей страны манчжурами и низверженіемъ китайской династіи явился національный врагъ—манчжурская династія, а съ водвореніемъ европейцевъ и особенно послѣ войнъ, которыя соединенныя государства, Англія и Франція, вели съ Китаемъ, къ враждебной манчжурской династіи присоединился новый врагъ—европейское владычество. Противъ династіи и противъ европейскаго владычества ведетъ южный Китай революціонную борьбу и до сего дня.

Политическія движенія китайскаго народа весьма интересны по многимъ причинамъ. Прежде всего, движенія эти чрезвычайно упорны и длительны. Образовавшееся на югѣ Китая, какъ проявленіе враждебное европейцамъ и главное англичанамъ, владыкамъ Китая до 1860 года, революціонное движеніе особенно окрѣпло и опредѣлилось послѣ первой англо-китайской войны въ 1841 году, войны, которая окончилась такъ неудачно для китайцевъ. Эта война вызвала крайнее недовольство пекинскимъ правительствомъ среди южнаго китайскаго населенія и дала въ тоже время сильный толчокъ къ образованію тайныхъ политическихъ обществъ.

Вторая война китайцевъ съ англичанами и французами въ 1857 году еще болѣе поспособствовала росту и развитію революціоннаго движенія. Въ 60-тыхъ годахъ недовольство назрѣло окончательно, и нуженъ былъ только человѣкъ, который объединилъ бы недовольныхъ подъ своимъ начальствомъ.

Такимъ человѣкомъ силою обстоятельствъ былъ выдвинутъ нѣкто Хун-Сю-Цюань, поднявшій такъ называемое возстаніе Тай-пинговъ.

Несмотря на то, что весь періодъ возстанія Тай-пинговъ охватываетъ время отъ 1851 по 1865 годъ, несмотря на то, что по подсчету европейцевъ за этотъ періодъ времени до 20 милліоновъ населенія приходило въ соприкосновеніе съ возстаніемъ, и до сихъ поръ нѣтъ достаточно провѣренныхъ и изученныхъ обстоятельствъ этого періода, нѣтъ даже исторически провѣренныхъ данныхъ о дѣятельности самого Хун-Сю-Цюаня, его плановъ, организаціи созданнаго имъ движенія. Все, что извѣстно объ этомъ періодѣ, извѣстно со словъ миссіонеровъ протестантовъ, имѣвшихъ возможность пользоваться китайскими документами по дѣлу о мятежѣ Хун-Сю-Цюаня и данными близкихъ къ нему людей.

Какъ возстаніе Тай-пинговъ, столь интересное для исторіи Китая, такъ и другія возстанія, которыя являются въ настоящее время родственнымъ продолженіемъ этого возстанія, давшаго толчокъ для образовавшихся тайныхъ и явныхъ политическихъ обществъ, всѣ эти революціонныя движенія въ сущности своей мало извѣстны, а въ подробностяхъ организаціи и дѣятельности, какъ пропаганды, остаются и совсѣмъ недоступными для изученія не только

для европейцевъ, но и для китайцевъ. Полное незнаніе внутренней организаціи политическихъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ составляетъ ихъ особенность.

Изъ оставленныхъ сообщеній миссіонеровъ, мы знаемъ, что это революціонное движеніе было основано на ложно понятыхъ и ложно истолкованныхъ христіанскихъ началахъ, которыя Хун-Сю-Цюань и его сподвижники хотѣли положить въ основу новаго государственнаго строя, по низверженіи манчжурской династіи Цинговъ и возстановленіи китайской династіи. Мы знаемъ, что это движеніе, появляющееся и донынѣ подъ разными названіями въ южномъ Китаѣ, было и движеніе національное, имѣющее цѣлью изгнаніе манчжурской династіи, и религіозное.

Движеніе Тай-пинговъ для современной жизни Китая интересно еще и тѣмъ, что оно можетъ возродиться ранѣе или поздно, но съ болѣе ужасной силой. Современное положеніе Китая заставляетъ обратиться къ прошлому, въ которомъ имѣется налицо все, что повторяется въ настоящемъ. Какъ и въ прошломъ, послѣ неудачной англо-китайской войны 1840—1841 года, такъ и въ настоящемъ, послѣ 1900 — 1901 года, осталось множество людей, выбившихся изъ своей колеи, отставшихъ отъ труда, дезертировъ солдатъ, воровъ и разбойниковъ, которые собирались въ шайки и грабили и мирныя селенія, и торговые караваны по рѣкамъ, устраивая засады и собирая выкупъ. На рѣкахъ организовались цѣлыя флотиліи пиратовъ, а на сушѣ громадныя шайки разбойниковъ. Особенно организованы были эти рѣчныя и сухопутныя шайки въ окружности Кантона и въ провинціи Гуан-си. Къ этимъ шайкамъ примыкало и населеніе нѣкоторыхъ округовъ. Китайское правительство было безсильно бороться съ разбоями, было безсильно бороться и съ мятежниками-революціонерами. Разбои, однако, наносили громадный вредъ не только китайцамъ, но и торговлѣ англичанъ, такъ какъ разбойники грабили товары, не разбирая кому принадлежатъ они. Въ виду этого англичане снарядили экспедицію, и въ 1849 году нѣсколько военныхъ англійскихъ судовъ, встрѣтивъ флотилію пиратовъ, частью уничтожили ихъ, а часть заставили бѣжать.

Бѣжавшіе пираты съ оружіемъ въ рукахъ присоединились къ политическимъ мятежникамъ. Является совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ, какъ произошло объединеніе пиратовъ-разбойниковъ съ революціонерами-мятежниками, и еще болѣе осталось неизвѣстнымъ и непонятнымъ, какими путями Хун-Сю-Цюань достигъ надъ этими вооруженными шайками громаднаго вліянія и господства.

О личности Хун-Сю-Цюаня протестантскій миссіонеръ Гомбергъ сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя. По словамъ Гомберга, Хун-Сю-Цюань родился близъ Кантона въ 1813 году у бѣднаго земледѣльца, имѣвшаго небольшой клочекъ земли. Несмотря на свою бѣдность, родители при помощи родственниковъ дали возможность получить своему сыну первоначальное образованіе въ школѣ, которую онъ посѣщалъ до 16-ти-лѣтняго возраста. По окончаніи школьнаго ученія Хун-Сю-Цюань вернулся въ домъ отца, помогалъ ему въ веденіи домашняго хозяйства и въ то же время продолжалъ готовиться

къ дальнѣйшимъ экзаменамъ на полученіе высшихъ ученыхъ степеней, безъ чего онъ не могъ начать никакой служебной карьеры. Но, несмотря на всѣ старанія и труды, чтобы получить первую ученую степень—сю-цай, т.-е. студентъ, ему это не удалось. Нѣсколько разъ являлся онъ въ Кантонъ на экзаменъ, но безуспѣшно. Усиленныя занятія и подготовка къ экзаменамъ, неудачи, которыя онъ приписывалъ несправедливости, расшатали его здоровье и сильно повліяли на его впечатлительную натуру.

Хун-Сю-Цюань заболѣлъ какимъ-то острымъ нервнымъ разстройствомъ, сопровождавшимся разнообразными видѣніями и откровеніями.

Объ этомъ періодѣ жизни Хун-Сю-Цюань составилъ впослѣдствіи записки.

Когда онъ оправился отъ болѣзни, то рѣшилъ возвратиться изъ Кантона домой и во время этого пути встрѣтилъ миссіонера-китайца, распространявшаго среди народа брошюры религіознаго содержанія.

Познакомившись, онъ взялъ у миссіонера нѣсколько чтеній изъ Библіи, а затѣмъ пожелалъ принять христіанство. Для наставленій и ознакомленія съ религіей, онъ направился къ американскому миссіонеру Робертсу, которому и передалъ подробно всѣ событія своей жизни, разсказалъ о своихъ неудачахъ въ Кантонѣ, а также о бывшихъ видѣніяхъ, когда онъ во время своей болѣзни былъ взятъ на небо и тамъ находился въ присутствіи старца чуднаго вида.

Прочитавъ же полученныя отъ миссіонера книжки, онъ убѣдился, что старецъ этотъ былъ не иной кто, какъ самъ Господь, направившій затѣмъ чудеснымъ образомъ его къ обращенію въ христіанство. Отъ миссіонера Робертса Хун-Сю-Цюань вышелъ христіаниномъ, но сохранилъ непримиримую вражду къ китайскому правительству. Придя въ свою деревню, Хун-Сю-Цюань сталъ распространять новое ученіе и находилъ послѣдователей среди своихъ родственниковъ. Вскорѣ онъ убѣдилъ присоединиться къ себѣ и школьнаго учителя въ деревнѣ Фу-Юн-Санія.

Населеніе деревни, однако, отнеслось несочувственно къ новому ученію и перестало посылать своихъ дѣтей въ школу. Проповѣдникамъ и послѣдователямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить деревню и уйти дальше распространять свое ученіе. Хун-Сю-Цюань и его другъ отправились въ горы къ племени Мія-цзе, бывшему полузависимымъ отъ китайскаго правительства и находившемуся въ союзѣ съ пиратами и мятежными революціонерами. Въ горахъ Хун-Сю-Цюань встрѣтилъ случайно своего земляка, бывшаго учителемъ въ школѣ. Не зная мѣстнаго языка, они оставались здѣсь недолго и отправились въ провинцію Гуан-си къ одному родственнику Хун-Сю-Цюаня. Здѣсь Хун-Сю-Цюань и его другъ прожили пять мѣсяцевъ и успѣшно распространяли новое ученіе, привлекая многихъ послѣдователей. Новое ученіе стало дѣлать большіе успѣхи, такъ что учитель Фу-Юн-Сань рѣшилъ вернуться обратно въ свою деревню. Въ пути онъ продолжалъ вести пропаганду и, поселившись въ деревнѣ, основалъ уже общество, которое назвалъ «почитателями Бога».

Хун-Сю-Цюань изъ Кантона отправился снова къ миссіонеру Робертсу,

прожилъ у него нѣкоторое время и вернулся въ свою деревню, въ которой нашелъ уже организованное новое общество, основанное своимъ другомъ.

Члены общества Фу-Юн-Сань избрали прибывшаго Хун-Сю-Цюаня, какъ самаго образованнаго изъ нихъ и краснорѣчиваго, своимъ руководителемъ и начальникомъ.

Не стану останавливаться на многочисленныхъ и весьма интересныхъ эпизодахъ жизни и дѣятельности общества и его руководителя, скажу только, что ученіе его въ самый разгаръ дѣятельности представляло собою смѣшеніе христіанскихъ вѣрованій съ библейскими и народными китайскими суевѣріями, съ ученіемъ буддистовъ и даосовъ. Будучи маніакомъ идеи пересоздать языческій Китай въ созданный своей вѣрой новой, идеальный, полухристіанскій, полуязыческій, Хун-Сю-Цюань прежде всего объявилъ себя посланнымъ повелѣніемъ неба для водворенія общаго на землѣ мира, для созданія всеобщаго союза. Отсюда и названіе ученія, которое онъ провозглашалъ — Да пли Дай-Та-Тай—великій и Пинъ—миръ, согласіе. Это названіе перешло и на единомышленниковъ, которые и назывались Тай-пинги.

Себѣ лично Хун-Сю-Цюань присвоилъ титулъ небеснаго князя—Тянь-Ванъ.

Слѣдуя народнымъ вѣрованіямъ и желая организовать свое царство, объединивъ въ своей личности 100 китайскихъ легендарныхъ семействъ и 18 провинцій Китая, Хун-Сю-Цюань избираетъ себѣ 118 женъ и принимаетъ титулъ «Восточнаго князя—Дунъ-Ванъ».

Въ то время революціонное движеніе жило въ душѣ населенія и ожидало только человѣка, который съумѣлъ бы вызвать его и овладѣть имъ, явившись народу властителемъ его думъ и желаній. Чѣмъ привлекъ къ себѣ народъ Хун-Сю-Цюань, сказать трудно, но передъ нами фактъ, что народъ слѣпо пошелъ за нимъ, какъ за своимъ вождемъ, который повелъ его къ свѣтлой лучшей долѣ. Возстаніе охватило весь югъ Китая съ населеніемъ до 100 милліоновъ, распространяясь по Янцзэ и охватывая всѣ густонаселенныя провинціи. Правительственныя манчжурскія войска повсюду бѣжали и терпѣли пораженія. Тай-пинги уже провозгласили свое государство, избрали своимъ императоромъ Хун-Сю-Цюаня, который провозгласилъ своей столицей древнюю столицу династіи Минговъ, городъ Нанкинъ. Войска Тай-пинговъ уже подходили къ Шанхаю и безъ труда бы взяли этотъ городъ, если бы Англія и Франція относились равнодушно къ успѣхамъ революціннаго движенія.

Опасаясь за торговлю и за судьбу европейскаго вліянія, Франція и Англія послали свои войска для подавленія возстанія. Манчжурская династія была спасена. Англо-французскія войска въ 1862 году разбили Тай-пинговъ подъ Шанхаемъ, а китайскія стали брать перевѣсъ надъ Тай-пингами. Въ 1864 году осадили столицу небеснаго князя, Нанкинъ. Счастье стало измѣнять Хун-Сю-Цюаню. Лучшіе и убѣжденные его сподвижники пали въ прежнихъ битвахъ, преданныхъ и стойкихъ людей оставалось около него немного, а среди войска была большая часть сброда, которая жила грабежомъ. Среди приближенныхъ людей шли раздоры и борба за честолюбіе и первенство. Дѣло, которое онъ считалъ великимъ, дѣло, созданное душой народа, разрушалось

на его глазахъ. Осажденные и осаждающіе бились упорно, но манчжурскія войска брали перевѣсъ и уже пробили брешь въ стѣнахъ Нанкина и шли на приступъ. Приступъ, правда, былъ отбитъ, но Хун-Сю-Цюань понялъ, что дѣло его погибло и, не желая пережить его гибель, отравился въ своемъ дворцѣ въ іюнѣ 1864 года.

Друзья похоронили его тайно въ саду и приняли всѣ мѣры, чтобы скрыть его могилу, а сами рѣшили сопротивляться до послѣдней возможности и объявили сына Хун-Сю-Цюаня, 16-лѣтняго юношу, своимъ императоромъ. Но дѣло погибало: 19-го іюля Нанкнъ былъ взятъ манчжурскими войсками.

Одинъ изъ старыхъ друзей Хун-Сю-Цюаня спасъ юнаго императора и успѣлъ тайно отправитъ его изъ Нанкина, но не надолго: юноша былъ найденъ и обезглавленъ. Нанкинъ былъ разрушенъ и залитъ кровью. По сообщеніямъ европейскихъ авторовъ, въ немъ погибло до ста тысячъ человѣкъ. Побѣдители не оставили даже могилы своего врага. Розыскавъ ее, они вынули изъ могилы трупъ и подвергли казни черезъ разсѣченіе на куски. Отсѣкаемыя куски мяса бросали собакамъ, а отрубленную голову провезли по всѣмъ провинціямъ, въ которыхъ былъ такъ популяренъ Хун-Сю-Цюань. Участи Нанкина подвергались и другіе города, въ которыхъ было начато возмущеніе. Съ какою кровавою жестокостью манчжурскія войска подавляли возстаніе, видно изъ оставленныхъ описаній миссіонеровъ, которые говорили, что въ такомъ городѣ, какъ Гу-Чжоу изъ 100 тысячъ населенія осталось не болѣе 50 тысячъ. Общая гибель населенія въ возмутившихся провинціяхъ считается въ 12—15 милліоновъ. Нанкинъ, одинъ изъ старѣйшихъ китайскихъ городовъ, бывавшій нѣсколько разъ столицей въ исторіи Китая, имѣетъ громадное значеніе и для европейцевъ, какъ удобно расположенный торговый пунктъ. Открытый для европейцевъ только въ 1858 году, онъ тѣмъ не менѣе быстро росъ въ торговыхъ сношеніяхъ. По усмиреніи Тай-пинговъ англичане и французы пожелали снова возстановить его торговое значеніе и просили у китайскаго правительства отвести имъ участокъ земли подъ сетльменты. Но китайское правительство, не желая давать европейцамъ укрѣпляться въ этой мѣстности, отвело участки земли крайне неудобные для поселенія. Разногласіе между мѣстными китайскими властями и представителями европейской коммиссіи повело къ тому, что было принято рѣшеніе открыть Пекинъ для торговыхъ сношеній, а въ Нанкинѣ отвести европейцамъ участокъ земли на противоположенномъ берегу рѣки. Но и здѣсь китайское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы не дать возможности утвердиться европейцамъ, такъ какъ отведенные имъ участки всегда заливаетъ разливомъ рѣки. Въ настоящее время, однако, европейцамъ отведенъ участокъ, благопріятный для поселенія и торговли.

Послѣ разрушенія своего въ 1864 году, Нанкинъ и до сихъ поръ не можетъ оправиться, хотя въ настоящее время значеніе его, благодаря проводящимся желѣзнымъ дорогамъ, становится выдающимся для средняго Китая. Въ ближайшемъ будущемъ Нанкинъ сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая не только въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, но и въ поли-

тическомъ, какъ административный центръ въ провинціяхъ, постоянно угрожающихъ цѣлости государства и спокойствію манчжурской династіи.

Начавъ свое письмо о современномъ революціонномъ движеніи на югѣ Китая, я обратился къ исторіи, которая въ прошломъ даетъ объясненіе многому, что совершается въ настоящемъ. Настоящее Китая представляетъ намъ тѣ же явленія, которыя имѣли мѣсто и въ прошломъ, а именно: ненависть къ манчжурской династіи осталась неизмѣнной, и всѣ тайныя общества попрежнему лелѣютъ мечту ниспровергнуть эту династію и провести рядъ реформъ, могущихъ оздоровить государственный организмъ Китая; нищета и обѣдненіе народа значительно увеличились и недовольство правительствомъ въ лицѣ его чиновниковъ, высасывающихъ подати на уплату иноземной контрибуціи, значительно возросло; но это недовольство подавляется войсками и казнями; грабежи, разбои, пиратство, еще болѣе отягощающіе народное существованіе, прочно утвердились во всемъ Китаѣ и на югѣ особенно, гдѣ по рѣкамъ крейсируютъ цѣлыя флотиліи пиратовъ. Такимъ образомъ и въ настоящемъ мы имѣемъ налицо всѣ условія, могущія вызвать страшное потрясеніе всего государства и ниспровергнуть манчжурскую династію, но мы не видимъ въ данное время такого человѣка, который, подобно Хун-Сю-Цюаню, привлекъ бы къ себѣ народную душу, овладѣлъ бы ею, воплотилъ бы въ себѣ желанія народа и повелъ бы его, воодушевленнаго идеей борьбы за правду противъ Пекина.

Ни знаменитый реформаторъ Канъ-Ю-Вей, задумавшій дворцовый переворотъ въ 1898 году, ни люди боксерскаго движенія 1900 года не смогли поднять народъ, хотя и вызвали революціонное движеніе, давшее многихъ истинныхъ и искреннихъ патріотовъ. Что же, однако, можетъ дать Китай въ настоящемъ и чего можно ожидать отъ Китая въ будущемъ, которое надвигается быстро и несетъ съ собою неминуемыя важныя событія.

Настоящее Китая не можетъ быть длительнымъ, а равно не можетъ считаться и прочнымъ. Императрицѣ 68 лѣтъ, силы ея видимо слабѣютъ. Изъ близкихъ окружающихъ ее людей нѣтъ никого, кто, если не считать Юанъ-Ши-Кая, могъ бы править твердой рукой. Наслѣдникъ престола не выбранъ, а императоръ, вслѣдствіе своей болѣзни, едва ли сможетъ нести на себѣ одинъ бремя правленія. Государственный строй Китая, расшатанный предшествовавшими событіями и боксерскимъ годомъ со всѣми его послѣдствіями, остался все на тѣхъ же обветшалыхъ, устарѣлыхъ, сильно подгнившихъ устояхъ. Вмѣсто того, чтобы выбросить гнилое и замѣнить его сознательно выбраннымъ новымъ и здоровымъ, старое было только подновлено и подкрашено на скорую руку.

Китайское чиновничество не только осталось все тѣмъ же зломъ китайскаго правительства, какимъ оно было и прежде, но оно стало хуже, такъ какъ свою продажность оно не предлагаетъ уже желающимъ пріобрѣтать у себя дома, но вынесло ее на европейскій рынокъ. Интриги и честолюбіе столь же всесильны въ борьбѣ чиновничества, какъ и всегда. Созидающихъ силъ нѣтъ, но много разрушающихъ. Едва ли можно сомнѣваться, что когда настанетъ время явиться новому правителю, то Европа не замедлитъ протянуть свою руку и провести, если не своего кандидата, то свое вліяніе.

Отвѣтить на вопросъ, чего можно ожидать отъ Китая въ будущемъ, не

легко. Въ этомъ вопросѣ кроется еще вопросъ: способенъ ли китайскій народъ проявить чувство патріотизма, чувство не только любви къ своей родинѣ, что у каждаго китайца сильно развито, но и чувство народной гордости и народнаго самолюбія и достоинства.

Весьма многіе изъ европейцевъ думаютъ, что у китайскаго народа не можетъ быть чувства патріотизма, какъ мы его понимаемъ.

Вопросъ этотъ въ высшей степени сложный и рѣшать его за китайскій народъ по меньшей мѣрѣ преждевременно. Я думаю, что едва ли справедливо отрицать въ китайскомъ народѣ чувства патріотизма только потому, что народъ крайне равнодушенъ къ своему государству, какъ цѣлому, враждебенъ или безразличенъ къ своему правительству, которое ему чуждо, ненавидитъ и боится своего чиновничества, которое разрушаетъ и угнетаетъ народное благосостояніе.

Большинство европейцевъ убѣждено, что всѣ современныя политическія движенія поддерживаются бѣдностью и нищетой народа, идущаго за главаремъ изъза куска хлѣба и составляющаго одинаково и шайки разбойниковъ, и отрядч мятежниковъ, а вовсе не изъ убѣжденія. Главари же движенія руководятся или честолюбіемъ, которое у китайцевъ страшно развито, или чувствомъ личной мести, личной злобы, но не идеей патріотизма. Только самая малая часть изъ революціонеровъ, быть можетъ, искренна въ своихъ убѣжденіяхъ. Я думаю, что это не такъ.

Весь современный расшатанный строй китайскаго государства созданъ двумя причинами: дурнымъ правленіемъ и вторженіемъ въ китайскую жизнь европейцевъ.

Движеніе Тай-пинговъ служитъ яркимъ доказательствомъ того, что китайскій народъ можетъ быть объединенъ идеей общей борьбы, если явится человѣкъ способный воодушевить его и повести за собою, властвуя надъ народными думами и желаніями, проявляя высокую любовь къ народу.

Прошло сорокъ лѣтъ со времени подавленія южнаго возстанія и все таки тайныя общества продолжаютъ свою работу неуклонно и собираютъ себѣ приверженцевъ. Но за эти сорокъ лѣтъ выросъ европейскій вопросъ, прочно нынѣ связанный съ вопросомъ манчжурской династіи. Для китайскаго народа становится очевиднымъ одно, что манчжурская династія заодно дѣйствуетъ съ европейцами, отдавая имъ богатства и земли китайскаго народа. Сами европейцы заняли въ Китаѣ такое положеніе, что только и могутъ укрѣплять и распространять вѣру въ единомысліе съ манчжурской династіей, и упрочивать къ себѣ народную ненависть, воспитывая тѣмъ китайскій патріотизмъ. Боксерское движеніе уже показало, что народъ видитъ въ европейцахъ своихъ враговъ, отъ которыхъ надо избавиться, иначе ожидаетъ гибель всего, что составляло въ народѣ благополучіе жизни. Если сорокъ лѣтъ тому назадъ проявилось съ такою силою антидинастическое движеніе, то въ настоящее время, если только явится человѣкъ, сильный душой и любовью къ народу, проявится еще болѣе ужасное движеніе, которое совмѣститъ борьбу противъ европейцевъ и противъ династіи.

Что такой народный герой явиться можетъ, это не подлежитъ сомнѣнію,

вопросъ только во времени. Попытки вызвать общенародное движеніе противъ-европейцевъ дѣлаются постоянно, и мѣстныя газеты только что сообщили текстъ одной изъ такихъ прокламацій, которыя были наклеены на стѣнахъ протестантской миссіи въ городѣ Лян-тен-синъ въ текущемъ мѣсяцѣ. Прокламація эта гласитъ, что какъ только появится «золотая грамота», т.-е. повелѣніе императора, то всѣ вѣрные подданные и населеніе должны собраться и прежде всего напасть на иностранцевъ, убить ихъ и донести объ этомъ правительству. Тогда Ліу-Юн-Фу, знаменитый предводитель черныхъ флаговъ, сойдетъ съ горъ и отомститъ за все горе и обиды, которыя причинили европейцы и «вычиститъ отъ нихъ страну». Не подлежитъ сомнѣнію, что европейцы, принесли китайскому народу много горя и обиды, не подлежитъ сомнѣнію, что движеніе охватитъ весь Китай, но конечный результатъ этого движенія очень сомнителенъ, такъ какъ манчжурская династія предпочтетъ потерять все въ народномъ сердцѣ, чтобы, опираясь на штыки европейцевъ, сохранить за собой владычество. Во всякомъ случаѣ, будущее грозитъ событіями кровавыми...

Въ настоящемъ все кажется спокойнымъ. Императрица продолжаетъ выказывать вниманіе европейцамъ и особенное расположеніе къ женѣ американскаго посланника госпожѣ Конгеръ.

Благодаря высокому вниманію Императрицы, одна изъ американскихъ художницъ, которая гоститъ у г-жи Конгеръ, удостоилась чести писать въ лѣтнемъ дворцѣ портретъ Императрицы съ натуры. Это будетъ первый художникъ, который создастъ первый дѣйствительно вѣрный портретъ богдыханши. На-дняхъ госпожа Конгеръ была приглашена Императрицей въ лѣтній дворецъ для бесѣды, что еще болѣе указываетъ на расположеніе Императрицы къ супругѣ американскаго представителя.

Въ оффиціальномъ мірѣ ожидаютъ обнародованія новаго торговаго договора Китая съ Америкой. Въ этомъ договорѣ, который, какъ говорятъ, долженъ появиться 26 сентября, будетъ объявлено объ открытіи новыхъ портовъ для европейской торговли, и въ числѣ этихъ портовъ будутъ указаны спорные Мукденъ и Та-тун-хай, открытія которыхъ такъ упорно добиваются европейцы.

За послѣднее время замѣтно усиливается въ Китаѣ вліяніе американской политики «открытыхъ дверей» для всѣхъ, и личное расположеніе Императрицы къ американскимъ представителямъ поэтому не безразлично.

Высшее образованіе китайскаго юношества продолжаетъ развиваться. Въ ближайшихъ къ Пекину городахъ Паотин-фу и Тай-юан-фу открыты высшія школы, въ которыхъ преподаются европейскія науки и изучаются европейскіе языки. Отведено мѣсто и физическимъ упражненіямъ. Большинство преподавателей японцы и американцы. Желающихъ поступить въ студенты всегда больше, нежели можетъ быть принято. Въ настоящее время въ Пао-тин-фу студентовъ 200, помѣщаются они всѣ въ казенныхъ зданіяхъ.

Въ округѣ Пао-тин-фу предположено открыть среднюю школу на 700 воспитанниковъ, которые по окончаніи курса должны будутъ занимать мѣста

учителей въ сельскихъ первоначальныхъ школахъ. Будущіе сельскіе учителя будутъ изучать не только китайскія науки, но пріобрѣтутъ и первоначальныя познанія изъ предметовъ европейскихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ насажденіемъ общаго образованія китайское правительство не забываетъ открывать и спеціальныя школы. Изъ таковыхъ недавно открыта школа для образованія полицейскихъ служащихъ, которые должны быть одинаково удовлетворительны, при отправленіи своихъ обязанностей, какъ въ канцеляріяхъ, такъ въ огражденіи безопасности населенія.

Открытіе новыхъ школъ несомнѣнно есть большой шагъ впередъ въ дѣлѣ «открытыхъ дверей» Китая, но въ настоящее время нельзя еще надѣяться на полученіе скорыхъ благопріятныхъ результатовъ: большинство учениковъ и студентовъ въ этихъ университетахъ и школахъ состоятъ изъ дѣтей чиновниковъ, съ молокомъ матери всосавшихъ еще старыя чиновничьи традиціи, отказаться отъ которыхъ сразу весьма трудно. Проникаютъ правда и въ среду китайскаго студенчества новыя вѣянія и новыя стремленія къ улучшенію общаго порядка въ государствѣ.

Послѣднія событія въ Пекинѣ и Шанхаѣ, гдѣ произведено много арестовъ среди членовъ партіи реформъ, а также безчеловѣчная казнь въ Пекинѣ журналиста Шэн-Чина, забитаго по приказанію Императрицы палками въ тюрьмѣ, произвели сильное и устрашающее впечатлѣніе на учащуюся молодежь. Многіе оставили университетъ и бѣжали.

Члены общества реформъ особенно ненавидимы китайскимъ правительствомъ, такъ какъ главарю ихъ Кан-Ю-Вею принадлежитъ мысль насильственно удалить отъ дѣлъ Императрицу и заточить ее въ отдаленномъ городѣ отъ Пекина.

Надо думать, что съ окончаніемъ лѣтнихъ жаровъ, когда стихаетъ почти всякая общественная работа, закончится и настоящая тишина, давъ мѣсто оживленной дѣятельности.

Текущее лѣто отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ своими климатическими особенностями. Сухое и жаркое, давшее угрожающую засуху, оно закончилось такими ливнями, которые размыли желѣзнодорожныя сооруженія, прекративъ всякое сообщеніе Китая съ Россіей. Вотъ уже десять дней, какъ мы въ Пекинѣ не имѣемъ почты. Телеграфная линія тоже прервана. Въ Пекинѣ, Тянь-Цзинѣ, Шанхаѣ, Гуани, Чижу—повсюду ливни причинили населенію много бѣдъ.

Въ Шантунгской провинціи, какъ сообщаетъ губернаторъ Чоу-Фу, въ городѣ Фу-шанъ-іенъ, ливнемъ снесло около трехъ тысячъ домовъ и погибло болѣе 150 человѣкъ.

Императрица предписала губернатору оказывать пострадавшему населенію самую широкую благотворительность.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ.
20 авг. 1903 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь. 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.—Соціологія и политическая экономія—Философія. — Антропологія и этнографія. — Естествознаніе.—Географія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы *).

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. „Полное собраніе сочиненій". Т. I и II.—*Д. Маліева.* „Нетронутый уголокъ. Грузинскіе разсказы". — *Ст. Пшибышевскій.* „Homo sapiens", романъ.

И. Н. Потапенко. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3 е. Т. I. «Счастье поневолѣ» Повѣсти и разсказы. Т. II. «На дѣйствительной службѣ». Повѣсти и разсказы. Спб. Изд. Маркса. 1903 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Третье изданіе полнаго собранія сочиненій И. Н. Потапенки, предпринимаемое почтенной фирмой А. Ф. Маркса, лучше всякихъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о прочныхъ симпатіяхъ читателей къ таланту автора, къ его здоровому, простому, жизненному содержанію, къ его милому, благодушному юмору и къ его богатой выдумкѣ. Вышедшіе теперь третьимъ изданіемъ два первыхъ тома даютъ повѣсти и разсказы исключительно изъ быта сельскаго духовенства, преимущественно южнаго, которое такъ хорошо знаетъ нашъ авторъ, умѣющій въ самомъ простомъ и незатѣйливомъ по содержанію очеркѣ дать прекрасную жанровую картину, иногда глубоко захватывающую своимъ жизненнымъ трагизмомъ, какъ въ извѣстномъ очеркѣ «Шестеро», выдержавшемъ безчисленное количество изданій «для народа». Болѣе широкую картину даютъ двѣ повѣсти «Счастье поневолѣ» и «На дѣйствительной службѣ». Первая, написанная съ рѣдкимъ юморомъ, изображаетъ курьезное для свѣтскаго человѣка, но весьма и весьма тяжелое положеніе такъ называемаго «ставленника», который получаетъ приходъ, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ—отыскать въ опредѣленный срокъ невѣсту и жениться какъ можно скорѣе, безъ чего онъ не можетъ быть посвященъ въ священническій санъ. Герой, юный богословъ, которому еще самому не мѣшало бы поучиться, поосмотрѣться, познакомиться съ жизнью, совершенно для него чуждой, незнакомой и даже представляющейся ему глухо-враждебной и страшной, пускается въ трудный путь на поиски за женой. Къ счастью, судьба даетъ ему въ менторы опытнаго и добродушнаго дьякона, большого любителя устраивать свадьбы и потому на перечетъ знающаго невѣстъ во всей епархіи. Ихъ странствованія по невѣстамъ, военныя хитрости и уловки сельскихъ батюшекъ и матушекъ, уловляющихъ жениха, комическія и трагическія коллизіи, приводящія, въ концѣ кон-

*) ПОПРАВКА. Въ октябрьской книгѣ рецензія на книгу проф. Бузескула (въ отдѣлѣ „Исторія"), по недосмотру корректора, подписана *А. Джаншіевъ*, тогда какъ надо *А. Дживелеговъ*. Ред.

цовъ, къ благополучному устроенію судьбы нашего «счастливца поневолѣ»,— составляютъ содержаніе повѣсти. Несмотря на все благодушіе автора, на примиряющій благополучный конецъ, все же нарисованная картина производитъ тяжелое впечатлѣніе именно своею правдивостью, когда представишь себѣ, что вѣдь огромному большинству «пастырей народа» приходится переживать то же, что и герою, и далеко не всегда судьба бываетъ такъ благосклонна, какъ къ послѣднему. Въ недѣлю найти жену и потомъ всю жизнь вѣковать съ нею, ибо «одна у попа жена» и ни разжениться, ни вновь жениться онъ не можетъ,—это-ли еще не трагическое положеніе?

Хорошей иллюстраціей къ нему можетъ служить другая повѣсть г. Потапенки, вошедшая во второй томъ—«На дѣйствительной службѣ». Здѣсь предъ нами другой типъ, болѣе высокій, священникъ-идеалистъ, ищущій не обезпеченія, не сытой, обильной жизни, а всѣми силами жаждущій «потрудиться для родной бѣдноты», для деревенскаго люда, который онъ любитъ кровною связью. И онъ трудится дѣйствительно, добивается на этой почвѣ любви и признанія всего прихода, но разбиваетъ личную жизнь и оказывается одинокимъ. «Одна у попа жена», и та его покидаетъ, когда онъ не умѣетъ осуществить ея идеала благополучной жизни. Рядомъ стоитъ другая женщина, готовая раздѣлить съ нимъ его трудъ и призваніе, глубоко его понимающая и преданная, но... право, обычай и жизнь со всѣми своими противорѣчіями противъ нихъ,—и читатель оставляетъ книгу съ горькимъ сомнѣніемъ, долго-ли выдержитъ идеалистъ и куда приведетъ его столкновеніе высокихъ стремленій и житейской пошлости.

Очень хороши «Очерки бурсы» въ первомъ томѣ, которые и послѣ Помяловскаго даютъ интересную бытовую картину старой бурсы, дополняя очерки перваго новыми штрихами, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не отошедшими въ область преданій. Таково, напримѣръ, участіе маленькихъ учениковъ въ архирейскомъ хорѣ, нравы этого хора, хожденіе по праздникамъ «со славой», объѣздъ по епархіи и проч. Все это списано съ натуры, дышетъ правдой, и много въ ней горечи, если вспомнить, что вѣдь это—будущіе «пастыри народа», подготовляющіеся къ своимъ будущимъ отвѣтственнымъ обязанностямъ...

Кромѣ отмѣченныхъ большихъ повѣстей, въ оба тома вошло много небольшихъ очерковъ и разсказовъ, какъ упомянутый уже «Шестеро», и одна повѣсть изъ народнаго быта «Деревенскій романъ», повидимому принадлежащая къ раннему еще періоду писательской работѣ г. Потапенки. Она не выдержана, мѣстами мелодраматична, надумана и неестественна. Въ ней нѣтъ эпическаго спокойствія опытнаго романиста, многое совершенно безъ надобности подчеркнуто, другое только намѣчено и не развито. Въ особенности рѣзко выступаютъ эти недостатки отъ сосѣдства съ отмѣченными дѣйствительно выдержанными, живыми и яркими вещами. *А. Б.*

Д. Ведребисели (Д. К. Маліева). Нетронутый уголокъ. Грузинскіе разсказы. Ц. 1 руб. Спб. 1903 г. Изд. М. Орѣхова. Скромная, небольшая книжечка г-жи Маліевой, разсказы которой за подписью «Д. Ведребисели» печатались въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ (въ «Русскомъ Богатствѣ», напр.), несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Не потому, чтобы эти очерки выдѣлялись художественностью формы,—это скорѣе простые, почти фотографическіе снимки,—или глубиною содержанія, котораго и не можетъ дать первобытная жизнь, безыскусственно изображаемая авторомъ. Грузія—эта жемчужина Кавказа, богатѣйшая область, уголокъ истинно райскій, гдѣ, по словамъ поэта,

въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ,

эта благословенная страна, съ стариннѣйшей культурой, восходящей до дней Христа, выступаетъ на страницахъ книжечки г-жи Маліевой — обиталищемъ тьмы, мрака и невѣжества и ихъ неизбѣжной спутницы—нищеты. Здѣсь крестьянинъ годами не знаетъ, что такое мясо, и жалкимъ кускомъ чурека и горстью бобовъ поддерживаетъ свое скудное существованіе. Земли истощены и обременены платежами. Дикое и невѣжественное дворянство живетъ вымогательствомъ и находится сплошь въ рукахъ ростовщиковъ. Нѣтъ промышленности, никакой торговли, старинныя ремесла пали, и народъ выселяется на бакинскіе промыслы, въ Батумъ и Азію, или разбойничаетъ въ ущельяхъ Кавказа. А между тѣмъ уже сотня лѣтъ прошла со дня присоединенія Грузіи, почти пятьдесятъ послѣ окончательнаго замиренія Кавказа, — и что же? Что дали мы этой богатѣйшей области, населенной чистѣйшими представителями кавказской расы, трезвыми, трудолюбивыми, мирными и по своему несомнѣнно культурными, ибо они давно уже были христіанами, когда у насъ еще поклонялись «Даждьбогу и Чернобогу» и сходились между селъ на игрища весною? Ничего мы не сдѣлали, и даже хуже,—разрушивъ старую культуру, всецѣло покоившуюся на крѣпостномъ правѣ, взамѣнъ мы не дали ничего. Просто удивляешься и недоумѣваешь, читая очерки г-жи Маліевой, какъ можетъ сохраняться такая дичь и невѣжество не гдѣ-нибудь у полюса, въ Чукотьи или Обдорскомъ краѣ, а въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды отъ европейскихъ центровъ, въ чудномъ уголкѣ, гдѣ природа истощила свою щедрость, чтобы надѣлить его всѣми благами. Съ другой стороны та же книжечка можетъ служить иллюстраціей къ безчисленнымъ извѣстіямъ о разбояхъ и грабежахъ на Кавказѣ: вотъ гдѣ надо искать разгадки этихъ на первый взглядъ странныхъ явленій — въ безысходной нищетѣ населенія, доведеннаго до крайней степени отчаянія, за которой человѣкъ уже ничѣмъ не рискуетъ.

Очерки г-жи Маліевой нѣсколько однообразны, написаны они очень просто и безъискусственно, темы наивны, но въ общемъ жизнь современной Грузіи очерчивается довольно полно. Нѣтъ, къ сожалѣнію, представителей грузинской интеллигенціи. Только въ одномъ очеркѣ («Крестины») какъ бы легкій намекъ на нее, въ лицѣ молодого человѣка, кончившаго высшее учебное заведеніе, который подъ вліяніемъ дикихъ сценъ пиршества на крестинахъ задумывается надъ предстоящей дѣятельностью: «Не въ городѣ, а здѣсь, въ деревнѣ, надо поработать, чтобы разсѣять этотъ страшный мракъ». А что грузинская интеллигенція существуетъ, это хорошо извѣстно намъ, и она, какъ русская, подъ вліяніемъ которой она воспитана, горитъ желаніемъ послужить родной сторонѣ. Въ этой работѣ спасеніе Грузіи, и когда наступитъ часъ свободнаго общенія интеллигенціи и народа, наступитъ и часъ возрожденія злополучной страны. *А. Б.*

«Homo sapiens». Романъ Ст. Пшибышевскаго. Переводъ съ польскаго. М. Семенова. Изданіе «Скорпіона». Москва. Романъ талантливаго представителя, если не главаря молодой польской литературы является своеобразнымъ, художественнымъ возраженіемъ на проповѣдь потусторонней морали. Возраженіе это тѣмъ болѣе цѣнно, что Ст. Пшибышевскій несомнѣнно прошелъ черезъ чистилище ницшеанства. Не столько его идеи и образы, сколько самая манера думать и смотрѣть, опьяняющая и въ тоже время горькая, смѣлость мысли, носятъ на себѣ явную печать творца Заратустры. Ст. Пшибышевскій самъ косвенно сознается въ этомъ ученичествѣ, когда заставляетъ своего героя, Фалька, въ лихорадочныя минуты борьбы съ собой, съ своими страстями, злобно и укоризненно спорить съ «господиномъ профессоромъ».

«Великій сверхъ-человѣкъ, сильный, могучій, безъ совѣсти. Нѣтъ, господинъ профессоръ упустилъ изъ виду культуру, которая тысячелѣтіями трудилась, чтобы создать эту совѣсть. Умомъ, конечно, можно, говоря логически,

все побороть, даже совѣсть. Однако, до сихъ поръ этого еще не удалось сдѣлать. Къ чему нуженъ весь его умъ. Вѣдь всегда позади всякой логичности таилась страшная нелогичность, которая въ концѣ концовъ все побѣждала».

Фалькъ повѣрилъ господину профессору, что совѣсти нѣтъ, что есть только властная, свободная личность, вся красота, вся сила которой въ безграничности и смѣлости желаній. «Я есмь Я», написалъ онъ на своемъ знамени и, вооруженный умомъ, талантомъ, рѣдкимъ даромъ очаровывать и покорять людей, вышелъ онъ на поле битвы, дерзко вырывая у судьбы то, что казалось ему необходимымъ условіемъ счастья. Эта дерзость не отступаетъ передъ моральными преградами, потому что морали нѣтъ. Нравственность — старый кумиръ глупцовъ и трусовъ. Отважные искатели и создатели новыхъ формъ жизни не клонятъ больше передъ нимъ свою гордую голову. Имъ нуженъ просторъ, размахъ, полное и необузданное проявленіе этого царственнаго «Я», поставленнаго на мѣсто прежнихъ боговъ—добра, справедливости, долга, самоотверженія,—этихъ обветшалыхъ понятій, которыя блѣднятъ и понижаютъ жизнь, потому что блѣднятъ и ломаютъ личность.

А Фалькъ хочетъ жить ярко и сильно, «онъ хочетъ жизни съ ея страшными безднами, съ ея неизвѣданной глубиной». А такъ какъ, только покоряясь власти слѣпого инстинкта, только всецѣло отдаваясь мощному захвату чувства, можно ощутить всю трагическую красоту бездны, то Фалькъ и отдаетъ свои мысли на служеніе стихійнымъ движеніямъ души. «Воля инстинкта, которая не сдерживается никакими сознательными преградами, никакими атавистическими чувствами, воля, въ которой инстинктъ и мозгъ одно». Она-то и должна создать новое счастье и новую свободу.

Но у Фалька еще нѣтъ ни того, ни другого. Несмотря на блестящій арсеналъ парадоксовъ и афоризмовъ, которыми онъ старается оправдать и скрасить эту волю инстинктовъ, побѣда не дается Фальку. Пережитки оказываются сильнѣе новаго дерзанія и герой «гибнетъ отъ избытка совѣсти и мозга». Сама жизнь, слѣпая и безжалостно-логичная показала ему, что нельзя безнаказанно отрывать мысль отъ совѣсти.

Смутное сознаніе распада, катастрофы отравленнымъ жаломъ вонзается въ душу Фалька при первомъ же яркомъ проявленіи его новой, ни предъ чѣмъ не останавливающейся воли. Охваченный внезапно вспыхнувшей, но глубокой страстью къ Изѣ, невѣстѣ своего лучшаго друга, онъ увозитъ ее. Онъ не можетъ поступить иначе, потому что безъ этой женщины нѣтъ счастья, нѣтъ свѣта, нѣтъ жизни. И въ то же время такія крѣпкія нити полной духовной и художественной близости связываютъ его съ другомъ, что только путемъ тяжелой и мучительной борьбы удается ему заглушить въ себѣ голосъ долга, воспользоваться тѣмъ неразборчивымъ правомъ на счастье, которое онъ считаетъ основой новой морали сильныхъ людей. Онъ идетъ къ этому счастью черезъ трупъ еще недавно дорогого и близкаго человѣка. Но что же сдѣлать? «Тѣ, кто менѣе приспособленъ къ жизни, должны погибнуть, въ этомъ никто не виноватъ». Такъ думаетъ его, отвергнувшій стыдъ, мозгъ. Но кто-то молчаливый и грозный, притаившійся глубоко въ тайникахъ его души, уже шлетъ ему первые, жуткіе укоры. Они доносятся до него даже сквозь побѣдный гимнъ торжествующей любви. «Всѣми силами боролся онъ противъ массы мучительныхъ непріятныхъ чувствъ... Какъ будто кто разворачивалъ гнѣздо осъ».

И чувство паденія растетъ, по мѣрѣ того, какъ Фалькъ все дальше заходитъ по ту сторону морали. Самоубійство невинной и ясной Маритъ, которую онъ губитъ, опять-таки баюкая себя тѣмъ, что «нѣтъ никакой морали, за исключеніемъ морали собственнаго чувства», неизлечимымъ ядомъ отравляетъ ему существованіе. Но онъ озлобленно борется съ угрызеніями совѣсти, вы-

ставляетъ противъ нихъ все тѣ же утонченныя софистическія разсужденія. Вѣдь совѣсть это ложь природы, свалившей на человѣка свои преступленія. «Благодаря своеобразной хитрости, природа вдолбила болвану человѣку, что это громадное преимущество обладать мозгомъ и совѣстью». Но Фалькъ не желаетъ быть жертвой этого утонченнаго плутовства, онъ возвращаетъ природѣ ея коварные дары и хочетъ быть подобно ей. «Я сверхчеловѣкъ: безсовѣстный, жестокій, прекрасный и добрый. Я природа: у меня нѣтъ совѣсти, у нея также нѣтъ ея, у меня нѣтъ жалости, у нея также нѣтъ ея».

Всѣ эти красивыя, смѣлыя слова звучатъ бодрымъ вызовомъ, пока Фалькъ-писатель, Фалькъ-герой и вожакъ буйнаго артистическаго кружка молодежи, ищущей новыхъ формъ, новаго искусства, новой правды, только кокетничаетъ дерзостью своего индивидуализма. Но стоитъ ему столкнуться съ настоящей жизнью, а главное съ живыми, трепещущими отъ горя, человѣческими сердцами, и остріе его блестящихъ парадоксовъ сразу притупляется и ржавѣетъ. Точно Игорь, привязанный къ двумъ березамъ, разрывается Фалькъ между мыслью, пытающеюся стряхнуть послѣднія оковы стыда, и загнанною въ самыя тайники души, но все-таки властною совѣстью.

Рядомъ съ внутреннимъ банкротствомъ идетъ и внѣшнее. Трясина лжи и обмана все глубже засасываетъ его. Онъ продолжаетъ любить Изу исключительною, теперь уже больною любовью, и въ то же время, въ жалкой погонѣ за острымъ наркозомъ, измѣняетъ ей. Она узнаетъ объ этомъ и уходитъ. Друзья, еще недавно преклонявшіеся передъ нимъ, оставляютъ его. «Вы маленькій, а могли бы быть великимъ»,—говоритъ ему Черскій съ презрительной укоризной человѣка, вынужденнаго развѣнчать своего недавняго кумира.—«Вы говорите «я». Но ваше «я» служитъ вамъ только для того, чтобы придать вамъ смѣлости преступить ваши маленькіе законы, регулирующіе ваши маленькія желанія. Ваша жизнь свелась къ распутству и похоти». У Черскаго «любовь къ людямъ—основа, корень души» и онъ не можетъ, не умѣетъ простить своему бывшему другу его высокомѣрнаго равнодушія къ человѣчеству. «Вы много сдѣлали для человѣчества, но развѣ это не дѣлалось только для того, чтобы заглушить угрызенія совѣсти». Это многое—революціонная работа. Для Черскаго это—религія, для Фалька—игра.

Въ этомъ, какъ и въ томъ холодномъ, жесткомъ любопытствѣ, съ которымъ Фалькъ относится къ своему и чужому страданію, у него много родственнаго съ Ставрогинымъ, съ этимъ изломаннымъ, обаятельнымъ и въ то же время отталкивающимъ, русскимъ ницшеанцемъ. Вообще вліяніе Достоевскаго на молодого польскаго художника сказалось, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе Ницше. Отдѣлить, разъяснить сферу воздѣйствія этихъ двухъ сходномыслящихъ умовъ, почти невозможно. Слишкомъ тѣсно сплетены они какъ разъ въ тѣхъ самыхъ проклятыхъ вопросахъ добра и зла, на которыхъ построенъ весь романъ Ст. Пшибышевскаго. А въ данномъ случаѣ это тѣмъ труднѣе сдѣлать, что «Homo sapiens» находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ однимъ изъ самыхъ ницшеанскихъ романовъ Достоевскаго, съ «Бѣсами». Не только Фалькъ, съ своимъ неудержимымъ стремленіемъ преступать предѣлы, принадлежитъ къ одному типу со Ставрагинымъ, но и польскіе революціонеры, выведенные въ третьей, наиболѣе драматической части романа, и по мыслямъ, и по облику сходны съ русскими революціонерами, которыхъ мы видимъ въ «Бѣсахъ». Не съ тѣми, кого Достоевскій, точно издѣваясь надъ своимъ тяжелымъ, ясновидящимъ талантомъ психолога, изобразилъ въ отвратительныхъ карикатурахъ, мѣстами напоминающихъ карикатуры Леонардо да-Винчи, не съ Верховенскими, не съ Лямшиными и Липутиными. Кромѣ нихъ, есть еще Шатовъ и Кириловъ, эти два фанатически цѣльныхъ и чистыхъ идеалиста. Невольно вспоминается ихъ странное, то же пожалуй, фанатическое отношеніе къ Ставрогину, когда

читаешь сцены между Фалькомъ и Черскимъ или Гродскимъ. Та же лихорадочная работа мысли, то же отчаянное злобное разочарованіе въ недавнемъ героѣ. Только у Пшибышевскаго эти сцены еще острѣе, а главное художественнѣе, не застилаются ненужными, скучными отступленіями, дѣлающими чтеніе «Бѣсовъ» такимъ утомительнымъ. Кирилловъ Достоевскаго распадается у польскаго романиста на два типа. И Черскій, этотъ отколовшійся отъ партіи анархистъ, съ душой, безконечно расширившейся въ сладкомъ предчувствіи близкаго подвига, и Гродскій, потерявшій вѣру человѣкъ, у котораго «мозгъ только одинъ разъ захотѣлъ и,—странно—онъ захотѣлъ смерти», оба они стоятъ рядомъ съ Кирилловымъ. И у польскаго, и у русскаго художника героевъ толкаетъ къ самоубійству общая необычная кошмарная жажда абсолютной, нечеловѣческой, божественной свободы. Въ странныхъ, несвязныхъ, жуткихъ словахъ, раскрывая за нѣсколько часовъ передъ смертью свою душу Фальку, Гродскій говоритъ: «Я воля моего мозга. Я воля гордаго сознанія сушаго. Я скоро буду Богомъ». При этомъ Гродскій боится «равнодушной, смертельноскучающей смерти». Но желаніе стать Богомъ выше этого страха.

Вѣдь и Кирилловъ считаетъ также себя обязаннымъ застрѣлиться, потому что «если Бога нѣтъ, то я Богъ и вся воля моя». Для него смерть не отдыхъ, не выходъ изъ тяжелой житейской путаницы. Онъ любитъ жизнь, онъ даже «на паука хотѣлъ молиться». Но онъ считаетъ себя призваннымъ дать людямъ это высшее проявленіе своеволія. «Это все, чѣмъ я могу проявить непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою». Въ этой безграничной свободѣ воли онъ и видитъ спасеніе человѣчества. А онъ хочетъ спасти, онъ весь горитъ желаніемъ принести себя въ жертву. Въ немъ та же, доходящая до экстаза, потребность въ подвигѣ, которой полонъ у Пшибышевскаго Черскій. «Я научу людей видѣть вдохновеніе и красоту жертвы. Я научу ихъ, что приносить себя въ жертву безъ цѣли, безъ заднихъ мыслей,—это и есть счастье», говоритъ Черскій. Кирилловъ достигъ этого счастья, жертва уже близка, и онъ ощущаетъ въ себѣ «присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой, такую радость, что душа не можетъ выдержать».

Съ горькой ироніей и съ невольнымъ уваженіемъ смотрятъ и Фалькъ, и Ставрогинъ на этихъ безумныхъ мечтателей. Недаромъ Фалькъ, уже разбитый, раздавленный безысходнымъ разладомъ между разгулявшимися инстинктами, услужливою логикой и кающеюся совѣстью, въ внезапномъ порывѣ злобнаго отчаянія цѣлуетъ руку у Черскаго. «Я люблю, я удивляюсь, я ползаю на колѣняхъ передъ этою любовью, передъ этой великой вѣрой. Это такъ странно, что именно вы, проповѣдники равенства, вы, сострадатели, и есть сверхчеловѣки».

Но и признаваясь въ полномъ крушеніи самодовлѣющаго «я», оказавшагося безсильнымъ наполнить и создать жизнь, Фалькъ, не можетъ, какъ Раскольниковъ, выйти на площадь. Этотъ поцѣлуй остается единственной, мгновенной, почти саркастической вспышкой. Элементъ смиренія и покаянія, такъ причудливо, чтобы не сказать чудовищно, сплетающійся у Достоевскаго съ дерзаніемъ и аморальностью, совершенно отсутствуетъ у Пшибышевскаго: Фалькъ, и побѣжденный, старается заглушить свои душевныя муки шумомъ битвы. Безъ идеалистическаго подъема отдается онъ той общественной дѣятельности, которая раньше была для него такою же забавою, какъ и для Ставрогина.

Романъ такъ и кончается: «Можетъ быть, я поѣду къ Черскому! Vive l'humanité! Ха, ха, ха!—засмѣялся онъ язвительнымъ смѣхомъ».

Яркость сценъ, своеобразная, силуэтная и въ то же время честная манера рисовать лица, острый психологическій анализъ, — все это дѣлаетъ

«Homo sapiens» несомнѣнно художественнымъ произведеніемъ. Русскаго читателя должна царапать нѣкоторая вычурность языка, хотя она настолько гармонируетъ съ сверхкультурностью самого Фалька, что врядъ ли можно было писать о немъ болѣе спокойнымъ слогомъ. *А. Вергежскій.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. М. Скабичевскій. „Исторія новѣйшей русской литературы". Пятое изданіе.

А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1903). Пятое изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Стр. 502. Цѣна 2 руб. Когда вышло первое изданіе «Исторіи новѣйшей русской литературы» въ 1891 году, книга эта была признана желательной и полезной. Но въ то же время былъ указанъ и цѣлый рядъ очень существенныхъ недочетовъ. Прежде всего былъ констатированъ «большой изъянъ въ самомъ планѣ» книги, состоящій въ томъ, что авторъ сознательно ограничилъ свою задачу разсмотрѣніемъ изящной литературы и литературной критики, оставивъ въ сторонѣ «движеніе наукъ, публицистики, прессы». Далѣе, было указано отсутствіе въ трудѣ г. Скабичевскаго «какой-нибудь центральной оси» и «руководящей нити», которая дала бы возможность привести «въ связь, близкую или далекую, прямую или косвенную, положительную или отрицательную, всѣ отдѣльные моменты исторіи литературы» (Михайловскій). Было указано, что, благодаря отсутствію этой нити, «за длиннымъ рядомъ біографій, перечисленіемъ и критическою оцѣнкою отдѣльныхъ произведеній, отъ историка ускользаетъ цѣльная картина историческаго процесса въ его переходѣ отъ одной эпохи къ другой, отъ поколѣнія къ поколѣнію» (Пыпинъ). Высказано было также сожалѣніе, что въ книгѣ нѣтъ никакого общаго вывода и не дается никакихъ указаній относительно дальнѣйшаго развитія русской литературы. Группировка русскихъ писателей была также признана не всегда удачной, часто произвольной и вообще «недостаточно обоснованной». Было указано, что г. Скабичевскій группируетъ свой матеріалъ то хронологически (напримѣръ, беллетристы сороковыхъ годовъ), то по формамъ словесныхъ произведеній (напримѣръ, историческій романъ, драма и комедія), то по общему содержанію (напримѣръ, беллетристы-народники). Зачисленіе отдѣльныхъ писателей въ ту или иную группу также вызвало немалыя недоумѣнія.

Еще большимъ возраженіямъ подверглись отдѣльныя мнѣнія г. Скабичевскаго. Автору «Исторіи новѣйшей русской литературы» горячо возражали противъ его парадоксальнаго мнѣнія, что не Гоголя, а Пушкина надо считать «родоначальникомъ натурализма въ Россіи». Его отзывы о литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ были признаны односторонними до фантастичности. Оцѣнки отдѣльныхъ писателей и даже терминологія г. Скабичевскаго также вызвали много возраженій. Вообще, было признано, что въ книгѣ г. Скабичевскаго «критикъ и даже публицистъ слишкомъ часто беретъ верхъ надъ объективнымъ изслѣдователемъ» (Морозовъ). Въ связи съ этимъ былъ указанъ въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» цѣлый рядъ пропусковъ, вызванный отчасти и недостаткомъ у автора объективности, необходимой для историка литературы. Наконецъ, къ числу недостатковъ книги отнесли и отсутствіе въ ней библіографическихъ указаній.

Противъ нѣкоторыхъ замѣчаній рецензентовъ г. Скабичевскій въ свое время горячо возражалъ въ «Новостяхъ» и до настоящаго времени остался при своихъ тогдашнихъ мнѣніяхъ; но кое-что было принято имъ къ свѣдѣнію при послѣдующихъ изданіяхъ «Исторіи новѣйшей русской литературы». Каждое

изъ нихъ выходило «дополненнымъ и исправленнымъ». Но всѣ эти дополненія и поправки не устранили главныхъ недостатковъ книги: ея планъ, содержаніе и группировка матеріала остались прежними. Произведены, правда, кое-какія перемѣны и въ этомъ отношеніи, но, въ общемъ, несущественныя и даже неудачныя. Такъ, напримѣръ, г. Засодимскій изъ группы «беллетристовъ-публицистовъ» переведенъ въ группу «беллетристовъ-народниковъ изъ разночинцевъ», несмотря на свое происхожденіе изъ дворянъ. И кое-какіе пропуски въ новыхъ изданіяхъ были устранены. Такъ, напримѣръ, послѣ перваго изданія въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» оказались такіе писатели, какъ Вонлярлярскій, Кущевскій, гр. Растопчина, Сухово-Кобылинъ, г. Тихоновъ (Луговой) и друг. Кромѣ того, явились біографическія свѣдѣнія о братьяхъ Кирѣевскихъ, о братьяхъ Аксаковыхъ, о Хомяковѣ, В. Майковѣ, В. Г. Короленкѣ, Саловѣ, Мачтетѣ и друг. Изъ новыхъ писателей и писательницъ явились гг. Л. Андреевъ, Вербицкая, Веселитская (Микуличъ), Верссаевъ, Горькій, Мельшинъ, Елпатьевскій.

Въ свое время г. Скабичевскому было указано, что онъ напрасно не внесъ въ свою «Исторію» нѣкоторыхъ критиковъ и публицистовъ. Такъ, напримѣръ, Н. К. Михайловскій писалъ, что «критическія упражненія гг. Страхова, Н. Соловьева, Эдельсона, Авсѣенка и друг. заслуживаютъ вниманія уже просто, какъ факты «Исторіи новѣйшей русской литературы». Кромѣ того, г. Михайловскій нашелъ страннымъ отсутствіе Шелгунова въ книгѣ г. Скабичевскаго. Даже г. Буренину, «какъ бы кто на него ни смотрѣлъ,—по мнѣнію г. Михайловскаго,—также слѣдовало бы отвести мѣсто въ «Исторіи новѣйшей русской литературы». Рецензентъ «Вѣстника Европы» находилъ необходимымъ разсмотрѣніе въ книгѣ г. Скабичевскаго новѣйшихъ критическихъ теорій. Наконецъ, рецензентъ «Русскаго Обозрѣнія» отказался понять, почему Шелгуновъ, Ткачевъ и г. Протопоповъ исключены изъ скрижалей *«Исторіи»*. Приведенныя замѣчанія не остались безъ нѣкотораго результата. Въ первомъ отдѣлѣ книги, посвященномъ обозрѣнію русской критики, явились Ткачевъ, гг. Пыпинъ, Арсеньевъ, Протопоповъ, Венгеровъ, Цебрикова, но и только. Критики противоположнаго лагеря, а также представители «новѣйшихъ теорій» игнорируются. Это, конечно, нежелательная и неумѣстная односторонность, благодаря которой, между прочимъ, мы не находимъ въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» ни единаго слова о декадентахъ и символистахъ. Не оставилъ также г. Скабичевскій безъ вниманія и замѣчанія рецензентовъ о необходимости въ его книгѣ хотя бы краткихъ свѣдѣній о русской журналистикѣ послѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ концѣ седьмой главы явились краткія свѣдѣнія объ «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», упомянуты даже «Устои» и «Слово»; но свѣдѣній о началѣ изданія, о направленіи и составѣ сотрудниковъ позднѣе возникшихъ журналовъ, не говоря уже о газетахъ, въ «Исторіи», доведенной до 1903 года, мы не находимъ.

Нѣкоторыя отдѣльныя мнѣнія и взгляды г. Скабичевскаго, вызвавшія въ свое время возраженія, исчезли со страницъ его книги. Такъ, напримѣръ, ничего не говорится уже о «парижеманіи» г. Боборыкина, въ XXI гл. исчезъ терминъ «кающійся дворянинъ», употребленный не въ томъ значеніи, какое ему обыкновенно придаютъ. Но, въ общемъ, критическая часть «Исторіи новѣйшей русской литературы» осталась безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій.

Трудно, конечно, было и надѣяться, чтобы г. Скабичевскій совершенно переработалъ свою книгу по новому плану и отказался отъ своихъ мнѣній, хотя бы и парадоксальныхъ. Но, къ сожалѣнію, въ новыхъ изданіяхъ своей книги онъ не далъ и того, что онъ долженъ былъ дать. Прежде всего необходимо указать, что, несмотря на сдѣланныя дополненія, цѣлые десятки русскихъ

писателей остались неразсмотрѣнными въ книгѣ г. Скабичевскаго. Нѣкоторые изъ нихъ только упомянуты, а нѣкоторые и вовсе пропущены. Такъ, напримѣръ, изъ покойныхъ писателей второй половины XIX-го вѣка въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» нѣтъ ни одного слова объ Астыревѣ, Жадовской, Кокоревѣ, Нефедовѣ, Погосскомъ и др. Изъ современныхъ писателей и писательницъ игнорируются гг. Апрѣлева (Е. Ардовъ), Кругловъ, Лохвицкая, Случевскій, Танъ, Чириковъ и нѣкоторые др. Еще болѣе странно видѣть, что свѣдѣнія о большинствѣ современныхъ писателей остались тѣ же самыя, что и въ первомъ изданіи, хотя за истекшія съ того времени двѣнадцать лѣтъ многое перемѣнилось въ личной жизни писателей и явились новыя произведенія ихъ пера. Такъ, напримѣръ, нѣтъ никакихъ дополненій о гг. Авсѣенкѣ, Бажинѣ, Вас. Немировичѣ-Данченкѣ, Лейкинѣ, Головинѣ, Мордовцевѣ, гр. Саліасѣ, Вс. Соловьевѣ, Баранцевичѣ, Минскомъ, Фругѣ, Эртелѣ, Потапенкѣ, Дмитріевой и др. Нѣтъ также никакихъ дополненій о такихъ недавно умершихъ писателяхъ, какъ Шеллеръ, Станюковичъ, Евг. Марковъ и др. Отмѣчено только время ихъ смерти. А относительно Аполлона Майкова не сдѣлано даже и этого. О нѣкоторыхъ писателяхъ вновь даны біографическія свѣдѣнія или измѣнены общіе отзывы о ихъ сочиненіяхъ, но данныя о ихъ литературной дѣятельности остались безъ всякихъ дополненій. Благодаря отсутствію этихъ безусловно необходимыхъ дополненій, судя по «Исторіи новѣйшей русской литературы», большинство современныхъ русскихъ писателей послѣ 1891 г. не написали ничего такого, что заслуживало бы вниманія.

Особенно странно читать въ «Исторіи» г. Скабичевскаго, доведенной до 1903 года, послѣднюю главу, посвященную современной русской поэзіи. Такъ же, какъ и въ первомъ изданіи, кромѣ покойнаго Надсона, тутъ говорится только о гг. Фругѣ, Минскомъ и Мережковскомъ, далѣе только упоминаются Апухтинъ, гг. Фофановъ, гр. Голенищевъ-Кутузовъ (который называется княземъ), Андреевскій и кн. Цертелевъ. Кромѣ того въ другой главѣ сказано нѣсколько словъ о г. П. Я. и упомянутъ А. М. Жемчужниковъ. Объ остальныхъ современныхъ поэтахъ г. Скабичевскій не считаетъ нужнымъ даже упоминать. Странно также, что литературной дѣятельности Чехова г. Скабическій нашелъ возможнымъ удѣлить всего только одну страницу, да и ту неполную, тогда какъ о другихъ писателяхъ, несравненно менѣе замѣчательныхъ, въ «Исторіи» говорится гораздо подробнѣе.

Кромѣ дополненій о литературной дѣятельности русскихъ писателей за девяностые годы, г. Скабичевскому въ слѣдующихъ изданіяхъ своей «Исторіи» слѣдовало бы пересмотрѣть, по крайней мѣрѣ, фактическій матеріалъ и въ остальныхъ главахъ, которыя также нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ. Нельзя, напримѣръ, говорить о Лѣсковѣ, только какъ бы авторѣ романовъ «Некуда» и «На ножахъ», а объ остальной его литературной дѣятельности ограничиваться словами: «Онъ написалъ массу повѣстей и разсказовъ, чуждыхъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ разсказахъ обнаружилъ недюжинный талантъ и разностороннее знаніе русской жизни». Нельзя проходить молчаніемъ такія сенсаціонныя для своего времени произведенія, какъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго (объ этомъ романѣ только упоминается) и «Знаменіе времени» г. Мордовцева. Нельзя говорить объ А. М. Жемчужниковѣ, только какъ объ участникѣ въ составленіи пародій Кузьмы Пруткова. Желательно было бы, чтобы и въ критическихъ приговорахъ г. Скабичевскаго, иногда крайне субъективныхъ и парадоксальныхъ, не было, по крайней мѣрѣ, противорѣчій на одной и той же страницѣ. Такъ, напримѣръ, о Львѣ Толстомъ сначала сказано: «Словно потухающая лампа, художественный талантъ гр. Толстого порою ярко вспыхиваетъ и въ послѣдніе годы его дѣятельности, т.-е. въ теченіе восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ». А черезъ нѣсколько

строкъ читаемъ: «Дивная повѣсть его «Воскресеніе»... представляетъ собою яркое доказательство, что творчество Толстого не только находится въ прежней своей силѣ, но какъ бы возросло еще выше» (стр. 171).

Біографическая часть «Исторіи новѣйшей русской литературы» также нуждается въ пересмотрѣ и исправленіи. Такъ, напримѣръ, о Тургеневѣ сообщается, что разсказъ «Хорь и Калинычъ» явился въ печати подъ иниціалами Т. Л., что «Записки охотника» вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ началѣ 1852 года и были главной причиной ареста, которому подвергся ихъ авторъ въ этомъ году. На самомъ же дѣлѣ «Хорь и Калинычъ» напечатанъ съ полной подписью Тургенева. Отдѣльное изданіе «Записокъ охотника» вышло въ срединѣ 1852 г., уже послѣ того, какъ Тургеневъ отбылъ наказаніе за письмо по поводу смерти Гоголя. Слѣдовательно, отдѣльное изданіе этой книги не могло имѣть никакой связи съ арестомъ Тургенева. О Львѣ Толстомъ сообщается, что въ 1843 г. «онъ поступилъ въ казанскій университетъ на филологическій факультетъ», что въ 1848 году онъ «сдалъ кандидатскій экзаменъ» въ петербургскомъ университетѣ, что онъ учредилъ въ Ясной Полянѣ школу послѣ второго заграничнаго путешествія. На самомъ же дѣлѣ въ Казани Толстой поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ, а въ Петербургѣ сдалъ всего только два экзамена по уголовному праву, а затѣмъ уѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— О Писемскомъ въ «Исторіи» сообщается, что неудача съ «Боярщиной» не охладила его къ литературнымъ трудамъ (стр. 201), хотя въ отдѣльной книжкѣ о Писемскомъ тотъ же г. Скабичевскій болѣе согласно съ истиною говоритъ, что обезкураженный писатель на время забросилъ перо и предался службѣ. О Чернышевскомъ сказано, что онъ возвратился на родину въ 1883 году; но Астрахань, куда перевели въ этомъ году Чернышевскаго, не родина его, а въ родной ему Саратовъ онъ переѣхалъ только лѣтомъ 1889 года. О Некрасовѣ попрежнему сообщается, что его мать была дочь «богатаго польскаго магната», хотя теперь уже извѣстно, что этотъ «магнатъ» былъ всего только титулярный совѣтникъ, притомъ православнаго вѣроисповѣданія. О г. Венгеровѣ сообщается, что онъ «въ 1900 г. приступилъ къ изданію сочиненій Бѣлинскаго и до сего дня успѣлъ выпустить 2 тома» (стр. 113). На самомъ же дѣлѣ до 1903 г. вышло уже шесть томовъ.

Все это, конечно, мелочи; но подобныя мелочи въ связи съ нерѣдкими опечатками и ошибками въ годахъ, иниціалахъ и именахъ, мѣшаютъ «Исторіи» г. Скабичевскаго быть надежной справочной книгой. Устраненіе подобныхъ недочетовъ въ слѣдующемъ изданіи желательно тѣмъ болѣе, что трудъ г. Скабичевскаго, при всѣхъ недостаткахъ въ планѣ и изложеніи, является все же лучшей книгой по исторіи новѣйшей русской литературы. *С. Ашевскій.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Гальперинъ. „Современная соціологія“.—*Дж. Гобсонъ.* „Экономика распредѣленія.—Наука соціальнаго прогресса.—Юношескіе годы Карла Маркса“.

С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. Екатеринославъ. 1903. Стр. VI+375. Ц. 2 р. Авторъ этой книги преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ дать обзоръ соціологической литературы (русской и иностранной) за 1902 г. и во-вторыхъ, изложить этотъ обзоръ такимъ образомъ, чтобы онъ въ то же время представлялъ собою связный очеркъ характерныхъ чертъ современной соціологіи. Объ эти задачи исполнены очень плохо. Изложеніе вопросовъ, которые г. Гальперинъ считаетъ характерными для современной соціо-

логіи, постоянно прерывается случайными отступленіями «ради полноты обзора». Но «полнота обзора» превращается въ пустой звукъ, потому что авторъ считаетъ себя въ правѣ говорить только о томъ, что ему кажется характернымъ, а характерными ему кажутся, напр., событія въ родѣ того, что «Бердяева не признали «своимъ» ни народники, ни марксисты, а г. Неждановa — признали и тѣ, и другіе». Только немногія изъ упоминаемыхъ г. Гальпериномъ книгъ и статей удостаиваются спокойнаго изложенія или пересказа. Большею частью г. Гальперинъ выхватываетъ у излагаемаго автора какой-нибудь отдѣльный, интересующій его вопросъ, вступаетъ въ полемику, и не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни интересами читателей, подробно и длинно выясняетъ всѣ пункты согласія и разногласія по данному вопросу между самимъ г. Гальпериномъ и критикуемымъ авторомъ. Полное отсутствіе системы и порядка г. Гальперинъ иногда пытается прикрыть мелочными и никому ненужными оправданіями; напр. книгу Сеньобоса оставляетъ безъ разсмотрѣнія на томъ будто бы основаніи, что хотя «трудъ Сеньобоса и переведенъ на русскій языкъ только въ отчетномъ году, но по времени выхода, трудъ этотъ къ данному году совершенно не относится» (41) (это не мѣшаетъ г. Гальперину «относить» къ «отчетному году» другія книги, написанныя до 1902 и появившіяся въ русскомъ переводѣ въ 1902 г.). Или: «указанная книга Риккерта («О границахъ естественно-научнаго образованія понятій». Тюбингенъ и Лейпцигъ. 1902) мнѣ къ сожалѣнію незнакома, но за то я знаю научное *credo* автора, изложенное имъ десять лѣтъ тому назадъ» (66). О сборникѣ «Проблемы идеализма» говорится: «Хотя сборникъ этотъ помѣченъ 1903 г. и формально не долженъ былъ войти въ нашъ «обзоръ», но появился этотъ сборникъ въ 1902 году (и даже въ нѣкоторыхъ органахъ печати, напр. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о немъ данъ отзывъ въ отчетномъ году), и потому мы считаемъ своею обязанностью мѣстами въ нашемъ обзорѣ касатьея работъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ» (18). На самомъ же дѣлѣ эти «Проблемы идеализма» буквально преслѣдуютъ читателя со страницъ «Обзора» г. Гальперина; въ нихъ, въ этихъ «Проблемахъ», повидимому, центръ интересовъ нашего автора. А свои интересы онъ совершенно спокойно отожествляетъ съ интересами читателей. Не видно ни малѣйшей заботы о потребностяхъ тѣхъ, для кого пишется книга.

А. Рыкачевъ.

Дж. Гобсонъ. I. Экономика распредѣленія. II. Наука соціальнаго прогресса. III. Юношескіе годы Карла Маркса. Стр. 321 + 52. Ц. 2 р. М. 1903 г. Всякое ученіе о распредѣленіи доходовъ, пренебрегающее идеальными историческими факторами, заранѣе обречено на безплодіе. Распредѣленіе доходовъ между рабочими и капиталистами непосредственно зависитъ отъ развитія правоваго и нравственнаго чувства, отъ уваженія рабочихъ къ власти, къ сословнымъ и классовымъ преимуществамъ и отъ сознанія капиталистами своей отвѣтственности передъ государствомъ и обществомъ. Но современная политическая экономія, проникнутая матеріализмомъ, все еще пренебрегаетъ этими идеальными историческими факторами и потому подъ именемъ «теорій распредѣленія» даетъ пустыя схоластическія построенія. Къ сожалѣнію, схоластикой экономистовъ способны увлекаться люди, горячо сочувствующіе практическимъ требованіямъ рабочихъ, и часто можно видѣть, какъ защитники интересовъ рабочаго класса закапываются до головы въ отвлеченности экономической «теоріи», думая найти въ нихъ вѣрное средство противъ жадности капиталистовъ и слѣпоты государственныхъ дѣятелей. Къ числу такихъ, поистинѣ достойныхъ сожалѣнія, друзей рабочаго класса принадлежитъ и Дж. Гобсонъ. Какъ Марксъ хотѣлъ использовать въ интересахъ рабочихъ отвлеченныя начала старой «классической» политической экономіи, такъ Гобсонъ въ тѣхъ же интересахъ хочетъ использовать отвлеченныя начала «новой» поли-

тической экономіи. Марксъ построилъ защиту соціализма на матеріалѣ, заимствованномъ изъ школы Рикардо. Гобсонъ, для защиты того же соціализма, беретъ оружіе изъ арсенала «субъективной» школы, изъ ученій Джевонса и Бёмъ-Баверка. Новая «субъективная» школа, къ сожалѣнію, и у насъ въ Россіи начинаетъ вызывать тѣ же незаслуженныя симпатіи и надежды, что и въ заграничной наукѣ. Но каковы бы ни были достоинства и недостатки новой школы по сравненію со старой, обѣ страдаютъ однимъ и тѣ же грѣхомъ—отвлеченнымъ матеріализмомъ, который дѣлаетъ ихъ безполезными и даже вредными при рѣшеніи практическихъ вопросовъ общественной жизни. Старая школа выходила изъ представленій о «нормальномъ», «среднемъ» человѣкѣ, о нормальной цѣнности, нормальной полезности, нормальныхъ или «общественно-необходимыхъ» затратахъ, нормальныхъ или среднихъ прибыляхъ. Новая школа исходитъ изъ представленій о «предѣльныхъ», «крайнихъ» или «послѣднихъ» условіяхъ: предѣльныхъ покупателяхъ (т.-е. такихъ, которые говорятъ послѣднее, рѣшающее слово), предѣльныхъ продавцахъ, предѣльныхъ цѣнахъ, предѣльныхъ издержкахъ, предѣльныхъ прибыляхъ и т. д. Но обѣ школы занимаются однимъ и тѣмъ же отвлеченнымъ воспитываніемъ эгоистическихъ выгодъ и невыгодъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ сложной борьбой интересовъ и идеаловъ, происходящей въ дѣйствительной жизни. Обѣ основаны на наивной матеріалистической предпосылкѣ, будто каждый стремится только къ наибольшей суммѣ личныхъ выгодъ. «Предѣльные» покупатели и продавцы Джевонса и Бёмъ-Баверка такіе же картонные раціоналисты и матеріалисты, какъ и нормальный «экономическій» человѣкъ старой классической школы. Никакой дѣйствительной пользы для рабочаго движенія нельзя извлечь изъ этихъ картонныхъ фигуръ. Въ рукахъ Маркса наивный матеріализмъ Рикардо отчасти остался пустой схоластикой, отчасти же привелъ къ оправданію грубаго практическаго матеріализма, грубаго насилія и равнодушной терпимости къ насилію. Точно также и въ рукахъ Гобсона матеріализмъ «субъективной» школы отчасти остается пустой и безобидной схоластикой, отчасти ведетъ къ оправданію насилія.

А между тѣмъ намѣренія у Гобсона самыя хорошія и направлены въ сторону самыхъ реальныхъ практическихъ нуждъ. Онъ хочетъ оправдать, съ одной стороны, требованія рабочихъ о сокращеніи рабочаго дня и повышеніи платы, съ другой—усиленное подоходное обложеніе на цѣли крупныхъ соціальныхъ реформъ. Гобсонъ справедливо говоритъ, что господствующіе въ экономической наукѣ теоріи распредѣленія какъ нельзя болѣе на руку врагамъ соціальныхъ реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая теорія, устанавливающая естественные законы распредѣленія доходовъ, признаетъ безполезность какого бы то ни было вмѣшательства въ хозяйственную жизнь со стороны рабочихъ союзовъ или финансоваго управленія. Рабочіе союзы требуютъ повышенія платы. Но, отвѣчаютъ имъ капиталисты, доля рабочихъ въ національномъ доходѣ зависитъ не отъ насъ; каждый факторъ производства—рабочіе, земля, капиталъ имѣетъ свою опредѣленную долю; вы можете повысить свою плату, но это принесетъ ущербъ другимъ факторамъ производства, общая сумма производства сократится, народное богатство уменьшится и, въ концѣ концовъ, пострадаете вы сами, какъ и другіе классы. Практическое значеніе подобныхъ возраженій ясно обнаружилось въ послѣдніе годы въ Англіи, гдѣ рабочимъ союзамъ ставятъ теперь въ вину упадокъ англійской промышленности и промышленныя побѣды американскихъ и германскихъ конкурентовъ. Подобнаго же рода возраженія дѣлаются и противъ финансовыхъ реформъ: вы хотите обложить монополистовъ и рантьеровъ? Но вѣдь не отъ васъ зависитъ распредѣленіе доходовъ и рентъ! Сколько бы вы ни обкладывали крупные доходы, ваши налоги будутъ перекладываться съ класса на классъ, пока вновь не

*

установится естественное равновѣсіе доходовъ въ зависимости отъ естественныхъ законовъ распредѣленія. Вы можете только назначить лицъ, которыя будутъ вносить деньги въ казначейство, но не можете собственною властью опредѣлить дѣйствительный источникъ, изъ котораго эти деньги, въ концѣ концовъ, берутся.

Противъ такихъ-то возраженій и выдвигаетъ Гобсонъ свою «экономику распредѣленія». Онъ признаетъ, что существуетъ «необходимое вознагражденіе» всѣхъ факторовъ производства—труда, земли и капитала. Это необходимое вознагражденіе опредѣляется, съ одной стороны, «стоимостью», съ другой—«полезностью». «Стоимость» и «полезность» отдѣльныхъ факторовъ производства обнаруживается въ борьбѣ спроса и предложенія, совершенно такъ же, какъ стоимость и полезность готовыхъ продуктовъ. Но при условіяхъ современной хозяйственной жизни въ большинствѣ рыночныхъ сдѣлокъ спросъ и предложеніе опредѣляютъ только верхнюю и нижнюю границы рыночныхъ цѣнъ. Только на міровомъ рынкѣ, при полномъ отсутствіи монополій и при полномъ господствѣ свободной конкуренціи, цѣны окончательно устанавливаются силами одной торговой конкуренціи. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ существуютъ довольно просторные предѣлы, внутри которыхъ цѣны опредѣляются не конкуренціей, а силой и ловкостью сторонъ. При этомъ побѣждаетъ та сторона, которая лучше съумѣетъ скрыть собственные планы и проникнуть въ соображенія и интересы противной стороны. Такимъ образомъ возникаетъ «вынужденный» барышъ. Гобсонъ обыкновенно прилагаетъ къ нему терминъ «рента», ибо нѣкоторыя свойства «вынужденнаго барыша» давно уже изучались экономистами подъ именемъ ренты. Гобсонъ устанавливаетъ довольно сложную систему «предѣльныхъ», «дифференціальныхъ», «вынужденныхъ», «специфическихъ» и разныхъ другихъ рентъ и старается доказать, что капиталъ и трудъ обладаютъ такою же способностью получать ренту, какъ и земля. Итакъ, цѣна всѣхъ продуктовъ распадается на: 1) «необходимое» вознагражденіе «необходимыхъ» затратъ труда, земли и капитала и 2) «вынужденныя», или «незаслуженныя» доли, или ренты, земли, труда и капитала. Совокупность этихъ рентъ или незаслуженныхъ прибылей, Гобсонъ называетъ также «прибавочною цѣнностью». Въ современномъ обществѣ рабочіе являются слабѣйшей стороной. Поэтому чрезмѣрно большая часть «прибавочной цѣнности» попадаетъ въ руки монополистовъ всякаго рода, землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей. Но, сплачиваясь и объединяясь въ союзы, рабочіе могутъ пріобрѣсти ту силу, которой имъ теперь недостаетъ. Когда сила будетъ на ихъ сторонѣ, они обратятъ въ свою пользу прибавочную цѣнность, которой пользуются теперь капиталисты. Марксъ, по мнѣнію Гобсона, правильно понялъ великое значеніе прибавочной цѣнности, но ложно приписалъ ея происхожденіе только одному фактору производства, именно труду; въ дѣйствительности, въ ея созданіи нераздѣльно участвуютъ всѣ факторы производства. Добиваясь болѣе широкаго участія въ пользованіи «прибавочною цѣнностью», рабочіе вовсе не касаются «необходимыхъ издержекъ» и, слѣдовательно, вовсе не угрожаютъ общимъ размѣрамъ производства и общему количеству богатства, какъ увѣряютъ ихъ противники. Въ то же время и законодатель при помощи налоговъ можетъ брать отъ состоятельныхъ классовъ крупныя суммы «незаслуженныхъ прибылей», не опасаясь ни сокращенія производства, ни переложенія налоговъ на болѣе слабыя плечи. Однимъ словомъ, новое ученіе о «прибавочной цѣнности» развязываетъ руки и рабочимъ союзамъ, и политическимъ дѣятелямъ, желающимъ вступить на путь серьезныхъ и, слѣдовательно, дорого стоющихъ соціальныхъ реформъ.

Въ отдѣльныхъ частяхъ своего ученія Гобсонъ дѣлаетъ не мало оригинальныхъ и остроумныхъ поправокъ къ теоріямъ своихъ предшественниковъ,

и тѣ, у кого хватитъ терпѣнія прослѣдить за всѣми тонкостями его полемики съ Маршаллемъ, Бёмъ-Баверкомъ и Джевонсомъ, во многомъ должны будутъ согласиться съ его критикой. Между прочимъ, интересны его разсужденія о рентѣ съ худшихъ и лучшихъ участковъ. Обыкновенно говорятъ, что монопольная или абсолютная (по выраженію Маркса) рента устанавливается въ зависимости отъ предложенія и спроса на самую худшую землю. Гобсонъ же говоритъ, что иногда опредѣлителемъ абсолютной ренты можетъ быть не худшій, а лучшій участокъ. Напр., владѣлецъ худшаго участка согласился бы получать 100 р. съ десятины, но, несмотря на то, онъ получаетъ 150 руб. единственно по той причинѣ, что владѣлецъ лучшаго участка, котораго производительность ровно вдвое больше, не соглашается пускать въ обработку свой участокъ за 200 р., но только за 300 р.

Однако, все это — домашніе внутренніе споры ученыхъ схоластиковъ. Для практической жизни, для рабочаго движенія и соціальныхъ реформъ ученіе Гобсона не даетъ и не можетъ дать полезныхъ результатовъ. Какъ и всякое ученіе, построенное на предпосылкѣ отвлеченнаго разсудочнаго эгоизма, оно, во-первыхъ, искажаетъ дѣйствительность и, во-вторыхъ, невольно оправдываетъ эгоизмъ и произволъ.

Не нужно никакихъ теорій, чтобы признать, что рабочіе, въ договорахъ съ капиталистами, являются слабѣйшей стороной и что они могутъ и должны добиваться лучшихъ условій жизни и труда. Значеніе теоріи Гобсона заключается не въ повтореніи этихъ старыхъ истинъ, а въ томъ, что онъ признаетъ ихъ только по отношенію къ одной опредѣленной части народнаго богатства—по отношенію къ «прибавочной цѣнности», относительно же другой части—«необходимыхъ издержекъ»—оставляетъ въ силѣ всѣ предразсудки старой политической экономіи. Но такое разграниченіе между необходимыми издержками, гдѣ нѣтъ мѣста ни насилію, ни свободѣ, и «рентами», гдѣ царствуетъ только насиліе и гдѣ возможна полная свобода, совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Въ дѣйствительности, значительная часть насилія и несправедливости капиталистовъ заключается именно въ томъ, что они лишаютъ рабочихъ «необходимыхъ» средствъ. Да и какъ провести границу «необходимыхъ» средствъ для поддержанія жизни? Какую жизнь нужно при этомъ имѣть въ виду, достойную человѣческую жизнь или прозябаніе впроголодь? Въ одномъ мѣстѣ Гобсонъ говоритъ, что «истинная заработная плата, необходимая для существованія», есть такая, «какую *истинно-просвѣщенный* предприниматель найдетъ *выгоднымъ* заплатить» (228). Но дѣло въ томъ, что истинно-просвѣщенные предприниматели не могутъ платить самой *выгодной* для себя платы, потому что въ интересахъ рабочихъ они жертвуютъ нѣкоторою частью несомнѣнныхъ своихъ выгодъ... Конечно, столь же условно и произвольно и разграниченіе между «необходимымъ» и «вынужденнымъ» вознагражденіемъ капитала, между «необходимой» и «вынужденной» земельной рентой.

Гобсонъ говоритъ, что при распредѣленіи рентъ или прибавочной цѣнности рѣшающее значеніе имѣетъ относительная сила и слабость сторонъ. Но развѣ распредѣленіе «необходимаго вознагражденія» не зависитъ точно также отъ силы и слабости покупщиковъ и продавцовъ? Какая же разница между борьбой сильныхъ и слабыхъ при распредѣленіи «прибавочной цѣнности» и борьбой сильныхъ и слабыхъ на открытомъ рынкѣ, при дѣйствіи свободной конкуренціи? Если судить по анализу, данному въ I-й главѣ сочиненія Гобсона, нашъ авторъ, повидимому, принимаетъ, что полученіе «прибавочной цѣнности» предполагаетъ болѣе грубую борьбу и неизбѣжно связано съ обманомъ. «Если взять нашъ настоящій примѣръ, то для опредѣленія цѣнъ, повидимому, существенно важно, чтобы одинъ изъ капиталистовъ вводилъ въ заблужденіе дру-

гого относительно дѣйствительнаго положенія дѣла... Такіе обманы или пріемы насильственнаго характера, повидимому, необходимы для окончательнаго установленія цѣнъ» (14). «Принужденіе является послѣднимъ опредѣлителемъ рыночной цѣны» (18). Далѣе Гобсонъ старается показать, что примѣръ, изъ котораго онъ исходитъ, въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ условіямъ дѣйствительнаго рынка, гдѣ элементъ «вынужденной прибыли» даже значительнѣе, чѣмъ въ примѣрѣ.

Итакъ, вмѣсто свободной конкуренціи, отъ которой буржуазные экономисты ждутъ спасенія и для рабочихъ, и для всего народнаго хозяйства, Гобсонъ предлагаетъ рабочимъ возложить всѣ надежды на еще болѣе грубыя формы борьбы. Въ сущности, его оправданіе политики рабочихъ союзовъ сводится къ оправданію необходимой самообороны: на насиліе можно и должно отвѣчать насиліемъ. Сомнительно, чтобы современные рабочіе и современное государство удовлетворилось столь примитивною моралью. И во всякомъ случаѣ, ученіе Гобсона столь же оправдываетъ насильственную борьбу объединившихся капиталистовъ съ рабочими союзами, какъ и воинственную политику самихъ рабочихъ. Кому, въ концѣ концовъ, лучше удастся «ввести въ заблужденіе другого», остается открытымъ вопросомъ. Гобсонъ, правда, и не дѣлаетъ рѣшительныхъ предсказаній. Но онъ упускаетъ изъ виду, что насиліе и обманы отражаются не только на распредѣленіи, но и на успѣшности производства: чѣмъ больше будетъ насилія и обмановъ, тѣмъ значительнѣе сократятся доли *всѣхъ* классовъ населенія, независимо отъ отношенія ихъ между собой. А вѣдь задачей Гобсона было показать, что требованія рабочихъ могутъ быть удовлетворены безъ пониженія общаго богатства.

Оправдывая насиліе со стороны рабочихъ и капиталистовъ, ученіе Гобсона въ то же время оправдываетъ произволъ въ финансовой политикѣ. По Гобсону выходитъ, что никакіе налоги не могутъ уменьшить «необходимыхъ» затратъ производства и пріостановить развитіе производительныхъ силъ: всякій налогъ падаетъ, въ концѣ концовъ, на «незаслуженный доходъ». Это—большое утѣшеніе для всѣхъ финансовыхъ дѣятелей, но въ то же время и теоретическое оправданіе *всѣхъ* налоговъ, даже и такихъ, которыхъ непосильная тяжесть для населенія практически хорошо извѣстна и самому населенію и финансистамъ. «Отдѣльный монополистъ,—говоритъ Гобсонъ,—можетъ уклониться отъ особаго обложенія или обложенія ad valorem предметовъ своей монополіи лишь путемъ перенесенія этого налога на незаслуженные доходы извѣстнаго класса потребителей, а не путемъ распредѣленія его на всѣ классы потребителей. Тотъ же общій принципъ примѣнимъ и ко всякому обложенію благъ монополизированныхъ или свободныхъ: нельзя облагать налогомъ доходы, представляющіе собою необходимые платежи за факторы производства, до тѣхъ поръ, пока ими не будутъ поглощены всѣ формы незаслуженнаго дохода» (247).

Итакъ, законодатель, сколько бы ни старался, не можетъ чрезмѣрностью налоговъ остановить развитіе производительныхъ силъ! И здѣсь опять Гобсонъ, незамѣтно для самаго себя, приходитъ къ ученію старой политической экономіи о томъ, что все, необходимое для производства, заботливо обезпечивается какими-то таинственными естественными законами распредѣленія и не можетъ быть разрушено ни борьбой классовъ, ни финансовой политикой.

Что Гобсонъ поддастся обаянію старой схоластики совершенно противъ своей воли, становится особенно яснымъ при чтеніи небольшой статьи, помѣщенной въ той же книгѣ, рядомъ съ «экономикой распредѣленія». Эта статья, подъ заглавіемъ «Наука соціальнаго прогресса», представляетъ извлеченіе изъ труда Гобсона «Соціальная проблема» («The social problem»). Авторъ высказываетъ здѣсь свои взгляды на задачи экономической науки и на успѣхи, достигнутые ею до сихъ поръ. Онъ очень строго относится и къ «старой», и

къ «новой» школѣ и требуетъ полнаго, радикальнаго измѣненія методовъ изученія. Соглашаясь во многомъ съ проповѣдью Рёскина противъ экономистовъ, онъ утверждаетъ, что деньги не могутъ служить мѣрой прогресса и счастья и что всѣ измѣренія, производимыя теперь экономистами на деньги, должны быть приведены къ иному, болѣе точному мѣрилу—мѣрилу добра и зла, жизни и смерти, истиннаго человѣческаго счастья и несчастья. Гобсонъ прямо заявляетъ, что у науки нѣтъ и не должно быть средствъ для *количественнаго* измѣренія и сравненія всѣхъ жизненныхъ благъ, напр., для сравненія вещей необходимыхъ съ вещами просто полезными, предметовъ удобства съ предметами роскоши. Въ важнѣйшихъ вопросахъ оцѣнки возможно только качественное, но не количественное сравненіе... Читая эти горячія страницы о новыхъ горизонтахъ для экономической науки въ духѣ возвышеннаго идеализма, приходится только удивляться, какимъ образомъ одинъ и тотъ же авторъ можетъ такъ рѣзко осуждать старые пріемы въ чужихъ работахъ и такъ безпомощно ихъ повторять въ попыткѣ собственныхъ новыхъ построеній. Очевидно, недостаточно признать права идеализма на словахъ, въ теоріи, въ отвлеченной программѣ, чтобы освободиться отъ заблужденій застарѣлаго матеріализма. Подъ новыми формами, подъ новыми названіями старый денежно-товарный фетишизмъ можетъ долго уживаться рядомъ съ искренними призывами къ обновленію и «очеловѣченію» науки...

Борьба новыхъ, гуманныхъ началъ съ заразительнымъ обаяніемъ старой схоластики сообщаетъ несомнѣнный интересъ переводу новыхъ трудовъ Гобсона, уже знакомаго русскимъ читателямъ по другимъ книгамъ. Но чтеніе настоящей книги требуетъ нѣкотораго предварительнаго знакомства съ теоріями «субъективной школы» и сильно затрудняется тяжелымъ языкомъ, сложной и спутанной терминологіей, а также не совсѣмъ удовлетворительнымъ переводомъ, Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками англійскаго подлинника, но и безъ подлинника легко понять, что подъ «Комтомъ» (на стр. 277) подразумѣвается философъ Контъ, подъ «цензурой», отъ которой на стр. 272 освобождается политическая экономія, нужно разумѣть упрекъ, порицаніе (англ. censure), и что переводчикъ, переводя англійское слово mill (= 1) мельница, 2) заводъ, фабрика), не всегда вникалъ въ смыслъ текста, вслѣдствіе чего и получилось, что въ Англіи существовало какое-то «поколѣніе владѣльцевъ мельницъ, финансистовъ» и т. д. (274), или что какая-то агитація вокругъ закона о бѣдныхъ имѣла цѣлью «доставить мельницамъ сѣвера дѣтскій трудъ» (275). Выходитъ, что мельницы и мельники играли какую-то совсѣмъ особую роль въ англійской исторіи.

Въ той же книгѣ, въ качествѣ третьей статьи, помѣщенъ, съ отдѣльной нумераціей страницъ, очеркъ «Юношескіе годы Карла Маркса». Очеркъ принадлежитъ перу Фр. Меринга и взятъ изъ введенія къ нѣмецкому сборнику «литературнаго наслѣдія К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля». Передъ нами развертывается интересная картина первыхъ шаговъ сознательной жизни будущаго ученаго и агитатора. Будущій матеріалистъ, жестокій критикъ и самоувѣренный борецъ является здѣсь влюбленнымъ юношей, мечтателемъ-поэтомъ и пылкимъ идеалистомъ, мучающимся философскими сомнѣніями. Досадно, что въ русскомъ изданіи эти полныя интереса картины прошлаго обрываются такъ рано. *А. Рыкачевъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Давидъ Юмъ „Изслѣдованіе человѣческаго разума". — *Роджерсъ*. „Краткое введеніе въ исторію новой философіи".

Давидъ Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquery concerning human understanding). Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 193 стр. Цѣна 1 руб. Шотландскій философъ *Давидъ Юмъ*, занимая въ исторіи философіи одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, и для нашего времени долженъ считаться лучшимъ будильникомъ мысли. Безпощадная логика, ясность мысли и изложенія, стройность общихъ построеній и занимательность въ деталяхъ дѣлаютъ его привлекательнымъ для всякаго обращающагося къ философіи, какъ къ источнику не только умственнаго и нравственнаго просвѣщенія, но и чисто эстетическаго наслажденія. Чуждый узкаго доктринерства и скучнаго морализированія, Юмъ, дѣйствительно, овладѣваетъ умомъ и настроеніемъ читателя и невольно зарождаетъ въ его умѣ тотъ скептическій критицизмъ, который одинаково хорошо предохраняетъ, какъ отъ излишняго увлеченія метафизическими туманами, такъ и отъ слѣпой преданности пошлости здраваго смысла.

Главное сочиненіе Юма «Treatise upon human nature» вышло въ 1738—40 г.г, въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый Of Understanding было посвящено тому, что мы называемъ теперь *теоріей познанія*. Опредѣлить границы человѣческаго ума и познанія, изслѣдовать цѣнность и достовѣрность знанія, а также его происхожденіе, — таковы главныя задачи «Трактата». Установивъ, что умъ человѣческій въ познаніи имѣетъ дѣло только съ перцепціями и что кромѣ перцепціи ничего въ умѣ нѣтъ (Tr. P. I. 5. 6,), Юмъ дѣлитъ ихъ на два класса: впечатлѣнія, непосредственныя сильныя перцепціи и представленія, болѣе слабыя и возникающія благодаря памяти и воображенію. Установить ихъ отношеніе—задача «Трактата» (см. Introduction).

Къ сожалѣнію, «Трактатъ» совершенно не произвелъ должнаго дѣйствія, его читали мало, критики молчали. Въ 1748 г. Юмъ выпускаетъ «Inquery concerning the human understanding», представляющее изложеніе и переработку первой книги «Трактата.» Именно эта книга сдѣлала то, что долженъ былъ сдѣлать «Трактатъ». На новую философію обратили вниманіе и стали ее обсуждать. По существу Юмъ новыхъ вопросовъ въ «Изслѣдованіи» не ставитъ и всѣ главы его могутъ найти себѣ соотвѣтствующія въ «Трактатѣ». Совершенно новой является только глава X «О чудесахъ» и XI «О Провидѣніи, и будущей жизни». Кромѣ того, выпущена вся вторая часть, посвященная анализу пространства и времени, а часть IV, «О скептическихъ и другихъ системахъ философіи», значительно сокращена. Пропорціональность въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ также измѣнена, изложеніе сдѣлано еще яснѣе и проблема причинности еще болѣе подчеркивается, какъ центральная часть всего построенія.

Замѣчательно, что и самъ Юмъ послѣ неудачи «Трактата» оцѣнилъ свое «юношеское» произведеніе ниже его дѣйствительной цѣнности и даже совершенно отрицалъ его. Послѣдующія поколѣнія, съумѣвшія оцѣнить истинное значеніе «Трактата», такимъ образомъ, не исполнили желанія Юма считать его философіей только Inquiry. Кстати, предисловіе Юма къ Inquiry, гдѣ объ этомъ идетъ рѣчь, совершенно переводчикомъ выпущено, между тѣмъ оно очень цѣнно для характеристики отношенія Юма къ своимъ произведеніямъ.

Надо сознаться, русскій переводчикъ «Изслѣдованія» выбралъ для своего перевода очень удачный моментъ. Не только потому, что Юма уже давно слѣдовало перевести на русскій языкъ, а теперь въ періодъ оживленія интереса

къ философіи въ особенности, но еще и потому, что этимъ переводомъ обращается вниманіе нашихъ противниковъ «возвращенія къ Канту» на ту удобную позицію, которую они могутъ занять для своихъ рядовъ. Современные русскіе позитивисты еще долго могли бы отстаивать въ юмовой крѣпости свое существованіе. Вѣдь рѣшенный ли это вопросъ, что Кантъ устранилъ Юма, быть можетъ, онъ даже и не нападалъ на него, а прошелъ мимо?.. Моментъ для перевода удачный, къ сожалѣнію, переводъ г. Церетели несовершененъ. Для популярной книжки этотъ переводъ быть можетъ былъ бы и хорошъ, но для классическаго произведенія онъ долженъ быть исправленъ. Въ сущности г. Церетели погрѣшаетъ противъ всѣхъ правилъ хорошаго перевода.

Мы приведемъ нѣкоторыя изъ замѣченныхъ погрѣшностей, быть можетъ, переводчикъ воспользуется ими впослѣдствіи и, быть можетъ, читатели исправятъ ихъ прежде, чѣмъ пользоваться данньмъ переводомъ.

Первая крупная ошибка та, что *весь* переводъ сдѣланъ очень свободно. Часто слова выбрасываются и вставляются новыя, сходныя только по смыслу. Тутъ надо передѣлать весь переводъ.

Что касается терминологіи, то раньше всего неудачно переводить *Understanding* черезъ *разумѣніе*, это переводчикъ чувствуетъ и уже на стр. 2 пишетъ *разсудокъ* (то же на стр. 44), съ другой стороны тѣмъ же «*разумѣніе*» иногда передается *reason* (разумъ) (напр., стр. 25), а на страницѣ 42 *understanding* уже переводится *умомъ* (то же на стр. 121 прим.). Удобнѣе было бы переводить однообразно черезъ *разсудокъ*, или *познаваніе*, или *умъ*. Терминъ *perception* (перцепція, воспріятіе) переводчикъ переводитъ то воспріятіе, то представленіе. *Idea* онъ переводитъ *идея*, хотя болѣе соотвѣтствуетъ русскос *представленіе*, то, что въ нѣмецкой психологіи *Vorstellung*, а французской *image*; но и *идея* употребляется непостоянно, напр., на стр. 39 написано *мысли* (ideas), а на стр. 188 *представленіе*. *Представленіе* удобно еще и потому, что оно подчеркиваетъ приверженность Юма къ берклеевой теоріи общихъ представленій, о замѣщеніи понятій словами, связанными съ единичнымъ представленіемъ. Нѣмцы часто переводятъ юмово *idea* черезъ *Begriff*, но это уже злоупотребленіе историческимъ объясненіемъ.—*Belief* онъ переводитъ *вѣра* (напр., стр. 50 и сл.) и, такимъ образомъ, неизвѣстно чѣмъ оно отличается отъ *faith*. Лучше было бы писать *увѣренность* или *убѣжденіе*. (то же предлагаетъ Риль — вмѣсто *glaube* писать здѣсь *Gewissheit* или *Ueberzeugung*. «Der philos. Krit.». B. I, 365, Anm. См. также у Виндельбанда въ «Präludien»). Точно также не различаетъ переводчикъ *demonstration* и *proof*, напр., стр. 24 и сл. demonstration, а на стр. 73 proof одинаково переводятся черезъ *доказательство*.

Засимъ отмѣчу слѣдующее:

Стр. 2 строка 8, написано *теоретическаго изслѣдованія* вмѣсто *спекуляціи умозрѣнія* (speculation), то же на стр. 14, 100 и др.

Стр. 2, строка 16—*разсудка* вмѣсто *разсужденія* (reasoning).

Стр. 3, строка 6—*abstruse* значитъ *неясная*, а вовсе не *отвлеченная* (!), то же на стр. 9, 67 и др., а на стр. 5, строка 23 написано *отвлеченное мышленіе* вмѣсто *неясную мысль* (abstruse thought). Кстати *thought* и *thinking* переводчикъ не различаетъ.

Стр. 12, строка 11, написано *вращательнымъ движеніемъ* вмѣсто *обращеніями* (revolutions).

Стр. 13, строка 17, написано: *сколько красоты и цѣнности отнимаетъ такого рода предположенія отъ философіи*,—здѣсь пропускъ: надо *отъ этого вида философіи*, а это далеко не одно и то же.

На стр. 15, строка 9 снизу и слѣд., совершенно перепутано. Стоитъ: *послѣднія представленія могутъ быть отраженіемъ ощущеній или же*

копіей съ нихъ, а надо: *эти способности* (рѣчь идетъ о памяти и воображеніи) *могутъ подражать перцепціямъ чувствъ или копировать ихъ.*

На стр. 20, строка 10 снизу—*я думаю, большинство будетъ держаться того мнѣнія...* Надо—*я увѣренъ, что только немногіе будутъ того мнѣнія*

На стр. 23 строка 9 снизу—почему-то *причинность*, когда у Юма сказано *причина или дѣйствіе* (cause or effect), тоже на стр. 37, 70 и др. вмѣсто *причина и дѣйствіе.*

На стр. 27 послѣ строки 21 пропущено: *если этотъ объектъ для него совершенно новъ.*

На стр. 29, строка 1,6 послѣ *произведетъ* пропущено: *не обращаясь къ прежнему наблюденію.*

На стр. 31, строка 11 снизу—словъ *окончательно или приблизительно* у Юма совсѣмъ нѣтъ, а затѣмъ идетъ—*свести частныя явленія къ этимъ общимъ принципамъ*, а не *вывести частныя явленія изъ этихъ общихъ принциповъ.* (Trace up the particular phenomena to... these general principles).

На стр. 41 строка 5 послѣ *любознательности* пропущено *я не скажу скептицизма.* (I will not say scepticism).

На стр. 43, строка 7, неожиданно появляется *а якобы* вмѣсто простого *которое* (which). Кстати, вся эта фраза скорѣе переложеніе, чѣмъ переводъ.

Стр. 55, строка 13, снизу послѣ слова *итакъ* пропущено: *заключимъ все это ученіе и* (let us take in the whole compass of this doctrine).

Стр. 56, строка 9 снизу, не *особую*, а *новую* (new).

Стр. 63, строка 18 написано *степеняхъ вѣроятности*, у Юма просто *возможностяхъ* (possibilities).

Стр. 67, строка 2 снизу—*философіи природы* (natural philosophy). По-русски это выраженіе значитъ просто *физика*, иногда въ болѣе широкомъ смыслѣ у насъ переводятъ *естествознаніе*, то же на стр. 31, 110 и др.

На стр. 69 строка 19—*наблюденіе* вмѣсто *воспріятія* (apprehension).

На стр. 71 строка 19—20—невѣроятно грубая ошибка—написано *рефлективная идея*, тогда какъ слѣдуетъ *представленіе изъ рефлексіи* (idea of reflection). *Рефлективный* вѣдь прилагательное отъ *рефлексъ!*

На стр. 78, строка 8 снизу, послѣ словъ *принципа* пропущено: *въ одномъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ другомъ* (in one case more than in the other), вѣроятно, потому, что переводчику заблагоразсудилось совершенно переставить всю фразу. У Юма эти «случаи» относятся къ познанію и чувствамъ.

На стр. 93, строка 8 снизу, стоитъ *физикъ (!) или философъ-естественникъ*, на самомъ дѣлѣ надо *врачъ или физикъ* (physician or natural philosopher). И надо замѣтить, *physician* никогда *физикъ* не можетъ значить. Этотъ же *physician* на стр. 98 становится *докторомъ—философъ и докторъ не удивляются этому...* Будто докторъ и врачъ синонимы.

Стр. 96, строка 3, стоитъ почему-то *права* вмѣсто *нравы* (manners).

Стр. 106, строка 6 послѣ *въ ученіи* пропущено *о свободѣ такъ же, какъ и въ ученіи* (of liberty as well as in that...).

Стр. 111, строка 18 вмѣсто *обыкновенныя* надо *кратковременныя* или *мгновенныя* (momentary).

Стр. 118, строка 16, послѣ *происхожденіе* пропущено *и связь* (connexion).

Отдѣлъ X и XI (50 страницъ изъ 193 всей книги) опускаю.

На стр. 173, строка 14, снизу опять начинается—*чтобы прійти къ атеизму на теоретическихъ основаніяхъ*, тогда какъ въ оригиналѣ стоитъ просто *быть спекулятивнымъ атеистомъ* (to be a speculative atheist).

Стр. 178, строка 4 послѣ *души* пропущено *ни внушеніемъ какого-либо невидимаго и неизвѣстнаго духа* (or from the suggestion of some invisible and unknown spirit).

Стр. 181, строка 10, послѣ *качествъ* пропущено *какъ первичныхъ, такъ и вторичныхъ* (both primary and secondary).

Стр. 182, строка 23 написано *тангентомъ*. Въ русской математической литературѣ этотъ терминъ не употребителенъ, говорятъ обыкновенно *касательная*.

На стр. 191—полная нелѣпость—*несуществованіе всѣхъ объектовъ безъ исключенія такая же ясная и очевидная истина (!?) какъ и существованіе ихъ*. На самомъ дѣлѣ у Юма это *ясное и очевидное представленіе* (idea), а не *истина*, и, наконецъ, послѣдняя страница, строка 8 снизу, написано *строго метафизической книгой*. Какое основаніе имѣлъ переводчикъ замѣнять *школьный* (school) *строгимъ?*

Наконецъ, еще одно недоразумѣніе. Намъ неизвѣстно, какимъ изданіемъ Юма пользовался переводчикъ, напр., откуда у него примѣчаніе, что на стр. 11 и слѣдующей,—такое примѣчаніе было въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, но въ окончательномъ текстѣ его выпускаютъ; одно изъ двухъ—или переводчикъ хотѣлъ представить вполнѣ *научное* изданіе, тогда надо приводить всѣ существующія разногласія въ чтеніи и ихъ оговаривать, или переводчикъ выбираетъ ихъ по *своему* желанію, но тогда тѣмъ болѣе ихъ надо оговорить (есть и еще такія недоразумѣнія, напр., со словомъ *вѣроятныя* на стр. 36, строка 2 снизу), но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни одного *англійскаго* изданія, гдѣ бы текстъ былъ представленъ въ такомъ видѣ, какъ у г-на Церетели...

И это далеко еще не всѣ промахи русскаго переводчика Юма, можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ, еще вдвое или втрое больше. Это плохая услуга и Юму, и позитивизму, и русскимъ читателямъ, интересующимся философіей.

Густавъ Шпеттъ.

Библіотека для самообразованія XXVIII. А. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. М. 1903 :. Ц. 1 руб. Книга А. Роджерса представляетъ попытку московскихъ профессоровъ, редактирующихъ «Библіотеку для самообразованія», дать русскому обществу общедоступное руководство къ ознакомленію съ философіей. Задача этой книги, какъ видно изъ заглавія, ввести читателя въ исторію новой философіи.

Подъ «введеніемъ» въ любую науку единственно только можно понимать разработку философской части этой науки, разработку тѣхъ основныхъ философскихъ принциповъ, которыми она пользуется при изслѣдованіи своего предмета, какъ готовыми, напередъ данными, и которые въ ней самой не могутъ найти обоснованіе. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ законно и умѣстно появленіе «введенія въ исторію философіи», задача котораго должна и можетъ сводиться лишь къ тому, чтобы открыть для ея пониманія и освѣщенія руководящую точку зрѣнія; послѣдняя же можетъ быть найдена единственно только путемъ опредѣленія закономѣрности изучаемыхъ явленій. Поскольку А. Роджерсъ пытается понять развитіе философскихъ проблемъ внѣ связи съ какими-либо явленіями другого порядка, очевидно, онъ признаетъ за объектомъ исторіи философіи самостоятельную закономѣрность; однако, поскольку онъ приступилъ къ изученію новой философіи внѣ связи съ предшествующей, онъ, разумѣется, не сумѣлъ схватить развитіе философской мысли во внутреннемъ единствѣ, благодаря чему онъ и долженъ былъ для начертанія основныхъ философскихъ направленій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи прибѣгнуть къ чисто внѣшней схемѣ. Онъ постулируетъ въ качествѣ основной философской проблемы проблему реальности и пытается характеризовать главнѣйшія философскія направленія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими этой проблемы: дуализмъ видитъ

сущность реальности въ матеріи и духѣ; пантеизмъ признаетъ за реальность общеміровую основу, проявленія и элементы которой—индивидуальные предметы и которая не сообщаетъ имъ отдѣльной субстанціональности, а, напротивъ, свое собственное бытіе имѣетъ лишь въ ихъ суммѣ; съ точки зрѣнія теизма реальность вызываетъ къ бытію индивидуальныя тѣла и души, и ея творческая сила служитъ къ выясненію ихъ взаимодѣйствія и т. д. Однако, недостаточность этой схемы сама собою очевидна: во-1-хъ, и самъ авторъ, подойдя къ направленіямъ сенсуализма и раціонализма, принужденъ былъ измѣнить ей и характеризовать послѣднія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими проблемы познанія, а, во-2-хъ, главнымъ образомъ благодаря именно ей системы Канта и Гегеля, которыя, къ слову сказать, единственно только болѣе или менѣе подробно и затронуты Роджерсомъ, получили въ освѣщеніи послѣдняго совершенно ложное толкованіе. Главный упрекъ, бросаемый Роджерсомъ по адресу Канта и Гегеля,—упрекъ въ индивидуализмѣ. Онъ утверждаетъ, что подъ объективнымъ опытомъ Канта слѣдуетъ понимать не что иное, какъ совокупность индивидуальной жизни; подразумѣвая, конечно, подъ послѣдней не пучокъ ощущеній, а разумное единство, въ которомъ представленъ міръ вещей и другихъ «я». Гегелевскую же философію онъ трактуетъ какъ раскрытіе смысла и индивидуальнаго опыта въ его послѣдовательномъ развитіи. Но если Канта еще и можно упрекнуть въ томъ, что онъ дѣйствительно на ряду съ изслѣдованіемъ условій возможности объективнаго опыта беретъ иногда познаніе, какъ чисто психологическій процессъ, то уже упрекъ въ индувидуализмѣ по отношенію къ Гегелю совершенно неумѣстенъ, неумѣстенъ потому, что само понятіе индивидуума появляется у Гегеля только внутри системы.

Слѣдовательно, внѣшняя чисто случайная схема, избранная Роджерсомъ, лишила его возможности правильно и во внутренней связи понять и освѣтить исторію философскихъ важнѣйшихъ направленій; самое большее, къ чему она дастъ ключъ,—это къ установленію собственной философіи Роджерса; она, такъ сказать, служитъ канвой для начертанія его философской теоріи, которая, повидимому, по мнѣнію самого автора, и должна служить руководящей при изученіи исторіи новой философіи.

Роджерсъ характеризуетъ то направленіе, къ которому онъ самъ примыкаетъ, какъ теистическій идеализмъ; существенная черта послѣдняго, какъ и всякой идеалистической философіи, состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что основная реальность понимается имъ по аналогіи съ жизнью сознанія; отличіе же его отъ другихъ идеалистическихъ направленій Роджерсъ видитъ въ характерѣ конструкціи этой реальности. При конструированіи послѣдней теистическій идеализмъ сообразуется съ жизнью, т.-е. избѣгаетъ противорѣчій съ здравымъ смысломъ и результатами, добытыми наукой: основная реальность, напримѣръ, должна обладать такимъ характеромъ, чтобы за индивидуальными «я» была сохранена отдѣльность въ той степени, какъ того требуетъ здравый смыслъ; чтобы телеологическое развитіе, постулированное для нея, не противорѣчило научному механическому міропониманію и т. д. Не говоря уже о субъективной позиціи, сразу занятой теистическимъ идеализмомъ, онъ не выдерживаетъ научной критики потому, что мѣриломъ истинности философскаго знанія дѣлаетъ здравый смыслъ и результаты, добытые положительной наукой: философія-то только потому и имѣетъ право на существованіе, что ни здравый смыслъ, ни даже научный опытъ не даютъ намъ такого познанія, которое не нуждалось бы въ дальнѣйшемъ обоснованіи, въ философскомъ.

Итакъ, все введеніе Роджерса въ исторію новой философіи представляетъ собою только введеніе въ его собственную философію и изложеніе послѣдней, она же сама по себѣ не можетъ быть признана плодотворной въ научномъ отношеніи. Правда, разбираемая нами книга не лишена многихъ достоинствъ,

напримѣръ, сжатости, краткости, на что указываетъ редакторъ русскаго перевода, и отчасти общедоступности, мы говоримъ отчасти, потому что, напримѣръ, система Гегеля и своя собственная изложены Роджерсомъ нѣсколько неясно и требуютъ отъ читателя знакомства съ многими философскими вопросами. Однако, думается намъ, научность и основательность не могутъ и не должны приноситься въ жертву популярности, сжатости и другимъ чисто-внѣшнимъ достоинствамъ.

Какъ и всѣ изданія «Библіотеки для самообразованія», книга Роджерса съ внѣшней стороны издана безукоризненно; цѣна вполнѣ доступная. *N. N.*

АНТРОПОЛОГІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

Н. Харузинъ. „Этнографія".—*Ф. Дафнеръ.* „Ростъ человѣка".

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею В. Харузиной. Выпускъ II-й. Семья и родъ. Спб. 1893 г. 340 стр. 8°. Цѣна 2 р. Мы уже давали читателямъ отчетъ о первомъ выпускѣ посмертнаго изданія лекцій Н. Харузина (см. «М. Б.», апрѣль 1902 г.) и потому не будемъ останавливаться на цѣляхъ и планѣ всего изданія, о чемъ уже было говорено, а перейдемъ прямо къ содержанію второго выпуска. По вопросу о семьѣ и родѣ существуетъ очень богатая литература и притомъ не только иностранная, но и русская. Интересъ къ этому вопросу объясняется тѣмъ, что формы семейной организаціи на низшихъ ступеняхъ культуры въ сущности совпадаютъ съ формами общественной организаціи вообще. Поэтому вопросъ о происхожденіи и развитіи семейной организаціи сводится къ вопросу о происхожденіи и развитіи человѣческаго общества. Къ этому теоретическому интересу присоединялся нерѣдко и другой: защищая то или другое научное положеніе, старались отстаивать извѣстное общественное теченіе настоящаго времени. Достаточно вспомнить жаркіе споры сторонниковъ и противниковъ такъ называемаго «материнскаго права»: защитники теоріи «материнскаго права» въ прошломъ семьи были всегда и поборниками «правъ женщины» въ настоящее время. Въ этой жаркой полемикѣ вопросъ, конечно, выяснялся, и въ настоящее время можно сказать, что мы можемъ указать на нѣкоторые совершенно достовѣрные факты въ исторіи развитіи семьи. Но, какъ всегда бываетъ, та же самая полемика оставила послѣ себя и другое наслѣдіе, имѣющее скорѣе отрицательное, нежели положительное значеніе. Обѣ спорящія стороны выставляли извѣстные «принципы», которые обыкновенно формулировались кратко какими-либо терминами, и около этихъ-то словечекъ сгруппировалась полемика и накоплялась литература. Нерѣдко оказывалось, что подъ такими словечками разумѣлось очень скудное содержаніе; многіе термины оказывались вовсе непригодными, даже излишне запутывающими дѣло. «Материнское право», «матріархатъ», «гинейкократія», «гетеризмъ», «поліандрія», «эндогамія», «экзогамія» и т. д., и т. д.—всѣ эти слова имѣютъ за собою исторію и исторію боевую: каждое изъ нихъ напоминаетъ о битвахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ. Этнографу, который хочетъ представить картину нашихъ современныхъ знаній о развитіи семьи и рода, представляется два пути: либо изложить критически исторію разработки вопроса, либо представить результаты своей критической обработки въ какой-либо системѣ. Первый путь весьма интересенъ, но слишкомъ длиненъ, второй имѣетъ преимущество большей наглядности, но зато и требуетъ значительной подготовительной работы. Эта подготовительная работа должна была бы состоять именно въ критикѣ тѣхъ словечекъ, о которыхъ мы только что говорили. Г. Н. Харузинъ избралъ средній путь. Исторіи разработки во-

проса посвящена первая глава настоящаго выпуска, озаглавленная: «Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи». На 27-ми страницахъ, посвященныхъ этой темѣ, конечно, и нельзя было бы дать дѣйствительной исторіи, а можно было только отмѣтить извѣстныя «литературныя теченія», т.-е. представить исторію, нѣсколько схематизированную. Такимъ образомъ достоинства этого очерка зависятъ отъ достоинствъ той схемы, по которой авторъ классифицировалъ представителей различныхъ взглядовъ на исторію развитія семьи. Въ общемъ эта глава написана довольно хорошо; но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ крупныхъ промаховъ въ классификаціи авторовъ. Такъ, напр., Старке, Гроссе и Гильдебрандъ являются «представителями экономическаго матеріализма, примѣненнаго къ этнографіи» (стр. 21). Это, несомнѣнно, крупное недоразумѣніе. Какъ извѣстно, представители такъ называемаго экономическаго матеріализма выразили довольно опредѣленно свое отношеніе къ вопросу о развитіи семьи и въ лицѣ Энгельса примкнули къ тому направленію, основателемъ котораго является Морганъ. Можетъ быть, авторъ какъ-нибудь иначе понималъ теорію экономическаго матеріализма; но во всякомъ случаѣ слѣдовало разъяснить недоумѣніе, которое несомнѣнно должно возникнуть у всякаго читателя, соединяющаго съ экономическимъ матеріализмомъ имена Маркса и Энгельса. Повидимому, авторъ, дѣйствительно, нѣсколько своеобразно понималъ эту теорію; по крайней мѣрѣ, на стр. 60-й, въ связи съ именами Старке и «другихъ представителей экономической теоріи» упоминается объ «экономическомъ факторѣ—недостаткѣ женщинъ». Конечно, если такъ понимать экономическій факторъ, то многихъ еще и другихъ изслѣдователей можно отнести къ послѣдователямъ «экономической теоріи». Для насъ важнѣе всего, однако, то, что Старке, напр., является однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ Моргана, къ которому примкнулъ Энгельсъ; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Старке самъ сталъ бы самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ причисленія его къ «экономическимъ матеріалистамъ».

Слѣдствіемъ нѣкоторой шаткости системы надо, повидимому, объяснять и ту странность, что имя Куно (авторъ пишетъ «Кунова») не упомянуто въ этой главѣ, а является лишь въ слѣдующей (стр. 29). между тѣмъ какъ его трудъ названъ «весьма крупнымъ вкладомъ». Дѣйствительно, Куно не подошелъ бы ни подъ одно изъ отмѣченныхъ авторомъ «теченій» именно потому, что эти теченія охарактеризованы чисто внѣшнимъ образомъ. Тутъ съ одной стороны являются «этнографы, соціологи, экономисты, философы и юристы», съ другой стороны защитники и противники материнскаго права, гетеризма, промискуитета... «школа эволюціонистовъ», «патріархальная теорія» и т. д. Однимъ словомъ полное отсутствіе принципа дѣленія.

Но этотъ недостатокъ послѣдовательности, менѣе чувствительный въ изложеніи исторіи «литературныхъ теченій», выступаетъ особенно рѣзко въ систематическомъ изложеніи, къ которому авторъ переходитъ въ слѣдующихъ главахъ. Если мы только взглянемъ на оглавленіе, то уже замѣтимъ нѣкоторую несистематичность въ изложеніи: «Стадія безпорядочнаго сожительства. Религіозный гетеризмъ. Поліандрія. Левиратъ. Нійога. Снохачество. Гостепріимный гетеризмъ. Ius primae noctis. Возникновеніе представленій о родствѣ. Экзогамія и эндогамія. Материнскій счетъ родства. Материнскій родъ. Переходъ къ патернитету. Кувада. Отцовскій родъ. Упадокъ и переживанія отцовскаго родового устройства. Исторія развитія брака». Въ этомъ оглавленіи, которое мы нарочно выписали полностью, читатель сразу замѣтитъ господство упомянутыхъ выше «словечекъ». Авторъ по нимъ именно и распредѣляетъ свой матеріалъ. Въ самомъ изложеніи это становится еще яснѣе. Человѣку, знакомому съ литературою, совершенно ясно, кого излагаетъ авторъ въ той или другой части своей

книги; но мнѣнія различныхъ авторовъ, часто литературныхъ противниковъ, оказываются далеко не всегда согласованы. Мы укажемъ, не вдаваясь въ подробности, на два только примѣра. Въ самомъ началѣ второй главы сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ изслѣдованія Куно о системахъ родства у австралійцевъ. Книгу эту авторъ использовалъ только въ примѣненіи къ вопросу о стадіи безпорядочнаго сожительства; но уже и сообщаемые авторомъ факты даютъ гораздо болѣе того, что ему непосредственно нужно. Читатель заинтересовывается. Но изложеніе мыслей Куно вдругъ прерывается и изложеніе сразу мѣняетъ свой характеръ: идутъ обычные въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ сопоставленія «аналогичныхъ явленій» у другихъ народностей, т.-е. то самое, что такъ рѣзко осуждаетъ Куно въ предисловіи къ своей книгѣ. Другой примѣръ такой же непослѣдовательности представляетъ послѣдняя глава. Она носитъ названіе «Исторія развитія брака». Но читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: «да развѣ раньше не говорилось объ исторіи развитія брака? Развѣ «безпорядочное сожительство», поліандрія, левиратъ, экзогамія и эндогамія не относятся къ исторіи развитія брака? Если взглянуть на содержаніе главы, то окажется, что авторъ въ ней либо повторяетъ нѣсколько иначе то, что было сказано раньше, либо говоритъ о нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ, въ сущности не касающихся самаго брака (какъ, напр., похищеніе, купля невѣсты и т. п.). Эта непослѣдовательность въ изложеніи опять объясняется очень просто для того, кто знакомъ съ литературою. Заглавіе этой главы почти дословно совпадаетъ съ заглавіемъ книги Вестермарка: «Исторія человѣческаго брака». Но Вестермаркъ имѣетъ совершенно оригинальные взгляды на вопросы развитія семьи, и для его взглядовъ заглавіе его книги является очень характернымъ: можно сказать, что Вестермаркъ никогда не могъ бы написать исторію развитія семьи, съ его точки зрѣнія даже говорить о развитіи семьи нелѣпо. Вотъ откуда взялась въ нашей книгѣ глава объ «исторіи развитія брака». Но такъ какъ во всемъ предшествующемъ изложеніи авторъ не является сторонникомъ взглядовъ Вестермарка, то эта послѣдняя глава является совершенно неожиданнымъ и почти вовсе ненужнымъ привѣскомъ. По крайней мѣрѣ все то, что въ нее вошло, прекрасно могло бы найти себѣ мѣсто и въ предшествующихъ главахъ.

Отмѣченная непослѣдовательность объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что книга г. Харузина представляетъ «лекціи», которыя очевидно, составлялись долгое время и повидимому не были имъ вполнѣ приготовлены къ печати. По крайней мѣрѣ, иногда приходится въ текстѣ встрѣчаться съ такими шероховатостями стиля, которыя свидѣтельствуютъ о незаконченной работѣ исправленія. Такъ, напр., на стр. 99-й мы читаемъ слѣдующую загадочную фразу: «Другое, вытекающее изъ анимистическихъ основаній вѣрованіе заставляетъ признавать за отдѣльными, индивидуальными предметами второго «я», обладающаго сверхъестественными качествами, и дѣлать ихъ вслѣдствіе этого объектомъ культа». Такихъ шероховатостей не мало. Нѣсколько разъ (стр. 185, 200, 202) встрѣчается выраженіе «расходъ супруговъ» въ смыслѣ развода: ясно, что автору казался неприложимымъ къ тѣмъ первобытнымъ стадіямъ нашъ культурный терминъ «разводъ»; но расходъ производитъ совсѣмъ иное, нѣсколько даже комичное впечатлѣніе. На стр. 76 упоминается «Апротатусъ сынъ Ареуса» вмѣсто обычнаго Апротатъ сынъ Арея. На стр. 72-й говорится: «У евреевъ подобный обычай господствовалъ въ древнее время и отъ него этотъ институтъ и получилъ свое названіе левиратель. Не знающій древнихъ языковъ читатель можетъ подумать, что левирата еврейское слово; между тѣмъ оно происходитъ отъ латинскаго levir «деверь». Мысль автора остается неясной. На стр. 52-й говорится о почитаніи «фаллуса у римлянъ, піапа у грековъ»; здѣсь тоже очевидное недоразумѣніе: «фал-

лусъ» слово греческое, а имя бога Пріапа слѣдовало бы писать съ большой буквы, какъ имя собственное; авторъ, повидимому, отожествилъ Пріапа съ фаллусомъ.

И этотъ второй выпускъ снабженъ, какъ и первый, двумя приложеніями: I) указателемъ источниковъ (причемъ подъ источниками разумѣется также и литература, такъ что, напр., Ефименко и Геродотъ стоятъ рядомъ) и II) алфавитнымъ указателемъ именъ и предметовъ, который занимаетъ 36 страницъ мелкаго шрифта и составленъ очень обстоятельно.

Вообще, этотъ выпускъ, на нашъ взглядъ, составленъ нѣсколько слабѣе перваго, но по обильному подбору матеріала особенно изъ жизни русскихъ инородцевъ его смѣло можно рекомендовать всякому интересующемуся исторіей семьи. Третій выпускъ «Этнографіи» Н. Харузина, озаглавленный «Собственность и первобытное государство», уже печатается. Напомнимъ читателю, что все изданіе разсчитано на 4 выпуска; послѣдній выпускъ «Вѣрованія» также готовится къ печати. По подпискѣ все изданіе будетъ стоить только 5 рублей—цѣна безусловно невысокая. *Д. Кудрявскій.*

Даффнеръ. Ф. Ростъ человѣка. Антропологическое изслѣдованіе. VIII+475 въ 8-о. Съ рисунками въ текстѣ 1902 г. Тотъ, кому неизвѣстны частности научнаго изслѣдованія, не въ состояніи составить себѣ правильное понятіе о той массѣ труда, которой обязаны своимъ происхожденіемъ цифровыя данныя. А на почвѣ цифръ современная морфологія и физіологія преимущественно и основываютъ свои заключенія и выводы. Въ особенности съ момента пробужденія антропологическаго направленія въ анатоміи цифровыя исчисленія стали пріобрѣтать выдающееся значеніе въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ то время какъ старая анатомическая школа часто еще ограничивалась общимъ впечатлѣніемъ о размѣрахъ организма и его частей. Когда возникалъ вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ и объ его отношеніи къ представителямъ животного царства, единственнымъ надежнымъ средствомъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса представлялся методъ сравненія опять-таки цифровыхъ данныхъ, такъ какъ на почвѣ субъективныхъ сужденій трудно было согласовать между собою доводы различныхъ наблюдателей. Съ тѣхъ поръ, особенно съ появленія первыхъ изслѣдованій Дарвина, морфологія обогатилась обширными цифровыми матеріалами, касающимися всѣхъ областей развитія органическихъ формъ не только въ нормальныхъ, но и въ патологическихъ условіяхъ. И не только формы, но и функціи организма вполнѣ поддаются опредѣленію путемъ измѣренія и сведенія къ единицамъ времени и пространства. Извѣстно, что новѣйшая наука не останавливается даже передъ измѣреніемъ отправленій въ области нервной и душевной жизни.

Вотъ вкратцѣ, общій смыслъ книги, указанной въ заголовкѣ настоящаго реферата. Авторъ правъ, начиная свое изложеніе такъ сказать съ яйца, ab ovo; будучи знакомымъ съ путями развитія, легче разобраться въ сложномъ устройствѣ готоваго организма. Жаль только, что въ отношеніи очень раннихъ стадій утробнаго развитія приходится почти цѣликомъ опираться на наблюденіяхъ надъ животными, за отсутствіемъ или рѣдкостью, по понятнымъ причинамъ, соотвѣтствующихъ человѣческихъ матеріаловъ. Весьма удачно авторъ оттѣняетъ крупныя заслуги Кювье, Карла Эрнста фонъ-Бэра, Іоганнеса Мюллера въ дѣлѣ выясненія общихъ законовъ развитія организма. Онъ вкратцѣ даже останавливается на содержаніи новѣйшихъ изслѣдованій Ю. Вольфа о вліяніи функціи организма на его форму и на вытекающемъ изъ этихъ изслѣдованій т. наз. законѣ трансформаціи, главными факторами котораго въ отношеніи костей представляются, по мнѣнію этого ученаго, давленіе и растяженіе. Впрочемъ, эти общеизвѣстные факты можно было и пропустить безъ ущерба для изложенія. Менѣе же извѣстно то, что т. наз. біогенетическій законъ, раз-

витіе котораго часто приписываются Эрнсту Геккелю, вполнѣ ясно и въ окончательномъ своемъ видѣ былъ формулированъ уже въ годину великой французской революціи однимъ скромнымъ ученымъ, который, несмотря на большое вліяніе, оказанное имъ на работы Кювье и другихъ великихъ естествоиспытателей того времени, съ тѣхъ поръ оказался преданнымъ полному забвенію. Негромкое имя этого труженика науки—Фридрихъ Кильмейеръ, родившійся 22-го октября 1765 года и умершій 24-го сентября 1844 года. Онъ, такимъ образомъ является *первымъ сравнительнымъ анатомомъ*, попытавшимся сравнить весь животный міръ соотвѣтственно органическому составу и различнымъ функціямъ животныхъ.

Особую главу авторъ посвящаетъ вопросу о продолжительности беременности. Здѣсь онъ касается также вопроса о всѣхъ факторахъ, которые опредѣляютъ полъ младенца; но нельзя сказать, чтобы изложеніе отличалось здѣсь полностью; нѣкоторыя работы, особенно новѣйшаго времени, не приняты вовсе въ разсчетъ. Авторъ того мнѣнія, что полъ будущаго индивида опредѣляется въ моментъ зачатія зародыша, т.-е. въ моментъ соединенія яйца съ сѣмяннымъ тѣльцемъ. На другихъ теоріяхъ и на фактахъ, противорѣчащихъ этому его взгляду, авторъ не останавливается подробнѣе, хотя они несомнѣнно съ фактической стороны обоснованы не хуже, чѣмъ гипотеза самого автора.

Въ главѣ о «доношенномъ ребенкѣ» авторъ опирается большею частью на собственныхъ, до сихъ поръ не опубликованныхъ изысканіяхъ. Онъ производилъ измѣренія большого числа новорожденныхъ дѣтей, опредѣляя величину роста, объемъ груди и вѣсъ тѣла. Говоря о размѣрахъ и пропорціяхъ позвоночнаго столба, авторъ высказываетъ предположеніе, что т. наз. сколіозы или искривленія позвоночника, столь частыя въ дѣтскомъ возрастѣ, въ своемъ существѣ не есть просто нарушеніе формы костяка, но обусловливаются въ то же время ненормальнымъ развитіемъ мышцъ. Въ этомъ отношеніи авторъ безусловно правъ, а врачи-ортопеды могли бы замѣтить себѣ, что при мѣстномъ леченіи искривленій позвоночника не слѣдуетъ забывать и о надлежащемъ тщательномъ уходѣ за всѣмъ остальнымъ развивающимся организмомъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы дать представленіе о богатомъ содержаніи разбираемой книги, съ которымъ возможно ознакомиться, конечно, только путемъ внимательнаго чтенія. Вотъ краткій перечень дальнѣйшаго содержанія, начиная со стр. 172. Разсмотрѣвъ развитіе зубовъ, авторъ вкратцѣ касается процесса возмужалости, съ указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей вѣса тѣла и его колебаній у новорожденныхъ дѣтей, у беременныхъ и у роженицъ. Въ отдѣлѣ «кровь и дыханіе» встрѣчаются замѣтки о величинѣ, объемѣ, поверхности и количествѣ кровяныхъ шариковъ, а также объ отношеніи бѣлыхъ къ краснымъ кровянымъ тѣльцамъ; а говоря о температурѣ крови и объ экономіи дыханія, авторъ касается вскользь вопроса о зимней спячкѣ.

Въ нѣсколько большей подробности, въ виду особой важности предмета, излагается отдѣлъ головы, гдѣ первое мѣсто отводится мозгу, какъ матеріальной основѣ нервно-духовной жизни. Въ вопросѣ о связи между развитіемъ интеллекта и количественнымъ ростомъ мозга авторъ ссылается на вѣсъ мозга такихъ выдающихся людей, какъ Гамбетта, Гельмгольцъ, Петтенкоферъ, Бохнеръ, Либихъ, Брока, Рюдингеръ и др. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, кто утверждаетъ, будто бы вѣсъ мозга Тургенева и Кювье былъ увеличенъ исключительно вслѣдствіе головной водянки, которою эти великіе мыслители страдали въ раннемъ дѣтствѣ. Слѣдуетъ въ настоящее время согласиться съ мнѣніемъ Флексига, по которому мозговая субстанція геніальныхъ людей отличается отъ мозга обыкновенныхъ смертныхъ не только большею первною раздражимостью, но, главнымъ образомъ, своею болѣе тонкою организаціею, и

болѣе богатою дифференцировкою своихъ элементарныхъ частей. Типомъ такого здороваго мозга, работающаго съ увеличенною энергіею лишь въ силу его большаго богатства отдѣльными духовными центрами и нервно-психическаго капитала, представляется, по мнѣнію автора, мозгъ знаменитаго химика Ю. фонъ-Либиха.

Особый интересъ, въ отдѣлѣ о развитіи организма въ періодъ отъ 11 до 20 года жизни, представляютъ замѣтки о половыхъ различіяхъ въ общихъ пропорціяхъ тѣла, имѣющихъ особое значеніе также съ точки зрѣнія художника. На стр. 357 авторъ останавливается вкратцѣ на вопросѣ о вліяніи войны на средній ростъ тѣла, отмѣчая между прочимъ, что послѣ наполеоновскихъ кампаній во Франціи должно было развиваться болѣе низкорослое племя, вслѣдствіе массовой погибели высокорослыхъ элементовъ, участвовавшихъ по преимуществу въ этихъ войнахъ.

Нѣкоторыя особенности человѣческаго организма, при всей ихъ рѣзкости, не поддаются измѣренію. Такъ, напр., говорятъ о большихъ и о малыхъ глазахъ, хотя разница между тѣми и другими фактически весьма минимальна. Только глазъ ребенка несомнѣнно относительно больше, чѣмъ глазъ взрослаго человѣка, въ зависимости отъ того, что глазное яблоко въ моментъ рожденія представляется значительно больше развитымъ въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ другіе органы; глазъ 5 лѣтняго ребенка имѣетъ почти тотъ же объемъ, какъ у взрослаго человѣка. Вообще необходимо замѣтить, что въ опредѣленіи морфологическихъ и физіологическихъ свойствъ организма цифровыя данныя хотя и имѣютъ безспорно большое значеніе, но не слѣдуетъ слишкомъ ими увлекаться на подобіе тѣхъ изслѣдователей, которые не хотятъ признать никакихъ вообще данныхъ и наблюденій, не имѣющихъ подъ собою цифровой почвы. Несомнѣнно, что цифры имѣютъ и свою вредную сторону, такъ какъ онѣ слишкомъ легко приводятъ къ чрезмѣрной схематизаціи явленій природы. Недаромъ Микель-Анджело говоритъ, что вѣрнѣйшій измѣрительный аппаратъ художника—его глазъ. Это отчасти должно имѣть мѣсто и въ естествознаніи, чтобы развитіе измѣрительнаго и цифроваго аппарата нашихъ методовъ не шло бы въ ущербъ непосредственному и живому наблюденію предметовъ природы. *Р. Вейнбергъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Лаппаранъ. „Общедоступная геологія“.—*Е. Жаманнъ.* „Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ“.

А. Лаппаранъ. Общедоступная геологія. Съ 157 рис. въ текстѣ. Ч. I.—Современныя явленія на земномъ шарѣ. Ч. II. Древняя исторія земного шара. Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Изданіе А. Ф. Пантелѣева. С.-Петербургъ. 1903 г. Цѣна 1 р. 20 к. Разбираемая книга—переводъ «Abrégé de Geologie» проф. А. Лаппарана; во Франціи она имѣла крупный успѣхъ и выдержала уже пять изданій. Цѣль «сокращенной геологіи» точно опредѣлена авторомъ въ предисловіи къ первому изданію—служить руководствомъ по геологіи въ среднихъ школахъ и пособіемъ для людей, желающихъ составить себѣ общее понятіе о геологіи. Такъ какъ книга назначалась для учениковъ французскихъ школъ, то естественно, что въ описательной ея части авторъ обращаетъ особенное вниманіе на геологію Франціи и сосѣднихъ пространствъ, ограничиваясь лишь бѣглыми указаніями на распространеніе различныхъ геологическихъ образованій въ другихъ странахъ; Россіи при этомъ удѣлено мѣста меньше всего. Пятое изданіе сокращенной геологіи могло бы быть названо совершенно новымъ сочиненіемъ, говоритъ Лаппаранъ. Успѣхи геологическаго

изученія самыхъ удаленныхъ отъ насъ частей земной поверхности позволяютъ все болѣе приблизиться къ возстановленію послѣдовательныхъ фазъ ея физико-географическаго состоянія отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Такое резюме исторіи земли Лаппаранъ и старается дать въ *пятомъ* изданіи своей книги, далеко выходя въ пользованіи сравнительными геологическими данными за предѣлы Франціи и смежныхъ съ нею областей. Въ этомъ видѣ книга предназначается уже не только для учениковъ среднихъ школъ, которые могутъ ограничиться чтеніемъ общихъ характеристикъ каждаго геологическаго періода, но и для лицъ, спеціально подготовляющихся къ изученію геологіи.

Маститый авторъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся геологовъ Франціи и превосходный преподаватель, выполнилъ поставленную себѣ задачу образцово. Книга Лаппарана требовала бы для русскаго читателя мѣстами болѣе подробныхъ разъясненій, чѣмъ приводимыя авторомъ на страницахъ, касающихся Россіи, а первыя изданія—для русскаго читателя совершенно непригодны въ качествѣ общедоступной геологіи, такъ такъ вся вторая часть книги есть преимущественно топографическая геологія Западной Европы вообще, а въ частности Франціи.

Выборъ переводчикомъ *перваго* изданія (всѣ четыре первыя — повторенія одного и того же) показываетъ уже полное непониманіе имъ цѣли книгъ по общедоступной геологіи; лучше было бы въ этомъ случаѣ ограничиться переводомъ лишь первой части книги. Лаппаранъ старается развить вкусъ къ занятіямъ геологіей среди своихъ молодыхъ читателей; французскій любознательный школьникъ съ книжкой Лаппарана можетъ открыть, на какихъ геологическихъ образованіяхъ покоится его родной департаментъ; онъ найдетъ общія указанія, познакомится съ пріемами геологическихъ изслѣдованій и съ истиннымъ удовольствіемъ будетъ провѣрять и развивать на мѣстѣ по своимъ рѣчнымъ долинамъ, каменоломнямъ около своего города эти общія указанія любимаго автора. Бѣдный русскій юноша можетъ придти въ отчаяніе съ прекрасной книгой Лаппарана въ рукахъ; неужели, подумаетъ онъ, въ Россіи еще ничего не сдѣлано для ея геологическаго изученія? Переводчикъ приходитъ на помощь русскому читателю и въ концѣ книги дастъ нѣкоторыя указанія; здѣсь читатель узнаетъ, напр., что «по всей Волгѣ, Окѣ, Камѣ со всѣми ихъ притоками» между прочимъ имѣются пласты каменноугольной древности, «хотя, конечно, не вездѣ ихъ можно наблюдать». Конечно, это очень важное указаніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ на поверхности какихъ-нибудь древнихъ геологическихъ образованій, можно разсчитывать встрѣтить ихъ на глубинѣ, конечно, хорошо воспитывать самодѣятельность въ русскомъ юношествѣ, но недурно бы было дать и что-либо положительное, а не только надежды на открытія. Переводчикъ находится въ полномъ невѣдѣніи, что сдѣлано для геологическаго изслѣдованія Россіи, и поддерживаетъ такое же заблужденіе въ своемъ читателѣ на каждой страницѣ книги Лаппарана, который, конечно, тутъ не причемъ, и подчеркиваетъ это заблужденіе замѣчательнымъ предисловіемъ и прибавленіемъ (стр. 310—320).

Что сдѣлано, то сдѣлано; по крайней мѣрѣ достоенъ ли переводъ имени почтеннаго автора? Языкъ перевода легкій, правильный; гдѣ дѣло касается общихъ мыслей, переводъ передаетъ точно оригиналъ, но переводчикъ совершенно не знакомъ съ геологіей, и потому книга въ цѣломъ представляетъ сплошное и грустное недоразумѣніе. Избѣжать научной терминологіи нельзя и въ общедоступномъ изложеніи; правильное пользованіе терминами постепенно пріучаетъ читателя связывать съ ними опредѣленные понятія и факты и даетъ ему средство для пониманія другихъ книгъ въ той же области. Переводчикъ предупреждаетъ: «При переводѣ мы всего болѣе заботились объ общедоступ-

ности и простотѣ, нерѣдко жертвуя при этомъ краткостью и техническими выраженіями. Думаемъ, что это не будетъ поставлено намъ въ вину, такъ какъ для начинающихъ — дѣло не въ терминахъ и техническихъ словахъ, а въ ясномъ пониманіи того, что подъ ними подразумѣвается». Мысль вполнѣ справедливая, нужно только выдержать ее, а неизбѣжные термины передать такъ, какъ это принято на данномъ языкѣ. Но здѣсь-то и начинается нѣчто невѣроятное, оправдываемое развѣ тѣмъ, что переводчикъ не признаетъ существованія въ Россіи геологическихъ изслѣдованій и работъ.

Можно сказать, что ни одно выраженіе не только геологическое, узаконенное всей богатой русской геологической литературой, но и имѣющее хотя какое-нибудь отношеніе къ геологіи или горной техникѣ—не передано переводчикомъ правильно. Слово размываніе (эрозія) не нравится переводчику, и онъ замѣняетъ его—разъѣданіемъ; буреніе замѣняетъ сверленіемъ; проточныя воды—текучими водами; внезапные потоки (eaux sauvages)—буйными водами; трещиноватость замѣняетъ щелистостью, обломочныя породы замѣняетъ распадочными породами; конечная морена—лицевой мореной; ледниковый покровъ (calotte glaciaire)—надполюсной шапкой льдовъ; поддонная или основная морена въ передачѣ нашего переводчика является «мореной въ глубинѣ ледника». Еще свободнѣе чувствуетъ себя переводчикъ въ передачѣ зоологическихъ названій; мшанки у него бріозаріи, рядомъ здѣсь же камнеточцы онъ продолжаетъ называть литофагами, въ другомъ мѣстѣ камнѣдами. Считаться съ принятыми формами словъ онъ находитъ лишнимъ; такъ оолитовый известнякъ у него оолитный; стекловатыя породы превращаются въ стеклянистыя. Пористыя лавы (laves cellulеuses) онъ называетъ клѣточными; обломки (débris) переводитъ мусоръ. Наконецъ, договаривается до «беременности» вулкановъ, вмѣсто того, чтобы передать слово intumescence—вздутіемъ. Непонятныя ему слова г. Предтеченскій совсѣмъ опускаетъ, напр., маары Эйфеля, суффіони Тосканы. Мѣстами переводитъ прямо невѣрно; на стр. 75 стоитъ: «Эти газы даютъ начало отложеніямъ въ трещинахъ вулкана веществъ дымоваго происхожденія, которымъ дали поэтому названіе фумаролъ»; а слѣдуетъ—«эти газовыя выдѣленія, или эманаціи, вызываютъ отдѣленіе по трещинамъ веществъ въ парообразномъ состояніи или испареній; такимъ отдѣленіямъ и дали названіе фумаролъ».

Обыкновенное выраженіе—возстановленіе—переводчикъ замѣняетъ раскисленіемъ. Г. Предтеченскій нашелъ даже «сѣрныя ямы или сульфаторы»; геологи говорятъ сольфатары и это вовсе не ямы. Сольфатарообразное состояніе вулкановъ называетъ сульфаторскимъ. Cluse, что получило гражданство у насъ въ словѣ клюза, г. Предтеченскій передаетъ шлюзы, а вмѣсто ортоклазъ, пишетъ—ортозъ и т. д. и т. д.

Переводъ второй части пестритъ такими выраженіями, какъ палеозоическій, мезозоическій, камбрійскій, филлоды, калловійскій, титоническій, неокомійскій и т. д., которыя показываютъ, что, принимаясь за переводъ, г. Предтеченскій не потрудился взять въ руки ни одного руководства по геологіи на русскомъ языкѣ. Мергели и глины онъ «начиняетъ представителями Exogyra virgula»; говоритъ объ «ископаемыхъ запятыхъ», предоставляя незнакомымъ съ латинскимъ или французскимъ языками ломать голову, о чемъ онъ говоритъ; не всякій догадается, что virgule это—запятая. Недурно также его «переступаніе мѣла», что должно означать трансгрессію мѣлового моря, понятіе требующее, конечно, поясненія; или «сморщенія Арденъ и другихъ горъ», что означаетъ складкообразованіе (ridement), и т. д., и т. д.

Но вѣнцомъ всего перевода является собственное дополненіе г. Предтеченскаго, въ которомъ для удобства начинающихъ онъ предлагаетъ новое геологическое дѣленіе, тройственное: напр., первобытное время по такому дѣленію

распадается на періоды «лаврентіевскій, камбрійскій и силурійскій» и т. д., по три періода въ каж-домъ «времени». Переводчикъ скромно уступаетъ пальму этой новой схемы Лаппарану;—мы же можемъ засвидѣтельствовать, что блестящая мысль принадлежитъ всецѣло г. Предтеченскому.

Уваженіе къ почтенному автору заставило насъ остановиться болѣе подробно на переводѣ г. Предтеченскаго, заслуживающемъ только порицанія. Единственнымъ оправданіемъ г. Предтеченскаго можетъ служить, что сдѣлать хорошій переводъ такой вполнѣ научной книги, какъ «сокращенная геологія» Лаппарана, пожалуй также трудно, какъ составить подобную же самостоятельно; браться за такую работу должны лица, вполнѣ владѣющія предметомъ, а не изъ тѣхъ, для которыхъ собственно и предназначена книга.

К. Богдановичъ.

Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ. Народный Университетъ. E. Iamann, проф. физики въ высшей технической школѣ въ Брюннѣ. Подъ такимъ заглавіемъ изданы 12 лекцій проф. Iamann'а, прочтенныя имъ въ Пражскомъ Народномъ Университетѣ. Цѣль этихъ лекцій «ввести начинающихъ въ довольно трудную максуэллеву теорію» и помочь «преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній»... (предисловіе автора). Книга проф. Iamann'а кромѣ 12 лекцій содержитъ еще въ видѣ введенія довольно подробное ученіе о «постоянномъ водяномъ потокѣ». Это введеніе, занимающее между прочимъ 80 страницъ, предназначено авторомъ лишь для «могущихъ подробно входить въ изученіе предмета», «не могущіе же» могутъ его опустить и начать чтеніе прямо съ лекцій. Едва ли можно согласиться съ этимъ. Уже не говоря о томъ, что каждая лекція имѣетъ ссылки на введеніе, пользуется безъ объясненія его положеніями и терминами, самъ авторъ въ началѣ седьмой лекціи совѣтуетъ основательно продумать его введеніе, безъ усвоенія котораго послѣдующія лекціи не могутъ быть поняты. Вообще всю книгу проф. Iamann'а, не исключая и введенія, едва ли можно назвать доступной читателю съ малой подготовкой, не знакомому съ фактической, описательной стороной явленій электрическихъ и свѣтовыхъ. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести слишкомъ краткое и весьма часто неясное изложеніе основныхъ положеній и опредѣленій (напряженіе, сила тока, силовыя линіи и т. п.), неудачно также по нашему мнѣнію изложенъ весьма важный § 27, трактующій о мощности и энергіи. Что касается перевода, то, имѣя особенно «ввиду» назначеніе книги, его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Сдѣланъ переводъ поспѣшно, встрѣчаются и досадныя ошибки («поглотительные спектры», количество—вмѣсто сила). Книга издана удовлетворительно. Опечатокъ немного.

С. У.

ГЕОГРАФІЯ.

Н. Новомбергскій. „Островъ Сахалинъ".—*Г. Ивановъ.* „Начальный курсъ географіи".—„Начальный курсъ географіи", составленный гг. Крубером, Григорьевымъ, Барковымъ, Чефрановымъ".—*К. Мальцеръ.* „Учебникъ географіи".

Н. Новомбергскій. Островъ Сахалинъ. Спб. 1903 г. Стр. 251. Ц. 1 р. 50 к. Книга г. Новомбергскаго посвящена всестороннему и обстоятельному разсмотрѣнію условій жизни невольнаго населенія «Каторжнаго острова» и цифрами и фактами доказываетъ полное крушеніе той системы, которой принуждаютъ слѣдовать при заселеніи острова ссыльнымъ элементомъ. Съ 1880 г. общія затраты на Сахалинъ превысили 23 милліона руб., и въ результатѣ получилось всего $5^1/_2$ тыс. десятинъ культурной площади. Всѣ удобныя земли выпаханы, для новыхъ заимокъ нѣтъ мѣста, сѣмена выродились. Ссыльные оказались

плохими колонистами-земледѣльцами, какъ и слѣдовало ожидать, хотя каторгу отбываютъ на самомъ дѣлѣ только неимущіе и безсемейные, такъ какъ прочимъ предоставляется жить внѣ тюрьмы. Жизнь и имущество немногочисленнаго дѣйствительно трудящагося населенія не обезпечены ни на одну минуту; все населеніе Сахалина находится подъ гнетомъ административнаго произвола въ самой грубой формѣ, такъ какъ и поселенцы вполнѣ подчинены тюремному начальству. Это заставляетъ всѣхъ рваться съ проклятаго острова. Въ цѣляхъ дѣйствительной колонизаціи Сахалина до сихъ поръ не сдѣлано почти ничего, хотя и могло бы быть организовано добываніе каменнаго угля, нефти, рыбы, лѣсопромышленное дѣло. Полную безправность мѣстнаго сельскаго населенія (поселенцевъ) авторъ также считаетъ однимъ изъ препятствій для улучшенія условій жизни на Сахалинѣ и рекомендуетъ дать поселенію организацію на началахъ частно-правового союза, въ видѣ вольныхъ поземельныхъ товариществъ. Въ самое послѣднее время положеніе поселенцевъ даже ухудшилось: хотя тягчайшія наказанія и отмѣнены для каторжныхъ, но усилена дискреціонная власть администраціи надъ поселенцами и увеличены сроки ихъ поселенія. Общее неудовлетворительное положеніе Сахалина нисколько не улучшилось и съ 1895 г., когда дѣло отошло въ вѣдѣніе министерства юстиціи.

Интересъ къ книгѣ г. Новомбергскаго усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ изучалъ вопросъ въ теченіе довольно значительнаго времени на самомъ Сахалинѣ и имѣлъ возможность, по своему положенію, пользоваться и неизданными рукописными матеріалами, и такими цѣнными печатнами источниками, какъ губернаторскіе отчеты. Къ книгѣ приложена чрезвычайно интересная автобіографія Ѳедора Широколобова, представляющая кровавую повѣсть долголѣтней преступной жизни. Въ потрясающей панорамѣ преступленій, съ замѣчательнымъ реализмомъ описанныхъ Широколобовымъ, нельзя замѣтить и тѣни хотя бы минутнаго раскаянія. Это врожденный преступный человѣкъ, занимающій первое мѣсто даже среди сахалинскихъ каторжниковъ. Въ нашей литературѣ единственный «документъ» подобнаго рода представляетъ собою автобіографія Широколобова. *П. Г—въ.*

Г. И. Ивановъ. «Начальный курсъ географіи». Изд. (2 ое. исправленное) А. Сланскаго и Г. Иванова. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.—«Начальный курсъ географіи». Составили преподаватели географіи: А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. М. 1903 г. Ц. 75 к.—К. С. Мальцеръ. «Учебникъ географіи въ трехъ частяхъ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. стр. 180, изд. В. И. Губинскаго. За послѣднее время въ нашей учебной географической литературѣ замѣчается то же, что нѣсколько раньше нужно отмѣтить для учебниковъ исторіи: какъ нелѣпые Иловайскій и Бѣлярминовъ вытѣсняются Виноградовымъ, Випперомъ, Рожковымъ, такъ вмѣсто невозможныхъ учебниковъ Смирнова и ему подобныхъ появляются руководства, стоящія на уровнѣ современной географической науки и удовлетворяющія разумнымъ педагогическимъ требованіямъ. Къ числу такихъ учебниковъ новаго типа принадлежитъ и книжка г. Иванова. Такъ какъ изучающимъ географію постоянно приходится имѣть дѣло съ картой, то учебникъ и начинается предварительнымъ ознакомленіемъ съ масштабомъ и планомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ выдвигаетъ на первый планъ физико-географическія явленія жизни земного шара, переходя отъ ближайшаго къ болѣе отдаленному и всюду указывая на причинную связь явленій. Географической номенклатурѣ въ тѣсномъ смыслѣ отведено самое незначительное мѣсто. При всякомъ удобномъ случаѣ авторъ предлагаетъ вопросы и маленькія географическія задачи, имѣющіе цѣлью развить самодѣятельность учащихся. За изложеніемъ географическихъ элементовъ слѣдуютъ «картины природы и жизни людей» (тундры, степи, тропическіе лѣса и пр.), затѣмъ дается понятіе о раздѣленіи людей по на-

ружному виду и языкамъ и сообщаются свѣдѣнія о важнѣйшихъ формахъ человѣческой общественности. Книжка заканчивается, послѣ «Краткаго обзора Россіи», 23 небольшими интересными «разсказами по географіи». Учебникъ г. Иванова иллюстрированъ 59 рисунками и 2 картами въ краскахъ, не считая многихъ чертежей, плановъ и черныхъ картъ. Рисунки подобраны очень умѣло и исполнены прекрасно, за исключеніемъ двухъ уральскихъ видовъ и изображенія облаковъ. Изложеніе сжатое, толковое и ясное, и размѣръ учебника очень невеликъ—всего—106 стр. Нѣкоторою неясностью вслѣдствіе излишней краткости отличается лишь опредѣленіе климата на 54 стр. Странно также отожествленіе труда съ промышленностью (стр. 75) и слишкомъ смѣло утвержденіе о праславянскомъ языкѣ, на которомъ говорили предки нынѣшнихъ славянъ. При раздѣленіи людей по языкамъ опущено романское племя. Къ немногочисленнымъ фактическимъ неточностямъ учебника нужно отнести утвержденіе, будто mutimum t^0 дня бываетъ «вскорѣ послѣ полудня»: между часомъ и двумя—это «не вскорѣ». Число народовъ въ Россіи къ стр. 75 показало цифрою 100, а на 80—«болѣе 150». Не точно также указаніе на стр. 82, будто маслодѣліе развито «въ степяхъ Сибири»: не въ степяхъ Акмолинской и Семипалатинской областей (киргизская степь), а въ Барабѣ и на предгорьяхъ Алтая.

Нѣсколько менѣе пріятное, но все же хорошее впечатлѣніе производитъ учебникъ 4 московскихъ преподавателей географіи, хотя эта неудовлетворительность зависитъ не отъ качествъ самого учебника, но отъ его излишней сложности. Учебникъ представляетъ собою изложеніе элементовъ физической географіи, и въ основу его положено выясненіе причинной зависимости между географическими явленіями, что и проведено весьма удовлетворительно. Какъ и въ учебникѣ г. Иванова, математической географіи отведено немного мѣста, и она сокращена до необходимаго minimum'а, какъ недоступная для дѣтскаго пониманія. Хорошо выяснено понятіе о климатѣ.

Учебникъ прекрасно иллюстрированъ хорошо исполненными рисунками (119); кромѣ чертежей и черныхъ картъ, въ текстѣ находится 7 цвѣтныхъ картъ.

Изъ иллюстрацій учащійся выноситъ хорошее представленіе о типичныхъ представителяхъ растительнаго и животнаго міровъ различныхъ поясовъ, о типахъ жилищъ, о способахъ передвиженія и пр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторы увлекаются и забываютъ, что, по дѣйствующимъ учебнымъ планамъ, ихъ учебникъ предназначается для 10—11 лѣтнихъ дѣтей; они, напр., не въ мѣру много говорятъ о строеніи горныхъ породъ, о ледникахъ, о рифахъ. Географическая номенклатура нисколько не меньше, чѣмъ въ учебникахъ стараго типа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не строго выдержанъ принципъ полноты и всесторонности объясненій физико-географическихъ явленій: напр., на стр. 17, указавъ одну причину образованія острововъ (размываніе перешейковъ), авторы говорятъ: «острова могутъ образоваться и иначе».

Сомнительно утвержденіе, будто болѣе низкія горы вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе древнія. Особенно хороши и обстоятельны въ учебникѣ главы о растительномъ и животномъ мірахъ съ прекрасными многочисленными и цвѣтными картами распредѣленія. Кромѣ соотвѣтствующихъ иллюстрацій, въ главѣ о человѣкѣ даны подобныя же карты распредѣленія расъ и религій. Вообще учебникъ московскихъ преподавателей представляетъ единственный въ Россіи примѣръ элементарнаго руководства физической географіи, составленнаго столь научно и обстоятельно. Но, повторяемъ, этотъ учебникъ не для учениковъ I класса какъ по своему объему (141 стр.), такъ и по обилію сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, для сознательнаго усвоенія которыхъ у учениковъ этого возрата нѣтъ еще предварительнаго развитія, почему отъ нихъ и потребуется больше ра-

боты памяти, чѣмъ сознательное воспріятіе. Въ свое время мы подвергали разбору принятую учебными планами программу по географіи въ I кл. и доказывали, что этотъ предметъ держится въ I кл, только по рутинѣ и требуетъ одной только работы памяти; мы остаемся въ томъ же убѣжденіи, познакомившись съ учебниками г. Иванова и 4 московскихъ преподавателей: прекрасные сами по себѣ, эти учебники не принесутъ въ I кл. той пользы, которая несомнѣнно получится отъ нихъ при изученіи ихъ дѣтьми болѣе зрѣлаго возраста. Московскій учебникъ напечатанъ очень крупнымъ шрифтомъ, чего нельзя сказать о руководствѣ г. Иванова, но зато не имѣетъ ни вопросовъ, ни разсказовъ по географіи. Многочисленныя иллюстраціи новѣйшихъ учебниковъ географіи сильно повышаютъ цѣну послѣднихъ. Если бы при нашихъ учебныхъ заведеніяхъ существовали хорошо обставленные географическіе кабинеты, то учебники могли бы обходиться безъ всякихъ иллюстрацій и потому стоить гораздо дешевле. Географическіе кабинеты—необходимое условіе для дѣйствительно научной постановки преподаванія географіи.

Учебникъ г-жи Мальцевой состоитъ изъ 3 частей: въ 1-й—общія свѣдѣнія по географіи, во 2-й—Европа, въ 3-й—внѣевропейскія страны. Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ изложеніе, «чуждое изысканности», говоритъ, что «названія всегда пріурочиваются къ фактамъ» (что-то непонятно, хотя г-жа Мальцева обѣщаетъ «простоту, ясность»), наконецъ, составительница ослѣпляетъ читателя перечисленіемъ авторовъ, которыми она пользовалась при составленіи своего руководства. Въ этотъ перечень вошли и авторы устарѣлые, какъ Декандоль, Чуди, Реклю, свѣдѣнія изъ которыхъ нельзя черпать для учебниковъ. Руководство открывается краткимъ и неяснымъ изложеніемъ понятія о планѣ и масштабѣ, но о картѣ говорится лишь на 16 стр., и цѣлые полълиста заняты шаблоннымъ и недоступнымъ дѣтскому пониманію изложеніемъ «математической географіи». Особено труденъ для дѣтей чертежъ на стр. 17. Непосильны для нихъ и такія «задачи»: «Опредѣлить по тѣни въ полдень направленіе меридіана мѣстности, въ которой находитесь», или: «объяснить разницу во времени по направленію параллели» (стр. 13). Вообще въ методическомъ отношеніи руководство г-жи Мальцевой ничѣмъ не отличается отъ шаблонныхъ учебниковъ стараго типа, неудовлетворительность которыхъ уже доказана на практикѣ. Географическія представленія г-жи Мальцевой не отличаются свѣжестью, обязательною въ учебникѣ. Примѣры: «наибольшая глубина моря немногимъ меньше (!) высоты величайшихъ горъ», морскія теченія происходятъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія воды у полюсовъ и экватора, приближеніе ледяныхъ горъ узнается по «особенному шуму» (на самомъ дѣлѣ по необъяснимому иначе пониженію t^0), морскія теченія «ускоряютъ движеніе судовъ» (въ старину, парусныхъ), во всѣхъ непроточныхъ озерахъ вода соленая (въ степномъ краѣ много совершенно разобщенныхъ озеръ съ чудной прѣсной водой), «Сахара покрыта сыпучими песками», черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ «нельзя вовсе ѣздить», областей въ Сибири 4, а въ Туркестанѣ 9 (если Акмолинскую и Семипалатинскую отнести къ Туркестану, то всего 7), существуютъ какія-то «Сибирскія горы», въ полярныхъ моряхъ водятся «большія акулы», въ Швейцаріи 25 кантоновъ, Таліенванъ находится «временно во владѣніи Россіи», бурскія республики и городъ Айгунъ для г-жи Мальцевой еще существуютъ, о переменахъ въ Манчжуріи ни слова, 3 средне-американскія республики пропущены, указано «негритянское» государство Конго, у японцевъ все европейское, даже «обычаи, языкъ», въ числѣ особенно обработанныхъ частей Испаніи не указана Каталонія. Кіао-Чжоу не показано въ числѣ Германскихъ колоній въ Азіи, доступъ къ Балеарскимъ островамъ «труденъ» (по собственному опыту увѣряемъ г-жу Мальцеву, что это не такъ), человѣчество дѣлится, по старинному, на 5 расъ,

таблицы населенія большихъ городовъ Европы въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣли (Барселона, напр., совсѣмъ не помѣщена), въ каждомъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ «держатъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней» (далеко не въ каждомъ). Транскрипція нѣкоторыхъ собственныхъ именъ у г-жи Мальцевой или не вѣрна, или не принята: Джа (у) мна, Р (Л) іу-кіу, Тарифъ, Зундскіе о-ва, Абессинія и др. Ударенія, поставленныя г-жей Мальцевой надъ собственными планами, не всегда вѣрны: Богота (—та), Сантандеръ (—деръ); надъ Гаити вовсе не поставлено (—ти). Опредѣленія политическихъ понятій у г-жи Мальцевой неточны и неясны, напр.: «Государь управляетъ государствомъ и издаетъ законы, поэтому высшая власть бываетъ законодательная, судебная и правительственная» (41). Разница между неограниченной и ограниченной монархіей не указана. Республика опредѣляется такъ: «Государство, которое управляется нѣсколькими выбранными лицами». Къ учебнику приложено 15 картъ въ краскахъ, дающихъ понятіе о «годовомъ выпаденіи дождей» (осадковъ?), распредѣленіи растительности по поясамъ и населенія по расамъ для каждой части свѣта отдѣльно. По одной изъ картъ г-жи Мальцевой оказывается, что количество осадковъ одинаково какъ въ Аравіи, такъ и на Камчаткѣ. 36 рисунковъ представляютъ «типы», хорошо исполненные, но дающіе едва ли правильныя и полныя представленія о такомъ, по самой сущности, неопредѣленномъ понятіи, какъ типъ: почему, напр., какой-то представленный въ книгѣ французскій почтальонъ — «типъ» француза, или господинъ съ наружностью директора фабрики — «типъ» нѣмца? «Типы» итальянцевъ и испанцевъ—тоже очень сомнительные типы. Г-жа Мальцева злоупотребила типами, въ ущербъ рисункамъ, иллюстрирующимъ физико-географическія явленія: ихъ всего 23 и они далеко не представляютъ желательной полноты: нѣтъ тундры, тропическій лѣсъ и дюны представлены плохо, дана одна венгерская степь, типичныхъ растеній для каждаго изъ поясовъ нѣтъ. Рисунки производятъ впечатлѣніе снимковъ съ старинныхъ хромолитографій. «Типы», очевидно, также воспроизведены не съ фотографій, что и лишаетъ ихъ желательной естественности. Книга г-жи Мальцевой, несмотря на то, что недостатковъ въ ней гораздо больше, чѣмъ достоинствъ,—рекомендована въ качествѣ учебнаго пособія учеными комитетами м-ва нар. прос. и синода.

«Азіатская Россія», иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Стр. 583. Ц. 2 р. М. 1901. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнарева и К°.—Всѣ 69 отрывковъ, вошедшихъ въ составъ сборника, въ большей или меньшей степени удовлетворяютъ требованіямъ, предъявленнымъ къ нимъ составителями: они соединяютъ научность содержанія съ художественностью изложенія и въ желаемой мѣрѣ даютъ представленіе о природѣ, людяхъ азіатской части Россіи. Кавказу посвящено 17 отрывковъ. Можно пожалѣть только, что очень мало говорится о такомъ вліятельномъ элементѣ среди кавказскаго населенія, какъ армяне, не дано описанія знаменитыхъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и о Сочи помѣщены свѣдѣнія нѣсколько устарѣлыя. 19 отрывковъ о Туркестанѣ даютъ хорошее понятіе о природѣ этихъ мѣстностей, но ихъ оригинальное населеніе затронуто сравнительно слабо. Сибири со степнымъ краемъ посвящены 21 отрывокъ. Нѣкоторыя статьи этого отдѣла сборника уже устарѣли, особенно «переселенцы» Н. Телешова: въ настоящее время ни переселенцы, ни арестанты уже не двигаются въ глубь Сибири по Иртышу и Оби, а или по сибирской желѣзной дорогѣ, или морскимъ путемъ. Вообще переселенцамъ въ сборникѣ удѣлено мало мѣста. Интересный Минусинскій уѣздъ остался совсѣмъ незатронутымъ, несмотря на существованіе сочиненій (напр., книга Яковлева), откуда составители могли бы извлечь интересный отрывокъ. О черневыхъ татарахъ составители могли

бы взять изъ работы Марусина, а объ алтайскихъ старовѣрахъ—изъ книжки Швецовой. Вмѣсто описаніе Амура по Бростовичу и Гофману составителямъ слѣдовало бы взять изъ Кауфмана, какъ автора болѣе современнаго и наблюдательнаго. У Кеннана они бы могли взять гораздо лучшее описаніе Гутноозерскаго дацина и бурятскаго богослуженія, чѣмъ у г. Бродовича. Вообще нужно сказать, что составители совсѣмъ не знакомы съ мѣстною окраинною печатью, откуда могли бы извлечь свѣжій и очень цѣнный матеріалъ для сборника. Сборникъ иллюстрированъ 100 рисунками (16 на отдѣльныхъ листахъ), въ общемъ недурно исполненными. На 117 стр. изображенъ «городъ Верхнеангарскъ»; такого города нѣтъ, а есть только село Верхнеангарское. На стр. 166 на самомъ дѣлѣ изображены не «бурятскіе монахи», а ученики дацина, будущіе ламы (хавураки). Квантунской области посвящена только одна статья. Этотъ сборникъ, подобно составленнымъ раньше тѣми же московскими преподавателями, долженъ способствовать оживленію интереса къ географіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. *П. Г-въ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

В. Фавръ. „Опытъ изученія маляріи въ Россіи“.—*Геймъ.* „Половая жизнь“.—*А. Цыновскій.* „Аболюціонизмъ“.—*Булатовъ* и *Фрейбергъ.* „Краткій учебникъ по гигіенѣ“.

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ. 1903 г. Цѣна не обозначена. Не смотря на тысячелѣтнее существованіе маляріи (т. наз. болотной лихорадки), какъ очень распространенной и тяжелой народной болѣзни, причина этой болѣзни, тщательно изучавшейся многочисленными изслѣдователями, оставалась невыясненной до 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Только нашему времени принадлежитъ честь открытія, повидимому, настоящей причины этой болѣзни, главнымъ распространителемъ которой являются комары, называемые анофелесъ (anopheles). Съ точки зрѣнія этой, почти всѣми учеными признаваемой, «комариной» теоріи маляріи, д-ръ Фавръ, несмотря на свою молодость, много уже потрудившійся въ данномъ направленіи, и разсматриваетъ въ своей обстоятельной работѣ лихорадку и въ смыслѣ ея распространенности въ Россіи, и въ смыслѣ способовъ борьбы съ нею.

У насъ въ Россіи область распространенія маляріи, какъ эндемической, т.-е. постоянно существующей болѣзни, очень велика. Если у насъ почти нѣтъ области, гдѣ бы малярія не существовала хотя въ небольшомъ количествѣ, то имѣются цѣлые районы, гдѣ распространеніе ея очень обширно. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежатъ: въ Европейской Россіи поясъ сильной и злокачественной маляріи, какъ берега Каспійскаго моря, Астрахань, сѣверокавказская равнина, Закавказье, берега Чернаго моря, Крымъ, Херсонъ, Бессарабія, нижнее теченіе Днѣпра и Днѣстра, Волынь и Украйна, поясъ болѣе умѣреннаго распространенія маляріи съ нѣкоторыми очагами именно въ Тулѣ, Ярославлѣ, Казани, Самарѣ и Оренбургѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Остзейскихъ провинцій и въ богатой озерами и болотами Новгородской губерніи, въ Сибири вся Барабинская степь. Статистическія данныя показываютъ, что въ Европейской Россіи имѣется до 20 губерній и областей, гдѣ на 1.000 жителей приходится отъ 228 до 101 маляриковъ, въ 11 кавказскихъ губерніяхъ число больныхъ на 1.000 жителей колеблется отъ 390 до 168 и т. д. При такой распространенности болѣзни какъ по захваченному ею району, такъ и по количеству больныхъ вполнѣ оправдывается интересъ къ ней съ общественной точки зрѣнія.

Изъ историческаго очерка распространенія маляріи въ Россіи, приводимаго д-ромъ Фавромъ, видно, что малярія служила и продолжаетъ до сихъ поръ служить самымъ важнымъ препятствіемъ для успѣшной колонизаціи нашихъ южныхъ окраинъ.

Всѣ разнообразныя теоріи, предлагавшіяся для объясненія происхожденія маляріи, должны были уступить мѣсто новой, въ настоящее время точно обоснованной «комариной» теоріи, когда Лавераномъ былъ открытъ паразитъ маляріи—плазмодій и когда многочисленными изслѣдованіями было показано, что этотъ плазмодій находится въ крови комаровъ—анофелесъ. Такимъ образомъ, сущность комариной теоріи маляріи заключается въ томъ, что комары являются переносчиками заразы, и что жаленіе зараженнаго плазмодіемъ комара есть единственный путь, при обычныхъ условіяхъ, распространенія маляріи.

Разъ анофелесъ былъ признанъ главнымъ разносчикомъ маляріи, необходимо было приступить къ тщательному изученію его свойствъ, его географическаго распространенія, тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ и, наоборотъ, мѣшаютъ его развитію.

Это изученіе, давшее уже много цѣнныхъ результатовъ, было любопытно и въ томъ отношеніи, что показало правильность многихъ старинныхъ, чисто эмпирическихъ наблюденій о роли стоячихъ водъ, болотистыхъ мѣстностей, вообще топографіи мѣстности въ дѣлѣ распространенія маляріи, такъ какъ именно стоячія воды, болота и т. д. и являются поставщиками комаровъ.

Не останавливаясь здѣсь подробно на біологіи анофелесъ, укажемъ только на нѣсколько сторонъ ихъ жизни и дѣятельности. Стремленіе отыскивать пищу обусловливаетъ разлетъ комаровъ отъ мѣста ихъ выплаживанія. Комары вообще плохіе летуны, говоритъ д-ръ Фавръ, и рѣдко разсѣиваются на значительныя разстоянія. Максимальной дистанціей, достигаемой ими, принято считать 5 километровъ. Вѣтеръ составляетъ сильное препятствіе полету комаровъ, такъ что они не рискуютъ подниматься на воздухъ, а сидятъ въ чащѣ зелени. Количество комаровъ въ различныя времена года зависитъ, главнымъ образомъ, это температуры воздуха. Приближающаяся зима заставляетъ комаровъ переселяться въ болѣе теплыя помѣщенія, такъ что зимой они жалятъ людей только тогда, когда находятся въ теплѣ. Наибольшаго распространенія анофелесы достигаютъ въ іюлѣ и августѣ, въ сентябрѣ же, вмѣстѣ съ дождями, количество комаровъ замѣтно уменьшается. Чѣмъ южнѣе лежитъ мѣстность, чѣмъ длиннѣе и жарче лѣто, тѣмъ большій періодъ времени данъ для существованія и размноженія комаровъ. Но и въ жаркое время для существованія анофелесъ необходимо, чтобы водоемы—озера, пруды, болота настолько были снабжены водой, чтобы не подвергнуться окончательному высыханію. Помимо жилищъ, анофелесъ можно найти и во многихъ хозяйственныхъ пристройкахъ, обыкновенно темноватыхъ, гдѣ бываютъ люди—въ чуланахъ, сараяхъ, въ которыхъ иногда спятъ рабочіе, въ конюшняхъ, коровникахъ и, наконецъ, въ отхожихъ мѣстахъ.

Днемъ комары сидятъ спокойно, но съ наступленіемъ сумерекъ начинаютъ искать пищу. Жалятъ они людей и бодрствующихъ, и спящихъ сильнѣе съ вечера и вплоть до утра или, собственно, до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ свой желудокъ кровью и не насытятся. Искусственный свѣтъ не мѣшаетъ ихъ нападенію на людей. Комары легко находятъ своихъ жертвъ благодаря тонко развитому чувству обонянія. Они чувствуютъ не только запахъ людей, но и другіе запахи. Нѣкоторые рѣзкіе запахи—скипидара, мезола, камфоры и т. п. ихъ отталкиваютъ. Ужаленіе анофелесъ у большинства людей, вслѣдствіе ядовитыхъ свойствъ слюны, даетъ чувство зуда, вызываетъ мѣстную припухлость. Анофелесъ легко прокалываетъ жаломъ не только кожу людей, какъ бы она ни была груба, но и кожу коровъ и лошадей. Сосетъ кровь онъ очень жадно,

количество крови, помѣщающееся въ его желудкѣ, равно приблизительно 0,05 куб. с.

Изученіе свойствъ комаровъ, условій ихъ жизни и распространенія даютъ ключъ къ выработкѣ профилактическихъ мѣръ для борьбы съ маляріей, какъ общественныхъ, такъ индивидуальныхъ. Среди первыхъ самой главной, чуть-ли не единственно главной мѣрой является осушеніе болотъ и другихъ мѣстъ выплаживанія анофелесъ въ самомъ поселеніи и въ его непосредственной близости, для чего изслѣдователи рекомендуютъ, между прочимъ, слѣдующее: 1) уничтоженіе всѣхъ ненужныхъ небольшихъ водоемовъ со стоячей водой, 2) устраненіе препятствій для свободнаго стока какъ дождевыхъ, такъ и почвенныхъ водъ осушаемаго района, 3) ускореніе медленнаго теченія водъ канавъ и каналовъ путемъ устройства болѣе крутого уклона или двойного профиля канавъ, или періодическимъ открываніемъ, черезъ 12—14 дней, шлюзовъ и опорожненіемъ канавъ, 4) содержаніе въ чистотѣ береговъ водоемовъ и 5) уничтоженіе по берегамъ и въ канавахъ болотистой растительности.— Давно извѣстное наблюденіе, что личинки комаровъ отлично уничтожаются керосиномъ, не можетъ, къ сожалѣнію, найти широкаго примѣненія, такъ какъ заливаніе водовмѣстилищъ керосиномъ и нефтью являются въ большинствѣ случаевъ задачей чрезвычайно трудной и даже недостижимой. Зато очень большой смыслъ имѣетъ истребленіе въ теченіе малярійнаго сезона залетѣвшихъ анофелесъ въ квартиры и особенно въ спальни. Для этого сжигаютъ сухіе листья мяты или персидскій порошокъ, а лучше всего смѣсь изъ послѣдняго съ порошкомъ корня валеріаны пополамъ и съ прибавленіемъ селитры въ количествѣ $^1/_8$ части по вѣсу. Дымъ отъ этой смѣси переносится людьми довольно сносно. Для защиты жилищъ отъ анофелесъ и кожи людей отъ ихъ жаленія отличные результаты даетъ, какъ показываютъ опыты, механическая защита помѣщеній, всѣхъ отверстій (оконъ, дверей и т. д.) сѣтками, при необходимости бывать ночью на воздухѣ нужно надѣвать особый головной уборъ и перчатки. Головной уборъ можетъ состоять изъ простого кисейнаго мѣшка, надѣваемаго поверхъ шляпы и закрывающаго голову и верхнюю часть туловища.

Во многихъ мѣстностяхъ, говоритъ д-ръ Фавръ, гдѣ истребленіе комаровъ немыслимо, гдѣ оздоровительныя работы невозможны или осуществимы только въ отдаленномъ будущемъ, гдѣ защита жилищъ и тѣла отъ комаровъ встрѣчаетъ препятствіе въ культурномъ уровнѣ населенія, систематическое и тщательное леченіе маляріи оказывается едва ли не единственной полезной и примѣнимой мѣрой борьбы съ бѣдствіемъ. Для успѣшности этой борьбы прежде всего необходимо, чтобы населеніе было достаточно обезпечено врачебною помощью. И приведенныхъ нами нѣсколькихъ выдержекъ изъ обширной и интересной работы д-ра Фавра вполнѣ, думаемъ, достаточно, чтобы указать на цѣнность этой книги, которой желаемъ самаго широкаго распространенія.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія. Рѣчь къ мужской молодежи. Профессора Гейма. Со вступительной замѣткой гр. Л. Н. Толстого. Изд. «Посредника». М. 1903 г. Ц. 25 коп. Сердечно и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво написанная брошюра проф. Гейма, призывающаго молодежь къ воздержанію и доказывающаго нелѣпость еще не отжившаго до сихъ поръ предразсудка, будто воздержаніе вредно для здоровья, интересна, главнымъ образомъ, по вступительной замѣткѣ Л. Н. Толстого и предисловію самого автора. Л. Н. Толстой, восторгаясь брошюрой, указываетъ на то, что лицо, приславшее ему брошюру, не смотря на многократныя попытки, не могло помѣстить ее ни въ одномъ журналѣ, а проф. Геймъ разсказываетъ въ предисловіи, что его рѣчь о воздержаніи предъ учащеюся молодежью въ Цюрихѣ,

впослѣдствіи, по настоянію же молодежи, выпущенная имъ въ видѣ брошюры, вызвала неодобреніе нѣкоторыхъ изъ его коллегъ, главнымъ образомъ, потому, что не геологу (проф. Геймъ—геологъ) говорить со студентами на эту тему, что это дѣло только медиковъ. Отвѣчая своимъ недовольнымъ коллегамъ, проф. Геймъ вполнѣ справедливо говоритъ: «Развѣ мы, профессора-геологи, наравнѣ съ математиками, медиками или историками, не должны быть воспитателями и наставниками молодежи, если чувствуемъ къ тому призваніе. Мнѣ не могутъ воспретить обратиться къ моимъ ученикамъ со словомъ нравственнаго воздѣйствія, къ которому я присоединилъ свои научныя познанія».

Для проф. Гейма можетъ служить утѣшеніемъ то, что тѣ, для которыхъ предназначена была его рѣчь, отнеслись къ ней лучше, чѣмъ нѣкоторые изъ его коллегъ-профессоровъ. Среди студенческой молодежи въ Цюрихѣ возникло общество подъ названіемъ «этосъ—академическій союзъ борьбы съ безнравственностью». Вотъ это то новое общество является лучшимъ отвѣтомъ на нападки недовольныхъ рѣчью проф. Гейма, и можно только пожелать, чтобы и у насъ эта брошюра дала такіе же результаты. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Врачъ А. А. Цѣловскій. Аболюціонизмъ и борьба съ сифилисомъ. Одесса. 1903 г. Ц. 45 коп. Убѣжденный аболюціонистъ, авторъ брошюры, много лѣтъ лично соприкасающійся съ міромъ проститутокъ, старается показать, на основаніи личныхъ наблюденій, статистическихъ данныхъ и литературы, что насильственный надзоръ за поведеніемъ и здоровьемъ женщинъ есть вещь безнравственная, беззаконная, нарушающая принципъ свободы человѣческой личности и, главное, безцѣльная. Съ радостью авторъ отмѣчаетъ, что число аболюціонистовъ среди врачей съ каждымъ днемъ увеличивается и при столкновеніи ихъ съ регламентаристами побѣда не всегда остается за послѣдними. Такъ, въ 1897 г. на всероссійскомъ съѣздѣ сифилидологовъ 140 членовъ съѣзда изъ 300 рѣшительно заявили, что признаютъ регламентаціи въ видѣ существованія домовъ терпимости явленіемъ безнравственнымъ и недостигающимъ цѣли. То же самое повторилось и на конференціи въ Брюсселѣ въ 1902 году.

Увеличеніе числа аболюціонистовъ въ разныхъ слояхъ общества даетъ надежду на то, что безплодная и позорящая людей регламентація отжила свой вѣкъ, и мы, вѣроятно, присутствуемъ при ея агоніи.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Д-ръ мед. П. Н. Булатовъ и д-ръ Н. Г. Фрейбергъ. Краткій учебникъ по гигіенѣ. Составленъ примѣнительно къ программѣ медицинскаго совѣта для фельдшерскихъ школъ мин. вн. дѣлъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Учебникъ гг. Булатова и Фрейберга, дѣйствительно, краткій—въ немъ всего 230 стр.,—написанъ яснымъ и понятнымъ языкомъ, вполнѣ доступнымъ для лицъ, имѣющихъ хотя нѣкоторыя элементарныя понятія по физіологіи и химіи. Помимо обычныхъ отдѣловъ гигіены, какъ отдѣлы о воздухѣ, водѣ, почвѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ и т. д., въ учебникѣ приведено описаніе наичаще наблюдающихся заразныхъ болѣзней, съ указаніемъ на ихъ признаки, теченіе и способы распространенія.

Нельзя не отмѣтить, что авторы иногда черезчуръ кратки. Напр., говоря о гигіеническомъ значеніи озона, онъ замѣчаютъ, что «въ послѣднее время озонъ стали примѣнять для массоваго очищенія питьевой воды» и больше ни слова. Намъ кажется, что лучше уже было бы ничего не сказать, чѣмъ выразиться такъ кратко.

Говоря о способахъ опредѣленія жира въ молокѣ, авторы называютъ, между прочимъ, лактобутирометръ Гербера, описывая, между тѣмъ, подъ этимъ названіемъ приборъ Маршана. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го сентября по 15-е октября.

Федоръ Фальковскій. Пробужденіе. Драма-сказка въ 5 дѣйс. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903.

І. А. Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества. Изд. кн. склада Ефимова. Москва. 1903.

Алексѣй Ачкасовъ. Образцы изящной русской рѣчи (для взрослыхъ). Изд. Д. И. Ефимова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

К. А. Хрѣновъ. Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ (для взрослыхъ). Москва. 1903. Ц. 20 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Страна холода. Т. I и II. Изд. Сойкина. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Г. А. Миловидовъ. Родная поэзія въ объяснительномъ чтеніи. Опытъ художественной хрестоматіи для школы и самообразованія. Орелъ. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Марія Делле-Граціе. Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ 4-хъ дѣйст. Пер. съ нѣм. Э. Г. Харьковъ. 1903. Ц. 50 к.

Гейне. Атта-Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Перев. и предисл. П. А. Каленова. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Князь Н. Д. Урусовъ. Безсильные люди въ изображеніи Леонида Андреева. Критическій этюдъ. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Ф. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Изд. 2-е. Пер. Ю. Антоновскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Компере. Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Пер. П. Перловъ. Москва. 1903. Ц. 40 к.

В. Ф. Залѣсскій. Лекціи энциклопедіи права. Казань. 1903. Ц. 2 р.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Восемь лекцій. Пер. съ нѣм. Г. Котляръ. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Пер. съ нѣм. М. Лемберка. Москва. 1903. Ц. 80 к.

А. Елистратовъ. О прикрѣпленіи женщины къ проституціи. Казань. 1903. Ц. 2 р.

Н. Мальбраншъ. Разысканія истины. Пер. съ франц. Е. Смѣловой подъ ред. Э. Радлова. Т. I. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Г. Ганото. Франція передъ Ришелье. Пер. съ фран. С. Мельгунова. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

В. Бехтерева. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. I. Спб. 1903.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XVI стол.). Пер. М. Литвиновъ. Т. II. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

А. Д. Билимовичъ. Министерство финансовъ 1802—1902 г. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1903.

Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1903.

Т. Рейнъ. Іог. Вильг. Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ. Сокр. перев. со швед. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Мелкая земская единица. Сборникъ статей. 2-е изд. переработанное и дополненное. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Мелкая земская единица въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. Вып. 2-й. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Харузинъ. Этнографія. Вып. III. Собственность и первобытное государство. Спб. 1903. Ц. 2 р.

А. Шерадамъ. Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX-го столѣтія. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Н. Зеландъ. По поводу «Записокъ врача» Вересаева. Омскъ. 1903.

Д. Вольфсонъ. Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 1903. Ц. 1 р.

Его же. Отчетность воскресной школы.

В. В. Шарвинъ Химія на службѣ человѣку. Москва. 1903.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Міровой рынокъ. Публ. лекція. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Самобытный отечественный «мыслитель». Страница изъ исторіи нашего умственнаго развитія. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Н. И. Тезяковъ. Основы санитарной статистики. Курсъ для фельдшер. школъ. Спб. 1903. Ц. 60 к.

М. Гринбергъ. Руководство ариѳметики. Спб. 1902. Ц. 80 к.

А. Пастуховъ. Пиши правильно! Грамматика-крошка. Вып. I. Москва. 1903. Ц. 10 к.

А. С. Смиренномудренскій. Лѣсъ и безлѣсье. Чтеніе для школъ и народа. Саратовъ. 1902. Ц. 8 к.

Н. Бернардъ. За маму, за папу. Картинки изъ дѣтской жизни. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Л. В. Долиновъ. Искатель истины. Спб. 1903.

Лео Бельмонтъ. О Львѣ Толстомъ. Отрывочныя мысли. Спб. 1903.

Н. Т. и П. Ш. Новые законы о служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышлен. предпріятіяхъ и на желѣзн. дорогахъ. Москва. 1904. Ц. 25 к.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 1903—1904. Ц. 2 р.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Русскій деревенскій календарь на 1904-й г. Москва. 1903. Ц. 5 к.

Его же. Русскій сельскій календарь на 1904. Москва. 1903. Ц. 20 к.

Р. Хаггардъ. Докторъ Тернъ. Ром. «Библіот. романовъ». Изд. Сойкина. Спб. 1903.

Іонасъ Ли. Дочери командора. Ром. Пер. съ норвеж. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Спб. 1903. Ц. 60 к.

«Школьная библіотека». Москва. 1903.

Носиловъ. Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разсказъ. Ц. 15 к.

В. Львовъ. Бѣлка и бѣличій промыселъ. Ц. 10 к.

Его же. Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Ц. 15 к.

Его же. Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. Ц. 20 к.

В. Н. Харузина. Оцзи и Олесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей. Ц. 15 к.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности первой безплатной народной библіотеки-читальни Харьков. об-ва распространенія въ народѣ грамотности за 1902 г.

Отчетъ Одесской городской управы за 1902-й годъ по народному образованію. Одесса. 1903.

Отчетъ о состояніи школьной столовой въ домѣ Христофорова за 1902—1903 уч. г. Н.-Новгородъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла об-ства распространенія техническихъ знаній за 1902 г. Москва. 1903.

Отчетъ по Краснинскому уѣздному комитету попечительства о народной трезвости за 1902 г. Красный. 1903.

А. Шингаревъ. Общегубернская санитарная организація въ Воронежской губ. Воронежъ. 1903.

Проф. Ю. Гамбаровъ и проф. М. Ковалевскій. Русская высшая школа обществ. наукъ въ Парижѣ. Ростовъ-на-Дону. 1903. Ц. 30 к.

Кузнецовъ. Справочная книжка для гг. офицеровъ, производящихъ дознанія въ пѣхотн. кавалер. и др. частяхъ войскъ. Петроковъ. 1903. Ц. 30 к.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. I. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Саратовъ. 1903. Ц. 40 к.

А. І. Степовичъ. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана.

С. Бертенсонъ. Опытъ библіографич. указателя Гоголевской юбилейной литературы. Спб. 1903.

Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ 1903 г. въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губ. Тверь. 1903.

В. П. Успенскій. Общій обзоръ дѣятельности деревенскихъ яслей-пріютовъ въ Воронежской губ. 1902 г. Воронежъ. 1903.

А. Я. Рязановъ. Ивановское участковое санитарное попечительство.

П. Калининъ. Губернскіе съѣзды и совѣщанія земскихъ врачей и представителей земскихъ управъ Саратовской губ. съ 1876 г. по 1894 гг. Саратовъ. 1903.

Статистическій ежегодникъ Вятской губ. за 1900 г. Вятка. 1903.

Обзоръ сельскаго хозяйства Вятской губ. за 1903 г. Вып. II. Вятка. 1903.

Д. Дубовицкій. Опытъ изслѣдованія Пензенской губ. и юго-восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. II и III. Пенза. 1903.

П. Лощиловъ. О санитарныхъ условіяхъ кожевеннаго производства въ Нижегородской губ. Н.-Новгородъ. 1903. Ц. 1 р.

Н. Тезяковъ. Матеріалы по изученію дѣтской смертности въ Воронежской губ. за 1898—1900 гг. Воронежъ. 1903.

С. Шпилевскій. Столѣтіе училища имени Демидова. (Рѣчь въ день юбилея). Ярославль. 1903.

В. І. Щегловъ Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Демидова въ 1-й вѣкъ его образ. и дѣятельн. Ярославль. 1903.

Объяснительная записка къ экспонатамъ Тверской губернской земской управы по страховому отдѣлу на Ярославской областной выставкѣ Сѣвернаго края. Тверь. 1903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Studies in the Evolution of Industrial Society*» *by R. T. Ely* (*Macmillan and C°*) (*Очерки эволюціи промышленнаго общества*). Авторъ этой книги, профессоръ американскаго университета, заслужилъ почетное имя по ту сторону Атлантики за безстрашное изложеніе своихъ соціальныхъ взглядовъ. Онъ издаетъ «Библіотеку гражданина» (Citizen's library), состоящую изъ чрезвычайно полезныхъ популярныхъ экономическихъ сочиненій. Въ этомъ новомъ томѣ своей библіотеки онъ касается наиболѣе жгучихъ современныхъ экономическихъ вопросовъ, трёстовъ, монополій и рабочаго движенія и обсуждаетъ возможность практическихъ соціальныхъ реформъ.

(Daily News).

«*Peeps at Parliament*» *by H. W. Lucy. Illustrated by F. C. Gould* (*George Newness*) *7 v. 6 d.* (*Взглядъ украдкою въ парламентъ*). Авторъ съ большимъ юморомъ описываетъ разные парламентскіе крупные и мелкіе инциденты, нравы и обычаи парламента и перемѣны, которыя произошли въ немъ за послѣдніе годы. Нѣтъ ни одной скучной страницы во всей книгѣ, притомъ очень удачно иллюстрированной. Самый большой матеріалъ для этихъ парламентскихъ очерковъ доставляютъ автору ирландскіе члены и Гладстонъ, дебаты о гомрулѣ, Чэмберленъ и Бальфуръ.

(Daily News).

«*Contemporary Psychology*» *Guido Villa* (*Iwan Sonnenschein*) *10 v. 6 d.* (*Современная психологія*). Авторъ этой прекрасной книги, переведенной на англійскій языкъ, дѣлаетъ историческій обзоръ методовъ изслѣдованія, которыя характеризуютъ современную психологію и подвергаетъ ихъ критическому анализу. Въ книгѣ заключается, кромѣ того, много важныхъ и интересныхъ свѣдѣній, заслуживающихъ особаго вниманія тѣхъ, кто посвятилъ свое время психологическимъ изысканіямъ.

(Daily News).

«*Educated Working Women*» *Essays on the economic position of women workess in the middle classes*» *by Clara E. Collet M. A. Fellow of University College. London* (*King and Lon*) (*Образованныя рабочія женщины*). Авторъ этой книги, миссъ Коллетъ, въ качествѣ министерскаго чиновника англійскаго правительства, произвела статистическія разслѣдованія женскаго труда и заработка. Она много способствовала выясненію положенія женскаго вопроса въ Англіи. Изслѣдованія, сдѣланныя ею въ этой области, приводятъ ее къ утѣшительному заключенію, что въ Англіи каждая женщина, даже со средними способностями и среднимъ образованіемъ, всегда можетъ найти себѣ заработокъ, если только пожелаетъ и въ настоящее время въ Англіи дѣвушки не остаются въ семьяхъ въ ожиданіи мужей, а воспитываются родителями такъ, чтобы онѣ могли избрать себѣ какую-нибудь профессію, а въ школы не идутъ только однѣ разочарованныя въ жизни и не съумѣвшія найти себѣ другой профессіи, кромѣ учительства, а только тѣ, кто дѣйствительно готовился къ профессіи учительницы и болѣе или менѣе чувствуетъ къ ней призваніе.

(Daily News).

«*Esquisse d'une psychologie des peuples européens*» *par Alfred Touillée* (*Alcan*) *1 vol.* (*Очеркъ психологіи европейскихъ народовъ*). Извѣстный французскій писатель справедливо полагаетъ, что чѣмъ ближе узнаешь народы, тѣмъ больше начинаешь ихъ любить. Онъ изслѣдуетъ тѣ соціальныя условія, которыя, дополняемыя условіями расы и климата пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, по мѣрѣ того какъ возрастающая цивилизація усложняетъ внутреннія и внѣшнія отношенія каждаго народа.

(Temps).

«*Le Mariage chez tous les peuples*» *par Henri d'Alméras* (*Schleicher*) *3 fr. 50* (*Бракъ у всѣхъ народовъ*). Авторъ изслѣдуетъ исторію происхожденія одного изъ самыхъ древнихъ человѣческихъ учрежденій—брака, во всѣхъ его главныхъ формахъ и у разныхъ народовъ: на древнемъ востокѣ, у дикарей, въ мусульманскомъ мірѣ и у мормоновъ; затѣмъ онъ переходитъ къ исторіи брака въ Греціи

Римѣ и Франціи и кончаетъ изслѣдованіемъ современнаго брака. Несмотря на то, что авторъ пишетъ легко и увлекательно и книга его читается какъ романъ, но она все таки представляетъ серьезное научное изслѣдованіе, трактатъ нравовъ и обычаевъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, основанный на весьма добросовѣстномъ изученіи источниковъ.

(Journal des Débats).

«*The Story of by Life*» *by Helen Keller* (*Hodder und Stughton*) *7 v. 6 d.* (*Исторія жизни*). Интересная автобіографія дѣвушки, которая ребенкомъ потеряла слухъ и зрѣніе и осуждена была жить среди вѣчной тьмы и молчанія. Но когда ей минуло семь лѣтъ, съ нею начали заниматься и примѣняли къ ней новые методы обученія. Опытъ увѣнчался настолько блестящимъ успѣхомъ, что, черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ этого, она уже была студенткой одной американской коллегіи и обладала широкими познаніями въ литературѣ и языкахъ и могла написать свою любопытную автобіографію, къ которой приложила подробное описаніе методовъ, примѣненныхъ ея учителями и давшихъ такіе замѣчательные результаты.

(Daily News).

«*Auf türkischer Erde*» *Reisebilder und Studien von Hugo Gröthe. Berlin* (*Allgemeiner Verein für Literatur*) (*На турецкой землѣ*). Авторъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на изученіе различныхъ частей Оттоманскаго государства и на основаніи личныхъ наблюденій и опыта высказываетъ мнѣніе о положеніи различныхъ турецкихъ провинцій и ихъ будущности. Онъ очень интересно разсказываетъ свои приключенія и передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своего путешествія по турецкой землѣ.

(Francfurt. Zeit).

«*Lebengeschichte der Erde*» *von Willy Pastor. Ein Überbliek über die Metamorphosen der Erdensternes, Leben und Wissen. 1 Band* (*Eugen Diederichs*) *Leipzig 1903* (*Исторія жизни земли*). Въ своей книгѣ авторъ поставилъ себѣ задачей развить дальше дарвиновскую теорію и на основахъ этой теоріи установить новое міровоззрѣніе, отличающееся смѣлостью и оригинальностью, но нѣкоторою фантастичностью выводовъ, для которой авторъ ищетъ поддержки у Фехнера и др.

(Francfurt. Zeit).

«*Hommes et ideés du seixième siécle*» *par René Doumée, 1 vol. 3 fr. 50* (*Perrin*). (*Люди и идеи шестнадцатаго вѣка*). Это интересный очеркъ литературной исторіи, движенія идей и отраженія ихъ въ современной литературѣ. Можно не соглашаться съ выводами автора, но его эрудиція, искренность и любовь къ литературѣ привлекаютъ всѣ симпатіи читателя на его сторону; къ тому же авторъ обладаетъ прекраснымъ слогомъ и пишетъ очень увлекательно.

(Journal des Débats).

«*La Magie dans l'Inde antique*». *Par Victor Henry. Paris.* (*Dujarrie et C°* (*Магія въ древней Индіи*). «Тотъ, кто не вѣритъ въ магію, не имѣетъ все таки основаній отрицать ее»—такими словами начинаетъ авторъ свою книгу. Магія, какъ онъ говоритъ, сыграла свою роль въ образованіи первыхъ человѣческихъ обществъ и въ развитіи человѣческаго ума. Она существовала во всѣ времена и во всѣхъ странахъ и вездѣ, гдѣ встрѣчаются ея слѣды, въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, можно наблюдать такое удивительное сходство всѣхъ магическихъ процедуръ, что невольно возникаетъ мысль, не заимствовалъ ли ихъ одинъ народъ отъ другого или же онѣ распространились путемъ медленнаго и незамѣтнаго проникновенія, тамъ, гдѣ есть на лицо географическое сосѣдство и сродство расъ. Но авторъ говоритъ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому объясненію, тѣмъ болѣе, что оно не вездѣ приложимо; процедуры эти, какъ бы они ни казались намъ сложны и странны, въ дѣйствительности, представляютъ лишь интересный и логическій результатъ человѣческаго мышленія во всѣхъ широтахъ. Въ своей книгѣ авторъ разсматриваетъ индійскую магію во всѣхъ условіяхъ жизни, но онъ выдѣляетъ изъ нея только то, что представляетъ общій интересъ и можетъ бросить свѣтъ на все оккультическое ученіе.

(Journal des Débats).

«*The Life of Lord Edward Fitzgerald*» *by Ida A. Taylor* (*Hutchinson and C°*) (*Жизнь лорда Эдварда Фитцджеральда*). Чрезвычайно интересно и живо написанная біографія симпатичнаго и популярнаго ирландскаго героя и описаніе событій, связанныхъ съ ирландскимъ возстаніемъ конца XVIII вѣка.

(Daily News).

«*The Tariff Problem*» *by W. J. Ashley, professor of Commerce in the University Birminham* (*King and C°*) *2 v. 6 d.* (*Тарифная проблема*). Авторъ начинаетъ съ интереснаго историческаго обзора принциповъ Адама Смита, Кобдена и Брайта, а затѣмъ уже переходитъ къ современной жгучей проблемѣ, но разсматриваетъ ее все таки съ точки зрѣнія интересовъ имперіи, упуская изъ вида оппозицію рабочихъ классовъ высокому тарифу и вліяніе этого тарифа на общую политику.

(Daily News).

«*Poissons et Sortiléges*» *La Légende et l'Histoire par les docteurs Cabonés et L. Nass* (*1-re série*) (*Plou et Nourrét*) *3 fr.*

50. (*Ядъ и колдовство; легенда и исторія*). Въ книгѣ изслѣдуется роль, которую игралъ въ исторіи ядъ, какъ орудіе преступленія. Исторія полна всевозможныхъ легендъ въ этомъ направленіи, которыя передаются многими писателями безъ должной критики и оцѣнки, поэтому оба ученыхъ автора поставили себѣ задачей выдѣлить ядро исторической истины изъ накопившихся на немъ наслоеній всякихъ предразсудковъ и заблужденій. Сдѣлавъ краткій обзоръ первобытныхъ временъ и даже совершивъ экскурсію въ миѳологическую древность, авторы изслѣдуютъ токсикологическія познанія древнихъ, на востокѣ, въ Греціи и Римѣ и въ особенности въ Римѣ цезарей. Но наиболѣе интересный матеріалъ представляютъ намъ, конечно, средніе вѣка, когда выступаетъ на сцену суевѣріе, примѣшивающееся ко всѣмъ преступленіямъ, такъ какъ каждая эпидемія отравленія непремѣнно совпадала въ эту эпоху съ эпидеміей колдовства. Первый томъ заканчивается преступленіями Борджіи и изслѣдованіемъ легендарныхъ ядовъ, употреблявшихся ими, и смертью Александра VI. Второй томъ еще не вышелъ.

(Journal des Débats).

«*L'Evolution des idées chez quelquesuns de nos contemporains*» *par Leon Lionnet 1 vol. 3 fr. 50* (*Эволюція идей у нѣкоторыхъ изъ нашихъ современниковъ*). Авторъ изслѣдуетъ произведенія нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ писателей, Жюля Леметра, Барреса, Поля Бурже и др. и старается найти въ нихъ зародышъ тѣхъ политическихъ идей, представителями которыхъ они потомъ сдѣлались. Онъ доказываетъ фактъ, что въ литературныхъ трудахъ Леметра можно найти зачатки той доктрины, которую онъ теперь проповѣдуетъ.

(Journal des Débats).

«*Memoirs of a Social Atom*» *by W. E. Adams. London* (*Hutchinson and C°*) *2 vol 24 v. Illustrated* (*Мемуары соціальнаго атома*). Эта книга представляетъ родъ автобіографіи, въ которой заключаются воспоминанія о событіяхъ, общественныхъ движеніяхъ, соціальныхъ и политическихъ дѣятелей Англіи, начиная съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Двѣ послѣдующія главы называются «Дегенерація» и «Упадокъ человѣка»; онѣ указываютъ, что авторъ не очень высокаго мнѣнія о современномъ поколѣніи и считаетъ прежнихъ общественныхъ дѣятелей великанами по сравненію съ нынѣшними. (Daily News).

«*Dawn in the Dark Continent*» *by James Stewart. (Oliphant) 6 v.* (*Разсвѣтъ на черномъ континентѣ*). Интересное описаніе дѣятельности европейцевъ на африканскомъ континентѣ, послѣ того какъ въ 1884 году внезапно проснулся въ Европѣ интересъ къ Африкѣ и на берлинской конференціи произведенъ былъ раздѣлъ чернаго континента. Лишь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ только случайные отважные путешественники, искатели приключеній и миссіонеры пускались въ африканскія дебри и пустыни и многіе навсегда исчезали въ нихъ. Но мало-помалу число африканскихъ путешественниковъ увеличивалось, пока, наконецъ, Ливингстонъ не положилъ начало новой школы изслѣдованія Африки. Описавъ подробно дѣятельность различныхъ миссій, преимущественно въ Угандѣ, авторъ приходитъ къ пессимистическимъ выводамъ относительно результатовъ проповѣди христіанства. Насажденіе европейскихъ идеаловъ въ душѣ чернокожихъ туземцевъ оказывается необычайно труднымъ дѣломъ, да мѣшаютъ и возмутительные поступки европейцевъ напр. въ бельгійскомъ Конго и т. п., разрушаютъ довѣріе чернокожихъ туземцевъ къ вѣрѣ бѣлыхъ людей и мѣшаютъ ея укрѣпленію на черномъ континентѣ.

(Daily News).

«*Der bewusste Wille in der Weltgeschichte*» *von August Strindberg. Leipzig.* (*Hermann Seemann*) (*Сознательная воля во всемірной исторіи*). Извѣстный шведскій писатель, беллетристъ и драматургъ Стриндбергъ излагаетъ въ пяти очеркахъ свой философскій взглядъ на исторію человѣчества и отыскиваетъ въ эволюціи человѣческаго общества тѣ же самые законы, которые управляютъ царствомъ природы. Въ первомъ очеркѣ онъ говоритъ объ одновременности появленія великихъ народныхъ вождей въ разныхъ мѣстахъ, являющихся для того, чтобы просвѣтить человѣчество. Эта одновременность заставляетъ его предполагать существованіе тайной духовной связи между племенами и народами, разсѣянными на поверхности земли. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить,—спрашиваетъ авторъ,—что однѣ и тѣ же умственныя силы руководятъ ими, какъ одно и то же солнце освѣщаетъ ихъ? Второй очеркъ посвященъ Магомету, третій образованію государства въ Европѣ и т. д.

(Berliner Tag.).

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Новое о радіоактивности.

Февральскій научный фельетонъ мы посвятили радіоактивности матеріи. Прошло всего семь мѣсяцевъ, и снова приходится возвращаться къ этому вопросу, такъ какъ за это время различными учеными открыта масса новыхъ поразительныхъ фактовъ.

Изученію радіоактивныхъ веществъ за послѣднее время посвященъ длинный рядъ изслѣдованій. Эти работы касаются, главнымъ образомъ, *радія*, *торія*, *урана* и *полонія*. Менѣе всего посчастливилось открытому Дебьерномъ *актинію*, который, повидимому, до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, Дебьернъ показалъ, что между открытымъ имъ элементомъ и радіемъ существуетъ значительная разница. Въ то время, какъ радій почти не оказываетъ радіоактивнаго воздѣйствія на другія тѣла, разъ они вмѣстѣ съ нимъ заключены въ сосудъ, изъ котораго выкачанъ воздухъ, дѣйствіе солей актинія въ этихъ условіяхъ очень велико и не зависитъ отъ разстоянія. Иначе обстоитъ дѣло при наличности атмосфернаго давленія: здѣсь, чѣмъ дальше лежитъ тѣло отъ актинія, тѣмъ слабѣе возбуждаемая радіоактивность. Считая причиной радіоактивности «эманацію», можно думать, что эманація радія скорѣе диффундируетъ въ воздухѣ, чѣмъ эманація актинія. Послѣдняя, сверхъ того, оказывается гораздо менѣе прочной.

Согласно Круксу и Беккерелю, радіоактивность урана зависитъ отъ присутствія въ немъ особой составной части, которую Круксъ называетъ «ураномъ х», и которую можно выдѣлить химическимъ путемъ. Она будто бы и является носительницей радіоактивныхъ свойствъ урана, о которыхъ мы можемъ судить по дѣйствію на фотографическую пластинку. Однако, опыты Рутефорда и Содди показали, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Препараты урана испускаютъ двоякаго рода лучи: α, или легко поглощаемые лучи, и β, или проникающіе лучи, легко отклоняемые магнитнымъ полемъ. Первые способны производить электрическія дѣйствія, вторые дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. При этомъ оказалось, что ураній, освобожденный отъ примѣси «урана х», все-таки испускаетъ α-лучи, не дѣйствующіе на фотографическую пластинку, но могущіе быть обнаруженными при помощи электричества. Современемъ, однако, въ очищенномъ отъ «урана х» препаратѣ появляются и β-лучи, слѣдовательно,

*

тамъ вновь образуется нѣкоторое количество «урана х». Параллельно съ этимъ активность выдѣленнаго «урана х» падаетъ. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ состояніемъ равновѣсія между ураномъ и «ураномъ х», которое, будучи нарушено, вновь возстановляется. Подобнаго же рода отношенія еще раньше были наблюдены и для торія.

Тѣ же ученые занимались сравнительнымъ изученіемъ радіоактивности *радія* и *торія*. Оба элемента, вообще говоря, очень похожіе другъ на друга, отличаются, главнымъ образомъ, по скорости, съ которою ихъ эманаціи теряютъ свою активность. Въ то время, какъ эманація торія уже въ теченіе одной минуты на половину уменьшается въ силѣ, эманаціи радія на это нужно четыре дня. И обратно, возбужденная радіемъ радіоактивность исчезаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ возбужденная торіемъ.

Другой пунктъ различія между радіемъ и торіемъ состоитъ въ томъ, что для радія до сихъ поръ неизвѣстно активнаго видоизмѣненія, который по аналогіи съ «торіемъ х» можно бы было назвать «радіемъ х» и которое являлось бы промежуточною ступенью между радіемъ и его эманаціею. Быть можетъ, это потому, что въ рукахъ у изслѣдователей не было еще достаточнаго количества препаратовъ радія.

Изслѣдованія Рутефорда и Содди касаются, главнымъ образомъ, количественныхъ отношеній, наблюдаемыхъ при потерѣ радіоактивности и при возстановленіи ея. Оказывается, что потеря радіоактивности происходитъ всегда съ опредѣленною скоростью. Что касается до скорости выдѣленія самой «эманаціи», то въ этомъ отношеніи существенную роль играетъ раствореніе и нагрѣваніе. Изъ растворовъ эманація выдѣляется сравнительно очень быстро, гораздо быстрѣе, чѣмъ изъ твердаго вещества. Дальнѣйшая аналогія между радіемъ и торіемъ состоитъ въ томъ, что радіоактивность и того и другого теряется лишь до извѣстнаго предѣла и потомъ снова медленно возрастаетъ до опредѣленной величины, какъ бы возстановляя нарушенное равновѣсіе.

Нѣсколько работъ было посвящено за это время изслѣдованію различныхъ родовъ лучей, испускаемыхъ радіоактивными веществами. Радій, какъ извѣстно, испускаетъ три рода лучей, обозначаемыхъ буквами α, β и γ, различающіеся по своему электрическому заряду и по способности отклоняться магнитомъ. Подобные же лучи исходятъ и отъ другихъ радіоактивныхъ веществъ. Обслѣдовавъ этотъ вопросъ, Беккерель приходитъ къ выводу, что лучи полонія идентичны съ α-лучами радія, такъ какъ они показываютъ одинаковое отклоненіе въ магнитномъ полѣ, обратное тому, какое наблюдается для катодныхъ лучей. Отъ послѣднихъ они отличаются еще отсутствіемъ дисперсіи. На основаніи своихъ опытовъ Беккерель различаетъ два вида радіаціи: 1) отрицательно заряженные и легко проникающіе лучи урана и 2) положительно заряженные, сильно поглощаемые лучи полонія. Торій и радій даютъ оба эти вида лучей, а радій, сверхъ того, еще такъ называемые γ-лучи.

Природу этихъ послѣднихъ до нѣкоторой степени выяснила работа Стрэтта (Strutt). Онъ изслѣдовалъ производимую лучами іонизацію различныхъ газовъ и нашелъ, что между всѣми лучами радія въ этомъ отношеніи нѣтъ ни-

какой разницы. Цифры, выражающія относительную (къ воздуху) іонизацію различныхъ газовъ, производимую γ-лучами, оказались пропорціональными плотности взятыхъ газовъ. Для рентгеновскихъ лучей получаются совершенно другія цифры, а это показываетъ, что они не идентичны съ γ-лучами, какъ думали всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. По всей вѣроятности γ-лучи тоже матеріальной природы и отличаются отъ a и b лучей лишь тѣмъ, что составляющія ихъ частицы не заряжены электричествомъ.

Выдающійся интересъ представляютъ собою опыты Кюри и Лаборда которые показали, что соли радія непрерывно выдѣляютъ тепло. Если измѣрить при помощи термоэлектрической пары разность температуръ между нѣкоторымъ количествомъ соли барія, заключающей около $^1/_6$ хлористаго радія, и такимъ же количествомъ чистаго хлористаго барія, то эта разность достигаетъ 1,5°Ц, причемъ соль радія оказывается болѣе теплой. Дальнѣйшими опытами Кюри и Лабордъ опредѣлили количество теплоты, выдѣляемой радіемъ, и въ концѣ концовъ получили такія цифры: 1 граммъ чистаго радія выдѣляетъ въ часъ около 100 малыхъ калорій, слѣдовательно 1 граммъ-атомъ (225 гр.), долженъ выдѣлять около 22.500 кал. ежечасно. Постоянное выдѣленіе столь значительнаго количества теплоты не можетъ быть объяснено обыкновеннымъ химическимъ превращеніемъ. Если же оно зависитъ отъ какой нибудь внутренней перегруппировки, то эта послѣдняя должна быть болѣе глубокой, должна касаться самихъ атомовъ радія. Но если бы въ дѣйствительности и существовала такая перегруппировка, она должна бы была происходить очень медленно, потому что радій не мѣняетъ своихъ свойствъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Демарсэ, наблюдавшій спектръ радія спустя 5 мѣсяцевъ послѣ его полученія, не замѣтилъ въ немъ никакихъ измѣненій. И такъ, если бы эта гипотеза оказалась вѣрна, энергія, освобождающаяся при превращеніи атомовъ, была бы необычайно велика. Впрочемъ такая гипотеза не единственно возможная: наблюдаемое выдѣленіе тепла можно объяснить и тѣмъ, что подъ вліяніемъ радія происходитъ превращеніе какой нибудь неизвѣстной намъ внѣшней энергіи. Но такое объясненіе страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что одну «загадку» объясняетъ другой, такъ сказать еще болѣе далекой отъ насъ.

Еще болѣе поразительны опыты сгущенія эманацій радія и торія, произведенные Рутефордомъ и Содди при температурѣ жидкаго воздуха. Названные изслѣдователи увлекали эманаціи струею какого-нибудь индифферентнаго газа и пропускали ихъ въ мѣдную спиральную трубку, погруженную въ жидкій воздухъ. Тамъ эманаціи сгущались при —150° для радія и —120° для торія. Какъ и при обыкновенной температурѣ, эманація торія оказалась очень непрочной: испаряясь, она теряла свою активность.

Химическія свойства эманацій показали ихъ близость съ недѣятельными газами группы аргона. Всѣ эти отношенія были еще болѣе подробно изслѣдованы Рамзаемъ и Содди, на работѣ которыхъ мы остановимся нѣсколько ближе. Авторы пропускали электрическія искры черезъ смѣсь эманаціи радія съ кислородомъ и удаляли потомъ кислородъ, сжигая имъ фосфоръ; затѣмъ пропускали эманацію радія надъ нагрѣтой смѣсью порошка магнія и извести.

И послѣ всего этого эманація радія все таки получалась не измѣненной! Въ физическомъ смыслѣ она обладаетъ всѣми свойствами газа: она диффундируетъ въ воздухѣ (Кюри и Донъ опредѣлили даже коэффиціентъ диффузіи), можетъ быть выкачана насосомъ Теплера, сгущена и въ такомъ видѣ «промыта» постороннимъ газомъ, который потомъ легко удалить. Въ темной комнатѣ можно наблюдать, какъ самосвѣтящаяся эманація распространяется по трубкѣ, какъ она диффундируетъ и т. п.

Но что особенно замѣчательно въ опытахъ Рамзая—это превращеніе эманаціи въ гелій. Какъ уже было сказано, особенно сильное выдѣленіе эманаціи происходитъ изъ растворовъ бромистаго радія въ водѣ. Еще раньше Гизель замѣтилъ, что при этомъ образуется также значительное количество водорода и кислорода, которые легко удалить. Сгустивъ полученное такимъ образомъ нѣкоторое количество эманаціи въ U-образной трубкѣ и очистивъ отъ примѣсей, Рамзай сталъ наблюдать спектръ газа. Спектръ оказался, повидимому, новымъ, не наблюдавшимся ранѣе. Но черезъ нѣсколько дней въ немъ стали появляться линіи гелія, по мѣрѣ того, какъ исчезала способность эманаціи свѣтиться и разряжать наэлектризованныя тѣла. Черезъ нѣсколько времени трубка содержала почти одинъ гелій. Въ спектрѣ заключаются впрочемъ, еще три новыя линіи, не принадлежащія гелію.

Химическое дѣйствіе новыхъ лучей на различныя тѣла также было предметомъ изслѣдованій. Гольдштейнъ изучалъ дѣйствіе катодныхъ лучей на неорганическія и органическія вещества. Цѣлый рядъ безцвѣтныхъ соединеній, какъ, напримѣръ, хлористые и бромистые калій и натрій, подъ вліяніемъ катодныхъ лучей темнѣютъ и сохраняютъ далѣе пріобрѣтенную ими окраску. Отъ чего это зависитъ? По всей вѣроятности здѣсь имѣетъ мѣсто разложеніе галоиднаго металла на его составныя части, причемъ образуются какія-нибудь новыя окрашенныя соединенія. Хлористый натрій, напримѣръ, можетъ разлагаться на натрій и хлоръ.

Вотъ главнѣйшіе новые факты, которые найдены всего за 8 мѣсяцевъ въ томъ удивительномъ «Эльдорадо», который мы зовемъ радіоактивностью вещества.

Теперь мы обратимся къ обобщеніямъ и гипотезамъ, появившимся за это время и стремящимся связать столь удивительныя явленія съ другими явленіями неорганизованнаго міра, уже вошедшими въ схему нашего знанія и выраженныхъ въ символахъ «Матерія» и «Энергія».

Прежде всего остановимся на англійскомъ ученомъ Круксѣ и на его рѣчи *), произнесенной имъ на конгрессѣ химиковъ въ Берлинѣ, въ іюнѣ текущаго года.

Замѣтимъ, что эта рѣчь не могла охватить многихъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, такъ какъ они стали извѣстны уже послѣ ея произнесенія: такъ быстро въ этой области открытія слѣдуютъ за открытіями.

Круксъ предпосылаетъ изложенію своихъ возрѣній краткій историческій очеркъ развитіи идеи о сложности химическихъ элементовъ и вполнѣ правильно указываетъ, что піонерами въ данной области были англійскіе ученые.

---

*) „Новѣйшія представленія о матеріи“.

Первое въ прошломъ столѣтіи ясно выраженное представленіе о возможной сложности металловъ встрѣчается, по словамъ Крукса, въ лекціи Гемфри Дэви, прочтенной имъ въ 1809 году. Въ этой лекціи Дэви говоритъ о существованіи нѣкой субстанціи общей всѣмъ металламъ, и приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если такія обобщенія подтвердятся фактами, то результатомъ этого явится новая, упрощенная и величественная философія... Изъ комбинаціи различныхъ количествъ двухъ или трехъ видовъ вѣсомой матеріи мы могли бы тогда создать себѣ все разнообразіе субстанцій». Въ 1811 году Дэви снова пишетъ «Было бы напрасно стараться предвидѣть всѣ послѣдствія такого прогресса въ химіи, какъ разложеніе и синтезъ металловъ... Долгъ каждаго химика быть настойчивымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ; онъ не долженъ считать безразсуднымъ то, что не согласуется съ общепринятымъ мнѣніемъ. Онъ долженъ помнить, какъ иногда наше знаніе противорѣчитъ тѣмъ фактамъ, которые, будто, основаны на опытѣ... Изслѣдовать—могутъ ли металлы быть разложенными и синтезированными—есть великая проблема истинной философіи».

Дэви первый употребилъ въ 1804 г. терминъ «лучистая матерія» («Radiant Matter»), а нижеслѣдующая цитата является провозвѣстницей понятія о современныхъ электронахъ: «Если бы частицы газовъ были приведены въ движеніе въ свободномъ пространствѣ съ почти безконечно большою скоростью—что и соотвѣтствуетъ лучистой матеріи,—то частицы газовъ могли бы производить различнаго рода лучи, сильно отличающіеся другъ отъ друга по своимъ свойствамъ».

Въ 1816 году знаменитый Фарадей въ своихъ лекціяхъ «Объ общихъ свойствахъ матеріи» употребляетъ тотъ же самый терминъ, онъ говоритъ: «Если мы представимъ себѣ нѣкое остояніе матеріи настолько отдаленное отъ парообразнаго состоянія веществъ, насколько послѣднее далеко отъ жидкаго, и если примемъ во вниманіе увеличивающееся количество измѣненій свойствъ пропорціонально перемѣнамъ, происшедшимъ въ самой матеріи и если, наконецъ, сумѣемъ обобщить все это, то мы, быть можетъ, будемъ недалеко отъ понятія «лучистая матерія» (radiant matter)...»

Въ одной изъ своихъ первыхъ лекцій Фарадей тоже дѣлаетъ пророческое заключеніе: «Теперь мы начинаемъ нетерпѣливо желать новаго представленія о химическихъ элементахъ. Разложить металлы, преобразовать ихъ и осуществить такимъ образомъ, идею о превращеніи веществъ, считавшуюся нѣкогда абсурдной—является въ настоящее время задачами, рѣшить которыя обязанъ химикъ».

Въ 1879 году Круксъ прочиталъ лекцію передъ британскимъ обществомъ въ Шеффильдѣ, въ которой утверждалъ, что въ явленіяхъ, происходящихъ въ трубкахъ большого разряженія, частицы образующія катодный токъ, не могутъ быть ни твердыми, ни жидкими, ни газообразными, что они состоятъ изъ какихъ-то особыхъ частицъ гораздо меньшихъ, чѣмъ атомы, являются пылью (fragments) матеріи, ультра-атомными тѣльцами, маленькими частицами, во много разъ меньше и легче атомовъ;—эти частицы представляютъ собою краеугольные камни, изъ которыхъ складываются атомы.

Вотъ слова, сказанныя мною почти четверть столѣтія тому назадъ, говоритъ Круксъ: «Мы дѣйствительно достигли пограничной области, гдѣ матерія и сила какъ бы сливаются другъ съ другомъ, достигли области существующей въ воображеніи и лежащей между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ. Я осмѣливаюсь предполагать, что величайшія научныя проблемы будущаго найдутъ свое разрѣшеніе именно въ этой пограничной области и даже за ней, гдѣ, какъ мнѣ кажется, лежитъ истина предѣльная, всеохватывающая и полная чудесъ».

Тотъ взглядъ, что наши химическіе элементы образованы изъ начальной субстанціи, развивался Круксомъ въ 1888 году въ Лондонскомъ химическомъ обществѣ, при обсужденіи теоріи о происхожденіи химическихъ элементовъ; тамъ Круксъ говорилъ «о безконечномъ числѣ неизмѣримо — малыхъ или, лучше сказать, самыхъ маленькихъ частичекъ, постепенно склопляющихся въ безформенный туманъ и движущихся съ непостижимой быстротой по всѣмъ направленіямъ». Онъ старался показать что въ настоящее время простые атомы могутъ и не быть такими же по своей природѣ, какими они были въ моментъ своего первоначальнаго зарожденія, старался показать, что первичныя движенія, дающія существованіе атому, могутъ постепенно измѣняться и вліять до нѣкоторой степени на вторичныя движенія, производящія явленія, которыя мы можемъ наблюдать, какъ-то, теплота, химическое дѣйствіе, электричество и т. д.; онъ доказывалъ вѣроятность того, что химическіе атомы не существуютъ вѣчно, но раздѣляютъ со всѣмъ остальнымъ міромъ свойства разрушенія и смерти.

Въ 1886 г. Круксъ, въ качествѣ предсѣдателя химической секціи британскаго общества, представилъ по вопросу объ изслѣдованіи происхожденія матеріи докладъ, рисующій постепенное образованіе изъ безформенной туманной массы—*протила* химическихъ элементовъ при помощи дѣйствія трехъ формъ энергіи—электричества, химическаго дѣйствія итемпературы. По этой гипотезѣ та стойкость химическихъ элементовъ которою они обладаютъ, есть результатъ ихъ борьбы за существованіе, какъ бы дарвиновское выживаніе болѣе стойкаго. Элементы съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ образуются первыми, затѣмъ слѣдуютъ элементы со среднимъ и наконецъ—съ наибольшимъ атомнымъ вѣсомъ, какъ напр., торъ и уранъ. «Что идетъ послѣ урана?» задавалъ вопросъ Круксъ и отвѣчалъ: «Результатомъ слѣдующей стадіи будетъ... образованіе сложныхъ тѣлъ, диссоціація которыхъ въ предѣлахъ силъ нашихъ земныхъ источниковъ тепла». Въ этой рѣчи Круксъ говорилъ также о разложеніи элементовъ. Менѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ это была только мечта, но теперь она быстро приближается къ полному осуществленію: радій диссоціируется активно и самопроизвольно.

Мы не станемъ слѣдовать за Круксомъ въ его изложеніи развитія электронной теоріи, такъ какъ нашъ читатель знакомъ съ этимъ вопросомъ изъ статьи проф. Ив. Ив. Боргмана, помѣщенной въ августовской книжкѣ «М. Б.», и остановимся только на разсужденіяхъ самого Крукса.

Въ 1891 г. Круксъ доказывалъ, что токъ катодныхъ лучей возлѣ отрицательнаго полюса всегда наэлектризованъ отрицательно, прочее же содержимое

трубки—положительно; «дѣленіе молекулъ на группы электроположительныя и электроотрицательныя,—прибавляетъ Круксъ,—является необходимостью для соотвѣтствующаго объясненія генезиса элементовъ». Въ сильно разрѣженной трубкѣ электроны направляются отъ отрицательнаго полюса къ положительному. Попадая на фосфоресцирующее тѣло, электроны возбуждаютъ колебанія, приблизительно 550 биллiоновъ разъ въ секунду, производя эѳирныя волны длиною около 5,75 десятимилліонныхъ миллиметра и вызывая въ глазу впечатлѣніе свѣтло-желтаго цвѣта. Однако, если электроны встрѣчаютъ на своемъ пути преграду изъ тяжелыхъ металловъ или какую-либо нефосфоресцирующую поверхность, то они производятъ эѳирныя волны съ гораздо большимъ числомъ колебаній въ единицу времени, чѣмъ свѣтъ; тогда они являются не непрерывными вибраціями, но, какъ показалъ Стоксъ, простыми толчками, отдѣльными импульсами, напоминающими скорѣе отдѣльные крики, чѣмъ музыкальные тоны.

Во время этой рѣчи Круксомъ былъ показанъ опытъ, который касался главнымъ образомъ диссоціаціи серебра на электроны и положительные атомы. Передъ полюсомъ изъ серебра былъ помѣщенъ экранъ изъ слюды съ отверстіемъ въ центрѣ. Трубка была большой степени разрѣженія и когда полюсы были соединены со спиралью Румкорфа и серебро было заряжено отрицательно, тогда электроны выдѣлялись изъ него во всѣ стороны и, проходя черезъ отверстіе въ слюдяной пластинкѣ, образовывали яркое фосфоресцирующее пятно на противоположной стѣнкѣ трубки. Непрерывное въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣйствіе спирали улетучивало нѣкоторое количество серебра; замѣтно было, какъ оно откладывалось на слюдяной пластинкѣ вблизи полюса, дальній же конецъ трубки, свѣтящійся подъ вліяніемъ электроновъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, былъ свободенъ отъ осѣвшаго серебра.

Здѣсь, слѣдовательно, говоритъ Круксъ, мы наблюдаемъ одновременно два явленія: 1) электронъ или лучистая матерія, отдѣляясь отъ отрицательнаго полюса, вызываютъ фосфоресценцію того мѣста стекла, на которое они устремляются, и 2) въ то же самое время тяжелые положительные іоны серебра, освободившись отъ отрицательныхъ электроновъ, точно также передвигаются подъ вліяніемъ электрической силы и осѣдаютъ въ видѣ металла вблизи полюса. Іоны металла, отложенные такимъ образомъ наэлектризованы всегда положительно.

Въ 1893, 1894 и 1895 годахъ появились работы Ленарда и Рентгена, а въ 1895 г.—Зеемана, въ 1896 работы Беккереля надъ радіоактивностью урана, наконецъ супруги Кюри открыли радій. Но на всѣхъ этихъ работахъ мы не станемъ останавливаться, такъ какъ читатели «Міра Божьяго» знакомы съ ними изъ нашего февральскаго «научнаго фельетона», а также изъ упомянутой выше статьи проф. И. И. Боргмана.

Радій, какъ намъ уже не разъ приходилось говорить, испускаетъ цѣлые потоки лучей и «эманацій». Хотя намъ уже приходилось говорить объ этихъ явленіяхъ, но все же считаемъ не лишнимъ дать характеристику ихъ словами Крукса, при этомъ только замѣтимъ, что Круксъ и «лучи», и «эманаціи» объединяетъ однимъ терминомъ—«эманаціи».

«Существуетъ три рода эманацій радія. *Первый* видъ—это то же, что и катодный токъ, отожествляемый въ настоящее время со свободными электронами, т.-е. атомами электричества, идентичными съ матеріей въ четвертомъ или ультра-газообразномъ состояніи, «саттелитами» («sattellites») Кэльвина, «тѣльцами» («corpuscles») или «частицами» («particles») Томсона, лоджевскими зарядами іоновъ, отдѣлившимися отъ тѣлъ, но сохраняющими свою индивидуальность и идентичность». Эти электроны — не эѳирныя волны, не какая-либо форма энергіи, но субстанція, обладающая инерціей, повидимому, электрической. Свободные электроны чрезвычайно легко проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла. Они оказываютъ вліяніе на электроскопъ въ то время, когда радій находится на разстояніи десяти или даже болѣе футовъ, и отпечатываются на фотографической пластинкѣ, проходя черезъ свинецъ толщиной въ 5 или 6 миллиметровъ и черезъ деревянныя или алюминіевыя пластинки въ нѣсколько дюймовъ толщиной. Черезъ вату они проходятъ нелегко. Электроны обладаютъ свойствами газа, болѣе похожи на облако пыли или туманъ, подвижны и разносятся вокругъ струею воздуха, которому на нѣкоторое время отдаютъ свою энергію, притягиваются тѣлами съ положительнымъ электричествомъ, теряя вслѣдствіе этого свою подвижность и разсѣиваются по стѣнкамъ сосуда въ томъ случаѣ, если сосудъ находится въ спокойномъ состояніи. Въ магнитномъ полѣ электроны отклоняются. Изъ радія они выдѣляются со скоростью около $^1/_{10}$ скорости свѣта, но постепенно, вслѣдствіе столкновеній съ атомами воздуха, они задерживаются, такъ что нѣкоторые изъ нихъ замедляютъ свое движеніе и становятся, такимъ образомъ, частицами, которыя нѣкогда были названы мною свободными, блуждающими частицами, послѣднія диффундируютъ въ воздухѣ и отдаютъ ему на нѣкоторое время присущую имъ энергію. Они могутъ отклоняться и собираться въ кучки, производя фосфоресценцію.

Второй видъ эманацій радія не подвергается дѣйствію магнитнаго поля средней силы и неспособенъ также проходить черезъ тонкія матеріальныя препятствія. Эти эманаціи обладаютъ энергіей приблизительно въ 1000 разъ болѣе предыдущихъ, состоящихъ изъ отклоняемыхъ частицъ. Они дѣлаютъ воздухъ хорошимъ проводникомъ и сильно дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Ихъ масса по сравненію съ электронами очень велика, и ихъ скорость при выдѣленіи изъ радія, вѣроятно, также велика, но они, вслѣдствіе своей значительной массы, менѣе отклоняются магнитомъ, легко задерживаются препятствіями и гораздо скорѣе останавливаются отъ столкновеній съ атомами воздуха. Стрэттъ первый подтвердилъ, что эти неотклоняемые лучи есть не что иное, какъ положительные іоны (катіоны), истекающіе въ видѣ потока изъ радіоактивныхъ тѣлъ.

Рутефордъ показалъ, что магнитное поле только очень значительной силы дѣйствуетъ на эти эманаціи слабо и въ противоположномъ направленіи, чѣмъ оно дѣйствуетъ на отрицательные электроны. Этимъ доказывается, что іоны суть тѣла заряженныя положительнымъ электричествомъ, двигающіяся съ большою скоростью. Рутефордъ, первый, измѣривъ ихъ скорость и массу по-

казываетъ, что они — іоны матеріи двигающіеся со скоростью, близкой къ скорости свѣта.

Наконецъ мы имѣемъ *третій* видъ эманацій радія. Кромѣ лучей, свободно проникающихъ черезъ непрозрачныя тѣла и отклоняемыхъ магнитомъ, существуютъ лучи обладающіе въ сильной степени первою способностью, но не отклоняемые магнитомъ. Послѣдніе лучи сопровождаютъ первые и вторые и суть рентгеновскіе лучи, т. е. колебанія, вызываемыя, какъ вторичныя явленія, вслѣдствіе внезапной задержки скорости движенія электроновъ твердыми тѣлами; при этомъ происходитъ рядъ стоксовскихъ толчковъ». Какъ мы видѣли послѣднія работы Стрэтта противъ того, чтобы эти лучи-γ—были совершенно тожественны съ рентгеновскими лучами.

О величинѣ электроновъ читатель могъ составить себѣ представленіе изъ статьи проф. Боргмана. Масса одного электрона по Томсону равна $^1/_{700}$ массы атома водорода или $3\times10-^{26}$ грамма, скорость его движенія 2×10^9 сантиметровъ въ секунду или $^2/_3$ скорости свѣта. Кинетическая энергія равна 10^{17} эрговъ или приблизительно $3^1/_2$ милліона тонно-футовъ. Тѣла заряженныя положительнымъ электричествомъ или іоны, какъ мы уже знаемъ изъ статьи проф. Боргмана, чрезвычайно велики сравнительно съ величиной электрона. Электроны, говоритъ Лоджъ, занимаютъ атомъ, какъ солдаты какую-нибудь мѣстность, т.-е. ничто не остается изолированнымъ, внѣ ихъ дѣйствія... Они дѣлаютъ атомъ непроницаемымъ; они передаютъ ему свои свойства, между прочимъ, химическія... Не надо думать, что электронъ остается неподвижнымъ въ атомѣ; электроны вращаются одинъ около другого съ громадной скоростью и такимъ образомъ атомъ является областью напряженной дѣятельности. Электроны не соединяются въ группы, хотя въ атомѣ водорода ихъ 1.000, въ атомѣ натрія отъ 20 до 30 тысячъ, въ атомѣ ртути до 100 тысячъ; они отдѣлены другъ отъ друга, какъ планеты въ солнечной системѣ... Они такъ малы, сравнительно съ раздѣляющими ихъ разстояніями, что столкновенія ихъ такъ же рѣдки, какъ и въ нашей системѣ и вообще въ небесныхъ сферахъ...»

Чрезвычайно незначительная величина электроновъ и ихъ разсѣянность въ атомѣ объясняетъ, по мнѣнію Крукса, легкость ихъ проникновенія. Въ то время, какъ болѣе массивные іоны при прохожденіи между атомами задерживаются взаимостолкновеніями и почти совсѣмъ не проникаютъ черезъ тончайшія пластинки, электроны, наоборотъ, не задерживаются и легко проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла.

Круксъ обращаетъ вниманіе еще на одно свойство эманацій радія. Если крупинки соли радія дѣйствуютъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на экранъ изъ сѣрнистаго цинка, то поверхность его тотчасъ же покрывается блестящими точками зеленаго цвѣта. Въ темной комнатѣ подъ микроскопомъ въ каждомъ пятнышкѣ мы наблюдаемъ тусклый центръ, окруженный широкимъ свѣтлымъ сіяніемъ. Снаружи этого сіянія темная поверхность экрана усѣяна свѣтлыми искорками. При этомъ никогда не наблюдается, чтобы на одномъ и томъ же мѣстѣ появлялись двѣ вспышки, но наоборотъ, искры разсѣиваются по поверхности экрана, появляясь и исчезая мгновенно, безъ переходныхъ стадій.

Если же помѣстить значительный кусочекъ соли радія вблизи экрана и изслѣдовать его поверхность при помощи карманной лупы, увеличивающей разъ въ 20, то будетъ видно, что искорки разсѣяны по всей поверхности экрана. Приближая радій ближе, мы замѣчаемъ, что количество болѣе яркихъ искръ все увеличивается и наконецъ искры такъ быстро одна за другой, что вся поверхность экрана уподобляется свѣтящемуся морю во время бури. Если мерцающихъ точекъ немного, то явленій фосфоресценціи не наблюдается, и вспыхивающія искорки являются «атомами чрезвычайно интенсивнаго свѣта», подобно звѣздамъ на темномъ небѣ. И то, что невооруженному глазу представляется въ видѣ однообразнаго «млечнаго пути», то при помощи увеличительнаго стекла превращается во множество звѣздъ, блестящихъ точекъ, покрывающихъ всю поверхность. Въ разрѣженномъ пространствѣ явленія мерцанія такъ же ярки, какъ и въ воздухѣ, и, будучи вызваны междуатомными движеніями, они не измѣняются и отъ крайне низкихъ температуръ: въ жидкомъ водородѣ они такъ же ярки, какъ и при обыкновенной температурѣ. Очень легко показать это сверканіе при помощи аппарата, состоящаго изъ мѣдной трубки, къ одному концу которой прикрѣпляютъ пластинку изъ цинковой обманки, съ кусочкомъ соли радія, помѣщеннымъ передъ ней на разстояніи около одного миллиметра и съ увеличительнымъ стекломъ на другомъ концѣ трубки.

Сосчитать число сверканій въ секунду очень трудно. Когда радій находится на разстояніи 5 сантиметровъ отъ пластинки, то сверканія едва замѣтны: не болѣе одного или двухъ въ секунду. Если уменьшать разстояніе радія отъ пластинки, то сверканія становятся болѣе частыми и на разстояніи 1—2 сантиметровъ они уже такъ многочисленны, что сосчитать ихъ невозможно, хотя очевидно, что величина эта не безконечно велика.

Это сверканіе на экранѣ, вызванное радіемъ, или полоніемъ, обусловливается именно тѣми эманаціями, которыя не проходятъ черезъ картонъ.

Весьма вѣроятно, говоритъ Круксъ, что въ этихъ явленіяхъ мы дѣйствительно наблюдаемъ бомбардировку экрана положительными іонами, выбрасываемыми радіемъ со скоростью свѣта. Каждая частица становится видимой лишь благодаря громадному количеству волнъ, производимыхъ ея ударомъ о чувствительную поверхность, подобно тому, какъ отдѣльныя капли дождя, падая на спокойную поверхность воды, не видны, какъ таковыя, но вслѣдствіе паденія они, производя ударъ, вызываютъ рябь и волны, расходящіяся концентрическими кругами.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Крукса, химическій атомъ, въ данномъ случаѣ атомъ радіоактивнаго вещества, дѣйствительно можетъ разлагаться, но съ такою медлительностью, что за столѣтіе вѣсъ тѣла уменьшился бы на одинъ миллиграммъ.

Эта атомная диссоціація проявляется, по мнѣнію Крукса, всюду: и при треніи куска стекла шелкомъ, и въ солнечномъ свѣтѣ, и въ капляхъ дождя, и въ молніи, и въ пламени, и въ водопадѣ, и въ бурномъ морѣ...

Читатели, просматривавшіе нашъ февральскій фельетонъ «О радіоактивности

матеріи», помнятъ, что первый, кто не только высказалъ, но и обосновалъ опытами мысль, что радіоактивность есть свойство не исключительное, а присущее всѣмъ видамъ матеріи, былъ французскій ученый *Густавъ Лебонъ*. Въ послѣднихъ трехъ номерахъ «Revue Scientifique» онъ дѣлаетъ теоретическіе выводы и обобщенія изъ того богатаго опытнаго матеріала, который накопился по вопросу о радіоактивности.

Между прочимъ, Лебонъ разсказываетъ, какъ трудно было ему вначалѣ добиться напечатанія своихъ работъ въ научныхъ журналахъ, такъкакъ выводы его о всеобщности явленій радіоактивности казались патентованнымъ ученымъ ересью. И только, когда вслѣдъ за Лебономъ, много позже, Стрэтъ, Клэнанъ и Бэртонъ обнаружили радіоактивность у обыкновенныхъ тѣлъ, подверженныхъ различнымъ воздѣйствіямъ, когда Эльстеръ и Гейтель обнаружили ее въ воздухѣ погребовъ, въ землѣ, а Вильсонъ—въ дождѣ, снѣгѣ и пр., тогда стали замѣчать и работы Густава Лебона. Старая, печальная исторія.

Въ своеобразныхъ, но всегда одинаковыхъ, радіоактивныхъ истеченіяхъ, выдѣляемыхъ всѣми тѣлами подъ вліяніемъ какъ различныхъ воздѣйствій, такъ и произвольно, Лебонъ видитъ свойства промежуточныя между матеріей и эѳиромъ, какъ бы переходы отъ невѣсомаго къ вѣсомому, а причиной выдѣленія этихъ потоковъ, этихъ эманацій, считаетъ существованіе особой *внутриатомной энергіи*, своей колосальной величиной превосходящей всѣ остальныя до сихъ поръ намъ извѣстныя. Мы умѣемъ освобождать только незначительныя количества этой энергіи, но еслибъ, напр., воспользоваться цѣликомъ всей внутриатомной энергіей, заключенной въ 1 граммѣ какого-либо вещества, то мы смогли бы произвести работу, равную той, которая получается при сожиганіи многихъ милліоновъ тоннъ угля.

На основаніи опытовъ и теоретическихъ разсужденій Лебонъ стремится доказать, что: 1) матерія, считавшаяся неразрушимой (законъ вѣчности матеріи), медленно исчезаетъ, благодаря непрерывному разложенію составляющихъ ее атомовъ. 2) Продукты разложенія атомовъ образуютъ вещество, промежуточное по своимъ свойствамъ между тѣлами вѣсомыми и невѣсомымъ эѳиромъ. 3) Матерія, считавшаяся раньше инертной, могущей возстановлять только ту энергію, которая была ей раньше сообщена, наоборотъ, является колоссальнымъ резервуаромъ силъ, которыя она можетъ расходовать, ничего не получая извнѣ.

Прежде всего Лебонъ отмѣчаетъ, что всѣ радіоактивные потоки, эманаціи—идентичны, какъ бы различны ни были тѣла ихъ испускающія и способы, примѣненные въ томъ или другомъ случаѣ. Будетъ ли это самопроизвольное истеченіе радія, или истеченія, испускаемыя какимъ-либо металломъ, подъ вліяніемъ свѣтового воздѣйствія, или, наконецъ, лучи, исходящіе изъ трубки Крукса, выдѣляемыя частицы имѣютъ всегда одинаковыя свойства. Поэтому и происхожденіе энергіи, производящей эти эффекты, должно быть во всѣхъ этихъ случаяхъ одно и то же. А такъ какъ, съ другой стороны, энергія, необходимая для того, чтобы сообщить выдѣляющимся радіоактивнымъ частицамъ свойственную имъ колоссальную скорость, превосходитъ все то, что мы можемъ получить при помощи различныхъ извѣстныхъ намъ силъ,—то, гово-

ритъ Лебонъ, ясно, что только въ самой матеріи мы можемъ искать источникъ этой энергіи: энергія эта выдѣляется, благодаря внутриатомнымъ реакціямъ, существенно отличающимся отъ тѣхъ междуатомныхъ реакцій, которыми занимается химія. Она отличается, во-первыхъ, своею необычайною силою, во-вторыхъ, самымъ широкимъ распространеніемъ: въ потенціальномъ видѣ она находится въ каждой частицѣ вѣсомой матеріи.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ свойствъ этой внутриатомной энергіи является способность ея развивать электричество въ тѣлахъ, подвергающихся ея дѣйствію; развивающееся при этомъ электричество пріобрѣтаетъ совершенно особыя свойства, напр., способность вызывать образованіе х-лучей и проникать черезъ металлическія тѣла, соединенныя съ землею. Но, задастъ риторическій вопросъ Лебонъ, разъ такой электрическій атомъ — электронъ отличается по своимъ свойствамъ отъ обычнаго электричества, то почему придавать ему это опредѣленіе — «электрическій»? Вѣдь такъ же, какъ радіоактивныя частицы, развиваютъ электричество и теплота, и треніе, и т. п., но никому не приходитъ въ голову называть эти производящія причины также электричествомъ. Для Лебона такой электрическій атомъ просто одна изъ первыхъ стадій превращенія внутриатомной энергіи. «Мы не знаемъ еще,— говоритъ Лебонъ,—всѣхъ возможныхъ превращеній этой новой энергіи, но мы знаемъ, что она происходитъ изъ матеріи, такъ какъ безъ послѣдней мы не можемъ ее произвести, но разъ образовавшись, это уже не матерія, такъ такъ она потеряла всѣ характерныя свойства послѣдней и никакими способами не можетъ снова превратиться въ нее. Происхожденіе этой совершенно новой для современной науки энергіи не совсѣмъ необходимо, если допустить, что сгущенія туманности было достаточно для появленія столь высокой температуры нашего солнца; аналогичное сгущеніе эѳира могло бы скопить энергіи, заключенныя въ атомахъ.

Какова же величина этой внутриатомной энергіи? Возьмемъ среднюю скорость движенія отдѣлившейся частицы радіоактивнаго вещества равной 100.000 километрамъ въ секунду, тогда энергія, которая получится отъ разложенія одного грамма какого-нибудь вещества, будетъ, по вычисленіямъ Лебона, равна 800 милліонамъ лошадиныхъ силъ; такую энергію можетъ развить только 2.830.000 килограммовъ угля. Другіе ученые приходятъ къ меньшимъ, но все же колоссальнымъ цифрамъ; такъ, Рутерфордъ вычисляетъ, что внутриатомное разложеніе одного грамма радія разовьетъ энергію, равную 5.666.666 лошадиныхъ силъ. Этотъ американскій физикъ также считаетъ весьма вѣроятнымъ, что такая колоссальная внутриатомная энергія не является исключительнымъ свойствомъ радія, а общa для всѣхъ безъ исключенія веществъ.

Такимъ образомъ во всякой частицѣ вещества мы имѣемъ колоссальные запасы энергіи и одной изъ самыхъ важныхъ проблемъ будущаго является— найти простые способы освобождать и пользоваться этой энергіей.

Тотъ фактъ, что каждый атомъ есть какъ бы резервуаръ энергіи приводитъ Лебона къ гипотезѣ, что и сама матерія есть только энергія какъ-бы сконцентрированная, принявшая особый видъ, обусловливающій то, что мы мзовемъ вѣсомъ, формой и постоянствомъ.

По мнѣнію Лебона самопроизвольное превращеніе матеріи въ энергію, которое мы наблюдаемъ во всѣхъ явленіяхъ радіоактивности, столь противорѣчащее современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, становится понятнымъ если принять упомянутое выше опредѣленіе матеріи, какъ резервуара энергіи, которую она можетъ частично терять.

Но что же представляютъ собою эти потоки, эти эманаціи? Дж. Дж. Томсонъ показалъ, что продукты этого внутриатомнаго разложенія вещества, будь то катодные лучи, будь то истеченія радіоактивныхъ веществъ одинаковы, каково бы ни было разлагающееся вещество: электрическій зарядъ и масса были всегда одни и тѣ же; слѣдовательно различныя тѣла состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ, уже не владѣющихъ свойствами тѣхъ веществъ, изъ которыхъ они образовались. Эти факты приводятъ Густава Лебона къ предположенію, что въ явленіяхъ радіоктивности матерія превращается въ нѣчто, что уже нельзя считать обыкновенной матеріей, такъ какъ ни одно свойство ея не сохранилось—это такъ называемые электроны—«тѣла», не имѣющія вѣса и имѣющія сходство съ матеріей только въ одномъ—въ инерціи. Мы уже знаемъ изъ статьи проф. И. Боргмана «Основы электронной теоріи», что, дѣйствительно, нематеріальность электроновъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ, потоки частицъ, отдѣляющихся отъ матеріи въ явленіяхъ радіоктивности, состоятъ изъ особыхъ нематеріальныхъ частицъ, которымъ теперь даютъ названіе электроновъ, и которыя Лебонъ считаетъ какъ бы переходной формой между вѣсомой матеріей и эѳиромъ. Такъ, по мнѣнію этого ученаго, совершается переходъ отъ вѣсомаго къ невѣсомому—отъ матеріи къ энергіи.

Лебонъ уже давно, въ самомъ началѣ своихъ изслѣдованій о радіоктивности высказывалъ мнѣніе, что въ основѣ этихъ явленій лежатъ особыя химическія реакціи, аналогичныя тѣмъ, которыя происходятъ при фосфоресценціи. Эти реакціи происходятъ между тѣлами, изъ которыхъ одно, находящееся въ ничтожномъ сравнительно съ другимъ, количествѣ, дѣйствуетъ, вѣроятно тѣмъ, что начинаетъ разложеніе. Такъ напр. сѣрнокислый хининъ не радіоактивенъ самъ по себѣ, но если его высушить, а затѣмъ снова подвергнуть гидратаціи, то въ теченіе этого послѣдняго процесса онъ становится радіоактивнымъ. Ртуть и олово проявляютъ только слѣды радіоактивности, но если къ одному изъ этихъ металловъ прибавить самое незначительное количество другого, то радіоактивноссь ихъ становится крайне интенсивной. Тотъ же взглядъ, что радіоактивность является слѣдствіемъ особаго химическаго процесса высказывали и другіе ученые, наприм. Рутефордъ. «Радіоактивность, говоритъ онъ, появляется, благодаря послѣдовательному ряду химическихъ измѣненій, во время которыхъ непрерывно образуются новые типы радіоактивнаго вещества. Это—процесъ равновѣсія, когда новое образованіе радіоактивности уравновѣшивается потерей уже образованной радіоактивности. Радіоактивность поддерживаетъ непрерывнымъ воспроизведеніемъ новыхъ количествъ вещества, владѣющаго временною радіоактивности. Радіоактивное тѣло—этимъ самымъ—есть тѣло, которое измѣняется. Это измѣненіе необходимымъ образомъ является атомнымъ разложеніемъ. Атомы, которые потеряли что нибудь этимъ самымъ являются новыми атомами».

Изъ приведеннаго выше примѣра ртути и олова и многихъ другихъ имъ подобныхъ, когда радіоактивность увеличивалась въ громадной степени при прибавленіи ничтожныхъ количествъ посторонняго вещества, Лебонъ дѣлаетъ заключеніе, что причины, производящія атомную диссоціацію, часто ничтожны. Какъ они дѣйствуютъ? Мы совершенно не знаемъ. Нѣкоторые металлы становятся сильно радіоактивными подъ вліяніемъ лучей опредѣленной длины волны, а лучи очень близкой длины волнъ не оказываютъ никакого вліянія на радіоактивность этихъ металловъ. Явленіе, сходное съ явленіями резонанса.

Что же происходитъ съ элементами, отдѣлившимися отъ атома и потерявшими, какъ мы видимъ выше, матеріальный характеръ? Опытъ намъ показываетъ только одно, говоритъ Лебонъ, что эти элементы не превращаются въ матерію, изъ которой они произошли. Но неужели они вѣчно сохраняютъ свою индивидуальность? Лебонъ высказываетъ гипотезу, что эти электроны, истративъ запасъ своей энергіи, превращаются въ эѳиръ. Такимъ образомъ Лебонъ предполагаетъ существованіе слѣдующихъ четырехъ послѣдовательныхъ стадій существованія матеріи. Первая—это эѳиръ. Вторая—представлена вѣсомой матеріей, атомы которой являются только конденсированной энергіей особаго вида, обусловливающаго форму, вѣсъ и неизмѣняемость. Третья стадія, съ которой начинается диссоціація матеріи, представлена электрическимъ атомомъ—электрономъ, промежуточнымъ веществомъ между вѣсомой матеріей и эѳиромъ, потерявшимъ вѣсъ и владѣющимъ измѣняющейся инерціей. Четвертая и послѣдняя стадія существованія матеріи—это та, когда электронъ теряетъ свою индивидуальность и сливается съ эѳиромъ.

Воззрѣнія Крукса, Лоджа, Лебона и другихъ ученыхъ, съ которыми мы познакомили въ главныхъ чертахъ нашего читателя, только подтверждаютъ мысль, высказаннуюнами въ февралѣ текущаго года, что изученіе радіоактивности поведетъ къ установленію постепенныхъ переходовъ между вѣсомой матеріей и эѳиромъ икъ слитію символовъ «матерія» и «энергія» въ еще болѣе широкомъ обобщеніи. И теперь съ еще большей увѣренностью можно сказать: мы наканунѣ такого обобщенія.

В. Агафоновъ.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**

AK-240044

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.12
no.11
Nov.1903

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.12
no.11
Nov.1903
THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
55015631